САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. Г. АЛЕКСЕЕВ

ПОХОДЫ РУССКИХ ВОЙСК ПРИ ИВАНЕ III

Второе издание



ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 63.3(2)44
А47

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета

Алексеев Ю. Г.
А47 Походы русских войск при Иване III. 2-е изд. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. — 464 с.
ISBN 978-5-288-04840-1

В книге впервые подробно описаны все военные походы Ивана III 1460–1500-х гг. Автор, доктор исторических наук Ю. Г. Алексеев, неоднократно обращался к этой теме, и предлагаемая книга — своего рода итог многолетнего изучения летописных источников и обширной критической литературы. Военные действия освещаются с точки зрения стратегических замыслов и оперативно-тактических действий на южных, западных и восточных рубежах формирующегося единого Российского государства. Рассматривается и знаменитое «Стояние на Угре». Показаны становление системы формирования и управления войсками, роль верховного командования и руководства отдельными воинскими соединениями.

Книга снабжена указателями имен и географических названий, а также картой театров военных действий.

Издание адресовано всем интересующимся русской историей и военным прошлым России.

ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-288-04840-1

ВВЕДЕНИЕ

Военные проблемы истории создания единого Российского государства при Иване III, в частности боевая деятельность войск, почти не подвергались специальному исследованию.

Дореволюционная историография рассматривала эти проблемы в общем контексте истории России, не уделяя им специального внимания (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев и др.). Исключение составляют труды Г. Ф. Карпова[1] и особенно А. Е. Преснякова,[2] в которых рассмотрено стояние на Угре в 1480 г.

В советской историографии К. В. Базилевич в своей монографии, посвященной внешней политике Ивана III, исследовал такие проблемы, как «Стояние на Угре», Свейская война 1495–1497 гг., война с Литвой и Орденом 1500–1503 гг.[3] Н. А. Казакова в исследовании о русско-ливонских и русско-ганзейских отношениях уделила внимание войнам с Орденом в 1481 и 1501–1503 гг.[4] А. А. Зимин рассматривал события войны 1500–1503 гг.[5] Этой же войны коснулся и С. М. Каштанов.[6]

Военные историки уделяют эпохе Ивана III гораздо меньше внимания, чем, например, Куликовской битве или эпохе Ивана IV. Н. С. Голицын ограничился общим обзором военных событий при Иване III, не

[1] *Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462–1508. М., 1867.

[2] *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 280–290.

[3] *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

[4] *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.

[5] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV — XVI столетий. М., 1982.

[6] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России. Конец XV — первая половина XVI в. М., 1967.

подвергнув их специальному анализу.[7] А. К. Баиов, признавая в принципе важность изучения истории русского военного искусства, подверг специальному изучению только Шелонский поход 1471 г.[8]

В обобщающем труде Е. А. Разина прослежены некоторые вопросы:

— поход на Новгород в 1471 г. и Шелонская битва;[9]

— война с Литвой 1492–1493 гг.;[10]

— война 1500–1503 гг. с Литвой и Ливонией, битва на Ведроше и бой у оз. Смолина. Но такому событию, как победа («Стояние») на Угре, уделено всего несколько строк, а многолетняя война с Казанью и Свейская война 1495–1497 гг. не упомянуты вовсе.

В. В. Каргалов подробно рассмотрел «Стояние на Угре» и сделал ряд интересных наблюдений и выводов, но событий на других стратегических направлениях не затронул.[11]

В. А. Волков последовательно рассмотрел военные действия на всех направлениях, но только после 1480 г.[12]

В новейшем обобщающем труде Института военной истории Министерства обороны РФ времени Ивана III посвящены три страницы, на которых дается общая характеристика стратегии Ивана III и упоминаются некоторые события (Ведроша, Угра), но без их конкретного анализа.[13]

Предлагаемая работа — попытка проследить реальный ход боевых действий, формы руководства войсками, основные стратегические идеи военно-политического руководства страны (т. е. верховного главнокомандования).

Основными источниками для поиска ответа на эти вопросы служат летописи и разрядные записи.

Летописный материал хорошо изучен в отечественной науке с источниковедческой, главным образом текстологической, точки зрения. Для предлагаемой работы наибольший интерес представляет не столько соотношение летописных текстов между собой, сколько их первоисточники. С этой точки зрения я пытался выделить первоисточники

---

[7] *Голицын Н. С.* Русская военная история. СПб., 1878. Ч. II. С. 67–95.

[8] *Баиов А. К.* Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 г. 14 июля. Пг., 1915.

[9] *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957. С. 312–325.

[10] Там же. С. 301.

[11] *Каргалов В. В.* На границе Руси стоять крепко. М., 1998.

[12] *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004.

[13] История военной стратегии России / Под ред. генерал-майора В. А. Золотарева. М., 2000. С. 37–40.

документального и нарративного характера, имея при этом в виду, что грань между ними в реальных текстах провести не всегда удается.

Разрядные записи также тщательно изучались и изучаются отечественными источниковедами. В работе использованы разрядные записи, дошедшие в составе опубликованных разрядных книг 1598 и 1605 гг.

На протяжении рассматриваемого хронологического периода круг источников постепенно расширяется, характер их меняется, меняется и соотношение между ними. Можно отметить, что все большую роль играют разрядные записи, которые все сильнее влияют на летописные тексты. Уникальным источником является походный дневник великого князя, частично отразившийся в официозной великокняжеской летописи.

Изменение состава и характера источников само по себе является важным источником, свидетельством определенных исторических процессов, имеющих прямое отношение к рассматриваемым сюжетам. Анализ эволюции источников — основная источниковедческая проблема, стоящая перед автором предлагаемого исследования.

В силу специфики материалов и задач исследования первоочередное внимание уделяется самому ходу боевых действий, т. е. конечному результату деятельности всей военной системы в целом. Анализ хода боевых действий может дать возможность проследить в какой-то мере нити управления, движущие пружины боевой деятельности, т. е. перейти от видимых следствий к невидимым причинам, от результатов — к порождающим их условиям. По мере развития корпуса источников эти возможности будут расширяться, но в любом случае наши построения и заключения будут с необходимостью носить в значительной мере характер более или менее правдоподобных гипотез, а не незыблемых истин в последней инстанции.

Тесная связь стратегии с политикой — общепринятая аксиома. Следствие этой неразрывной связи — сосредоточение политического и стратегического руководства в одних руках, что в той или иной форме наблюдается во всех больших войнах и фактически приводит к появлению института верховного командования.

В малых войнах Средневековья этот институт воплощается в лице князя, который является и политическим, и стратегическим, а как правило, и тактическим руководителем на поле боя.

По мере развития политической системы средневекового государства, роста государственной территории и масштабов военных действий неизбежно наступает момент, когда тактическое и стратегиче-

ское руководство разделяется. Тут-то и появляется институт главного командования, несущего функции стратегического руководства вне поля сражения. При наличии нескольких стратегических направлений главное командование превращается в верховное командование, а соединяя в своем лице все функции политического и военного руководства — в верховное главнокомандование (ВГК). Как правило, эти функции осуществляет глава государства, при котором с необходимостью создается соответствующий аппарат управления.[14]

Представляется важным проследить, когда в процессе складывания Российского государства, идущего на смену великому княжеству Московскому, возникает это новое явление, означающее важный рубеж в развитии политической и военной системы нашей страны. Одна из главных задач предлагаемой работы — поиск ответа на этот вопрос.

Вопросы, не имеющие непосредственного отношения к походам русских войск, не являются предметом исследования в предлагаемой книге и затрагиваются только по мере необходимости.

Вне рамок исследования остаются такие важные сюжеты, как развитие социально-экономической и социально-политической инфраструктуры, эволюция военной техники, сравнительный анализ русского и западноевропейского военного искусства и т. п.

Благодарю всех, кто принимал участие в создании этой книги.

Игорь Яковлевич Фроянов открыл мне двери исторического факультета, в стенах которого книга родилась. Мои друзья, товарищи, ученики, члены моей семьи помогали добрым отношением и советами.

Константин Васильевич Петров помог ознакомиться с новой литературой. Андрей Владимирович Каликин оформил географический материал. Сергей Витальевич Стрельников помог составить географический указатель.

Вся многотрудная работа по технической подготовке текста легла на плечи неизменной труженицы и помощницы Светланы Юрьевны Завельской. Книга не могла бы появиться без дружеской поддержки Андрея Юрьевича Дворниченко.

Всем им — низкий поклон.

[14] История военной стратегии России. С. 37.

Глава I

ПОХОДЫ 1460-х ГОДОВ

ПОХОД 1462 г.

Поход 1462 г. на Черемису и Пермь был известен еще со времени опубликования Архангелогородского летописца,[1] но внимания историков не привлекал.[2] На фоне позднейших крупных внешнеполитических и военных предприятий Ивана III он казался незначительным эпизодом, не вызывающим интереса. Однако в истории нет мелочей, которыми можно было бы пренебречь и которые не вписывались бы как необходимые элементы в общую канву исторического процесса.

Уст. летопись под 1462 (6970) годом после рассказа о кончине и погребении великого князя Василия Васильевича[3] сообщает: «Того же лета посылал князь великий Иван Васильевич рать на Черемису: воевод своих Бориса Кожанова да Бориса Слепаго. А с ними устюжане, да вологжане, да галичане. А шли воеводы мимо Устюга к Вятке, по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь. Того же лета рать черемисская с татары казаньскими приходили на Устюжъский уезд, на верх Югу реки, на волость на Лоху, повоивали, в полон повели много руских голов. А устюжане ходили за ними в погоню; сугнав их, побили всех, а полон назад отполонили весь».[4]

---

[1] *Летопись*, содержащая в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года, т. е. по кончину царя и великого князя Федора Иоанновича. М., 1781.

[2] Н. М. Карамзин поместил это известие в примечаниях к VI тому своей истории без каких-либо комментариев (*Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. VI. М., 1998. С. 228. Примеч. 15).

[3] ПСРЛ. Т. 37. С. 90. — Этот рассказ включает оригинальное известие: «Сам великий князь Василей Васильевичь Темный созва всех князей именных, и боляр, и воевод, и боярских детей, и митрополита Феодосия, и благослови детей своих, и утвердив златопечатными граматами; и целовав великую княгиню и детей своих, и князей, и боляр, и от митрополита Феодосия прият благословение и прощение...» Этих слов нет в московских летописях, носящих официозный характер.

[4] Там же. — Список Мацеевича приводит это известие в сокращенном виде (ПСРЛ. Т. 37. С. 46).

Это — первое известие о военных событиях времени великокняжения Ивана III, и уже в этом смысле оно заслуживает внимания.

Прежде всего необходимо установить степень достоверности рассказа Уст. летописи. Рассказ уникален — никаких упоминаний об этих событиях в других летописях нет. Однако Тип. летопись под тем же годом отмечает: «Того же лета Иона, епископ Пермский, крести Великую Пермь и князи их, и церкви постави, и игумены, и попы».[5]

Это известие также уникально — его нет в московских летописях.

Известие Тип. летописи о крещении Великой Перми в какой-то мере связано по смыслу с сообщением Уст. о походе великокняжеских воевод, что косвенно подтверждает правдоподобие обоих известий.

При оценке степени достоверности известия необходимо учитывать особенности Уст. летописи. Она неоднократно подвергалась текстологическому изучению.[6] Новейший исследователь отметил, что она весьма своеобразна, не находит близких аналогий в других летописях и что одним из возможных ее источников был Северо-Русский (Кирилло-Белозерский) свод 70-х гг. XV в.[7]

Общерусские известия Уст. летопись нередко дает в собственной редакции (что частично отмечено исследователями). Особое значение имеют собственные устюжские известия, отмечаемые с 1218 г. К их числу относятся и сообщения о походах устюжан, и, в частности, рассматриваемый нами текст 1462 г.

Известие 1462 г. содержит важные реалии.

Первая из них: «...посылал князь великий Иван Васильевич рать на Черемису воевод своих...»

Кто такие эти воеводы?

Имя Бориса Кожанова в других источниках пока обнаружить не удалось.[8] Предок Бориса Слепца — Захарий Тютчев — упоминается в Повести о Мамаевом побоище как «уноша от двора» великого князя «доволен смыслом», отправленный на переговоры.[9] Сам Борис Матвеев Слепец сын Тютчева 10 ноября 1462 г. (вернувшись, очевидно, из похода) дал митрополиту Феодосию грамоту с обязательством не от-

[5] ПСРЛ. Т. 24. С. 185.

[6] *Сербина К. Н.* Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985.

[7] *Лурье Я. С.* Летопись Устюжская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 67.

[8] Единственное исключение — упоминание в рязанском акте начала XVI в. какой-то княгини Василисы, «княже Борисовой Федорович Кожанова» (АСВР. Т. III. № 368. С. 389), но этот «князь» (если это не ошибка переписчика XVII в.) не может иметь отношения к летописному персонажу 1462 г.

[9] ПСРЛ. Т. 26. С. 129.

чуждать пожалованные ему митрополитом земли в Суздальском уезде.[10] В 1471 г. по приказу великого князя он ходил с вятчанами в поход на Двину и участвовал в битве с новгородцами в устье Шиленги,[11] в дальнейшем был наместником, или волостелем, у Большой Соли в Костромском уезде.[12] Таким образом, по крайней мере, один из воевод похода 1462 г. — представитель видного служилого рода, вероятно, связанный с Двором великого князя (в Тетради Дворовой XVI в. Тютчевы — дворовые дети боярские по Дмитрову, Кашину и Суздалю).[13]

Назначение такого воеводы — свидетельство серьезного внимания, уделяемого великим князем походу 1462 г. Поход на Черемису — акция великокняжеской власти, имеющая не частное, но государственное значение. С воеводами великого князя идут «устюжане, да вологжане, да галичане».

Походы устюжан упоминаются в летописях неоднократно. Первый такой поход отмечен под 1219 г.: «Князь великий Юрий Всеволодичь посла брата своего Святослава на безбожные Болгары... и братаничь его князь Василько Константиновичь посла воеводу своего со своими Ростовцы и с Юстюжане в помощь... Святослав... ста на усть Камы, и ту прииде к нему Воислав Добрыничь и Ростовцы и Устюжане со множеством полона... те бо отпущены бяху преже еще вниз воевати по Каме...»[14]

Таким образом, в 1219 г. устюжане вместе с ростовцами идут в поход по призыву ростовского князя и с его воеводой во главе. Это речной, судовой поход.

В 1386 г. «устюжская рать» принимала участие в зимнем походе Дмитрия Донского на Новгород.[15] Это, очевидно, поход сухим путем.

В 1390 г. устюжане вместе с новгородцами «вышед в насадях и ушкуях», совершили поход на Болгар и взяли Жукотин.[16]

В 1401 г. устюжане по велению великого князя Василия Дмитриевича идут в поход на Двинскую землю,[17] тоже, очевидно, на судах.

В 1417 г. устюжане участвуют в походе воевод князя Юрия Дмит-

---

[10] АФЗХ. Ч. 1. №160. С. 142.

[11] ПСРЛ. Т. 25. С. 290.

[12] В 1485 г. «доложа Бориса Матфеевича Слепца... Матрена Сабурова дала в Троицкий Сергиев монастырь половину своей варница» (АСВР. Т. 1. №515. С. 389–390).

[13] ТК ДТ. С. 414.

[14] ПСРЛ. Т. 10. С. 83, 85.

[15] ПСРЛ. Т. 4/1. С. 345.

[16] ПСРЛ. Т. 28. С. 86.

[17] ПСРЛ. Т. 37. С. 81.

риевича (посланных по распоряжению великого князя) на Заволоцкую (т. е. Двинскую) землю.[18]

В 1425 г. устюжане «повоевали землю Заволоцкую».[19]

В 1459 г. устюжане идут в поход на Вятку с войсками великокняжеского воеводы князя Ивана Юрьевича Патрикеева.[20]

Летописные известия дают возможность установить две разновидности походов — с княжескими воеводами и без них. К первой разновидности относятся походы 1219, 1386, 1401, 1417, 1459 гг. Это походы, предпринимаемые по распоряжению княжеской власти. Ко второй — походы 1390 и 1425 гг.

В поход 1462 г., как и три года назад, устюжане идут во главе с воеводами великого князя, но не против русских людей — православных вятчан, а на иноплеменников — язычников.

Кто же такие эти «устюжане»?

Упоминаемый в летописи начала XIII в.[21] Устюг тянул сначала к Ростову, а с 60-х гг. XIV в. — к Москве. Несмотря на долголетнюю связь с княжескими центрами, военно-служилое землевладение на Устюге, видимо, не сложилось. Одной из причин этого были, вероятно, природные условия лесистого края, малопригодные для развития пашенного хозяйства.[22] Основную роль в Устюжском крае играло, по-видимому, промыслово-охотничье хозяйство, что консервировало старинные общинные отношения.

Устюг никогда не был самостоятельным княжеским центром. Феодальное землевладение на Устюге почти не упоминается в источниках. В своих духовных грамотах великий князь Василий Дмитриевич говорил о селах и деревнях, приобретенных в непосредственной близости от Устюга.[23] Прежние владельцы этих сел — боярин Федор Свибло и служилые люди Тутолмины, владевшие землями в Переяславском уезде и Пошехонье.[24]

Великий князь Василий Васильевич завещает своей вдове к ее куп-

---

[18] ПСРЛ. Т. 4/1. С. 416; Т. 37. С. 83; Т. 26. С. 180.

[19] ПСРЛ. Т. 4/2. С. 432; Т. 37. С. 84.

[20] ПСРЛ. Т. 37. С. 90.

[21] *Давыдов В. Н.* Присоединение Коми-края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977. С. 21. — В Вологодско-Вымской летописи под 1212 годом говорится о закладке града и детинца князем Константином Всеволодовичем (*Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967).

[22] По словам Герберштейна, хлеб здесь редок, «его почти нет» (*Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 155).

[23] ДДГ. № 21. С. 58.

[24] Там же. № 61. С. 196.

лям Левонтьевскому, Пятницкому и Вондокурье «свои села» Машенское и Дымкову сторону с «присельем». Судя по карте, Пятницкое поселение на Сухоне — в непосредственной близости от Устюга, Вондокурье — тоже на Сухоне, примерно в 40 км ниже Устюга. По-видимому, это приречные промысловые села, ставшие дворцовыми землями. О служилых людях, устюжанах, сведений в источниках нет: ни в разрядах, ни в летописях. Можно сделать вывод, что сколько-нибудь значительного служилого землевладения на Устюге не было. О характере тамошней местности говорит более поздняя (1517) жалованная грамота великого князя Василия Ивановича троим братьям Лукиным и Ромашке Фролову на «лес дикий старый, липовое раменье „в Вондокурской волости с правом"» лес сечь, и дворы ставить».[25]

Однако сами «устюжане» как таковые проявляют большую активность. Об этом свидетельствуют как местные, так и общерусские летописи. Так, Уст. летопись под 1262 годом упоминает вече, на котором устюжанам «добил челом» ясащик Буга, которому угрожала расправа.[26] Легендарные детали известия не исключают достоверности основного факта — дееспособности и активности устюжской вечевой общины. Когда в 1398 г. на Устюг напали новгородцы, осадили город и потребовали откупа — «копейщины», они имели дело с «устюжанами», а не с княжеской администрацией. В апреле 1446 г. Устюг подвергается нападению казанских татар — устюжане отбиваются самостоятельно, без участия княжеских воевод (во всяком случае, последние не упоминаются, что может свидетельствовать об их отсутствии или незначительной роли в обороне города).[27] Устюжане были втянуты и в межкняжеские усобицы. Они оборонялись в 1435 г.[28] от Василия Косого, но против Шемяки в 1450 г. «щита не держали».[29]

Все это свидетельствует о большой жизнеспособности и активности устюжской городской общины. Именно она, по-видимому, была инициатором тех походов устюжан, в которых не упоминаются княжеские воеводы, а в походах княжеских воевод она была организатором земского ополчения. Итак, «устюжане» похода 1462 г. — это, скорее всего, земские люди, поднятые по призыву великого князя.

Второй частью войска, идущей в поход 1462 г., являются «вологжане». Как и Устюг, Вологда не имела собственной княжеской тра-

[25] ААЭ. Т. 1. № 163.
[26] ПСРЛ. Т. 37. С. 70.
[27] Там же. С. 87–88.
[28] ПСРЛ. Т. 26. С. 191.
[29] ПСРЛ. Т. 37. С. 88.

диции. Еще во второй четверти XV в. она была пограничным спорным пунктом между Новгородом и великокняжескими землями. Первым вологодским князем был Василий Васильевич в короткий период 1446–1447 гг., до своего возвращения на великокняжеский стол. Второй раз Вологда получила своего князя в лице Андрея Меньшого по духовной грамоте великого князя Василия Васильевича в 1462 г.[30] Еще несовершеннолетний (10 лет) князь, по-видимому, не поселился сразу в Вологде — никаких признаков его деятельности до конца 60-х гг. нет. Нет и признаков сколько-нибудь заметного атрибута княжеской власти — служилого землевладения в Вологодском уезде; по-видимому, оно стало появляться только при князе Андрее. В своей духовной (1481) он упоминает «села и деревни за моими детьми боярскими с моим серебром...». Такая формулировка свидетельствует, на мой взгляд, о начальной стадии оформления служилой вотчины — она еще не полностью отпочковалась от земель, тянущих непосредственно к князю. Но служилое землевладение в Вологодском уезде не укоренилось: дети боярские с Вологды в XV в. неизвестны ни летописям, ни разрядам.

Немногочисленный сохранившийся актовый материал не содержит почти никаких сведений о местных светских вотчинниках. Дошедшие до нас монастырские акты говорят о землях и пустошах, затерянных в лесу,[31] и оставляют впечатление малолюдности уезда.

В отличие от светских вотчин, черная волость на Вологодской земле довольно ясно просматривается в источниках. Так, первый и единственный реальный вологодский князь Андрей в своей духовной отказал в Троицкий Сергиев монастырь 40 черных деревень Сямской волости.[32] Представляет интерес и более поздний (1495) акт, говорящий о должностных лицах черной волости — во главе нее стоят сотский и «люди добрые городские».[33] Отсутствие развитой системы служилого землевладения на Вологодской земле дает основание предположить, что «вологжане» летописного известия 1462 г. — это, как и «устюжане», в первую очередь, мобилизованные земские люди, что не исключает, однако, возможности присутствия среди них и служилых людей.

Третья часть войска похода 1462 г. — «галичане».

В отличие от Устюга и Вологды, Галич — старинный княжеский

[30] ДДГ. №61. С. 196.

[31] Например, духовная грамота Дионисия Глушицкого (АСВР. Т. III. №252. С. 273–274).

[32] ДДГ. №74. С. 276–277.

[33] АСВР. Т. III. №275. С. 289.

центр. Первое упоминание о Галиче в летописи относится к 1238 г. и связано с походом Батыя, когда татары после взятия Владимира разделились на отряды, «пленили землю и даже до Галича Мерьского».[34] Упоминание о Галиче в одном контексте с Ростовом, Ярославлем и Городцом на Волге свидетельствует, что Галич рассматривался как важный по значению город Русской земли, независимо от того, тянул ли он к Ростову или непосредственно к стольному городу Владимиру. Однако в известии о большом походе 1219 г. на волжских болгар, в котором приняли участие ростовцы и угличане, о галичанах не говорится,[35] видимо, он еще не имел своей достаточно сложившейся городской общины.

По мнению исследователей, первым князем Галича был Константин Ярославич — сын Ярослава Всеволодовича, получивший этот город от своего дяди, Святослава Всеволодовича, в 1247 г.[36] Следует отметить, что летописи об этом ничего не говорят. В 1255 г. отмечается смерть князя Константина Ярославича, брата Александра Невского: в Никон. летописи он назван князем Углицким,[37] в Тверском сборнике — князем Галицким.[38] Во всяком случае, несомненным галицким князем был Давид Константинович: в 1278 г. он пировал на свадьбе князя Михаила Ростовского, а под 1280 годом Никон. летопись сообщает, что «преставися князь великий Давид Константинович Галичский и Дмитровский».[39] Таким образом, во второй половине XIII в. Галич был центром княжеской волости, и в нем могли формироваться элементы служилого землевладения.

Перелом в судьбах Галичского княжения произошел в 1362 г., когда, по словам Никон. летописи, «князь великий Дмитрий Иванович съгна с Галичского княжения князя Дмитрия Галичского».[40] Это был, очевидно, Дмитрий Борисович, незадолго до этого (1360) он был «от царя пожалован на княжение в Галич».[41] В истории Галичской земли начался новый этап — включение в обновленное великое княжение с фактическим центром в Москве. При великом князе Дмитрии Галич,

[34] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464; Т. 10. С. 109; Т. 26. С. 73.

[35] ПСРЛ. Т. 10. С. 83.

[36] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. СПб., 1891. Т. II. С. 208; *Кучкин В. А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 116.

[37] ПСРЛ. Т. 10. С. 140.

[38] ПСРЛ. Т. 15. С. 398.

[39] ПСРЛ. Т. 10. С. 155–157.

[40] ПСРЛ. Т. 11. С. 2.

[41] ПСРЛ. Т. 10. С. 232; *Экземплярский А. В.* Указ. соч. С. 218–219.

по-видимому, непосредственно подчинялся Москве, и великий князь распоряжался в нем, как в своей вотчине.[42] В 1386 г. «галичская рать» упомянута в походе Дмитрия Донского на Новгород Великий.[43]

По духовной Донского Галич достался князю Юрию Дмитриевичу,[44] «а преже было Галичское княжение великое».[45] Термин «великий» по отношению к галичскому князю появляется уже в 1280 г., когда «преставился князь великий Давид Константинович». Во всяком случае, к концу XIV в. в Галиче были уже старая, пережившая несколько поколений княжеская традиция и, надо полагать, один из основных атрибутов ее — служилое землевладение.

Оказавшись под властью князя Юрия Дмитриевича, Галич был втянут в его активную военно-политическую деятельность. Так, по словам Уст. летописи, в 1417 г. галичане ходили с воеводами князя Юрия в поход на Двину.[46] Судя по характеру речного похода (судовая рать), можно думать, что участие в нем принимало пешее земское ополчение.

Имея важное стратегическое значение — прикрывая центр Русской земли с севера и северо-востока, — Галич не раз подвергался нашествиям. В 1398 г. во время большого размирья с великим князем Василием Дмитриевичем новгородцы захватили Устюг, «а оттуда послаша в Галич и повоеваша плениша около Галича».[47] В 1408 г. до Галича докатилась волна нашествия Едигея.[48]

В декабре 1428 г. к Галичу «приходиша Татаровя безвестно и стоя» в Галиче месяц.[49] Это долгое стояние объясняется тем, что татары «града не взяша»[50] — город смог отбиться от противника.

Во время княжеской смуты Галич был главной опорой князя Юрия Дмитриевича и его сыновей. Именно в Галич удалился из Звенигорода князь Юрий в марте 1425 г., начиная борьбу за великокняжеский стол. Здесь, в Галиче, и разыгрался один из самых любопытных и красочных эпизодов начального периода княжеской смуты.

---

[42] В 1378 г. митрополита Пимена, отвергнутого великим князем, «поведоша... в заточенье... в Галич, а из Галича на Чюхлому» (ПСРЛ. Т. 11. С. 41).

[43] ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 345.

[44] ДДГ. № 12. С. 34.

[45] ПСРЛ. Т. 11. С. 114. — «... иже николи же было княжение Галичское» (Т. 26. С. 159–160).

[46] ПСРЛ. Т. 37. С. 83.

[47] ПСРЛ. Т. 11. С. 170.

[48] ПСРЛ. Т. 26. С. 177.

[49] ПСРЛ. Т. 12. С. 8.

[50] ПСРЛ. Т. 26. С. 186.

Когда в июне 1425 г. митрополит Фотий по просьбе великого князя Василия Васильевича «поиде в Галичь» на переговоры, «князь Юрий Дмитриевич слышав то, и собра всю отчину свою, и срете его с детми своими, и с бояры, и с лутчими людми своими. А чернь всю собрав из градов, и властей, и сел, и из деревень, а бысть их многое множество, и постави их по горе от града с приезда митрополича, сказывая и являя ему многих людей». Митрополит, по словам летописца, отнесся к этой демонстрации иронически («сыну, не видах столько народа во овчиих шерстех»). Тем не менее этот эпизод заслуживает внимания. Выступая претендентом на великокняжеский стол, князь Юрий хотел показать митрополиту всю мощь своего княжества. Кроме сыновей князя и бояр здесь были «лутчие люди» — надо полагать, наиболее авторитетные представители городской общины.

Особый интерес вызывает мобилизация «черни», т. е. земского ополчения. Одетое в простые «овечьи шерсти», оно представляло собой внушительное зрелище и свидетельствовало о большом удельном весе в войсках галичского князя и о большом значении в его глазах. Несмотря на то что у князя Юрия были бояре и, несомненно, служилые землевладельцы низшего ранга («слуги вольные», будущие «дети боярские» княжеских докончаний), он отнюдь не пренебрегал земским ополчением, собирая его «из градов» и волостей, сел и деревень. В этом сказалась древняя домонгольская традиция — князья шли в походы не только с дружиной, но и с «ратью» — земским ополчением. Оно составляло, в основном, пехоту. Так, например, перед Липицкой битвой суздальские князья провели мобилизацию сельского населения: «бяшет бо погнано из поселий и до пешцев», «бяше бо много собрано и поселян пешцев».[51]

Галичане принимали активное участие в боевых действиях на стороне своих князей. В 1433 г. они, сражаясь против войск великого князя, разбили великокняжеского воеводу князя Юрия Патрикеевича в бою на р. Куси.[52]

В 1434 г. великий князь пошел к Галичу ратью и город «взя и сожже».[53] Укрепления города были, видимо, разрушены, и на какое-то время Галич перестал быть надежным опорным пунктом мятежных князей. В 1436 г. князь Василий Косой не смог удержаться в Галиче.[54] После потери Москвы в 1447 г. Шемяка и Иван Можайский «побежаша

[51] ПСРЛ. Т. 26. С. 61; Т. 10. С. 70.
[52] ПСРЛ. Т. 28. С. 100; Т. 37. С. 85.
[53] ПСРЛ. Т. 12. С. 19.
[54] Там же. С. 21.

к Галичю», но в нем не задержались и побежали дальше в Чухлому.[55] Но укрепления были восстановлены, и Галич снова превратился в грозную крепость. Об этом свидетельствует летописное известие 1450 г. «О бою под Галичем».[56] Это известие заслуживает более подробного рассмотрения. Оно помещается во всех летописях великокняжеского цикла в одной и той же явно официозной редакции и с подробностями документального характера.

Великий князь Василий совершил зимний поход в поисках Шемяки. Думая, что он в Вологде, великий князь пошел вверх по Обноре (правый приток Костромы), но, узнав, что Шемяка «опять воротился к Галичю», двинулся «Обнорою на низ да Костромою вверх». Став у Железного Борка в монастыре Иоанна Предтечи на Тебзе, левом притоке Костромы, примерно в 15 верстах на юго-запад от Галича, он «слышав, что князь Дмитрий в Галиче, а людей около его много, а город крепит и пушки готовит, и рать пешая у него, а сам пред городом стоит со всею силою». К Галичу двинулись великокняжеские войска во главе с воеводой князем Василием Ивановичем Оболенским. 27 января войска подошли к Галичу, «а князь Дмитрий таки стояша на горе со всею силою, не поступи ни с места». Укрепления Галича, расположенные на горе над озером, были обойдены со стороны озера. Войска использовали овраги, видимо, для маскировки своего движения («опасался, понеже бо гора крута»). «Выправяся из тех врагов, войска взыдоша на гору». «Бысть сеча зла». «Поможе Бог великому князю: многих избиша, а лучших всех изымаша рукама». Конница Шемяки была разбита, «а пешую рать мало не всю избиша».

Представляется важным различие «лучших» и «пеших» людей. Пешая рать — те самые земские ополченцы «в овечьих шерстях», которых князь Юрий Дмитриевич продемонстрировал митрополиту Фотию. В войсках галицких князей пешая земская рать, наряду со служилыми людьми, была существенным компонентом — признак важного значения общинной организации.

Но в 1450 г. с особностью Галичской земли было покончено. С приходом великого князя Василия в Галич «гражане ... предашася ему; он же, град омирив и наместники свои посажав по всей отчине той». Когда на Масленой неделе (15 февраля) великий князь возвратился в столицу, Галичская земля была уже неотъемлемой частью великого княжения, тянущей непосредственно к Москве.

[55] Там же. С. 73.
[56] ПСРЛ. Т. 25. С. 270–271.

После взятия Галича в 1450 г. и бегства Шемяки нет известий о каких-либо антивеликокняжеских выступлениях на Галичской земле.

В 1462 г. галичане впервые идут под знаменами великого князя. За 10–12 лет на Галичской земле произошла, очевидно, перестройка военно-служилой системы. Эта система была ориентирована теперь на великого князя: служилые люди Галичской земли, еще вчера поддерживавшие Шемяку, теперь либо целовали крест великому князю, либо лишились своих земель, уступив место сторонникам Москвы. В Галичской земле, надо полагать, произошел примерно такой же пересмотр служилых отношений, какой позднее — уже при великом князе Иване Васильевиче — наместник князь Иван Васильевич Стрига Оболенский проделал в Ярославской.[57] Переориентация на Москву произошла, видимо, и у земских людей Галича: пешие земские люди «в овечьих шерстях» — наиболее подходящий контингент для дальних походов на речных судах. Именно такие люди, вероятнее всего, и идут в поход 1462 г.

Таким образом, поход 1462 г. в изображении Уст. летописи — это поход, прежде всего, земского ополчения северных городов с вероятным участием служилых людей и во главе с воеводами великого князя. Как и другие походы на севере России, поход 1462 г. совершается по рекам.

На севере России, покрытом густыми лесами, реки служили основным путем передвижения людей и грузов. По рекам ходили и княжеские судовые рати — знаменитый поход Олега на Киев в 882 г. был совершен именно по рекам. Передвижение в речных судах предполагало наличие пехоты (пешей рати) как основного рода войск в данном походе.

Так, в походе 1219 г. на волжских и камских болгар русские лодьи, совершив маневр по рекам, подошли к болгарскому городу Ошел и здесь «изыдоша из лодьи все полци пеши»[58] (в дальних походах лодьи служили транспортным средством для перевозки пеших полков). Судовая рать — это по существу пешая рать.

Тип гребных судов, совершавших походы, летописи называют поразному. Наиболее популярными типами речных судов были лодьи, насады и ушкуи. Чем отличались они друг от друга, в настоящее время сказать трудно, и сами летописи их иногда путают.[59] Уст. летопись

[57] ПСРЛ. Т. 23. С. 158.

[58] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 444.

[59] Так, в 1183 г. «пришед в землю Болгарскую» русские «выседя из насад на брег. Болгаре же поидоша... к лодиям» русских (ПСРЛ. Т. 25. С. 90). В глазах

чаще всего говорит о насадах. Так, в 1375 г. новгородцы во главе с Прокопием прошли в насадах Костромою на Низ (т.е. на Волгу)[60] (Моск. летопись называет эти суда ушкуями);[61] в 1398 г. новгородцы напали на Устюг, придя в насадах;[62] в насадах пришел на Устюг в 1450 г. и Шемяка.[63]

Насад — судно достаточно легкое, удобное для переноски волоком. Например, когда в 1446 г. на Устюг напали казанские татары, они при штурме города несли насады на головах, прикрываясь от стрел и камней защитников города.[64] Именно такие суда были наиболее удобны для плавания по рекам с их перекатами и особенно для переноски волоком.

В отличие от Устюжской летописи Московская различает насады и ушкуи. Так, в 1391 г. новгородцы и устюжане совершили поход по Вятке в Волгу в ушкуях и насадах;[65] в 1393 г. новгородцы «во многих насадах и ушкуях взяша град Устюг».[66] Тем не менее между насадом и ушкуем большой разницы, видимо, не было — в обоих случаях это гребное (возможно, гребно-парусное) судно, пригодное для переноски волоком.

В 1947 г. на Ярославовом дворище в Новгороде на раскопках были обнаружены остатки такого судна. Его длина — 12–14 м, ширина — 2,5 м, осадка — 40–60 см.[67] Судно имело набойную конструкцию, т.е. борта его состояли из скрепленных между собой горизонтальных поясьев. По оценке специалистов, такое судно вмещало до 30 человек.[68] Это соответствует летописным данным: в 1375 г. 70 новгородских ушкуев (по устюжской терминологии — насадов), напавших на Кострому, имели на борту 2 тыс. человек.[69] Надо полагать, что большой поход 1462 г. был совершен на судах примерно такого типа.

В 1462 г. вологжане шли, видимо, по Сухоне вниз, до Устюга; галичане — вверх по Костроме и волоком в Сухону. От Устюга на Вятку

летописца XV в. между насадом и ладьей не было разницы.

[60]ПСРЛ. Т. 37. С. 75.

[61]ПСРЛ. Т. 25. С. 191.

[62]ПСРЛ. Т. 37. С. 80.

[63]Там же. С. 88.

[64]Там же. С. 87.

[65]ПСРЛ. Т. 25. С. 219.

[66]Там же. С. 220. — Этого известия, как и предыдущего, в Уст. летописи нет.

[67]История отечественного судостроения. СПб., 1994. Т. 1. С. 22.

[68]Там же; *Нефедов А. С.* Северное русское морское судостроение и мореходство в XIV–XVII вв. и его вклад в строительство и становление Балтийского флота и Санкт-Петербурга. СПб., 1995. С. 14.

[69]ПСРЛ. Т. 25. С. 191.

соединенное войско могло двигаться вверх по Югу, а далее волоком в Молому и вниз по Моломе до самой Вятки (реки). Дойдя до впадения Вятки в Каму, судовая рать повернула к северу и пошла по Каме вверх. Конечный пункт похода не известен, но, очевидно, обратный путь должен был совершаться по тому же маршруту: Кама — Вятка — Молома — Юг — Сухона. За один поход было пройдено не менее тысячи верст, причем половина их — вверх по течению с преодолением волоков, хотя и сравнительно небольших.

Судовая рать шла на Черемису, а потом на Великую Пермь. Черемисы были известны устюжскому летописцу только в числе союзников Мамая в битве на Куликовом поле.[70] Другие летописи об участии черемисов в походе Мамая не говорят, и черемисы в них вообще не упоминаются вплоть до последних десятилетий XV в. По словам Герберштейна, черемисы «всюду бродяжничают и грабят между Галичем и Вяткой».[71] Такими представлялись черемисы собеседникам Герберштейна.

Пермская земля упоминается в летописи как объект миссионерской деятельности: в 1383 г. здесь была основана епископская кафедра в Усть-Выми (первым епископом был святой Стефан).[72] По-видимому, к этому времени южная часть Пермской земли, Вычегодская Пермь, уже входила в орбиту влияния московских князей.[73] В 1455 г. очередной пермский епископ Питирим был убит «от безбожных вогулич».[74]

Так называемая Вычегодско-Вымская летопись, обнаруженная в церкви Благовещения в Усть-Выми и опубликованная в 1955 г., говорит об этом событии гораздо подробнее: епископ Питирим, который в 1444 г. крестил местных удельных князей, был убит вогуличами на пути из Чердыни в свою резиденцию Усть-Вымь.[75] Во всяком случае, события 1455 г. свидетельствуют о напряженном положении в Вычегодском крае и могут рассматриваться как один из поводов для похода 1462 г.

Некоторое время, по-видимому, в Пермской земле не было епископа: он не упоминается в 1461 г. в числе иерархов, бывших на поставле-

[70] ПСРЛ. Т. 37. С. 76.
[71] Герберштейн. С. 162.
[72] ПСРЛ. Т. 25. С. 211.
[73] Давыдов. С. 17–18.
[74] ПСРЛ. Т. 25. С. 273.
[75] Давыдов. С. 29.

нии митрополита Феодосия.[76] Под 1462 годом Тип. летопись сообщает об активной церковно-строительной деятельности нового епископа Ионы.[77] С этой деятельностью, как мы уже отмечали, может быть связан и поход 1462 г. — это первый поход русских войск в Пермскую землю.

Поход 1462 г. вызвал активное противодействие Казани и ее союзников. «Того же лета рать черемисская с татары казанскими приходили на Устюжский уезд верх по Югу реки на волость на Лоху повоевали и в полон повели многих руских голов...»[78]

Казанские татары нападали на Устюг и раньше. Уст. летопись сообщает о набеге 1446 г., когда «на сам Велик день [17 апреля] приходили татарове казаньские ратью на Устюг, стояли под городом 3 дни... и зажгли город». Но «по Божии милости огнь угасиша, а татар от города отбиша», хотя пришлось дать откуп копейщику 11 000 денег со всякой рухлядью. По словам летописца, татар было всего 700 человек, но все отборные воины — «царев двор». На обратном пути, идя вверх по Югу и по Ветлуге на плотах, почти все они «истонули», так что до Казани добралось только 40 человек.[79]

Черемисы жили в бассейне Ветлуги, и им легко было, идя вниз по Югу, вторгнуться в Устюжскую землю. Нападение 1462 г. было, по-видимому, не только грабительской, но и военно-политической акцией. Оно сопровождалось захватом полона. Воеводы великого князя в этом контексте не упоминаются, их, видимо, на Устюге уже не было. «Устюжане» сами отправились в погоню за своими противниками и, «сугнав их», отполонили весь полон. В этой акции устюжан естественнее всего видеть действия земских людей, поднявшихся для своей защиты самостоятельно, без княжеских воевод.

Итак, события 1462 г., изложенные Уст. летописью, имеют определенное внешнеполитическое и военно-историческое значение.

В восточной политике нового великого князя был сделан первый шаг — он означал переход от стратегической обороны к стратегическому наступлению против Казанского ханства, движение на северо-восточном направлении в сторону Предуралья. Основным инструментом этой политики стала судовая рать — земско-служилое ополчение северных городов во главе с воеводами великого князя. Оно впервые совершило столь дальний поход стратегического масштаба, выйдя за пределы Русской земли.

---

[76] ПСРЛ. Т. 25. С. 277.
[77] ПСРЛ. Т. 24. С. 185.
[78] ПСРЛ. Т. 37. С. 90.
[79] Там же. С. 87–88.

Почему же известие об этом походе не отразилось в общерусском (Московском великокняжеском) летописании? Можно предполагать, что в начале 60-х гг. еще не существовало ведомства, регистрирующего все походы великокняжеских воевод. Поэтому великокняжеский летописец не отметил ни события 1462 г., ни достаточно важные и крупные по масштабам походы последующих лет — вплоть до 1467 г., до начала большой войны с Казанью («Первая Казань»).

Отсутствие официальных известий о военных событиях 1462 г. и последующих лет само по себе может рассматриваться как важный источник, характеризующий уровень организации руководства военной деятельностью великого княжества Московского.

Поход 1462 г. отражает устоявшуюся военную систему. Элементов нового не видно, и, может быть, это главная черта первого похода войск Ивана III. Новая стратегия использует старую военную систему.

КАМПАНИЯ 1463 г. НА ПСКОВСКО-ЛИТОВСКОМ РУБЕЖЕ

События весны–лета 1463 г. на псковско-ливонской границе не привлекают внимания отечественных исследователей. Н. А. Казакова[80] посвятила им всего несколько строк, К. В. Базилевич о них не упомянул вовсе.

Такое отношение к событиям 1463 г. объясняется их фактически небольшим масштабом — они носили характер очередного пограничного конфликта между Псковом и епископом Дерптским. Тем не менее в контексте истории первых лет великого княжения Ивана III события марта — июля 1463 г. представляют определенный интерес.

Единственным русским источником для изучения этих событий являются псковские летописи. Описание конфликта с дерптским епископом содержится в этих летописях в двух основных вариантах — кратком и пространном.

Краткий вариант приводится в Синодальном списке (по определению А. Н. Насонова, Псковская II летопись). Пространный вариант — в Тихановском списке (Псковская I летопись) и Строевском (Псковская III летопись). Все три рассказа не противоречат друг другу, приводят события в одной и той же последовательности и отличаются только в подробностях и деталях. Видимо, они восходят к одному первоначальному тексту, который в Строевском списке передан полнее,

[80] Казакова. С. 133–134.

чем в Тихановском, а в Синодальный вошел в сокращенном виде. Общая основа всех трех рассказов содержалась, вероятно, в предполагаемом А. Н. Насоновым общем протографе псковских летописных сводов.[81] В основу дальнейшего изложения будет положен текст Строевского списка (в необходимых случаях с указанием разночтений).

В 6970 г. (1461/62) «заложиша Псковичи новый городок на обидном месте, на Великом озере, при князе псковском Володимере Ондреевиче... того же лета и свершиша его, и церковь поставиша в нем святого Архагтела Михаила и освящаша».[82]

Новый городок (известный позднее под названием Кобылий) со своей церковью был построен на спорном с немцами месте. Произошло это не позже лета 1462 г., так как «тое же осени месяца сентября выгнаша псковичи князя Володимера», и он «поеха на Москву к великому князю ... жалиться на псковичь».[83]

Независимо от причины и повода изгнания наместника (по словам Строевского списка, «он приеха не по псковской старине, псковичи не зван, а на народ не благ»;[84] по словам Тихановского списка, «иные невегласы псковичи злые люди, сопхнувше его степени»),[85] сам факт его изгнания весьма осложнял отношения Господина Пскова с великим князем. Псковичи это сознавали.

Записи за 6970 г. кончаются рассказом об изгнании князя, а новое лето 6971 г. открывается сообщением о поездке псковских послов «к князю великому... просити князя во Псков». Изгнание наместника никак не должно было перерасти в конфликт с самим великим князем.

Тем не менее изгнание великокняжеского наместника не могло не стать известным псковским соседям.

«Того же лета немцы-юрьевцы посла псковского Кондрата сотского и гостя псковского всадиша в погреб». В свою очередь псковичи «немецкого гостя посадиша в погреб». Все это происходило без формального объявления войны — «на миру и на крестном целовании».[86]

Не исключено, что именно ослабление связей с Москвой, наряду с постройкой городка на «обидном месте», подтолкнуло немцев-юрьевцев к враждебным действиям против Господина Пскова.

«Тое же зимы (1462/63 г.) в Великое говение месяца Марта 21 день,

[81] ПСРЛ. Т. 5/1. — Стемма на с. LXIII.
[82] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 150.
[83] Там же.
[84] Там же.
[85] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 62.
[86] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 151. Это известие в Тих. отсутствует.

на память святого Якова Исповедника [в понедельник, в 1 час дни] приидоша Немцы ратью к Новому городку, с многым замышлением [в силе тяжце] и оступиша городок, и начаша пушки[87] шибати на город».[88]

Это первое известие о военных действиях в кампании 1463 г. представляет значительный интерес.

Во-первых, обращает на себя внимание точная датировка события — по месяцу и числу, по церковному календарю и по дню недели, с точностью до одного часа. Такая датировка может свидетельствовать об официальном происхождении известия.

Вторая особенность — указание на крупные (во всяком случае, значительные) силы немцев — они имели артиллерию и, обступив город, подвергли его обстрелу. «А другая сила немецкая начаша воевати и жещи псковские исады».

Таким образом, немцы действовали двумя отрядами: один — пытался овладеть городком, другой — применял тактику «выжженной земли», разоряя хозяйство псковичей.

«И князь Иоан Иоанович [дебрянских князей] тыми часы присла из городка во Псков гонца своего [человека] Якуша, что рать немецкая под городком».[89]

В Новом городке, построенном на пограничной, спорной территории, сидит псковский наместник — выходец из удельных князей. Сам по себе этот факт представляет большой интерес для характеристики военно-политической организации Господина Пскова — у него были свои служилые князья, возглавлявшие, по крайней мере, в некоторых случаях оборону пограничных пунктов. Князь Иван сидел в Новом городке со своими людьми, составлявшими гарнизон этой небольшой крепости. Один из этих людей и прорвался во Псков сквозь кольцо (видимо, неплотное) немецкой осады.

«И посадник степенный Федор Никифорович, и посадник Тимофей, и бояре псковичи, немного того же дне совокупившеся, и поехаша к городку, и приидоша псковичи на завтрея».[90] Тих. летопись дает другое чтение: «и пскович не много собравшеся и поедоша...» Это чтение, вероятно, более точно — «не бояре-псковичи», а «бояре и псковичи».

[87] В Тих. «пущичи».
[88] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 151. — Слова в квадратных скобках в Тих. отсутствуют.
[89] Там же. С. 152.
[90] Там же. С. 151.

Во всяком случае, реакция во Пскове была немедленной. Степенный посадник выступил в поход с наличными силами — это были бояре (очевидно, со своими людьми) и рядовые псковичи, которых было «не много». Отсюда вытекает, что в Пскове в распоряжении посадника не было сколько-нибудь значительных боеготовых сил.

Быстрое прибытие псковского отряда изменило ситуацию. «Немцы, услышавше псковскую силу, [и отбегоша от городка], и запас свой пометаша».[91] Решение немедленно двинуться на помощь Новому городку, хотя бы и не собрав всех сил, оказалось правильным. Это был тот случай, когда решающее значение имела быстрота действий. Классический пример подобного рода в нашей военной истории — маневр князя Александра Ярославича с небольшими силами для атаки шведского десанта на Неве в 1240 г.

«И посадник Федор, и Тимофей с псковичами быв городку неделю». Несмотря на поспешное отступление немцев, посадники решили остаться в городке. Очевидно, наличные силы в маленькой крепости были слишком незначительны, и в данной ситуации она не могла быть предоставлена самой себе.

«Немцы, не рядя того, что псковская сила в городку, того же месяца 27, в неделю в 1 час дни, за неделю до Вербницы, и пришедши да два исада больших выжгоша, Островцы да Подолешие, и христиан посекоша много, а иных в полон поведоша».

Удержание псковичами городка не прекратило вооруженного конфликта. Немцы продолжали разорять псковские исады. Видимо, на этот раз речь шла об особенно крупных хозяйствах — рыболовецких поселках со значительным населением. Рыбное хозяйство играло большую роль в экономике Пскова — вспомним внимание, уделяемое исадам в Псковской Судной грамоте, в которой рыболов-катечник (или кочетник), живущий на исаде, поставлен на одну доску с пахаремизорником как производителем основной сельскохозяйственной продукции.

Что же делали войска, стоявшие в Новом городке? «Псковичи боящеся большей силе немецкой и не ударишася на них. Зане же они поидоша через озеро борзо в свою землю с городка, и постигнути не успеша скорого и борзого ради шествия».[92] В приведенном тексте — явное противоречие. То ли псковичи не «ударишася» на немцев, опасаясь их крупных сил, то ли они (псковичи) немцев «постигнути не

[91] Там же. С. 152. — В Тих.: «Немцы... устремишася на бег» (ПСРЛ. Т. 5/1. С. 63).
[92] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 152.

успеша». Противоречие разъясняет Тихановский список, содержащий здесь более верное (по-видимому) чтение. Псковичи «мняхуть подсаде быти у них, и того ради не ударишася на них».[93] Псковичи опасались засады.

Во всяком случае сил, пришедших в Новый городок с посадниками Федором и Тимофеем, было, очевидно, недостаточно для дальнейших активных действий — для защиты исадов от разорения.

«И посадник Федор, и Тимофей послаша гонца с грамотою ко Пскову, что Немцы воюют наши исады».[94]

«[Зиновий посадник и] псковичи, услышавша такову весть, и поставиша вече, и даша на вече воеводство Максиму посаднику Ларивоновичю, и Олексию Васильевичю, и Игнатью Логиновичю. И совокупившеся псковичи и с пригорожаны, и поидоша к городку, и не обретоша немець, [понеже немцы ушли в свою землю]».[95]

Поджог исадов производит на Господина Пскова более сильное впечатление, чем нападение на пограничный городок. Приводится в действие весь механизм военной организации вечевого города. Главное звено этого механизма — вече. На вече назначают воевод — трех посадников и, очевидно, принимают решение о мобилизации городского ополчения. Назначение трех (а не одного) воевод может свидетельствовать о масштабах мобилизации. Все три воеводы — посадники, представители высшего эшелона псковского общества. Важнейшая часть военной организации — союз с пригородами, которые, очевидно, по призыву старшего города проводят у себя аналогичную мобилизацию и шлют войска на помощь Господину Пскову. Но когда силы Псковской земли подошли к городку, немцев там уже не было.

«И посадники псковскыя и псковичь начаша думати, куда поити за ними. И здумаша и поидоша к Воронью Каменю, и выеха вся псковская сила на озеро».[96]

Контакт с противником был потерян, тактическая разведка как таковая, очевидно, не велась. Предварительное планирование отсутствовало. Произошло нечто вроде военного совета или вечевой сходки, на которой и был намечен план дальнейших действий.

«И пришедше доброхот из зарубежья Чюдин, и сказа посадником

---

[93] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 64.

[94] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 152; Т. 5/1. С. 64.

[95] Там же. — Олексий и Игнатий названы в Тих. посадниками.

[96] Там же. — В Тих.: «Они же здумаша поити за Немцы к Воронию камени и выедоша псковичи на озеро» (ПСРЛ. Т. 5/1. С. 64).

псковским, что сила немецкая готова и хотят ударити на шию нощь на Колпиное».[97]

Это неожиданное известие, полученное от своего рода агентурной разведки, полностью изменило планы псковичей.

Они «возвратишася на тую же нощь и поидоша в Колпиное».

Марш, очевидно, был форсированным — шли ночью. «И приидоша тамо порану и узреша, что Немцы жгут по нашей волости и воюют, и церковь колпинскую зазгоша, и инех исадов много жгуть, и полона много поимаша».[98] Доброхот Чюдин оказался прав. Нападение на Колпино носило действительно угрожающий характер.

«И посадники псковские и псковичи ударишася на немци на Колпиной реце [противу церкви, не стоя ни часу, передовые люди Псковского полка. И бысть ту сеча велика, и Немцы не успеша ничтоже, и устремишася на бег. И вся сила псковская поидоша на них, овы секучи, овы бодучи,] месяца Марта в 31 день, [в четверг, на вербной недели в 1 час дни]».[99]

Итак, по буквальному смыслу рассказа Строевского списка, немцы на рассвете были атакованы «передовыми людьми» — очевидно, Передовым полком, авангардом Псковского войска. Внезапная атака («не стоя ни часу») обратила немцев в бегство. В сражение вступили главные силы псковского войска, вооруженные саблями (мечами) и копьями. Победа была полной.

«Помощью святыя Троица и пособием святого архистратига Божия Михаила побиша Немець[100] и биша их в погоню на 15 верст до Кохове реце и за Кохову двемя путьми гонячися».[101]

Бой на реке Колпиной расценивался как большая победа: «Дивно бе се, братье, чюда и дива исполнено и достойно памяти, коль велице и страшне сущи брани, ни один человек псковской рати не паде...», — утверждает Строевский список, в то время как «мост лежит трупья немецкого, куды бегли Немцы».[102] Эта обычная в подобных случаях фразеология не должна восприниматься как точное свидетельство факта. Она скорее отражает общее радостное впечатление от победы

[97]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 152 — В Тих. добавлено: «псковичи же обещаша ему дати оброк за его доброхотство» (ПСРЛ. Т. 5/1. С. 64).

[98]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 152; Т. 5/1. С. 64.

[99]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 152-153. — Слова в квадратных скобках отсутствуют в Тих.

[100]Тих.: «и молитвами благоверных князей, лежащих в дому святыя Троицы, Гавриила и Тимофея» (ПСРЛ. Т. 5/1. С. 64).

[101]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 152-153; НПЛ. I. С. 64-65.

[102]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 152-153. — В Тих. этого текста нет.

со свойственной средневековому восприятию эмоциональной насыщенностью.

Однако другие реалии летописного рассказа заслуживают внимания.

Бой произошел 31 марта, через четыре дня после того, как посадники Федор и Тимофей дали знать в Псков из Нового городка о сожжении исадов. Известие от воевод могло прийти во Псков только 28 марта. Псковичи сразу собрали («поставили») вече, назначили воевод и начали мобилизацию. Со своими вновь набранными силами они могли подойти к Новому городку 29 марта, оттуда после совещания вышли на озеро, направляясь к Вороньему камню, а затем уже на рассвете 31 марта атаковали немцев на Колпине.

Если датировка, приведенная летописцем, верна (а у нас нет оснований сомневаться в ней), то можно сделать несколько важных выводов.

Во-первых, мобилизация была проведена чрезвычайно быстро — за один день. Скорее всего, она носила характер частичной мобилизации. Правда, предварительные мероприятия могли начаться раньше — еще 21 марта, при первом известии о нападении немцев. Но и в этом случае можно говорить о быстроте приведения в боевую готовность жителей города. Очевидно, горожане Пскова, члены городской общины, привыкшие к военным тревогам и мобилизационным «разрубам» в прифронтовом городе, имели наготове необходимое вооружение и снаряжение и для приведения себя в полную готовность к походу не нуждались в длительном времени.

Во-вторых, несмотря на обращение к пригорожанам, поход под Новый городок был совершен силами самих псковичей — жители пригородов участвовать в них не могли. Мобилизация пригородов была рассчитана на более продолжительное время.

Третье наблюдение можно сделать из описания самого похода и боя на Колпине. В походе участвовала, видимо, конница. Только она могла совершать такие быстрые марши и на много верст преследовать бегущих немцев. Мобилизация непосредственно коснулась той части жителей Пскова, которая могла по определенному расчету (разрубу) выставить в поле конных воинов, вооруженных и снаряженных всем необходимым для похода. Описание самого боя отвечает этому предположению: стремительный удар могла нанести только конница передового отряда, за которым следовали — также на конях — главные силы псковичей.

Но как эта конница передвигалась в конце марта по зимним доро-

гам, покрытым, надо полагать, снегом? Ответа на этот вопрос мы не имеем.

Скоротечная мобилизация псковской конницы и отсутствие крупных потерь в бою (не принимая буквально оптимистично-радостное утверждение летописца о полном отсутствии потерь, можно все же предположить, что потери были незначительные) приводят к заключению, что общая численность псковского войска, двинутого в конце марта в район Нового городка, была невелика.

Однако это была не вся псковская сила.

«А иная сила псковичей, нерубленние люди, охвочеи человек, в то же время ходиша за Изборско в слободу, и воеваша немецкую власть, поимаша полона бесчислено, и приидоша сами здрови с многым полоном. А воеводою у них был Ивашко диак».[103]

Это известие открывает новую сторону военной организации Господина Пскова и характера действий псковских войск. Кроме людей, обязанных идти в поход по мобилизации, по «разрубу», есть еще и нерубленые люди — «охвочей человек», добровольцы, под мобилизацию не подпадающие. Они составляют как бы свое самостоятельное войско. У них свой воевода, не воин-профессионал, а дьяк, у них свое направление движения и, в сущности, свои задачи — захват добычи, «полона», т. е. грабеж и разорение «немецкой волости», расположенной за Изборском. Тактика «выжженной земли», общеупотребительная в средневековых войнах, находит здесь полное применение. Именно захват полона и добычи были, видимо, главным стимулятором в действиях псковских «охвочих человек». Но кроме чисто корыстных мотивов личного обогащения у этой тактики (как и, соответственно, у тактики немцев, жгущих псковские исады) есть и вполне рациональная (в военном отношении) составляющая — ослабление экономического потенциала противника, принесение ему возможно большего материального и морального ущерба, а также отвлечение его сил от главного направления.

Но кто такие «охвочие люди», не попадающие в обязательный разруб? Это, очевидно, в первую очередь — городская беднота, не имеющая возможности приобрести полноценное оружие и военное снаряжение и действующая на свой страх и риск на самостоятельном операционном направлении и, по-видимому, без взаимодействия с главными силами.

«Тоя же весны, на Страстной недели, в Великую пятницу, месяца

[103] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 153; Т. 5/1. С. 65.

Априля в 8,приидоша Изборяне под Новый городок Немецкий и посад и волости немецкыа пожгоша и възвратишася ко Изборску со многым полоном, помощью святого Николе».

Вот когда вступают в действие вооруженные силы пригородов. Изборяне действуют самостоятельно, независимо от псковичей, на своем операционном направлении — на немецкий Нейгаузен (Ниенгаузен). Их цель — не занятие города, а, как и у псковских «охвочих человек», опустошение вражеской территории и добыча «полона». Нет никаких признаков организации взаимодействия псковичей и изборян и их действий по единому общему плану: как и псковские «охвочие», изборяне ведут «свою» войну, свою кампанию в рамках общего конфликта с дерптскими немцами.

10 апреля произошло существенно важное событие: «приеха с Москвы от князя великого... во Псков на княжение князь Иоан Александрович Звенигородский».[104] Конфликт с великим князем был улажен. Политическая ситуация изменилась — Господин Псков не был больше одинок в противостоянии дерптской епископии.

Прибытие нового князя-наместника, возможно, стимулировало военно-оборонительное строительство во Пскове. Во всяком случае, летописец, стремящийся в своих записях к хронологической последовательности событий, сразу после известия о приезде князя Ивана Звенигородского отмечает: «Того же лета почаша делати стену, на Крому прьси, в Домантове стене... помостиша [мост] чрез Великую реку».[105] Однако на ходе военных действий прибытие князя сказалось далеко не сразу.

«Того же лета присла князь великой... воеводу своего князя Федора Юрьевича и с людьми своими во Псков по псковскому челобитью в помощь псковичем на Немець, месяца Иуля в 8, на память святого мученика Прокофия».[106]

Таким образом, прибытие князя-наместника само по себе еще не означало военной помощи со стороны Москвы. Понадобилось особое челобитье о помощи — и тогда во Псков двинулись великокняжеские войска. Князь-наместник — фигура политическая, символизирующая политическое единство Русской земли — власть великого князя над его Псковской «отчиной». Военными функциями князь-наместник не наделен — в его распоряжении нет войск, непосредственно ему подчиненных. Только прибытие воеводы великого князя с великокняжескими

[104] Там же.
[105] Там же: «мост плавучей».
[106] Там же: ошибочно — «июня».

войсками означает реальную военную помощь, т. е. вступление великого князя в вооруженный конфликт между Господином Псковом и его дерптским соседом.

Подобное явление не имело прецедентов. За три года до этих событий, зимой 1460 г., Господин Псков бил челом «господину и государю великому князю Василию Васильевичю о жаловании и о печаловании своей отчине мужей псковичъ добровольных людей, что есми приобижены от поганых Немець», принял у себя сына великого князя и официально вошел в сферу политической власти великого князя Московского. Начался новый этап истории Господина Пскова.

Но тогда военных действий фактически не было. «Местер ризский» запросил мира, начались переговоры, никаких великокняжеских войск во Псков не посылали.

Теперь, в 1463 г., ситуация была другая. Шли военные действия, и великокняжеский воевода привел войска для участия в этих действиях. Впервые войска великого княжества Московского оказались на ливонском театре военных действий, лицом к лицу с западноевропейским противником. Впервые они взаимодействовали с псковичами.

Своим защитникам «псковичи даша подворье у святого Спаса, у монастыри на Мирожи и у святого Николы на Завеличьи».[107] Московские войска стояли за городом и «быша в Пскове с неделю».

«В то же время князь псковский... и посадники псковские начаша совокупляти пригорожаны изо всех пригородов и изо властей людей». В Пскове начался второй этап мобилизации. Мобилизованы были не только пригорожане, но и жители сельских местностей — волостей. Текст Тих. списка более точен: «начаша... порубати пригорожан псковских» — шла мобилизация по разрубам.[108] Именно этим (а также необходимостью дать отдых войскам перед походом), вероятно, объясняется недельное пребывание великокняжеских войск на Завеличье.

Наконец, «совокупившися псковичи с пригорожаны и со всеми людьми и поидоша с воеводою князя великого и с их силою за Великую реку к Новому городку немецкому, и начаша съжидатися во Изборске».[109]

Новый план кампании, предложенный великокняжеским воеводой или выработанный совместно с псковичами, существенно отличался

[107] Там же.
[108] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 66.
[109] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 154; Т. 5/1. С. 66.

от того, что было раньше. От обороны переходили к наступлению. Военные действия переносились на территорию противника, захватывалась стратегическая инициатива. Заметно стремление к сосредоточению сил на направлении главного удара — от Изборска на Нейгаузен.

«И бысть заутра порану, месяца Иулия в 18 день, на память святого мученика Леонтия, приступиша к городку немецкому, и начаша городок бити пушками (в Тих. — «пущичами»)».[110]

Впервые упоминается о действиях русской артиллерии. Ясно, что в мартовском походе применить ее не было возможности. Только теперь, когда собрались крупные силы и была поставлена цель овладеть неприятельским городом, артиллерия смогла заявить о себе.

«И стояша вся сила у городка четыре дни и 4 нощи». Все эти дни, очевидно, шел обстрел города.

«И пустиша псковичи болшею пушкою на городок, и колода вся изломася, и железо около разорвашася, а пущича вся цела».[111] По Тих.: «пушка ростреснулася».[112]

Опыт применения артиллерии оказался неудачным. По-видимому, «большая пушка» была железная, лежавшая на деревянной колоде, и с железною казенною частью. Железные орудия первых десятилетий XV в. разрывались неоднократно.

Неудача обстрела заставила принять решение снять осаду: «отъидоша сила вся от городка, [не вземше, крепок бо бе]».[113]

«А в то время как сила была под городком, псковичи на вече посаднику Дорофею Олферьевичю даша ему воеводство ехати с охвочим человеком, с мужи псковичи в насадах воевати Немецкой земли. А которое прихожим людем, иноземцом, повелеша псковичи пешим идти на Немецкую землю. А которые изможный приходец, и он себе на кони [к рати в силу] едет. Тыа же иноземци биша челом псковичам, чтобы их приняли к себе в насады, и псковичи прияша их к себе [в насады]».[114]

Перед нами — картина своего рода тотальной мобилизации. «Охвочей человек» призывается на службу по решению веча, которое назначает им в воеводу одного из посадников и ставит определенную боевую задачу. Это уже не те добровольцы, которые весной во главе с дьяком Иванкой ходили грабить немцев. «Охвочие люди» на этот раз

[110] Там же.
[111] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 154.
[112] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 66.
[113] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 154; Т. 5/1. С. 66.
[114] Там же. — Слова в квадратных скобках в Тих. отсутствуют.

идут в насадах, т.е. совершают переход через озеро. Это, очевидно, пехота, а не «изможные» люди, способные идти на конях вместе с «силой» — ратью псковичей. В социальном плане, как и в марте, — та же псковская беднота, но на этот раз официально призванная и организованная.

Не менее интересная мобилизация «прихожих людей иноземцев». Хотя они не граждане Пскова, требование веча идти в поход распространяется и на них. Особенно четко видна разница между «изможными», которые «на кони к рати в силу» едут, и прочими, которым «повелеща псковичи пешим идти на Немецкую землю».

Поход совершается через озеро, в насадах. Очевидно, предполагается, что насады — парусно-гребные суда — имеются в готовности. Для пеших «охвочих» гребное судно — такой же необходимый предмет снаряжения, как конь для всадника, «изможного» человека. Пешее войско «охвочих человек» — это фактически судовая рать, хорошо известная на Руси с древнейших времен и напоминающая скандинавский лейдунг.[115]

«И поехаше псковичи, охвочей человек, и прихожии люди с посадником Дорофеем в насадах, и иныа в лодьях. И ехавше в Немецкую землю, и много воеваша, и Кержели половину выжгоша».[116]

Кержели, по мнению Н. А. Казаковой, — это область Кервель по верхнему течению р. Воо, правому притоку Эмбаха (по-русски — Омовжи), реки, на которой стоит Дерпт.[117] Следовательно, псковские насады пересекли озеро, вошли в реку и поднялись по ней вверх. Парусно-гребные суда имели малую осадку и могли двигаться по небольшим рекам. Псковские лодьи не впервые входили в Омовжу — известен поход посадника Ильи в мае 1341 г.[118]

Н. А. Казакова, вслед за К. Штерном, предполагает, что поход судовой рати имел целью «воспрепятствовать продвижению дерптских сил на помощь осажденному Ниенгаузену».[119] Это предположение правдоподобно. Поход «охвочих» на этот раз был организован псковским вечем и, вполне вероятно, был нацелен на помощь главным силам. Это косвенно подтверждает и текст летописи: «...услышавша, что сила

---

[115]См., напр.: *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство в феодальной Норвегии. М., 1971. С. 166–195.

[116]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 154–155; Т. 5/1. С. 67.

[117]Казакова. С. 134.

[118]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 93. — Тих. об этом не сообщает.

[119]Казакова. С. 134; *Stern C.* Dorpat-Pleskauer Kümpfe und Verträge 1448–1463 // Jahrbücher für Geschichte Ost-Europas. Breslau, 1940. S. 408.

псковская отступила от городка, и поехаша во Псков посадник Дорофей с своим войском».[120]

Численность судовой рати приводит только Строевский список: «а всех было людей с посадником Дорофеем 20 ускуев да 80 лодей, а все то с людьми».[121] Как видно, Пск. летопись понимает под «насадами» разные типы гребных судов — это и «ускуи», и «лодьи». Определить размеры (вместимость) этих судов мы не имеем возможности. По тексту летописи можно полагать, что ускуи были более крупными судами, чем лодьи. О вместимости ускуев (ушкуев) есть свидетельство великокняжеской летописи под 1375 годом: 70 новгородских ушкуев несли на себе до двух тысяч воинов,[122] т. е. около 30 человек на каждом. Нет, однако, уверенности в том, что размеры ушкуев были везде одинаковы. Во всяком случае, можно предполагать, что в походе воеводы Дорофея принимали участие многие сотни «охвочих человек» и мобилизованных «прихожих».

Основным является то — весьма правдоподобное — предположение, что поход судовой рати был в оперативном отношении согласован с походом главных сил. Это представляет большой интерес, отражая определенный уровень здравого оперативно-тактического мышления — самих ли псковских руководителей, или великокняжеского воеводы князя Федора Юрьевича Шуйского, фактического главнокомандующего московско-псковскими войсками.

Военные действия продолжались.

«По том времени минувши недели, и Немци приехавше в снеках и в лодиях, и ударишася на Норовлян, на Скамьи. И начаша Норовляни битися с Немци, и ту поимаша рукама наших человек 8, а судью Оданья Сидора мечи иссекоша, [а он бишася с ними крепко]».[123]

Как и русские, немцы использовали судовую рать. Их снеки (шнеки) — парусно-гребные суда, примерно соответствующие, по-видимому, русским ушкуям. Чудское озеро давало хорошие возможности для маневра судовой рати. Удару подвергся северный фланг фронта — земли норовлян, которые, по-видимому, оказали упорное сопротивление.

«И гдовляне прислаша гонца во Псков, что Немци воюют по нашей земли, и псковичи хотеша поехати тамо».[124]

Нападение немцев вызвало обращение ближайшего к Нарове при-

[120] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 155; Т. 5/1. С. 67.
[121] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 155.
[122] ПСРЛ. Т. 25. С. 191.
[123] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 155; Т. 5/1. С. 67.
[124] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 155.

города к старшему городу за помощью. Стали готовиться войска для защиты окраины. Но идти в поход не пришлось.

«Оже Немци прислаша Немцина на Псков с тым словом, чтобы нашему послу добровольно приехати на поговорку и опять отъехати, и псковичи даши ему на том руку... Того же лета по той руке прислал князь местер ризски своих послов...».[125]

Кампания 1463 г. закончилась. Начались переговоры о мире.

К каким же выводам можно прийти на основании нашего источника?

Изложение событий в Пск. летописи отличается документальным неэмоциональным характером с точной фиксацией событий, дат и имен. По-видимому, это записи хорошо осведомленного официального псковского летописца.

В противоположность этому московские летописи о событиях 1463 г. на псковском рубеже хранят полное молчание, хотя в этих событиях участвовали великокняжеские войска во главе со своим воеводой. В Москве не могли не знать о действиях этого воеводы. Молчание великокняжеского летописца может свидетельствовать об отсутствии в его распоряжении официального документального источника, в котором фиксировались распоряжения великого князя и действия его воеводы. Такого рода записи в Москве, по-видимому, не хранились — не было ведомства, которое занималось подобной документацией, составлением и хранением ее. Это значит, что в Москве еще не существовало центрального военного ведомства, хотя бы как соответствующего отделения великокняжеской канцелярии.

Согласно псковским записям, кампания 1463 г. состояла из двух этапов. Внезапное нападение немцев на Новый городок было началом первого этапа: в кампании приняли участие ограниченные силы псковичей, перед которыми были поставлены частные локальные задачи по обороне участка псковско-ливонской границы. На этом этапе произошло единственное за всю кампанию столкновение в открытом поле на р. Колпине, закончившееся победой псковичей, но не имевшее заметных стратегических последствий. Не считая себя в силах бороться в одиночку с войсками дерптского епископа, псковичи обращаются за помощью к великому князю и до прибытия его войск от каких-либо активных действий воздерживаются.

Прибытие великокняжеского воеводы с войсками знаменует начало второго этапа кампании. На этом этапе заметны элементы оперативно-

[125]Там же.

тактического планирования и взаимодействия отдельных частей войска — конницы и судовой рати, что представляет определенный интерес. Важен сам факт перехода в наступление, перенос войны на вражескую территорию и захват стратегической инициативы.

Московские войска, прибывшие на театр военных действий, не были, видимо, особенно многочисленными. Единственное их предприятие носило, в сущности, ограниченный характер — удар наносился по приграничному немецкому городку, прикрывавшему южные подступы к Дерпту. На более глубокую операцию с более решительными целями сил, видимо, не хватало. Московские войска, судя по всему, не имели своей артиллерии, а артиллерия псковичей была весьма несовершенна — и это одна из главных причин неудачи осады Нейгаузена.

По-видимому, посылая войска на помощь Господину Пскову, великий князь не стремился к большой войне на северо-западном направлении. Судя по всему, основным стратегическим направлением являлось восточное (казанское), на котором уже с 1462 г. шла подготовка к большой войне. Этим предопределялась оборонительная стратегия на других направлениях. В данном случае задача была в том, чтобы, не ввязываясь в большой конфликт, оказать непосредственную помощь псковичам и тем самым продемонстрировать реальность включения Псковской земли в политическую систему великого княжения. И эта реальность была по достоинству оценена немцами, сразу предложившими начать мирные переговоры.

Если для великого князя события 1463 г. имели хотя и важное, но не первостепенное значение, то для Господина Пскова кампания 1463 г. была серьезным испытанием, что отразилось на подробной летописной информации с большим вниманием к военным событиям.

Летопись позволяет проследить основные черты военной системы Господина Пскова. Постоянного войска у него нет — есть только небольшие гарнизоны в пограничных крепостях. Мобилизация проводится в случаях военной необходимости — по решению веча. Мобилизация — это прежде всего призыв «рубленых» людей. «Охвочие» — пешие добровольцы. Они призываются в обязательном порядке только в особых случаях. В компетенции веча — назначение воевод.

В функции веча входит и призыв к пригородам, т. е. мобилизация всех сил Псковской земли. Пригороды имеют, по-видимому, свою местную военную организацию. Они могут действовать как совместно с псковичами, так и самостоятельно. В свою очередь, пригороды в случае необходимости обращаются к старшему городу и ждут от него помощи.

Псковские войска состоят из конницы «рубленых» «изможных» людей и пехоты «охвочих человек». В отношении этой пехоты можно отметить, что если на первом (мартовском) этапе она действовала, по-видимому, самостоятельно и самочинно, без видимой связи с главными силами, и занималась в основном грабежами, то на втором этапе она в какой-то мере включается в общую канву боевых действий.

Большой интерес представляет использование гребных (или парусно-гребных) судов для маневра пехоты к театру военных действий. Это излюбленный на Руси метод применения судовой рати проявился на Чудском озере в кампании 1463 г.

Кампания 1463 г. — типичный пограничный конфликт локального масштаба. Глубина операций не превосходит нескольких десятков километров, длительность их — несколько дней. Борьба идет за овладение отдельными пунктами на территории противника и сопровождается опустошением территории.

Тем не менее эта кампания является важным историческим событием. Господин Псков впервые ощутил реальную поддержку великого князя — самый факт своего перехода под эгиду Москвы. Великокняжеские войска получили первый боевой опыт в борьбе на северо-западном направлении, против нового противника. В военной истории России открывалась новая страница.

В стратегическом отношении поход 1463 г. носил оборонительный характер. Большая война на северо-западном направлении не соответствовала планам великого князя — его внимание было приковано к решению казанской проблемы.

ПОХОДЫ НА КАЗАНЬ 1467–1468 гг.

Историография походов 1467 и 1468 гг. небогата. Н. М. Карамзин ограничился пересказом летописных известий,[126] С. М. Соловьев — их краткой характеристикой.[127] Интерес к первым походам на Казань проявил только К. В. Базилевич, рассматривая их во внешнеполитическом аспекте, но коснувшись и чисто военных вопросов.[128]

Основным источником для изучения походов 1467 и 1468 гг. являются летописи.

Московская великокняжеская летопись по Уваровскому списку начинает записи за 6976 г. (1467/68) с киноварного заголовка: «О пръ-

[126] Карамзин. С. 10–16.
[127] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. V. Стб. 1411–1416.
[128] Базилевич. С. 64-67.

вой Казани, ходил царевич Касым да с ним князь Иван Васильевич Стрига». Далее на листе 390 об. следует текст: «В лето 6976. С Вздвиженьева дни ходил царевич Касым к Казани, а с ним великого князя воеводы, князь Иван Васильевич Оболенский Стрига со многою силою, и прочии».[129]

Известие краткое, не похожее на разрядные записи — нет перечисления воевод (хотя, возможно, в источнике, которыми пользовался летописец, эти имена были — ср. «и прочии»).

«И шедшим им к Волзе, иде же бе и перевестися, и ту срете их царь казанский Обреим со всеми князьями своими... и не дасть им перевестися».[130]

Для царевича Касыма это было полной неожиданностью: «... позван был царевич от царей казанских, от Авдул Мамона и от прочих, на царство лестью».

«Он же, надеяся на них... испроси силу у великого князя... и не успев ничто же возвратися».

Военных действий фактически не было. Конная рать пошла обратно.

«Истомен же бе путь им, понеже бо осень студена бе и дождева и корму начат не оставати... в постные дни мясо ели, и кони их з голоду мерли... мнози от них и доспехи метали...» Запись об обстоятельствах отступления сделана, по всей вероятности, со слов участника похода. Она не носит официозного характера, но рассказчик был, по-видимому, осведомлен о планах и надеждах царевича Касыма.

Князь Иван Васильевич Оболенский Стрига еще в 40-х гг. активно участвовал в борьбе против Шемяки, обороняя от него Кострому; в феврале 1456 г. он разбил новгородцев под Старой Русой, что вынудило их заключить Яжелбицкий мир; бывал наместником во Пскове и Ярославле, имел чин боярина. В Пскове он проявил себя так хорошо, что псковичи неоднократно просили о его повторном назначении (ум. 1478 г.).[131] Таким образом, во главе войск, отправленных с царевичем Касымом, был поставлен опытный военный и политический деятель, что свидетельствует о важности его миссии и о значительности доверенных ему сил. Тем не менее план похода был продуман плохо — вся ставка делалась на интриги казанских царевичей. Борьба с крупными

[129] ПСРЛ. Т. 25. С. 279. — Касым — сын казанского царя Улу-Мухаммеда, с 1446 г. проживавший на Руси и державший город на Оке (будущий Касимов).

[130] Там же.

[131] Сводка данных о И. В. Стриге (см.: Зимин, с. 48–50).

силами противника не предусматривалась, конная рать не поддерживалась пехотой.

«И татарове Казанстии по отходе их часа того поидоша изгоном к Галичю...»

Ближайшее следствие неудачного похода — начало большой войны с Казанью. И первый удар — по Галичу. Недавний центр удельного княжества, Галич после падения Шемяки превратился в важный опорный пункт великого княжества на его северо-восточных рубежах.

Но «мало нечто полону взяша, а градом и волостем ничто же успеша, всем бо беша в осаде в граде».

Итак, набег изгоном сразу после отхода русских фактически не удался — города успели привести в осадное положение (т. е. собрать окрестное население, сжечь посады и т. п.).

«А князь великий разослал по городам заставы, в Муром и в Новгород Нижний, на Кострому и в Галич, и велел им сидети в осаде, стеречися от Казани».

Распоряжение о приведении Галича в осадное положение едва ли могло быть сделано только после того, как в Москве узнали о неудаче похода Касыма. Присылка гонца из Москвы в Галич и осуществление мероприятий по приведению города в осадное положение должно было занять значительно большее время, чем конный марш казанцев по левой стороне Волги. Распоряжение об осадном положении было сделано, надо полагать, заблаговременно — в ходе подготовки похода на Казань и в предвидении возможного контрудара казанцев.

Заставы, т. е. отряды для обороны, были разосланы либо заранее, либо сразу после похода Касыма. В первом случае это говорило бы о предусмотрительности великого князя, предполагавшего возможность враждебных действий со стороны Казани. Во втором случае — о быстрой и правильной реакции на сложившуюся обстановку. Нападение ожидалось на нескольких направлениях, на широком фронте по обе стороны Волги. В предыдущих кампаниях о такой заблаговременной подготовке городов к отражению нашествия известий нет. Значит, либо такой подготовки не было, либо она не фиксировалась в источниках, известных летописцу, т. е. в соответствующих записях официального характера. Теперь же эти записи, очевидно, велись и стали доступны составителю летописи.

Итак, Московская великокняжеская летопись отмечает в осенней кампании 1467 г. четыре основных момента:

— отправку царевича Касыма под Казань с воеводами великого князя;

— выход русско-татарских войск к Волге и бой с казанцами;

— отступление после неудачи;

— контрудар казанцев по пограничным русским городам и меры, принятые в связи с этим для их обороны.

Летописный рассказ представляет собой контаминацию двух основных источников.

К официозному источнику можно отнести известие о начале похода Касыма и о последующих распоряжениях великого князя. К источнику частного происхождения — рассказ об отступлении от Казани.

Рассказ великокняжеской летописи о событиях осени 1467 г. вошел в большинство позднейших летописей, в том числе и в Никон., что свидетельствует об официальной апробации этого рассказа.

Однако есть и другие версии известий об осенней кампании 1467 г. Одна из таких версий представлена в Тип. летописи.

«В лето 6976 поиде великий князь Иван Васильевич в Володимерь и отпусти из Володимеря царевича Каисима с Татары и воевод своих и с ними полки свои и братьи своей полки отпусти, и инех в судех отпусти».[132]

Как видим, сообщение Тип. летописи отличается от великокняжеской двумя важными деталями. Во-первых, указывается местопребывание великого князя в момент посылки Касыма к Казани. Во-вторых, совсем по-другому пишется состав: судовая рать и полки братьев, причем имя воеводы посланных сил не упоминается. Ясно, что автор сообщения Тип. имел другие источники, чем составитель великокняжеской.

По-другому изображаются и события под Казанью: «... пришедше на усть Свияги, к Волге, противу Казани. Татарове же Казань стали сретоша и не даша перелестися за Волгу».[133] Автор сообщения Тип. указывает место выхода русских войск (и указывает правдоподобно — Свияга впадает в Волгу прямо напротив Казани). Эта деталь могла быть взята из какого-то источника, не известного великокняжескому летописцу. Летописец ничего не говорит о действиях судовой рати, которая, по его собственным словам, тоже была отправлена в поход. Судовая рать в бою у переправы могла бы коренным образом повлиять на ход событий. Отсутствие судовой рати в бою у устья Свияги ставит под сомнение предыдущее сообщение Тип. о составе сил, отправленных под Казань. Источник Тип. — едва ли рассказ участника

---

[132] ПСРЛ. Т. 24. С. 186.

[133] Там же. С. 187.

похода (отсутствуют характерные для такого рассказа подробности и эмоциональные оценки).

Третий вариант рассказа о походе Касыма содержит Уст. летопись (Архангелогородский летописец).

Рассказав под 6976 годом о пожаре в Устюге 15 февраля и о нападении казанцев на Кичменгу, летописец далее сообщает: «Того же лета князь великий Иван Васильевич посылал ратью воевод своих, царя Касима да князя Ивана Васильевича Стригу, с ними Двор свой весь, конную силу, на Казанского царя Абреима».[134]

Известие отнесено к 6976 г., т.е. к 1467/68, что правильно, но помещено после 15 февраля (т.е. в 1468, а не в 1467), что неверно.

«И пришла сила князя великого на берег к Волзе на Звениче Бору. И татарове Казанские пришли на них в судех, и на берег вылезли из судов. А сила князя великого норовитца заскочити татар от судов. И некто Аидар, постельник великого князя Григорьев сын Карпова, не отпусти Татар ни мало от судов, кликну на них. Татарове же вметався в суды и побегоша за Волгу. А другая сила еще не поспела».

Самостоятельный рассказ об осеннем походе — явно частного происхождения, со слов участника, о чем говорит эпизод с Аидаром. Новое по сравнению с великокняжеской и Тип. — выход к Волге у Звенича Бора (т.е. на 40 верст выше по течению Волги), а не против самой Казани.

Ерм. летопись ограничивается кратким сообщением.

«В лето 976 князь великий Иван Васильевич посылал на Казань ратью, на царя Обреима, Касыма царевича, да князя Ивана Юрьевича, и иных воевод много, з Двором своим. Они же, пришедше, на сей стороне Волги, и постоявше противу Казани, и поидоша прочь, не учинивше ничто же».[135] Основная особенность этого рассказа — имя воеводы, не совпадающее с данными великокняжеской летописи.

Новг. IV летопись по списку Дубровского приводит имена двух воевод — князя Ивана Юрьевича и князя Ивана Васильевича Стриги.[136]

Соф. II летопись, воспроизводя рассказ великокняжеской летописи, называет имена воевод — князя Данилы Дмитриевича Холмского и князя Ивана Васильевича Стриги.[137]

Сокращенные Своды называют имена князя Ивана Юрьевича и князя Ивана Васильевича и приводят в саркастическом тоне рассказ

[134] ПСРЛ. Т. 37. С. 91.
[135] ПСРЛ. Т. 23. С. 158.
[136] ПСРЛ. Т. 4/1. С. 498.
[137] ПСРЛ. Т. 6/2. С. 163.

об Айдаре («некто уноша именем Айдар, постельник великого князя, наполнився духа ратна», и т. д.), что свидетельствует о популярности этого рассказа и в то же время выдает неофициальное происхождение их известия, а следовательно — и имен воевод.

Таким образом, летописные рассказы, рисуя одну и ту же общую картину неудачного похода, расходятся между собой в достаточно важных деталях. Это, во-первых, имена воевод, во-вторых, характеристика состава сил, отправленных в поход с царевичем Касымом, в-третьих, обстоятельства самого боя за переправу через Волгу. Расхождения присутствуют главным образом в источниках частного происхождения, основанных в той или иной степени на рассказах участников похода. Думается, что эти расхождения более или менее закономерны и определяются особенностями рассказов очевидцев вообще. Участники похода могли быть по-разному осведомлены, например, об именах воевод — рядовой участник мог знать их не точно, а понаслышке и при более поздней записи рассказов или при записи не из первых рук детали событий могли изгладиться или исказиться. Составитель летописного рассказа мог пользоваться недостоверной информацией и просто слухами, имевшими хождение в известной среде (вроде эпизода с Айдаром). Составитель рассказа мог приукрасить его живописными (с его точки зрения) подробностями. Все это заставляет относиться к частным известиям с осторожностью и в определенных случаях предпочитать им официальные сообщения (например, в вопросах об именах воевод и о составе сил).

О событиях осенней кампании после похода Касыма наиболее подробно рассказывает Тип. летопись.

«Татарове же Казаньстии шедше, воеваша около Галича, и приидоша под Галич, начаша наступать ко граду. Галичане же, выходя из града, и бишяся с ними крепко. Граду же не успев ничтоже, возвратишяся, полону же много вземше и отъидоша».

Рассказ о нападении на Галич и о боях с галичанами основан, вероятно, на местных записях. Галич в церковном отношении тянет к Ростову, с которым связано происхождение Тип. летописи, и в Ростове лучше, чем в Москве, могли быть осведомлены о событиях в Галичской земле.

Зато Тип. не говорит о распоряжениях великого князя о приведении в осадное положение городов и о посылке в них застав и т. д. — автор ее официальным источником не пользовался.

Тип. летопись содержит известия, отсутствующие в великокняжеском своде: «Тое же осени приходиша Татарове от Большой Орды и

воеваша около Рязани, села и волости, и множество изсекоша, а иных в полон поимаша. Рязанцы же совокупившяся и гнаша по них. И бысть им бой и сеча зла. Татарове же знамя подсекоша у Рязанского полку, рязанцы же замятшяся и побегоша. Татар же множество избьено ту».[138]

Это сообщение, отсутствующее в великокняжеской летописи, рязанского происхождения. Нет оснований сомневаться в его достоверности. Великое княжество Рязанское, формально независимое от Москвы, постоянно подвергалось нападениям ордынских татар — последнее крупное нашествие во главе с самим ханом отмечено в летописях под 1460 годом.[139] Рассказ Тип. летописи представляет определенный интерес. Против татар выступило не рязанское великокняжеское войско, а сами рязанцы, «совокупившеся», т. е., очевидно, в первую очередь городское и земское ополчение. В бою большую роль играет знамя — потеря его или просто падение на землю означает поражение и ведет к бегству с поля боя.

Составитель Тип. летописи имел какой-то рязанский источник — так, под 1468 годом он пишет: «... родися князю великому рязанскому сын Петр»[140] — известие, отсутствующее в других летописях.

В отличие от событий в 1460 г., нападение на Рязань в 1467 г. могло носить характер «частной инициативы» воинственных ордынских царевичей, а не похода самого хана. Тем не менее нападение на Рязань свидетельствовало о существовании южного стратегического направления, что не могло не учитываться в Москве. Служба на Берегу должна была нестись постоянно, отвлекая достаточные силы. Это было одним из важных факторов военно-политической обстановки.

«Посылал князь великий на Черемису воевати».

Новый киноварный заголовок великокняжеской летописи подчеркивает важность сюжета в глазах летописца.

«Тое же осени князь великий Иван посылал на Черемису князя Семена Романовича, а с ним многих детей боярских, Двор свой и совокупившеся вси поидоша из Галича на Николин день. Декабре 6. И поидоша лесы без пути, а зима была велми студена».[141]

Зимний поход из Галича — ответный удар по Казанскому ханству. Это, по-видимому, достаточно крупное военное предприятие — в походе участвуют дети боярские Двора.

[138] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.
[139] ПСРЛ. Т. 24. С. 184; Т. 25. С. 277.
[140] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.
[141] ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

Князь Семен Романович — из ярославских князей (это первый известный случай назначения ярославского князя воеводой). Впервые упоминаемый в летописи, он был, вероятно, еще молодым человеком, не имевшим большого боевого опыта. В качестве воеводы он упоминается впоследствии в 80–90-х гг., тогда же он был наместником в Новгороде и стал боярином (ум. 1503/04 г.).[142] В 1467 г. ему могло быть не более 30 лет, и едва ли ему были доверены крупные силы.

Интересны идея маневра — с северо-западного направления, и время похода — зима.

Русские войска имели опыт зимних походов. Так, в январе 1450 г. великий князь Василий Васильевич с крупными (по-видимому) силами совершил поход на Галич и овладел этим городом, нанеся решительное поражение Шемяке; в походе использовались замерзшие русла рек Обноры и Костромы.[143] В январе 1452 г. великий князь Василий совершил новый большой поход, от Ярославля к Костроме и Устюгу, а юный великий князь Иван ходил на Кокшенгу, до устья Ваги и Осинова Поля.[144] Опыт организации таких походов был, вероятно, использован в зимнем походе 1467/68 г. Однако теперь войска шли «без пути» — лесными тропами для сохранения тайны — не по обычным дорогам.

Судя по позднейшему опыту, сосредоточение сил в Галиче должно было занять достаточное время, во всяком случае, несколько недель. Выдвижение к Галичу могло начаться в октябре–ноябре, т. е. сразу после отражения атаки казанцев.

Поход зимой на Черемису рассматривался, вероятно, как вспомогательный удар — для разорения вражеской территории. Едва ли перед войсками князя Семена Романовича Ярославского могли быть поставлены более серьезные стратегические задачи.

Рассказ летописи о походе прерывается кратким известием о поставлении архиепископа Ростовского Вассиана (тоже выделенным киноварным заголовком). Это событие датировано 13 декабря, что подчеркивает хронологическую последовательность летописных рассказов.[145] Рассказ о походе летописец излагает, прерывая его для другого известия. Видимо, рассказ о походе он передавал по какой-то имевшейся в его руках записи. Эта запись содержала точные даты.

[142] Зимин. С. 84.
[143] ПСРЛ. Т. 25. С. 270–271.
[144] Там же. С. 272.
[145] Там же. С. 279.

«Тое же зимы 6 Генваря на Крещение Господне рать великого князя прииде в землю Черемисскую».[146]

Поход длился месяц, что говорит о медленности движения через густой лес, о преодолении значительных трудностей.

Этот марш-маневр в зимнее время представляет большой интерес в тактическом и стратегическом отношениях. Преодоление лесного пространства в условиях сильных морозов свидетельствует о выносливости войск и обеспечивает достижение стратегической внезапности.

Нападение на Черемисскую землю было, по-видимому, действительно неожиданным — о сопротивлении ничего не говорится. Земля была предана огню и мечу — в соответствии с обычаями средневековой войны. «Кони их и всякую животину чего нелзе с собою имти, то все иссекоша...» Кони, представляющие вообще большую ценность для ратных людей, в данном случае были не нужны. «А за один день до Казани не доходили» — очевидно, не встречая организованного сопротивления.[147]

«И взвратишася приидоша к великому князю все по здорову». По буквальному смыслу летописи, дети боярские Двора не остались в Галиче, а возвратились в Москву. Зимний поход был единовременной акцией, не рассчитанной на продолжение.

Разорение чужой территории в войнах Средневековья — не просто проявление бессмысленной жестокости и не просто средство обогащения участников похода (... в полон поведоша... а что было живота их, то все взяша...). Не занятие вражеской территории, не овладение каким-либо пунктом на ней с целью дальнейшего удержания его в своих руках, а опустошение этой территории — вот задача подобного рода действий, хорошо известных всей Европе.[148] Такие действия преследовали цель экономического ослабления противника и его морального подавления (устрашения). Разоренная, опустошенная земля на какое-то время не могла стать базой для вражеских войск.

«А Муромцем и Новгородцем велел князь великий воевати по Волзе. И те шедше повоевали горы и бараты по обе стороны».[149]

Удар на Черемисском направлении с северо-запада сопровождался ударом с запада — по Волге. Одновременное нападение с двух направлений могло преследовать цель ввести противника в заблуждение от-

[146] Там же. С. 280.
[147] Там же.
[148] Один из наиболее ярких примеров — разорение Лангедока «Черным Принцем» в 1355 г.
[149] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

носительно главного удара, заставить разделить свои силы, перейти к обороне.

Дети боярские Двора в походе по Волге, по-видимому, не участвовали. В поход ходили местные силы — служилые люди, возможно, с участием городского (земского) ополчения. Никаких подробностей этого похода летопись не сообщает, что может свидетельствовать о его ограниченном масштабе. По-видимому, по своему характеру этот поход был аналогичен походу из Галича — ближайшей целью было «повоевати», т. е. разорить и разграбить. Одновременный удар с двух направлений был, по-видимому, успешным, хотя к крупным результатам не привел. Зимние походы, по всей вероятности, преследовали и разведывательные задачи — ознакомление с театром военных действий, с силами и тактикой противника.[150]

Рассказ великокняжеской летописи о зимних походах 1467/68 г. носит по преимуществу официальный характер. Его источниками могли быть какие-то официальные документы: записи распоряжений великого князя и донесений воевод. В руках летописца эти документы подверглись, по-видимому, обработке — они были сокращены и сведены в единое целое и, возможно, соединены с рассказами участников событий, сохранившими эмоционально-оценочные черты (лютые морозы, полное разорение земли).

Это известие без существенных изменений вошло в Никон. летопись, что косвенно подтверждает его официальное значение.

Тип. летопись приводит свое известие: «Тое же зимы ходиша Галичане и с ними Двора князя великого полки на Черемису, и повоеваша их, и полон вземше, отъидоша. Быша же тогда мразы велицы, иззябша мнози».[151] Подчеркнутое участие галичан — вероятно, это местная обработка и сокращение официального источника: опущены даты, имя воеводы, некоторые характеристики событий.

В осенне-зимней кампании 1467/68 г. можно отметить несколько характерных моментов.

Во-первых, великий князь личного участия в походах не принимает, что расходится с прежней практикой.[152]

Вторая особенность — находясь в своей ставке, великий князь рассылает директивы воеводам и таким образом осуществляет свои функции главнокомандующего.

[150] Вазилевич. С. 67.

[151] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

[152] Достаточно сравнить с Василием Темным, который ходил со своими войсками во все походы даже после своего ослепления.

Третья особенность — в зимнем походе войска действуют на двух не зависимых друг от друга операционных направлениях. Руководство войсками в этих условиях могло осуществляться только из Ставки. Это требовало наличия соответствующего аппарата управления, хотя бы самого элементарного — для оформления директив великого князя и фиксации донесений воевод. В этом аппарате управления можно видеть зародыш нового явления — центрального военного ведомства в его первоначальной форме, по всей вероятности — в составе канцелярии великого князя.

Если осенний поход Касыма носил характер скороспелой акции, был плохо подготовлен, совершен недостаточными силами и потерпел полную неудачу, то дальнейшие события осенне-зимней кампании отражают целенаправленную и продуманную работу оперативно-стратегической мысли. Приведение городов в осадное положение на широком фронте, создание оборонительных (заставы) оперативных группировок с поставленными перед ними активными задачами — проявление действенного руководства войсками из Ставки.

Наступление по двум направлениям было связано с большим риском, вело к разделению сил и создавало известную опасность для каждой группировки. Этот риск можно было ослабить, во-первых, энергичными наступательными действиями каждой группировки, что не позволяло противнику сосредоточить достаточные силы против каждой из них; во-вторых, внезапностью удара с неожиданного направления — таким был поход Северной рати князя Семена Романовича Ярославского через нехоженые лесные тропы в условиях суровой зимы.

Можно отметить, что Северная рать, несмотря на свои успехи, была по размерам небольшой. Об этом свидетельствуют молодость воеводы и сам характер набеговых действий.

Силы, действовавшие на волжском направлении, также едва ли были крупными. Об этом косвенно свидетельствует отсутствие имен воевод и сама постановка задачи «повоевать горы и бараты».

Главные силы русских войск еще не были введены в действие, и это — одна из основных особенностей осенне-зимней кампании 1467/68 г.

Известия об этой кампании носят характер контаминации — соединения официозного и частного источников (рассказов участников и местных записей). И те и другие летописец подвергает обработке. Следует отметить, что известия, восходящие к официальному источнику, не носят характера разрядных записей. Возможно, этих записей

как таковых еще не было, и назначения воевод оформлялись как-то иначе.

Рассказав о зимних походах, великокняжеский летописец продолжает свое повествование.

«Тое же зимы князь великий за три недели до Великого заговенья (т. е. 7 февраля. — *Ю. А.*) поиде к Володимерю... а с ним братия его, князь Юрий, да князь Борис, да сын его князь Иван, да князь Василий Михайлович Верейский, и вси князи их и бояре, и воеводы, и со всеми людьми».[153]

Это первое летописное известие о выступлении великого князя Ивана Васильевича из Москвы. Отъезды его из Москвы имели место и раньше и были, вероятно, нередки. Так, в апреле 1467 г. он находился в Коломне[154] — важнейшем пункте южной оборонительной линии. О частых и долгих поездках великого князя пишут и иностранные современники. «У него был обычай ежегодно посещать некоторые местности своей страны», — пишет об Иване III Амброзио Контарини, посетивший Москву в 1476 г. Тот же Контарини отмечает особый интерес великого князя к южной окраине, «где жил один татарин, который на княжеское жалованье держал пятьсот всадников... они стоят на границах с владениями татар».[155] Поездка Ивана III по стране заняла в 1476 г. около трех месяцев (с конца сентября до конца декабря).[156]

Эти поездки не фиксируются летописью. Но февральский поход во Владимир имеет совсем другое значение. Это выступление войск, собранных со всего великого княжения, со своими князьями и воеводами. Великий князь с братьями и сыном шел во Владимир во главе служилого ополчения — главной силы Русской земли.

Летописная формула об этом событии носит чисто официальный характер, так мог начинаться походный дневник великого князя. Аналогичная формула встречается в великокняжеской летописи в 1445 г. в известии о походе великого князя Василия Васильевича на казанского царя Махмута.[157]

Представляет интерес порядок перечисления князей. На первом месте после великого князя — его брат Юрий, а сын, князь Иван, — толь-

---

[153] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

[154] ПСРЛ. Т. 24. С. 186.

[155] Варбаро и Контарини о России / Вступ. ст., подгот. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. Л., 1971. С. 226.

[156] Там же. С. 226, 229.

[157] «... со своею братиею ... князь Дмитрий Шемяка с ним, и князь Иван, князь Михайло Андреевичъ, князь Василий Ярославич, и со всеми князи своими, бояры и воеводами, и со всеми людьми...» (ПСРЛ. Т. 25. С. 395).

ко на третьем месте, позади Бориса. Десятилетний Иван еще не имеет официального статуса наследника и не носит политических функций, — первый человек после великого князя — старший из его братьев. Перечисление князей в этой формуле носит официальный характер.[158]

В поход идут не только воеводы великого князя с его служилыми людьми, но и его братья со своими воеводами. Собранное войско можно назвать княжеско-служилым ополчением.

«А князя Андрея Большого оставил князь великий на Москве, да и другого князя Андрея Меньшого».

Управление столицей было, надо полагать, в руках наместника (вероятно, кн. И. Ю. Патрикеева) и бояр великого князя. Был на Москве и митрополит Филипп. Была и великая княгиня Мария Ярославна. Но упоминание князей, оставленных на Москве, может свидетельствовать об уровне доверительных отношений между братьями. Конфликты были еще впереди. Между братьями царило согласие — об этом косвенно говорит отсутствие каких-либо письменных докончаний между ними. Они жили по духовной отца.

«Тое же весны в Великое Говенье [т. е. после 27 февраля] пришел на Москву посол от короля Казимира, Якуб писарь да Ивашенец. И князь великий велел наехати ему себе в Переславле. А сам из Володимера с сыном иде к Переславлю, а братию и вся люди оставив в Володимере. И пришед к Переславлю посла отпусти, и възвратися опять к Володимерю».

Приезд королевского посла — важное событие. Тем не менее великокняжеская летопись со времен Дмитрия Донского приезды послов не фиксирует, хотя с Литвой были оживленные дипломатические отношения (что видно, например, из наличия договорных грамот).

Посольство Якуба писаря зафиксировано, видимо, в походном дневнике, который велся во время «стояния» великого князя во Владимире. Наличие церковных дат может свидетельствовать о принадлежности к духовенству лица, ведущего походный дневник.

Великий князь придает такое значение своему пребыванию с войсками, что не едет для встречи с послом в Москву, а назначает ему аудиенцию в Переяславле.[159] Не считает возможным принять посла во Владимире — очевидно, не хочет показывать ему войска, собранные

---

[158]В грамоте о докончании с Михаилом Тверским (заключенном между 1462 и 1464 гг.) Иван III требует от тверского князя: «Целуй ко мне крест… и к моему брату молодшему, ко князю Юрию Васильевичу, и к нашей братье меньшей ко князю к Ондрею, и ко князю к Борису, и князю Ондрею…» (ДДГ. №63. С. 204).

[159]От Владимира до Переяславля по прямой — 120 км, до Москвы — 180 км.

там.[160] Великий князь на встречу с послом берет с собой сына — и это едва ли не первое указание на особую политическую роль наследника.

Какую цель могло преследовать сосредоточение войска во Владимире? Известно, что в 1461 г. великий князь Василий Васильевич «поиде к Володимерю, хотя ити на Казаньского царя». В марте 1461 г. он был во Владимире «зарати бо ся тогда с царем Казанским».[161] Мы уже видели, что, по сведениям Тип. летописи, осенью 1467 г. великий князь Иван был во Владимире и именно оттуда послал в поход войска с царевичем Касымом.[162] Владимир — место сбора войск, передовая база, выдвинутая от Москвы к востоку, к казанскому рубежу.

Владимир — в 200 верстах от Москвы, на кратчайшем пути к Казани. Отсюда вниз по Клязьме в Оку, по Оке — к Волге или сухим путем. Владимир может быть исходной базой и для наступления, и для обороны — противнику трудно его обойти.[163]

Мобилизация и сосредоточение княжеско-служилого ополчения должны были занять достаточно длительное время. Так, столетие спустя сборы в Полоцкий поход 1563 г. заняли два месяца (начались в конце сентября, а войска прибыли в Можайск к месту сбора в начале декабря).[164]

Подготовка к сбору войск для похода во Владимир могла начаться одновременно с отправкой войск к Галичу для похода Северной рати. Это значит, что мобилизация княжеско-служилого ополчения началась уже в ноябре 1467 г., непосредственно после похода Касыма. Не исключено, что в ходе мобилизации проводились смотры боеготовности служилых людей по уездам — о подобных смотрах впоследствии писал Герберштейн.[165] Эти смотры, сопровождавшиеся составлением десятен, хорошо известны в XVI в. в условиях развитой поместной системы. Но в своей первичной форме такие смотры могли появиться гораздо раньше — без них едва ли было возможно функционирование военно-служилой системы.

Длительное пребывание во Владимире могло быть использовано для проверки боеготовности войск, для росписи их по полкам (в 1562 г. в Можайске эта роспись заняла две недели). Главной целью бы-

---

160 Базилевич. С. 63.
161 ПСРЛ. Т. 25. С. 277.
162 ПСРЛ. Т. 24. С. 187.
163 О значении Владимира в походах на Казань см.: *Амелькин А. О.* Владимир — крепость на Казанской Украине // Клио. 2000. № 2 (11). С. 180–188.
164 Книга Полоцкого похода 1563 г. // Исследование и текст. СПб., 2004.
165 Герберштейн. С. 113.

ло, вероятно, создание стратегического резерва для дальнейших действий.

Между тем военные действия продолжались. «А Татарове казанские тое же весны шед взяша Кичменгу и зажгоша. Князь же великий посла переимати их».[166]

Кичменга — левый приток р. Юг, в устье ее — городок (примерно в 120 верстах к югу от Устюга), который, очевидно, и был сожжен казанцами. От Устюга до Владимира — не менее тысячи верст. Гонец мог покрыть это расстояние не менее чем за 10–15 суток, а на получение во Владимире известий о нападении на Кичменгу и передачу приказания должно было уйти несколько недель. Приказание могло иметь смысл как распоряжение нанести ответный удар по казанцам на этом направлении, т. е. к югу от Устюга, послать войска на Кичменгу и т. п. Важно то, что нападение казанцев вызвало какие-то ответные меры со стороны главного командования — оно старалось держать управление войсками в своих руках. Связь между войсками на театре военных действий и главным командованием в тылу поддерживалась — об этом свидетельствует запись в походном дневнике «Владимирского стояния», которая, по-видимому, была последней: «Прииде князь великий на Москву в пятой великий вечер (15 апреля. — *Ю. А.*)».

Итак, во Владимире вместе с великим князем был его аппарат управления, через который и осуществлялось управление войсками. По-видимому, аппарат военного управления как таковой еще не оформился, как не было и особого аппарата для управления посольскими делами. Канцелярия великого князя еще не дифференцировалась. По крайней мере, в источниках нет явных признаков функциональной документации — ни военной, ни посольской.

Дошедшие до нас дневниковые записи (в их летописной интерпретации) отразили только часть работы Ставки — в нее стекались донесения, а из нее шли директивы, свидетельствующие о работе аппарата управления войсками.

Ближайший аналог дневниковых записей 1468 г. — записи 40–50-х гг. о походах великого князя Василия Васильевича. Эти записи сохранились за 1445, 1450, 1452, 1456 гг.[167] Общее в них — более или менее точная датировка движения великого князя и некоторых его распоряжений. Даты приводятся как по церковному, так и (реже) по светскому календарю (6 июля 1445 г., 27 января 1450 г.). В некоторых

[166] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

[167] Там же. С. 262–263, 270–271, 272, 274–275, 394.

случаях дневниковые записи перемежаются с воспоминаниями участников событий (Суздальская битва, бой под Галичем). Таким образом, известный опыт ведения походного дневника и его отражения в великокняжеской летописи уже имелся.

Напротив, летописи Ерм., Тип. и Уст. не содержат никаких упоминаний о «Владимирском стоянии». Это объясняется, видимо, более или менее частным характером этих летописей, не связанных непосредственно с официальным великокняжеским летописанием и его источниками. Нет сведений о «Владимирском стоянии» и в сокращенных Сводах — вероятно, к 90-м гг. эти события потеряли свою значимость, с точки зрения составителей Сокращенных Сводов.

Рассказ великокняжеского свода о «Владимирском стоянии» без каких-либо изменений перешел в Вол.-Перм., Сп.-Прил., Увар., Никанор., и, что особенно важно, в Ник., что подчеркивает его официальный характер.

«Владимирское стояние» в глазах официозного летописца занимает центральное место в ряду событий зимы 1468 г. Прибытие великого князя во Владимир состоялось, когда результаты похода Северной рати князя Семена Романовича Ярославского были уже, вероятно, известны в Москве. Какие бы ни строились предположения о цели и задачах «Владимирского стояния», ясно одно — главные силы русских войск были собраны именно здесь и составляли фактически стратегический резерв для будущих операций.

Новый этап войны с Казанью начался с наступлением весны. Как мы видели, в глазах великокняжеского летописца первым актом новой кампании было нападение казанцев на Кичменгу, что вызвало соответствующие распоряжения великого князя, находившегося еще во Владимире.

Тип. летопись пишет о событиях весенней кампании гораздо подробнее.

«Тое же зимы на Вербной неделе (4–10 апреля. — *Ю. А.*) взяша Татарове Казаньскии две волости Костромских — Кусь и множество полону взяша, а иных изсекоша. Князь же Иван Васильевич Стрига Оболенский ходи за ними и до Унжи с Костромы, и не достиже их».[168]

Это самостоятельное сообщение из источника, не известного великокняжескому летописцу. Известие, вероятно, местного происхождения: Кострома, и в Ростове могли быть осведомлены о костромских делах.

[168] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

Татары разграбили восточную костромскую волость. Река Кусь — правый приток р. Нямды, которая в низовьях сливается с Унжей, близ ее устья в Волгу, напротив Юрьевца.

Воевода князь Иван Стрига стоял, очевидно, в Костроме и погнался за татарами. До Унжи он должен был пройти примерно 150 км, на что в условиях апрельской распутицы должно было понадобиться не менее 5 дней.

Не сказано, что он пошел в поход по велению великого князя. Вероятно, он стоял со своим полком в Костроме и принял решение сам, по вестям, иначе поход его не имел бы никакого смысла. Такие решения воевода должен принимать самостоятельно, исходя из конкретной обстановки.

Сам набег татар носил характер именно набега — «изгоном», для грабежа и устрашения, примерно такой же характер, как зимний поход князя Семена Романовича Ярославского.

Нападение на костромские волости сочеталось с нападением на устюжскую Кичменгу. Казанские отряды действовали на широком фронте и на разных направлениях.

Таким образом, известия Тип. летописи дополняют картину, содержащуюся в великокняжеской летописи.

«Тое же весны те же Татарове имаша около Мурома в неделю святых Мироносиц (1–8 мая. — *Ю. А.*), и отъидоше».

«Те же», т. е. казанские, а не обязательно те именно, которые разграбили Кусь. Нападение на Муром еще раз показывает масштабы действий казанцев весной 1468 г. Муром, в каких-нибудь 120 км от Владимира, был атакован всего через две недели после отъезда в Москву великого князя. Возникает мысль, что сосредоточение войск во Владимире могло преследовать и оборонительные цели — на случай большого наступления татар. Не являлся ли и зимний поход на Черемису попыткой отвлечь внимание татар от Владимирско-Московского направления? «Того же лета Татарове Казанские имаше около Муроме и много полону взяше». Это, очевидно, второе нападение на Муром — после пожара Москвы в ночь на 23 мая, отмеченного в Тип. «Князь же Данило Дмитриевич Холмский иде за ними из Мурома, и постиже их, и бив их, полон весь отъиме. А ини, с коней сметався, уидоша на лес».

Из этого известия вытекает, что в Муроме, как и в Костроме, стоял гарнизон во главе с воеводой. Князь Данило Дмитриевич оказался более удачливым, чем князь Иван Стрига. Он сумел догнать и отбить полон. Любопытная деталь: татары, бросив коней и добычу, скрываются

в лесу — густой лес недоступен для конницы. Это первое известное летописи упоминание знаменитого впоследствии воеводы дает исходную дату перехода его из Твери на службу великому князю Московскому, что могло быть связано с мерами по усилению великокняжеского войска.

«Того же лета Татарове Польстии побиши сторожев наших в Поле, и пришед без вести, и взяша Беспуту, и множество полону вземше, отъидоша».[169]

В Поле (Диком), за Окой стояли наши «сторожи», сторожевые посты, обязанные предупреждать о приближении татар.[170] Но на этот раз «польстии», т. е. степные, ордынские. Татары побили сторожей и «безвестно» напали на Беспуту — русскую волость на правом берегу Оки. Служба на Берегу не смогла предотвратить это нападение. Она, видимо, была развернута только на левом, русском берегу реки. Во всяком случае известие Тип. летописи еще раз напоминает о реальном существовании угрозы с Юга, со стороны «Татар Польстиих», т. е. степняков-ордынцев. Эта угроза в любом случае не могла игнорироваться в Москве, она требовала внимания и сил; она как бы накладывалась на все остальные планы и действия русского командования. Правобережные волости были фактически беззащитны перед угрозой из Дикого Поля.

Составитель Тип. летописи имел какие-то источники информации, независимые от источника великокняжеской летописи. Что это за источники, сказать трудно, но они скорее документального, чем частного характера. В пользу этого говорит наличие дат и имен воевод. Во всяком случае, известия Тип. значительно расширяют и уточняют представление о начале весенней кампании. Русские войска во главе с воеводами стояли в городах, где ожидалось нападение. Вероятно, это и были «заставы», о которых пишет великокняжеская летопись осенью 1467 г.

Задачи, объективно стоявшие перед главным командованием русских войск весной 1468 г., были достаточно сложными. Стратегическая инициатива была в руках казанцев. Нападения казанцев заставляли держать гарнизоны в пограничных городах, т. е. разбрасывать силы на широком фронте от Устюжских волостей до Мурома. Постоянная

---

[169] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

[170] «Сторожи» — разведчики, поставленные великим князем, упоминаются в рассказе Вол.-Перм. летописи о Мамаевом побоище (ПСРЛ. Т. 26. С. 129, 134, 136 и др.). В 1468 г., по-видимому, сторожевая служба в Поле носила постоянный, а не разовый, характер.

угроза из Дикого Поля вынуждала держать силы на рубеже Оки. В этих условиях необходимо было принять стратегическое решение на летнюю кампанию с целью изменить обстановку в свою пользу. Как почти во всех случаях, существовал выбор между оборонительным и наступательным образом действий.

В первом случае следовало усиливать гарнизоны в пограничных городах и держать их в полной боевой готовности для отражения внезапного нападения и одновременно формировать достаточно крупные силы стратегического резерва для нанесения контрударов.

Во втором случае необходимо было перейти в наступление на важнейших направлениях, чтобы вырвать у противника стратегическую инициативу и заставить его перейти к обороне.

«И тое же весны по Велице дни (17 апреля. — *Ю. А.*) князь великий многих детей боярских, Двор свой, послал на Каму воевати мест Казанских».

«С Москвы к Галичу Руна с казаки, а из Галича Семеновых детей Филимонова Глеба, Ивана Шуста, Василия Губу. И поидоша к Вологде и Руно вместе с ними».[171]

Если учесть, что великий князь прибыл в Москву в Страстную пятницу (15 апреля), то отправка Двора в поход на Каму состоялась в самые ближайшие дни после «Владимирского стояния».

Очевидно, решение было принято и вся необходимая предварительная подготовка проведена во время этого «стояния».

Летняя кампания началась. Отправка детей боярских Двора великого князя, т. е., надо полагать, отборных войск, свидетельствует о большом значении, которое придавалось походу. «Казаки» — видимо, добровольцы из детей боярских. Имя Ивана Руно встречаем здесь впервые, он не принадлежал к княжеско-боярской элите, и назначение его главой детей боярских Двора, посланных из Москвы, может свидетельствовать о его выдающихся личных качествах, известных великому князю.

Галич — сборный пункт для войск, предназначенных для похода (как уже было в зимнюю кампанию). Собравшись в Галиче, эти силы двинулись к Вологде — вероятно, по рекам Вексе и Леже, которая впадает в Сухону ниже Вологды.

«А с Вологды поидоша с Вологжаны в судех на Николин день (9 мая. — *Ю. А.*) к Устюгу».

[171] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.

Если Руно выступил из Москвы сразу после Великого дня (17 апреля), для сосредоточения войск к Вологде через Галич понадобилось три недели.

«И с Устюга поиде князь Иван Звенец с Устюжаны, а Иван Игнатьевич Глухой — с Кичменжаны». Князь Иван Звенец Звенигородский и Иван Игнатьевич Глухой (из рода Морозовых) были, вероятно, наместниками в соответствующих городах.

Обращают на себя внимание родственные связи. Из пяти поименованных воевод (не считая Руна) четверо принадлежат к роду Морозовых. Они — четвероюродные братья от общего предка Семена Мороза, жившего, по-видимому, в первой половине XIV в.[172] Фамильное прозвище не упоминается в летописи — видимо, оно не имело особого значения для родства в четвертом колене.

Тем не менее родственные связи играют роль в служебных назначениях. Между родственниками сохраняется определенная корпоративная связь.

Князь Иван Иванович Звенец — из князей Звенигородских, совершил позднее выдающуюся карьеру как дипломат (именно ему удалось в 1480 г. заключить докончание с Менгли-Гиреем — важнейший договор Ивана III), в данное время был, вероятно, еще молодым человеком, впервые упоминаемым в источниках (ум. 90-х гг. во время своего второго посольства в Крым).[173]

Устюжане и кичменжане, а также вологжане — вероятно, местное земское ополчение (сколько-нибудь развитого служилого землевладения в этих местах не известно). В 1462 г. устюжане и вологжане уже ходили в поход по северным рекам во главе с воеводами великого князя.[174] Кичменжане в таком походе упоминаются впервые.

Итак, в поход идут дети боярские Двора (Руно), местное служилое (галичане) и земское (вологжане, кичменжане, устюжане) ополчения. Это своеобразный воинский контингент, который можно назвать земско-служилой ратью.[175]

«И сняшася вси вместе на Вятке под Котельничом и оттоле поидоша с ними Вятчане мнози».

[172]Зимин. С. 236.

[173]Зимин. С. 50.

[174]ПСРЛ. Т. 37. С. 96.

[175]К. В. Базилевич отмечает как особенности похода «широкое использование местных сил тех северных городов и уездов, которые подвергались нападению со стороны казанцев. Служилым людям... принадлежала только организаторская и командная роль» (Базилевич. С. 66).

Без волока не обойтись. Волоком, вероятно, шли из Юга в Молому, и по Моломе вышли на Вятку (реку) значительно ниже Хлынова. От Котельнича по Вятке прямой путь на Каму.

«Вятчане мнози» — это добровольцы, а не вятское ополчение как таковое. Грабительский по форме поход судовой рати сулил добычу и привлекал добровольцев.

«И бысть весть Вятчанам, что идут на них Казанцы, и възвратишася назад к Вятке. А с триста их поидоша с великого князя воеводами».

Нападение казанцев на Вятку — эффективный контрудар по тылам русского войска, двигающегося на Казань по северным рекам. Вятчане фактически отказываются от похода. По-видимому, только незначительная часть вятчан-добровольцев продолжает поход с воеводами великого князя.

Создается новая оперативная обстановка — Вятка вышла из союза с великим князем, путь через Вятку теперь закрыт, судовая рать отрезана от своей базы.

Здесь летописное изложение приобретает характер рассказа участника похода и теряет официозные черты. Но в руках рассказчика могли быть и документы, содержащие, например, имена воевод.

«Казанцы приидоша со многою силою к Вятке, и не возмогоша Вятчане противитися им, предашася за Казанского царя Обреима».

Тип. летопись приводит свою версию этого события.

«Того же лета идоша Татарове казанскии к Вятке. Вятчане же обеща им дань давати гобины деля, отняша бо у них гобину, потом же не даша им. Татары же идоша прочь, не сотвориша зла никоего же».

Эта версия нападения казанцев на Вятку независима от великокняжеской летописи и опирается на какой-то свой местный источник.

Как впоследствии выяснилось, речь шла не о переходе Вятки под власть Обреима и не о выплате дани, а только об обязательстве не участвовать в войне против него. Но, во всяком случае, это событие существенно понижало шансы на успешные действия северной рати. Задуманный в Москве мощный удар с севера теперь состояться не мог, и поход судовой рати приобретал характер операции с ограниченными целями.

«А воеводы великого князя повоеваша Черемису по Вятке реке и поидоша из Вятки по Каме на Низ, да воевали и до Тамлуги,[176] и гостей побили многих, и товару у них поимаша много».

[176] Приток Камы (Базилевич. С. 66).

Вятка впадает в Каму примерно в 150 км на восток от устья последней и на таком же расстоянии — на юго-восток от Казани. Судовая рать подошла достаточно близко к Казани. Но это был набег, не имевший существенного стратегического значения.

«Ходили до перевоза Татарского, да опять воротились вверх, воюючи Казанские же места, и в Белую Волошку[177] ходили воевати».

Поход чисто грабительский по своей форме — захват товара, разорение местности. Отзывается удалью новгородских ушкуйников старого времени, совершавших такие же лихие походы, но на собственный страх и риск, а не под знаменами великого князя.

«А в то время Казаньские Татарове двесте человек воевати же пошли, и дошед до тое же Волошки на конех, и пометав туда кони у Черемисы, поидоша из Вол[о]жки в судех вверх по Каме».

Поход этого отряда имел, вероятно, цель нападения на русскую рать, грабившую казанские места. Конный отряд, оставив коней на попечение дружественной Черемисы, пересаживается в суда и в таком виде идет на сближение с ратью великого князя. Очевидно, речной путь был самым коротким и надежным.

«Рать великого князя пришед и ту Черемису повоевали, а люди иссекоша и кони и всякую животину, и тех татар кони иссекоша... и поидоша за теми Татары по Каме».

Русские оказались позади татар. Татары, видимо, были плохо осведомлены о пути движения русской рати.

«И яко услышали, что уже близ их те Татарове, и ставше воеводы, и избраша вси, которыи же от своих людей, семь насадов, да отпустиша с ними воеводу Ивана Руна».

Считая среднее число воинов в насаде 30 человек,[178] против казанцев был сформирован отряд силою примерно в 200 человек — равный отряду казанцев. И выбор добровольцев, и выбор воеводы — все это отзывается стариной, временами вольных походов без непосредственного руководства со стороны великокняжеских властей. Такие традиции, естественно, могли лучше всего сохраниться в среде земского ополчения, еще не охваченного служилыми отношениями.

«И угониша Татар. И увидевше их Татарове выметашася на брег,

[177] Р. Белая (Там же).

[178] В 1375 г. новгородец Прокопий на 70 судах (ушкуях — по Моск. летописи, насадах — по Уст.) вез 2 тыс. воинов (ПСРЛ. Т. 25. С. 191); Герберштейн, описывая поход 1523 г., упоминает «девяносто судов, на каждом из которых было по тридцать человек» (Герберштейн. С. 178).

Руно же повеле своим за ними же на брег выйти, а Татарове забегше за речку и начаша с ними битися».

Речные суда — только средство передвижения, а не боевое средство. Бой мыслится как таковой только на суше.[179]

«Милостию же Божиею начаша одолети Христиане и приидоша на Татар за реку ту» — вероятно, за приток Камы. «Бились», видимо, не только в рукопашную, но и стреляя стрелами через реку.

«И тако избиша их и воеводу их Тулазия изънимаша княжа сына Тарханова, да другого Берды-шиика, а прочих всех избиша».

«А Руси на том бою дву человек убили, а раненых бы с шестьдесят человек, но милостью Божиею все живы».

Цифры потерь реалистичны. Рассказчик — очевидец, участник похода.

Судовая рать сделала, что могла. Она глубоко проникла в землю, подчиненную царю Обреиму, предавая все огню и мечу. Тактика норманнов, тактика ушкуйников — передвигаясь по воде, нападают на землю, но за нее не держатся.

«И поидоша оттоля на Великую Пермь да къ Устюгу. И тако приидоша к Москве все по здорову, а Татар приведоша полоненых к великому князю».

Вверх по Каме до волока на бассейн Вычегды. Шли кругом, через Великую Пермь, а не кратчайшим путем, через Вятскую землю, волоками в Юг — вероятно, потому, что Вятская земля заключила договор с Обреимом.

Уст. летопись приводит свой рассказ о походе судовой рати.

«Того же лета князь великий посылал рать на Черемису: двою Ивана Ивановичя Глухово да Ивана Руна, а с ними Устюжане да Галичане. И шедше на Каму, да изымали языка, а сказывает, что Татарове пошли вверх по Каме в Великую Пермь. И воеводы, шедше за ними в погоню, да их побили. Тогда убили на том бою ватамана устюжского Саву Осеива. А рать великого князя, Устюжане и Галичане, шли в Великую Пермь и на Устюг».[180]

Рассказ, независимый от великокняжеской летописи, по всей вероятности — местного происхождения. Возможно, со слов участника, хотя живых деталей похода, обычных для такого рассказа, нет. Характерно внимание к устюжским сюжетам, в том числе к «ватаману»,

---

[179] И морские суда до появления артиллерии стремились превратить бой в рукопашную схватку (абордаж). См., напр., Сагу об Олафе Трюгвассоне.

[180] ПСРЛ. Т. 37. С. 91.

павшему в бою. Устюжане — не дети боярские, а городовое (земское) ополчение, может быть, охочие люди во главе со своими «ватаманами». Наличие такого «ватамана» — важная черта организации земского ополчения, существенно отличающая его от служилого ополчения во главе с руководителями, назначенными великим князем.

Таким образом, известия устюжского летописца, несмотря на свою краткость, могут служить ценным дополнением к рассказу великокняжеской летописи.

Рассказав о походе северной рати, великокняжеская летопись приводит известие о боевых действиях на волжском направлении.

«... месяца июня 4 дня из Новагорода из Нижнего застава князя великого князь Федор Хрупин [= Хрипун] с Москвичи идоша на Волгу и побиша Татар Казаньских, Двор царев, многих добрых. Тогды убили Колупая, а князя Хозум Бердея изымав привели к великому князю на Москву».[181]

Князь Федор Семенович Хрипун Ряполовский упоминается здесь в летописи впервые. В 70-х гг. был еще жив его отец, князь Семен Иванович Хрипун, активный деятель 40-х гг. в борьбе с Шемякой. Сам князь Федор известен как воевода в 80–90-х гг.[182] Из всего этого вытекает, что в 60-х гг. он был еще молодым человеком, и ему вряд ли были доверены крупные силы. В Нижнем Новгороде он командовал «заставой», в состав которой, по буквальному смыслу летописного известия, входили служилые люди только Московского уезда.

Тип. летопись пишет об этом событии гораздо подробнее.

«Того же лета иде князь Федор Семенович Ряполовский Хрипун из Новгорода Нижнего, и поби заставу Казанскую на Звениче бору, за 40 верст до Казани, и князей многих Казанских поби. Ту же и богатыря их уби, Колупая, и не пусти ни единого, иже бы весть несл к Казани, и князя их единого, руками изымав к великого князя приведе. И стояв ту два дни на побоищи том, возвратися с честью».[183]

Краткое известие великокняжеской летописи здесь приведено в развернутом виде и с подробностями, заслуживающими внимания.

Выясняется, что войска князя Федора Ряполовского шли к Казани (берегом) и имели бой с заставой казанцев недалеко от столицы хана. Любопытно соблюдение древнего обычая стоять на поле боя, на костях разбитых врагов, как когда-то стояли и пировали древнерусские князья.

[181] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.
[182] Зимин. С. 40–41.
[183] ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

Во всяком случае, у составителя Тип. был свой источник о действиях князя Федора Ряполовского — источник, не зависимый от великокняжеской летописи.

Победа князя Ряполовского в бою у Звенича Бора не имела дальнейших последствий. Войска вернулись. В чем причина этого странного отступления после одержанной победы? Прямого ответа на этот вопрос в источниках нет. Приходится довольствоваться предположениями. Представляется вероятным, что, по замыслу главного командования, действия Северной рати и войск князя Федора Ряполовского должны быть согласованы по времени. Северная рать выступила в поход в начале мая, Волжская — позже. Исходя из того, что путь движения ее был значительно короче, удары по Казани с запада и с севера должны были последовать в течение короткого времени, ставя царя Обреима в два огня. Но в начале июня, по-видимому, уже появились сведения об измене вятчан и о неудаче северного похода. В этих условиях продолжать наступление на Казань по волжскому направлению было опасно — войска князя Ряполовского могли попасть под удар главных сил царя Обреима. Тут-то и было принято решение отказаться от дальнейшего движения к Казани и вернуть войска в исходное положение. Это решение было разумным — благодаря ему удалось избегнуть риска поражения войск по частям.

Итак, летняя кампания 1468 г. закончилась неудачей.[184] Широко задуманный стратегический маневр с двух направлений не получился. Решающее значение имел контрудар казанцев по Вятке, что привело к срыву похода Северной рати и к крушению всего стратегического замысла русского командования. В новых условиях принимается единственно целесообразное решение об отходе, что свидетельствует о реалистической оценке сложившейся обстановки. Надо полагать, что именно в этом сказалась работа Ставки главного командования. Если решение об отходе Северной рати могло быть принято на месте, под влиянием непосредственной обстановки, то отступление князя Федора Ряполовского после одержанной победы могло быть проделано по требованию Ставки, получившей информацию о неудаче Северной рати. Это, разумеется, не более чем предположение, хотя, на мой взгляд, до-

[184] По Соловьеву, «выгоды были явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку» (Соловьев. Стб. 1416). Причина «неуспеха» — от недостатка единства в движениях, от недостатка подчиненности. К. В. Базилевич с этой оценкой не согласен. Походы 1468 г. «дезориентировали Казань в отношении ближайших намерений великого князя» (Базилевич. С. 67).

Таблица 1. **Последовательность событий кампании 1467–1468 гг.**

1467 г. Сентябрь 14-е [сентябрь] [сентябрь–октябрь]	Начало похода на Казань царевича Касыма, отступление от Казани. Приведение пограничных городов в осадное положение. Посылка «застав». Набеги казанцев на пограничные города и отражение этих набегов
[октябрь–ноябрь] Декабрь 6-е	Мобилизация служилого ополчения. Отправка войск для зимнего похода. Начало зимнего похода от Галича войск кн. С. Р. Ярославского
1468 г. Январь 6-е	Вступление войск кн. С. Р. Ярославскго в Черемисскую землю
Февраль 7-е	Выступление великого князя к Владимиру. Начало «Владимирского стояния»
После февраля 27-го	Прибытие королевского посла. Прием его в Переяславле
весна [между 27 февраля и 15 апреля]	Нападение казанцев на Кичменгу
Апрель 4–10-е	Нападение казанцев на костромские волости. Поход кн. Стриги
Апрель 15-е	Прибытие вел. кн. в Москву
После 17 апреля	Отправка войск в Галич для похода на Каму
Май 1–8-е	Нападение казанцев на Муром
Лето? [после 8 мая?]	Нападение ордынцев на Беспуту
Май 9-е	Поход из Вологды к Устюгу
[23 мая]	Второе нападение казанцев на Муром. Поход кн. Холмского
[май–июнь]	Поход судовой рати по Вятке и Каме
Июнь 4-е	Бой войска кн. Ф. Ряполовского на Волге [у Звенича Вору]

статочно правдоподобное (не противоречащее известиям источников и реальному положению дел).

Известный нам летописный материал дает возможность представить ход событий с сентября 1467 г. по лето 1468 г., т. е. события трех кампаний — осенней, зимней и весенне-летней в ходе первой большой войны Ивана III. В обобщенном виде последовательность событий рисуется следующим образом (отсутствие указаний на источник означает, что событие дано по великокняжеской летописи. — ПСРЛ. Т. 25), см. табл. 1.

Летописное изложение событий летнего похода 1468 г. кончается известиями об отходе северной судовой рати и войск князя Федора Ряполовского. Никаких сведений о последующих событиях лета, осени и

зимы вплоть до весны 1469 г. в нашем распоряжении нет. По логике событий военные действия должны были продолжаться как с той, так и с другой стороны. Отсутствие летописных известий можно объяснить только специфическим характером летописи как источника. По тем или иным причинам летописец рассказывает не обо всех, а только о некоторых имевших место событиях. Выбор этих событий может в первую очередь определяться степенью осведомленности летописца, т. е. наличием в его распоряжении соответствующих источников, но также и его отношением к соответствующим событиям. События второй половины 1468 г. могли не отразиться в источниках, известных летописцу, т. е. в официальных документах и в рассказах участников, могли не привлечь его внимания в силу своей малой значимости (с его точки зрения) или нежелательности для включения в летописное повествование (опять-таки с точки зрения составителя летописи).

Что происходило на широком фронте борьбы с ханом Обреимом между летом 1468 г. и весной 1469 г., нам не известно. Но именно это отсутствие известий может косвенно свидетельствовать о том, что серьезных, крупных событий в этот период не было — в противном случае они, по всей вероятности, так или иначе отразились бы в последующем изложении.

Хотя кампания 1468 г. окончилась неудачей, с точки зрения эволюции военной организации великого княжества Московского эта кампания представляет большой интерес.

Это первое большое военное предприятие Ивана III. В отличие от походов начала 60-х гг. по северным рекам в сторону Урала,[185] в отличие от похода 1463 г. в Ливонию, носившего локальный характер,[186] здесь были задействованы силы русских войск на обширном театре войны. Кампания 1468 г. была военной акцией большого масштаба, преследовавшей важные политические цели — подчинение Казанского ханства влиянию Москвы. Эта была первая наступательная война против улуса Чингизидов. Впервые после Куликовской битвы Русская земля от обороны на востоке перешла к наступлению.

Широко поставленная задача требовала привлечения крупных сил. Фактически в кампании 1468 г. участвовали воинские контингенты двух типов — княжеско-служилое ополчение среднерусских городов и земское ополчение северных уездов.

Военные действия развертывались на широком фронте и на двух

[185] ПСРЛ. Т. 37. С. 90.
[186] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 52 и др.

операционных направлениях, что в военной истории Руси наблюдается впервые. Широкий размах операций приводит к качественно новому методу руководства войсками. Впервые великий князь не идет в поход во главе своих войск, а находится в тылу, в Ставке, из которой осуществляется оперативно-стратегическое управление войсками. Впервые великий князь выступает в роли не тактического, а стратегического руководителя.

Впервые можно наблюдать зародыш аппарата управления, без которого руководство войсками из ставки невозможно. Аппарат этот, очевидно, еще не оформился, как не оформилась и документация, исходящая от этого аппарата: летописные известия, носящие официальный характер, еще не похожи на разрядные записи. Следы деятельности аппарата управления можно видеть в фиксации распоряжений великого князя и в записях дневникового характера во «Владимирском стоянии».

По нашим источникам, несмотря на их заведомую неполноту, впервые можно наблюдать некоторые черты стратегического почерка русского главного командования. Неудачный осенний поход Касыма дал, по-видимому, толчок развитию оперативно-стратегической мысли. После осени 1467 г. проявились такие черты, как стремление к стратегической инициативе, действия на разных операционных направлениях, объединенные одной конечной целью, предусмотрительность и осторожность — стремление избежать излишнего риска. Проявились и недостатки оперативно-стратегического руководства, которое не сумело предвидеть и парировать эффективный контрудар казанцев, искусно действовавших по внутренним операционным линиям.

Не будет преувеличением рассматривать события кампании 1467/68 г. как начало нового этапа военной истории России — переход от удельно-княжеского уровня управления и руководства войсками к уровню государственному, соответствующему новому политическому облику Русской земли, превращавшейся в единое Российское государство.

Нельзя вместе с тем не увидеть и стойких черт старой военной системы. Элементы военной системы централизованного характера еще перемешиваются и сосуществуют со старыми традициями — выборным воеводой, земским ватаманом, подобно тому как великокняжеское служилое ополчение детей боярских сосуществует с земским ополчением, идущим под знаменами великого князя.

КАМПАНИЯ 1469 г.

Кампания 1469 г. почти не подвергалась специальному изучению. В общих трудах по истории России она рассматривается в контексте русско-казанских отношений.[187] М. Г. Худяков посвятил ей две страницы своего исследования по истории Казанского ханства.[188] Наибольшее внимание уделил этой кампании К. В. Базилевич, рассматривая ее не только как важный шаг во внешней политике Ивана III, но и как военно-исторический сюжет.[189]

Единственный источник для изучения этих вопросов — летописи. Особое значение имеет официальная великокняжеская летопись,[190] которая содержит наиболее полную информацию о распоряжениях великого князя и действиях войск. Наиболее существенным (и трудно решаемым) является вопрос о степени достоверности этой информации.

Источники, которыми пользуется летописец, могут быть разделены на официальные, основанные на документации, и частные (основанные на рассказах участников или современников событий).

Источники официального происхождения могут содержать более точную информацию о распоряжениях великого князя, имена воевод и даты событий; источники частного происхождения содержат детали, подробности и эмоциональные оценки.

Трудность заключается в том, что в изложении летописца и те и другие источники выступают, как правило, в переработанном виде, поэтому разделение их при попытке анализа будет почти всегда носить ту или иную степень условности.

Однако при всем этом без такого деления обойтись трудно — оно в какой-то мере может служить ориентиром в классификации известий, приводимых в летописи.

Изложение событий 6977 (1468/69) г. великокняжеская летопись начинает с рассказа о переговорах по поводу брака с царевной Софьей. События излагаются в хронологическом порядке с точными датами («Февраля 11... Марта 20...»), что свидетельствует о документальном характере источника.

Далее следует киноварный заголовок:

«Послал князь великий судовую рать на Казань.

---

[187] Карамзин. С. 12–16, 229; Соловьев. С. 64–67.

[188] *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923.

[189] Базилевич. С. 68–72.

[190] Там же. С. 281–283.

Тоя же весны по Велице дни на другую неделю (т. е. 9 апреля. — *Ю. А.*) послал князь великий на Казанские места рать в судех. Воевода Константин Беззубцев Александрович, а с ним многие дети боярские, Двор свой. Также и от всея земли своей дети боярские изо всех градов своих, и изо всех отчин братии своей, по тому же».[191]

Итак, в поход идут три контингента детей боярских:

Двор великого князя,

«изо всех градов земли»,

«изо всех отчины братии своей».

Перед нами — своего рода тотальная мобилизация всего служилого ополчения великого княжества Московского.

Это заставляет вспомнить о событиях февраля 1468 г., когда «князь великий за три недели до Великого заговенья (7 февраля. — *Ю. А.*) поиде к Володимерю, а с ним братия его... и вси князи их, и бояре, и воеводы, и со всеми людьми».[192] Но если тогда служилое ополчение собиралось во Владимире, то теперь оно идет в дальний поход.

«А с Москвы послал сурожан и суконников и купчих людей и прочих всех Москвичь, кто пригоже по их силе. А воеводу над ними постави князя Петра Оболенского Васильевича Нагого».

В отличие от февраля 1468 г., теперь кроме служилых людей — детей боярских — мобилизованы москвичи. Это та самая «рать Московская», о которой впервые упоминается в докончании 1389 г. Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским: «А Московская рать, хто ходил с воеводами, те и нонеча с воеводами, и нам их не приимати».[193] Эта формула в модифицированном виде повторяется во всех последующих докончаниях великих князей с их серпуховскими «молодшими братьями». «А Московская рать ходит с моим воеводою, великого князя, как было переже сего».[194]

Воевода великого князя во главе Московской рати, надо полагать, — нововведение Дмитрия Донского после реформы управления Москвой — отмены должности тысяцкого, традиционного представителя земского ополчения.[195]

[191] ПСРЛ. Т. 25. С. 281.

[192] Там же. С. 280.

[193] ДДГ. № 11. С. 32.

[194] ДДГ. № 13. С. 39; № 27. С. 71; № 45. С. 131; № 56. С. 171; № 58. С. 182.

[195] В 1374 г. «Сентября 17 преставился в чернецех и схиме» последний московский тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов. О реформе см.: *Алексеев Ю. Г.* У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 19–20; *Фроянов И. Я.* О возникновении монархии в России // Начало русской истории. СПб., 2001. С. 901–902; *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва в XIV–XV веках. М., 1957. С. 172–174.

Формула летописного известия 1469 г. конкретизирует понятие «рать Московская». Это четыре категории людей:

сурожане,

суконники,

купчие люди,

«и прочие все Москвичи... кои пригоже по их силе».

В поход идут привилегированные торговые люди — сурожане и суконники — цвет московского городского населения. Призыв их под знамена свидетельствует о масштабе мобилизации. Купчие люди и «все прочие Москвичи» мобилизуются «по их силе», т. е. в зависимости от своих достатков, вероятно, по определенной норме (вроде псковского «разруба»). В полном соответствии с межкняжескими докончаниями во главе Московской рати идет воевода, поставленный великим князем.

Таким образом, в поход были призваны как служилые люди, так и земское (городское) ополчение столицы.

Известен неудачный опыт призыва московского ополчения. В 1433 г. «Москвич гостей и прочих поим с собою» великий князь Василий для отражения внезапного нападения Юрия Галицкого. Но в бою 25 апреля на Клязьме, в 20 верстах от Москвы, по словам летописца, «от Москвич не бысть никоея помощи, мнози бе от них пьяны бяху, а и с собою мед везяху, что пити еще».[196] Из этого единственного, хотя и важного, эпизода никаких выводов о степени боевой ценности Московской рати делать нельзя. Великие князья и до, и после этого случая включали клаузулу о Московской рати в свои договорные грамоты — свидетельство того, что Московской рати придавалось серьезное значение. Это подтверждает и рассматриваемое нами известие: большой поход на Казань требовал участия Московской рати во главе с воеводой великого князя.

Итак, великий князь, исполняя свои функции главы государства — верховного главнокомандующего, назначает высший командный состав идущих в поход войск: 1) воеводу во главе всей рати; 2) воеводу Московской рати. Особое назначение воеводы Московской рати может говорить об особом положении этой рати в составе всего войска.

«И те поидоша Москвою рекою к Новугороду Нижнему. А иные Клязмою. А Коломничи и все, которые выше их по Оце, Окою поидоша, и Муромци тако же. А Володимерци, и Суздалци, Клязмою, и Дмитровцы, и Можаици, и Углечане, Ярославци, Ростовци, Костро-

[196] ПСРЛ. Т. 25. С. 250.

мичи и прочие вси поволжане Волгою к Нову же Городу на один срок. И снидошася вси ти во едино место в Новъгород».

Перечислено поименно 11 городов, включая Москву. Но это не весь перечень: есть «которые выше по Оце», чем Коломничи, есть «прочий вси Поволжане». Перечень городских полков 1469 г. можно сравнить с соответствующими сведениями 1375, 1380 и 1386 гг.

Состав полков в походе 1375 г. на Тверь отражен в Вол.-Перм. летописи. На Тверь с великим князем Московским Дмитрием шли со своими полками князья: Суздальские (четверо), Ростовские (трое), Смоленский, Ярославские (двое), Белозерский, Кашинский, Моложский, Стародубский, Брянский, Новосильский, Оболенский, Турьский. Всего поименно перечислено 18 князей из двенадцати городов.[197] Перечислены именно князья — на Тверь идет княжеское ополчение во главе с великим князем. Маршруты движения, место сбора и дата не указаны.

Известие о походе 1380 г. на Дон в Вол.-Перм. летописи содержит сообщение, что великий князь Дмитрий «всему войску повеле писать... да будете готовы все на Успение... на Коломне, и переберем полки, и дам воеводу коемуждо полку».[198] Итак, по этому известию сбор войск проводился по письменному распоряжению великого князя, который назначил срок и место сбора войск. Назначение воевод великим князем должно было состояться после сбора войск и «перебора» полков.

С великим князем Дмитрием шли в поход князья Белозерские, Кемский, Андомский, Каргопольский, Ярославский, «Серпьский», Ростовский «и иные мнози».[199]

В результате «перебора» полков были сформированы во главе с воеводами великого князя полки: Коломенский, Володимерский, Костромской и Переяславский. Муромские князья вели свой полк сами.[200]

Таким образом, если буквально верить этому летописному рассказу, формирование полков и назначение воевод состоялось после сбора и смотра войск самим великим князем. Несмотря на вероятную неполноту летописного известия, оно рисует в общем правдоподобную (не противоречивую) картину сбора и организации войска перед Куликовской битвой.

[197] ПСРЛ. Т. 26. С. 122; Т. 37. С. 75.
[198] ПСРЛ. Т. 26. С. 130.
[199] Там же.
[200] Там же. С. 133.

Состав войск в походе 1386 г. на Новгород освещен в летописях Новг. IV, Соф. I старш., Вол.-Перм. (другие летописи помещают об этом событии только краткие сообщения). Перечни «ратей» в этих летописях восходят, очевидно, к одному источнику и расходятся только в деталях. Никаких данных о месте и времени сбора войск, об их организации летописи не приводят. С великим князем пошли рати: Московская, Коломенская, Звенигородская, Можайская, Волочская, Ржевская, Серпуховская, Боровская, Дмитровская, Переяславская, Володимерская, Юрьевская, Муромская, Мещерская, Стародубская, Суздальская, Городецкая, Нижегородская, Костромская, Угличская, Ростовская, Ярославская, Моложская, Галичская, Бежецкая, Белозерская, Вологодская, Устюжская, Новоторжская — всего двадцать девять наименований. На Новгород идет ополчение всех русских городов (кроме Рязани и Твери). О князьях, идущих в поход, не упоминается. О воеводах, назначенных великим князем, не говорится.

По масштабам три похода Дмитрия Донского сопоставимы с походом 1469 г. Естественным образом расходится номенклатура городов в силу тех изменений в политической географии, которые произошли за 80–90 лет после Донского. Но содержание летописных известий расходится существенно. Если в 1375, 1380 и 1386 гг. великий князь шел сам во главе своих полков, то в 1469 г. непосредственное командование войсками поручено воеводе, а великий князь остается в своей Ставке. Поэтому не могло быть ничего похожего на смотр войск и назначение воевод, проделанные Дмитрием Донским в походе 1380 г.

Кто возглавлял рати, мобилизованные весной 1469 г.? Константин Александрович Беззубцев — представитель боярского рода Кошкиных, одного из самых старых и влиятельных в Москве. Сам Константин Александрович в 1450 г. отразил нашествие ордынского улана Малыш-Бердея и во главе своего Коломенского полка разбил его на р. Битюге.[201]

Таким образом, во главе войск, собравшихся у Нижнего Новгорода, был поставлен воевода опытный, имевший заметные боевые заслуги, глава Московского полка князь Петр Васильевич Оболенский Нагой — четвертый сын князя Василия Ивановича, выдающегося воеводы Василия Темного (в 1450 г. взял Галич) и младший брат другого известного воеводы — Ивана Стриги (разбил в 1456 г. новгородцев под Старой Русой). В 1469 г. он был, по-видимому, еще молодым человеком — в 1490–1500-х годах был воеводой в походах на Литву, а с 1498 г.

---

[201] ПСРЛ. Т. 25. С. 271.

упоминается как боярин.[202] Во главе столичного полка стоял молодой воевода, сделавший впоследствии большую карьеру. Назначение его, сына и брата, знаменитых военачальников, главой Московского полка свидетельствует о важности этого полка в составе великокняжеского войска.

В известии 1469 г., как и в 1380 г., точно указано время и место сбора войск. Но если в 1380 г. пути движения к этому пункту не названы и, очевидно, были предоставлены на усмотрение самих князей, ведших свои рати, то в 1469 г. пути подробно расписаны. Источник, содержащий подробные сведения, имеет, скорее всего, документальное происхождение — из канцелярии великого князя; именно здесь могли назначаться маршруты войскам.

Отсутствие великого князя при войске, идущем в поход, ставило проблему, не известную во времена Дмитрия Донского, — проблему организации связи и управления войсками со стороны главного командования, находившегося далеко от театра военных действий.

Функции этого командования в лице великого князя не ограничивались посылкой рати к Нижнему Новгороду.

«А к Устюгу послал князь великий воеводу своего князя Данила Васильевича Ярославского, да с ним свой Двор, детей боярских...»

Итак, великий князь посылает не одну, а две рати по разным операционным направлениям. «Двор» — не единое целое соединение, а собирательное имя — это дети боярские, служащие с Двором, а не с городом. Очевидно, уже существовали какие-то дворовые списки — предшественники будущей Дворовой тетради. Дети боярские Двора ходят в походы, с разными воеводами, вместе с детьми боярскими из городов: деление детей боярских на дворовых и городовых — уже налицо.

К Устюгу великий князь послал «... Ивана Гавриловича, Тимофея Михайловича Юрла, Глеба да Василия Семеновых детей Филимонова, Федора Борисовича Брюха, Салтыка Травина, Микиту Константинова, Григория Верхушкова, Андрея Бурдука...»

Поименно названные — это, видимо, головы — предводители отдельных подразделений.[203] «А с Вологды воевода князь Андреев Меньшого Семен Пешек Сабуров с Вологжаны». Вологжане составляют отдельную часть (полк). Эти люди князя Андрея Меньшого с его воеводой — едва ли не первое проявление деятельности молодого вологодского князя (род. 8 июня 1452 г.). Еще зимой 1468 г., во время Вла-

[202] Зимин. С. 45, 50.
[203] Базилевич. С. 66.

димирского сбора войска, князь Андрей Меньшой сидел в Москве вместе с Андреем Большим. Семен Пешек Сабуров — единственный удельно-княжеский воевода, упоминаемый в походе 1469 г. Воеводой северной рати идет один из ярославских князей. Его родственник князь Семен Романович возглавлял зимний поход в Черемисскую землю в 1467/68 г.[204] Переход ярославских князей на службу великому князю Московскому — характерное явление, связанное с распадом прежней ярославской княжеской системы и включением Ярославской земли в состав великого княжества. При этом ярославские князья возглавляют именно Северные рати, набранные из жителей земель, близких к Ярославлю.

«И пришед на Устюг, поидоша в судех к Вятке, а Устюжане с ними же».

По всем имеющимся данным, служилое землевладение на Вологде и на Устюге было слабо развито, и надо полагать, что в судовой рати участвовали не только и не столько служилые люди, но и земское (городовое) ополчение, привычное к речным походам. Шли волоком из Устюга в бассейн Вятки, по уже не раз испытанным (в том числе и год назад) путям.

«И прииде к Вятке, и начаша Вятчанам глаголати речью великого князя, чтобы пошли с ними на Казанского царя». Очевидно, воевода князь Данило Васильевич Ярославский имел полномочия обратиться к вятчанам от имени великого князя.

Поход судовой рати 1469 г. имеет общие черты с походом предыдущего года. Войска собираются к открытию навигации к Вологде и Устюгу, судовая рать идет в Вятскую землю. Но на этот раз из Москвы идут не казаки-добровольцы во главе с Иваном Руно, а дворовые дети боярские во главе с воеводой — лицом высшего ранга, облеченным полномочиями от великого князя. Уровень командования на ступень выше; надо думать, что и численность войск больше, и задачи более ответственны. Самое главное — поход северной судовой рати на этот раз дополнен походом главных сил к Нижнему Новгороду с очевидной дальнейшей задачей движения на Казань.

Необходимым или, во всяком случае, крайне желательным условием успешности похода северной рати было участие вятчан, которое должно было не только усилить состав самой рати, но и обеспечить ее тылы и связи с Москвой.

Но на предложение-предписание великого князя, сделанное от его

[204] ПСРЛ. Т. 25. С. 279.

имени воеводами судовой рати, вятчане «рекоша к ним: изневолил нас царь, и право свое дали есмя ему, что нам не помогати ни царю на великого князя, ни великому князю на царя».

Отказ вятчан от участия в походе носил официальный характер, имел существенно важное значение и фактически в большой мере подрывал саму стратегическую идею удара с двух направлений. Нельзя не отметить крупный успех казанской политики и стратегии — успешного для казанцев похода на Вятку в 1468 г., приведшего к таким важным результатам.[205] Можно отметить и другое — слабость политических связей Москвы и Вятки, недостаточность московского влияния на вятчан.

Но пребывание северной рати в Вятской земле имело еще более важные последствия.

«А в ту пору был на Вятке посол Казанского царя, и тот послал весть к Казани, что и отселе идет от Вяткы рать великого князя судовая, но не во мнозе».[206] Таким образом, и маршрут движения, и состав судовой рати оказались раскрытыми для противника. В таких условиях трудно было рассчитывать на успех. Отметим, что, по оценке казанского посла-разведчика, судовая рать идет «не во мнозе». Перед ней, по-видимому, стояла задача нанесения сковывающего (отвлекающего) удара для облегчения действий главных сил, собиравшихся в Нижнем Новгороде.

Описание похода северной судовой рати носит в какой-то мере документальный, официальный характер — в источнике могли быть официальные сведения, наказы и донесения, включенные в летопись в переработанном виде.

Рассказав о первом этапе похода северной рати, великокняжеский летописец возвращается к рати Константина Александровича Беззубцева.

«А Константин Беззубцев со всеми предписанными вои совокупився стояше в Новегороде в Нижнем. И прислал к нему князь великий грамоту свою, веля ему самому стояти в Новегороде, а которые под ним дети боарьские и вси прочии вои восхотят, тех повеле ему отпускати воевати мест Казанских».[207]

Великий князь осуществляет одну из функций главного командова-

---

[205] М. Г. Худяков считает, что в 1468 г. Хлынов был взят и туда назначен наместник Казанского ханства (Худяков. С. 34). Однако в наших источниках таких сведений нет.

[206] ПСРЛ. Т. 25. С. 282.

[207] Там же.

ния — шлет директиву в форме грамоты воеводе, стоявшему с собранными войсками. Смысл этого письменного предписания заключается, видимо, в том, чтобы, сохраняя основное ядро войск в Нижнем, частью сил нанести удар по казанским местам — с обычной целью грабежа и опустошения, а также, может быть, отвлечения внимания от северного направления.

Главные силы, собранные в Нижнем, должны оставаться под непосредственным командованием своего воеводы — в готовности к походу на Казань.[208] Вероятнее всего, рать Беззубцева должна была двинуться в поход после получения известий об успешных действиях северной рати, наносившей сковывающий, вспомогательный удар.

Обращает на себя внимание предоставление широкой инициативы воеводе — численность войск, отпускаемых под Казань, он должен определить сам, опираясь на желание тех, «кто восхотят».

«Он же, прочет грамоту и разосла по всех сущих под ним. Сшедшим же ся к нему всем князем и воеводам и сказа им, что прислал к нему князь великий грамоту, а велел всем вам, кто въсхочет идти воевати Казаньские места по обе стороны Волгы, а мне велел здесе быти в Новегороде. И вы поидете, а к городу к Казани не ходите». Устное распоряжение Беззубцева основано на директиве великого князя. Не ясно только, содержалось ли в директиве запрещение добровольцам идти к Казани, или оно было сделано воеводой по собственной инициативе. В любом случае оно соответствовало идее рейда ограниченными силами без участия основной массы войск, собранных в Нижнем Новгороде. Основная масса судовой рати, собранной со всех городов великого княжества, должна была оставаться в Нижнем Новгороде под командованием своего воеводы.

«То же слышавше вои князя великого рекоша воеводе своему Костянтину: „Все хотим на окаянных Татар за святые церкви и за своего государя великого князя Ивана и за православное христианство“. И поидоша вси, и Костянтин остася в Новегороде».

Неопределенно поставленная задача привела к неожиданным результатам. Судя по летописному известию, прошло нечто вроде вечевой сходки. Импровизированное волеизъявление «всех воев» не соответствовало ни директиве великого князя, ни распоряжению самого воеводы. Замысел всей операции был коренным образом нарушен.

[208] К. В. Базилевич считает, что директива Беззубцеву была дана с учетом того, что хан знает о движении северной рати (Базилевич. С. 68); Л. В. Черепнин видит в директиве Беззубцеву черты «феодальной войсковой демократии» (*Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 62–63).

Выражения «вси вои» не значит, конечно, что «все поголовно», но, во всяком случае, основная, большая часть войска изъявила желание «идти воевати казанские места».

Воевода Беззубцев, оказавшись перед фактом столь массового волеизъявления, не стал противиться ему и отпустил «всех воев», полностью нарушив тем самым полученную им директиву великого князя. По существу своему такое действие (вернее, бездействие) воеводы, поставленного во главе всей судовой рати Русской земли, не может расцениваться иначе как серьезнейшее должностное преступление с самыми тяжелыми последствиями.[209] Воевода-главнокомандующий нарушил данную ему директиву, потерял управление войсками и существенно ослабил вверенную ему рать. Это событие свидетельствует о низком уровне дисциплины высшего командного состава русского войска.

То, что произошло в Нижнем Новгороде, имеет своей основной причиной, надо полагать, не злой умысел воеводы или его личные недостатки как командующего, а сохранение в общественном сознании старых, не изжитых еще традиций общинно-вечевых времен, допускавших и даже предполагавших широкую, фактически неограниченную инициативу частных начальников и самих воинов. Поход «на Казанские места» отвечал идеалам лихой, удалой вольницы, соответствовал общепринятым представлениям о борьбе против «окаянных», а кроме того, сулил богатую добычу. Необходимо отметить, что исходное зерно этого проявления старых традиций заключалось в самой грамоте великого князя с ее достаточно неопределенной постановкой задачи. Видимо, и в ставке не были еще преодолены привычные, освященные веками представления об организации управления войсками.

Так или иначе, с этого момента начинается новый этап всей кампании — этап самостоятельных действий судовой рати на Волге. Меняется и характер изложения.

«И поидоша из Окы под Новъгород под старой, сташа под Николою на Бечеве, и вышед из суд идоша в город к старой церкве Преображения Господня, и повелеша ту идущим священником молебны совершати за великого князя и за вои его».

«И отоля шед, такоже и у святого Николы молебнаа створиша, милостыню даша кождо их противу силе». В этих известиях, лишенных всяких признаков официальности, чувствуется рассказ очевидца-участника событий.

[209] «С самого начала оказался нарушенным весь хорошо задуманный план похода» (Базилевич. С. 68).

«По сих же совокупишеся вси за едино и начаша мыслити себе, кого поставити воеводою, чтобы единого всем слушати. И много думав, избраша себе по своей воле Ивана Руна».

Вечевой, стихийный характер действий воев-добровольцев здесь проявляется в полной силе. Они сами избирают себе воеводу — вещь немыслимая в сколько-нибудь дисциплинированном войске, знающем субординацию. Воевода избирается общей сходкой «воев», вышедших из судов на берег, сохраняется и характерная терминология вечевых сходок — «много думав».

Избрание Ивана Руна объясняется, вероятно, исключительно его личными качествами. Он был известен, по-видимому, как смелый и опытный предводитель. Сам великий князь знал его и в предыдущую кампанию доверил ему посланных с Москвы на Север «казаков». Руно отличился и в бою с казанцами на Каме в 1468 г. Опыт прошлогоднего похода судовой рати во главе с Руном, очевидно, импонировал «воям», собравшимся в Нижнем Новгороде.

«И того же дни отплывше от Новагорода 60 верст, ночевали, и на утро обедали на Рознежи, и ночевали на Чебоксаре, и от Чебоксари шли весь день, да и ночь ту всю шли. И приидоша под Казань на ранней заре Майя 21, в неделю 50-ю».

Походные записи участника дают редкую возможность определить примерный темп движения судовой рати.

По карте от Нижнего до Чебоксар около 200 км. За первый день (вероятно, не полный — вышли не с рассветом) прошли 60 верст. Значит, за второй, с утра до ночи — 140 верст, верст по 10 в час. От Чебоксар до Казани — 120 верст, шли день и ночь (ночью, вероятно, медленнее) — примерно 5–10 верст в час. Всего от Нижнего до Казани по Волге — 320 км, как видно, три дня пути вниз по реке с ночевками.

Начало похода Ивана Руна состоялось, видимо, 18 мая. Идя вниз по течению, судовая рать достигнет Казани раньше, чем могла бы идущая по берегу конница, которой для преодоления 300 верст нужно не менее 5–6 дней.

При быстром движении по течению легко достигнуть эффекта внезапности. И он, очевидно, был достигнут.

«И вышед из суд, поидоша на посад, а Татаром Казаньским еще всем спящим».

Избранный воевода Иван Руно с самого начала грубейшим образом нарушил инструкцию, данную ему воеводой великого князя. Не воевали «Казанские места по обе стороны Волги», а устремились к самой Казани, хотя было прямо сказано: «к городу к Казани не ходите».

Велик был соблазн удара по вражеской столице, удара внезапного и потому допускавшего возможность эффектного успеха. И этот соблазн взял верх над воеводской инструкцией, над всем планом кампании, выработанным в Москве, в аппарате великого князя.

Суда служили только средствами передвижения. Боевые действия как таковые развертывались на берегу.

«И вышед из суд... повелеша трубити, и татар начаша сечи и грабити, и в полон имати».

Трубили, вероятно, по боевому обычаю, а также для того, чтобы усилить панику у татар, захваченных врасплох нападением на утренней заре. Татары, видимо, не несли сторожевой службы на речных подступах к своей столице.

«А что полон был туто на посаде христианской, Московской и Рязанской, Литовской, Вяцкой и Устюжской, и Пермской, и иных прочих градов, тех всех о[т] полониша».

Дерзкий набег сопровождался не только избиением и разграблением татар, но освобождением христианского полона. По своему выгодному географическому положению Казань была важным пересыльным пунктом, откуда захваченный на Руси полон отправлялся далее — на восточные работорговые рынки. Освобождение пленников придавало набегу Руна нравственно возвышенную окраску и отличало этот поход великокняжеских войск от набегов удалых, но вполне беспринципных ушкуйников прошлых времен.

По словам очевидца-участника, посад города Казани был полностью разгромлен и сожжен, а население его беспощадно уничтожено, как полагалось по нормам средневековой военной этики по отношению к противникам-иноверцам.

Атака Казани, сожжение посада, освобождение пленников имели несомненный морально-политический эффект: впервые грозная столица казанских ханов увидела под своими стенами русские войска, впервые горели посады не русских городов, а ханской столицы.

Но, отвлекаясь от этого морально-политического эффекта, нельзя не отметить, что сожжение посада само по себе отнюдь не могло решить главной задачи — овладения городом.

«Погоревшим же посадам, и рать отступи от града, а уже и истомившимся им велми, и вседше в суды свои отъидоша на остров Коровнич, и стояша ту седмь днии» (т. е. до 28 мая).

Эффект внезапности был исчерпан, а силы войска Ивана Руна истощены. Пребывание на острове в непосредственной близости от Казани подвергало русское войско большой опасности и не имело, вообще

говоря, никакого смысла, если только Руно не ожидал скорого подхода подкреплений из Нижнего Новгорода или удара северной рати вниз по Каме на Волгу. Но едва ли он мог строить свои расчеты на этих в высшей степени сомнительных предположениях. Напротив, были все основания ожидать контрудара со стороны казанцев.

«Ту прибеже к ним ис Казани полоняник Коломнятин, сказывая им, что до полна собрался на них царь Казанский Обреим со всею землею своею с Камскою, и с Сыплиньскою, и с Костяцкою, и Беловоложскою, и Вотяцкою, и з Башкирскою, и быть ему на вас на ранней заре и судовою ратью и конною».

Царь Обреим, ничем не скованный, имел полную возможность мобилизовать и стянуть свои силы для удара по судовой рати Руна, действуя по внутренним операционным линиям. Перечисление шести «земель» Обреима взято, вероятно, из какого-то официального (может быть, дипломатического) источника. Для нас важно, что это именно главные силы казанского царя.

«И то слышавши воеводы великого князя и все вои его, и начаша отсылати от себя молодых людей з большими суды, и сами осташася назади на брезе боронити тех. А повелеша им шед стати на Ирыхове острове на Волзе, а на узкое место не ходите».

Распоряжение отдает не единоличный воевода, Иван Руно, а «воеводы» и «вси вои». Опять происходит какое-то собрание, нечто вроде вечевой сходки, где и вырабатывается решение.

«Молодые люди» — беднота, маломощные и малодоспешные. «Большие суды» — значит, были и «малые», более маневренные. Возможно, на больших судах была добыча и припасы.

Оборона организуется на берегу, который, очевидно, прикрывает Ирыхов остров.

«Они же, не послушав, поидоша во узкое место, а в больших судех».

«Узкое место» — где-то между островами и берегом. «Молодые люди» оказались не более дисциплинированными, чем их старшие. Они не подчинились прямому распоряжению воевод и «всех воев» и со своими большими, громоздкими судами пошли в узкое место, подвергая и себя, и доверенные им суда большой опасности.

«И ту приидоша на них Татарове на конех, и начаша стреляти, хотяше бы бити их. Они же, противу им стреляюще, отбишася от них».

Конная татарская рать подошла к берегу и осыпала стоявшие в узкости большие суда тучами стрел. «Молодые люди», по словам летописца, «отбишася», не дав захватить суда. Бой, таким образом, носил характер перестрелки из луков.

Нельзя не подчеркнуть, что самостоятельные действия, нарушение дисциплины, снова ставили русские силы под угрозу поражения по частям. Дух вечевой вольности далеко не был изжит во всех эшелонах управления войсками и создавал большие трудности для проведения целесообразных и продуманных действий.

«А судовая рать Татарская, лучшие князи и людие, поидоша на великого князя рать на судовую, как пожрети хотяще, не многих бо видя их оставшихся».

Главные силы, «лучшие люди Татар», идут в судовой, а не конной, рати. Живописное выражение «как пожрети хотяще», носит традиционный характер — обозначение яростной атаки.

Оставшиеся в распоряжении Руна силы были немногочисленными. В бою за посад они понесли какие-то потери, оставшихся он разделил, отослав «молодых людей».

Тем не менее «си же не убоявшеся поидоша противу Татар, аще и мнози суть, и много бившеся прогониша Татар до самого города Казани полоем и под стену, и возвращьшеся, сташа шед на Ирыхове острове, и совокупишася ту вместо и з большими суды».

Итак, бой главных сил судовых ратей был, по словам летописца, выигран русскими, но фактически закончился их отступлением к Ирыхову острову. Отражение удара казанцев имело тактическое, а не оперативное значение. Проблемы остались те же — Казань не взята и взята быть данными силами не может; стоянка на Ирыхове острове продолжает оставаться и опасной, и бесперспективной, если только не изменится оперативная обстановка (подход сил из Нижнего, удар по Казани с тыла северной ратью).

«Стоящим же им на том острове, и ту прииде к ним Константин Александрович Беззубцев, воевода их болшей». Прибытие воеводы Беззубцева, очевидно, с какими-то силами улучшило положение судовой рати на Ирыхове острове. Во всяком случае, произошло соединение русских сил, шедших Волгою, что уменьшило опасность стояния под Казанью и увеличивало шансы на последующий успех.

Воевода Беззубцев пошел под Казань либо по своей инициативе, либо, что более вероятно, — по директиве великого князя, во всяком случае, с ведома последнего. Главное командование, видимо, решило продолжить операцию против Казани, согласно первоначальному плану (как этот план вырисовывается из апрельско-майского развертывания войск).

Воевода Беззубцев «пришед, посла к Вятке великого князя, словом к Вятчанам, чтобы пошли к Казани ратью, и срок им учинил от

того дни полчетверты недели». Воевода Беззубцев выступает как доверенное лицо верховного командования, действует от его имени (по его уполномочию).

«Вятчане же отвечаша: коли подъидут под Казань братиа великого князя, тогды пойдем и мы».[210]

Ответ вятчан характерен для межкняжеских договоров, обязывающих стороны выступить при определенных условиях. Во всяком случае, он означает фактический отказ от совместных действий с войсками великого князя — в соответствии с вятско-казанским докончанием, на которое ссылались вятчане в переговорах с северной ратью. Таким образом, основная идея плана — удар на Казань с двух сторон — окончательно отпала. Реальные военные действия развертывались совсем не по тому сценарию, который был составлен в Москве перед весенним походом. Действительность оказалась гораздо сложнее и неблагоприятнее.

Отказ вятчан от взаимодействия с войсками воеводы Беззубцева делал дальнейшее пребывание этих войск у стен Казани совершенно бессмысленным.

«Костянтин же за тот срок со всею силою стоял другую полчетверты недели, а от великого князя воевод и от Вятчан не бывала к ним никакова весть. А у них начат уже корму не ставати, немного бо с собою запаса имали, поне же шли изгоном».[211]

Положение судовой рати, пытавшейся взять Казань изгоном, стало критическим. Наладить снабжение войск за счет грабежа окрестных мест, очевидно, не удалось. Войска стояли в центре враждебной страны и могли ежедневно ожидать нападения крупных сил противника. Никакой связи с верховным командованием не было — войска были предоставлены сами себе, и их воевода должен был принимать самостоятельные решения. Таким образом, верховному командованию не только не удалось организовать оперативное взаимодействие Северной и Волжской ратей, но и сохранить связь с Волжской ратью. На этом критическом этапе кампании главное командование утратило управление войсками. Теперь все зависело от самодеятельности воевод, начальников оперативных групп, разобщенных между собой и не связанных с центром.

Сказался основной недостаток подготовки Волжской рати — она не была ориентирована на длительную, упорную борьбу за Ка-

[210] ПСРЛ. Т. 25. С. 283.
[211] Там же.

зань. Расчет строился, очевидно, на быстром решительном двустороннем ударе, и запасы имелись только в ограниченном количестве.

«И поиде Костянтин со всеми вой с Ирыхова к Новугороду к Нижнему вверх». Этим обозначилась полная неудача похода Волжской судовой рати и фактически неудача всей кампании.

Сколько же простояла русская рать под Казанью?

Появившись 21 мая, она до 28-го стояла под самым городом. С 28-го — на Ирыхове острове. Через какое-то время появился воевода Беззубцев и стоял здесь то ли $3^1/_2$, то ли дважды три с половиной, т. е. всего семь недель. Если считать, что Беззубцев прибыл через неделю после отхода к Ирыхову острову, т. е. 5 июня (допущение совершенно произвольное, основанное только на предположении, что Беззубцев не мог надолго терять из виду свои войска, ушедшие к Казани), то срок появления вятчан был назначен на 1 июля. Если он простоял на Ирыхове два таких срока («другую полчетверты недели»), то отход начался примерно 25 июля. Если так, то «стояние» под Казанью длилось два месяца. Если же считать, что отход начался после истечения первого срока, назначенного вятчанами, то это событие произошло в первых числах июля, и срок «стояния» на Ирыхове соответственно сокращается в два раза.

Все, что мы знаем об этом «стоянии» — из рассказа очевидца-участника, который не приводит ни цифр, ни точных дат (за исключением даты подхода к Казани и ее атаки). Ничего не известно о каких-либо действиях русских и татар в течение месяца или двух «стояния» у Ирыхова. Само отсутствие известий в рассказе участника может косвенно свидетельствовать о том, что крупных событий (вроде повторной атаки казанцев на судовую рать или попытки новой атаки на Казань со стороны русских) за это время не было. Собранная у Ирыхова судовая рать фактически бездействовала, и положение ее неуклонно ухудшалось. Никаких дальнейших перспектив не было видно. В этих условиях решение воеводы Беззубцева об отходе к Нижнему Новгороду следует считать единственно правильным, соответствующим сложившейся обстановке. Как и осенью 1467 г., после неудачной атаки царевича Касыма, приходилось отступать под давлением непреодолимых обстоятельств и по собственному решению воеводы.

«Гребшим же день той и на утрее до полутора, и ту срете их царица Касимова, Казанского царя мати Обреимова». «... и начат говорите воеводам великого князя: „князь великий отпустил меня к моему сыну

со всем добром и с честью, то уже не будет никоего же лиха межи их, но все добро будет“».

Речь царицы была либо умышленной ложью, либо неумышленным заблуждением. Из ее слов можно было заключить, что между Москвой и Казанью достигнуто соглашение и военные действия прекращены. Следует еще раз обратить внимание на полное отсутствие связи между Москвой и судовой ратью: воеводы не имели никакого представления о том, что делалось в Москве. В этих условиях дезинформация могла иметь определенное значение.

«И поплы мимо их, а ини вверх поидоша. И приишед на Звенич, ночеваша ту с субботы на неделю».

По данным Тип. летописи, Звенич Бор — в 40 верстах от Казани.[212] Грести приходилось против сильного течения Волги, и до Звенича Бора добрались только к вечеру второго дня.

«И в пол утра повелеша в неделю себе обедню служити сущим с ними священником, а ести на себя чинити. Отслуша обедню, хотеша сести ести, а у иных церквей еще не успеша и обедни отслужити».

В судовой рати была не одна походная церковь.

«И в то время приидоша на них Казаньстии Татарове, вси князи и вся земля их, судовою ратью и конною по берегу».

Вероятно, татары следовали за судовой ратью Беззубцева по пятам, отстав от нее на два дневных перехода. В отличие от русских, татары имели не только судовую рать, т. е. пехоту, но и конную. Нападение татар было, видимо, неожиданным. Конница шла, очевидно, по левому берегу Волги.

«Видевше же то, воеводы великого князя и вси вояʼего поидоша в суда свои и погребоша противу судовой рати Татарские и начаша битися с ними».

Бой происходит в данном случае на воде, суда сражаются с судами.

«И одолеша христиане Татаром, они же бежали к берегу, иде же конная рать их бяше. Коннии же татарове начата з брега наших стреляти, и они отступиша от них к своему берегу: А судовые Татарове опять воротишася за ними, си же обращяшася прогониша их к своим».

Бой шел с переменным успехом. Преимущество в судовой рати было у русских, но конная рать татар играла роль второго эшелона и не давала возможности развить успех боя на реке.

[212]ПСРЛ. Т. 24. С. 187.

«И тако бишася весь день той и до самые ночи, и раззидошася киижда на свой берег начевати».

Бой фактически закончился вничью. В условиях действий на реке, хотя и широкой, наличие у одной из сторон конной рати давало ей неоспоримое преимущество. Отбив все атаки татар, русские могли рассчитывать только на возможность дальнейшего движения вверх по Волге, т. е. отступления, находясь при этом в невыгодных условиях из-за владения одним из берегов татарской конницей.

На этом рассказ очевидца, положенный в основу летописного известия, прерывается. Далее — киноварный заголовок «Знамение» и рассказ о событиях апреля 1470 г. («Месяца Апреля в 15 день...»).[213]

С точки зрения истории летописания представляет интерес разрыв в известиях, на который обычно не обращают внимания.[214] Этот разрыв — во всех летописях, где есть рассказ участника похода Волжской рати.[215]

Итак, рассказ великокняжеской летописи о летней кампании 1469 г. представляет собой соединение двух известий: о походе Северной рати князя Данилы Васильевича Ярославского и о походе Волжской рати Константина Александровича Беззубцева. Основное внимание великокняжеская летопись уделяет именно ему. Рассказ великокняжеской летописи конца XV в. по Уваровскому списку об этом походе без существенных изменений вошел в другие летописи великокняжеского цикла.

Оригинальный рассказ приводит Уст. летопись.

«Мая 6970, на пятой неделе по Пасце, женился князь Андрей Васильевич...».

Известие не на месте. Оно относится к 1470 (6978) г. Взято из великокняжеской летописи и сюда искусственно вставлено.

«Тое же весны князь великий Иван послал рать судовую на Казань.

А братью свою, князя Юрия да князя Андрея Большого, послал берегом с конною силою, да с ними воеводы и князи, и Двор великого князя.

А судовая рать наперед пришла под Казань Майя в 10 д в неделю пятидесятую.

---

[213] ПСРЛ. Т. 25. С. 283.

[214] *Тихомиров М. Н.* Предисловие к изданию великокняжеского свода // ПСРЛ. Т. 25; *Лурье Я. С.* Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в. Л., 1989. Ч. 2. Л–Я. С. 34.

[215] ПСРЛ. Т. 26. С. 228; Т. 28. С. 289.

А воеводы судовые рати нелюбья держат промеж себя, друг под другом ити не хочет.

И передумав, да поставили себе воеводу от середних бояр Ивана Дмитриевича Руна.

И приидоша под город Казань, в неделю пятидесятую утре, на ранней заре, безвестно; и сторожи Татарские не слыхали.

И взяти им было Казань; татарове спят, а рать судовая о стену пришла.

И поноровил татаром Иван Руно, отбил рать от ворот городных прочь и сам велел трубити во многие трубы.

И татарове, заслышаша, нарядилися».[216]

Уст. летопись проявляет зависимость от великокняжеской. Ряд известий ее опущен. Дата прихода под Казань перепутана, но рассказ содержит важные реалии, отсутствующие в великокняжеской летописи. Первая из них — известие об одновременной отправке в мае 1469 г. судовой и конной ратей является, по-видимому, ошибочным: оно не находит подтверждения ни в других источниках, ни — главное — в последующих событиях. Второе известие — об обстоятельствах выбора на должность воеводы Ивана Руна — представляет интерес. Оно, по-видимому, взято из рассказа участника событий. Не поддержанное другими источниками, это известие не может быть безоговорочно принято, но не лишено правдоподобия — не противоречит известным фактам.

Зато третье известие — об измене Руна, «поноровившего» татарам и тем самым спасшим Казань от взятия, представляется досужим вымыслом, явно недостоверным, что уже отмечалось исследователями.[217]

Значительно больший интерес представляют известия Уст. летописи о походе северной рати.

«А вторую рать послал князь великий на Казань — князя Данила Александровича Пенка, да Никиту Константиновича, да Петра Плещеева, и иных многих, с ними Устюжане да Вятчане».[218]

Известие — местного устюжского происхождения. Имена воевод даны неточно: князь Данило Ярославский — не «Александрович Пенко», а Васильевич,[219] как и написано в великокняжеской летописи. Пле-

[216] ПСРЛ. Т. 37. С. 91.
[217] Базилевич. С. 69.
[218] ПСРЛ. Т. 37. С. 91.
[219] Зимин. С. 84.

щеев — не «Петр», а Тимофей Юрло,[220] что также написано в великокняжеской летописи. Эти ошибки свидетельствуют о невысоком ранге автора рассказа, не знавшего точно имена воевод.

«А пошла рать мимо Устюга и Вятки. И пришли на Каму реку, и увидели Татарина на берегу, и начаша спрашивать: „Где рать великого князя стоит?“ Он же сказал им: „Была рать у города да царь с князем Юрием мир взял и рать пошла прочь“».

«И князь Данило Александрович с воеводами и со всеми ратью пошел мимо Казань к Новогороду Нижнему.

А царь Абреим скопил много силы на Волзе в судех, а иных на конех по берегу, и доспел переем на рать. А князь Данило того не ведал».

Это известие представляет большой интерес. В основе его — рассказ очевидца-участника. Идя по Каме, судовая рать спустилась в Волгу, тут-то и произошла встреча с татарином, давшим ложную информацию. Судя по этому рассказу, рать князя Данилы Ярославского должна была выйти к Казани и соединиться с войсками великого князя, т. е. с ратью, шедшей по Волге от Нижнего. Показания татарина влекли русских в западню.

«И пришли под Казань, а татарове Волгу суды застали, и великого князя силы мало».

«И начаша битися на Волзе в судех за руки имаяся секлись. Князя Данилу убили, и Никиту Константиновича. А Петра Плещеева со многими товарыщи полонил в Казань. А Григорий Перхушков пробежал, не бившеся. А Устюжане билися. А князь Василий Ухтомский велми бился, и бил их, скачючи по судам, ослопом.

И многих Татар топили, и с суды, занеже Тотарове, поидучи на бой, суды вязали».

Перед нами — уникальное описание боя на реке, на судах, очевидно, со слов участника.

«А Устюжане сквозь рать татарскую пробилися, да и князь Василий Ухтомский да и ушли к Новугороду Нижнему.

А Устюжан убили: Андрея Федорова сына Коленова, да Степана Брыкова, а иных в полон взяли. А всех Устюжан погибло 110 человек, а татар бесчисленно побили и потопили.

А вси русские силы погибло 430 человек, и побили, и в полон вели, и во Орду свели. И князь великий многих из Орды выкупал».

Цифровые данные представляют, как всегда, особый интерес. Они

---

[220] Там же. С. 195–197.

реалистичны — счет идет не на сотни тысяч, как в мифотворческих летописных рассказах. Тут каждый человек на счету. Судя по потерям, устюжане составляли примерно четвертую часть русской судовой рати. В бою погиб личный состав примерно четырех устюжских насадов, а всего — примерно пятнадцати насадов.

Считая (по позднейшим псковским нормам) по одному воину с пяти дворов, получаем, что погибшие устюжане представляли примерно 550 дворов, а всего погибшая русская сила могла быть набрана с двух–двух с половиной тыс. дворов.

Если рассказ о подвиге князя Василия Ухтомского мог принадлежать только очевидцу-участнику событий, то перечисление имен погибших устюжан явно свидетельствует о частном местном устюжском происхождении источника.

Источник рисует тяжелую картину поражения северной рати. Не имея связи с верховным командованием, не имея никаких сведений о положении дел на фронте Волжской рати, северная рать попалась в ловушку, подстроенную казанцами, в частности их агентом, высланным навстречу русской рати. Отразив к этому времени Волжскую рать Беззубцева, татары имели полную возможность бросить свои главные силы навстречу северной рати. Заграждение Волги судами поставило рать князя Данилы Ярославского в безвыходное положение — надо было вступить в бой в крайне невыгодных условиях и либо пробиться, либо всем погибнуть. Пробиться удалось, по-видимому, только меньшей части войска — об этом свидетельствует гибель главного воеводы и пленение «многих». В данном случае удивляться нужно тому, что хоть кому-то удалось прорвать татарское заграждение и на веслах подняться вверх по Волге.

Основная причина поражения и тяжелых потерь — слабость верховного командования, которому не удалось организовать связь, управление и взаимодействие между двумя оперативными группами, которые вступили в бой поодиночке. Можно отметить также отсутствие тактической и агентурной разведки на уровне северной (а также Волжской) рати.

«А Устюжане, пришед к Новугороду, стояли 3 недели, и бить челом посылали великому князю, чтоб пожаловал.

И князь великий послал дважды по деньге золотой.

Они обе деньги попу Ивану, кои с ними под Казанью был [отдали], а велели Бога молити о государе и о всем его воинстве».

Продолжается рассказ участника, возможно, самого попа Ивана.

«А в третье послал [ужину] запас Устюжанам: 700 четвертей муки, да 300 пудов масла, да 300 луков, 6000 стрел, да 300 шуб бараньих, да 300 однорядок сипских, и пунских, и новогонских, и трекумских, да 300 сермяг. А велел еще им идти под Казань со князем Юрием на зимование».[221]

Последняя часть участника рассказа содержит высокоценную информацию. По челобитью устюжан великий князь послал им запас, по размерам которого можно судить о примерной численности отряда, пробившегося к Нижнему. В его состав входили, по-видимому, 300 человек (по числу присланных шуб, сермяг, луков и т. д.). Если известно, что в бою на Волге погибло 110 устюжан, то общая численность их ополчения в походе 1469 г. — 410 человек с учетом примерно 450 человек, ранее погибших или отставших. Это экипаж 15 насадов, контингент, выставленный примерно с 2250 дворов (все эти цифры, разумеется, приблизительные, дающие не точное число, а только порядок величины).

Важно также, что устюжское ополчение для «зимования» снабжается за счет государственных запасов. На каждого ратника — лук с 20 стрелами, шуба, сермяга и однорядка. На каждого — пуд масла. На всех вместе — 700 четвертей муки, т. е. $2^1/_3$ на каждого. Считая в четверти до начала XVII в. 4 пуда,[222] получаем примерно 10 пудов муки на человека. Это — для излюбленного толокна, основной пищи воина в походе, простой в приготовлении и питательной.

Считая, что на 300 человек приходится 10 насадов, получаем, что на каждый насад для зимнего похода готовилось 100 пудов груза — продовольствия. На человека — $3^1/_3$ пуда, т. е. около 55 кг. Считая в среднем в день 2 кг на еду, получаем, что присланных запасов должно было хватить примерно на месяц «зимования».

Важно, что устюжане получают приказ идти на «зимованье» с князем Юрием Васильевичем: готовится новый поход.

Известно (из сообщения той же летописи), что князь Юрий Васильевич подошел к Казани 1 сентября, следовательно, вышел из Нижнего со своей конной ратью за 5–7 суток до этого (320 км по воде, немного больше — по сухопутью). Устюжане стояли в Нижнем 3 недели; если они пошли с князем Юрием или вскоре после него, то они прибыли в Нижний около 1 августа. Эту ориентировочную дату можно сопоставить с данными о походе Волжской рати —

[221] ПСРЛ. Т. 37. С. 92. — В списке Мацеевича «ужину» отсутствует (Там же. С. 47).
[222] *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1965. С. 113.

она, вероятно, прибыла в Нижний раньше: иначе, по всей вероятности, автор устюжского рассказа упомянул бы о встрече с ней на Волге.

Таким образом, неофициальный источник Уст. летописи содержит ценнейшие цифровые и календарные данные, значительно расширяющие и уточняющие сведения, приводимые официальной великокняжеской летописью.

Как мы видели, рассказ великокняжеской летописи о кампании 1469 г. заканчивается (вернее, обрывается) известием о бое у Звенича Бора.

Другие великокняжеские летописи после отмеченного нами разрыва летописного текста излагают события осени 1469 г.

Никон. летопись дословно воспроизводит рассказ великокняжеской летописи о летней кампании, содержащийся в летописи по Уваровскому списку, делает вставку о князе Ряполовском («побил татар на Волзе июня в 4 день»),[223] взятую из известий за 1468 г.[224] Далее следует текст: «Того же лета бой был и сеча зла на Волге усть Камы с Устюжаны и с великого князя дворяны татаром казанским, и множество ту убьяно бысть от обоих. Тогда же убили Никиту Константиновича, а Юрла Плещеева полонили и его товарищев. Прочим же Устюжане пробишася под Новгород».[225]

Это известие от соответствующего рассказа Уст. летописи отличается отсутствием каких-либо подробностей и правильным наименованием воеводы Плещеева. Возможно, это официальная переработка устюжского рассказа.

Далее следует текст, отсутствующий в Увар.

«Того же лета князь великий Иван Васильевич всея Руси послал братию свою, князя Георгия, и князя Андрея Большого, и князя Василия Михайлова сына Андреевича и иных своих воевод со многими людьми на конех ратию на Казань».

Это — официальное известие о начале нового, осеннего похода на Казань. На этот раз двинута конная рать — очевидно, служилое ополчение во главе с князьями и воеводами, т. е. главные силы великого княжества Московского. Поход начался, по-видимому, в самом конце августа — следующая запись относится уже к новому, 6978, году.

---

[223] ПСРЛ. Т. 12. С. 123.
[224] ПСРЛ. Т. 25. С. 280.
[225] ПСРЛ. Т. 12. С. 123.

«В лето 6978 Сентября 1 князь Юрий Васильевич всеми вои Московскими прииде под Казань, и судовые рати приидоша пеши ко граду. Москвичи же погониша их и сбеша под городом, и отъяша у них воду — царь же Обреим... добил челом... по всей воли великого князя. И возвратишася в Москву со всем воинством».[226]

Таково известие о победе над Казанью, отсутствующее в своде конца XV в., но включенное в своды XVI в.

Известие носит вполне официальный характер и весьма лаконично. Оно не похоже по форме ни на рассказ очевидца (нет деталей и эмоций), ни на разрядную запись (нет имен воевод). Возможно, это плод работы великокняжеской канцелярии — обработки первичных записей и донесений.

То же известие и в других летописях.[227] Уст. летопись, приводя тот же рассказ, дает свою редакцию: «... со всею силою Московскою и Устюжскою, и конною, и судовою... и поидоша к городу нарядяся... сила русская стала около града и острог доспели».[228]

Несмотря на свою лаконичность, известие об осеннем походе весьма содержательно. Этот поход отличался от всех предыдущих двумя важными чертами. Во-первых, удар наносился по одному операционному направлению, что принципиально облегчало управление войсками и позволяло сосредоточить все силы. Во-вторых, конная рать действовала в тактическом взаимодействии с судовой, т. е. конница действовала совместно с пехотой.

Вылазка казанцев была отбита, город был окружен; согласно устюжскому известию, был построен острог — контрвалационная линия. Решающее значение имело, по-видимому, перекрытие источников питьевой воды, для чего требовалось хорошее знание местности.

Итак, долгая и трудная война с ханом Обреимом закончилась полной победой — триумфом русского оружия впервые после Куликовской битвы. «А стояли под Казанью 5 дней смиряся, и прочь пошли».[229] Утверждение устюжского летописца, что царь Обреим «полон выдал за 40 лет», в других источниках не подтверждается. К. В. Базилевич считает его малоправдоподобным.[230] М. Г. Худяков, напротив, видит в этом условии решение задачи, поставленной московским правительством, которое «желало добиться освобождения из неволи по-

---

[226]Там же.
[227]ПСРЛ. Т. 4. С. 465; Т. 23. С. 159; Т. 24. С. 188; Т. 27. С. 277, 350; Т. 39. С. 148.
[228]ПСРЛ. Т. 37. С. 92.
[229]Там же. С. 72, 92.
[230]Базилевич. С. 72.

павших к казанцам русских людей. Казань вела крупную торговлю рабами...».[231]

Память об осенних боях под Казанью отразилась в рассказе об Афанасии Никитине, авторе «Хождения за три моря». «Ходил, сказывает, с Василием с Папиным... коли Василий ходил с кречаты послом от великого князя». Василий Папин «за год до казаньского похода пришел из Орды. Коли князь Юрий под Казанью был, тогды его под Казанью застрелили».[232]

Летописные известия о кампании 1469 г. можно разделить на три основных группы:

1. Рассказ о летнем походе.
2. Рассказ о походе северной рати.
3. Рассказ официальный — об осеннем походе.

В первых двух случаях сведения официального происхождения сочетаются с рассказами очевидцев-участников. Эти рассказы включены как в провинциальную Уст. летопись, так и в великокняжескую. Рассказ о летнем походе представляет собой компиляцию официального источника и рассказа участника похода. В руках летописца его источники подверглись, надо полагать, определенному редактированию, что позволило создать внешне целостный непротиворечивый рассказ о событиях весны–лета 1469 г.

Составитель Уст. летописи также пользовался как официальным, так и частным источником. Этот последний занимает в его изложении основное место. Как уже говорилось, автором частного рассказа о походе может быть ходивший с устюжской ратью поп Иван, хотя это не более чем предположение.

От известий о летней кампании существенно отличается по своему стилю официальная реляция об осеннем походе князя Юрия, не носящая никаких видимых следов частной интерпретации (за исключением устюжского варианта). Такая реляция, точная, лапидарная, безэмоциональная, могла родиться в великокняжеской канцелярии. Это само по себе довольно важное обстоятельство — оно отражает рост внимания к военным событиям и к их освещению в рамках политики великого князя.

Во всяком случае, летописные известия о кампании 1469 г. (как и известия о кампании 1468 г.) от всех предыдущих рассказов Московской летописи о военных событиях отличается богатством своего со-

[231] Худяков. С. 35.
[232] ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 221.

держания. Ни одно военное событие со времен Куликовской битвы не привлекало такого внимания летописца и не было так подробно описано. Это свидетельствует, во-первых, о важности событий 1467–1469 гг. в глазах летописца, во-вторых, об относительном богатстве источников, которыми он пользовался. Наибольшее значение имеют источники официального происхождения, определявшие основную канву летописного рассказа. Среди этих источников в кампании 1469 г. не было походных дневников великого князя (в отличие от походов 40-х гг. Василия Темного и рассказа о «Владимирском стоянии» зимой 1468 г.), что естественно, так как великий князь в походах 1469 г. не участвовал. Зато в летописных известиях в большой мере отразилась работа зарождающегося военного ведомства — органа подготовки к походу и управления войсками. Летописные известия 1469 г. дают возможность сделать некоторые наблюдения над содержанием и результатами этой работы.

Кампания 1469 г. — завершение большой войны, первой во время великого княжения Ивана III. Нельзя не согласиться с К. В. Базилевичем, что это «итог большой работы по объединению и упорядочению военных сил». Сравнение с походами великого князя Василия Васильевича показывает, что «самые выдающиеся успехи были достигнуты в этой области».[233]

Присоединяясь вполне к этой заслуженно высокой оценке, попробуем пристальнее присмотреться к известиям о кампании 1469 г.

Важнейшей особенностью кампании 1469 г. (как и 1468 г.) является отсутствие великого князя во главе войск, идущих в поход. Это отказ от старой традиции, восходящей к седой древности, и вполне проявившейся в походах Дмитрия Донского и Василия Темного. Пребывание великого князя вдали от театра военных действий впервые возлагало на него задачу главного командования — руководства войсками на оперативно-стратегическом уровне. Осуществление этой функции требовало создания рабочего органа управления — своего рода военного ведомства.

Первой задачей такого органа, независимо от его названия и организационной структуры, является проведение мобилизации, т. е. создание войска, способного к решению тех или иных стратегических и оперативных задач.

Из летописного текста явствует, что войска, принимавшие участие в кампании 1469 г., состояли из двух основных контингентов — конного

[233] Базилевич. С. 67.

военно-служилого ополчения и пешего земского ополчения (в основном — судовая рать).

Летописные известия о кампании 1469 г. не содержат никаких цифровых данных, поэтому судить о численности русских войск в походах 1469 г. нет возможности. Единственным исключением является Уст. летопись, на основе которой можно в какой-то мере составить общее представление — на уровне величин о численности северной рати в летнем походе 1469 г. Как мы видели, устюжское ополчение могло насчитывать примерно 500 человек. Исходя из числа погибших в бою в устье Камы и считая, что потери других контингентов — вологжан, галичан, детей боярских Двора — были более или менее пропорциональны потерям устюжан (потерявшим треть своего состава), можно было бы, на первый взгляд, определить численность всей судовой рати — примерно полторы тысячи человек. Однако это допущение встречает сомнение. Судя по всему, к Нижнему прорвались, главным образом, устюжане, а остальные в большей части погибли или попали в плен. Точные расчеты невозможны — предположительно судовая рать могла насчитывать несколько сот человек (в пределах тысячи) и состоять из нескольких десятков насадов. Учитывая малолюдность северных уездов, эти цифры могут свидетельствовать о большом мобилизационном напряжении.

Никаких цифровых данных о составе войск в летнем и осеннем походах по Волге в источниках нет. Можно только с большой долей вероятности утверждать, что в этих походах приняли участие главные силы конного служилого ополчения — основного ядра великокняжеского войска. Из официальной реляции об осеннем походе видна большая роль судовой рати, т. е. пехоты, которая тоже входила в состав рати, осадившей Казань. Возможно, этих войск было значительно больше, чем в летнем походе, и именно этим в конечном счете был обеспечен успех похода князя Юрия. Если в летнем походе северной рати счет воинов шел на сотни, то теперь, вероятно, на тысячи — Волга покрылась насадами с русской пехотой.

«Обращает на себя внимание та быстрота, с которой Иван III собрал и отправил новое войско под Казань».[234] По мнению К. В. Базилевича, Волжская рать могла вернуться из летнего похода не ранее начала июля. Устюжская рать после боя в устье Камы могла прибыть в Нижний в начале августа и до нового похода стояла там три недели. Князь Юрий с главными силами мог выступить в поход 15–20 авгу-

[234] Базилевич. С. 72.

ста: на переход до Казани нужно было 10–15 дней. Таким образом, мобилизация и сосредоточение всех сил к Нижнему должны были закончиться не позднее 10 августа. Поход князя Юрия мог казаться молниеносным ударом после долгих и трудных попыток добиться успеха.

Работа по мобилизации и сосредоточению войск была проведена, по-видимому, успешно. Еще весной были выбраны два основных пункта сосредоточения войск: Нижний Новгород — для ополчения среднерусских уездов и Устюг — для ополчения северных уездов. Были разработаны соответствующие маршруты и назначены даты сосредоточения; все это входило в функцию военного ведомства — органа управления при Ставке великого князя.

Второй задачей военного ведомства является организация командования войсками — назначение воевод на театре военных действий. Эта задача — одна из главных функций будущего Разрядного приказа. В походах прежних лет, когда сам князь шел во главе своих войск, такая задача могла решаться непосредственно им самим перед сражением. В кампании 1469 г. (как и в 1468 г.) эта возможность исключается — великий князь не шел с войсками, и воеводы должны были быть назначены заранее, что, по данным наших летописных источников, и было сделано. Из источников мы знаем имена воевод, возглавлявших войска на операционных направлениях, т. е. тех, кто в терминологии XIX–XX вв. мог быть назван командующим армией, а в терминах XV в. имел название первого воеводы Большого полка. Более мелкое членение ратей в кампании 1469 г. по нашим источникам неизвестно, хотя оно, несомненно, существовало. Отсутствие упоминаний о них в источниках может свидетельствовать о том, что назначение младших воевод в полки делалось не в Москве, а самими воеводами, возглавлявшими рати. Косвенным подтверждением такого предположения может служить выбор-назначение Ивана Руно главой рати добровольцев, отправившейся из Нижнего к Казани. Сам факт и процедура такого назначения свидетельствуют о слабости организации командования — как уже указывалось, о неизжитости удельно-вечевых традиций.

Об оперативно-стратегических задачах, поставленных перед войсками главным командованием, можно только догадываться исходя из известий о развертывании войск. Можно думать, что главный удар предполагалось нанести по Волге от Нижнего Новгорода, а вспомогательный, сковывающий — северной ратью.[235] Замысел этот осу-

[235] «Стиснуть Казань с двух сторон — сверху и снизу по Волге» (Худяков. С. 34–35).

ществить не удалось — летняя кампания 1469 г. закончилась поражением обеих ратей. Причину этой неудачи можно видеть, прежде всего, в отсутствии достаточной связи между ратями и Ставкой, а также в слабости управления внутри самих ратей (действия Ивана Руна).

Управление войсками из Ставки осуществлялось путем присылки письменных директив — пример такой директивы воеводе Беззубцеву приводит летопись. Разработка, оформление и рассылка подобных директив — функция аппарата управления при Ставке.

Неудача летней кампании привела к разработке нового оперативно-стратегического замысла, который принципиально отличался от старого. Удар наносился всеми силами на одном направлении, дробление сил не допускалось. Было значительно усилено непосредственное руководство войсками — во главе их был поставлен брат великого князя, второе лицо в политической иерархии. В осенней кампании впервые удалось достигнуть оперативно-тактического взаимодействия конной и пешей (судовой) ратей, что было, надо полагать, заслугой войскового командования — самого князя Юрия (хотя, возможно, предусматривалось данными ему инструкциями).

Кампания 1469 г. богата поучительными событиями. В тактическом плане она показала необходимость тесного взаимодействия судовой и конной ратей. В оперативном — рискованность создания самостоятельно действующих оперативных групп, недостаточно связанных между собой и с главным командованием. Более целесообразным оказалось сосредоточение войск в составе одной оперативной группы на главном направлении под единым командованием. Эти уроки были учтены в ходе самой кампании. Наиболее важны стратегические результаты. Кампания 1469 г. означала существенное изменение в стратегическом положении Русской земли. Победа над Казанью на целый ряд лет обеспечивала мир на восточном рубеже и давала возможность приступить к решению стратегических задач на других направлениях.

Кампания 1469 г. имела принципиальное значение, выходящее за рамки ее непосредственных результатов. «Во всех последующих войнах с Казанью характер боевых действий в большей или меньшей степени воспроизводил походы 1469 г.».[236]

В кампании 1469 г. проявилось исключительное упорство в достижении поставленной цели, невзирая ни на какие неудачи и поражения. Эта твердость стратегического руководства при гибкости оперативно-

[236] Базилевич. С. 71.

тактических приемов — одна из важнейших черт деятельности русского главного командования, т. е. самого Ивана III.

Оперативно-стратегическое руководство, осуществляемое из Ставки, опиралось на определенную материально-техническую базу.

Одна из задач военного ведомства — организация снабжения войск. Служилое и земское ополчение находилось, в основном, на самообеспечении, что было одной из основ самой системы ополчения. Однако известия Уст. летописи о присылке в Нижний Новгород продовольствия, одежды и военного снаряжения свидетельствуют о наличии у военного ведомства соответствующих запасов, которыми оно распоряжается по указанию великого князя.

Итак, летописные источники о кампании 1469 г. дают возможность проследить важные черты военной системы великого княжества Московского. Эта система по существу уже не является удельно-княжеской, как в еще недавние времена Василия Темного. Новым является и масштаб военных действий, и характер управления войсками, и определенные черты деятельности зарождающегося военного ведомства. Однако старые традиции еще далеко не преодолены. Перед нами — своеобразный симбиоз уходящей старой и нарождающейся новой системы военной организации Русской земли.

* * *

Походы русских войск в 60-х гг. XV в. были направлены на решение актуальных политических и стратегических задач.

По своему масштабу и значению эти задачи выходили за рамки примитивной княжеской политики и отражали новый, государственный уровень политического мышления и практики.

Важнейшей из задач было укрепление восточного стратегического направления на широком фронте от предгорья Северного Урала до средней Волги. Решению этой задачи были посвящены походы 1462, 1467, 1468 и 1469 гг. Если первый из них проводился сравнительно небольшими силами, то три следующие кампании имели целью достижение решительной победы над сильным противником и потребовали мобилизации главных сил великого княжества Московского.

Второстепенным направлением являлось северо-западное, где ставилась оборонительная задача — защита Псковской земли от Ливонского ордена.

Летописные источники позволяют в общих чертах проследить основные события этих походов, состав и организацию войск, систему

управления и командования, руководящие стратегические идеи и тактические приемы.

Прослеживаются два основных контингента в составе русского войска — служилое великокняжеское ополчение и земское (городское) ополчение.

В походах великокняжеских войск служилое ополчение составляло конницу — основной род войск для боевых действий в условиях русской равнины.

Земское ополчение северных уездов составляло судовую рать — пехоту, посаженную на речные парусно-гребные суда, — основной род войск на лесисто-болотистом и озерно-речном северо-восточном театре. Псковское городское ополчение включало как конницу, так и пехоту, набираемые по вечевому разрубу. В походах 60-х гг., таким образом, отразилась как новая (военно-служилая), так и старая (земско-общинная) организация войска. При этом земское ополчение северных городов действует под руководством служилых людей великого князя — воевод и голов, сохраняя свою внутреннюю специфику.

Наиболее важным событием была большая война с Казанью. После первых неудач война закончилась полной победой стратегического и политического масштаба.

В ходе этой войны впервые достаточно четко проявились функции главного командования в лице великого князя, руководившего войсками вне зоны непосредственных боевых действий, т. е. впервые обозначилось разделение стратегического и тактического уровней командования; соединение в руках великого князя всей политической и военной власти превращало главное командование в высшее звено военно-политического руководства — верховное главнокомандование (ВГК). ВГК определяло операционные направления, ставило политические и стратегические цели, проводило мобилизацию и развертывание войск, назначало воевод и руководило ими с помощью письменных директив. Тактическое руководство было в руках воевод, идущих вместе с войсками.

Основными чертами стратегического руководства в Казанской войне можно считать:

— правильную постановку общей стратегической задачи (выход к политическому центру противника);

— исключительное упорство в достижении поставленной цели;

— способность к учету реальной обстановки и собственных ошибок и, как следствие, выработка новых оперативно-тактических приемов;

— стремление к реальному осуществлению функции главного командования, т. е. к фактическому руководству на стратегическом уровне.

Казанские походы могут рассматриваться как опыт совместных действий конной и судовой ратей, т. е. служилого и земского ополчений, что в условиях театра военных действий имело решающее значение.

«Первая Казань» обогатила опытом стратегического и оперативно-тактического руководства и имела большое морально-политическое значение как первая победа над страной Джучиева улуса. Победа над Казанью создала новую стратегическую ситуацию, обеспечив на какое-то время относительную стабильность на восточном направлении и позволив сосредоточить силы для решения новых актуальных задач.

Глава II

КАМПАНИИ 1470-х ГОДОВ

ПОХОДЫ 1471 г.

Победа над Казанью создала новую стратегическую ситуацию. Открылась возможность перехода к активным действиям на других направлениях — прежде всего на северо-западном, на котором в течение ряда лет обстановка становилась все более критической в связи с настроениями части новгородского боярства и притязаниями короля Казимира. Разрешением долго назревавшего кризиса стала кампания 1471 г.

События лета 1471 г. в военно-историческом плане исследованы значительно меньше, чем в общеполитическом. А. К. Баиов посвятил свою статью детальному описанию Шелонской битвы.[1] Е. А. Разин уделил этой кампании один из параграфов в своем общем обзоре истории военного искусства.[2] Во всяком случае, кампания 1471 г. заслуживает самого серьезного внимания как один из важнейших феноменов в военной истории России XV в.

Основным источником для изучения кампании 1471 г. является великокняжеская летопись (так называемый Свод конца XV в.).[3] Большую ценность представляет Пск. летопись по Строевскому списку (по А. Н. Насонову — Пск. III),[4] а также Новг. IV по списку Дубровского.[5] «Словеса избранника» — официальный публицистический памятник, читающийся в ряде летописей, содержащий отдельные реалии, отсутствующие в великокняжеском Своде.

Рассказ о кампании 1471 г. занимает в великокняжеской летописи особое место. Это именно рассказ — связное целостное повествова-

---

[1] Баиов.
[2] Разин. С. 312–318.
[3] ПСРЛ. Т. 25. С. 286–291.
[4] ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 180–185.
[5] ПСРЛ. Т. 43. С. 188–198.

ние вполне официального характера, своего рода правительственное сообщение о военных событиях. Одним из источников этого рассказа был, по-видимому, военно-походный дневник великого князя, содержащий точные даты, реалии и формулировки документального характера. Это придает рассказу особую ценность. Однако в руках составителя рассказа дневниковые записи подверглись, видимо, сокращению и переделкам и были растворены (перемешаны) в текстах нарративного характера. Возможным источником рассказа могли быть в отдельных случаях показания очевидцев — участников событий, содержащие красочные подробности и эмоциональные детали.

Известия Пск. летописи носят почти исключительно документальный характер и отличаются деловым, безэмоциональным стилем изложения. Это не рассказ, а хронологические заметки.

Известия Новг. летописи отличаются краткостью, основой их могли послужить какие-то записи официального характера и рассказы участников событий.

В целом летописный материал предоставляет возможность без особой противоречивости восстановить основные черты кампании 1471 г. и проследить ряд важных реалий военно-исторического характера.

К весне 1471 г. переговоры с Новгородом зашли в тупик. В Новгороде пришла к власти пролитовская партия, которая пригласила на новгородский стол короля Казимира и заключила с ним договор, направленный против великого князя Московского.[6] «Князь же великий... скорбен бысть... что поити на Новгород ратью».

По буквальному смыслу летописного рассказа, великий князь принимает принципиальное решение о походе самостоятельно, в результате многих размышлений («много мыслив»). Решение великого князя — исходный момент непосредственной подготовки к походу.

Второй момент — извещение об этом решении ближайшим людям. Эти люди — митрополит, великая княгиня-мать и «сущии у него бояре». «Сущии бояре» — очевидно, самые близкие советчики.

«Они же, слышавше се, советуют ему, упование положив на Бога, исполнити мысль свою над Новгородцы за их неисправление и отступление». Никаких споров, по-видимому, не возникло — «встречи», которую любил Иван III и за которую «жаловал» (по словам Берсеня Беклемишева), великий князь не услышал.

Следует третий шаг. «И в той час князь великий разосла по братью

[6]ГНП. № 77. С. 129; См.: *Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. СПб., 1994. С. 135–143; *Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы. М., 1992. С. 144–173.

свою, и по все епископы земли своея, и по князи, и по бояре своя, и по воеводы, и по вся воя своя».

Такое совещание широкого состава, своего рода церковно-служилый собор, упоминается в великокняжеской летописи впервые.

«И яко же вси снидошася к нему, тогда всем възвещает мысль свою, что ити на Новъгород ратью... но поити ли ныне на них или не поити, понеже летнее уже время, а земля их мнози воды имать около себя и озера великые, и реки, и болота мнози и зело непроходимы. А прежние велиции князи в то время на них не ходили, а кто ходил, тот люди многы истерял... мысливше о том немало...»

Фактически речь шла о важнейшем стратегическом вопросе, от решения которого зависела судьба всей кампании. Действительно, известные нам походы великих князей на Новгород происходили зимой: Дмитрия Донского — в декабре–январе, Василия Темного — в январе-феврале. Оба похода были успешны.

Однако на этот раз было принято решение о немедленном начале похода. Победила наиболее смелая и рискованная точка зрения — по всей вероятности, потому что она была предложена и, во всяком случае, активно поддержана самим великим князем. «Предстояло организовать большой 500-километровый поход в начале лета, когда лесистая и болотистая местность на подступах к Новгороду представляла серьезное естественное препятствие».[7]

Церковно-служилый собор 1471 г. — новое явление в политической практике великих князей. Оно отвечало стремлению заручиться возможно более широкой морально-политической поддержкой действий великокняжеской власти,[8] поддержкой со стороны «земли», а не только ближних советников и привычного тесного окружения. Еще более важное значение имеет сакрализация похода: благословение освященного собора превращало поход из политического конфликта из-за очередного «неисправления» новгородцев в войну за православное христианство против новгородских властей, предавшихся латинству.

Церковно-служилый собор 1471 г. поднимал события с княжеского на государственный уровень. На Новгород впервые шел не просто старший из русских князей, а глава всей Русской земли. Именно в этом, по-видимому, заключалась основная цель созыва собора. Сам факт созыва такого собора представляет большой интерес как свидетель-

[7] Разин. С. 313.

[8] *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. С. 62.

ство серьезных изменений в политической идеологии великокняжеской власти.

При этом следует иметь в виду, что вся инициатива и, вероятно, предварительный план похода исходили от великого князя: фактически к маю 1471 г. к походу все было готово.

Нельзя исключить возможность искреннего стремления великого князя добиться мирного, наиболее легкого и наименее рискованного решения конфликта — принятия своих требований новгородской господой, опираясь на сторонников Москвы. Об этом свидетельствует сама длительность переговоров, продолжавшихся несколько месяцев.

Однако уже в Рождественское говение 1470 г. во Псков прибыл посол великого князя Селиван «поднимати Псковичь на Великий Новгород: оже ми не добиеть челом Великий Новгород о моих старинах, тогды бы есте моя вотчина Псков послужил мне великому князю на Великий Новгород за моя старины».[9] Таким образом, ведение мирных переговоров сочеталось с подготовкой к возможной (но пока еще не неизбежной) войне. Господин Псков рассматривался как союзник, точнее — как «вотчина», подчиненная власти великого князя, составная часть Русской земли. Основанием для этого были события 1460 г., когда Господин Псков официально признал над собою верховную власть великого князя. Участие Господина Пскова в войне против Новгорода имело большое политическое значение — этим реализовывалась идея общерусской коалиции. Не менее важно стратегическое значение Пскова. Выступление его, во-первых, давало возможность отрезать Новгород от его потенциальных союзников — Литвы и Ордена, во-вторых, открывало кратчайший путь на Новгород с запада и заставляло новгородцев дробить свои силы. Обращение великого князя к Господину Пскову может рассматриваться как важный элемент стратегической подготовки к кампании 1471 г. Подготовка эта, таким образом, началась задолго до окончательного разрыва и принятия официального решения о начале похода.

На предпринятую псковичами попытку мирного посредничества («а мы за вас за свою братью, ради посла своего слати, только вам будет надобе к великому князю всея Руси челом бити...») новгородцы отвечали не только решительным отказом («вашего посла к великому князю не хотим поднимати, ни сами ему челом бити не хотим»), но и предложением совместного выступления: «а вы бы есте за нас против великого князя на конь усегли, по своему с нами миродокончанию».

---

[9]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 173.

Более того, Великий Новгород «не дал пути» псковскому послу к великому князю.[10]

В условиях очередного обострения новгородско-псковских отношений не было реальных оснований для выступления Господина Пскова на стороне «старейшего брата». В свою очередь, обострение отношений с Орденом и Литвой объективно способствовало усилению тяги Господина Пскова к Москве — только великий князь мог оказать ему реальную помощь. На Русской земле Новгород оказывался в политической и стратегической изоляции.

Наиболее вероятным союзником Новгорода был король Казимир — союз с ним против великого князя был оформлен соответствующим договором. Но именно этот договор стал в глазах великого князя casus belli — признание власти Казимира сделало войну неизбежной.

Косвенными союзниками Новгорода, точнее — врагами великого князя были Орден и Орда, вмешательство которых в московско-новгородский конфликт было вполне возможно.

Таким образом, если Господин Великий Новгород оказался в изоляции на Русской земле, то великому княжеству Московскому угрожала реальная перспектива войны на трех стратегических направлениях. В этих условиях решающее значение приобретал фактор времени — необходимо было не дать возможности окончательно оформить подчинение Новгорода королю Казимиру. Принятие решения о походе весной 1471 г. было стратегически единственно правильным, хотя и рискованным в оперативно-тактическом отношении.

Реализуя принятое решение, великий князь «в Тферь посла к великому князю Михаилу, помоги прося на Новгородцев же».

Выступление Михаила Тверского на стороне великого князя Московского предусматривалось договором, заключенным в первые годы великокняжения Ивана III и подтверждавшим прежнее докончание 1456 г.: «А быти, брате, нам на татар и на лях, и на Литву, и на немци заодин, и на всякого нашего недруга». В числе предполагаемых недругов докончание новгородцев не называет. Оно только требует от тверского великого князя «с Новым ти Городом жити по старине, как было при ваших пращурах, при великом князе Михаиле Ярославиче...»,[11] и т. д. Включение Господина Великого Новгорода в состав «недругов» вытекало из реальной политической ситуации 1471 г. Участие Твери в войне против Новгорода было необходимо уже потому, что путь

[10] Там же. С. 173–174.
[11] ДДГ. № 63. С. 202, 205; № 59. С. 187, 190.

из Москвы на Новгород лежит через территорию великого княжества Тверского. Важен и политический фактор — Михаил Тверской идет со всей Русской землей под начальством великого князя Московского.

Впервые великий князь Тверской выступает как союзник великого князя Московского: в походе на Новгород Дмитрия Донского в 1386 г. тверские полки не участвовали, ничего не известно и об их участии в походе 1456 г. Участие тверичей в походе 1471 г. — важный показатель тех сдвигов, которые произошли за последние годы в политической обстановке на Русской земле, прежде всего — роста реального значения власти великого князя Московского.

«А Пъскову послал дьяка Якушку Шачебальцева Маия 23 на праздник Вознесения Господня, глаголя им: „Отчина моя Новгород Велики отступают от меня за короля и архиепископа своего ставити им у его митрополита Григорьи Латынина суща, и яз князь великий дополна иду на них ратью, а целованье к ним сложил есми. И вы бы, отчина моя, Пъсковичи, посадницы и житьи люди и вся земля Пъсковскаа к брату вашему Новугороду сложили бы есте, да и поидите на них ратью с моим воеводою с князем Федором Юрьевичем Шуйским, или с его сыном с князем Васильем“».[12]

После известия о кончине архиепископа Ионы (8 ноября 1470 г.) 23 мая — первая точная календарная дата во всем повествовании Московской летописи о событиях 1470/71 г. Дата, связанная с отправкой посла во Псков, очевидно, была зафиксирована в официальном дневнике событий, откуда и попала в летописный рассказ. Наказ Якову Шачебальцеву носит вполне официальный характер и, по-видимому, выписан дословно из соответствующего документа.

Миссия Шачебальцева отражена и в Пск. летописи: «приеха от великого князя с Москвы послом дияк... на имя Яков, на Троицкой неделе в пятой (т. е. 7 июня. — *Ю. А.*), а веля Пскову в Великом Новегороде положити розметнии грамоти в другую неделю заговев Петрово говение (16 июня. — *Ю. А.*) за великого князя обиду, а князь велики за вашими назавтреа в понедельник (17 июня. — *Ю. А.*) свои граматы положит».[13] Наказ Шачебальцеву предусматривал, таким образом, не только директиву об объявлении войны, но и точную дату доставки в Новгород разметной грамоты, согласованную с доставкой соответствующей грамоты из Москвы.

Расстояние от Москвы до Пскова Шачебальцев проехал за 15 дней,

[12] ПСРЛ. Т. 25. С. 286.
[13] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 180.

делая в среднем по 30–40 верст в день. Такая медлительность великокняжеского посла, ехавшего с чрезвычайно важным заданием, может объясняться только плохим состоянием дорог, еще не просохших от весеннего паводка. В этих условиях 180 верст от Пскова до Новгорода[14] гонец с разметной грамотой мог покрыть за 4–5 дней, т. е. должен был выехать не позднее 12 июня. Гонец из Москвы с аналогичной грамотой должен был выехать не позднее 4–5 июня (от Москвы до Новгорода — 500 верст). Все это было рассчитано в канцелярии великого князя — своевременной доставке разметных грамот придавалось, очевидно, большое значение. Псковичи должны были доставить свою грамоту на день раньше, чтобы исключить возможность дальнейших «мотчаний» (проволочек) с их стороны.

Отправка грамоты во Псков означает начало стратегического развертывания великокняжеских войск. «В 31-же день месяца Маия в пяток послал великий князь Бориса Слепца к Вятке веля ити им на Двинскую землю ратью же. А к Василью Федоровичю посла на Устюг, чтобы с Устюжаны на Двину же ратью пошел, а зжидал бы ся з Борисом да с Вятчаны».[15]

Так обозначается направление удара на Двинскую землю (Заволочье), важнейший источник богатства новгородской господы. В поход на Двинскую землю должна была, очевидно, идти судовая рать — пешее земское ополчение северных земель, не знавших развитой служилой системы.

«Месяца Иуня 6 в четверток на Троицкой неделе отпустил князь великий воевод своих с Москвы, князя Данила Дмитриевича Холмского да Федора Давыдовича со многим воинъством, с ними же и князя Юрья Васильевича и князя Бориса Васильевича дети боярьские многи. А велел тем князь великий ити к Русе». •

Запись официального характера, напоминающая разрядную, но без распределения воевод по полкам. Движение начинает первый эшелон великокняжеских войск. Уже с 23 мая работает военно-походная канцелярия, фиксирующая распоряжения и действия великого князя.

Операционное направление Москва — Руса хорошо знакомо московским воеводам. Именно по этому направлению (через Волок) шли войска великого князя Василия Васильевича в зимнем походе 1456 г. Выход к Русе воевод князя Ивана Стриги Оболенского и Федора Басенка

---

[14] Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 184.
[15] ПСРЛ. Т. 25. С. 286.

привел к бою с новгородским войском. Решительная победа москвичей заставила новгородцев просить мира. Действительно, Руса — важнейший стратегический пункт, овладение которым выводит на ближние подступы к Новгороду.

Князь Данило Холмский — участник войны с Казанью.

Второй воевода, Федор Давыдович (Хромой) — выходец из знатнейшего боярского рода Ратшичей. Его предок — герой Невской битвы. Сам Федор Давыдович упоминается в 1471 г. впервые, что может свидетельствовать о его сравнительной молодости (ум. ок. 1492 г.).[16]

В состав войска, отправленного к Русе, входят, в частности, служилые люди Дмитровского и Волоцкого уделов — они идут в поход с воеводами великого князя, а не своих удельных князей, как предусматривалось старыми межкняжескими докончаниями.[17] Это свидетельствует о снижении роли удельно-княжеских воевод.

«А в 13 того же месяца в четверток отпустил князь велики князя Василия Ивановича Оболенского Стригу с многими вои, да с ним князей царевичей Даньярова с многими Татары, а велел тем ити на Волочек да по Мсте».

В существующем списке Моск. летописи — явная ошибка. Князь Оболенский Стрига — не «Василий Иванович», а Иван Васильевич. Войско князя Стриги Оболенского должно было совершить глубокий обход Новгорода с востока, отрезая его от северных владений. Включение в войско отрядов татарского царевича свидетельствует, что эти силы должны были обладать особой подвижностью — их путь на Новгород был самым длинным.

Князь Иван Стрига — один из старых и наиболее опытных воевод. Первое упоминание о нем относится к 1446 г., когда он участвовал в борьбе за освобождение Василия Темного. В 40–50-х гг. он получил богатый боевой опыт, в частности, в походе на Новгород в 1456 г. В 1467 г. вместе с царевичем Касымом совершил неудачный поход на Казань.

Деловой стиль военно-походного дневника прерывается обширным рассказом о молебствиях, совершаемых великим князем. Посещение храмов и молебны — в данном случае не только нравственный долг верующего православного человека, но и важная идейно-политическая акция. Снова и снова подчеркивается категорический императив по-

[16] Зимин. С. 165, 167.

[17] Напр., между великим князем Василием и Василием Серпуховским. ДДГ. № 58. С. 181.

хода — «не яко на христиан, но яко на иноязычник и на отступник православия».[18]

Впервые за девять лет своего великокняжения Иван III отправляется в боевой поход (до этого известно его участие в походах 1452 г. на Шемяку и в 1458 г. — на Оку против татар). Как видим, это событие обставлено с необычайной торжественностью, ему придается исключительное нравственно-политическое значение. Великий князь, поборник и защитник православия, выступает против отступников-еретиков.

С великим князем идет третий эшелон русского войска.

«А с ним царевич Даньяр и прочии вои великого князя, князи его мнози и воеводы со многою силою». С великим князем идет его военно-походная канцелярия, которая продолжает точно фиксировать даты и события.

«Приде же князь великий на Рождество Предтечево (24 июня. — *Ю. А.*) на Волок».

Переход от Москвы до Волока Ламского занимал 4 дня — по 25 верст в день.

«Так же и братиа великого князя поидоша кождо их от себя, князь Юрий Васильевич из своея отчины, а князь Андрей Васильевич из своея отчины, а князь Борис Васильевич из своея отчины. А князь Михайло Андреевич с сыном Василием из своея отчины».

Волок на Ламе — сборное место войск, идущих на Новгород. В 1456 г. в походе великого князя Василия «бывшу же ему на Волоце, и ту приидоша к нему братиа его и вси князи и воеводы его со множеством воинства».[19]

В отличие от краткого известия 1456 г., рассказ 1471 г. содержит важные сведения о сосредоточении войск. Князья-братья идут со своими полками из своих уделов на место сбора войск. Но уже известно, что часть служилых людей князя Юрия и князя Бориса отправлена в первом эшелоне с воеводами великого князя на Русу. Князья Юрий и Борис приходят к Волоку только с частью своих сил. Таким образом, Дмитровский полк князя Юрия и Волоцкий полк князя Бориса не представляют единого целого — их силы распределены по двум эшелонам, и только часть их идет со своими князьями, как предписывалось в традиционных докончаниях московских князей. Передача части служилых людей удельных князей под непосредственное командование великокняжеских воевод соответствует общей тенденции усиления ве-

[18] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

[19] Там же. С. 274.

ликокняжеской власти и, в частности, — ее военных функций. Великий князь все в большей мере выступает в роли распорядителя военных сил всего великого княжения Московского, командные функции его братьев соответственно снижаются. Судя по рассказу летописи, организационно-тактическое единство мог сохранить только Углицкий полк князя Андрея Большого. Этому полку предстоял наиболее долгий путь до Волока; возможно, именно поэтому его части не были включены в первый эшелон, а остались под знаменами своего князя. Князья Михаил Андреевич и его сын Василий имели служилых людей в двух удаленных друг от друга уездах. Если служилые люди с Вереи и Рузы могли идти к Волоку во главе со своими князьями, то белозерским служилым людям предстоял до Волока долгий путь, и их более целесообразно было использовать на северном операционном направлении вместе с устюжанами и вятчанами.

Сбору войск на Волоке предшествовала, очевидно, рассылка директив великого князя — приказов о мобилизации. Затем следовали сама мобилизация служилого ополчения и марш-маневр к месту сбора. На все это требовалось более или менее значительное время, считая средний суточный переход для конницы 30–50 верст. От Углича до Волока (200 верст), например, можно было пройти не менее чем за 5–6 дней, князь Андрей должен был выступить не позднее 18 июня, а начать сбор своего полка еще не менее чем за неделю раньше. Но прежде князь Андрей должен был еще приехать из Москвы, где он был на соборе, для этого тоже нужно было прислать со своим служилым человеком соответствующий приказ, на что требовалось еще около недели. Мобилизация служилого ополчения удельных князей фактически началась не позже двадцатых чисел мая, сразу после собора, а возможно, еще раньше.

«А на Москве оставил князь великий сына, великого князя Ивана, да брата своего князя Андрея Меньшого».

Иван Молодой здесь впервые назван великим князем. Была ли официальная процедура возведения его в великокняжеское достоинство, остается неясным. Во всяком случае, можно считать, что его положение наследника этим титулом окончательно легитимизировалось. В то же время очевидно, что должностных функций на данном этапе в возрасте 13 лет он не нес. Его оставление на Москве носило титулярный характер.

Менее понятно, почему на Москве был оставлен Андрей Меньшой — вполне дееспособный в свои 19 лет. Об участии в походе на Новгород вологжан — его служилых людей — сведений также нет, хотя

еще в 1469 г. вологжане ходили в поход на Казань с воеводой своего князя.

«На Петров день (29 июня. — *Ю. А.*) прииде князь великий в Торжок. Приидоша же к нему в Торжок воевода великого князя Тферьского, князь Юрий Андреевич Дорогобужский да Иван Микитич Жито со многими людьми на помочь на Новогород же».

Путь от Волока до Торжка занял 4 дня (считая, что великий князь выступил из Волока на следующий день после прибытия). Средний суточный переход оставался прежним — около 40 верст.

Войска вступили на территорию великого княжества Тверского, оставляя Тверь справа, к востоку. Здесь реально вступает в силу статья о военном союзе.

«А поидут, брате, на нас... и тобе, брате, к нам на помочь самому на конь всести и своею братьею молодшею, в правду, без хитрости. А корм взяти не корыстоватися».[20]

Отступлением от буквы договора стало личное неучастие Михаила Тверского в походе великого князя Московского. Это нельзя объяснить его молодостью — ему было 17 лет[21] (род. осенью 1453 г.). Однако самое главное условие договора, его основной смысл были соблюдены. Тверское великое княжество выступало как союзник Московского, впервые тверские полки шли в поход вместе с москвичами.

«Братья молодшая» тверского великого князя, обязанная «всесть на конь», представлена князем Юрием Адреевичем Дорогобужским, удельным князем, который в договоре 1462–1464 гг. не назывался по имени, а входил в состав «меньшей братии». Воеводой при нем был Иван Никитич Жито, из боярского рода Бороздиных (внук реального родоначальника Ивана Борозды).

Участие тверского полка в походе не было фикцией — князь Юрий и Иван Никитич Жито пришли «со многими людьми». Надо полагать, что Михаил Тверской, желая сохранить хорошие отношения со своим могущественным союзником, действительно стремился оказать ему реальную помощь и этим показать свою лояльность.

Участие Твери в военно-политической акции против Новгорода — одна из важных черт кампании 1471 г. Выступление Твери открывает путь к Новгороду через тверские земли; оно означает признание Тверью руководящей роли Москвы; оно символизирует и материализует военное единство Русской земли под знаменами московского ве-

[20] ДДГ. №63. С. 205.
[21] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 495.

ликого князя. Делается важный шаг в развитии военной системы. Эта система, складывавшаяся вокруг Москвы со времен первых Калитичей, основана на договорных началах в рамках княжеской иерархии. Развитие системы за сто с лишним лет шло, во-первых, за счет уточнения взаимных обязательств при сохранении принципиальной основы — княжеского суверенитета. Вторая черта развития системы — ее расширение за счет включения новых членов, т. е. княжеств, не входящих в состав Московского дома. Наиболее крупное из них — Тверское, которое и включается в систему военно-договорных отношений с Москвой, начиная со времен Дмитрия Донского.

Однако при всей важности договорных отношений как таковых решающей проверкой их является реальная политическая ситуация. Для реализации московско-тверского союза необходимо было достижение определенного уровня политической стабильности всей системы русских княжеств во главе с Москвой. Поход на Новгород в 1471 г. был одновременно и проявлением, и проверкой этой стабильности.

«А из Пскова в Торжок же прииде к великому князю посол Василей, да Богдан с Якушкою с Шачебальцевым, а присланы с тем, что целование к Новугороду сложили, а сами готовы все. Князь же великий из Торжку послал к ним Богдана, а с ним Кузьму Коробьина, чтобы не мотчая пошли к Новугороду, а Василья от себя не отпустил».

Военно-походный дневник фиксирует деятельность великого князя как главы общерусского союза — главнокомандующего. В Псков идет категорическое требование о немедленном выступлении в поход, политической акции сложения с себя целования недостаточно. От псковичей требуется реальное военное участие, соответствующее положению Пскова под главенством великого князя. В соответствии с первым требованием великого князя, переданным Яковом Шачебальцевым, «псковичи... месяца июня в 16 послаша с разметными грамоты... в Великой Новгород». По словам псковского летописца, Яков Шачебальцев не ограничился передачей великокняжеской грамоты, но и сам «много глаголаше, псковичь позывал: тымы часы со мною на конь вседя поидите в землю на Великий Новъгород воевати».

Псковичи проявили осторожность: «Дондеже услышим в Новогородской земли великого князя, тогды на конь всядем за своего государя». Для реального выступления против могущественного «брата старейшего» псковичам была нужна гарантия фактического вступления великокняжеских войск в Новгородскую землю.

Проявилось особое положение Пскова в системе русских земель. Признавая над собой власть великого князя, своего государя, Госпо-

дин Псков сохранял значительную долю самостоятельности в своих внешнеполитических акциях, он сам распоряжался своим ополчением и неохотно втягивался в войну с Новгородом.

Несмотря на многие взаимные обиды и столкновения, Господин Псков еще ни разу не выступал против «брата старейшего» с оружием в руках на стороне великого князя. Во время предыдущего похода великокняжеских войск на Новгород в 1456 г. новгородцы призывали на помощь псковичей: «братия наша молодшая, мужи псковичи, брат Великий Новгород вам кланяется, чтобы есте нам помогли противу великого князя, а крестное бы есте целование правили». «И псковичи... не взираа, что псковичам новгородцы не помогали ни словом, ни делом ни на кую же землю... послаша... воевод своих... противу великого князя». Помощь запоздала: разбитые под Русой новгородцы добили челом великому князю «за свою вину». До столкновения псковичей с великокняжескими войсками дело не дошло, они только простояли «с силою своею в Великом Новегороде полторы недели».[22]

Здесь важен основной факт — союз Пскова и Новгорода был многолетней традицией и еще недавно — реальным политическим фактором.

События 1460 г. принципиально изменили положение Господина Пскова. Признав над собою власть великого князя, он встал под его защиту. Летняя кампания 1463 г. на Ливонском рубеже была первой проверкой эффективности этой защиты. Но выступление в союзе с великим князем против Новгорода — явление другого масштаба. Оно окончательно перечеркивало всю многолетнюю совместную историю «братьев». Господин Псков бесповоротно и безальтернативно становился членом военно-политической системы, возглавляемой Москвой. Понятны и долгие колебания псковичей, и попытки компромисса; понятно и известное недоверие великого князя к лояльности псковичей, выразившееся в задержании одного из их послов.

Яков Шачебальцев «на другой неделе в среду Петрова говения [19 июня] с псковскими послы, с Васильем Быковым и с Богданом, поехали к великому князю, что там отведати, что великого князя самого и его войска, как он вступит в Новогородскую землю, а Пскову за ним поступити за его обиду, своего государя». Значит, псковские послы, приехавшие в Торжок, должны были, прежде всего, убедиться, что великий князь со своими войсками действительно вступил в Новгородскую землю, и только тогда псковичи соглашались выступить «за обиду своего государя». Как видим, у великого князя были

[22] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 142.

основания для недовольства и для требования ускорить выступление псковичей. Это требование имело серьезное обоснование как в политическом (единство Русской земли), так и в военном отношениях.

Стратегический план великого князя предусматривал, по-видимому, окружение Новгорода со всех сторон. На долю псковичей выпало западное направление, едва ли не самое важное. Именно отсюда могла быть оказана помощь новгородцам со стороны короля и Ордена.

Господин Псков готовился к войне. Началось восстановление выгоревшей стены на Полонище. Но главное — «всем Псковом начаша по всем концом рубитися искрепка. А посадников и бояр великых на вече всем Псковом начаша обрубати доспехи и конми».[23]

Приведенный текст раскрывает систему псковской мобилизации. Решение о мобилизации принимается на вече («всем Псковом»). Рядовые псковичи «рубятся» по кончанскому раскладу, в рамках своих кончанских общин, которые организуют мобилизацию и несут за нее ответственность: верхушка псковского общества, посадники и бояре, мобилизуется на вече. Вече определяет нормы боеготовности посадников и бояр и контролирует их выполнение: поставку нужного (расчетного) количества коней и доспехов.

Очевидно, что рядовые псковичи по уровню своей боеготовности, по количеству и качеству оружия существенно отличаются от посадников и бояр. Во всяком случае, они выставляют не только всадников, но и пехоту, и даже, возможно, главным образом пехоту. О нормах мобилизации ничего не известно, но, в отличие от кампании 1463 г. не говорится о призыве «охвочих людей» — добровольцев.

Вопрос об ускорении вступления Господина Пскова в войну против Новгорода весьма интересовал великого князя.

В самый день прибытия великого князя в Торжок, т.е. 29 июня, на Петров день, в Псков «приеха князя великого боярин на имя Василий Зиновьев, а с ним человек 100». Василий Зиновьев Дятел из рода Станищевых.[24] Боярского чина он не имел.

Василий Зиновьев привез с собою «кляч новгородских с 300 полону» — первая добыча, захваченная на Новгородской земле, доказательство активных действий великокняжеских войск. Добыча была распродана в городе и по волостям, а сам «боярин» с его отрядом был помещен у Спасо-Мирожского монастыря. «И бысть Пскову от него велика истора, как самому кормом и его конем». Главная цель при-

[23]Там же. С. 180.

[24]*Веселовский С. Б.* Исследования по истории... С. 422, 424.

сылки Василия Зиновьева и его отряда — всемерное стимулирование выступления Господина Пскова: «он по вся дни Пскову повестует, чтобы есте со мной на конь усегли сим часы, и яз к вам есмь отпущен великим князем, воеводою приехал, а уже есмь приехал здесь».

«Ис Торжку поиде князь великий».[25] Дата не указана, но, очевидно, это было после 29 июня — какое-то время великий князь должен был пробыть в Торжке, где он принимал тверских воевод и псковских послов.

«Братия же великого князя все со многими силами и кийждо их из своея отчины поидоша разными дорогами к Новугороду, пленующе и жгуще и люди в полон ведуще».

«Тако же и князь великий, коего воеводы та же творяху, кия же на какое место посланы». В данном случае воеводы идут самостоятельно в те места, куда их послал главнокомандующий — великий князь.

«Предпосланные же воеводы великого князя, князь Данило Дмитриевич и Федор Давыдович идуще по Новогородцким местам, иде же повелено им бяше, и распустиши вои свое на многие места жещи и пленити, и в полон вести, и казнити без милости за их неисправленье к своему государю великому князю». Снова подчеркнуто — воеводы идут по тем местам, где им повелено, т. е. согласно полученной директиве главного командования.

Инициативы воевод — в рамках тактических. В соответствии с правилами и обычаями средневековой войны они «распускают» своих воинов для опустошения и разорения местности. К этой обычной тактике прибавляется политический мотив, подчеркиваемый летописцем; воины не только жгут и пленяют, как в обычной войне, но еще и казнят без милости «за неисправленье». Военным действиям придается характер карательной меры за измену.

Войска князя Данилы Дмитриевича и Федора Давыдовича, этот первый эшелон великокняжеских сил, согласно отданной директиве идут к Русе. «Дошедшим же воеводам тем до Русы, попленища и пожгоша место то, и пленив то и пожег, поидоша близ к Новугороду к реке Шелоне».

Таким образом, после сожжения Русы войска повернули на северо-запад, оставляя оз. Ильмень справа.

Когда была взята Руса? Ответить на этот вопрос помогает Пск. летопись.

По словам Василия Дятла, приехавшего во Псков 29 июня, «Русу

[25] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

на сам Иван день извоевав и пожгли, а самому государю... с своими силами в сам Петров день в Торжку стати».[26]

Таким образом, Руса была взята и сожжена 24 июня — на Рождество Иоанна Предтечи, т.е. на восьмой день войны (официально объявленной 17 июня доставкой в Новгород разметной грамоты). Эта быстрота выхода великокняжеских войск на подступы к Новгороду была, вероятно, основной причиной того, что новгородцы не сумели (не успели) защитить Русу. Василий Дятел выехал из Ставки после взятия Русы. Он знал маршрут и график движения великого князя. Руса была взята и сожжена за пять дней до прибытия великого князя в Торжок, и уже в дороге туда он знал об этом событии. Связь между Ставкой и воеводами поддерживалась четко, и это — одна из основных функций главного командования.

Приезд Василия Дятла, его призывы и еще более — сообщенные им сведения о ходе военных действий заставили Господин Псков поторопиться.

«И весь Псков... пригороды и волости собрав, князя Псковского Федора Юрьевича сын князь Василий, и Тимофей Власьевич, посадники псковские, а с ним 13 посадник псковских и вся сила псковская поидоша на Новогородскую землю, месяца июля в 10 день в среду на память святыя мученик 45. А в 12 день, в пяток, начаша воевати Новогородскую волость и жечи».

Сообщение Пск. летописи носит вполне официальный характер. Если псковичи «начаша по всем концом рубитися искрепка» 19 июня (после отъезда своих послов к великому князю), то от начала мобилизации до выступления в поход прошло три недели. Срок довольно большой, если учесть размеры Псковской земли и сравнить с мобилизацией 1463 г., когда Псков подвергался нападению ливонских немцев. Такое «мотчанье» можно объяснить либо тщательностью мобилизации, либо нежеланием втягиваться в войну с Новгородом. В поход шли по крайней необходимости, после многочисленных понуканий и уговоров великого князя.

Тем не менее двинулась вся сила Псковская, во главе с сыном князя-наместника и со всеми посадниками.

«Воевати и жечи» — псковские войска, как и великокняжеские, придерживались излюбленной средневековой тактики разорения и опустошения вражеской территории. В данном случае это была территория «брата старейшего», связанного с Господином Псковом ве-

[26]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 181.

ковой традицией и общностью социально-политического уклада. Эта вековая связь порвалась окончательно. «Брат меньшой» выступил против «брата старейшего», обходясь с ним, как со злейшим врагом. На место новгородско-псковской общности, основанной на договорных началах и «братстве», пришла общность московско-псковская, основанная на безоговорочном подчинении власти великого князя.

«В тое же время приехал к ним посол наш Богдан, а с ним проводником князя великого боярин Кузьма Коробьин,[27] а с ним с полторасти человек, и сказывая, наехав великого князя в сам Петров день в Торжку, стояща с силами а 2 [во вторую] недели стати ему [в среду] в Русе».

Летописец приводит слова наказа великого князя. «А вы бы есте, отчина моя Псков, в сам Ильин день на конь усегли, или упустив неделю нонче».

Далее идет передача слов самого Богдана: «с тем меня отпустил князь великий к вам, а только есми один день у него и был, а Василя Быкова оставил у себя по наказу вашему».

Сообщение Пск. летописи заслуживает серьезного внимания. Интересна и характерна сама форма изложения: дословное цитирование наказа великого князя и слов самого посла. В этой форме отразился официальный характер Пск. летописи. Но еще более важно фактическое содержание известия. Псковский посол Богдан возвращается в сопровождении великокняжеского служилого человека, ведущего за собой большой воинский отряд. Как и миссия Василия Дятла, это — новое настойчивое напоминание псковичам об их обязанности выступить в поход. Конные отряды Дятла и Коробьина должны были, очевидно, не только усиливать псковскую конницу и придавать ей большую устойчивость, но и поддерживать в ней соответствующее морально-политическое настроение, напоминая о верности великому князю.

Из слов посла Богдана видно, что, находясь в Торжке, великий князь с точностью рассчитал, когда ему быть в Русе, уже взятой и сожженной московскими войсками, — быть в Русе в среду на второй недели после Петрова дня, т. е. 10 июля.

Великий князь требует выступления псковичей 20 июля, на Ильин день, или, в крайнем случае, на неделю позже. В данном случае пско-

[27] Коробьины — рязанские служилые люди (Веселовский. С. 11, 13; Зимин. С. 269). Имя Кузьмы Коробьина в известных родословцах не встречается. Важен сам факт перехода рязанских бояр на службу в Москву.

вичи превзошли ожидания великого князя, выступив на десять дней раньше намеченного срока.

Когда псковское ополчение выступило в поход, военные действия были уже в самом разгаре.

Взяв 24 июня Русу, войска князя Данилы Холмского и Федора Давыдовича двинулись к Шелони. Дальнейшее движение выводило их на ближние подступы к Новгороду с запада и юго-запада. Однако, по словам Моск. летописи, «яко же приидоша на место, нарицаемое Коростыни, у езера Илмеря на брезе, и внезапу паки безвестно прииде на них по озеру рать в судех от Новагорода».[28]

Даты не приводится, но, очевидно, это произошло через несколько дней после 24 июня — взятия Русы.

Новгородцы «из судех вышед, приидоша таем под станы их, а им в то время оплошившимся». Новгородцы застали своих противников врасплох, и этим могли поставить их в тяжелое положение. Однако «сторожа же воевод великого князя, видевшие их, возвестиша воеводам, они же в тот час вооружившеся поидоша противу их».

По словам новгородского летописца, «к Русе послаша новгородцы судовую рать и пеши бишася много, и побиша Москвичь много, и пешей рати паде много, а иные разбегошася, а иных Москвичи поимаша».[29]

Великокняжеское войско на берегу Ильменя — конница (только конница могла пройти от Москвы до Русы около 500 верст за 15–18 дней марша по лесисто-болотистой местности). Основным преимуществом москвичей было, вероятно, их умение сражаться в конном строю (отработанное многолетней практикой службы на Берегу и столкновений с татарской конницей).

Победа осталась за москвичами: они «многих избиша, а иных рукама изымаша». Вооружение, как и тактика великокняжеской конницы было отработано в ходе бесконечных войн и походов на южном рубеже, тогда как ополчение Господина Великого Новгорода отнюдь не могло иметь такой практики. Как и в бою под Русой в 1456 г., преимущество московского войска, в сущности профессионального, над массой новгородских ополченцев было решающим.

«И оттоле паки возвратишася к Русе в той день оже в Русе инаа рать пешаа множае первее и сугубейшиа, пришли рекою же в судех Полою именем».

---

[28]ПСРЛ. Т. 25. С. 288.
[29]ПСРЛ. Т. 4/1. С. 446.

Видны некоторые черты новгородского плана войны. Новгородское руководство стремилось, видимо, держать силы на ближних подступах к городу, нанося короткие контрудары, т. е. действовать по внутренним операционным линиям. Эта стратегия в большой степени определялась особенностью состава новгородского войска, состоявшего главным образом из пехоты, неспособной к марш-маневру на большие расстояния. Владение озером Ильмень давало новгородцам возможность маневрировать силами судовой рати против великокняжеских войск на южном берегу озера. Новгородцы не успели защитить Русу, но теперь с выходом великокняжеских войск на берег Ильменя, решили нанести им контрудар и не дать возможности выйти на ближние подступы к городу. Именно так можно понять действия новгородцев после падения Русы.

Действия двух новгородских группировок, пересекавших Ильмень, не были согласованы между собой, что дало возможность воеводам великого князя разбить их поодиночке. Сказалось отсутствие или неэффективность главного командования новгородских войск, которым не удалось добиться взаимодействия. «Весьма поучительны тактические действия отряда Холмского. Пользуясь ошибками противника, отряд наступал смело и решительно и уничтожал противника по частям», — справедливо отмечает Е. А. Разин.[30]

После победы под Русой воеводы «послаша к великому князю с тою вестью Тимофея Замытского, а пригонил к великому князю иуля в 9 день на Коломно озеро».[31]

Впервые после прибытия великого князя в Торжок в рассказе Моск. летописи появляется точная дата, свидетельствующая о ведении походного дневника. Вероятно, он велся без перерыва, но в летописном рассказе использовался лишь выборочно — в летописи представлен не сам походный дневник, а переработка его для нужд официального летописного рассказа.

Великий князь, направляясь из Торжка в Русу, остановился на озере Коломно. Это позволяет уточнить маршрут его движения — он шел от Торжка на Вышний Волочек, а затем повернул налево, в сторону Русы.[32] Если судить по теперешней карте, Коломна — в 90 км от Торжка. Если так, то при средней скорости движения 25–30 км в день великий князь выступил из Торжка не позднее 5–6 июля.

[30] Разин. С. 318.

[31] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

[32] По теперешней карте Коломно — на р. Шлине, вытекающей из озера того же названия и текущей на восток.

От Русы до Коломны Тимофей Замытский мог проскакать не менее чем за двое суток, следовательно, он был отправлен с победной вестью 6 или 7 июля. Около этого же времени и произошло второе сражение москвичей с новгородской пешей ратью.

Донеся о победе под Русой, «сами воеводы от Русы поидоша к Демону городку»[33] (о чем, очевидно, тоже доложили великому князю). Это означало, что воеводы двинулись в юго-восточном направлении, не к Новгороду, а в обратную сторону. Демон, теперешний Демьянск, в 90 верстах, т. е. в двух или трех переходах, от Русы. Целью этого движения было, очевидно, овладение укрепленным пунктом новгородцев в тылу наступающих великокняжеских войск.[34]

«Князь же великий посла к ним, веля им ити за реку Шолону сниматися с псковичи. А под Демоном велел стаати князю Михаилу Андреевичу с сыном своим князем Васильем и со всеми вои своими».

Это известие заслуживает самого пристального внимания. При всей важности овладения Демоном в оперативно-тактическом отношении, на стратегическом уровне оно ничего не решало. Более того, увод войск с главного (новгородского) направления ослаблял угрозу, нависшую над Новгородом, и развязывал новгородцам руки для дальнейших активных действий. Наконец, отвод великокняжеских войск от Ильменя в южном направлении означал отказ от взаимодействия с псковичами, мог поставить псковичей в опасное положение и подорвать саму идею концентрированного удара по Новгороду.

Концепция князя Холмского и Федора Давыдовича отражала оперативно-тактический, но не стратегический уровень мышления. Частная цель заслоняла главную.

Основная идея директивы великого князя — движение на соединение с псковичами. Этим исключалась возможность нанесения частного поражения псковичам и обеспечивалось их реальное участие в кампании. Соединенное московско-псковское войско выводилось на ближние подступы к Новгороду. Овладение Демоном рассматривалось как второстепенная задача, для решения которой выделялись второстепенные силы верейского удельного князя.

Директива великого князя отражает здравое стратегическое мышление на уровне главного командования войсками. Автор директивы проявил подлинный талант стратега.

---

[33] ПСРЛ. Т. 25. С. 288.

[34] А. К. Баиов почему-то считал, что к Демону отступили разбитые под Русой новгородцы (Баиов. С. 20).

Но, как и всякое смелое решение, директива таила в себе известную опасность.

Псковские войска выступили на следующий день, после того как великий князь получил известие о победе под Русой, а на новгородскую территорию вступили еще через два дня. Находясь на Коломне, великий князь едва ли мог знать точную дату выступления псковичей. Ни Пск. летопись, ни Моск. ничего не говорят о новых псковских послах, прибывших в Ставку. Великий князь мог иметь только общее представление о возможном (вероятном) направлении движения псковичей. Наиболее естественным путем движения псковской рати был левый берег Шелони, двигаясь по которому они выходили к Ильменю в непосредственной близости от Новгорода.

Отсутствие точного согласования по времени движения псковичей и войск князя Холмского могло привести к их поражению по частям. Это был несомненный риск, и лучшим способом уменьшить его могло быть только энергичное движение вперед с целью соединиться с псковичами до встречи с ними новгородских войск.

Итак, войска князя Холмского и Федора Давыдовича, изменив свое первоначальное направление, двинулись к Шелони на соединение с псковичами.

Что же делали псковские войска?

Пск. летопись описывает пограничные столкновения — нападение новгородцев на Навережскую губу. Это вызвало ответное нападение псковичей на новгородский Вышгород. «Вся псковская сила... пришедше под Выщегород и обступиша его, того же месяца 15 день в неделю, утре, и начаша бити пушками и стреляти и начаша к нему примет приметывати».[35] После упорного, но короткого сопротивления город капитулировал. Это случилось на следующий день, т. е. 16 июля. «Князь псковский Василий Федорович, и воевода великого князя Василей, и посадник псковской Тимофей Власьевич, и Стефан Офанасьевич, и все войско псковское челобитье их приняли и кровь их пощадили и отступиша на завтреа, в понедельник от городка».[36]

Известие весьма содержательно. Оно показывает руководство псковского войска, рисует методы осады крепости и подготовки штурма, свидетельствует о наличии в псковском войске вечевых традиций («и все войско псковское» как действующее лицо). Но наиболее важна хронология событий. В известии допущена ошибка — 15 июля при-

[35] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 181.
[36] Там же. С. 182.

ходилось не на воскресенье, а на понедельник. Псковичи подошли к городу именно в воскресенье («назавтреа в понедельник уже отступиша от городка»), т. е. не 15-го, а 14 июля. Это была именно «вся сила псковская» во главе с князем-наместником, воеводой великого князя и посадниками, снабженная артиллерией. Перейдя границу Новгородской земли, это войско двинулось не к Новгороду и не на соединение с войсками великого князя, а к маленькому пограничному городку, чтобы отомстить за то, что «из Вышегородские волости приездя, пакостят во Псковской волости».

В действиях псковского войска не заметно ни ясной стратегической идеи, ни хотя бы стремления к взаимодействию с великокняжескими силами. Это тот же уровень мышления, что у князя Холмского, — стремление к решению не общих, а частных задач, отвечающее известной узости горизонтов удельно-княжеской системы. Все внимание приковано к решению частной, второстепенной задачи.

«А воеваша волости и пожгоша около рубежа на 50 верст оле и боле».[37]

По словам псковского летописца, именно эти действия псковичей вызвали ответную реакцию новгородцев.

«А новгородци, услышавше силу псковскую, что воюют волости, и отрядиша воеводою Казимера, да Дмитрия сына Марфина, и иных много бояр, и около их всей новогородской силе наиболе 40 тысящь, и поидоша на псковичи».

Дальнейшие события Пск. летопись описывает кратко.

Новгородцы «наехаша на Шелони силу московскую, князя Данилья, едут с ними поровну об он пол реки, и не дошедше Мустца и Сольцы, вергошася москвици с берега в реку Дрянь, и прегнав ше Дрянь реку, и ударишася на них, и победиша их».

Псковские войска в этой битве не участвовали, летописец вставил в свое повествование краткое известие, полученное, по-видимому, от москвичей. Пскович мало знает и не интересуется этой битвой. По его мнению, сражение произошло «тоя же время, кои день поехала иза Пскова псковская сила»,[38] т. е., очевидно, в среду 10 июля.

Несмотря на эту очевидную ошибку, известие Пск. летописи содержит важные реалии. Оно точно указывает место сражения и топографическую деталь — речка Дрянь, видимо, старица Шелони, изображает такую деталь, как параллельное движение новгородцев и

[37] Там же.

[38] Там же. С. 183–184.

москвичей по берегам Шелони, знает имя одного из новгородских воевод.

Таким образом, в решающий день Шелонской битвы псковичи были в 80–100 км на юго-запад от поля сражения. Начав наступление 10 июля, они двинулись не по кратчайшему пути на Новгород, т.е. на восток от Пскова, что выводило бы их на среднее течение Шелони и далее на Ильмень, а отклонились на юго-восток, к верхнему течению Шелони, для осады второстепенного новгородского укрепления, совсем не заботясь о соединении с москвичами. Этим они ставили себя под реальную угрозу со стороны рати, двинутой из Новгорода.

Наиболее полный рассказ о Шелонской битве содержится в Моск. летописи.[39] Здесь он выделен киноварным заголовком: «О бою на Шолоне». В соответствии с полученной директивой «воеводы великого князя поидоша к Шолоне, и яко пришедшим им к берегу реки тоя, иде же брести чрез ея, оже в ту же пору прииде ту рать Новогородская противу их с другой страны от града своего к той же реце Шолоне, многое множство, яко и ужаснутися полком великого князя, понеже бо в мале бяху вси бо вои сущии под ними, не видяще того, пленяху места их окрест Новаграда».

Если это сообщение принимать буквально, то оно означает, что воеводы, идущие к Шелони по директиве великого князя, часть своих сил распустили для грабежа окрестных мест, как это они делали уже и раньше, на марше к Русе. Это поведение в условиях вероятности встречи с крупными силами противника было по меньшей мере рискованным, но отвечало правилам и обычаям войны и отражало уровень оперативно-тактического мышления воевод.

«А новогородцкие посадници все и тысяцкие, купцы и житьи людие, мастыри всякие, сироста рещи плотници и горчары и прочии, которые родивыся на лошади не бывали и на мысли которым того и не бывало, что руки подъять противу великого князя, всех тех изменницы они силою выгнаша. А которым бо не хотети поити к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, и иных в реку в Волхов метаху. Сами бо глаголаху, яко было их с сорок тысяч на бое том». Это известие, основанное, вероятно, на рассказах пленных новгородцев, интересно в том отношении, что рисует морально-политическую ситуацию в Новгороде, методы мобилизации и качество призванного к оружию контингента. Сообщение тенденциозно — оно стремится изобразить действия новгородских «изменников» в возможно более непри-

[39] ПСРЛ. Т. 25. С. 288–289.

влекательном виде. Тем не менее оно далеко не лишено реализма и в основе своей рисует состав и характер новгородского ополчения в общих чертах правдоподобно. Городское ополчение действительно не могло не состоять в своей основной массе из людей, не привычных к войне.

В отличие от жителей приграничного Пскова, новгородцы не имели опыта почти ежегодных «разрубов», что, конечно, сказывалось на их потенциальной боевой годности. Мобилизация этих «горчаров и плотников» действительно могла вызвать затруднения и материального, и морального порядка. Нестабильность политической ситуации в Новгороде, раздираемом противостоянием сторонников Москвы и Литвы, сочеталась с низкой боеготовностью призываемых к оружию мирных жителей. Сказался основной недостаток новгородской военной организации — отсутствие конного служилого ополчения.

Наибольшие сомнения вызывает численность новгородского ополчения, приводимая со слов самих новгородцев. При проведении самой жесткой мобилизации, при самом тяжелом «разрубе» едва ли можно было выставить в поле 40 тыс. ратников. В Новгороде не могло быть такого количества даже дворов — основной единицы при разрубах.[40] Думается поэтому, что к летописному известию о численности новгородского войска, двинутого на Шелонь, следует отнестись с большой осторожностью. По всей вероятности, оно было большим, даже очень большим в глазах современников и участников событий, но величины, приведенной летописцем, достигнуть не могло, даже если считать, что в состав 40 тыс. входили не только войска, двинутые на Шелонь, но и пешие рати, отправленные ранее через Ильмень.

Тем не менее большое количественное превосходство новгородской рати над великокняжескими войсками на берегах Шелони вполне вероятно — пешая рать могла быть многочисленной.[41]

«Воеводы же великого князя, аще и в мале беста глаголють бо бывшой тамо, яко с пять тысяч их только бе, но видевше многое воинство их и положише упование на Господа Бога и Пречистую Матерь Его, и

[40] По разрядному и разметному списку 1545 г. в Новгороде числилось 5 096 дворов всех наименований (ААЭ. Т. I. № 205). Едва ли в 1471 г. их могло быть намного больше. См. также: *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 52.

[41] По оценке А. К. Баиова, новгородское войско могло насчитывать на Шелони от 20 до 30 тыс. человек (Баиов. С. 56). Современный нам новгородец И. Н. Вязинин считает, что «рать была собрана с 30-тысячного города и близлежащих окрестностей... она составляла максимально 10 тысяч» (*Вязинин И. Н.* От Шелони к Руси единодержавной. Великий Новгород, 2001. С. 27).

на правду своего государя великого князя, поидоша напрасно противу их, яко львы рыкающе...»

В отличие от приведенной численности новгородской рати, численность великокняжеских войск в общем более правдоподобна, хотя тоже отражает высокую степень мобилизационного напряжения. Если исходить из широко известных более поздних норм мобилизации («со ста четвертей человек на коне в доспехе в полном»), то 5 тыс. всадников соответствовали 500 тыс. четвертей земли, «в поле, а в дву потому ж». Писцовые книги конца XV — первой половины XVI в. приводят к выводу, что на одно полноценное крестьянское хозяйство приходилось в среднем 10 четвертей в поле, т. е. для мобилизации 5 тыс. всадников требовалось 50 тыс. крестьянских дворов. А ведь рать князя Холмского и Федора Хромого едва ли могла превышать треть всех войск, двинутых на Новгород, — по Мсте с востока шла рать князя Стриги, великий князь со своим полком стоял в Коломне. Принимая это во внимание (и даже считая, что первый эшелон был наиболее многочисленным), можно предположить, что всего против Новгорода, в июне 1471 г. могло быть выставлено не менее 12 тыс. воинов служилого ополчения. Разин видит ошибку великого князя в том, что он «не обеспечил своевременную поддержку своего основного передового отряда».[42] В известной мере этот упрек справедлив — войска князя Холмского действительно были предоставлены своим силам. Но принятый план войны, предусматривавший одновременные действия на разных оперативных направлениях, требовал готовности к подобному риску.

Итак, по словам московского летописца, всадники князя Холмского и Федора Хромого «поидоша... яко львы рыкающе чрез реку ону великую, ея же сами Новогородци глаголют никогда тамо броду имуще, и сии не пытающе броду вси цели и здрави преидоша ее. Видевше же се Новогородци устрашишася зело, возмутишася и восколебавшеся, яко пьяни. А си пришед на них начаша преже стреляти их. И возмутишася кони их под ними и начаша с себя бити их, и тако вскоре побегоша...»

Красочность изложения не носит характера документальности. Вероятно, это запись рассказа (или рассказов) участников боя. Можно отметить несколько важных и достаточно правдоподобных реалий.

— Быстрая переправа москвичей через реку была неожиданной для новгородцев, знавших, что брода нет. Москвичи ударили на новгородцев врасплох.

[42] Разин. С. 318.

— Перейдя реку, великокняжеские войска не бросились сразу в атаку, а осыпали новгородцев стрелами, стараясь поразить их коней, что вызвало полное расстройство новгородской рати, обратившейся в бегство.

Это заставляет вспомнить картину боя под Русой зимой 1456 г. в изображении той же летописи: «Вои же великого князя видевше крепкие доспехи на Новогородцех, и начаша стрелами бити по конех их. Кони же их, яко възбеснеше и начаша метатися под ними, с себя збивати их. Они же, не знающе того боя, яко омертве, и руки им ослабеша, копия же имяху долга и не можаху и възнимати их тако, яко же есть обычай ратным, но на землю испускающе их, а конем бьющимися под ними, и тако валяхуся под кони свои, не могуще здержати их... и тако вскоре побегоша...»[43]

Можно отметить общие черты тактики москвичей, приведшей к одинаковым (или похожим) результатам — конница новгородцев обратилась в бегство под тучами московских стрел. В отличие от описания боя 1456 г., у нас нет прямых указаний на особенности вооружения новгородцев (тяжелые крепкие доспехи, длинные копья). Но тактика их, по-видимому, оставалась прежней — к бою с великокняжеской конницей они были неспособны.

«Полци же великого князя погнаша по них, колюще и секуще их... Избьено же их бысть тода многое множество, самим бо глаголющим яко дванадесять тысячь изгибе их на боех тех, а изымали их руками боле двою тысячь...»

Цифры потерь, как и численность новгородского войска, великокняжеский летописец приводит со слов самих новгородцев. Эти цифры в общем соответствуют друг другу, но, как уже говорилось, сами по себе не заслуживают большого доверия — они сильно преувеличены, хотя и трудно сказать, на сколько именно.

«А вои великого князя гонили по них двадесять верст, и тако възвратишася от великия тоя истомы. Воеводы же... князь Данило и Федор Давыдович ставше на костех, сождашася с воинством своим...»

Новг. летопись дает свою версию сражения.

«И начаша Новгородци вопити на больших людей, которыи приехали ратью на Шолону: „ударимся ныне“, каждо глаголюще. Яз человек молоды и испротеряхся конем и доспехом».

Непосредственно перед боем в новгородской рати проявилась социальная рознь, чем косвенно подтверждается сообщение о насильствен-

[43] ПСРЛ. Т. 25. С. 274–275.

ном характере мобилизации «горчаров и плотников». «Молодые» новгородцы, беднейшая часть городского населения, не была способна к длительному походу и стремилась к скорейшему его окончанию. Необходимо отметить важную деталь новгородского рассказа — речь в нем идет только о коннице. Пешая рать в битве на Шелони, по-видимому, не участвовала — она билась под Коростынью и Русой.

«Москвичам же до понедельника отлагающим, бяше бо неделя».

Это замечание новгородского летописца противоречит московским данным и не может быть принято: сражение произошло именно в воскресенье («неделю») 14 июля в день апостола Акилы, что подтверждается сооружением соответствующего придела к тогдашнему Успенскому собору в Кремле.

«И начаша ся бити, и погнаша Новгородци Москвичь за Шолону реку, и ударишася на Новгородцев западная (засадная. — *Ю. А.*) рать Татарове, и паде Новгородцев много, а иным побегоша, а иных поимаша, а инех в полон поведоша».

Расходясь в деталях, порою существенных, все три наших источника, относительно независимых друг от друга, — псковский, московский и новгородский — рисуют картину полного разгрома новгородского войска.

На расхождениях следует остановиться подробнее.

В отличие от псковского и московского известий, новгородское рисует бой состоящим из трех этапов — переход москвичей через Шелонь, атака их новгородцами и отступление их за Шелонь, атака новгородцев татарским засадным полком и бегство новгородцев.

Насколько правдоподобна эта версия? Основная слабость ее — упоминание о татарах. По данным Моск. летописи, татар в войсках князя Холмского и Федора Давыдовича не было — они шли во втором эшелоне с князем Иваном Стригой Оболенским.

Вторым слабым местом новгородской версии является отступление москвичей обратно за Шелонь, после чего, очевидно, следовали повторный переход ее и погоня за бегущими новгородцами. Картина этих переходов взад-вперед через большую реку с войском в несколько тысяч человек вызывает большое сомнение. На практике это едва ли могло быть осуществимо. Можно допустить вероятность контрудара новгородцев, заставившего москвичей на какое-то время отступить, может быть, к самому берегу Шелони. Но обратная переправа означала бы не что иное, как разгром москвичей новгородцами, что в корне противоречит всем известиям, в том числе и новгородским. Московская версия хода сражения, в общем подтверждаемая псковской, пред-

ставляется наиболее правдоподобной и в своих основных чертах сомнений не вызывает.

Отсутствие документального характера не снижает ценности московского рассказа, но свидетельствует о том, что сами по себе ведомственные записи типа разрядных как таковые не проникают в летописное повествование.

Заслуживает внимания такая деталь, как возвращение на поле боя после преследования бегущего противника и стояние «на костях». Древнерусская традиция соблюдалась воеводами великого князя.

Итак, основной результат Шелонской битвы — разгром главных сил Господина Великого Новгорода и пленение его руководителей. Чем же был обусловлен этот решающий результат, фактически одним ударом решивший и исход кампании, и судьбу самого Новгорода?

На стратегическом уровне быстрое выдвижение великокняжеских войск к Ильменю застало новгородцев врасплох и заставило наносить разрозненные контрудары. Выдвижение главных сил Новгорода на Шелонь преследовало, по-видимому, цель нанести удар по псковскому войску и не допустить его соединения с москвичами. Образ действий псковичей, занятых осадой Вышгорода и не спешивших навстречу москвичам, давал благоприятные возможности для атаки их главными силами новгородцев. Это могло случиться не позже 17 июля (Вышгород примерно в двух переходах от места Шелонской битвы).

План действий, предложенный князем Данилой Холмским и Федором Давыдовичем, вполне облегчал новгородцам решение задачи разгрома псковичей. Отход к Демону, уже начатый было воеводами, подставлял псковичей под удар главных сил новгородцев.

В этих условиях директива великого князя, отданная им в Ставке на оз. Коломно 9 июля, имела решающее значение. Она придавала событиям совсем другой ход — войска были направлены не на второстепенный, а на главный объект, и перед ними была поставлена важнейшая стратегическая задача — не допустить разгрома псковичей.[44] Так как в Ставке не могло быть точных данных о действиях псковичей, директива исходила из собственной оценки обстановки великим князем. Во всяком случае, директива от 9 июля отвечает наиболее существен-

[44]От Коломно до Русы, где, по-видимому, находились воеводы, примерно 150 верст, от Русы до Шелони (устье Мшаги) — примерно 50–60 верст. Директива великого князя, отправленная 9 июля, могла быть получена воеводами 12 числа; начав немедленный марш к Шелони, они могли достичь ее к вечеру 13-го, т.е. накануне сражения. Это подтверждается источниками — в частности, Пск. летописью.

ному требованию военного искусства — видеть главную цель и к ней стремиться — и отражает высокий уровень стратегического мышления своего автора. Как три века спустя писал великий Румянцев, «искусство военное... состоит в одном том, чтобы держать всегда в виду главную причину (цель. — *Ю. А.*) войны... Полководец... в предмете имеет один главный пункт и к оному течет со всем устремлением, поелику одолением оного опровергает все другие, от того зависящие».[45]

Победа на Шелони — результат и итог всей стратегии Ивана III в кампании 1471 г.

Оценивая эту стратегию, А. К. Баиов видит ее характерные черты:

— правильная оценка фактора внезапности;

— стремление к крайнему напряжению своих сил и к ослаблению сил противника;

— быстрая и правильная оценка обстановки;

— организация отрядов, соответствующая их назначению;

— обеспечение связи между частями армии;

— постановка частных задач, вытекающих из общей идеи;

— строгий расчет во времени и пространстве;

— быстрота и решительность действий.[46]

Если в стратегическом отношении воеводы князь Холмский и Федор Давыдович были далеко не безупречны, то на тактическом уровне действия воевод великого князя на Шелони заслуживают высокой оценки. Успешная переправа вброд через большую реку на виду у неприятеля делает честь их мужеству и глазомеру, а также боевым качествам их войска.

В бою проявились тактика, выработанная москвичами в бесконечных схватках на южном рубеже, и качественное превосходство московского служилого ополчения, состоявшего фактически из воинов-профессионалов, над наспех собранной новгородской ратью. Победа на Шелони — победа нового над старым, великокняжеского служилого ополчения над удельно-городским.

Военные действия продолжались. По словам Моск. летописи, «вои же князя великого и после боя того воевали много и по посады Новогородцкые и до Немецкого рубежи, по реку Нерову, и великое место зовомое Новое Село пополениша и пожгоша».[47] Речь идет, очевидно, о действиях великокняжеской конницы, рассыпавшейся по Новго-

---

[45] Цит. по: *Клокман Ю. Р.* Фельдмаршал Румянцев в период Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. М., 1951. С. 176.

[46] Баиов. С. 46.

[47] ПСРЛ. Т. 25. С. 289.

родской земле, не встречая серьезного сопротивления после разгрома главных сил Новгорода.

Гораздо большее значение имела реализация результатов битвы на уровне главного командования.

«Воеводы великого князя мало отдохнув от того бою том и сождався с своими, послаша к великому князю Замятню с тою вестью, что поможе им Бог, рать Новгородцкую побили. Он же пригонил к великому князю в Яжелбицы, того же месяца Иуля 18 день, и бысть радость князю великому и братии его, и всему воинству их, бе бо тогда у великого князя и царевич Даниар и братия его, благоверныя князи Юрьи и Андреи и Борис, и бояре их, и все воинство их».[48]

Это известие основано, очевидно, на походном дневнике. Ставка переехала из Коломно в Яжелбицы примерно на 100 верст на северо-запад, ближе к театру военных действий. Из сообщения летописи видно, что удельные князья и царевич Даньяр не шли со своими полками, а находились в Ставке, под рукой великого князя. Их полками командовали воеводы — под началом соответствующих воевод великого князя. 150 верст (по карте) от места Шелонской битвы (устья Мшаги) до Яжелбиц гонец покрыл за три дня (если он был отправлен на следующий день после битвы). Реальная скорость его передвижения составляла, вероятно, не менее 60 верст в день, так как он ехал не по прямой.

Ставка следовала за войсками первого эшелона, находясь от них в 3–4 конных переходах. Это расстояние следует считать максимально допустимым (если не чрезмерным) для оперативного управления войсками.

«А в ту же пору был у великого князя из Новагорода от нареченного архиепископа и всего Новагорода Лука Клементиев о опасе».

Получив известие о Шелонской битве, новгородские власти немедленно запросили мир. Новгородская господа рассчитывала, вероятно, как и зимой 1456 г. после своего разгрома у Русы, купить мир.

«Князь же великий дасть им опас и отпусти того с селищ противу Демона». Ставка, очевидно, переехала из Яжелбиц на 50 верст к юго-западу к Демону, который, согласно директиве от 9 июля, осаждали войска верейско-белозерских князей.

«А князю Михаилу Андреевичю и сыну его князю Василью воеводы Новогородские, кои сидели в городке в Демону, добили челом и предашися на том, что их головами выпустити, а о ином ни о чем не стояти, а з города дали окупа 100 рублев Новогородских».

---

[48]Там же.

Капитуляция Демона была вызвана полной бесперспективностью дальнейшего сопротивления. Разгром главных сил новгородского войска предопределил судьбу всех новгородских крепостей, на ход событий это уже почти не влияло.

«А от Пскович прииде к великому князю в Ыгнатичи с Кузьмою Коробьиным посадник Микита с тем, что Псковичи со всею землею своею пошли на его службу...»[49] Это известие было получено уже после Шелонской битвы. Директива от 9 июля была дана, когда еще псковичи не выступили в поход. Направление на Шелонь на соединение с псковичами было указано исходя из наиболее целесообразного варианта действий псковичей, которому сами псковичи отнюдь не следовали.

«Князь же великий посла к ним Савастьяна Кушелева да первого посла их Василья с ними с Полы реки».

«Месяца того же 24 день на память святых великомученик Бориса и Глеба прииде князь велики в Русу и туто повеле казнити главною казнью Новгородских посадников за их измену за отступление... а иных многих послал на Москву, да велел их вметати в тюрму. А мелких людей велел отпусти к Новугороду... А сам поиде оттуда ко Илмерю озеру на усть Шолоны. И прииде ту на место завомое Межуберег и Коростынь 27 в субботу».

Походный дневник здесь прерывается вставкой: «А в той же день бой был воеводам великого князя с Двиняны». Это известие основано на донесении воевод, полученном, естественно, значительно позже самого события. Вставка о бое на Двине свидетельствует о позднейшей летописной обработке походного дневника.

Сам же дневник продолжает свое изложение: «А в той же день (т.е. в день прихода великого князя на Ильмень. — *Ю. А.*) прииде к великому князю на усть Шолоны в судех озером Илмерем нареченный Феофил с посадники и с тысяцкими и з житьими людьми со всех конець». Начались мирные переговоры.

Ход переговоров излагается протокольно — вполне официальным языком.

Последняя сентенция — не дневниковая запись: «А земля их вся пленена и пожжена и до моря. Не токмо бо те толко были, кои с великим князем и з братьею его, но и изо всех земль их пешею ратью ходили на них. А Псковская вся земля от себе их же воевали. Не бывала на них такова воина и как земля их стала».

[49]Там же. С. 290.

Эмоциональный характер этой записи резко отличает ее от выдержек из походного дневника с их деловым фактологическим стилем.

Несмотря на свою повышенную эмоциональность, запись о разорении Новгородской земли отражает определенные реалии. Сакральный характер, приданный походу в защиту православия, оборачивается своей жестокой, темной стороной. С жителями Новгородской земли поступают, как когда-то Филипп Август с еретиками-альбигойцами. Диссонанс в этой картине — повеление взятых в плен на Шелони «мелких людей... отпущати к Новугороду». Только здесь можно увидеть сознание единства Руси, понимание того, что новгородцы — хоть и мятежники, но свои, русские, православные люди. Однако эту гуманную акцию породило не только христианское милосердие, но и трезвый политический расчет — стремление противопоставить рядовых новгородцев мятежному боярству, учет социальных противоречий в новгородской городской общине.

Заслуживает внимания известие о пешей рати «изо всех земель их». Вероятно, здесь имеется в виду земское ополчение пригородов, тянущих к Новгороду, но выступивших против него. Тяжелый политический кризис привел к распаду прежних традиционных связей, к росту антиновгородских настроений у жителей подвластных земель.

В условиях кризиса начался тотальный распад всей социально-политической системы Господина Великого Новгорода — и внутри городской общины, и за ее пределами.

«А что послал князь великий Севастиана Кушелева противу Псковичь, и тот сретил их за Порховым, а они идут от своего городка от Дупково, взяв из него 6 пушек, к Порхову. Севастьян же сказал им великого князя здоровье да и победу над Новгородци, а им велел князь великий борзее поити к Новугороду. Псковичи же из Порхова отпустиша Севастьяна к великому князю, а с ним послы своя... Севастьян с теми послы псковскими... приидоша к великому князю на усть же Шолоны иуля в 31 день, на заговенье Оспожного».[50]

От Порхова до устья Шелони Кушелев мог доехать не более чем за два дня, следовательно, 29 июля псковичи были еще в Порхове. Тридцать верст от взятого ими Вышгорода до Порхова псковичи шли две недели. Фактически они стояли на месте, разоряя окрестности. Понятно нетерпение и понукание со стороны великого князя.

Получив директиву идти к Новгороду, псковичи, наконец, пошли «борзее». «И не дошед Новагорода за 20 верст, стали у Спаса на Мили-

[50]Там же. С. 291.

це». Не участвовавшее в боях и сохранившее все свои силы псковское войско могло быть использовано как средство давления на новгородцев на мирных переговорах.

Вслед за Севастьяном Кушелевым и псковскими послами к великому князю «туто же на усть Шолоны» явились «князь Василий Федорович Шуйский, воевода Псковский, с посадники и лушими людьми». Они были вызваны, вероятно, для участия в переговорах с новгородской делегацией.

Новг. летопись, рассказав о Шелонской битве, сообщает о мерах, принимаемых руководством Новгорода для спасения города. Важнейшей мерой была отправка послов в Литву, «чтобы король всел на конь за Новгород». Речь шла о реализации договора с Казимиром, только что заключенного, но еще не ратифицированного. Посол ехал «кривым путем» — прямой путь в Литву шел через земли Господина Пскова. Но ливонский магистр («местер») отказался пропустить посла, и тот вернулся обратно.[51] В связи с этим нельзя не отметить, насколько своевременно был начат поход на Новгород и насколько важно было участие в войне Господина Пскова, отрезавшего Новгород от его союзника.

Меры по непосредственной обороне города заключались в сожжении всех посадов около Новгорода. Сожжены были и монастыри Зверинский, Антонов на Поляне, Юрьев, Рождества Христова на Поле, а также Городище.

Была учреждена караульная служба: «сторожа много по граду и по каменным кострам (башням. — *Ю. А.*) на переменах день и нощь». Эти меры необходимо признать целесообразными. Они свидетельствуют о намерении всерьез защищать город.

Однако тут же летописец замечает, что «разделишася людие: овии хотяху за князя (великого. — *Ю. А.*), а инии за короля за литовского». Внутреннее разобщение новгородского общества — коренной источник слабости великого города — преодолено не было.

«И много бысть Новгородцем пагубы, и хлеб дорог, и не бысть ржи на торгу... ни хлеба, только пшеничный хлеб, и того по оскуду». Начался голод, от которого, естественно, страдала беднейшая часть горожан. Усиливалась социальная рознь: «И бысть на лутчии люди молва, яко те приведоша великого князя на Новгород». В условиях нарастающего политического кризиса появились предатели-переветники: «А переветника Упадыша Новгородци казниша, зане же перевет держал

[51] ПСРЛ. Т. 4/1. С. 447.

на Новгород и хотел зла Великому Новугороду с своими единомысленниками: 5 пушек железом заколачивал».

Но на Коростыни уже шли переговоры о мире, и мир был заключен, и «даша князю великому Новгородци пол шестенадцать тысячи рублев...». Поражение Новгорода — закономерное следствие эгоистической политики боярской олигархии, «а вся то Богу попущающу грех ради наших».[52]

Кампания 1471 г. была закончена.

«Стоял туто на едином месте князь велики 11 день, управляя новогородцев, и пожаловал их, дасть им мир на своей воле, как сам въсхоте...»

Следует последняя запись в походном дневнике за 6979 г.: «А князь велики Иван Васильевич. Володимерьски и Новогородски и всеа Руси самодержец възвратися оттуду к Москве с победою великою месяца Августа 13» (т.е. выступил в обратный путь). Столица встречала его в первый день нового 6980 года.[53]

Походный дневник, приведенный в Моск. летописи, дает возможность составить довольно полное представление о движениях и действиях великого князя в ходе кампании 1471 г. Эти известия позволяют проследить важные черты деятельности главного командования.

Стратегический план, выработанный до начала кампании, т.е. не позднее второй половины мая, предусматривал нанесение одновременных ударов по нескольким операционным направлениям.[54]

Главные силы (оперативная группа князя Холмского) шли прямо к Новгороду по кратчайшему пути через Русу. Оперативная группа князя Стриги Оболенского прикрывала эту операцию с востока, двигаясь по Мсте и отсекая Новгород от его северо-восточных владений. Великокняжеский полк составлял резерв главного командования и шел позади первого эшелона в общем направлении на Русу.

Псковская рать должна была нанести удар с западного направления по кратчайшему пути к Новгороду, отсекая его одновременно от потенциальных союзников — Литвы и Ордена.

На северном стратегическом направлении действовала судовая рать с задачей овладения новгородским Заволочьем.

Главной целью кампании ставился полный разгром противника в кратчайший срок — до того, как в войну смогут вступить потенци-

[52]Там же.

[53]ПСРЛ. Т. 25. С. 292.

[54]«Основная идея плана... охватить Новгород с запада, юга и востока... заставить новгородское командование разбрасывать свои силы» (Разин. С. 313).

альные союзники Новгорода и противники Москвы — Литва, Орден и Орда.

Задача быстрого разгрома противника на основном операционном направлении могла быть решена только конным служилым ополчением, способным в кратчайший срок покрывать большие расстояния, т. е. способным к стратегическому маневру на театре военных действий. Группа Холмского продемонстрировала эту способность быстрым взятием Русы и последовательным разгромом двух новгородских пеших ратей, переброшенных через Ильмень. Ошибочное движение к Демону не имело существенного значения — по директиве главного командования войско было направлено быстрым марш-маневром к Шелони.

Главное командование управляет войсками посредством директив, ставя им конкретные задачи (направления движений и действий), но не предписывая способа решения их. Воеводам предоставляется широкая инициатива на тактическом уровне.

Главной задачей считалось решающее поражение противника — разгром его войска и выход на подступы к его столице.

Имея в виду главную цель кампании, овладению отдельными пунктами, не лежащими на основном операционном направлении, не придается существенного значения.

Главное командование стремится организовать оперативное взаимодействие московских и псковских войск, пытаясь преодолеть пассивность и узость мышления псковского командования. Бросается в глаза существенное отличие в характере боевых действий великокняжеских и псковских войск. Имея относительную самостоятельность, командование псковскими войсками ориентирует их на решение частных второстепенных задач, упуская из виду главную цель кампании и ставя свои войска под угрозу поражения. В этих условиях директива от 9 июля сыграла решающую роль.

Для оценки особенностей кампании 1471 г. целесообразно сравнить ее с предыдущими походами на Новгород. Наибольшее значение имеют в этом смысле ближайшие по времени походы: 1386 г. Дмитрия Донского и 1456 г. Василия Темного (поход 1440/41 г. почти не отражен в источниках).

Сравнение походов 1386 и 1456 гг. позволяет проследить как общие черты, так и отличия их друг от друга.

Общей чертой является выбор времени для похода — зима, когда болота и озера замерзли и не представляют существенной преграды для наступающих войск. Это позволяет, в принципе, двигаться к Новгороду крупными силами по кратчайшему пути в общем направлении

на обход оз. Ильмень с востока с выходом в долину Мсты в ее нижнем течении. Операционная линия Дмитрия Донского в деталях не известна, но к Новгороду он подошел с востока, создав угрозу прорыва к Жилотугу. Операционная линия Василия Темного шла от Торжка на Демьянск и далее на Яжелбицы, приближаясь к низовьям Мсты с возможностью обхода оз. Ильмень с востока. Этот путь был, по-видимому, наиболее удобным для движения крупных масс войск. Основная торговая коммуникация Новгорода шла примерно по этой же линии на Торжок.

Общей чертой обоих походов было личное руководство со стороны великого князя, который шел вместе с войсками. В этих условиях, очевидно, не было необходимости в составлении сколько-нибудь развитой документации по управлению войсками и в существовании органа, ведающего этой документацией. Решающую роль, видимо, играли устные распоряжения великого князя, передаваемые через гонцов.

По-видимому, в обоих случаях великокняжеские войска шли по одному направлению, выделяя силы для охраны операционной линии и для опустошения местности. Отличием похода Василия Темного является выделение «изгонной рати» для набега на Русу — крупный экономический и политический центр Новгородской земли, но не для овладения и удержания его как базы для дальнейших действий, а только для опустошения и захвата добычи. Однако не исключено, что целью такого набега могло быть также желание выманить новгородцев из города и принудить к сражению в открытом поле.

Бой под Русой, единственное за весь поход боевое столкновение в открытом поле, — главное отличие похода 1456 г. от похода Дмитрия Донского.

Конечной целью обоих походов было вынудить Новгород к принятию требований великого князя. В обоих случаях речь шла о крупных денежных выплатах. Но если в первом случае дело, по-видимому, этим и ограничивалось, то во втором случае новгородцам были предъявлены известные политические требования, в какой-то мере усиливавшие зависимость Господина Великого Новгорода от великого князя. Впрочем, политические результаты Яжелбицкого мира обычно сильно переоцениваются в литературе.

Можно сказать, что стратегия и характер управления войсками в обоих великокняжеских походах были примерно одинаковыми.

Однако состав великокняжеского войска за семьдесят лет изменился — повысились значение и удельный вес конного служилого ополчения, которое, по-видимому, составило главную силу войск Василия

Темного. Это позволило значительно увеличить темп движения и дало возможность ставить перед войсками новые оперативные задачи. Если ратям Дмитрия Донского (включавшим, по-видимому, большое количество земского пешего ополчения) для выхода к Новгороду потребовалось около 50 дней, то войско Василия Темного уже на третьей неделе похода оказалось на дальних подступах к городу. Наличие многочисленной конницы (вполне возможно, с участием войск вассальных татарских царевичей) позволило провести глубокий рейд в стороне от главного операционного направления и добиться тактического успеха, фактически решившего исход всей кампании. В бою под Русой была применена новая тактика конного боя, отработанная в борьбе на Берегу с татарами и в значительной мере заимствованная у них. В пользу относительной новизны этой тактики говорит тот факт, что для новгородцев она оказалась неожиданной.

Таким образом, походы 1386 и 1456 гг., несмотря на свои различия, отражают в принципе один и тот же подход к постановке и решению стратегических задач и организации командования.

Что касается Господина Великого Новгорода, то здесь в 1456 г. при сохранении прежней военной системы можно наблюдать два новых момента. Во-первых, это новая постановка стратегической задачи. В отличие от кампании 1386 г. новгородские войска не ограничиваются подготовкой к обороне своего города, но проявляют стремление к активным действиям для защиты территории и важных ее пунктов от действий вражеских войск. Эта готовность к защите своей территории и к бою в открытом поле не соответствовала реальным возможностям новгородского войска, что привело к гибельному для новгородцев бою под Русой, в котором ясно проявилось организационно-тактическое преимущество великокняжеских войск. В обеих кампаниях новгородцам не удавалось создать единого достаточно эффективного командования и управления войсками. Но если в оборонительной кампании 1386 г. этот недостаток был не очень заметен, поскольку компенсировался тактическими преимуществами войск, оборонявших укрепленный город, то в 1456 г. при попытке активных действий недостаток организации и командования проявился в полной мере и стал существенной, хотя и не единственной, причиной разгрома новгородцев в бою в открытом поле.

Вторым новым моментом является обращение за помощью к Господину Пскову, т. е. попытка создания коалиции против великого князя. В 1386 г. этот момент, по-видимому, отсутствовал — во всяком случае, о нем нет никаких известий. Обращение запоздало — хотя Псков вы-

разил готовность вступить в войну на стороне Новгорода, его помощь была уже не нужна. Отсюда вытекает, что выступление великого князя против Новгорода, темп и характер операции были для новгородских властей неожиданными — своевременных мер для создания антивеликокняжеской коалиции принято не было. Политика новгородских властей оказалась неэффективной, что наряду с недостатками военной организации было причиной поражения.

По сравнению с походами 1386 и 1456 гг. кампания 1471 г. имеет ярко выраженные характерные особенности.

Временем для нее было выбрано лето — исходя из политических и стратегических соображений. В отличие от походов Дмитрия Донского и Василия Темного, Ивану III приходилось действовать в весьма сложной международной обстановке и считаться с реальной опасностью войны на нескольких направлениях. Господин Великий Новгород заключил союз с королем Казимиром, и вмешательство короля было вполне возможным, как и удар в тыл со стороны хана Ахмата. В этих условиях решающее значение приобретал фактор времени — кампания должна была начаться как можно раньше и быть скоротечной.

Целью кампании было не наказание Новгорода, не получение контрибуции, а решение принципиального вопроса о сохранении Новгорода в составе Русской земли и тем самым — политическом единстве Русского государства. Достижение этих целей требовало решительного разгрома противостоящих сил, и притом на всех направлениях. Не компромисс, а решительная победа — вот что было главной задачей кампании.

Стратегический план существенно отличался от планов походов 1386 и 1456 гг. Наступление на двух стратегических направлениях — новгородском и северодвинском — одна из основных черт этого плана. При этом наступление на главном — новгородском — направлении велось двумя относительно самостоятельными оперативными группами при наличии общего резерва. В этих условиях необходима была организация главного командования, способного руководить оперативными группами путем директив, что, в свою очередь, требовало создания аппарата управления войсками. Великий князь шел в поход во главе второго эшелона, составляющего резерв главного командования. Он впервые выступает в походе в новом качестве — главнокомандующего, руководящего войсками через соответствующий аппарат. Главное командование обеспечивает (по крайней мере, стремится обеспечивать) взаимодействие с союзными псковскими войсками — война против Новгорода носит коалиционный характер.

Основным средством для решения конкретных оперативно-тактических задач на главном направлении было конное служилое ополчение. Именно оно обеспечивает возможность широкого и глубокого маневра и быстрого сосредоточения сил на нужных направлениях. Конное служилое ополчение 1471 г. — дальнейшее развитие тех начал, которые проявились в походе 1456 г. В 1471 г. это ополчение решало еще более сложные и масштабные задачи.

Если в оперативно-стратегическом отношении кампания 1471 г. является новым словом в военной истории России, то в тактическом плане сражение на Шелони отличается от боя под Русой, главным образом своим большим масштабом. Тактика московской конницы была уже отработана, тактика новгородской — осталась без изменений. Можно сказать, что кампания 1471 г. на главном направлении — это соревнование двух военных систем: старой общинно-вечевой и новой княжеско-служилой, с решающим преимуществом второй.

Однако военная система великокняжеской Москвы опиралась не только на служилое ополчение.

Характерной чертой кампании 1471 г. является наличие самостоятельного северного стратегического направления.

Заволочье (Двинская земля) представляло особую ценность для Господина Великого Новгорода. Попытка Двинской земли отложиться от Новгорода в 1397–1398 гг. вызвала карательную экспедицию во главе с посадником Тимофеем Юрьевичем, которая подвергла Заволочье беспощадному разгрому.[55] Готовясь к походу 1471 г., великий князь отправил на Двину воевод Василия Образца и Бориса Слепца Тютчева[56] с устюжанами и вятчанами.

События на северном театре войны освещены почти во всех русских летописях.

Великокняжеская летопись, сообщив об отправке 31 мая Василия Образца и Бориса Слепца соответственно на Устюг и на Вятку, возвращается к этому сюжету после описания событий на главном театре войны — Шелонской битвы и прибытия великого князя на Ильмень, «на место, зовомое Межуберег и Коростыни, 27 [июля] в суботу. А в той же день бои был воеводам великого князя с Двиняны». Далее следует киноварный заголовок «Бои на Двине» и текст: «Василью Федоровичу Образцу, а с ним Устюжане да и прочии вои, да Борису Слепцу, а с ним Вятчане».

---

[55] ПСРЛ. Т. 4/1. С. 383; НПЛ. С. 389–393.
[56] ПСРЛ. Т. 25. С. 290.

«А был им бой на Двине с князем Васильем Шуйским, а с ним Заволочане все и Двиняне. Было же с ним рати 12 тысяч, а с великого князя воеводами было рати 4 тысячи без 30 человек. Бысть же бой им вышед из суд обо пеши, и начаша ся бити о третьем часе дни того биши же ся и до захоженья солнечного, и за руки емлюще сечахуся. И знамя у Двинян выбиша, а трех знаменщиков под ним убиша, убили бо первого, ино другой подхватил, и того убили, ино третей взял, убивши же третьего, и знамя взяша. И так Двиняне възмятошася, и уже к вечеру одолеша полци великого князя и избиша множество Двинян и Заволочан, а инии истопоша. А князь их ранен вкинулся в лодку убеже на Калмогоры, многих же и руками изнимаша. Потом же и градкы их поимаша, и приведоша всю землю ту за великого князя. Убиша же тогда князя великого рати 50 Вятчанинов, да Устюжанина одного, да Борисова человека Слепцова Мигуна, а прочии вси Богом сохранени быша».[57]

Это известие дословно повторено в летописях великокняжеского цикла — Вол.-Перм., Сп.-Прил., Увар., Воскр., Никон., а также в Холм. летописи. В Сокращенных сводах дается краткое известие с неверной датой — 20 июля.

В основе известия Моск. летописи, по-видимому, официальное донесение воевод, подвергшееся обработке в составе летописного повествования.

Известие содержит ряд важных реалий: точную дату события, точное число участников боя, довольно подробно описывает ход боя, его результат и конечное следствие.

Данные о численности войск и о потерях в бою вызывают сомнения. Собрать 12-тысячную рать в малонаселенном Северном крае едва ли было возможно. Для выставления такого числа ратников нужно было, по крайней мере, 40–50 тыс. дворов. Для перевозки этой рати нужно было примерно четыреста речных судов — насадов или ушкуев (считая среднюю вместимость такого судна в 30 человек). Думается, что число воинов, сражавшихся под командой князя Василия Шуйского, сильно преувеличено — возможно, в несколько раз.[58] Более правдоподобно число ратников великокняжеских воевод. В походе судовой рати на Казань в 1469 г. участвовало примерно 1,5–2 тыс. человек, устю-

[57]Там же. С. 290.

[58]Для сравнения можно напомнить, что в 1398 г. в походе на Заволочье новгородские посадники вели с собою 3 тыс. воев, и это было большое войско, которое разгромило и разорило всю Двинскую землю (ПСРЛ. Т. 4/1. С. 383; НПЛ. С. 389–393).

жан и вологжан, с добавлением вятчан эта цифра могла быть сильно увеличена.

Еще большее сомнение вызывает цифра потерь великокняжеской стороны, приводимая официальным летописцем. В ожесточенном рукопашном бою, длившемся целый день, было убито всего несколько десятков человек из четырех тысяч. Если бой был действительно таким, как его представляет летопись, потерь великокняжеских войск должно было быть гораздо больше.

В Тип. летописи изложение событий на северном театре начинается с похода на Кокшенгу: «князь Андрей Меньшой посла воеводу своего Семена Федоровича Сабурова с своими людьми на Кокшенгу... многие погосты и села повоеваша, и множество полону вземше».[59]

Этого известия нет в других летописях, но в целом оно довольно правдоподобно. Оно отвечает на вопрос, возникающий при перечислении войск, отправленных в поход против Новгорода. В составе этих войск отсутствуют вологжане — люди князя Андрея Меньшого. Вполне возможно, что они и были отправлены на Кокшенгу во главе с воеводой своего князя.

Вторая особенность — «князь... Василий Шуйский со всеми Заволочаны собрався и поиде к Устюгу и множество, 12 тысяч, с ним Новогородцев».

По точному смыслу известия получается, что наступление на северном направлении начали войска князя Шуйского.

«В ту же пору, егда князь великий беше в Новегороде, Василий же [Образец] и Борис [Слепец], с едиными Устюжаны, 4000 без 30, и Вятчане приидоша противу им, и сретошася на Двине в судех, и выидоша обои из судов на брег. И бысть межу ими бой и сеча зла. И поможе Бог и Пречистая Богородица воеводам великого князя, и погнаша Устюжане и Вятчане, а Новгородцы побегоша, и множество их изсекоша. И воевод их большего Двинского Игната Кашина ту убиша и иных многих живых поимаша. Князь же Василий утече стрелян и мало с ним Новгородцев, в суды вметався, утече, инии же в реце истопоша. Устюжане же и Вятчане идоша на Двинские городки и погосты и множество городков и погостов и сел поимаша и полону много вземше...»[60]

Связь известия Тип. летописи с Моск. очевидна, очевидны и отличия. Тип. не приводит цифры потерь великокняжеских войск, не со-

[59]ПСРЛ. Т. 24. С. 191; тот же текст в Соф. II. Т. 6. Вып. 2. Стб. 175.
[60]ПСРЛ. Т. 24. С. 192; ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 176.

общает подробностей боя, но знает имя убитого «большого воеводы» двинян, говорит о «многих истопоша», что позволяет предполагать бой на воде.

«Словеса избраны», содержащиеся в нескольких летописях (Новг. IV по списку Дубровского, Соф. II), дают свою редакцию событий на Двине. «Князь Василий Шуйский, слуга Великого Новгорода, сослався с Заволоцкою землею и с Корельскою, собрався многими людьми, да приходил на них ратми. И билися с ним ступным боем великим на воде в судех да пеша на сухе, а бишася от утра и до ночи, и поможе Бог воеводам великого князя, Василию Федоровичю и его товарищом, а побиша на том бою Новогородцев много зело, а инех руками поимаша. Тако бо уже от великия истомы бою их яко оклячивше сташа мужие Новгородци, не могуще ни рукою двинути, ниже главу свою обратити. А самого князя их на том суйме стрелою уязвиша, и похвативше его людие скоро в судне отвезоша еле жива суща. А городы Двинские огнем пожгоша, а землю их вывоеваша».[61]

Рассказ «Словес» близок известию Моск. летописи и восходит к этому известию или его источнику, представляя собою дальнейшую литературную обработку воеводского донесения. Здесь нет даты, нет цифр, нет подробностей боя. Зато красочно описывается «изнеможение» новгородцев. Единственная новая реалия — бой на воде в судах, наряду с пешим боем на суше. Заслуживает внимания также упоминание о корелянах.

Ерм. летопись приводит свою редакцию известия: «великого князя воеводы Василий Федорович Образец да Борис Тютчев Слепец, а с ними Устюжане, да Вологжане, да Вятчане пришли на Двину в судех. И срете их князь Василий Васильевич Суздальский со многою силою Новогородскою и со всеми Двиняны в судех же. А обославшеся межь себе излюбиша вышед на берег битися, и бысть им бой велик зело, и победиша князя Василья, и Новогородцкую силу побили, мало их осталось, а князь Василий утече, везде бо Бог помогоше великому князю за его исправление».[62]

Ерм. летопись проявляет зависимость от Моск., опуская дату, цифры и подробности боя, но добавляя одну любопытную деталь: предварительное соглашение о бое на суше.

Уст. летопись также содержит известие о событиях в Заволочье: «... велел князь великий наместнику устюжскому Василью Федоро-

[61] ПСРЛ. Т. 4/1. С. 512.
[62] ПСРЛ. Т. 23. С. 159.

вичю Образцу воивати Двинскую землю. Он же поиде с устюжаны и вятчаны на Двину ратью в судех. И встретил их князь Василий Васильевич Шуйский да Василий Микифорович воевода двинский со много силою двинскою и печерскою, да с ними шылники из Новагорода. И бысть им бой на речке на Шиленге. И бишася обои, крепко поводяся. И учаша битися на четвертом часу дня, бишися и до вечера, и паде двинян, и шилников, и печерян бесчисленно множество, и устюжан 5 человек. И при вечере поможе Бог воеводе великого князя Василью Федоровичю Образъцу с устюжаны, а князь Василей Шуйской и Василий Микифоровичь побегоша к Новугороду. Бысть же сий бой месяца июля в 27 день, на память мученика Пантелеймона. Везде бо Бог помогаше государю за его правду».[63]

Известие Уст. летописи, как и других летописей великокняжеской ориентации, связано с официальным рассказом. Оно опускает некоторые подробности боя, но содержит новые реалии. Василий Федорович Образец назван наместником устюжским; говорится о новгородских «шильниках» как участниках боя, точно названо место боя — речка Шиленга. Зато здесь не упоминается второй великокняжеский воевода, Борис Слепец, стоявший во главе вятчан, — все внимание приковано к устюжскому наместнику. Можно думать, что известие великокняжеской летописи или ее источника было известно устюжанину и положено в основу его рассказа. Но у него была и собственная информация, вероятно, от устюжан — участников боя, что позволило уточнить состав войск противника и определить место боя.

Речка Шиленга на теперешних картах (и в Атласе Маркса) не обозначена. О ней нет сведений и в Книге Большому Чертежу. Но в указателе волостей М. М. Богословского упоминается Шиленская волость, расположенная на Двине, выше Осиповской. Осиповская же волость, село Слободское-Осиповское, находится выше устья Ваенги,[64] а Ваенга впадает в Двину с правой стороны в 60 верстах ниже устья Ваги.[65] Шиленская волость была ниже устья Ваги, но выше устья Ваенги. (На карте Богословского Шиленское помещено выше устья Ваги). Здесь, вероятно, и произошел бой 27 июля 1471 г.

Таким образом, все источники московской ориентации находятся в той или иной степени зависимости от донесения великокняжеских

[63] ПСРЛ. Т. 37. С. 92–93. — В списке Мацеевича — то же известие с некоторыми сокращениями (Там же. С. 47).

[64] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере. Т. 1. Примеч. С. 62.

[65] КБЧ. С. 165.

воевод, отраженного в Моск. летописи, но отходят от него в деталях. Все источники рисуют одну и ту же картину ожесточенного боя, полного поражения новгородской стороны и разорения Заволочья. Судя по месту боя, следует отвергнуть версию Тип. о том, что боевые действия начались с похода войск князя Шуйского на Устюг. Скорее всего, наступление начали великокняжеские войска, которые до встречи со своими противниками продвинулись далеко вниз по Двине.

Новгородская версия событий отражена в Строевском списке Новг. IV летописи.

Еще в 6978 г., т. е. до 1 сентября 1470 г., за два месяца до приезда в Новгород князя Михаила Олельковича, «поехал князь Василий Васильевич за Волок с воеводою Новгородским с Василием Микифоровичем».[66] Это важное сообщение можно рассматривать как признак подготовки к войне с великим князем — началом приведения в оборонительное состояние северных владений Великого Новгорода.

Под 1470/71 (6979) годом, рассказав о начале войны, Шелонской битве и подготовке города к обороне, летопись далее сообщает: «В то же время князь великий Иван Васильевичъ посла рать свою за Волок, и князь Василей Васильевичъ и воевода заволоцкий Василий Микифоровичъ изыдоша противу со своей ратью и с Заволочаны и с печеряны, и сступившимся им на ратный бой. И паде многое множество с обе половины. А Двиняне не тягнуши по князе по Василье Васильевиче и по воеводе по Васильи по Микифоровиче, и шестники измогоша, и Заволочан посекоша, и Двинян иссекоша. А князя Василья Васильевича и воеводу Василья Микифоровича Бог ублюде, и приехаша в Новгород в мале дружине».

Новгородский источник вполне подтверждает сведения, содержащиеся в памятниках московской ориентации, но добавляет интересные детали. Двиняне «не потягнуша» за новгородского князя и его воеводу, и это было, вероятно, одной из главных причин поражения новгородцев. Измена двинян или, во всяком случае, их нестойкость в бою, может быть объяснена общими чертами новгородско-двинских отношений. Как известно, еще в 1397 г. Заволочье пыталось отделиться от Господина Великого Новгорода и перейти под власть великого князя Московского. Это вызвало карательную экспедицию новгородцев и жестокие казни мятежников.[67] Однако коренные, внутренние причины конфликта с северной провинцией устранены, по-видимому,

[66] ПСРЛ. Т. 4/1. С. 446.

[67] НПЛ. С. 389–393; ПСРЛ. Т. 4/1. С. 383.

не были. Можно предполагать, что в основе этого конфликта лежало неравноправие Двинской земли с ее метрополией, положение «пригорода», всецело подвластного городской общине (фактически — боярской элите) столичного центра. Во всяком случае, удержать в своих руках Заволочье в кампании 1471 г. новгородцам не удалось, несмотря на длительную подготовку и мобилизацию крупных сил.

Какие же контингенты участвовали в боевых действиях на Севере?

На стороне новгородцев сражались (плохо или хорошо) двиняне и заволочане, что упоминается во всех летописях. Видимо, между этими контингентами была разница. Кроме того, упоминаются печеряне и кореляне. Готовясь к войне на Севере, новгородские власти провели, видимо, своего рода тотальную мобилизацию, призвав под свои знамена языческие племена отдаленных окраин. Однако крупной роли эти контингенты, видимо, не сыграли — в составе комбатантов на Двине они не упоминаются ни в московских, ни в новгородских известиях. Решающую роль играли двиняне и заволочане — все известия говорят именно о них.

На стороне великого князя сражались устюжане и вятчане. Устюжане шли в поход со своим наместником, как его называет Уст. летопись. Василий Федорович Образец сочетал в своем лице военную и административную власть.

Наибольшего внимания заслуживает участие вятчан. Как уже отмечалось, еще в 1469 г. вятчане были далеко не лояльны по отношению к великому князю. Но в 1471 г. все было иначе. 31 мая на Вятку был послан Борис Слепец Тютчев — очевидно, поднимать в поход земское ополчение. Но независимо от этого произошло событие, представляющее особый интерес.

Великокняжеская летопись помещает известие об этом в конце рассказа о кампании 1471 г.

«А того же лета Вятчане шед суды Волгою на низ, взяша Сарай, много товара взяша, и плен много поимаша. Слышевша се Татарове Большие Орды, понеже близ ту кочевали за один день, и тако многое их множество, поидоша переимати их. И поимавше суды, и всю Волгу заступиша суды своими, хотяще их перебити. Они же единако пробишися сквозь их и уидоша со всем. А под Казанью тако же хотеша переняти их, и тако проидоша мимо тех со всем в землю свою».[68]

В Тип. летописи известие о битве вятчан помещено до рассказа о

[68] ПСРЛ. Т. 25. С. 291.

бое на Двине — сразу после сообщения о походе Семена Сабурова на Кокшенгу.

«Того же лета, в ту же пору, идоша Вятчане Камою на низ и в Волгу в судех, и шедше взяша град царев Сарай на Волзи, и множество Татар изсекоша, жены же их и дети в полон поимаша, и множество полону вземше. Возвратишася Татарове же Казаньскии переняша их на Волзе. Вятчане же бившася с ними и проидоша здравии с всем полоном, и иногие ту от обоих падоша. Вятчане же пришедше из Сараю и поидоша с воеводами великого князя, с Васильем Образцом и с Борисом Слепцом, и с Устюжаны противу Новогородцев».[69]

Уст. летопись (Архангелогородский летописец) помещает известие о походе вятчан после рассказа о бое на Двине. «Того же лета ходили Вятчане ратью на Волгу. Воивода был у них Костя Юрьев. Да взяли Сарай и полону бесчисленная множество и княгинь сарайских».[70]

Ерм. летопись помещает краткое известие: «Того же лета Вятчане Сарай взяли».[71]

Перед нами — разные варианты известия о выдающемся военно-историческом событии. Нет основания подвергать сомнению достоверность летописных известий. Поход судовой рати вятчан, по-видимому, действительно имел место. Поход был совершен самими вятчанами, во главе с их собственным воеводой и, по-видимому, без какого-либо участия служилых людей. Это был скорее всего поход добровольцев — охочих людей, непосредственной целью которого была добыча. В этом смысле поход Кости Юрьева не отличался от походов удалых ушкуйников предыдущего века, державших в страхе все Поволжье. Но если в организационном и тактическом плане поход Кости Юрьева в принципе не отличается от набегов ушкуйников, то в политическом и стратегическом плане он представляет собой совершенно иное явление. Русские люди впервые нанесли удар по столице ордынского хана. Это главная характеристика похода вятчан. Судовая рать вятских охочих людей фактически выступила на стороне великого князя и совершила марш-маневр, как нельзя более отвечавший интересам великокняжеской политики. Остается открытым вопрос: был ли совершен этот поход по прямому указанию великого князя, с его ведома или совершенно самостоятельно, по инициативе самих вятчан? Независимо от ответа на этот вопрос объективные результаты похода не вызывают сомнения. Удар по Сараю ослабил державу хана Ахмата и показал

[69]ПСРЛ. Т. 24. С. 191; то же — в Соф. II; ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 175–176.
[70]ПСРЛ. Т. 37. С. 93. — В списке Мацеевича это известие отсутствует.
[71]ПСРЛ. Т. 23. С. 159.

уязвимость и относительную слабость этой державы, продолжавшей оставаться грозным противником складывавшегося Русского государства. Вполне вероятно, что набег на Сарай не дал Ахмату возможности привести в исполнение планы удара по Русской земле в союзе с королем Казимиром, во всяком случае — заставил на время отказаться от похода на Русь.

В чисто военном плане поход Кости Юрьева продемонстрировал боевые возможности судовой рати, возможности совершать глубокие рейды и преодолевать попытки «переимания» со стороны противника. Судовая рать как род войск сохраняла свое значение в условиях севера и востока, сохраняла значение и система комплектования этой рати, тесно связанная с общинными вечевыми порядками Вятской земли.

В отличие от удалого похода Кости Юрьева, поход и бой судовых ратей в Заволочье представляют картину смешанного земско-служилого ополчения, создаваемого по распоряжению великого князя, возглавляемого его воеводами и действующего по его указаниям в рамках общего плана кампании. В отличие от походов на Казань в 1468 и 1469 гг., когда судовым ратям не удалось добиться успеха без взаимодействия с конным служилым ополчением, кампания 1471 г. на Волге и на Севере может быть названа триумфом судовых ратей. Они сумели самостоятельно решить крупные оперативно-тактические и стратегические задачи и сыграть важную роль во всей кампании.

Общий итог кампании 1471 г. — полное поражение боярского Новгорода. Удельно-вечевой системе был нанесен решающий удар. Создание единого Русского государства стало реальностью, сложилась новая стратегическая и политическая ситуация, возникли новые задачи и перспективы.

ПОХОДЫ 1472 г.

1. Поход на Пермь князя Федора Пестрого

Зимне-весенний поход 1472 г. в Пермскую землю известен по двум основным источникам — великокняжеской летописи и местной Коми-Вым. летописи.[72]

Под 6980 (1471/72) годом великокняжеская летопись излагает события в основном в хронологическом порядке.

[72] *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись. С. 218–232.

«Тое же месяца Декабря, по Рождестве Христове, явилася на небеси звезда велика...

Месяца же Генваря по Крещении другая звезда явилася...

Тоя же зимы послал князь великий на Великую Пермь князя Федора Пестрого воевати их за их неисправление...»[73]

Можно предположить, что отправка князя Федора Пестрого на Великую Пермь состоялась, скорее всего, после 6 января 1472 г.

Летописное известие о начале похода не содержит никаких подробностей — ни состава войск, ни имен воевод, ни маршрута.

Следующее упоминание о походе князя Федора относится уже к лету.[74]

«Июня 26, прииде весть великому князю из Перми, что воевода князь Федор Пестрой землю Пермскую взял. А пришел в землю ту на усть Черные реки на Фоминой неделе в четверток (9 апреля. — *Ю. А.*) и оттуду поидех на плотех и с коньми и приплыв под город Анфаловской сьиде оттуда с плотов и поиде оттуду на коних на верхнюю землю к городку Искору. А Гаврила Нелидова отпустил на нижнюю землю, на Урос, на Чердыню да на Почку, на князя на Михаила. Князю же Федору не дошедшу еще городка Искора, и сретоша его Пермичи на Колве ратью, и бысть им бой меж собою. И одоле князь Федор, и поимал на том бою воеводу их Кача. И оттуду воевода князь Федор поиде таки ко Искору и взят его, и воеводы их поимал, Бурмота да Мичкина, а Зыран по опасу пришел к нему. Поимал же и иные городки и пожегл.

А Гаврила шед те места повоевал, на которые послан. И потом прииде князь Федор на устье Почки, где впала в Колву, и сождася тамо со всеми своими, а поиманых тех туто же приведе. Срубивше ту городок и седе в нем, и приведе всю землю ту за великого князя.

И оттуду послал князь Федор князя Михаила к великому князю, и тех Бурмота и Мичкина, и Кача, а сам остался тамо в городке Почке. А что имал у тех у Бурмота и Мичкина и Кача, и то послал к великому князю: 16 сороков соболей, да шубу соболью, да пол-30 поставов сукна, да 3 пансыри, да шелом, да две сабли булатные».[75]

Известие великокняжеской летописи представляет собой изложение (пересказ, вероятно, близкий к тексту) официального документа — донесения князя Федора Пестрого. Летописец отметил точную дату

[73]ПСРЛ. Т. 12. С. 142–143; Т. 26. С. 244. — Известие о начале похода в Своде конца XV в. отсутствует.

[74]ПСРЛ. Т. 25. С. 296–297; Т. 12. С. 148.

[75]Там же.

прибытия этого донесения в Москву — видимо, ему придавалось достаточно большое значение.

Другие летописи передают это известие в своих вариантах. В Ерм. летописи никаких подробностей похода нет, но дано отчество князя Федора (Федорович) и сказано, что он тех, «которые великому князю грубили, а тех всех к великому князю ведеть». Влияние великокняжеской летописи здесь несомненно, но видна и редакторская работа составителя Ерм.: он знает отчество князя Федора, он по-своему рассказывает о его действиях. В Тип. и Вол.-Перм. летописях это известие отсутствует. В Уст. летописи князь Федор имеет отчество Давыдович, дата похода — 26 июня, подробности отсутствуют, но сказано, что с князем Федором шла «рать устюжская»[76] и что после похода «рать вся цела».[77]

В основу сообщения Уст. летописи положено, очевидно, официальное великокняжеское известие, но местный летописец добавил важное сведение об участии в походе устюжан, и по своему усмотрению дал отчество руководителю похода.

Коми-Вым. летопись дает самостоятельную версию похода. Причиной похода было то, что «пермяки за Казанцев норовили, гостем казанским почести воздавали, людем торговым великого князя грубили». Князь Федор Пестрый шел в поход «с Устюжаны, Белозерцы, Вологжаны, Вычегжаны». После победы над пермяками великий князь «отпустил на Пермь княжити» взятого в плен местного князя Михаила.[78]

Известия Коми-Вым. летописи по существу не противоречат официальным великокняжеским известиям, но приводят ряд новых данных, которые выглядят правдоподобно. Причиной (или одной из причин) похода на Пермь действительно могли быть дружественные отношения пермяков к Казанскому ханству (вероятно, та или иная форма зависимости от него) и враждебность их к Москве (о «грубости» пермяков пишет и Ерм. летопись), вполне вероятно, действовали и мотивы торгового характера. Для нашей темы наибольший интерес представляет перечень сил, участвовавших в походе. Этот перечень тоже вполне правдоподобен. Об участии в походе устюжской рати пишет и Уст. летопись. Вполне естественно участие в походе представителей других северных русских земель, перечисляемых в Коми-Вым. летописи. Отправка на княжение пленного князя Михаила также вполне

[76] ПСРЛ. Т. 37. С. 48.
[77] Там же. С. 48, 93.
[78] *Флоря Б. Н.* Указ. соч. С. 229.

правдоподобна, она соответствовала обычной практике Ивана III возвращать на княжение пленных князей, приводя их предварительно к присяге, т. е. поставив в формально-юридическую зависимость. Коми-Вым. известие можно рассматривать как ценное дополнение к официальной великокняжеской летописи.

Материалы обеих летописей позволяют проследить основные черты похода.

Во главе похода 1472 г. — воевода князь Федор Пестрый, скорее всего, сын князя Федора Давыдовича Пестрого Стародубского, впервые упоминаемого в 1429 г. (в 1472 г. ему должно было быть около 70 лет, и в дальний поход он идти не мог), его второй бездетный сын, называемый в родословцах Пеструхой.[79] Тот факт, что поход возглавляет человек княжеского рода, сын известного воеводы, может свидетельствовать о большом значении, которое придавалось походу.

Поход на Пермь по своим масштабам значительно отличался от прежних речных походов устюжан и других северных ратей. В составе четырех земских ратей, перечисленных в Коми-Вым. летописи, наряду с пехотой идет и конница — по всей вероятности, белозерские и вологодские служилые люди. Время с января до апреля ушло на сборы и подготовку к большому походу и на выдвижение войск на подступы к будущему театру военных действий. По-видимому, войско первоначально шло по берегу Вычегды, поднимаясь вверх. Вышли в бассейн Камы — р. Черная впадает в Весляну, левый приток Камы; городок Усть-Черная существует и поныне. Отсюда начался поход по воде. Впервые мы имеем тут известие о перевозке коней на плотах. Двигаясь вниз по Весляне, войска вышли к Каме в районе Чердыни. Отряд младшего воеводы Гаврилы Нелидова пошел дальше на юг к Чердыни; главные силы — на север, к Искору. Согласно Книге Большому Чертежу, памятнику XVII в., Искор находился за Уральским хребтом. Но на карте XX в. населенный пункт Искор обозначен примерно в 6 км от левого берега Колвы, притока р. Вишеры, впадающей в Каму выше Чердыни примерно в 40 км к северу от нее.[80] Вероятно, князь Федор шел именно к этому пункту — нет сведений о переходе его войск через Средний Урал. Если марш-маневр к театру военных действий длился месяцами и проходил на протяжении многих сотен километров, то глубина самой операции в Пермской земле была, по-видимому, небольшой. Она измерялась несколькими днями пути по

---

[79] Зимин. С. 38, 42.

[80] Атлас Маркса. Карта № 22.

рекам или вдоль их берегов. В столкновении с местными племенами, вероятно, решающую роль сыграла конница. На расстоянии многих сотен верст реальное руководство походом из центра было невозможно. Роль главного командования, т. е. великого князя, сводилась, вероятно, к назначению воеводы и постановке общей стратегической и политической задачи похода, к мобилизации войск северных уездов.

Отсутствие какой-либо промежуточной документации между отправкой князя Федора и его донесением может свидетельствовать о том, что в походе он действовал достаточно самостоятельно, принимая решения на месте, по обстановке, руководствуясь самыми общими указаниями великого князя, полученными при отправлении в поход.

Важнейшее стратегическое значение похода 1472 г. — глубокий обход с севера Казанского ханства и тянущих к нему земель и выход России к Уральскому хребту — на порог дальнейшего пути в Сибирь.

В оперативно-тактическом отношении поход князя Федора показал умение войск покрывать большие расстояния, действовать в сложных условиях горно-лесистой местности на незнакомом или малознакомом театре и способность командования принимать и проводить в жизнь самостоятельные решения, соответствующие поставленной цели и конкретной обстановке.

По сравнению с походами судовых ратей 60-х гг. поход князя Федора — качественно новое явление. Новые черты проявляются, прежде всего, в масштабах и целях похода. Это не набег лихих речных ратей, а движение пехоты и конницы далеко в глубь чужой территории. Задачей является не грабеж и опустошение, а политическое подчинение Пермской земли, включение ее в орбиту власти великого князя Московского.

Важнейшей новой чертой является участие конницы, впервые совершавшей поход по рекам, и организация этого похода на плотах. Во всех этих отношениях поход князя Федора Пестрого означает важный рубеж между старым и новым, между самостийными действиями судовых ратей и походами по повелению великого князя во главе с его воеводами.

2. Победа на Оке

Рассказав о походе князя Федора Пестрого в Пермскую землю, великокняжеская летопись далее пишет: «Того же лета злочестивый царь Ординский Ахмут подвижеся на Русскую землю со многими силами, подговерен королем. Слышавше же то, князь великы посла воевод

своих к Берегу со многими силами, преже всех Федора Давыдовича отпусти с Коломничи. А князя Данила да князя Ивана Стрига со многими людьми на Ризположение к Берегу посланы».[81]

Как уже говорилось, при изложении событий 1472 г. летопись придерживается хронологического порядка. Известие от князя Федора Пестрого о победе в Пермской земле было получено 26 июня. Князья Данило (Холмский) и Иван Стрига были посланы к Берегу на Ризположения, т. е. 2 июля. Отправка Федора Давыдовича с Коломничами «преже всех» состоялась еще раньше, т. е. после 26 июня и до 2 июля. Следовательно, известие о походе Ахмата было получено в самых последних числах июня.

О переговорах короля с ханом в Москве знали давно. Первая запись за 6979 г., т. е. относящаяся к осени 1470 г., гласит, что «король Казимир послал в Большую Орду к царю Ахмату татарина Кирея Кривого... Пришед же тот Кирей к царю начат многие речи и обговоры от короля на великого князя говорити, многие дары принеся к нему, также к князем его, к Темирю и протчим, от короля, и челом бья, глаголя, „чтобы вольный царь пожаловал, пошел на Московского на великого князя со всею Ордою своею, и яз отселе со всею землею своею..." А князь Темир и прочий по короли же побораху, подъущающе царя... Царь же тот год весь держал Кирея у себя, не бе бо ему с чем отпустити к королю его, иных ради зацепок своих».[82]

За 6980 г. запись *между событиями* 2 и 10 сентября сообщает: «Тое же осени пришел к королю из Орды Кирей со царевым послом, а король в ту пору заратился со иным королем, с Угорьским».[83]

Таким образом, к лету 1472 г. ожидать нашествия были достаточные основания.

Сторожа в Поле или агентурная разведка в самой Орде своевременно предупредили о движении Ахмата.

Первое известие о мерах, принятых для отражения нашествия, носит документальный, протокольный характер, напоминающий разрядные записи.[84] Можно предполагать, что Федор Давыдович возглавил Передовой полк, составленный из Коломничей, — силы, наиболее близко расположенные к Берегу. Воеводы князья Холмский и Стрига Оболенский пошли несколько позже и уже «со многими силами» — оче-

[81] ПСРЛ. Т. 25. С. 297.
[82] Там же. С. 395.
[83] Там же. С. 292.
[84] Вазилевич. С. 100. Примеч.

видно, были двинуты войска второго эшелона, составившие главные силы (Большой полк с двумя воеводами).

Далее следует запись о большом пожаре, произошедшем в Москве 20 июля. Никаких сведений о положении дел на Берегу до этого времени, видимо, не поступало — войска развертывались на оборонительной линии Оки, вероятно, на обычных направлениях ордынских нашествий, т. е. на кратчайших путях к Москве, по обе стороны Коломны — именно здесь в 1451 г. перешли через Оку войска царевича Мазовши.

Но «того же месяца [июля] 30 в четверток, на заговенье (Успенского поста. — *Ю. А.*), прииде весть к великому князю, что царь со всею Ордою идет к Олексину». Это означало, что Ахмат совершает глубокий обход русской оборонительной линии, выходя к Оке примерно в 120 верстах выше Коломны — западнее ее. Перейдя Оку у Алексина, татары оказывались примерно в двух конных переходах от Москвы (120 км). Такой ход событий был, по-видимому, для русского командования неожиданным.

«Князь же великий на втором часе дне того повеле пети обедню, и не вкусив ничто же, поиде вборзе к Коломне, а сыну за собою повеле в Ростов». Эта запись носит дневниковый характер; по-видимому, при великом князе велся дневник, фиксировавший основные события и действия великого князя.[85]

Объяснить поспешный отъезд великого князя к войскам можно желанием принять непосредственное руководство ими. Главные силы были, по-видимому, как обычно, собраны у Коломны. Объективно стояла задача рокировки к правому флангу для прикрытия пути на Москву от Алексина, при этом, однако, необходимо было и оборонять наиболее опасное Коломенское направление — нельзя было исключить возможность, что нападение на Алексин было только демонстрацией для отвлечения внимания от главного направления удара. Все это требовало присутствия главнокомандующего при войсках для принятия на месте решений, соответствующих обстановке. Оборона на широком фронте — одна из труднейших форм оборонительной операции. Во всех случаях необходимо было считаться с маневренными возможностями ордынской конницы, сохранявшей оперативную инициативу и выбиравшей место для удара. Нужно было считаться и с возможностью непосредственного прорыва татар у Алексина и выхода их в ближайшие дни на подступы к столице. Отсюда, вероятно, и распоряжение об отправ-

[85] Вполне вероятно, что такой дневник с точной датировкой и был положен в основу летописного текста за 1472 г.

ке сына-наследника в более безопасный Ростов — в резиденцию бабки, великой княгини Марии Ярославны.

«А царь Ахмет, прииде со многими силами под град Олексин, а в нем людей мало бяше, ни пристроя городного, ни пушек, ни пищалей, ни самострелов, но одинако под ними много татар избиша».

Алексин, таким образом, не был готов к обороне. Нашествие татар на этом направлении оказалось для русских действительно неожиданным. Обращает на себя внимание упоминание о пушках, пищалях и самострелах как необходимых средствах обороны города. Необходимо также отметить мужество гарнизона приграничного города, вступившего в борьбу с татарами, очевидно, только с холодным оружием.

«И потом же паки приступи ко граду с многими силами и тако... опалиша его, и что было людей в нем, все изгореша, и которые выбегоша из огня, тех изымаша».

По точному смыслу известия, гарнизон Алексина отразил первый штурм татар — атаку передового их отряда. Вторая атака последовала «многими силами» на следующий день. Татары отказались от штурма, но, окружив город со всех сторон, зажгли его. Судьба города и его гарнизона была решена. Не поддержанный извне, он не мог удержаться при нападении «многих сил». Необходимость ликвидации Алексина для татар определялась их желанием переправиться через Оку именно в этом месте, по-видимому, удобном с точки зрения физико-географических условий.

Известие о нападении на Алексин было получено в Москве в четверг, 30 июля. Гонец с донесением мог покрыть расстояние от Алексина до Москвы за сутки (150 км). Если так, то нападение татарского авангарда было совершено 29 июля, в среду. Нападение главных сил и сожжение города последовало в пятницу, 31 июля. Таким образом, на овладение (уничтожение) Алексина татарам понадобилось два дня.

«Посем же паки Татарове поидоша вборзе на брег ко Оце с многою силою и вринушася в реку вси хотяще перейти на нашу сторону, понеже бе в том месте рати не были; приведены быша бо нашими бо на безлюдное место».

Это замечание носит не документальный, а нарративный (хотя, вероятно, официальный) характер. Выход татар к Алексину объясняется именно тем, что там, по их сведениям, было «безлюдное место», не занятое русскими войсками. Выясняется, что их привели сюда «наши», т.е. «наши» изменники, по той или иной причине оказавшиеся в стане врагов. Если русская разведка еще в конце июня сумела донести о выступлении Орды в поход, то татарские доброхоты, в свою очередь,

смогли привести врагов на наиболее уязвимый участок русской оборонительной линии на Оке.

«Но толико стоял туто Петр Федорович да Семен Беклемишев с малыми зело людьми, а Татар многое множетсво побредоша к ним».

Место против Алексина было, таким образом, не совсем «безлюдным», но охранялось малыми силами. Здесь же были, по-видимому, броды, которыми и воспользовались татары («побредоша»).

Войска Петра Федоровича (очевидно, Челяднина) и Семена Беклемишева, соответственно первого и второго воевод полка, расположенного против Алексина (их имена могли быть взяты из разрядной записи), оказались в тяжелом положении.

«Они начаша с ними стрелятися и много бишася с ними, уже и стрел мало бяше у них, и бежати помышляху».

Малочисленные русские войска, естественно, не могли вступить в рукопашный бой с «многими силами» противника, форсировавшего Оку вброд. Они пытались остановить или задержать переправу татар, осыпая их стрелами, что само по себе было, конечно, недостаточным.

Однако задержать переправу на какое-то время удалось.

«А в то время прииде к ним князь Василей Михайлович с полком своим, и посем приидоша полци княжи Юрьевы Васильевича в той же час, за ними и сам князь Юрий прииде, и тако начата одолети християне Татаром. Татарове же, видевше множество полков христианских, побегоша за реку». В состав войск, выдвинутых на Оку, входили и полки удельных князей Московского дома. Судя по опыту кампании 1471 г., удельные князья шли со своими полками, подчиняясь главнокомандующему – великому князю. Возможно, что подтягивание войск к месту переправы у Алексина было не делом частной инициативы, а результатом целенаправленного распоряжения сверху. Во всяком случае, быстрое выдвижение войск к атакованному участку свидетельствует, во-первых, о достаточной плотности обороны, т. е. о наличии достаточных сил, во-вторых, о быстрой и правильной реакции на обстановку.

«А полци великого князя и всех князей приидоша к Берегу, и бысть многое множество их, тако же и царевича Даньяра».

Вслед за прибытием полков князя Василия и князя Юрия к Алексину стягиваются главные силы русских войск, в том числе и вассальная татарская конница.

«И се и сам царь прииде на Берег и видев многые полки великого князя, аки море колеблющися, доспеси же на них бяху чисты велми, яко серебро блистающу, и въоружены зело, и начат от Брега отступа-

ти по малу в нощи той, страх и трепет нападе на нь, и побеже гоним гневом Божиим». Эта художественная вставка носит явно нарративный характер, но отражает вместе с тем реальный факт. Хан Ахмат не мог помешать русским войскам перегруппироваться к угрожаемому пункту, и на вторую попытку форсирования реки в виду большой массы русских войск благоразумно не решился. Отступление хана от Оки означало фактически победу русских войск — они заставили противника отойти без сражения. Таков главный смысл событий, развернувшихся в районе Алексина.

«А полков князя великого ни один человек не бывал к ним за реку понеже всемилостивый человеколюбец Бог, милуя род христианский, посла и смертоносную язву на Татар, начаша бо напрасно умирати мнози в полце их, и убоявшася бегу яшася, яко в 6 дней к катунам своим бегоша, отсюду же все лето шли бяху».

Одной из важнейших причин поспешного отступления Ахмата стала смертоносная язва, открывшаяся в его войске. По той же причине русские войска не преследовали отступающих. Только после ухода татар «князь великы... начат многые люди свои отпущати за Татары по дорозе их, остальцов дела и полону ради христианского».

Шли, по-видимому, осторожно, не приближаясь к отступающей Орде.

«И как пришла весть к великому князю, что уже царь... ко зимовищу пошел, и тако благодарив Господа... распусти братию свою по своим отчинам, тако же и князи свои и воеводы, и вся воя своя; и разыдошася кийждо в свояси, благодаряще Господа Бога, подавшего им победу бес крове... А сам князь велики возвратися к Коломне, а с ним царевич Даньяр... и оттоле и того почтив отпусти в свои ему городок, а сам поиде к Москве и прииде в град в неделю месяца августа в 23 день». Это запись дневникового характера.

Заключительная часть рассказа содержит важные реалии. Велась разведка, от нее пришли сведения о передвижениях Ахмата. Как и в 1471 г., в походе участвовали полки братьев великого князя (не только Юрия). Видимо, как и в 1471 г., была проведена общая мобилизация великокняжеского служилого ополчения. Выясняется, что сам великий князь не стоял пассивно в Коломне, куда отправился 30 июля, а шел вместе с войсками, вероятнее всего, к тому же месту переправы против Алексина. Наконец, дается принципиальная оценка событий как «победы без крови».

Рассказ носит, несомненно, официальный характер. Особую ценность представляют данные, почерпнутые из документального источ-

ника. Этим источником могли быть походный дневник и разрядные записи. Дневник содержал точные даты передвижения великого князя, разрядные записи, имена воевод. Необходимо подчеркнуть, что оба предполагаемых нами документальных источника были использованы составителем рассказа лишь выборочно, в небольшой своей части. Зато он украсил свое повествование чисто нарративными художественными деталями, вроде доспехов «яко серебро блистающих». Таким образом, известный нам летописный рассказ — своего рода нарративная обработка документальных источников. Документальная основа дает возможность в общих чертах реконструировать реальный ход событий, а нарративная обработка отражает официальную оценку этих событий. Не исключено и использование частных источников — рассказов участников. К ним может относиться сведение о готовности воевод бежать под натиском татар — такое известие едва ли могло быть почерпнуто из официального донесения.

Тип. летопись приводит свой рассказ о событиях на Оке.[86]

«Того же лета поиде безбожный царь Ахмет Ординский на великого князя Ивана Васильевича и на его братию и на всю Рускую землю с всеми князми и силами Ординьскими. Князь же великий отпусти к Берегу на реку на Оку противу ему свою братию, пръвие князя Юрья, по тому же дву Андреев и Бориса и своих воевод и всю силу Рускую, а сам еще остася на Москве. Братия же его, шедше, сташа у реки на брезе. Князь же Юрьи ста выше Серпухова на Оце же. Царь же поиде вверх по Дону, чая от короля себе помочи, свещався с королем Казимиром Литовским на великого князя... Но Бог и его Мати Пречистая Богородица разори и съветы и думы их, королю бо свои усобици быша в то время, и не посла царю помочи».

Таким образом, Тип. летопись подчеркивает, что Ахмат шел со всеми своими силами. Выдвижение русских войск к Берегу началось с отправки полка князя Юрия — очевидно, Дмитровского полка. Отправлены и полки всех других русских князей, т. е. произошла общая мобилизация княжеского служилого ополчения — «всей силы Русской». Упоминая о воеводах великого князя, Тип. летопись не называет их имен.

Князь Юрий стал выше Серпухова, т. е., очевидно, на крайнем правом фланге русского расположения.

Движение Ахмата с верховьев Дона определялось его расчетом на соединение с королем на основании предварительного сговора с ним.

[86] ПСРЛ. Т. 24. С. 192–193.

«Царь же и Темирь, князь его больший, поидоша ко граду Олексину. Не дошед Олексина, сторожев великого князя разгониша и иных поимаша».

Опять деталь, отсутствующая в Моск. летописи, но, несомненно, имевшая место.

«Олексинцы же затворишася во граде, Татарове же приидоша под Олексин в среду, порану, Июля 29, начата к граду приступати крепко».

Это известие, отсутствующее в Моск., не противоречит ее данным, а дополняет, подтверждает и уточняет их. Известие о подходе татар к Алексину, отправленное в среду, 29 июля, могло на следующий день, в четверг, достичь Москвы.

«Гражане же из града крепко с ними бьяхуся. Назавтрее, в четверток, татарове примет изметавше и зажгоша град. Гражане же одинако не предашася в руки иноплеменник, но изгореша вси с женами и с детми в граде том и множества Татар избиша из града того».

«Прииде весть к великому князю на Москву, что Татарове под Олексиным, князь великий поиде с Москвы к Берегу вборзе в четверг июля 30. А татарове съжгоша и Олексин и начаша перевозитися на сю сторону реки Окы».

Это известие соответствует сообщению Моск., но опускает детали, связанные с конкретными действиями великого князя.

«В ту же пору прииде на них с верху реки князь Василий Михайлович Верейский с своим полком, а с низу реки от Серпухова князь Юрьи Васильевич с своими полки и отняша у них берег. А которая Татарове перевезошася реку и тех пребиша на ону сторону, а иных ту убиша и суды у них поотнимаша, и начаша чрез реку стрелятися».

Из слов Тип. летописи вытекает, что крайний правый фланг русского расположения занимал Верейский полк, который и прибыл первым на место сражения. Он располагался на Оке выше Алексина, т. е. между Калугой и Алексином. Полки князя Юрия были расположены в районе Серпухова — вотчинном владении этого князя по духовной его отца. От Серпухова до Алексина — около 50 верст, полки князя Юрия могли прибыть к месту боя на следующий день после получения известия о нападении на Алексин.

Быстрое прибытие этих полков не дало возможности татарам закрепиться на берегу, на который они уже высадились. Выясняется, что переправа делалась не только вброд, а с помощью судов, которые и были захвачены русскими. Теперь-то, когда татары были отброшены на свой берег, и началась перестрелка через реку.

Важное отличие Тип. летописи от Моск. — отсутствие упоминания

о воеводах Петре Челяднине и Семене Беклемишеве. Эти имена были летописцу неизвестны, либо действия этих воевод не имели в его глазах существенного значения.

«Противу же субботы нощи, противу Спасова дни, егда воду крестять, отступиша Татарове от Берегу, и побеже царь Ахмат со всеми уланы, князми своими, и со всеми силами опять в Поле, к своей Орде. Назавтрее же, в субботу, на Спасов день, августа 1, побегоша и останок Татар от Берега. И побегоша вси Татарове ником же гонимы, но токмо гневом Божиим и Пречистыя его Матери милостию, и всех святых чюдотворцев Руских молитвою. Тако избави Бог Рускую землю от поганых».

«Князь же великий со братьею стояв на Брегу и возвратишяся на Москву, славяще Бога и его Пречистую Матерь. И возрадовашяся радостию великою вси, и распустиша вои своя кийждо восвояси. А князь великий и братья ехаша с Москвы к своей матери, великой княгини Марье в Ростов посещати немощи ея ради. А князь Юрьи разболеся ту на Москве, приехав з Берегу».

Таким образом, Тип. летопись содержит целостный, непротиворечивый рассказ о нашествии Ахмата. Она опирается, по-видимому, на какие-то источники официального или, скорее, полуофициального характера.

Другая версия рассказа о событиях 1472 г. приведена в Ерм. летописи,[87] а также в Соф. II и совпадающих с ней Сокращенных Сводах.[88]

«Того же лета царь Ахмут, Кичи-Ахметов сын, поиде из Орды со всеми силами своими на Русь. И поиде близ Руси. И остави у Цариц старых и больных и малых детей, и перебрався, и приде изгоном на великого князя не путма с проводники, и приведоша его проводники под Олексин городок с Литовского рубежа. А в градке том беша воевода Семен Васильевичь Беклемишев.[89] И повеле ему князь великий осаду распустити, понеже не успеша доспеха запасти ничего же, чим с Татары битися».

До этого места текст Ерм. и Соф. II совпадает. Далее в Соф. II и в Сокращенных Сводах читается: «Он же захоте у них посула, и гражане даша ему 5 рублев, и захоте жене своей шестого рубля. И се ему глаголюща: „Приидоша татарове“, и Семен побеже за Оку и с женою и с слугами, и Татарове за ним в реку». В Ерм.: «Семену же не успевшее распустить их. И прииде царь безвестно под Олексин, а

[87] ПСРЛ. Т. 23. С. 160–161.
[88] ПСРЛ. Т. 6/2. Стлб. 210–211; Т. 27. С. 278–279, 352–353.
[89] По оценке Сокращенных Сводов, «человек на рати вельми храбр».

Семен едва утече за реку от Татар, а Татарове за ним в реку, и побредоша на сю сторону». Далее продолжается общий текст с небольшими разночтениями. (Текст, заключенный в квадратные скобки, в Соф. II и Сокращенных Сводах отсутствует).

«И в ту пору приспе князь Василей Михайловичь на Берег, и нача с Татары битися, и не пусти их за реку. И по мале времени прииде князья Юрьи Васильевичь из Серпухова со [многими] вой [своими], и потом прииде князь Борис Васильевичь, брат его, с Козлова броду [с двором своим], и [часа того князя великого][90] воевода Петр Федорович Челяднин приспе [со множеством вой, князя великого Двором].[91] И бе видети Татаром велми страшно, тако же и самому царю, множество вои Руского.

А случися тогды день солнечный, яко же море колеблющееся в синеющееся, доспех и в шеломы с аловци.

И немога царь ничтоже створити, и [повеле] к городу [приступати своим].[92] [Они же крепко начаша битися с ними з города, и убиша у них много Татар под Олексином].[93] [И почаша изнемогати во граде людие, понеже нечем им битися, не бысть у них никаково же запаса, ни пушек, ни тюфяков, ни пищалей, ни стрел].[94]

И Татарове зажгоша град, и людие же градстии изволиши огнем згорети, нежели предатися [в руце поганых].[95] [Князи же и воеводы, видевше христианство погибает, и велми восплакахуся, зане][96] не бе им куды пособити великие ради реки Оки [непроходимые].

[Царь же и вси Татарове] видевше множество Руси, наипаче бояхуся князя Юрья Васильевича, понеже бо имени его трепетаху [и нелзе бе ступитися на бои, но чаяху Татарове и самого князя великого туто].[97]

И [начаша кликати чрез реку наших Татар, и приехаша к ним на берег противу их, и вспрошаху про великого князя и про царевича Даниара, и о братии великого князя. Они же сказаша, яко][98] князь великий стоит под Ростиславлем [со многими силами], а царевич Даниар

[90]Соф. II, «приспе».
[91]Там же, «с полком».
[92]Соф. II, «приступити».
[93]Там же, «много татара побили под Олексином».
[94]Там же, «изнемогаша, нечим битися, ни пушек, ни пищалей».
[95]Там же, «татарои».
[96]Там же, «с силами».
[97]Там же, «страны».
[98]Там же, «спросившее Татар, яко с нашей стороны, которые князю великому служат, яко не вся сила вместе».

Касымович на Коломне стоит [своим двором[99] а с ним множество воев великого князя, воевод]. А князь Андрей [Васильевичь][100] [да брат его князь Андрей Васильевичь меньший] стоят в [Торусе][101] [з дворы своими и со иными многими силами]. Татарове же, удивлыпеся множества воя Руского, и воспросища: „А сей кто стоит против царя?“ И рекоша наши: „А то князь Юрьи да князь Борис, братья великого князя, толко прищли с своими дворы“. Татарове слышавша и сказаша [царю своему, царь же часа того][102] побеже прочь, и водя с собою посла великого князя, киличея Григория Волнина, и блюдучися того, егда князь великий пошлет князей и царевича на Орду его». Рассказ Ерм. летописи содержит ряд оригинальных известий.

Первое из них — распоряжение великого князя воеводе Семену Беклемишеву «осаду распустити», т. е. эвакуировать не готовый к обороне Алексин. Трудно сказать, насколько достоверно это известие. Его, во всяком случае, нет в известных нам текстах, основанных на официальных документах.

Само по себе, однако, оно достаточно правдоподобно. Поэтому вполне возможно, что источником Ерм. летописи в данном случае могли быть какие-то местные известия, например рассказы очевидцев — участников событий. То же можно сказать и о поспешном отступлении (бегстве) Семена Беклемишева за реку. Этого известия нет в официальных источниках, но само по себе оно вполне соответствует реальной обстановке.

Быстрое подтягивание княжеских полков к переправе у Алексина в принципе совпадает с данными Моск. и Тип. летописей, но изложено своими словами и с подробностями, которых в официальных источниках нет. Только Ерм. летопись знает, что князь Борис со своим двором подошел от Козлова Брода.

Воевода Петр Федорович Челяднин оказывается во главе крупных сил Двора великого князя и подходит к полю сражения после полков князей Василия и Юрия, что опять-таки не соответствует официальному тексту, хотя сам по себе этот факт достаточно правдоподобен.

Сожжение Алексина происходит не до, а после попытки переправы татар, что противоречит данным Моск. и Тип. летописей. Лирические вставки о блистающих доспехах, о плаче воинов при виде горящего Алексина и о страхе татар перед князем Юрием выдают свое

---

[99] Там же: «с татары».
[100] Там же: «Большой».
[101] В Серпухове, а с ним Муртаза, царевич Мустафин — сын царя Казанского.
[102] Соф. II: «и слышав то, побеже прочь».

частное происхождение, что, однако, не противоречит их правдоподобию.

Представляет интерес рассказ о переговорах ордынских татар с «нашими» через Оку. Рассказ явно частного происхождения, но он основан, по-видимому, на реалиях, которые могли быть известны его составителю. Эти реалии заслуживают внимания: они позволяют представить себе систему расположения русских войск на Берегу — от Тарусы до Коломны.

Правдоподобная деталь: хан, отступая, вез с собою киличея, посланного к нему для каких-то переговоров. Составитель Ерм. проявляет большую осведомленность. Правдоподобен и мотив отступления Ахмата — боязнь удара в тыл со стороны конницы царевича Даньяра, сосредоточенной на левом фланге русского расположения.

Автор Ерм. знал и о болезни великой княгини Марии Ярославны, и о внезапном заболевании князя Юрия.

Таким образом, рассказ Ерм., носящий в целом частный характер, включает некоторые важные реалии, известные хорошо осведомленному автору. Независимо от своего происхождения, эти реалии достаточно правдоподобны — они не противоречат другим сведениям. Сведения составителя Ерм. не могут игнорироваться при попытке реконструкции событий на Оке летом 1472 г.

Представляет интерес сопоставление реалий, содержащихся в четырех основных летописных рассказах о событиях лета 1472 г. (табл. 2).

Создается впечатление, что составитель Моск. был лучше знаком с дневниковыми и разрядными записями, а составитель Тип. был лучше осведомлен о действиях удельных князей и о событиях под самим Алексином и на поле боя за переправы. Но он не знал ни о моровой язве у татар, ни о том, за сколько дней они добежали до своих «катун», ни о распоряжениях великого князя, ни об отправке войск вслед за татарами. Зато он знал, что князь Юрий стоял у Серпухова, знал и о болезни князя Юрия Васильевича. Возможно, он пользовался каким-то источником в ближайшем окружении этого князя.

Особенностью Ерм. летописи является наилучшая осведомленность о событиях в районе Алексина, о действиях русских войск по обороне переправы, о расположении войск на Берегу. Эта летопись знает детали отступления Ахмата, знает о событиях в Ростове и Москве. Зато в Ерм. нет ни одной даты, не приводится ни одного из распоряжений великого князя, известных из официальных источников. Надо думать, что составитель Ерм. этими источниками не пользовался. Его

Таблица 2. **Сравнение реалий в разных летописях**

Воеводы	**Моск.**	**Тип.**	**Ерм.**	**Соф. II**
1. Федор Давыдович	+	−	−	−
2. Кн. Данило Холмский	+	−	−	−
3. Кн. Иван Васильевич. Стрига	+	−	−	−
4. Петр Федорович [Челяднин]	+	−	+	+
5. Семен Васильевич. Беклемишев	+	−	+	+
Князья				
1. Василий Михайлович Верейский	+	+	+	+
2. Юрий Васильевич Дмитровский	+	+	+	+
3. Андрей Большой	−	+	+	+
4. Андрей Меньшой	−	+	+	−
5. Борис Васильевич	−	+	+	+
6. Царевич Даньяр	+	−	+	+
7. Муртаза	−	−	−	+
Географические пункты				
1. Коломна	+	−	+	+
2. Алексин	+	+	+	+
3. Серпухов	−	+	+	+
4. Таруса	−	−	+	−
5. Козлов Брод	−	−	−	+
6. Ростиславль	−	−	+	+
Даты				
1. 2 июля	+	−	+	+
2. 29 июля	−	+	−	−
3. 30 июля	+	+	−	−
4. 31 июля	−	+	−	−
5. 1 августа	−	+	−	−
6. 23 августа	+	−	−	−

основными источниками были рассказы участников событий. Имел он какие-то связи и в окружении князя Юрия, а может быть, и самого великого князя.

Рассказ Соф. II, очевидно, имеет общий с Ерм. фактологический источник. Трудно сказать, в каком из этих рассказов он лучше сохранился. В обоих случаях он подвергся литературной обработке в эмоциональном плане. Это и рассказ в Соф. II о корыстолюбии воеводы Беклемишева, и лирические вставки в Ерм. В реальном плане между Ерм. и Соф. II два расхождения — место расположения войск князя Андрея Большого (Серпухов или Таруса?) и присутствие (или отсутствие) Андрея Меньшого и Муртазы. Какой из двух вариантов рассказа отражает фактическую реальность, сказать затруднительно, но в пользу Ерм. косвенно свидетельствует, что в Серпухове стоял

князь Юрий — более вероятно, что князь Андрей стоял в другом месте (например, в Тарусе).

Рассказ Соф. II отразился в Уст. летописях. Список Мацеевича помещает этот рассказ в сокращенном виде, заканчивая на сожжении Алексина («згоре Олексин и с людми») и отступлении Ахмата («царь же нача боятися князя Юрия и поиде к себе в Орду»).[103]

Архангелогородский летописец, основываясь на том же рассказе, приводит некоторые отсутствующие в нем подробности: «Олексенцы били челом великому князю: доспеху у них мало в городе». Тут-то и последовала грамота великого князя воеводе Беклемишеву «осаду распустити, доспеху добавити, чем с татары битися». Далее без изменений следует рассказ о корыстолюбии Беклемишева и о подтягивании русских войск к месту переправы, причем князь Василий Михайлович назван «Удалым». Дальнейшее изложение ближе к Ерм. — тут и золоченые доспехи, и плачущие воеводы — «пособити нельзя, глубины ради того места». Приведено и известие о переговорах между татарами через реку — в варианте Соф. II (т. е. с князем Андреем и Муртазой, стоящими в Серпухове).

Главное отличие рассказа Архангелогородского летописца от Ерм. и Соф. II — в заключительной части: «Ахмут побеже прочь, ведя с собой не много полону. И вопроси русина, что много у него били олексинцы, полону мало, а згорели мало. И русин запроси живота себе. Царь отпустити его об леща. Он же рече: „Боле 1000 голов забегло в тайник з добром". Царь был з 2 версты отошел, и воротися к городу на пожарище, и взя тайник и с людьми и з добром, и не избысть ни един, и прочь поиде. А тайник был выведен к реце, и поведавшего отпусти».[104]

Рассказ этот производит впечатление литературного вымысла (как, впрочем, и известие о рубле для жены Семена Беклемишева). Составитель Уст. самостоятельных источников не имел и находился в зависимости от Ерм. и Соф. II, сокращая и «приукрашивая» их рассказы.

Новг. IV летопись по списку Дубровского о событиях приводит краткую справку: «... безбожный царь Ахмат Кичи-Ахметовичь с всею Ордою прииде на Русь. Приде к реке Оке под город Олексин с Литовского рубежа, и повеле приступите к городку, и много тогды Татар под городком побита, изнемогши с Татары битися. Татарове же град зажигаша, изволиша огнем згорети, неже Татаром предатися. Князь

[103] ПСРЛ. Т. 37. С. 48.
[104] Там же. С. 93–94.

же великий со братьею и со многою силою поиде к Берегу. И слышав то, царь побеже прочь, блюдучися то, егда великого князя царевичи возмут царицы его».[105]

Текст Новг. IV обнаруживает полную зависимость от московских летописей и самостоятельного значения не имеет.

События лета 1472 г. отразились и в Пск. летописи. Псковичи отрядили своих послов к великому князю с челобитной. Послы приехали на Москву «месяца Августа в 1 день, аже князь великий весь посполу с братьею, и с князи, и с всею силою стоит у Коломны, а только до его за один день, в само заговенье вышел: пришел тогды на великого князя... царь ис Поля Махмут Кичиахмутов сын и стоял об Оке реке. И стояв царь ордынский день да нощь у Оке реки, и прочь поиде, убегом побеже, видев нечестивый Агарянин, что с князем великим прямо его стояху противу на полторустах верстах 100 000 и 80 000 князя великого силы руськыя». Послы приехали на Коломну и там доложили псковское челобитье и «от великого князя поехали, а он еще на Коломне».[106]

Лапидарное псковское известие представляет большой интерес. Оно не имеет никакой связи ни с московской летописной традицией, ни с какими-либо московскими документальными источниками. Послы передавали то, что слышали. Это взгляд на события со стороны, глазами послов, случайно оказавшихся на Коломне в момент разгара событий. В этой относительной независимости известия — его главная ценность. Оно подтверждает основные реалии, приводимые в московских летописях, — о времени выступления великого князя, о пребывании его на Коломне, о сосредоточении на Оке «всей силы русской», о поспешном отступлении (бегстве) Ахмата. Наряду с этим оно содержит отсутствующие в других источниках сведения о ширине фронта и о количестве русских войск.

Насколько достоверны эти сведения?

Что касается ширины развертывания войск, то эти сведения вполне правдоподобны. Расстояние от Коломны до Алексина действительно составляет примерно 150 верст.

Сложнее обстоит дело с численностью развернутых войск. Прежде всего, надо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, псковские послы не могли иметь сколько-нибудь точной и достоверной информации о численности развернутых войск и должны были довольствоваться

[105] ПСРЛ. Т. 4/1. С. 513.
[106] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 188.

слухами. Во-вторых, известна склонность средневековых рассказчиков к преувеличению численности войск — достаточно вспомнить фантастические цифры, связанные с Куликовской битвой. Труднее всего определить, насколько эти цифры преувеличены.

Нет сомнения, что на Берегу были развернуты главные силы конного служилого ополчения великого князя и удельных князей Московского дома. Это и были полки Василия Верейского, Юрия Дмитровского, Бориса Волоцкого, Андрея Углицкого и Андрея Меньшого (принимая в последнем случае известие Ерм.). Войска самого великого князя вели его воеводы, из которых пять известны поименно. Именно конные полки имели возможность быстро рокироваться и выдвигаться из глубины и своевременно подтягиваться на угрожаемый участок линии обороны. Но они никак не могли составить основную массу войск, развернутых на Берегу, на фронте в 150 верст от Коломны до Алексина. Девяносто лет спустя, при походе на Полоцк, общая численность служилого ополчения не будет превышать 30 тыс. человек.[107] А ведь в то время территория, занятая вотчинами и поместьями служилых людей, была, по крайней мере, втрое больше, чем во времена первого нашествия Ахмата (она включала в себя и Новгород, и Тверь, и Рязань). Численность служилого ополчения на Берегу в 1472 г. в самом лучшем случае не могла превышать и половины численности войск Ивана IV в Полоцком походе, т. е. 15–20 тыс. человек. По мобилизационным нормам середины XVI в. для обеспечения службы одного вооруженного всадника требовалось 100 четвертей земли, т. е. примерно 10 крестьянских дворов. Для развертывания 20 тыс. конного ополчения требовалось, таким образом, иметь 200 тыс. крестьянских дворов с населением 1–1,5 млн человек. Это фактически означало тотальную мобилизацию всех ресурсов великого княжества Московского.

Надо полагать, что основную (по численности) массу войск на Берегу составляла пехота — земское ополчение, то, что позднее называлось посохой. Исходя из псковских и новгородских норм второй половины XV — первой половины XVI в. один пеший ратник выставлялся с 3–5 дворов. Сделав произвольное, т. е. не достоверное, но более или менее правдоподобное предположение, что численность войск, развернутых на Берегу, была преувеличена рассказчиком в два раза, получим, что всего на Берегу было развернуто примерно 90 тыс. человек, из которых примерно четвертая или пятая часть — служилая конница, а остальное — земская пехота. Даже приняв такое предположение,

[107] Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исследование и текст). СПб., 2004. С. 31–86.

приходим к выводу о крайнем напряжении всех мобилизационных возможностей — мобилизация должна была охватить многие сотни тысяч дворов.

Необходимо обратить внимание на наличие в составе русских войск татарских контингентов. Им придавалось особое значение. Конница вассальных татарских царевичей по своим боевым качествам была, вероятно, лучшей в русском войске. Отсюда и стремление великого князя приглашать на службу царевичей, наделяя их землями и оказывая им свое расположение, и вполне реальны опасения Ахмата относительно рейда этих царевичей на его тылы. При этом следует отметить, что прямого участия в боевых действиях царевичи не принимали — их держали в резерве либо на случай прорыва Ахмата через Оку, либо для его преследования в Поле.

Итак, наши источники рисуют в общем довольно непротиворечивую картину событий, связанных с первым нашествием Ахмата. Сопоставление данных этих источников дает возможность реконструировать реальный ход дел.

Осень 1470 г. В Москве стало известно о начале переговоров короля Казимира с ханом Ахматом о совместном нападении на Русскую землю. В Орду прибыл королевский посол.

Лето 1471 г. Главные силы русских войск проводят кампанию против новгородских сепаратистов. Однако судовая рать вятчан совершает нападение на Сарай и возвращается с трофеями.

Осень 1471 г. Становится известно об ответном посольстве хана к королю. Союз хана и короля приобретает реальные очертания.

Конец июня 1472 г. В Москве становится известно о выступлении хана в поход. Начинается выдвижение войск на оборонительную линию Оки, начиная с Коломенского направления.

Июль 2. В поход выступают главные силы во главе с лучшими воеводами.

Июль. Хан двигается со своими главными силами к русской границе не обычным путем, а значительно западнее, стремясь соединиться с королем. Русским сторожевым постам в Поле не удается установить маршрут движения Ахмата.

Июль 29. Орда выходит к Оке с литовского рубежа в район Алексина. Начинаются бои за Алексин.

Июль 30. В Москву приходит известие о штурме Алексина. Великий князь срочно отбывает к войскам. Начинается подтягивание войск к району Алексина на правый фланг русского расположения.

Июль 31. Пожар и гибель Алексина. Попытка форсирования Оки.

Бои за переправу. С русской стороны в бой вступают полки Верейский, Дмитровский и Волоцкий и часть войск великого князя. Татарам не удается закрепиться на левом берегу.

Август 1. К району напротив Алексина подошли крупные силы русских войск. Хан принимает решение о быстром отходе. Русские войска его не преследуют.

Август 1–6-е. Ахмат отходит к своим базам. Русские войска частично переходят Оку, захватывая отставших (освобождая полон).

Август после 6-го. Роспуск войск.

Август 23-е 1472 г. Окончание кампании. Возвращение великого князя в Москву.

Есть возможность сделать некоторые выводы о ходе кампании и о действиях главного командования русских войск.

Поскольку сведения о подготовке похода Ахмата были получены за несколько месяцев до его начала, стратегическая внезапность Ахматом достигнута не была. Мобилизация русских войск для развертывания на Берегу должна была начаться задолго до получения первых известий о походе, т. е. до конца июня 1472 г. В противном случае не было бы никакой возможности сосредоточить к началу августа на линии Коломна — Алексин несколько десятков тысяч человек. Мобилизация охватывала как служилое, так и земское ополчение.

Первоначально поход Ахмата имел успех оперативного значения — ему удалось обмануть бдительность русской сторожевой завесы (частично уничтожить ее) и выйти к Оке в неожиданном и уязвимом месте. Однако добиться дальнейших успехов Ахмату не удалось — два или три дня, потерянные татарами в боях за Алексин, были первым шагом к их поражению. Был потерян темп наступления.

Упорная оборона Алексина дала возможность подтянуться к месту боя полкам князей Василия и Юрия, а затем и главным силам великокняжеского войска. Это было возможно лишь при наличии разумной инициативы воевод, действенного оперативного руководства войсками и целесообразного их первоначального развертывания. Вместе с тем нельзя не отметить промах главного командования в отношении Алексина — он не был ни укреплен, ни своевременно эвакуирован. Мужество горожан в какой-то мере было искуплением этой ошибки, а их гибель — расплатой за нее.

В дальнейшем деятельность русских войск сводилась к обороне переправы без каких-либо попыток активных действий на правом берегу Оки. Кампания была краткосрочной и (если не считать гибели Алексина), с точки зрения русских войск, почти бескровной — стратегиче-

ская победа была достигнута без сражения (что особенно подчеркивает великокняжеский летописец). Оборонительная стратегия обернулась выдающимся успехом.

Чем объясняется отсутствие стремления к преследованию отступающего противника, уже признавшего свое поражение, к навязыванию ему своей воли, к полному его разгрому? Одной из причин этого могло быть опасение моровой язвы. Другой, может быть, еще более важной причиной могло быть нежелание вступать в сражение с Ордой в Поле, где превосходство татарской конницы могло сыграть роковую роль для русских. Русское главное командование не хотело идти на риск новой Куликовской битвы с ее огромными, трудно восполняемыми потерями, с победой, висевшей на волоске и купленной непомерно дорогой ценой. Необходимо было иметь в виду возможность военных действий на других направлениях (Литва, Орден), для чего нужно было беречь силы войск.

Итак, действия русского военно-политического руководства и главного командования в летней кампании 1472 г. сводились к:

— своевременной мобилизации;

— развертыванию войск на Берегу на широком фронте;

— умелому маневрированию войсками в целях обороны атакованного участка;

— отказу от преследования противника, довольствуясь его отходом.

Целесообразность той или иной линии поведения определяется, в конечном счете, ее результатами. Кампания 1472 г. показала правильность решения главного командования организации жесткой обороны Берега. Стратегия оказалась целесообразной. Она привела к крупнейшему успеху не только военного, но и политического масштаба — впервые за всю историю русско-ордынской борьбы хан не решился вступить в бой с русскими войсками и отступил, признав свое поражение.

При выработке решения о проведении оборонительной операции на Оке естественнее всего было, очевидно, опираться на опыт предыдущих кампаний по отражению ордынских нашествий. Каков же был этот опыт?

Значение Оки как оборонительного рубежа стало осознаваться, видимо, когда великое княжение Московское, перейдя от пассивной покорности к активной политике, начало борьбу с Ордой. Река Ока воспринималась как граница Русской земли. За Окой начиналось Дикое Поле, чужая враждебная земля, подстерегала опасность. Так, когда в 1371 г. великий князь Дмитрий ехал в Орду на переговоры с Мамаем,

«преосвященный митрополит Алексей проводи его до Оки, и молитву сотвори о нем, и благослови»,[108] — великого князя провожали, как в боевой поход.

Первые известия о развертывании войск на Оке относятся также ко времени Дмитрия Донского. Когда в 1373 г. Мамай напал на Рязанскую землю и «грады пожгоша», великий князь Дмитрий «со всею силою своею стоял у реки Оки на брезе, а брат его... князь Владимир прииде к нему на брег по Оке реке... и Татар не пустиша, и все лето тамо стояша».[109] В 1376 г. великий князь Дмитрий «ходи за Оку ратию, стерегатися рати татарские от Мамая».[110] Таким образом, великий князь Дмитрий искал решения задачи не в пассивной обороне Берега, а в активных действиях за Окой. Это наиболее ярко проявилось в кампаниях 1378 и 1380 гг.

В 1378 г. Мамай «собрав воя многи и посла Бегича ратию на князя великого Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую». Внезапности достигнуть не удалось. Узнав о походе Бегича («се же слышав»), великий князь «собрав вой многи и поиде противу в силе тяжце и переехав за Оку вниде в землю Рязанскую и сретошася с Татары у реки у Вожи и стоаху промежу собою реку имущу». Переход татарами реки имел следствием их полный разгром — первую победу Руси над ордынцами.[111] Попытка нашествия Бегича была отражена путем встречного удара, противник не был допущен к Берегу. Карательная экспедиция Мамая обрушилась на Рязанскую землю, на правом берегу Оки.[112]

Наибольший интерес, естественно, представляет поход 1380 г., завершившийся знаменитой Куликовской битвой.

Наиболее раннее известное описание кампании 1380 г. читается в летописи Рог.-Сим.

В августе 1380 г. «приидоше от Орды вести... аже взвизается рать Татарская на христианы». Получив эти известия, великий князь Дмитрий «собрав воя многи, поиде противу их». Перейдя Оку, он получил известие, что Мамай на Дону «собравшася в поле стояша и ждуща к себе Ягайла на помощь». Великий князь Дмитрий перешел через Дон, и на устье Непрядвы произошло сражение, закончившееся разгромом Мамая, но с большими потерями для русских.[113]

[108] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 96.
[109] ПСРЛ. Т. 11. С. 19; Т. 15. Стб. 104. — По Рог., «тамо жив весну всю».
[110] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 116; Т. 11. С. 24.
[111] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 134–135.
[112] Там же.
[113] Там же. Стб. 139–140.

Моск. летописи описывают это сражение гораздо подробнее, с красочными деталями, некоторые из которых носят легендарный характер. Для нашей темы, однако, наибольшее значение имеют не подробности самого сражения, а обстоятельства похода за Оку — важнейшего стратегического решения, принятого великим князем Дмитрием.

Моск. летопись изображает это таким образом.

Узнав о намерениях Мамая, великий князь Дмитрий начал мобилизацию — он «посла по брата своего... и по все князи Русские и воеводы». (Приводится фантастическая численность собранных войск).

20 августа войска выступили из Коломны и, пройдя территорию великого княжества Московского, встали на Оке у устья Лопасны, т. е. прошли вверх по Оке по направлению к Серпухову, немного не дойдя до него. Здесь к войскам великого князя присоединились силы князя Владимира Андреевича «и вси вой остаточные, и нача возитися за Оку за неделю до Семена дни, в день недельный» (т. е. 26 августа). Сам великий князь со своим Двором перешел через Оку на следующий день, в понедельник (27 августа). За два дня до Рождества Богородицы (6 сентября) войска подошли к Дону. По этим данным, войска прошли 120 верст примерно за 10 дней. Такой темп движения может объясняться только тем, что основную массу войск составляло пешее земское ополчение.

На военном совете («много думавше») голоса разделились: «овии глаголаху: „поиде, княже, за Дон“, а инии глаголаху: „не ходи, понеже умножишися врази наши, не токмо Татарове, но и Литва и Рязанцы“». Великий князь принял решение, не теряя времени, перейти Дон и дать сражение.[114]

Такова фактическая основа событий, содержащаяся в великокняжеской летописи. От первоначального варианта Рог.-Сим. ее отличают некоторые лирические и эмоциональные вставки, т. е. черты литературной обработки и фантастические цифры собранных войск: «100 000 и сто, опроче князей Русских и воевод местных... и всех ратей числом с полтораста тысящь или с двести тысящь». Происхождение этих цифр неясно, но их недостоверность очевидна. Такого количества войск невозможно было ни мобилизовать, ни сосредоточить в одном пункте у Коломны.[115] По подсчетам Е. А. Разина, численность русской рати могла составлять 50–60 тыс. человек: 20 тыс. конницы и 30 тыс. пехоты.

[114] ПСРЛ. Т. 25. С. 203.
[115] Разин. С. 272.

Моск. летопись включает и реалии — три точные даты, отсутствующие в Рог., но содержавшиеся, вероятно, в официальных дневниковых записях, известных московскому летописцу.

Вол.-Перм. летопись в статье «Побоище великому князю Дмитрию на Дону с Мамаем»[116] содержит ту же фактическую основу, но приводит множество новых подробностей, не всегда достоверных. Однако и здесь есть интересные реалии. Так, великий князь Дмитрий «всему войску повеле писати: да будете готовы все на Успение... на Коломне. И переберем полки, и дам воеводу коемуждо полку».[117] Здесь и новая правдоподобная дата сбора войск (15 августа), не противоречащая другим сведениям, и любопытное указание на сбор войска путем рассылки письменных распоряжений (грамот), и свидетельство о порядке назначения воевод при «перебирании» полков. Перечисляются и некоторые князья, участники похода (не все — в основном, северных городов).

Несмотря на расхождения в ряде деталей, наши основные источники рисуют в целом непротиворечивую и довольно правдоподобную картину кампании 1380 г. Ее основные черты:

— наличие сведений о подготовке Мамая к походу, добытых, очевидно, путем агентурной разведки;

— мобилизация всех сил Русской земли, подвластных великому князю Дмитрию (т.е. кроме Новгорода, Твери и Рязани);

— сосредоточение войск у Коломны к назначенному сроку;

— решение о наступательном образе действий, заранее принятое великим князем;

— марш-маневр к месту нахождения Орды Мамая, установленному по данным разведки;

— вероятное численное преобладание пешего земского ополчения, определившего низкий темп движения войска;

— решение дать сражение, не теряя времени, — наступательная тактика, соответствующая наступательной стратегии.

Судя по всем имеющимся данным, великий князь Дмитрий на всех этапах кампании держал управление войсками в своих руках, соединяя в своем лице функции политического главы и командующего войсками. Войска двигались по одному операционному направлению, стратегические и тактические функции главнокомандующего фактически были неразделимы. К числу этих функций относились:

[116] ПСРЛ. Т. 26. С. 125–145.
[117] Там же. С. 130.

— принятие стратегических решений;
— выбор операционного направления;
— распределение воевод по полкам;
— постановка общей задачи в канун сражения;
— личное участие в походе и бое.

В летней кампании 1380 г. наступательная стратегия великого князя Дмитрия полностью оправдала себя — была одержана одна из самых блестящих побед в истории России, что привело к далеко идущим последствиям.

Но победа далась дорогой ценой. По некоторым данным, одних «бояр» (т. е., очевидно, более или менее крупных военачальников) было убито более 400.[118] При всей приблизительности этой цифры, она дает общее представление об огромных потерях, естественных в рукопашном сражении такого масштаба. Такие потери не могли не отразиться на боеспособности войск, на их потенциальных возможностях к дальнейшим боевым действиям.

Основной политической предпосылкой активной стратегии великого князя Дмитрия был союз русских князей. Объединение сил Русской земли во главе с великим князем Дмитрием давало реальную возможность с оружием в руках противостоять нашествию Мамая. Насколько прочно было это объединение? Ответ на этот вопрос дают события 1382 г.

Первоначальный рассказ о нашествии Тохтамыша читается в Рог. летописце[119] и Сим. летописи. Разграбив русских купцов в Болгарах, хан «со всею силою своею... перевезеся Волгу, поиде изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую». К нему присоединились русские изменники — суздальские князья и Олег Рязанский, который и «указа ему все броды на Оце».

«Князь же великий Дмитрий Иванович, то слышавше, что сам царь идеть на него... не ста на бой противу его, ни подня руки противу царя, но поеха в свой град Кострому».

Это имело решающее значение. Тохтамыш, по-видимому, беспрепятственно перешел Оку «и преже всех взя град Серпухов и огнем пожже», а оттуда пошел на Москву, громя все на своем пути. Организатором обороны Москвы оказался находившийся там князь Остей, внук Ольгерда. Тохтамыш выманил его обманом из города и убил, и на четвертый день осады взял Москву, несмотря на мужественное, но

[118] Там же. С. 144.
[119] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 142–146.

неорганизованное сопротивление горожан. Город подвергся разгрому, жители — уничтожению.

«А иную силу царь распусти по земле воевати, и иные ходиша к Звенигороду, а иные к Волоку и к Можайску, а иные к Дмитрову, а иные рать посла на Переяславль», который был взят и сожжен.

В это время князь Владимир Андреевич «собрав воя около себе и стояша ополчившеся близ Волока». На него-то и «наехаша неции Татарове, он же прогна их от себе», после чего они «прибегоша к Токтамышу пострашены и биты».

«Царь же слышав, что князь великий на Костроме, а князь Володимер у Волока, поблюдашеся, чая на себе наезда. Того ради не много дней стоявша у Москвы, но взем Москву вскоре отъиде». При отступлении хан взял Коломну и, перейдя Оку, разорил Рязанскую землю.

Таково первоначальное краткое повествование о нашествии Тохтамыша, отразившееся во всех летописных рассказах.

Рассказ Рог.-Сим. отличается краткостью и (за исключением красочного описания бедствий взятой противником Москвы) фактологичностью. Он содержит только две даты — 23 августа, когда хан подошел к Москве, и 26 августа «на память святого мученика Андреяна и Натальи», когда в 7 часов дня татары ворвались в Москву. Рог. летописец — памятник в целом тверского происхождения, но рассказ о Тохтамыше составлен с использованием московского источника, скорее всего, рассказов очевидцев — клириков и участников событий. Московский источник, вероятно, церковного происхождения, содержащий подробные рассказы об убийстве архимандритов и игуменов. Следов документальных источников в нем не видно.

По мнению летописеведов, дальнейшим развитием рассказов о нашествии Тохтамыша были известия Новг. IV и Соф. I.

Рассказ Новг. IV носит название «О пленении и прихождении Тохтамыша царя и о Московском взятии».[120] Он восходит к той же фактической основе, но содержит ряд подробностей и комментариев. Отказ великого князя Дмитрия «стати в лице самого царя» предваряется известием, что «слышав… како на него идет сам царь», Дмитрий «нача сбирати воя и совокупляти полки своя, и выеха из града Москвы, хотя ити противу Татар».

«И ту начаша думу думати князь Дмитрии и с прочими князи Русскими, и с воеводами, и з думцами, и с вельможами, и з боярами старейшими». Тут-то и «обретеся раздно в князех и не хотяху пособля-

[120]ПСРЛ. Т. 4/1. С. 326–339.

ти друг другу». Именно после этого «познав и разумев и рассмотрев» это «неединачество по неимоверьству» (т. е. по отсутствии веры друг другу) великий князь и принял роковое решение об отказе «стати противу царя» и, оставив столицу, удалился в Кострому. Таким образом, по этой версии, отказ «стати противу царя» был вызван не благоговением перед ним, а реальными обстоятельствами — распадом союза князей.

Далее подробно и красочно рассказывается об осаде и взятии Москвы, как и в Рог. летописи, но с большей экспрессией и без каких-либо новых реалий. Допущена только путаница в датах. Татары подошли к Москве 22 августа, в понедельник, а взяли ее 26 августа, в четверг (на самом деле, 22 августа приходилось на пятницу, а 26 августа — на вторник). Рассказ о нападении на другие города дан как в Рог., но опять же с гораздо большей экспрессией и подробностями, а к числу городов, подвергшихся нападению, добавляются Владимир и Юрьев.

Моск. летопись содержит рассказ, близкий в Новг. IV, но в сокращенном виде. Как и в Новг., решение великого князя отказаться от битвы и уйти в Кострому объясняется «неодиначеством» князей.

Итак, в нашем распоряжении источники, дающие возможность в общих чертах реконструировать реальный ход событий.

Нападение Тохтамыша не было в полном смысле неожиданным — о нем были получены известия за некоторое время до его начала. Из двух версий, объясняющих причину отказа великого князя Дмитрия от борьбы с «царем», на мой взгляд, следует предпочесть ту, которая содержится в Новг. (а затем и в других летописях). Не благоговение перед «царем», а реально сложившаяся обстановка продиктовала поведение великого князя, коренным образом расходившееся с его же поведением за два года до этого. Великий князь, видимо, первоначально хотел повторить опыт кампании 1380 г. — собрав силы, ударить по противнику, не допуская его до русских пределов. Однако в князьях «обретеся разность... не хотяху помогати... бывшу же промеж ими неодиначьству и неимоверьству».

Как и в 1380 г., великий князь Дмитрий стремился, по-видимому, к активным действиям. Такой образ действий подсказывался объективными условиями. Достаточно прочную оборону на линии Оки можно было создать только при условии надежного обеспечения ее флангов, в частности левого (восточного). Но суздальско-нижегородские князья изменили, а Олег Рязанский, перейдя на сторону хана, «указа ему [хану] вся броды на реке Оце».

Отсутствие «одиначества» между князьями и невозможность со-

здать прочную оборону на Оке делали неизбежным отход в глубь страны.

В этих условиях единственной возможностью было, как и в 1370 г., во время войны с Ольгердом, организовать стойкую оборону Москвы, опираясь на ее мощные укрепления, и тем самым сковать главные силы противника, а войска князя Владимира использовать для действий по флангам и тылам.[121] Если так и было задумано, то, во всяком случае, реализовать этот замысел не удалось: было потеряно управление войсками со стороны главного командования, т. е. отсутствовала какая-либо связь между отдельными силами, а главное звено этого возможного плана — оборона Москвы — оказалось непрочным. Нет никаких данных о воеводах, которым была поручена оборона столицы. В городе были «людие смущены, яко овца, не имуща пастыря».

Перед нами — факт крупного стратегического поражения великого князя Дмитрия. Его главной ошибкой было оставление Москвы без твердой организации ее обороны. Но глубинная причина катастрофы в кампании 1382 г. — не на стратегическом, а на политическом уровне. Союз князей, главная опора внешней политики великого князя Дмитрия, показал свою несостоятельность как форма политической организации Русской земли. Объективных условий для эффективного противодействия ордынским нашествиям еще не существовало — не было механизма для организации такого противодействия.

Под 6906 (1397/98) г. Рог. летописец помещает известие: «приходил Темир-Аксак Шарахманьский на Русскую землю, и князь великий Василей Дмитриевич ходил противу ратию и стоял на Оце. А князь Владимер Андреевич седел во граде Москве в осаде. Темирь Аксак, дошед Елча, возвратися всвояси, и бысть во граде Москве радость велика».[122]

В московских летописях известие о нашествии Тимура отнесено к 6903 (1395) г. и изложено совсем по-другому. В центре внимания — не само нашествие, а перенесение чудотворной иконы Божьей Матери из Владимира в Москву. О военных действиях сказано только, что, узнав о приближении Тимура, великий князь Василий «поиде с Москвы на Коломну и ста на брезе у реки Оки». Сам же Темир, разорив Елец, стоял две недели на одном и том же месте, но (в день прибытия в Москву иконы Божьей Матери) быстро ушел в степи.[123]

---

[121] ПСРЛ. Т. 25. С. 186; Т. 11. С. 14.
[122] ПСРЛ. Т. 15. Стб. 165.
[123] ПСРЛ. Т. 25. С. 222.

Моск. летопись не противоречит Рог., но и не совпадает с ней. Видны два расхождения: Моск. летопись ничего не говорит о князе Владимире Андреевиче, сидящем в Москве в осаде, но уточняет место расположения великокняжеских войск на Оке — это район Коломны, кратчайший путь от Оки к Москве. Ввиду отсутствия противоречий возможна компиляция обоих рассказов: князь Владимир мог сидеть в Москве в осаде, а великий князь с войсками — стоять на Оке у Коломны. Если принять эту компиляцию (конечно, достаточно гипотетическую), то в общих чертах вырисовывается схема обороны от нашествия. Она включает два основных элемента — защиту переправы через Оку и организацию обороны столицы, опираясь на ее укрепления. Это могло быть результатом осмысления неудачного опыта 1382 г.

В первом договоре великого князя Василия Дмитриевича с князем Владимиром Андреевичем (1390 г.) впервые устанавливается: «Оже ми, брате, самому сести в городе, а тобе ми послати из города, и тобе оставити свои княгини и свои дети, и свои бояре. А будет ми тобе оставити в городе, а самому ехати из города, и мне, брате, оставити свою мати, и свою братью молодшюю, и свои бояре».[124] Это именно та схема, которая вырисовывается из известий Рог.-Сим.

Серьезным испытанием для системы обороны южного рубежа стало нашествие Едигея. По словам Моск. летописи, зимой 1408/09 г. «некоторый князь Ордынский, именем Едигей, повелением Булата царя прииде на Русскую землю, а с ним 4 цесаревича и мнози князи Татарьстии... се же слышав, князь великий Василий Дмитриевич не стал на бой противу татар, но отъеха вборзе на Кострому».[125]

1 декабря Едигей подошел к Москве и распустил свои войска «по всему великому княжению». «И не остася таково места, иде же не были Татарове».

«Град же Москва в печали велице бысть, вои обстоим, а людие в них затворишася. Посад же около его сами пожгоша, боящееся примета. В граде бо бяше затворился с ними князь Володимер Андреевичь, братья великого князя, и мнози бояря, с ними и епискипы, и весь священический чин, и многое множество народа... от многих бо град и стран збегошася твердости ради градные».

По словам летописного рассказа, Едигей «хотя и зимовати туто, похваляшася град взяти хотяше».

Однако в Орде произошли смуты, и царь Булат «в ужасе зело быв»

[124] ДДГ. №13. С. 38.
[125] ПСРЛ. Т. 25. С. 238.

потребовал от Едигея срочно вернуться в Орду. 20 декабря Едигей снял осаду и отступил, получив от Москвы откуп в 3 тыс. рублей.

Страна была разорена «от земли Рязанские и до Галича и до Белоозера, всех бо подвизашеся и вси смутишася». В числе взятых и разоренных городов летописец конкретно называет Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Новгород Нижний и Городец.

Наиболее подробный рассказ об этом нашествии читается в Никон. летописи, соединившей в себе ряд более ранних рассказов.[126]

Едигей разжигал вражду между великим князем Василием и Витовтом Литовским и, обещая Василию свою помощь, втайне подготовил нападение на него. Нападение было внезапным. «Князь великий... не успе ни мало воинства собрати, и тако град осади (т.е. подготовил Москву к осаде. — *Ю. А.*) и в нем остави дядю своего князя Володимера Андреевича... и братью свою... и воеводы, и многая множество народа, а сам с княгинею своею и з детми отъеха на Кострому». Едигей осадил Москву, но близко подойти не решился, «пристроения ради градного и стреляния со града». По словам летописца, при отступлении Едигей заявил своей дружине: «... вскоре отъидем во Орду, да не царства лишимся ... а зде князь великий Василей собрався, нас победит, что створим тогда?»

Рассказ Никон. летописи отличается большей эмоциональностью (красочно описываются бедствия москвичей и т. п.), но фактически содержит те же реалии. Существенно важным является только описание обстоятельств начала нашествия — двуличие Едигея обеспечило ему внезапность, именно поэтому великий князь не успел собрать войска и был вынужден поспешно «отъехать» на Кострому.

Известные нам рассказы о нашествии Едигея носят в основном нарративный характер. В распоряжении летописца могли быть какие-то официальные данные о начале и конце нашествия, о плененных городах и т. п., но в его руках они подверглись сильной литературной обработке и свой документальный характер потеряли. Не видно следов ни дневниковых, ни разрядных записей. Перед нами — летописная повесть, основанная на некоторых реальных фактах. Тем не менее из этой повести можно сделать определенные выводы.

Между событиями 1408 и 1382 гг. много общего. Внезапность нападения, неготовность войск к отражению его, поспешный отъезд великого князя из столицы в далекую Кострому, разорение страны татарскими отрядами, не встречавшими, по-видимому, организованно-

[126]ПСРЛ. Т. 11. С. 203.

го сопротивления (это особенно подчеркивает Никон.). Ни в том, ни в другом случае оборона линии Оки не сыграла никакой роли и, по всей вероятности, просто не функционировала. Наряду с этим заметно и важное отличие. В 1408 г. Москва не была брошена на произвол судьбы, а приготовлена к обороне, во главе которой был поставлен опытный и авторитетный военачальник. Именно поэтому Едигею, в отличие от Тохтамыша, взять Москву не удалось.

Тем не менее кампания 1408 г. — крупное поражение великого княжества Московского, затормозившее его дальнейшее усиление и развитие.

В военном отношении кампания осени 1408 г. показала, что отсутствие обороны берега Оки если и не приводит к падению Москвы, то, во всяком случае, ведет к масштабному разорению всей страны на глубину в сотни километров. Из двух элементов обороны, наметившихся в начале великокняжения Василия Дмитриевича, на высоте оказался только один — оборона самой столицы, т. е. пассивная ее оборона, не поддержанная какими-либо силами извне. Каких-либо признаков существования главного командования, т. е. попыток организации взаимодействия сил, обороны отдельных городов и т. п., незаметно. Великий князь, покинув свои войска и свою столицу, теряет все нити управления и лишается какой-либо возможности влиять на ход событий.

Во всяком случае, можно констатировать, что достаточно надежной системы обороны на южном стратегическом, т. е. противоордынском, направлении в то время не существовало.

В реальных условиях начала XV в. в результате ослабления великого княжества Московского опасность грозила не только с юга, из Поля, но и с востока — на Нижегородско-Владимирском направлении, где располагалось враждебное Москве Нижегородское княжество.

Об этом свидетельствует факт дерзкого безнаказанного нападения совместного татарско-русского отряда царевича Талычи и нижегородского боярина Семена Карамышева на Владимир в июле 6918 (1410/11) г. Отряд в триста человек прошел «лесом безвестно» по Клязьме, захватил врасплох и разграбил формальную столицу Русской земли. Воеводы Щока в городе не было, не было ни дозорной службы, ни какого-либо сопротивления налетчикам.[127] Восточное стратегическое направление оказалось совершенно беззащитным. Об уязвимости восточного фронта свидетельствовали и позднейшие со-

[127] ПСРЛ. Т. 25. С. 240.

бытия. Так, в 1428 г., по данным Моск. летописи, татары напали на Галич, города не взяли, но землю разорили, в том же году они напали на Кострому, но были отбиты.[128] Уст. летопись сообщает также о нападении на Лух и Плесо.[129]

В 1431 г. нападению подвергся Нижний Новгород.[130] Эти нападения приносили материальный ущерб и создавали напряженную обстановку на всем восточном фронте шириною в сотни верст.

Обстановка на восточном направлении резко ухудшилась в конце 30-х гг., когда изгнанный из Большой Орды хан Улу-Мухаммед (Махмут в русских летописях) перенес свою ставку на русскую окраину. В декабре 1437 г. он разбил русских князей в бою под Белевом,[131] а через полтора года появился под стенами Москвы. Это было первое за тридцать лет после Едигея нападение на русскую столицу.

Нашествие это отражено в Моск. летописи чрезвычайно скупо.

«Месяца Июля в 3 в пяток прииде к Москве царь Махмут со многими силами безвестно. Князь же великий въсхоте ити противу ему. Но не поспе събратися. Пошед же пакы и виде мало своих, и возвратися, и иде за Волгу. А на Москве оставиша воеводу своего князя Юрия Патрикеевича с бесчисленным христиан множеством. Царь же пришед под Москву и стояв 10 дней и поиде прочь, граду не успев ничтоже. А зла много учини земли Русской и идучи назад, досталь Коломны пожегл (Коломна уже горела в апреле того же года. — *Ю. А.*) и людей множество плени, а иных изекл».[132]

Ерм. летопись добавляет: «Князь великий, совокупишася с братьею в Переславле и посади на Москве князя Дмитрея Меншего, а сам поживе в Переславле и в Ростове до зимы, бе бо посады пождьжены от Татар, и люди посечены, и смрад велик от них».

Основным фактом является внезапное нападение и неготовность великокняжеского войска к его отражению. Повторилась схема, уже испробованная при нашествии Едигея, — великий князь идет «за Волгу», и оборона Москвы возлагается на воеводу. Результаты были аналогичны: столицу удалось отстоять, но значительная часть страны была разорена. Все недостатки этой системы обороны полностью проявились: она не смогла предотвратить разорение страны. Основной причиной этого было, очевидно, отсутствие боеготовых войск — их не уда-

[128]ПСРЛ. Т. 25. С. 248; Т. 26. С. 186.
[129]ПСРЛ. Т. 37. С. 84.
[130]ПСРЛ. Т. 25. С. 248.
[131]Там же. С. 260.
[132]ПСРЛ. Т. 12. С. 30; Т. 27. С. 107.

лось собрать вследствие внезапности нашествия. А эта внезапность, в свою очередь, определялась отсутствием оперативной разведки, дозорной и сторожевой службы на вероятном направлении движения противника.

Мобилизация служилого ополчения занимала длительное время. Об этом свидетельствуют данные о кампании 1445 г. против сыновей Улу-Мухаммеда на Нижегородско-Суздальском направлении. Великий князь Василий двинулся из Москвы в поход 23 мая («заговев Петрово заговенье»). 29 июня он был еще в Юрьеве, в 150 верстах от Москвы. Такую медлительность можно объяснить только тем, что шел сбор войск, распущенных по домам после зимнего похода. Действительно, когда 6 июля в Суздале (45 верст от Юрьева к востоку) он сделал смотр своим войскам, их оказалось не более тысячи. В таких условиях решающее значение приобретали, во-первых, своевременная информация о движении противника к рубежам Русской земли, во-вторых, наличие ядра боеготовых войск на основном направлении.

Летом 1449 г. «скорые Татарове Седиахматовы (т. е. Большой Орды. — *Ю. А.*) догоняли до Пахры, и княгиню князя Василия Оболенского тогда взяли, и много зла учинили...». Ордынские татары перешли Оку и совершили глубокий рейд, вассальный татарский царевич Касым, «иде противу сех из Звенигорода», их «бил и полон отымал, они же, видев то, бежаша назад».[133] В обороне южного рубежа впервые появился новый элемент — вассальная татарская конница с ее высокими маневренными и боевыми качествами. Однако линию Оки отстоять не удалось. В 1450 г., находясь в Коломне, великий князь Василий узнал, что к русскому рубежу идет с Поля ордынский улан Малым-Бердей и «иные с ним князи со многими Татары. Князь же великий посла противу их царевича своего с Татары, да с ним воеводу своего Константина Александровича Беззубцева с Коломничи». Малым-Бердей бежал в Поле и был разбит на Битюге (приток Дона). Это было знаменательным успехом совместных действий русской и татарской конницы, выехавшей в открытую степь далеко от русского рубежа. В событиях 1450 г. можно видеть своевременную и правильную реакцию великокняжеского командования на обстановку. Однако речь шла о сравнительно небольшом нападении. Более серьезные испытания были впереди.

Летом 1451 г. «прииде весть к великому князю, что идет на него

[133] ПСРЛ. Т. 25. С. 270.

изгоном из Седи-Ахметовой Орды царевич Мазовша и поиде противу ему к Коломне, не успев събратися. Бывшу же ему близ Брашевы, и прииде весть ему, что уже Татарове близ Берега, и князь великий воротися к Москве, а что с ним людей было, тех всех отпусти к Берегу с воеводою князем Иваном Звенигородским, чтобы не толь борзо перевезлися реку Оку. Он же, убоявся, вернуся назад иным путем, а не за великим князем. Князь же великий взем Петров день на Москве, и град осадив, посади в нем матерь свою... да сына своего князь Юрья, и множество бояр и детей боярских... да сам изыде из Москвы и с сыном своим великим князем Иваном».

Не встречая никакого сопротивления на берегу Оки, татары утром 2 июля подошли к Москве, пожгли посады и фактически начали штурм города, «приступая ко всем вратам и где несть крепости каменные». Но ночью татары неожиданно сняли осаду и отступили.[134] Москва была спасена, но вся система и тактика обороны южного рубежа еще раз показали свою несостоятельность. Не только на Берегу, но и у великого князя не было боеготовых войск, оборона переправ возлагалась на войска, выдвигавшиеся из глубины и не готовые к серьезному столкновению с противником. По буквальному смыслу летописного известия, на эти войска была возложена задача только замедлить переправу татарских сил, т. е. задача, ограниченная по своему значению. В этих условиях прорыв к Москве и вглубь страны был неизбежен. Никаких данных об организации обороны в глубине страны нет, по всей вероятности, такой организации и не было. Ничего не слышно и о маневренных отрядах вассальной конницы, видимо, она еще не стала необходимым составным элементом обороны Берега. За 70 лет после нашествия Тохтамыша принципиальных изменений в обороне южного рубежа незаметно.

Горький опыт трех нашествий показал, что защита Берега — существенно важный элемент обороны южного направления. Неудержание Берега влечет за собой вторжение во внутренние уезды и разорение страны (1382, 1408, 1439, 1451 гг.).

Защита Москвы — второй важнейший элемент обороны. При нашествиях Едигея, Улу-Мухаммеда и Мазовши оборона Москвы оказалась достаточно стойкой, что позволило сохранить моральный, политический, экономический и культурный центр страны.

Организации обороны внутри страны — важнейшей функции главного командования — не видно ни в одной кампании. Отступление от

[134] Там же. С. 271–272.

Берега и оставление великим князем Москвы во всех случаях ведет к потере управления страной и войсками.

Оборона Берега возможна только при наличии боеготовых войск, заранее развернутых на позициях.

Во всех случаях необходима хорошо поставленная разведка — своевременное раскрытие замыслов противника.

Под 1455 (6963) годом Моск. летопись сообщает о новом нападении ордынских татар. Они «перевезешася Оку ниже Коломны». Но великий князь послал «противу их князя Ивана Юрьевича со многими вой... и бысть им бой и одолеша христиане татаром».[135] Помешать переправе — защитить Берег в прямом смысле — не удалось, но перешедшие реку ордынцы были атакованы и разбиты, очевидно, конным отрядом.

В 1459 г. снова «татарове Седи-Ахметовы похвалився на Русь пошли». На этот раз великий князь Василий «отпустил противу их к Берегу сына своего великого князя Ивана со многими силами. Пришедшим же Татаром к Берегу, и не перепусти их князь великий, отбиша от них, они же побегоша».

Это известие заслуживает внимания. По буквальному его смыслу, на этот раз, в отличие от 1449, 1450 и 1455 гг., татарам не удалось перейти Оку. Подобное событие зафиксировано источниками впервые. Удалось создать эффективную оборону на месте переправы ордынцев и своевременно выдвинуть сюда достаточно крупные силы. О масштабах этой операции свидетельствует, что во главе этих сил стоял сам великий князь — наследник-соправитель. О значении, которое придавалось победе над татарами, говорит тот факт, что по этому случаю митрополит Иона «поставил церковь камену Похвалы Богородицы» — придел Успенского собора в Кремле.[136] Первая успешная защита Берега, сопровождаемая победой над ордынцами, воспринималась как далеко не ординарное событие.

В следующем, 1460 году, новый хан Ахмат напал на Рязань, но был отражен горожанами.[137] Участие московских войск в этом событии не упоминается, но оно вполне возможно: с 1456 г. малолетний рязанский князь был под протекторатом Москвы, и великий князь Василий «на Рязань посла наместники свои и на прочая грады его и на власти».[138]

[135]Там же. С. 273.
[136]Там же. С. 276.
[137]Там же. С. 277.
[138]Там же. С. 279.

Следует обратить внимание на известие Соф. II летописи: рассказав о бегстве татар после поражения под Рязанью, она далее пишет: «... и князь великий Иван тогда стоял у Брега со многими людьми».

Известие уникально — оно встречается только в Воскресенском списке Соф. II.[139] Эта вставка в оригинал Соф. II (Архивский список) не попала и в других летописях не отразилась. Но не исключено, что она упоминает о подлинном событии — сосредоточении московских войск на Берегу во главе с великим князем Иваном. В условиях нападения Ахмата на Рязань, в непосредственной близости от пределов великого княжения Московского (Рязань — всего в 70 верстах от Коломны, основного оборонительного пункта на Оке) такое сосредоточение войск было вполне возможным и целесообразным.

К этому же примерно времени (1455–1462 гг.) относится и первое в известных источниках упоминание о службе на Берегу как особой государственной повинности. Великий князь Василий Васильевич дал игумену Троице-Сергиева монастыря Вассиану грамоту на монастырские земли в Угличском уезде: «... которые люди от них вышли из их сел... сего лета, не хотя ехати на мою службу, великого князя, к Берегу, и яз, князь великий... велел... те люди вывести опять назад».[140]

Значение этого упоминания трудно переоценить. На береговую службу призывались крестьяне из привилегированных монастырских сел далекого от Оки Угличского уезда. Тем более, надо полагать, эта обязанность возлагалась на население более близких, приграничных уездов. Эта повинность была, видимо, новая, недавно введенная — она не входила в стандартный формуляр великокняжеских податей и пошлин, перечисляемых в каждой жалованной грамоте.

Привлечение вассальных татарских царевичей к участию в отражении нашествия с юга, введение особой повинности для населения — это новые элементы в системе обороны Берега, впервые наметившиеся в 50-х гг. (с этим связана и активизация системы обороны, особенно проявившаяся в кампании 1459 г.). Эти новые элементы нуждались в серьезной проверке. Такой проверкой стало первое нашествие Ахмата — первое со времен Тохтамыша нападение на Русскую землю главных сил Большой Орды.

Сравнение кампании 1472 г. на Оке с предыдущими попытками отражения ордынских нашествий позволяет сделать некоторые выводы.

Рассказ Моск. летописи о кампании 1472 г. основан на докумен-

[139] ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 130. Примеч. 79.
[140] АСВР. Т. 1. № 265. С. 192.

тальных источниках в значительно большей мере, чем рассказы о нашествиях Тохтамыша и Едигея. Эти источники — разрядные и дневниковые записи. Значительную роль играют источники частного происхождения — рассказы очевидцев и участников. Однако они накладываются на фактологическую сетку, позаимствованную из документальных источников.

Рост значения документальных (официальных) источников в летописном повествовании может свидетельствовать о развитии соответствующих ведомств, и это — важное отличие кампании 1472 г. от предыдущих. Однако главное — в содержании самих событий.

В отличие от всех предыдущих кампаний (кроме кампании 1459 г., в которой сам хан, видимо, не участвовал), на Оке была создана прочная оборонительная линия, прикрытая большим количеством войск. Впервые хан Большой Орды не решился вступить в сражение с русскими войсками и отступил в степь, признав свое поражение. Система обороны на Оке надежно защитила русские земли от нового разорения.

Основным фактором, обеспечившим победу на Оке, следует признать действенную роль главного командования (ГК). Оно сумело своевременно выдвинуть силы для занятия обороны по Оке. Оборона, по-видимому, носила эшелонированный характер — войска выдвигались из глубины на наиболее важные направления.

Ошибкой первоначального развертывания была недооценка правого фланга оборонительной линии — района Алексина, который не был своевременно подготовлен к обороне. Однако эта ошибка была быстро исправлена выдвижением войск из глубины и рокировкой их по фронту. Героическая оборона Алексина силами его горожан также сыграла свою роль, задержав попытки форсирования Оки Ахматом, что позволило сосредоточить войска для отражения переправы в уязвимом пункте русской обороны.

Можно отметить инициативные действия удельных князей со своими полками — они сыграли главную роль в отражении форсирования в районе Алексина и не дали татарам развить первоначальный успех.

Однако решающую роль в победе на Оке сыграло общее оперативно-стратегическое руководство. Обращает на себя внимание, что сам великий князь, фактически осуществлявший функции ГК, в 1472 г. вел себя совсем не так, как при прежних нашествиях вели себя его предшественники. Он, по-видимому, не исключал возможности прорыва татарских отрядов к Москве, потому и отправил свою мать и сына-наследника в более безопасное место. Но сам он из Москвы от-

правился не за Волгу, а на Оку — к главным силам своего войска, собранным у Коломны. Это давало возможность реального управления войсками, которое непрерывно находилось в руках ГК. Именно оно обеспечило и развертывание войск, и их рокировку; оно определило общий характер операции как оборонительной на широком фронте без попыток перехода в наступление и преследования противника. Этим достигались наименьший возможный риск и наибольшая сохранность войск, что в данной ситуации представляется наиболее целесообразным.

Организация прочной обороны на Оке и сама мобилизация основной массы служилого (а по всей вероятности, и земского) ополчения были возможны только в результате укрепления государственной системы, политической власти великого князя Московского. Фактическая ликвидация княжеских усобиц, союз с Тверью, протекторат над Рязанью обеспечивали политический тыл русского войска.

Сосредоточение главных сил на южном стратегическом направлении стало возможным только после решительной победы над новгородскими сепаратистами, что обеспечило относительную стабильность на северо-западном направлении, и победы над Казанью, что обеспечило левый, восточный фланг стратегической операции на Оке.

Наиболее опасным оставалось западное направление, откуда могли угрожать войска короля Казимира. Именно в этих условиях было необходимо беречь силы войск, что и было достигнуто в ходе оборонительной операции на Оке — первой победы над Ахматом.

Первая победа над Ахматом имела следствием фактическое ослабление зависимости Русской земли от ордынского хана.[141] Важнейшей причиной этого была возросшая военная мощь Русского государства, продемонстрированная в кампании на Оке.

Победа на Оке отразилась на всем стратегическом положении Русской земли.

ПОХОД 1473 г. НА ПОМОЩЬ ПСКОВУ

К лету 1473 г. переговоры Господина Пскова с магистром «о земле и воде и обо иных обидных долех» зашли в тупик. Псковичи обратились к великому князю «чтобы оборонил и на конь всел за дом Святой Троицы... противу Немец».

Великий князь ответил, что «рад стояти и оборонити дом Святыя

[141] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000. С. 156–163.

Троицы... и на конь всести с всеми силами русскими, а же вас почнут Немци».

На повторный призыв, последовавший в октябре, великий князь ответил вопросом: «В кое время велите отчине моя, силе моей войску у себе бытии?»

И наконец, «месяца Ноября 25... в четверг, приеха в Псков гонец от князя Данилья и от всего войска великого князя, повестуя, что воевода от великого князя князь Данилий Дмитриевич Холъмской и со всем войском и с прочими князи стал на рубеже, а к вам во Псков едет».

Псковичи встретили своих защитников с честью и отвели им место на Завеличье. Князь Холмский прибыл во Псков в день Андрея Первозванного, т. е. 30 ноября (в рукописи ошибочно 1-го), «а преже того и по два дне таки шла сила беспрестанно, воеводы и иные, и князи или дети боярские великого князя Двора или из городов бояре. Бе бо множество их видети, князей единых 22 из городов, из Ростова, из Дмитрова, из Юрьева, из Мурома, из Костромы, из Переяславля и изо иных городов».

После первых жалоб псковичей на грабежи князь Холмский навел порядок, и войска «начаша... приимати пословно как себе корм и хлеб, и вологу и мед, и пиво и конем своим овес и сено. Начаша к ним на Завеличье по черядам вожати и с коньчов».[142]

Внезапно наступившая оттепель сделала поход против Ордена невозможным. Немцы прислали своих делегатов для переговоров о мире.[143]

По словам Моск. летописи, «слышавше же немцы что пришли воеводы великого князя Пскову на помочь со многими людьми, и начаша посылати послы своя в Псков о миру, и мир докончаша на всей воли Псковской на 20 лет».[144]

Бескровный поход 1473 г. не вызвал особого интереса ни у кого, кроме самих псковичей, кровно в нем заинтересованных. Хотя дело обошлось без фактических военных действий, а вернее — именно по этой причине, поход князя Данилы Холмского — важное военно-историческое событие. Орден отступил без боя — само появление во Пскове великокняжеской рати было лучшим аргументом в пользу мира, которого добивались псковичи.

[142]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 193–195.
[143]Казакова. С. 147–149.
[144]ПСРЛ. Т. 25. С. 301; Т. 12. С. 154. Еще короче: Ерм. Т. 23. С. 161.

Поход князя Холмского — по существу операция стратегического масштаба и значения. Была проведена большая мобилизация, именно поэтому поход задержался с августа до ноября. По масштабам этот поход может быть сравним с походом Дмитрия Донского на Новгород в 1386 г., в котором участвовало 30 городовых полков. В 1473 г. неполный перечень городовых полков, приведенный псковским летописцем, свидетельствует, что в походе приняли участие служилые люди среднерусских уездов, расположенных на расстоянии многих сотен километров от Пскова. В походе принимали участие и отряды татарских царевичей — видимо, планировался конный рейд в глубь Ливонии. Но само присутствие русских войск во Пскове сделало этот рейд ненужным — наступил мир.

Мобилизация больших сил со всех концов Русской земли и их марш-маневр к театру предполагаемых военных действий был важнейшей военно-политической акцией, обеспечившей на ряд лет безопасность северо-западного стратегического направления. Сам поход стал возможен благодаря относительному спокойствию на юге и на востоке после победы над Казанью и отражения нашествия Ахмата. Именно это позволило сосредоточить на северо-западном направлении крупную группировку стратегического масштаба.

Поход князя Холмского упрочил московско-псковские отношения — включение Господина Пскова в политическую систему великого княжения. Вместе с тем отсутствие сколько-нибудь подробной официальной информации в Моск. летописи об этом походе свидетельствует, что разрядные записи еще не стали документом важного политического значения, используемым официальным летописцем.

ПОХОД 1477 г.

По данным великокняжеской летописи, решение о походе на Новгород было принято в мае 1477 г., после того как послы великого князя в Новгороде доложили о мятеже на вече, где были убиты сторонники великого князя, а противники его «взбесневша, аки пьянии... и к королю паки всхотеша».[145]

Как и в 1471 г., походу предшествовала идеологическая подготовка.

Великий князь «приходит ко отцу своему, митрополиту Геронтию, възвещая ему Новгородское преступление крестного целования». «То же возвещает и матери своей, и братии своей и бояром, и воеводам

[145] ПСРЛ. Т. 25. С. 310.

своим, и възверже оттоля на Новгород гнев свой». По благословению митрополита «и еже о нем священного собора архиепископ и епископ и всего священнического чина тако же и советом матери своея и молитвою, и братии своея думою и бояр своих и князей и воевод», великий князь «въоружается на свою отчину, на отступников и крестного целования преступников». Следует посещение монастырей и церквей и рассылка милостыни «по соборным церквам и монастырем и по всем церквам».

Из военно-политических мероприятий упоминается только, что великий князь «посылает... в Тферь к великому князю Михаилу прося у него помочи на Новгород». И Михаил Тверской «ни мало ослушася посылает князя Михаила Федоровича Микулинского со многими вои своими». Посылает великий князь «... братии своей... тогда сущей уже в своих отчинах веля им идти коемуждо от себя к Новугороду».

Таким образом, как и в 1471 г., поход на Новгород должен был носить характер общерусской борьбы за правое дело под водительством великого князя.

Формальное объявление войны последовало 30 сентября, когда в Новгород была послана складная грамота с подъячим Родионом Богомоловым.

Поход великого князя начался 9 октября «в четверток, на память святого апостола Иакова Алфеева». С этого времени начинаются записи походного дневника (ПД).

Великий князь «сына своего великого князя Ивана остави на Москве». Вместе с великим князем в поход «вышел брат его князь Андрей Меньшой». Следует распоряжение: «Даньяру царевичю Касымову сыну велел (великий князь. — *Ю. А.*) идти на Клин наперед себя за 4 дни, да ко Твери, да к Торжьку». Татарская конница составила, таким образом, первый эшелон войск.

Сам великий князь шел на Волок, «с ним и братиа его князь Андрей Меньшой». «Обедни слушал князь великий на Волоце октября 14, да ел и пил у брата своего князя Бориса».

На Волоке же прибыл к великому князю «хидырщик», посланный Михаилом Тверским «отдавати нормы по отчине своей», т. е. обеспечивать продовольствием войска великого князя при их движении по Тверской земле. От Волока великий князь пошел на Торжок через Микулин, а Андрей Меньшой — через Старицу. В обоих случаях великокняжеские войска шли по Тверской земле, оставляя Тверь справа, т. е. обходя ее с запада. На первом стану от Волока, в Лотошине, ве-

ликого князя встретил от имени Михаила Тверского князь Андрей Борисович Микулинский, «звати хлеба ести».

16 октября великий князь получил донесение от своего наместника в Торжке о прибытии в Торжок новгородского посланца просить об «опасе» для начала переговоров. Раньше этого, еще до начала похода, в Торжок прибыл с той же просьбой Федор Калитин, староста Даньславской улицы.

Обоих посланцев велено было держать в Торжке до приезда великого князя.

19 октября, воскресенье. Великий князь въехал в Торжок и принял здесь двух новгородских бояр, которые били ему челом в службу.

21 октября, вторник. Великий князь отпустил из Торжка князя Василия Васильевича Шуйского воеводой и наместником на Псков, «а Пскову князем», по челобитью псковичей.

23 октября. «Выехал князь великий из Торжка, а пошел ратью на Новгород, а шел от Торжка на Волок (Вышний Волочек. — *Ю. А.*), а оттоле меж Яжелбицкой дороги и Мсты».

Здесь же были отданы новые распоряжения.

Царевичу Даньяру «ити от Торжку по за Мсте, и с ним воевода великого князя Василий Образец з Борисовичи».[146]

«А по своей стороне Мсты велел ити князю Данилу Холмскому, а с им дети боярские Двора его многы, да Володимерцы, да Переяславци, и Костромичи вси.

Да тою же дорогою велел ити боярам своим и тверичем, Григорию и Ивану Никитичем, с Дмитровци и Кашинци, которые служат великому князю.

А по правую же себя велел ити межи свое дороги и Мсты князю Семену Ивановичю Ряполовскому, а с ним Суздальци и Юрьевци.

А по левой руке от себя из Торжьку на Демон брату своему князю Андрею Меньшому, а с ним воевода великого князя Василей Сабуров с Ростовци и Ярославци, и Угличаны, и Бежичаны, и которые служат великому князю, и матери своей воеводе Семену Федоровичю ити Пешку с Двором ее с ним же ити велел.

А межи Демонскые дороги и Яжелбицкые велел ити князю Александру Васильевичу да князю Борису Михайловичю Оболенским, а со князем Александром Колужане и Олексинци и Серпуховичи, Хотуничи, и Москвичи, и Радонежци, да Новаторжци, Берновы и Глуховы,

[146]Это распоряжение читается только в ПД, приводимом Моск. летописью, и других летописях великокняжеского цикла, а в разрядные книги известных нам редакций не вошло.

а со князем Борисом Можайцы, Волочане и Звенигородци и Ружане, которые служат великому князю.

А по Яжелобитцкой дорозе велел ити Федору Давыдовичу, а с ним дети боярские из Двора великого князя, да Коломничи все.

А по той же дорозе велел ити князю Ивану Васильевичю Оболенскому, а с ним братия его, все Оболенские князи, да и многие великого князя Двора, дети боярские».

Перед нами — фактически разрядная запись (РЗ), включенная в ПД. Это свидетельствует о тесной связи составителей обоих документов — об их принадлежности к канцелярии великого князя, из которой функциональные ведомства еще не выделились как органические самостоятельные структуры.

По существу своему запись от 23 октября рисует состав и организацию великокняжеского войска и операционные направления похода.

Организационно войска имеют две ступени. Низшую составляют территориальные (городовые) подразделения, создаваемые в ходе мобилизации. Высшую — оперативные соединения, формируемые согласно разрядным записям. Двадцать семь территориальных частей (полков) сводятся в восемь оперативных соединений во главе с воеводами, назначенными великим князем. Каждое из этих соединений имеет самостоятельный маршрут движения.

Войска идут в общем направлении на Новгород несколькими параллельными колоннами. В результате этого значительно ускоряется общий темп движения, зоной боевых действий сразу охватывается большая территория противника, а сосредоточение неприятельских сил для отпора затрудняется.

При назначении маршрутов могли преследоваться определенные оперативные цели.

Отправка конницы на правый берег Мсты могла иметь целью:

— разорение вражеской территории;

— недопущение подхода к Новгороду сил из восточной части его владений (Бежецкая пятина);

— обеспечение возможности переправы главных сил через Мсту, если в этом возникнет потребность.

Татарская конница царевича Даньяра идет на правом фланге — за Мстой. При Даньяре — воеводы великого князя, осуществляющие, вероятно, функции контроля над царевичем.

Воевода Василий Образец идет, очевидно, во главе конного отряда, сопоставимого по маневренности с татарской конницей. Кто же входит в состав этого отряда? Текст, читаемый в Моск. летописи, вызывает

удивление: во всех остальных случаях запись от 23 октября после имени воеводы перечисляет названия городовых полков, отданных под его начало.

В тексте ПД, приведенном в Соф. II, в соответствующем месте читаем: «Василий Образец с Боровичи»,[147] т. е., как обычно, приводится название территориального полка.

В Никон. летописи: «Василий Образец Борисовичъ»,[148] что явно неверно: Василий Образец имел отчество «Федорович».[149] В первоначальном тексте, по-видимому, было написано «Боровичи», что и воспроизвел писец Соф. II. Переписчики же великокняжеской летописи, т.е. летописи по Уваровскому списку, и Никон. при передаче текста сделали ошибку — каждый свою.

Левее Мсты идет соединение князя Данилы Холмского, в состав которого, по-видимому, входит большая часть Двора и три городовых полка из коренных великокняжеских уездов. Эти силы возглавляются лучшим воеводой. С этими же силами следуют тверские бояре, только что перешедшие на службу великому князю, и служилые люди из недавно присоединенного Дмитрова,[150] а также тверского Кашина, перешедшие на великокняжескую службу.

Это последнее явление представляет большой интерес. Тверское великое княжение формально сохраняло свою независимость и в походе 1477 г. выступало в союзе с великим князем. Но в Кашинском уезде уже есть дети боярские, которые служат не своим князьям, а непосредственно великому князю Московскому. Докончания между Тверью и Москвой такой возможности не предусматривают. Издавна сложившаяся формула союзного договора между Москвой и Тверью, повторенная в очередной раз в докончании великого князя Ивана Васильевича с Михаилом Тверским (не позднее 1464 г.), исходит из идеи территориальной целостности Тверского великого княжения: «А которые земли и воды потягли к нашей отчине, ко Тфери и к Кашину... того ти, брате, подо мною... не искати... ни... под моими детьми... ни под нашею братьею меньшою». Союз между великими князьями Тверским и Московским формулируется в самом общем виде и строго симмет-

[147] ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 256.

[148] ПСРЛ. Т. 12. С. 172.

[149] См., напр.: Зимин. С. 220.

[150] Дмитровский удел был по духовной грамоте Дмитрия Донского дан его четвертому сыну Петру, после его смерти в 1432 г. несколько раз переходил из рук в руки (к галицким и серпуховским князьям); по духовной Василия Темного в 1462 г. достался его сыну Юрию, а после его кончины в 1472 г. снова вошел в состав владений великого князя.

ричен «быти... нам... заодин... на всякого на нашего недруга». В случае нападения «царя» или «рати татарской» требовалось «помочь послати вправду, без хитрости». В случае нападения Литвы, ляхов или немцев надлежало союзному великому князю «самому на конь всести и своею братьею молодшею».[151]

Однако за время после этого докончания в реальной действительности произошли большие перемены. Весной 1476 г. Моск. летопись отмечает переход на службу великому князю большой группы тверских служилых людей.[152] Не с этим ли событием связана коммендация кашинских детей боярских? Во всяком случае, она свидетельствует — как и переход тверских бояр — об ослаблении военно-служилой организации Тверского великого княжения и соответственно об усилении военной организации великого княжения Московского. Вчерашние тверские бояре идут в поход со служилыми людьми великого князя из тверского Кашинского уезда. Видно, как московская служилая система глубоко проникает внутрь формально независимого Тверского великого княжества.

Между главными силами и Мстой следует соединение князя Ряполовского, составленное из служилых людей старых великокняжеских городов. Все эти силы двигаются в общем направлении на Яжелбицы.

Левую группу, идущую на Демон, возглавляет князь Андрей Меньшой с воеводой великого князя Василием Федоровичем Сабуровым. В состав этого соединения входят служилые люди городов, сравнительно недавно присоединенных к великому княжению (в течение ближайших 10–15 лет), — ростовцы (с 1473 г.) и ярославцы (с 60-х гг.). Вместе с ними идут служилые люди Углицкого и Бежецкого уездов. Эти уезды формально входят в состав удела князя Андрея Большого, но часть местных служилых людей уже коммендировалась великому князю. Это весьма важный факт, свидетельствующий о процессе распада прежних удельно-княжеских служилых корпораций, которые заменяются прямыми связями местных детей боярских с великокняжеской властью.

В этой же группе следует Двор великой княгини Марии Ярославны во главе с ее воеводой — родным братом Василия Сабурова. Во владения великой княгини, как известно, входил Ростов — все ростовцы следуют в поход в одном соединении.

Соединительное звено между левофланговыми силами князя Ан-

[151] ДДГ. № 63. С. 202, 205.
[152] ПСРЛ. Т. 25. С. 308.

дрея Меньшого и главными силами составляет группа князей Оболенских — одиннадцать городовых полков, разделенных между двумя воеводами. Шесть из этих полков, идущих с князем Александром Оболенским, по-видимому, первым воеводой, составлены из служилых людей, давно тянущих к Москве. Исключение составляют новоторжцы — жители пограничного и спорного с Новгородом уезда. Со вторым воеводой, князем Борисом Оболенским, идут служилые люди городов, еще недавно входивших в уделы. Можайск по духовной Дмитрия Донского был дан его третьему сыну, князю Андрею, а после него перешел к старшему из Андреевичей — Ивану. С 1454 г. он непосредственно тянул к Москве, но по духовной великого князя Василия был дан его второму сыну Юрию. Только в 1472 г. Можайск вернулся под власть великого князя. Таким образом, служилые люди Можайска за тридцать лет четыре раза меняли своего сюзерена.

Волок и Звенигород в 1477 г. вообще не входят в состав владений великого князя Ивана, а принадлежат соответственно князю Борису и князю Андрею Большому. Борису же принадлежит и Руза. С князем Борисом Оболенским идут служилые люди этих городов, которые теперь служат не своим князьям, а самому великому князю. Легитимность такого явления издавна признавалась межкняжескими докончаниями: «А которые, брате, бояре и дети боярские служат мне, великому князю... а живут в твоем уделе, и тем ходити со мною, с великим князем, и с нашими воеводами».[153] Признавалось симметричное явление — служилые люди удельного князя, живущие на землях великого князя, идут в поход с воеводою своего князя.[154] Однако фактически это явление было далеко не симметричным. Распространение великокняжеских служилых отношений на земли удельного князя ослабляло суверенность последнего и реально усиливало его зависимость от великого князя. Одновременно оно усиливало военную мощь великого князя и действенность его руководства войсками.

По Яжелбицкой дороге идет воевода Федор Давыдович Хромой, обладающий большим военным опытом, и с ним крупные силы Двора великого князя, а также «вси Коломничи» и Коломенский полк. Связь Федора Давыдовича с этим полком известна еще по кампании 1472 г. против Ахмата, видимо, он был наместником на Коломне. Надо полагать, что по этой дороге, со своим Двором, шел и сам великий князь со своей Ставкой.

---

[153] ДДГ. № 56. С. 170. — Докончание великого князя Василия Васильевича с Василием Серпуховским (до 1456 г.).

[154] Там же.

По той же дороге идут князья Оболенские со своими собственными служилыми людьми во главе с князем Иваном Васильевичем Стригой, видимо, наиболее авторитетным представителем их рода. Перейдя на службу к великому князю еще в XIV в., князья Оболенские сохранили свои уделы, превратившиеся в вотчины с остатками суверенных прав. С ними идут и дети боярские Двора — вероятно, для контроля над удельно-княжескими отрядами.

Великокняжеские войска вступили на Новгородскую землю. Походный дневник продолжает фиксировать события.

27 октября. Великий князь на Вышнем Волочке.

28 октября. Он на Березке.

2 ноября. На стане в Турны. Приехали псковские послы (с известием о пожаре во Пскове). Походный дневник включает текст грамоты, которую привез псковитин Харитон Качалов (в ней представляет интерес титулование великого князя царем): «Господину государю великому князю Ивану Васильевичу, царю всея Руси... По вашему государей наших велению, что есми в другой ряд складную послали к Великому Новугороду, и наши взметчики в Великом Новегороде взметную положили, да и в Псков приехали. И нынеча по нашим грехом весь город Псков выгорел».

Таким образом, выступление войск Господина Пскова составляло, как и в 1471 г., часть плана кампании. Но бедствие, обрушившееся на город (по данным Пск. летописи — 10 октября), спутало все карты и заставило отложить начало похода.

4 ноября. Болблево. Прибытие князя Михаила Федоровича Микулинского с тверскими войсками. Велено идти по дороге за великим князем.

19 ноября на стану на Палинах «князь великий полки уряди, учинил, которому где быти».

Если распоряжения 23 октября могут рассматриваться как походные разряды, то запись 19 ноября фиксирует разряды в полном смысле слова — формирование полков как оперативных соединений: Передового, Правой Руки, Левой Руки и полка великого князя (т. е. Большого полка). «Уряженье» полков проведено на стану, во время похода, так же как это делал (по летописным данным) Дмитрий Донской. Запись об этом «уряжении», т. е. разрядная запись, воспроизведена в ПД.

Запись 19 ноября.

Передовой полк.

Кн. Андрей Меньшой.

Воеводы:

1) Кн. Данило Холмский с Костромичи.

2) Федор Давыдович с Коломничи.

3) Кн. Иван Васильевич Оболенский с Володимерцы.

Правой Руки.

Кн. Андрей Большой.

Воеводы:

1) Тверской воевода кн. Михаил Федорович Микулинский с Тверичи.

2) Воеводы великого князя Григорий и Иван Жито Никитичи с Дмитровцами и Кашинцами.

Левой Руки.

Кн. Борис [Васильевич].

1) Кн. Василий Михайлович Верейский.

2) Воевода княгини Марии Ярославны — Семен Пешок.

«У себя в полку».

1) Кн. Иван Юрьевич и

2) Василий Образец с Боровичи.

3) Кн. Семен Ряполовский с Суздальцы и Юрьевцы.

4) Кн. Александр Васильевич [Оболенский] с Колужане, Олексинцы, Серпуховичи, Хотунцы, Москвичи, Радонежцы, Новоторжцы.

5) Кн. Борис Михайлович Оболенский с Можайцы, Волочане, Звенигородцы, Ружане.

6) Василий Сабуров с Галичане, Ярославцы, Ростовцы, Углечане, Бежане, Переяславцы — все, Муромцы — все — в полку у великого князя.

Различия между росписью 23 октября и разрядами 19 ноября очень небольшие. Оперативные соединения («полки» во главе с воеводами великого князя) были сформированы уже в Торжке, в Палинах они только получили более четкую организацию.

Можно ли проследить какую-то закономерность, какой-то исходный принцип в формировании оперативных полков из территориальных?

В РЗ 19 ноября перечислено всего 30 территориальных полков, сведенных в четыре оперативных полка.

Передовой — П — 3.

Правой Руки — ПР — 3.

Левой Руки — ЛР — 3.

«У себя» — 21.

Такое распределение сил показывает, что на полки П, ПР и ЛР возлагались частные задачи, а основные силы держались компактно, составляя резерв главного командования для решения основных задач.

Передовой полк является передовым эшелоном всего войска. Сюда входят городовые полки самых «коренных» старых городов, тянущих к великому князю на протяжении жизни нескольких поколений. Из трех воевод этого полка двое обладают наибольшим боевым опытом; в частности, в кампаниях 1471 и 1472 гг. Федор Давыдович Хромой был, вероятно, наместником на Коломне — этим, видимо, и объясняется назначение коломничей в Передовой полк. Назначение во главе Передового младшего из братьев великого князя имеет, скорее всего, формальное, титулярное значение.

ПР состоит из служилых людей трех городов. Только один из этих городов — Дмитров — является собственно великокняжеским, и то лишь с недавних (1472) пор. Два других — в политическом отношении с великим князем формально не связаны, это тверские земли. Можно предполагать, что князь Андрей Большой ведет с собой служилых людей своих уездов (кроме тех, которые уже служат великому князю). Из трех воевод этого полка один служит великому князю Тверскому, а двое других — вчерашние тверские бояре, только полтора года назад перешедшие на великокняжескую службу. Такое сосредоточение тверских служилых людей в одном оперативном полку может свидетельствовать о большой степени доверия к ним со стороны великого князя, т. е. о сближении московской и тверской служилых систем.

В состав ЛР включаются полки удельных князей — Василия Верейского и Бориса Волоцкого, а также великой княгини Марии Ярославны во главе с ее воеводой.

Один из предводителей этого полка — князь Василий Верейский, отличившийся в кампании 1472 г. в боях под Алексином.

Две трети городовых полков идут вместе с великим князем. Фактически они составляют то, что в позднейших РЗ называется Большим полком. Во главе этих сил шесть воевод.

Старейший из них — князь Иван Юрьевич Патрикеев, родственник великого князя, известный как воевода еще с 50-х гг., но не имеющий особых боевых заслуг.

Второй воевода, Василий Федорович Образец, непосредственно возглавляет служилых людей Боровского уезда, где, очевидно, он был наместником.[155] Боровск, принадлежавший некогда к Серпуховскому

[155] В качестве наместника он упоминается в 1479 г. (ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 288).

уделу князя Василия Ярославича, а еще ранее — к уделу Ярослава — Афанасия Владимировича, с 1456 г. входит непосредственно в состав великого княжения, и местные служилые люди могли вполне проникнуться традициями великокняжеской службы. Как и коломничи, боровичи идут под начальством своего наместника.

В известных нам случаях во главе городовых полков стоят наместники. Но по какому принципу формируются соединения, состоящие из нескольких городовых полков, остается неясным.

Во всяком случае во главе городовых полков назначались те, кто так или иначе был связан с этим городом (городами) — как наместник или, может быть, крупный вотчинник.

Третий воевода — князь Семен Иванович Ряполовский, возглавляет суздальцев и юрьевцев. Это старые великокняжеские города, густо пропитанные местными удельно-княжескими традициями — Ряполовские, в частности, родовые вотчинники Юрьевского уезда. Сам князь Семен Иванович, по имеющимся данным, был наместником в Суздале.[156] Можно высказать предположение, что территориальный полк князя Семена состоял в какой-то мере из тянувших к его вотчине служилых людей «второго порядка» — его собственных министериалов.

Князь Александр Васильевич Оболенский возглавляет служилых людей семи городов. Четыре из них до середины 50-х гг. входили в Серпуховской удел, но за двадцать лет могли проникнуться традицией великокняжеской службы. (То же можно сказать и о Радонеже.) Как реально формировалась эта традиция, можно представить из рассказа Ерм. летописи о деятельности князя Ивана Васильевича Стриги Оболенского в начале 60-х гг. в Ярославском княжестве. Наместник великого князя производил пересмотр служилых отношений в уезде. Служилые люди делились, очевидно, на две группы. Признанные годными для службы великому князю зачислялись на эту службу, а негодные — лишались своих вотчин.[157] По всей вероятности, такая практика имела широкое распространение, да иначе и быть не могло — у привилегированного вотчинника не было другого выбора, как получить жалованную грамоту на свои владения от нового повелителя — великого князя — и перейти к нему на службу.

Князь Борис Михайлович Оболенский возглавляет служилых людей четырех городов, из которых три входят в удельные княжества, и только Можайск непосредственно тянет к Москве (с 1472 г.).

---

[156] *Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000. С. 160.

[157] ПСРЛ. Т. 23. С. 158. — Здесь он фигурирует как «Иван Огофонович Сущев».

Василий Сабуров ведет служилое ополчение пяти городов, из которых три (Галич, Бежецк и Углич) входят в удел князя Андрея Большого, а два еще недавно были относительно самостоятельными владениями мелких удельных князей.

Наконец, переяславцы и муромцы — служилые люди из старых великокняжеских городов, уже долгое время вовлеченных в великокняжескую служилую систему.

Важнейший вывод, который можно сделать на основании этого обзора служилых людей по городам, — интересы великокняжеской службы превалируют над удельно-княжескими традициями. Служилые отношения, ориентированные на великого князя, пронизывают все уделы и составляют основу всей служилой системы земель, находящихся даже не в прямой, а в косвенной зависимости от великого князя Московского. На формирование оперативных соединений (полков) удельно-княжеские отношения заметного влияния не оказывают. Однако в некоторых случаях удельные князья идут, по-видимому, во главе своих полков, входящих в оперативные соединения, возглавляемых воеводами великого князя.

Кто же эти воеводы? Один из них — представитель тверского великого князя, другой — ведет служилых людей великой княгини Марии Ярославны.

Одиннадцать воевод назначены самим великим князем. Трое из них, по-видимому, — наместники, стоящие во главе своих городовых полков (Федор Давыдович, Василий Образец, князь Семен Ряполовский). Установить связи остальных восьми воевод с соответствующими городами не удается.

Города по духовной великого князя Василия Васильевича и их служилые люди в РЗ 19 ноября 1477 г.

Ивану.

1) Коломна — «П».
2) Владимир — «П».
3) Переяславль — «Б».
4) Кострома — «П» и «Б».
5) Галич с Солью — «Б».
6) Устюг —
7) Земля вятчан —
8) Суздаль — «Б».

9) Нижний Новгород —
10) Муром — «Б».
11) Юрьев — «Б».
12) Великая Соль —
13) Боровск — «Б».
14) Суходол —
15) Калуга — «Б».
16) Алексин — «Б».

Юрию.

1) Дмитров — «ПР».
2) Можайск с Медынью — «Б».
3) Серпухов — «Б».
4) Хотунь — «Б».

Андрею Большому.

1) Углич — «Б».
2) Бежецкий Верх — «Б».
3) Звенигород — «Б».

Борису.

1) Ржева —
2) Волок — «Б».
3) Руза — «Б».

Андрею Меньшому

1) Вологда —
2) Кубена —
3) Заозерье —

Марии Ярославне

1) Ростов — «ЛР».

Духовная грамота Василия Темного называет поименно 30 городов и приравненных к ним мест. Из них к великому князю Ивану отходило 16, Юрию — 4, Андрею Большому — 3, Борису — 3, Андрею Меньшому — 3, к великой княгине-вдове — 1. В походе 1477 г. участвовали,

по данным разрядной записи 19 ноября, служилые люди 21 города из числа поименованных в духовной. Отсутствуют служилые люди из Устюга, Великой Соли, Вятки, Нижнего Новгорода, Суходола, Ржевы, Вологды, Кубены, Заозерья. Но из этих городов только в Нижнем Новгороде и Ржеве можно с уверенностью говорить о развитом служилом землевладении, а все остальные могли бы быть представлены только земским ополчением.

Отсутствие служилых людей из пограничного с Казанью Нижнего Новгорода может объясняться необходимостью оставления сил на случай внезапного выступления Казанского ханства. Трудно объяснить отсутствие в походе служилых людей из Ржевы — может быть, их держали на случай осложнений с Литвой?

В походе участвовали служилые люди почти всех городов, входивших в состав великого княжения Московского в границах 1462 г. Кроме того, в поход шли, по всей видимости, служилые люди Верейско-Белозерского удела во главе со своим молодым князем, а также ростовские, ярославские и оболенские князья. Можно говорить о максимально полной мобилизации великокняжеского служилого ополчения. Но в поход не идут рязанские служилые люди, союзные с Москвой. Великое княжение Рязанское сохранило свою формальную независимость, и его силы могли быть использованы для защиты южного и юго-восточного направлений.

Служилый город в походе представляет собой определенное единство. Правда, терминология типа «Переяславцы все и Муромцы все» дает повод думать, что они могли идти в данном полку (Большом) и не «все».

Остается открытым вопрос, все ли служилые люди данного города принимают участие в походе.

Представляет интерес запись о москвичах. Служилые люди столичного города не занимают сколько-нибудь заметного места — они именуются в составе Большого полка между хотуничами и радонежцами — жителями маленьких, второстепенных уездов. Начиная с 1389 г. московская рать как особый воинский контингент во главе с воеводой великого князя фигурирует во всех докончаниях великих князей с князьями Серпуховского удела.[158] Еще в 1469 г. в походе судовой рати на Казань москвичи составляли отдельное соединение во главе с особым воеводой. Падение роли Московского полка может объясняться двумя причинами.

[158] ДДГ. № 11. С. 30; № 13. С. 37; № 16. С. 43; № 45. С. 129; № 56. С. 168; № 58. С. 179.

1. Развитие служилого землевладения сделало ненужным широкую мобилизацию не привыкших к службе городских жителей.

2. Большая часть москвичей — служилых людей — вошла в состав Двора.

Таким образом, в РЗ 19 ноября основная первичная единица — городовой «полк» — совокупность служилых людей одного города (уезда), которую можно условно назвать «полком».

Как уже указывалось, «уряжение» полков было проведено во время самого похода и самим великим князем. Была ли при этом составлена особая РЗ — неизвестно. «Уряжение» полков — функция главного командования (ГК), и она (как и в 1380 г.) была осуществлена самим великим князем непосредственно, а не через какое-либо ведомство.

Наш основной источник — ПД — продолжает свое повествование.

«Да с того же стану с Палина отпустил князь великий воевод своих под Новгород, Городище и монастыри отнимати, чтобы не пожгли. А велел поити к Броничю князю Данилу Холмскому с Переяславцы же да с Костромичи, да князю Ивану Стриге с Володимерцы, да Федору Давыдовичу с Коломничи, да Григорию и Ивану Микитичем с Дмитровцы и Кашинцы, да князю Семену Ряполовскому с Суздальцы и с Юрьевцы. А велел им стати на Броничи и ждати вести от себя. А иным своим воеводам у озера у Ильмеря на Возваде и на Ужине, тако же вести ожидая».

Первое боевое распоряжение — посылка войск для охраны монастырей и Городища. Новгородцы сжигали в 1386 и 1471 гг. монастыри — своего рода форты, удобные для размещения войск (особенно в зимнее время) в непосредственной близости от города.

На восточном и южном берегах Ильменя развертывается первый эшелон великокняжеских войск в ожидании дальнейших распоряжений ГК.

В состав восточной группы, отправленной на Бронницы во главе с князем Данилой Холмским, вошло восемь территориальных полков из состава оперативных полков: Передового (костромичи, коломничи, владимерцы); Правой руки (дмитровцы и кашинцы) и Большого (переяславцы, суздальцы и юрьевцы). Из шести воевод, посланных на Бронницы, трое — относились к Передовому полку (кн. Холмский, кн. Иван Стрига и Федор Давыдович), двое — к ПР (Никитичи), один — к Большому полку (кн. Ряполовский). Таким образом, основу оперативной группы составляет Передовой полк во главе со своим первым воеводой, но он усилен частями полков ПР и Б. ГК, «урядив» полки, сохраняет возможность манипулировать войсковы-

ми частями, создавая новые группировки конкретного целевого назначения.

Распоряжение о выдвижении войск на берег Ильменя могло преследовать цель окружения Новгорода и подготовки к тесной его блокаде; отметим, что ни в 1386, ни в 1471 г. этого сделано не было.

21 ноября великий князь стоял у Николы на Тухоле; отсюда был послан во Псков Петеля Паюсов, а с ним отпущен и псковитин Харитон.

«А велел князь великий наместнику своему, а псковскому князю Василию Васильевичу Шуйскому с Псковичи поити ратью с пушками и пищалями и самострелы с всею приправою с чем к городу приступати». «Да как пришед на усть Шолоны, и ты бы ко мне, к великому князю, с тем прислал часа того, и яз тогды укажу ти, где ти будет быти с Псковичи». Походный дневник отразил письменную директиву псковскому князю. Она обязывала псковичей не только идти «ратью», т. е. боевым походом, но и иметь при себе тяжелое огнестрельное оружие и «приправу» для приступа к городу. Если в известиях о походе 1471 г. об артиллерии не говорилось почти ничего, то теперь она является предметом особого внимания ГК. За эти несколько лет артиллерия выросла и в количественном отношении, и в оценке своей роли в операциях против города. Готовится не только блокада Новгорода, как в 1386 г., но предусматривается возможность его артиллерийского обстрела и штурма. Псковская рать выдвигается на устье Шелони, близкие подступы к Новгороду с его западной (Софийской) стороны. Как и передовые отряды великокняжеских войск, псковская рать, заняв свое место по диспозиции, должна ждать распоряжений Ставки. Все нити управления войсками — в руках великого князя. Самовольные действия воевод не допускаются.

Как мы видели, выступление Пскова против Новгорода планировалось с самого начала кампании, но пожар 10 октября задержал отправку псковской рати и вызвал директиву великого князя, ставящую конкретную задачу псковичам.

Итак, первое боевое распоряжение, отраженное в ПД, — директива о занятии исходных позиций для непосредственной блокады Новгорода.

23 ноября. Великий князь в Сытине. Прибыли архиепископ Феофил и посадники. Приведены речь владыки, речи посадников.

24 ноября. Речи посадников и речи бояр великого князя: «Того же дни, в понедельник, послал князь великии в Новгород воевод своих Городища, да и монастыри отнимати.

От Броннича прямо велел поити к городу воеводам своим, князю Данилу Дмитриевичу, да Федору Давыдовичу, да князю Ивану Васильевичу Стриге, да Григорью и Ивану Никитичем, с полкы своими».

Фактически это — разрядная запись, четвертая по счету в ПД. Эта директива предусматривает захват соответствующих объектов по правой стороне Волхова (Торговой).

«На другую сторону города к Юрьеву монастырю и Аркажу монастырю велел ити воеводам, князю Семену Ряполовскому, князю Александру Оболенскому, князю Борису Оболенскому, Василью Сабурову с полкы да Семену Сабурову с матери своей людьми великой княгини Марьи, да брата своего князя Андрея Меньшого, да Елизару Гусеву с князя его полком».

«И те все воеводы шли с полкы своими чрес Ильмерь езеру по леду.

А пришли все воеводы и тоа и друга страны одиноа нощи с понедельника на вторник и отняли Городище и монастыри все под городом».

Директива от 24 ноября ставила войскам конкретные задачи по полному окружению города с обеих сторон Волхова и захвату опорных пунктов — Городища и монастырей. Возможность двухстороннего охвата города просматривается уже в директиве от 21 ноября, назначавшей войскам соответствующие исходные позиции, на которых они должны были сосредоточиться в ожидании «вести» от великого князя. Теперь эта «весть» пришла, и войска начали выполнять свою боевую задачу.

Правофланговая группа во главе с князем Данилой Дмитриевичем Холмским имела сравнительно легкую задачу обхода города с юга, не требовавшую преодоления серьезных естественных преград. Значительно сложнее была задача у левофланговой группы. Она должна была перейти через Ильмень по льду, что, во всяком случае, связано с риском и требовало немалых усилий. Необходимо было добиться одновременного выхода войск с разных направлений в назначенные им пункты, и это было достигнуто в результате ночного марш-маневра через лед озера.

Оперативные группы, созданные директивами 21 и 24 ноября, лишь отчасти соответствовали делению войск на полки, предусмотренному записью от 19 ноября. Если правофланговая группа князя Холмского в основном состояла из Передового полка, то левофланговая, во главе которой стоял, по-видимому, князь Ряполовский, включала, судя по именам воевод, части полков Большого (кн. Ряполовский, кн. Александр Оболенский, кн. Борис Оболенский, Василий Сабуров), Левой

руки (Семен Сабуров) и Передового (полк Андрея Меньшого и полк Андрея Большого во главе с Елизаром Гусевым). В непосредственном распоряжении великого князя оставались, таким образом, из Большого полка воеводы князь Иван Юрьевич Патрикеев и Василий Образец, боровичи и муромцы. Не попали в разряды 21 и 24 ноября части полка Правой руки (князь Андрей Большой и тверской воевода князь Микулинский) и Левой руки (князья Борис и Василий Верейские).

Таким образом, «полки», созданные разрядами 19 ноября, представляли собой достаточно гибкие оперативные соединения, которые могли перегруппировываться главным командованием в зависимости от конкретной обстановки. Соответствующие распоряжения оформляются разрядными записями и фиксируются в ПД — основном документе о походе 1477 г.

25 ноября. «В Сытинех князь великий велел ответ дати владыце и послом Ноугородцким». Переговоры шли своим чередом, и тексты заявлений обеих сторон фиксируются в ПД.

«Того же месяца 27, в четверток, пришел князь великий под город, а чрез Ильмерь озеро по леду, а с ними братия его, князь Андрей Меньшой. Да того же дни пришел под город князь Василей Михайлович Тферьской (очевидно, Верейский. — *Ю. А.*). А князь великий пришед под город стал у Троицы на Паозерье в Лошинском селе. А брату своему велел стати князю Андрею Меньшему у Благовещения в монастыре.

А воеводам своим князь великы велел стати: около города с полкы своими

— князю Ивану Юрьевичу в Юрьеве манастыре;

— а князю Данилу Холмскому во Аркажи манастыре;

— Василию Сабурову в манастыре у Пантелеймона Святого;

— а князю Александру Оболенскому у Николы на Мостище в манастыре;

— а князю Борису Оболенскому на Сукове у Богоявления в манастыре;

— а князю Семену Ряполовскому велел стати на Пидьбе вверх по левой стороне Пидьбы и на Стипе.

А з Городищьские стороны велел князь великий стати князю Василию Михайловичю Верейскому на Лисичьи горке в манастыре.

А на Городище велел стати Федору Давыдовичу, да князю Ивану Стриге, да Григорью и Ивану Никитичем».

Таблица 3. **Дислокация войск**

24 ноября		27 ноября
Кн. Данило Дмитриевич Холмский	От Бронниц прямо	Аркаж монастырь
Федор Давыдович	От Бронниц прямо	Городище
Кн. Иван Васильевич Стрига	От Бронниц прямо	Городище
Никитичи	От Бронниц прямо	Городище
Кн. Семен Ряполовский	«На другую сторону... к Юрьеву и Аркажу»	На Пидьбе
Кн. Александр Оболенский		У Николы на Мостищах
Кн. Борис Оболенский		На Супоне у Богоявления
Василий Сабуров		Пантелеймонов монастырь
Семен Сабуров		
Кн. Андрей Меньшой		У Благовещенья
Елизар Гусев		
Кн. Иван Юрьевич		Юрьев монастырь
Кн. Верейский		На Лисичьей горке

Суть распоряжений великого князя — точная дислокация сил, стянутых к Новгороду. Дислокацию, объявленную после перехода Ильменя, можно сравнить с разрядной записью 24 ноября (табл. 3).

Как видно, между распределением воевод в записи 24 ноября и дислокацией, помеченной в ПД 27 ноября, только одно существенное отличие: князь Холмский, возглавлявший Передовой полк и правофланговую группу, оказался размещенным на левом фланге, в Аркажском монастыре.

Видимо, князь Холмский после занятия объектов на правом берегу получил другое назначение, уступив свое место во главе правофланговой группировки другому воеводе — скорее всего, Федору Давыдовичу, который назван первым в числе воевод, оставшихся на правом берегу.

«Того же месяца 29 пришел под Новгород князь Борис Васильевич после брата своего великого князя на третий день, и князь великий велел стати ему на Кречневе в владичне селе вниз по Волхову».

По разрядам 19 ноября князь Борис стоял во главе полка Левой Руки. Часть этого полка во главе с князем Василием Михайловичем Верейским уже прибыла на место после перехода через Ильмень и была расквартирована на правой стороне реки, на Лисичьей горке. Полк Левой Руки, таким образом, перестал представлять собой единое целое, будучи разделен на две группы, далеко стоящие друг от друга. Выдвижение войск вниз по Волхову с его левой стороны обозначало окружение города с севера.

Основным политическим центром Новгорода была, очевидно, Софийская сторона — именно поэтому здесь были сосредоточены главные силы осаждающих.

«Месяца Ноября 30 в неделю князь великий велел всем воеводам по корм посылати людей половину, а другую у себя оставляти. А срок им по корм 10 дней, а на 11, в четверток по Николе дни велел всем быти под городом, где бы хто ни был».

Запись отражает заботу о продовольствии войск и о сохранении их боевой готовности. Стоит ли говорить, что войска, посланные «по корм», добывали последний у местных жителей без особых формальностей — скорее всего, путем простого грабежа, что в Средние века практиковалось повсеместно на чужой территории (а нередко и на своей). Во всяком случае, предполагалось, что за 10 дней войска смогут пополнить свои запасы и отдохнуть. Такое распоряжение исходило от ГК — сами воеводы, очевидно, не имели формального права на подобную инициативу[159] — не могли дробить свои силы.

«Того же дни» послан Севастьян Кушелев к псковскому наместнику и «псковской рати», чтобы пошли «не мотчая и с пушками, и со всею приправою по первому приказу, и Севастьян сретил их у Солци на Шелони».

Псковская рать двинулась в поход, вероятно, после приказания, отправленного 21 ноября с Петелей Паюсовым, т. е. не ранее 25 ноября. Кушелев мог их встретить 2 декабря, они за 7 дней прошли примерно 150 верст, по 20 верст в день. Это довольно много, если учесть, что они шли «и с пушками, и со всею приправою».

Ставка держит в руках управление не только войсками, стянутыми к самому Новгороду, но и псковской ратью.

«Декабря 1 в понедельник» переговоры с новгородской делегацией в Ставке на Паозерье продолжались, и выступления сторон изложены в ПД.

«Того же дни, царевич Даньяр пришел под город, а с ним воевода великого князя Василий Образец с Боровичи. И князь великий велел царевичю Даньяру стати в Кириллове манастыре да у Андрея Святого в манастыре на Городищской же стороне. А приставом царевичевым, князю Петру Оболенскому да князю Ивану Звеньцу, велел стати на Ковалеве в манастыре.

[159] В 1471 г. во время похода на Шелонь войско князя Холмского было ослаблено за счет такого продовольствования.

А Василью Образцу с Боровичи велел стати у Спаса в манастыре на Волотове».

Вновь прибывшие силы были размещены на Торговой стороне. Любопытно, что при царевиче Даньяре состоят приставы высокого ранга — они и советники, и наблюдатели, и посредники.

«Того же месяца 3 прищел под город князь Андрей Васильевич Большой, и князь великий велел ему стати у Воскресенья на Деревянице, а тферьскому воеводе князю Михаилу Федоровичу велел стать с полком своим у Николы на Островке».

Вновь пришедшие силы размещаются на правом берегу Волхова, растягиваясь по течению реки к северу. По разрядам 19 ноября эти силы входили в полк Правой Руки.

5 декабря состоялась очередная встреча великого князя с новгородской делегацией — последней был предъявлен ультиматум.

«А того же дни прииде к великому князю от наместника его псковского князя Василия Васильевича и от псковского войска посадник псковской Василий Епимахов с тем, что наместник его... с псковским войском пришли на его государя своего дело со всем с чем им велел быти к себе, и где велит им стати. И князь великий князю Василью велел стати в Бискупицах, а посадником псковским с лучшими людьми велел стати в Федотиине селе Исаковы жены Полинарьина, а прочим псковичем младым велел стати в манастыре у Троицы на Веряжи да и на Клопске».

Военная организация Пскова сохраняет черты своеобразия. Посадник Василий Епимахов выступает не только от имени князя-наместника, но и от «псковского войска». Это не служилое ополчение, а земская, городовая «рать». И ПД, излагая дословно (или близко к тексту) посольство Епимахова, приводит соответствующую терминологию. Характерно и отношение великого князя к псковскому войску: здесь различаются, кроме князя-наместника, две категории — посадники с «лучшими людьми» и «прочие люди», и эти категории дислоцируются по-разному. Следует вспомнить систему мобилизации во Пскове, отраженную в Пск. летописи: бояре «рубятся» всем городом на вече, «прочие» — по своим улицам и концам. При осаде Новгорода псковские войска размещаются на внешнем обводе блокадного кольца.

«Того же месяца 6 велел князь великий мост чинити на реце Волхове своему мастеру Аристотелю Фрязину под Городищем».

«И той мастер учинил таков мост под Городищем на судех на той реце, и донеле же князь великий одолев возвратися к Москве, а мост стоит. На предняя же возвратимся».

Как видим, запись от 6 декабря состоит из двух частей.

В первой излагается повеление великого князя о строительстве моста через Волхов. Этот мост давал возможность беспрепятственного и быстрого маневра силами по обоим берегам реки, что имело весьма большое значение, особенно в случае штурма города или вылазки осажденных. Из этого же текста узнаем, что с войсками великого князя шел строитель Успенского собора — при войсках были и строительные подразделения, инженерные части, необходимые при осаде города. Осада города, видимо, планировалась с самого начала.

Не меньший интерес представляет и вторая часть записи. Она раскрывает механизм составления летописного текста на основе ПД. В руках летописца был текст ПД, и он вносил в свою летопись соответствующие записи под соответствующими числами, не забегая вперед и держась близко к тексту — воспроизводя дословно (или почти дословно) свой источник. И только один раз он позволил себе заглянуть вперед, нарушить строгую хронологию, составляющую основную нить его повествования. Походный дневник попал в руки летописца после похода, после возвращения великого князя в Москву, когда было известно, что мост Фиоравенти «на судех» еще существует.

«Того же месяца декабря 7 прииде к великому князю владыка из Новагорода» — и состоялся очередной раунд переговоров, подробно изложенный в ПД.

«Того же дни в неделю приидоша к великому князю под Новгород Псковичи, наместник великого князя, а Псковской князь Василей Васильевичь Шуйской, а с ним посадницы Псковскии со многими вои, посадник Алексей Васильевич Качанов... и иные посадьники и дети посадничьи и боаре и дети боарьскые и многие Псковичи».

«Декабря 30 вторник прииде к князю великому служити князь Василей Шуйский из Новагорода, и приять его князь великий, и почти его, и дары дасть ему». Переход на сторону великого князя формального руководителя обороны города — свидетельство нарастающего морального разложения в стане осажденных, все в большей мере осознающих безвыходность своего положения. До капитуляции города оставался только шаг, и он был сделан на переговорах 6 января, когда новгородцы приняли все основные требования великого князя.

Кампания 1477 г. кончилась, а вместе с ней и записи в ПД, отражающие военные события. Но ведение дневника как такового продолжается. Последняя запись в нем:

«Месяца Марта 5 на Москву прииде князь великий в четверток на 5 неделе поста».[160]

Дальнейшее изложение событий теряет дневниковый характер:

«Тое же зимы Казанский царь ходил на Вятку... Тое же зимы месяца Декабря 6 поставлен на Москве митрополитом Геронтием на Тверь на владычество священноинок Вассиан...»

Таким образом, основа известий Моск. летописи о походе 1477 г. — это походный дневник Ставки великого князя, который велся с начала похода до возвращения великого князя в Москву. При этом можно отметить три особенности текста Моск. летописи. Во-первых, записи ПД приведены с известным сокращением — не за все дни, хотя, надо полагать, в ПД отражались именно ежедневные события. Во-вторых, в состав ПД включены разрядные записи. В-третьих, текст летописи в своем теперешнем виде был составлен уже после возвращения великого князя в Москву. Перед нами, таким образом, не сам ПД как таковой, а его летописная редакция, судя по всему, весьма близкая к своему первоисточнику, но все же не идентичная ему. Особый интерес представляет включение в текст рассказа летописи разрядных записей. Скорее всего, эти записи с самого начала входили в состав ПД (а не были внесены в текст позднее, при летописной его обработке).

В известном нам виде ПД — основной источник для реконструкции хода событий кампании 1477 г., в первую очередь — деятельности ГК.

Обстоятельным источником о кампании 1477 г. является также Пск. летопись по Строевскому списку.[161]

Последняя кампания против Новгорода, как и предыдущие, сопровождалась бедствиями для мирных жителей Новгородской земли как территории, охваченной военными действиями, но с окончанием кампании наступил мир и вчерашние враги превратились в подданных великого князя, жителей одного из городов Российского государства.

* * *

Последний поход великокняжеских войск на Новгород может быть охарактеризован как крупная наступательная стратегическая операция с решительной целью — полного поражения и капитуляции противника.

---

[160] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.
[161] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 209–217.

Политическими предпосылками кампании 1477 г. были, с одной стороны, стремление великого князя добиться не только внешнего подчинения, но и внутренней интеграции Господина Великого Новгорода в состав Российского государства, с другой — отсутствие политической стабильности в самом Новгороде и двусмысленное поведение новгородской верхушки.

Стратегическими предпосылками явились, во-первых, достигнутая в предыдущие годы относительная стабильность на южном и восточном направлениях, во-вторых, укрепление фактической власти великого князя в пределах Московской земли в результате ограничения прав удельных князей по договорам 1472–1473 гг. Это давало возможность проведения максимальной мобилизации служилого ополчения и развертывания его на одном стратегическом направлении под единым командованием, включая сюда также псковскую рать и войска союзника — тверского великого князя.

Как и в кампании 1471 г., великокняжеское войско состояло главным образом из конного служилого ополчения. Земское ополчение существенной роли не играло, за исключением псковской рати.

Как и в 1471 г., целью операции был выход к Новгороду без отвлечения на решение второстепенных задач. Все это позволяет говорить о единстве идей, об определенном стратегическом почерке главного командования в обеих кампаниях.

Вместе с тем кампания 1477 г. имеет свои достаточно ярко выраженные особенности.

Временем для проведения кампании был выбран осенне-зимний период, наиболее благоприятный для действий крупных войсковых масс на северо-западе.

Если в 1471 г. в условиях напряженной внешнеполитической обстановки обстоятельства заставили пойти на большой риск и начать кампанию в июне, то в 1477 г. ничто не мешало избежать такого риска и подождать до осени.

В отличие от похода 1471 г., войска великого князя двигались прямо на Новгород, обходя Ильмень справа и не выделяя левофланговой группировки для соединения с псковичами. Само наступление осуществлялось на широком фронте, несколькими колоннами, шедшими справа и слева от колонны главных сил с великим князем. Тем не менее темп операции был невысоким — от Торжка до Новгорода шли примерно месяц, т. е. не более 15 км в день. Такой темп был не утомителен для войск и допускался реальной обстановкой — отсутствием активного сопротивления противника.

Стягивание великокняжеских войск к Ильменю закончилось окружением города со всех сторон, для чего понадобилось частью сил перейти через замерзшее озеро.

Такое всестороннее окружение Новгорода, его тесная блокада в непосредственной близости от городских стен, осуществлялось впервые. В кампании 1169 г. суздальские войска, по-видимому, подошли к городу только с одной стороны. В зимней кампании 1386 г. Дмитрий Донской ограничился выходом на ближние подступы к городу с востока и угрозой его штурма.

В походах 1441 и 1456 гг. выход великокняжеских войск на дальние подступы к городу (Демон, Руса) приводил к окончанию кампании. В кампании 1471 г. к таким результатам привел разгром новгородского ополчения на Шелони. Выход великокняжеских и псковских войск на ближние подступы к городу был следствием этого сражения и фактически не имел особого значения — новгородцы уже капитулировали.

Таким образом, до 1477 г. опыта боевых действий против самого города не было.

Осада города в кампании 1477/78 г. была решающим средством для достижения поставленной стратегической цели. Эту осаду можно рассматривать как пример операции на окружение большого укрепленного города с многочисленным населением и средствами обороны.

Отказ от штурма Новгорода отвечал здравым стратегическим соображениям. Штурм укрепленного города связан с большими потерями и значительным риском, овладение городом путем блокады является наименее рискованным вариантом — при условии, что нет реальной угрозы деблокады города извне. В январе 1477 г. попытка Карла Смелого овладеть Нанси закончилась, как известно, катастрофой. В кампании же 1477/78 г. при осаде Новгорода не было оснований опасаться появления деблокирующих сил — новгородские силы были окружены в самом городе. Полуторамесячная осада и связанные с нею бедствия — голод и болезни — надломили дух обороняющихся, чему способствовало и отсутствие политической стабильности в новгородском обществе, раздираемом внутренними противоречиями.

Итак, кампания была выиграна почти без потерь — решающий политический результат был достигнут сравнительно малой кровью (для победителей).

Стратегия великокняжеского командования в кампании 1477/78 г. может быть признана целесообразной — она наилучшим образом отвечала достижению поставленной цели.

Действия новгородского руководства в кампании 1477 г. не отличались последовательностью. Встав на путь конфликта с великим князем в мае–июне, оно в самый конец войны, в конце сентября, внезапно запросило псковского посредничества. К войне с великим князем Новгород был, очевидно, не готов.

Стратегический план новгородского руководства существенно отличался от того, который был принят в 1471 г. Новгородские войска не защищали территорию своей земли, а концентрировались в самом городе, подобно тому, что было в 1386 г. Ставка делалась, очевидно, на упорную оборону самого города и на то, что великокняжеские войска в зимних условиях не смогут провести длительную осаду и удастся заключить договор на компромиссных началах. Однако эти расчеты оказались несостоятельными. В отличие от кампании 1386 г., войска не только подошли к Новгороду, но и взяли его в тесное кольцо, что привело к истощению сил защитников города и вынудило их к капитуляции.

Характер боевых действий определяется прежде всего спецификой конкретных политических задач. В 1386/87 г. речь шла о выплате новгородцами контрибуции за разбои ушкуйников, в 1441 и 1456 гг. — о наказании за выступление против великого князя. В 1477 г. речь шла о полном безоговорочном подчинении города власти великого князя. Если походы прежних князей, в том числе Донского, преследовали хоть и важные в конкретной ситуации, но по существу своему частные, тактические задачи, то поход Ивана III ставил задачи стратегического масштаба, будучи составной частью процесса строительства единого государства.

Борьба Новгорода против всех сил Русской земли, объединенных под знаменами Москвы, не могла кончиться ничем иным, кроме поражения. В этих условиях главное командование великокняжеских войск умело использовало все свои преимущества и сравнительно недорогой ценой добилось решительного успеха.

Основной результат кампании 1477/78 г. — ликвидация потенциальной угрозы на северо-западном направлении со стороны сепаратистских кругов Великого Новгорода. События января 1478 г. создали новую политическую и стратегическую ситуацию в стране, уже превратившейся фактически в единое государство.

Походный дневник позволяет проследить основные моменты деятельности ГК в кампании 1477/78 г.

Первой задачей ГК, или, точнее, верховного командования, на уровне политического руководства явилась подготовка к кампании.

Первые черты этой подготовки заметны в начале июня, когда последовало распоряжение Пскову готовиться к походу на Новгород.

К началу октября подготовка была закончена, и 9 октября начался поход главных сил.

На походе задачей ГК была организация движения колонн — назначение маршрутов и дневок. Особое значение имеют записи от 23 октября и 19 ноября, раскрывающие организацию войск и конкретные направления движения. Главной задачей Ставки стало формирование соединений (полков) и непосредственное оперативное руководство ими. В условиях действий на одном театре и близости Ставки к войскам в руках ГК соединялись функции стратегического и оперативного руководства. Конкретный план осады города был разработан в Ставке и воплотился в точные директивы о дислокации войск.

К числу важнейших задач ГК относилась организация снабжения войск. Это направление деятельности ГК отражено в источниках впервые.

В целом можно сказать, что кампания 1477/78 г. показала новый более высокий уровень организации ГК и руководства войсками в целом. Опыт, полученный в предшествующих кампаниях, учитывался, и деятельность военного ведомства развивалась. Разрядные записи, носившие прежде характер разовой, текущей документации, впервые включаются в ПД, становясь документом государственного значения.

1478 г.: ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ. ПОХОД НА КАЗАНЬ

Одной из особенностей Новгородской кампании 1477 г. было сосредоточение на северо-западном направлении служилого ополчения почти всех русских уездов. Исключение составили Нижний Новгород и северные города — Вологда и Устюг. Отсутствие служилых людей из северных городов в составе войск, мобилизованных для Новгородского похода, может объясняться удаленностью их от театра военных действий, а также слабым развитием в них служилого землевладения. Но отсутствие нижегородцев вызвано, скорее всего, оставлением их на восточном направлении — на случай внезапного выступления Казани. Насколько основательны были опасения такого выступления? Ведь с Казанью в 1469 г. был заключен мирный договор, и все последующие годы отсутствуют известия о каких-либо конфликтах с ханом.

Рассказав о возвращении великого князя из новгородского похода в Москву и о том, как новгородский «колокол вечной вознесли на

колоколницю на площади и с прочими колоколы звонити», что было символическим завершением борьбы за интеграцию Господина Великого Новгорода в состав Русского государства. Моск. летопись сообщает: «Тое же зимы Казанской царь ходил на Вятку и много полону поимал, и секл, и грабил через роту свою, а грады дашася за него».[162]

Это сообщение по своему стилю отличается от известий ПД – оно не датировано и крайне лапидарно. Видимо, летописец сделал свою запись на основании краткой информации официального происхождения.

Сообщение заслуживает большого внимания. Мир с Казанью оказался непрочным, и хан Ибрагим (Обреим) ожидал только удобного случая для нападения на русские земли. Длительный поход русских войск во главе с самим великим князем на Новгород, т. е. отвлечение главных сил Русской земли на северо-западное направление, представлялся таким удобным случаем.

Несмотря на свою лапидарность, известие свидетельствует о больших масштабах похода казанцев. Самое важное здесь — «грады дашася за него». Какие-то русские города на северо-востоке оказались в руках хана.

Соф. II летопись приводит свой рассказ о нападении казанцев.

«Бысть же великому князю в Новегороде, прииде весть ложнаа в Казань, яко не взял князь великий Новогорода, и побили его новугородци, и сам — четверт убежа ранен. И посла царь рать свою казанский на Вятку. Потом царю прииде правые вести, что взял князь великий Новгород и наместники посажа, и посла царь казанскии, и веле скоро воем своим възвратитися. Они же слышавше толь скоро бежаша, елико варяху в котлех ества, все опрометаша».[163]

Рассказ явно неофициального происхождения, основанный на каких-то частных сведениях, может быть, на рассказах участников борьбы с нападением казанцев. Никаких дат рассказ не содержит.

Сп.-Прил. летопись приводит свое сообщение: «егда был князь великий в Новегороде, и прииде царь казанский на Вятку, и множество полону поимав людий по селом, а иных иссече, города же ни единого не взя, и множества Татар у него под городом избиена бысть от вятчан. Прииде же на Масляной неделе, и поиде прочь на четвертой неделе поста, много зла учинив христианом».[164]

[162]ПСРЛ. Т. 8. С. 199; Т. 12. С. 189; Т. 25. С. 323; Т. 26. С. 257.
[163]ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 285.
[164]ПСРЛ. Т. 28. С. 147, 312.

В руках составителя Сп.-Прил. был источник, который знал дату прихода татар — между 25 и 31 января, и их ухода — между 22 февраля и 1 марта. Нашествие длилось, таким образом, около месяца. Источник совсем по-другому, чем Моск. летопись, оценивает результаты набега — татары грабили и секли только по селам, а городами овладеть не могли и понесли большие потери. Источник Сп.-Прил. был, по-видимому, связан с Вятской землей, откуда и мог получить свою информацию.

Четвертый вариант рассказа о событиях содержит Уст. летопись: «Царь Абраим Казанский приходил ратью на Вятку и волости повоевал, а города ни единого не взял. И пошел было на Устюг. И река Молома была водяна, нельзя ею идти. И шел один день и воротился. И на Устюг весть пришла, что царь идет ратью, и устюжане всю зиму сидели в осаде».[165]

Устюжское известие имеет в основном местное происхождение, хотя, возможно, связано частично с вятским источником, отразившимся и в Сп.-Прил. летописи. Во всяком случае, он подтверждает, что ни одного города татарам взять не удалось. Представляет интерес, что хан пытался пройти к Устюгу по Моломе, но из-за вскрытия ее не смог этого сделать — реки служили удобными путями не только летом, но и зимой. Молома — правый приток Вятки. Хан, очевидно, пытался идти по Моломе на север, обходя Хлынов слева.

Итак, перед нами четыре известия о зимнем набеге казанских татар. Известия более или менее независимы друг от друга, т. е. восходят к разным первоисточникам. Для Моск. летописи таким первоисточником была краткая официальная информация, для других — местные известия и рассказы очевидцев. Местные источники проявили бо́льшую заинтересованность в событиях и бо́льшую точность. Единственное противоречие в известиях — оценки результатов похода: вопреки официальной информации, местные источники утверждают, что городами овладеть не удалось. Представляется, что эта оценка более правдоподобна: взятие городов татарами не могло бы пройти незамеченным для местных источников и, по всей вероятности, отразилось бы в них.

Тем не менее февральский поход был достаточно большим военным предприятием, и ущерб, причиненный им, был, надо полагать, немалым — грабежи и опустошение земель продолжались целый месяц, и угроза была настолько серьезной, что Устюг всю зиму был на осадном

---

[165] ПСРЛ. Т. 37. С. 48, 94.

положении. О реальности угрозы косвенно свидетельствует распоряжение великого князя устюжскому наместнику Петру Федоровичу Челяднину: «велел ставити город Устюг новый, а старой розвалити».[166]

Таким образом, сосредоточение главных сил русского войска на северо-западном направлении спровоцировало казанского хана на крупное военное предприятие — фактически на разрыв мирного договора 1469 г. Успехов стратегического масштаба царь Абреим не достиг, но удар, им нанесенный, был чувствителен. Оборона на северо-восточном направлении оказалась слаба, а угроза со стороны Казани — реальной.

По-видимому, это и привело к решению о новом походе на Казань.

«Тое же весны князь великий отпустил рать судовую на Казань, воевода большей Василий Федорович Образец. А из Новагорода (Нижнего. — *Ю. А.*) пошли под Казань Мая 26, вторник».[167]

Никаких дальнейших сведений об этом походе Моск. летопись не содержит. Этого известия нет ни в Никон., ни в Вол.-Перм., ни в Уст. летописях.

Соф. II приводит другую редакцию этого известия: «В лето 6986. Посла князь великы рать свою на Казань, воевод Василья Обрасца в судех да Бориса Слепца. И посла царь казанский с челобитьем к великому князю, князь же великий пожаловал его».[168]

Наиболее подробный рассказ содержится в Тип. летописи.

«Посла князь великий воевод своих Семиона Ивановича да Василия Федоровича Образца и с ними множество воинства в судех, к Казани. Они же плениша землю их по Волзе, множество изсекоша, а иных плениша. И приведша ко граду начаша стреляти. Бысть буря сильна и дождь, и нелзе приступити ко граду, они же въспятишася и сташа на Волзе. А Вятчане же и Устюжане плениша по Каме множество безчисленое изсекоша, а иных в полон поимаша. Царь же посла с челобитьем к великому князю и умиришася, яко же угодно бысть великому князю».[169]

Такое же известие — в летописях Сп.-Прил., Увар. и Воскр.[170] (без имени воеводы Семена Ивановича).

Перед нами две основные версии о весеннем походе 1478 г. Версия Моск. летописи носит незавершенный характер — по каким-то причинам официальный рассказ о походе прерван в самом начале. Этого

[166] ПСРЛ. Т. 37. С. 48, 94.
[167] ПСРЛ. Т. 25. С. 323.
[168] ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 286.
[169] ПСРЛ. Т. 24. С. 196–197.
[170] ПСРЛ. Т. 8. С. 199–200; Т. 28. С. 147–148, 312.

рассказа не было в распоряжении и составителя Никон. — наиболее официального свода XVI в. Краткое известие могло быть основано на каких-то официальных источниках. Известие Тип. основано, по-видимому, на рассказах участников похода, возможно также на местных — вятских и устюжских известиях, но содержит концовку официального характера.

Поход 1478 г. освещен в наших источниках достаточно противоречиво, и ход событий можно представить себе только в самых общих чертах.

Поход судовой рати по Волге сопровождается, по-видимому, аналогичным походом по Каме, но уверенности в этом нет, так как устюжский летописец не пишет об этом ни слова, а только сообщает о самовольном походе устюжан-«шильников».[171] Однако в пользу версии об участии устюжан в походе 1478 г. на Казань говорит упоминание в Соф. II имени Бориса Слепца (Тютчева), известного своими связями с Устюгом.

Трудно решить вопрос о воеводах. Кто такой Семен Иванович, неизвестно; если бы это был Ряполовский, он был бы назван князем. Наиболее достоверно известие о Василии Федоровиче Образце как «большем воеводе», т.е. первом воеводе Большого полка. Борис Слепец (Тютчев) стоял, возможно, во главе устюжской судовой рати.

В дошедших до нас разрядах поход 1478 г. не сохранился.

Тем не менее важное значение похода несомненно. Поход носил карательный характер — расплату за зимнее нападение на Вятку. Судовые рати еще раз показали свои боевые возможности — разорение земель по Волге и Каме заставило хана просить мира.

Конфликт с Казанью был на какое-то время улажен, но февральский набег на Вятскую землю показал, насколько ненадежен мир с Казанью и насколько опасно восточное стратегическое направление.

Казань снова стала объектом пристального внимания. Об этом свидетельствует запись в не дошедших до нас казанских посольских книгах, отразившаяся в Разрядной книге 1598 г.

«В лето 6990-го Июля в 16 день в казанских книгах в посольствах написано: „В Нижнем Новегороде стояли воеводы от великого князя Ивана беречь от Алегама царя...“» В тех же книгах написано: «Лета 6987 сентября в... день. От великого князя Ивана Васильевича на Вятку воеводам моим Василью Федоровичю Сабурову да Василью Фе-

[171] ПСРЛ. Т. 37. С. 94.

доровичю Образцу, да князю Семену Ивановичю. Что от меня учнет вам говорити Петр Михайлович, и вы бы ему верили».[172]

В своей первой части эта запись свидетельствует о существовании не дошедших до нас казанских посольских книг, говорит о сосредоточении войск на казанском направлении с оборонительной целью летом 1482 г., о чем нет известий ни в каких других источниках. В своей второй части запись непосредственно связана с событиями 1478 г.

Осенью 1478 г. на Вятке стояли воеводы, участвовавшие, по летописным данным, в весеннем походе. С речами великого князя к ним послан Петр Михайлович (очевидно, Плещеев), едва ли не впервые в источнике приведена точная формулировка великокняжеского послания воеводам.

Угроза со стороны Казани сохраняла свое реальное значение и была одним из факторов, определявших стратегическое положение Русской земли.

* * *

Походы 70-х гг. продемонстрировали дальнейшее развитие тех черт военной организации, которые проявились в походах предыдущего десятилетия.

Главная из этих черт — двухступенчатая система руководства войсками. Институт главного командования (ГК) во всех случаях играет определяющую роль.

В кампании 1471 г. ГК разрабатывает план операций на нескольких операционных направлениях. На главном — новгородском — оно осуществляет реальное оперативно-стратегическое руководство, обеспечивает взаимодействие великокняжеских войск и псковского земского ополчения.

В кампании 1472 г. ГК разрабатывает и осуществляет план стратегической обороны на широком фронте и добивается победы над грозным противником, не понеся существенных потерь.

В походе 1477/78 г. осуществляется план наступательной операции с блокадой основного политического центра противника, что приводит к его капитуляции без существенных боевых потерь.

Во всех этих кампаниях прослеживаются достаточно определенные черты «стратегического почерка»:

— тщательная подготовка и разработка основной идеи кампании;

— правильное определение основной цели кампании;

[172] РК-98. С. 19–20.

— стремление к сосредоточению сил на важных направлениях, пренебрегая второстепенными;

— предоставление известной самостоятельности отдельным начальникам, действующим в соответствии с директивами ГК;

— связь с ними и корректирование их действий через специальных посланцев Ставки.

Свои функции ГК осуществляет, используя определенный аппарат управления, документальные следы деятельности которого прослеживаются в разрядных записях (РЗ), впервые четко обозначенных в походном дневнике (ПД) кампании 1477 г.

Тактическое руководство по-прежнему остается в руках полковых воевод.

Несмотря на отдельные промахи и ошибки, действия ГК заслуживают высокой оценки, и двухступенчатая система управления и командования войсками в кампаниях 70-х гг. себя полностью оправдала.

Глава III

КАМПАНИИ 1480-х ГОДОВ

ПОБЕДА НА УГРЕ

События 1480 г. отразились во всех русских летописях. Кроме основного официального летописного рассказа до нас дошли отдельные записи документального характера, отличающиеся по существу (и, вероятно, по происхождению) от нарративных летописных текстов. Эти записи вошли и в официозную великокняжескую летопись, и в Вол.-Перм., и во Владимирский летописец. Несмотря на свою неполноту и фрагментарность, эти записи представляют особую ценность — именно они дают наиболее надежную опору в попытках реконструкции хода событий на главном, южном стратегическом направлении. Источником этих фрагментов могли быть, в частности, разрядные записи и записи походного дневника великого князя (по примеру записей 1477 г.), которые в полном виде до нас не дошли.

Комплекс наших источников позволяет проследить основные моменты кампании 1480 г. и дает возможность анализа и оценки.

Кампания 1480 г. в военно-историческом плане изучена мало. При исследовании событий 1480 г. основное внимание обращалось, как правило, на их политическую составляющую.[1]

Единственное в дореволюционной историографии исследование, специально посвященное событиям на Угре,[2] принадлежит перу А. Е. Преснякова. В отличие от своих предшественников он анализирует не только источники, но и ход событий, рассматривая их в широком историческом контексте. А. Е. Пресняков подчеркивает высокий уровень русского руководства, видя в этом одну из причин победы на Угре.

---

[1] Краткий обзор историографии см.: *Шанский Д. Н.* Стояние на Угре: Некоторые итоги и задачи изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбилейной научной конференции. М., 1983. С. 115–123. См. также. *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. М., 1989. С. 45-64.

[2] *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 280–298.

В советской историографии события 1480 г. были наиболее обстоятельно исследованы К. В. Базилевичем. В анализе летописного материала он развивает идеи Г. Ф. Карпова и А. Е. Преснякова. Изложение хода событий 1480 г. К. В. Базилевич сопровождает анализом стратегии и тактики русских войск, что придает его исследованию военно-исторический характер. На основе этого анализа он приходит к выводу о продуманности и целесообразности действий русского командования.[3]

О высоком уровне русского военно-политического руководства в событиях 1480 г. пишет в своей интересной, но, к сожалению, не опубликованной диссертации П. Н. Павлов.[4]

События 1480 г. не привлекли внимания видного советского военного историка Е. А. Разина. В своем обширном курсе истории военного искусства он счел достаточным уделить этим событиям всего несколько строк[5] и не включил победу на Угре в хронологическую таблицу важных событий военной истории.

Другой военный историк, А. А. Строков, посвятил событиям на Угре один абзац. Собственно боевые действия в кампании 1480 г. он не рассматривает, подчеркивая значение набега Менгли на владения Казимира IV и принимая безоговорочно версию о нападении русской судовой рати на улусы Большой Орды.[6]

В своей работе, вышедшей в свет в 1989 г., я сделал попытку исследования некоторых вопросов, связанных с победой на Угре, отметив наиболее важные, как мне представляется, моменты кампании 1480 г.[7]

В последние годы события 1480 г. были затронуты в трудах Н. С. Борисова,[8] А. А. Горского[9] и В. В. Каргалова.[10] В отличие от первых двух авторов, которые событий на Угре касаются только вскользь, В. В. Каргалов подвергает эти события тщательному и содержательному изучению. Он рассматривает «Стояние на Угре» как выдающееся военно-историческое событие и заслуженно высоко оценивает деятельность главного командования русских войск в лице великого князя Ивана Васильевича.

---

[3] Базилевич. С. 102–169.

[4] *Павлов П. Н.* Освобождение Руси от татарского ига: Дис. канд. ист. наук. Л., 1951.

[5] Разин. С. 301.

[6] *Строков А. А.* История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общества. М., 1955. С. 366.

[7] *Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. М., 1989.

[8] *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000.

[9] *Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.

[10] Каргалов.

* * *

Основным итогом внутренней и внешней политики Ивана III к концу 70-х гг. XV в. были победа над новгородским боярством и ограничение самостоятельности удельных князей Московского дома (что отразилось в докончаниях 1473 г.).

Однако достигнутые успехи не были достаточно прочными. В Новгороде, несмотря на безоговорочное признание власти великого князя, далеко не были преодолены сепаратистские тенденции в среде мощного боярства, сохранившего свои земельные богатства. Удельные князья, хотя и заключившие соответствующие докончания с великим князем, отнюдь не были удовлетворены снижением своего политического статуса.

Оба эти фактора делали внутреннее положение складывающегося единого государства недостаточно устойчивым и потенциально чреватым серьезными конфликтами.

Внешнеполитическое положение также не было достаточно прочным. На южном стратегическом направлении существовала реальная угроза повторного нашествия хана Ахмата после его поражения в 1472 г. на Оке.

На северо-западном направлении сохранялась угроза возобновления конфликта с Орденом, срок перемирия с которым («Данильев мир») близился к концу.

На западном направлении отношения с королем Казимиром не только не стабилизировались, но и ухудшились в связи с притязаниями короля на Новгород и Псков. Опасность этих притязаний возрастала в связи с сепаратистскими настроениями новгородского боярства.

На восточном направлении сохранялась относительная стабильность после похода на Казань в 1478 г., но степень этой стабильности нельзя было преувеличивать.

Таким образом, к концу 70-х гг., несмотря на достигнутые успехи, Русское государство стояло перед лицом серьезных военно-политических проблем. Осень–зима 1479/80 г. обозначили начало открытого кризиса.

Как сообщает официозная Моск. летопись, 26 октября 1479 г., во вторник, «князь великий Иван Васильевич поиде к Новугороду Великому».[11] Причина «похода», как впоследствии выяснилось, – раскрытие заговора новгородского боярства во главе с архиепископом Фео-

[11] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

филом. Феофил был взят под стражу и отправлен в Москву.[12] Эти события показали, насколько непрочным было подчинение новгородских бояр власти великого князя, которую они формально признали в 1478 г.

Во время пребывания великого князя в Новгороде произошло и другое важное событие.

По данным Пск. летописи 1 января 1480 г., «пригони изгоном немцы на хрестном целовании местеровы люди да арцбыскупли, да Вышегородок взяли».[13]

О масштабах нападения можно судить по словам псковского летописца: немцы сожгли городскую стену и церковь Бориса и Глеба, «а мужей и жен и деток малых мечи иссекли».[14]

Впервые за 17 лет Псковская земля стала объектом крупного нападения орденских войск. Серьезность положения вызвала обращение псковичей к великому князю в Новгород: «силы просити на немцы». 11 февраля в Псков прибыли посланные великим князем московские войска во главе с воеводой князем Андреем Никитичем Оболенским. В Пскове и его пригородах и волостях в это время шли мобилизация и сосредоточение войск в районе Изборска для ответного удара по орденским владениям. Пробыв три дня в Пскове, московские войска вместе с псковичами выступили в поход. Уничтожив после трехдневной осады немецкое укрепление («костер») Омовжу на берегу Чудского озера, русские войска подошли к Юрьеву и, простояв под ним один день, повернули обратно с полоном, «добытком» и трофеями.[15] 20 февраля войска уже вернулись в Псков.

Расстояние от Пскова до Изборска — около 30 км, от Изборска до Юрьева — около 100 км. Выступив из Пскова 14 февраля (как утверждает летопись) и вернувшись в него 20-го, русские войска вынуждены были, за вычетом четырех дней стояния под крепостями, пройти за два дня 160 км, что, разумеется, совершенно нереально. По-видимому, дата прибытия войск князя Андрея Оболенского указана неверно — скорее всего, они прибыли во Псков не 11-го, а, например, 1-го февраля (дата могла быть легко перепутана переписчиком).[16] Тогда поход в Ливонию приобретает реальные черты — он длился не шесть, а шест-

[12]ПСРЛ. Т. 24. С. 197.
[13]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 218.
[14]Там же. С. 219.
[15]Там же. С. 219.
[16]В пользу такого предположения говорит и то, что великий князь послал войска во Псков, очевидно, до того, как узнал о мятеже братьев, т. е. до конца января.

надцать дней, и войска прошли 160 км за двенадцать дней, что вполне возможно.

Короткий удар русских войск по орденским землям носил характер успешной карательной экспедиции и сам по себе не мог привести к каким-либо существенным военно-политическим результатам. Как показывает опыт предыдущих десятилетий, только пребывание в Пскове достаточно крупных сил русских войск, готовых к выступлению, могло служить надежной гарантией миролюбия со стороны орденских властей. Именно так было во время конфликтов 1460, 1463 и 1473 гг. Однако на этот раз московский воевода не только прервал успешный поход и вернулся в Псков, но и оттуда, «три ночи ночовав, да прочь поехал и своим войском на Москву». Напрасно псковичи слали ему вдогонку своих посадников «бити челом... чтобы воротился взад к Пскову». Послы «нагнали» его уже под Порховом, но он «не прияша псковского челобитья». Впервые за 20 лет своего союза с Москвой Псков оказался предоставленным собственным силам, лицом к лицу с нарастающей орденской агрессией. Уже 25 февраля нападению крупных сил немцев подвергся Изборск. Война с Орденом разгоралась.

Причину быстрого ухода московских войск из города, который находился под угрозой вражеского нашествия и который они должны были оборонять, и их форсированного марша по Псковской земле в сторону Москвы следует искать в другом крупном событии, происшедшем в те же январско-февральские недели и резко изменившем всю внутри- и внешнеполитическую ситуацию. Об этом событии московский официоз сообщает в лаконичной форме: «Тое же зимы братия князя великого, князь Андрей Большой да князь Борис, отступиша от великого князя, а княгини свои отпустиша в Ржеву».[17] Начался княжеский мятеж.

Итак, к февралю 1480 г. политическое положение Русского государства рисуется следующим образом. В Новгороде вскрыта «коромола» в верхах, имеющая достаточно глубокие корни и серьезное внутри- и внешнеполитическое значение. На северо-западном рубеже развертывается большая война с Орденом, носящая характер отражения нарастающей немецкой агрессии. В центре страны впервые за 30 лет начинается мятеж удельных князей Московского дома. Активизация внутренней реакции, всех сил, прямо или косвенно направленных против политики централизации, впервые совпадает по времени с резким обострением внешней опасности. Каждое из этих явлений само по себе

[17] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

представляло серьезную угрозу Русскому государству, а в совокупности они ставили Русскую землю перед лицом наиболее опасной ситуации со времен межкняжеской войны 30–40-х гг. XV в.

В этой критической ситуации от политического руководства Русского государства зависело весьма многое. Необходимы были верная и быстрая оценка обстановки, своевременное принятие целесообразных решений и твердая воля в их осуществлении. Решающее значение имели, как и во всех подобных ситуациях, когда на карту поставлено будущее целого народа, степень общественной поддержки и наличие определенной морально-политической базы, которая одна и могла обеспечить успешность проведения тех или иных правительственных мер.

В эти дни военно-политическое руководство страны (т. е. фактически, великий князь) стояло перед лицом важнейших проблем стратегического масштаба.

Если агрессия со стороны Ордена угрожала северо-западным рубежам страны, то княжеский мятеж грозил охватить центральные районы государства и ставил под удар всю политическую систему Руси. Это делает понятным и оправданным решение отозвать войска с театра Ливонской войны и сосредоточить все внимание на локализации мятежа удельных князей, предоставив на время оборону Псковской земли ее собственным силам. С февраля 1480 г. начинается новый этап политического кризиса. Центральным событием этого этапа становится борьба с феодальным мятежом.

Поход князя Бориса от Волока к Угличу — первый акт открытого мятежа. Отправка княгинь и детей в Ржеву указывает на опасения и намерения мятежного князя: Волок слишком близок к Москве и не годится ни в качестве базы для дальнейших действий, ни в качестве убежища для семьи Бориса.

От Углича до Ржевы около 200 км. Такое расстояние могло быть пройдено войском и обозом за 10 дней. Следовательно, силы мятежных князей могли сосредоточиться в Ржеве в начале 20-х чисел февраля.

Поднимая мятеж, князья, видимо, не рассчитывают на какую-либо поддержку со стороны населения Московской земли — они явно тянутся к окраинам государства, еще недостаточно крепко связанным с центром, ориентируются не на коренные русские земли, а на порубежные районы, откуда легче бежать за рубеж в случае неудачи мятежа.

Несмотря на отсутствие широкой социальной базы, мятеж Бориса и Андрея представляет собой существенную опасность для нового государства. Сам факт мятежа ослабляет Русскую землю перед лицом

внешних врагов, отвлекая материальные и моральные силы от решения важнейших задач строительства и обороны нового государства. Движение мятежных князей от Углича к Ржеве «через Тверскую отчину» грозило осложнениями с тверским великим князем, ненадежным союзником Москвы.

Еще более опасным представляется движение мятежников в сторону Новгорода, Пскова и Литвы. Нельзя исключать возможность намерения мятежников вступить в непосредственный контакт с новгородской боярской оппозицией, связанной на данном этапе с архиепископом Феофилом. Андрей и Борис могли еще не знать о раскрытии «коромолы» Феофила и надеяться на поддержку со стороны новгородских сепаратистов. Как и во времена княжеской войны 30-50-х гг., Новгород служил центром притяжения антимосковских сил. При активной поддержке новгородских сепаратистов феодальный мятеж мог перерасти в феодальную войну с потенциальной угрозой литовской интервенции в условиях уже идущей войны с Орденом. В любом случае мятеж князей ослаблял внутренние и внешние силы Русской земли. Отсюда стремление великого князя добиться мирного разрешения конфликта, склонить мятежников к соглашению. С февраля по апрель к мятежным князьям одно за другим отправляются три посольства, тщетно пытаясь склонить мятежников к миру.

Убедившись, что путь на Новгород закрыт, мятежные князья «...поидоша к литовскому рубежу и, пришедше, сташа в Луках, а х королю послали, чтобы их управил в их обидах с великим князем и помогал».[18] Захват Великих Лук и обращение к королю — высшая точка феодального мятежа 1480 г.

Идя по Русской земле, отряды князей Андрея и Бориса, по свидетельству псковского летописца, «грабиша и плениша, токмо мечи не секоша». Захват же ими Великих Лук был настоящим бедствием для населения: «... а Луки без останка опустьша, и бе видети многым плач и рыдание».[19]

Обращение мятежных князей к королю, «чтобы их управил в их обидах с великим князем и помогал», было по существу актом прямой государственной измены и открытым призывом к польско-литовской интервенции. Пребывание мятежников в захваченных ими Великих Луках, на самом литовском рубеже, создавало реальную возможность соединения их отрядов с польско-литовскими войсками.

[18] ПСРЛ. Т. 24. С. 199.
[19] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 220.

Особенность феодального мятежа заключалась в том, что он развертывался на фоне войны, идущей на северо-западных рубежах страны, и поэтому не может рассматриваться изолированно от событий этой войны. Отход от Пскова войск князя Андрея Оболенского привел к резкому ухудшению стратегической ситуации на этом направлении. После нападения магистра 25 февраля на Изборск и сожжения изборских волостей (сам город устоял) орденские войска двинулись к самому Пскову, «жгучи и палячи Псковьскую волость, а в Псковь видети дым и огнь».[20] По словам Пск. II летописи, «не дошед за 10 верстъ, сташа станы вся сила немецкаа, и възъгнетуша и нощь многыя огни, хупущеся и скрьжещюще зубы на дом святыа Троица и на град Псковъ».[21] Опасность, нависшая над городом и его округой, была, по-видимому, действительно серьезной — во главе вражеских войск стоял, по псковским сведениям, сам магистр. Положение усугублялось недостаточностью руководства со стороны князя-наместника, не пользовавшегося у псковичей авторитетом. По словам Пск. II летописи, Василий Васильевич Шуйский был «князь не войскыи, грубый, токмо прилежаше многому питию и граблению, а о граде не внимаше ни мала и много Пскову грубости учини».[22] Тем не менее при подходе немцев к Пскову князь выступил в поход во главе псковского ополчения: «...князь, и посадники, и все псковичи... вседше скоро на конь». О характере ополчения красноречиво пишет далее та же Пск. II летопись: «...ови в доспесех, а инии нази, токмо в кого что угодилося, или копие, или оружие, или щит, ови на конех, ови пеши». Ополчение носило, видимо, тотальный характер — на защиту города встали все, кто только мог носить оружие. Выступив из Пскова, ополчение вышло к Устьям, где встретилось с войсками магистра. По словам Пск. II летописи, главные силы сторон стояли друг против друга целый день, не начиная сражения, однако сторожевой полк немцев изрубил псковскую пешую рать, убив 300 человек. «А доспешная рать на конех того не видеша», что, конечно, свидетельствует о плохой организации командования псковскими войсками и подтверждает нелестную характеристику князя.[23] Ночью магистр отступил, но «князь псковьскый Василей Шюйскый и посадники не въсхотеша гнатися въследъ, но възвратишася в домы своя».[24] В этой пассивности опять можно

[20]Там же. С. 52.
[21]Там же.
[22]Там же.
[23]Там же. С. 220.
[24]Там же.

видеть слабость командования, в первую очередь самого князя. По данным Пск. III летописи, этот бой произошел 1 марта на Пецкой губе.[25] Отказ псковской рати от решительного сражения с войсками магистра и от преследования их дал магистру возможность продолжать активные действия против псковских пригородов. Следующим объектом нападения стал новый городок Кобылий, в 50 км к северу от Пскова на берегу Чудского озера. По словам Пск. II летописи, немцы подошли к городу вечером 4 марта, а на рассвете 5 марта начали артиллерийский обстрел и подготовку к штурму. Город был взят и сожжен, жители истреблены и частично взяты в плен. В числе тех, которых немцы «живых поимавше, с собою сведоша, немилостивно извязавше», оказался посадник Макарий.[26] По данным Пск. III летописи, общее число погибших доходило до 4 тыс. человек.[27] Хотя эти данные, вероятно, преувеличены (летописец не настаивает на них, приводя их как слух — «друзии сказуют»), взятие и разрушение города на Псковской земле свидетельствует о размахе орденской агрессии.[28] Итак, на северо-западном рубеже страны идет большая война.

Путешествие очередного, третьего, великокняжеского посольства к мятежным князьям длилось более трех недель: «... бе бо весна и путь истомен вельми» (они прибыли на Луки только «в субботу пятьдесятную», т. е. 20 мая).[29] К этому времени, по-видимому, князья Андрей и Борис уже получили ответ от короля на свое «челобитье».

По словам летописи, Казимир «им отмолвил, а княгиням их дал на избылище город Витебск».[30] Казимир, таким образом, занял осторожную позицию. Он остался верен своей общей тактической линии: не воевать самому, не вступать до поры до времени в крупный, рискованный конфликт с сильным и опасным соседом, но всячески ослаблять его, поддерживать центробежные, антимосковские тенденции, помогать всем врагам великого князя, выжидая благоприятное время. И весной 1480 г. на соблазнительное, но слишком прямолинейное предложение начать интервенцию — войну против Русского государства —

[25] Там же. С. 220–221.

[26] Там же. С. 59.

[27] Там же. С. 221.

[28] Из ливонских источников известно, что магистр фон дер Борх вел переговоры с рядом имперских городов с целью привлечения их к войне против Русского государства. От Любека ливонские послы просили 2 тыс. воинов. Речь шла и о торговой блокаде Русской земли. См.: Базилевич. С. 132; Казакова. С. 159.

[29] ПСРЛ. Т. 24. С. 198. — По данным Соф. летописи, «в неделю 50-ю» (т. е. 21 мая). ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 290.

[30] Там же. Т. 24. С. 198; Т. 20. Ч. 1. С. 337.

король отвечает двойственно: войны не начинает, прямо в конфликт не ввязывается, но поддерживает мятежников морально и материально, обеспечивая их тылы.[31] Фактическая поддержка короля, видимо, ободрила мятежников — предложения о мире снова были отклонены.[32]

Неудача третьего посольства приводит к разрыву переговоров с мятежниками: «... князь же великий оправдася перед ними и положи на Бозе упование».[33]

Основной итог второго периода политического кризиса 1480 г. — с февраля по май — был в общем благоприятным для Русского государства. Феодальный мятеж не перерос в феодальную войну, не вызвал политического раскола Русской земли на два враждебных лагеря. Несмотря на то что мятеж продолжался, отчетливо обозначилась ограниченность социально-политической базы мятежников, которым не удалось найти сколько-нибудь влиятельных и верных союзников. Кроме воздействия объективных факторов, в этом нельзя не видеть успеха политической линии на локализацию мятежа, взятой великим князем.

Тем не менее к началу лета общее политическое положение оставалось весьма напряженным. Княжеский мятеж продолжался, сохранялась опасность литовской интервенции. Орден не прекращал агрессии, накапливая силы для решительного наступления на русские земли. Но главный враг надвигался с юга. Весной 1480 г. над Русской землей нависла грозная тень нашествия орды Ахмата.

После отражения нашествия 1472 г. отношения великого князя с Ахматом оставались достаточно напряженными. Обмен послами продолжался, но реального соглашения достигнуто не было. Есть основания считать, что выплата традиционного «выхода», дани, прекратилась — на это указывает прямое свидетельство Вол.-Перм. летописи.[34] В предвидении неизбежности дальнейшего обострения отношений с Ордой — одной из главнейших задач внешней политики Русского государства — было заключение союзного договора с Крымом (хан Менгли-Гирей) в противовес намечавшемуся союзу короля Казимира с ханом Ахматом. Переговоры о союзе начались в 1474 г. (посоль-

---

[31] Базилевич. С. 129–130.

[32] По словам Моск. летописи, мятежные князья «высоко мыслиша и отпустиша архиепископа и бояр... ни с чем» (ПСРЛ. Т. 25. С. 326). Вол.-Перм. летопись отмечает: «И князья того же послушав, на вотчины свои не пошли...» (ПСРЛ. Т. 26. С. 263).

[33] ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

[34] ПСРЛ. Т. 26. С. 265.

ство Никиты Васильевича Беклемишева) и продолжались несколько лет.

Очередное русское посольство во главе с князем Иваном Ивановичем Звенцом Звенигородским отправилось в Крым 16 апреля 1480 г. Оно имело полномочия заключить двусторонний оборонительный договор против Ахмата и оборонительно-наступательный односторонний договор против Казимира.

«А учинится тамо весть князю Ивану Звенцу, что Ахмат царь на сей стороне Волги, а покочюет под Русь, и хотя ярлыка еще не даст Менгли-Гирей царь, ино князю Ивану о том говорити царю Менгли-Гирею, чтобы... на Ахмата царя пошол или брата своего отпустил с своими людми... а не пойдет Менгли-Гирей царь и брата с людми не отпустит на Орду, ино о том говорити, чтобы на Литовскую землю пошол или брата отпустил с людми». Если же «будет Ахмат царь за Волгою», посол не должен делать такого заявления.[35]

Приведенное положение имеет принципиально важное значение для конкретной характеристики политической обстановки весной 1480 г. До Москвы дошли слухи о готовящемся нападении Ахмата, но еще не было точных и надежных сведений о его местонахождении и намерениях. Тем не менее, исходя из конкретной ситуации, в Москве считали вторжение Ахмата вполне реальной и близкой опасностью. Именно поэтому посол должен был потребовать от Менгли немедленной помощи против Ахмата в случае его приближения к русским границам, не дожидаясь формального заключения союзного договора. Как видим, помощь эта мыслилась в двух возможных вариантах — выступление Крыма против самой Орды или против Казимира. В апреле 1480 г. великий князь отдавал себе полный отчет в серьезности сложившейся ситуации.

Несмотря на колебания Менгли между польско-литовской и московской ориентацией, весной 1480 г. военно-политический союз между Крымом и Москвой был заключен,[36] что являлось, без сомнения, крупным успехом русской дипломатии. Однако реальное значение союза с Крымом отнюдь не следует переоценивать. Во-первых, Менгли, только что вернувшийся к власти, еще не прочно сидел на своем престоле. Во-вторых, как вассал султана он должен был сообразовывать свои действия с политическими видами Порты. В-третьих, заинтересованный в поражении своего врага Ахмата, он не имел ос-

[35] Сб. РИО. Т. 41. № 5. С. 19–20.
[36] См.: Базилевич. С. 116–118.

нований желать чрезмерного усиления Русского государства. В-четвертых, он сохранял достаточно тесные связи с Польшей и Литвой — своими ближайшими соседями.[37] В силу всех этих факторов союз с Менгли сам по себе не может рассматриваться как достаточная гарантия его активного выступления против врагов Русского государства. Союз с Менгли не мог быть (и не был) решающим фактором в борьбе с Ахматом.

Таким образом, к весне 1480 г. оформились обе коалиции: союз Москвы с Крымом и союз Орды с Казимиром Литовским. Дипломатическая подготовка к большой войне была в основных чертах завершена. Общая военно-политическая обстановка складывалась в это время невыгодно для Русского государства. По своим материальным и политическим возможностям союзник Ахмата Казимир Литовский намного превосходил крымского хана, союзника Москвы. Еще более неблагоприятными факторами были война с Орденом и мятеж удельных князей. Поэтому следует признать, что момент решительного выступления против Русского государства был выбран Ахматом весьма удачно. Его нашествие летом 1480 г. действительно ставило Русскую землю в чрезвычайно тяжелое и опасное положение.

Рассказ Моск. летописи о переговорах с мятежными князьями прерывается тревожной фразой: «И в то же время слышашеся о нахожении на Русь безбожного царя Ахмута Болшие Орды».[38]

Известие о начале самого похода отнесено Моск. и Сим. летописями к началу лета 1480 г. и помещено после сообщения о смерти коломенского епископа Никиты, последовавшей в мае. Само известие состоит из двух частей. В первой части в обобщенно-публицистической форме сообщается о самом нашествии: «Того же лета злоименитыи царь Ахмат Болшие Орды поиде на православное христианство, на Русь, святые церкви и на великого князя». Моск. летопись добавляет к этому слова: «... по совету братьи великого князя, князя Андрея и князя Бориса».[39] Дальнейшее содержание этой части известия сводится к четырем основным положениям. Во-первых, излагаются цели похода

[37]Ведя переговоры с Русским государством, Менгли одновременно пытался договориться о союзе с Казимиром. Об этом свидетельствует, например, посольство Ази-Бабы к королю в 1479–1480 гг. Крымский посол принес присягу «у брадстве и у приязни з великим королем Польским и великим князем Литовским» и должен был заключить договор на началах: «кто будет цару неприятель, то и великому королю неприятель; а кто великому королю неприятель, то тот и цару неприятель» (РИБ. Т. 27. Стб. 329–330).

[38]ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

[39]Там же. С. 327.

Ахмата: он «похвалялся разорити святые церкви и все православие пленити и самого великого князя, яко же и при Батыи беше».[40] В отличие от Сим. летописи, Моск. снова подчеркивает роль мятежных князей: «... а слышав, что братия отступиша от великого князя».[41] Во-вторых, констатируется факт союза Ахмата с Казимиром: «А король с царем съединачилися, и послы королевы тогда у царя беша».[42] Это общее положение конкретизируется: «... и совет учиниша прийти на великого князя царю от себе Полем, а королю от себе». В-третьих, говорится о составе сил Ахмата: «А с царем вся орда, и братаничь его царь Касым, да шесть сыновей царевых и бещисленные множество татар с ними». В-четвертых, оценивается характер действий Ахмата: «И поиде... тихо велми, ожидая короля с собою». Далее следует конкретизация: «... уже бо пошед, и послов его отпусти к нему, да и своего посла с ними».[43]

Моск. и Сим. летописи, очевидно, приводят две редакции одного и того же известия, носящего официозный характер. Главное отличие редакции Моск. — настойчивое подчеркивание роли мятежа удельных князей в связи с походом Ахмата. Основное содержание известия — констатация серьезной угрозы, нависшей над Русской землей. Широковещательные цели похода Ахмата, подчеркиваемые летописным известием, не имеют аналогии в летописных сообщениях о предыдущих ордынских ратях.

За 100 лет, прошедших после Куликовской битвы, в летописях только один раз упоминается имя Батыя: по словам Соф.-Льв., Тимур Аксак в 1395 г. хотел, «аки второй Батый, разорити христианство». В представлении автора летописного известия о походе Ахмата последний, таким образом, ставится на одну доску не только с Батыем, но и с Тимуром.

Вторая часть рассказа о начале нашествия раскрывает ответные меры великого князя. «Слышав то», великий князь «нача отпускати к Оце на Брег своих воевод с силою». Князя Андрея Меньшого он «отпустил в его отчину в Тарусу противу же им». Далее рассказ приводит первую точную дату: «И потом сына своего великого князя

[40] ПСРЛ. Т. 18. С. 267.

[41] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[42] ПСРЛ. Т. 18. С. 267. — Моск. летопись формулирует это положение иначе: «...послы царевы у короля беша» (ПСРЛ. Т. 25. С. 327).

[43] ПСРЛ. Т. 18. С. 267; Т. 25. С. 327. — Отсюда вытекают ошибочность, а следовательно, и вторичность сообщения Моск. летописи о пребывании «царевых» послов у короля, а не наоборот.

Ивана Ивановича отпусти к Оце же на Брег в Серпухов месяца июня в 8 день». При этом подчеркивается большое количество сил, отправленных с молодым великим князем: «... многие воеводы и воинство бесчисленно».

Таким образом, выдвижение русских войск на оборонительный рубеж Оки началось до 8 июня, в последних числах мая — первых числах июня. Именно к этому времени и относится реальное начало борьбы с нашествием Ахмата.

Тип. летопись после рассказа о неудаче третьего московского посольства к мятежным князьям сообщает: «В то бо время славяще царя нашествие иноплеменных». «То время» — конец мая, если известия летописи расположены (как обычно) в строго хронологическом порядке. Далее рассказывается в общей форме, что великий князь «отпусти воевод своих к Берегу противу татаром». В отличие от московско-симеоновского рассказа, Тип. летопись сообщает конкретный факт, связанный с началом нашествия: «Татарове же пришедше плениша Беспуту и отъидоша».[44]

Первый удар был нанесен по одной из правобережных приокских русских волостей; судя по отходу татар, этот удар носил разведывательный характер. По данным Тип. летописи, именно после этого началось выдвижение крупных сил на Оку. В отличие от московско-симеоновского рассказа, во главе войск названы не только Иван Молодой и Андрей Меньшой, но и князь Василий Верейский.[45]

Софийско-львовский рассказ воспроизводит сначала текст Тип. летописи, а затем московско-симеоновский рассказ, так что известие о начале борьбы с Ахматом повторяется.

Вол.-Перм. летопись статью «О приходе безбожного царя Ахмата на Угру» начинает с нравоучительной сентенции: «Наших ради грех казнит нас ово пожаром, ово гладом, ово мором и ратью».[46] Далее содержится оригинальное изложение предыстории похода. Основная ответственность за нашествие Ахмата возлагается на короля Казимира: именно ему «нача враг выкладати... как бы привести на Русскую землю царя Ахмата». Тот же король, узнав о мятеже братьев и «слышав гнев великий Ахматов царев на великого же князя», «порадовался

[44]ПСРЛ. Т. 24. С. 198–199. — Беспута — правый приток Оки, впадающий в нее между Серпуховом и Каширой. Наличие волости за Окой — важный факт, свидетельствующий о распространении русской колонизации на юг, в сторону плодородных земель Дикого Поля.

[45]Там же. С. 199.

[46]ПСРЛ. Т. 26. С. 262.

тому».[47] Затем излагается содержание «речи» короля к Ахмату через посла Кирея Амуратовича. В этой «речи» король сообщил Ахмату о феодальном мятеже на Руси (удельные князья «из земли вышли со всеми семьями, ино земля ныне Московская пуста»), о том, что-де с ним, с королем, великий князь «ныне не мирен же», и обратился к Ахмату с призывом начать нашествие («время твое»), обещав свою помощь («А яз нынече за свою обиду с тобою же иду на него»). По словам летописца, Ахмат в ответ на это «совет чинит на осень на усть Угры с королем». Далее рассказывается о посылке к Берегу русских войск, причем Ивану Молодому велено «стояти усть Угры».[48]

Рассказ Вол.-Перм. летописи в этой своей части производит впечатление сложной контаминации подлинных известий и позднейших домыслов летописца. Явно позднейшего происхождения сообщение об отправке Ивана Молодого с самого начала на устье Угры. Сведения об имевшейся якобы точной договоренности о встрече на Угре литовских и ордынских сил также вызывают сомнение: по существу своему такая договоренность возможна, но русским она в то время не могла быть известна.

Итак, события начала нашествия Ахмата можно реконструировать, опираясь на два основных относительно самостоятельных и не противоречащих друг другу источника — московско-симеоновский и типографский рассказы.

Следует отметить сравнительную бедность фактических сведений, содержащихся в обоих рассказах. Они носят, в известной мере, публицистический характер. Это не столько регистрация конкретных событий, сколько обобщенные декларации о намерениях Ахмата и о действиях русского руководства, совсем не похожие на точный, лаконичный, документальный стиль, принятый при изложении походов 1471 и 1477 гг.

Единственная точная дата, приводимая в Моск. и Сим. летописях, свидетельствует о частичном использовании летописцем документального материала, однако в отличие от событий 1471 и 1477 гг. это использование было гораздо более ограниченным и носило не систематический, а эпизодический характер. Наличие этой даты в московско-симеоновском рассказе и отсутствие ее в типографском говорит о том, что в первом рассказе документальные материалы использовались в большей мере, чем во втором. Однако сообщение Тип. летописи о напа-

[47] Там же. С. 263.
[48] Там же.

дении ордынцев на Беспуту (отсутствующее в московско-симеоновском рассказе) позволяет считать, что составитель типографского рассказа имел достаточно хороший источник информации, возможно также официального характера.

К началу июня нашествие стало фактом, и все события последующих месяцев должны рассматриваться под углом зрения этого основного факта.

Нападение ордынцев (очевидно, авангардов или отдельных высланных вперед отрядов) на Беспуту заставило русское командование обратить внимание в первую очередь на западный участок оборонительной линии по Оке. Об этом свидетельствует выдвижение Андрея Меньшого к Тарусе, а главных сил, собранных к тому времени, — к Серпухову. Напомним, что и в 1472 г. Ахмат избрал для своего нападения западный участок — район Алексина.

В 1382 г. Тохтамыш также, по-видимому, перешел через Оку в районе Серпухова. По летописным данным, именно этот город был взят им в первую очередь.[49] Итак, удар ордынских войск через Оку на западном ее участке был вполне вероятной возможностью, отразившейся на первоначальном развертывании русских войск.

Однако, по рассказу Моск. и Сим. летописей, главные силы Ахмата двигались весьма медленно и скрытно.[50] Выход передовых отрядов к Беспуте еще не определял направления главного удара,[51] русское командование, видимо, длительное время не имело сведений о подлинных намерениях Ахмата. Медленность движения Орды давала русским возможность накапливать новые силы и держать их в резерве до выяснения направления главного удара противника. «Потом же приближающуся ему к Дону, и князь великий Иван Васильевич, слышев то, поиде сам противу ему к Коломне, месяца июля в 23 в неделю. . . »[52]

23 июля — вторая точная дата нашего основного источника и второй след влияния на него документальных материалов. Как и в первом случае, это влияние отразилось на московско-симеоновском, а не типографском рассказе. По-видимому, именно к этому времени русские окончательно определили, что во главе ордынских войск стал сам Ах-

[49] ПСРЛ. Т. 20/1. С. 203; Т. 23. С. 128; Т. 24. С. 151.

[50] «Тихо велми», «царь же идяше медленно, а все короля ожидая» (ПСРЛ. Т. 25. С. 327; Т. 18. С. 267).

[51] Беспута неоднократно являлась объектом нападений ордынцев. Так, летом 1468 г. «татарове польсти разбиша сторожев наших в Поле, и пришед без вести, и взяша Беспуту и множество полону взявшее, отъидоша» (ПСРЛ. Т. 24. С. 187).

[52] ПСРЛ. Т. 18. С. 267. — Моск. летопись относит это событие к 23 июня, что неверно: воскресенье приходилось на 23 июля.

мат и что дело идет не об очередном набеге, а о военной акции стратегического масштаба.

Выдвижение главных сил Ахмата к Дону (очевидно, к его верховьям), о чем к этому времени стало известно русским, указывало на возможность нанесения удара по среднему (между Серпуховом и Коломной) или восточному (ниже Коломны) участкам оборонительной линии.[53] Этим, по-видимому, и определилось решение русского командования двинуть новые силы во главе с самим великим князем к Коломне — важнейшему стратегическому пункту на Оке, откуда войска могут быть легко направлены и во фланг противнику, переправляющемуся выше по реке, и на восточный участок оборонительной линии, в сторону Рязани.[54]

Избрание Коломны в качестве места расположения великокняжеского полка не представляется случайным. Это традиционное место сбора войск, обороняющих Берег. Стратегическое значение этого пункта, по-видимому, вполне осознавалось русскими. От Коломны к Москве ведет если не кратчайший, то, вероятно, наиболее удобный путь вторжения вдоль течения Москвы-реки (1–2 конных или 4–5 пеших переходов). Именно к Коломне спешил в июне 1451 г. великий князь Василий Васильевич, стремясь преградить дорогу к Москве орде Сеид-Ахмета во главе с Мазовшей.[55] В дальнейшем Коломна (по-видимому, сильная крепость) постоянно находилась в центре внимания великого князя, неоднократно посещавшего ее.[56]

Выдвижение великокняжеского полка к Коломне в конце июля 1480 г. завершило развертывание основных сил русского войска по оборонительному рубежу Оки. Весь левый берег, от Коломны до Тарусы (около 200 км), оказался занятым русскими войсками.

Если в 1472 г., во время Алексинского похода, Ахмат, по-видимому, рассчитывал на стратегическую внезапность (и в известной мере достиг ее), то в летней кампании 1480 г. он исходил из других предпосылок, ставя (по данным русских летописей) свои действия в за-

[53] От верховьев Дона до Коломны — около 120 км, до Каширы — около 90 км, до Серпухова — около 120 км.

[54] От верховьев Дона до Рязани — около 120 км, от Коломны до Рязани — около 80 км.

[55] ПСРЛ. Т. 25. С. 271.

[56] Он был в Коломне в апреле 1467 г. при подготовке первого Казанского похода, в августе 1469 г. - во время четвертого похода на Казань. В 1472 г. во время Алексинского похода Ахмата Ставка великого князя также находилась в Коломне. О значении Коломны в системе обороны Берега см.: *Мазуров А. Б.* Средневековая Коломна в XIV в. — первой половине XVI в. М., 2001.

висимость от выступления Казимира, т. е. от общей военно-политической ситуации. Этим, надо думать, и объясняется крайне медленное, осторожное движение Орды к русским рубежам.[57] Наученный опытом неудачных боев на Оке в конце июля — начале августа 1472 г., Ахмат, видимо, не рассчитывал на возможность в одиночку, только своими силами, нанести поражение русским войскам. Однако это ни в коей мере не означает отказа от решительных действий в благоприятной обстановке — в соответствии с политическими целями кампании.

На решительность целей Ахмата, на размах его приготовлений и масштаб сил, двинутых им против Русского государства, указывают, кроме общей сентенции летописца, конкретные факты, приводимые в летописи. С Ахматом шли его племянник Касим и шесть царевичей, по-видимому, вся Большая Орда, все силы, находившиеся в распоряжении хана. Для сравнения можно указать, что осенью 1408 г. с Едигеем шли четыре царевича, а состав его войска исчислялся, по-видимому, несколькими десятками тысяч человек: только в погоню за великим князем Василием Дмитриевичем было выделено, по данным русской летописи, 30 тыс. отборной конницы.[58] Разумеется, эта цифра не является точной, но она дает общее представление о масштабе вторжения Едигея. Нет основания сомневаться, что хан Ахмат, распоряжавшийся всеми силами Орды, располагал большим войском, чем удачливый воевода хана Булата.[59]

На огромный масштаб нашествия Ахмата косвенно указывает и сама длительность кампании. Длительность ордынских «ратей» измерялась, как правило, неделями, самое большое 1–2 месяцами. Рассчитывая на нанесение стремительного удара своей конницей, ханы и «царевичи» проводили скоротечные кампании. В случае успеха (Тохтамыш в 1382 г., Едигей в 1408 г., Улу-Мухаммед в 1439 г., Мазовша в 1451 г.) они форсировали Оку, выходили к Москве, рассыпались отрядами по Русской земле, предавая города и волости огню, мечу и разорению. В случае неудачи боев за переправы (как в 1459 г., когда

---

[57] В числе причин медленного движения Ахмата В. Д. Назаров называет необходимость подкормки скота после зимовки (*Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига // Вопросы истории. 1980. № 10. С. 115).

[58] ПСРЛ. Т. 25. С. 238; Т. 20/1. С. 225–226.

[59] В. Д. Назаров отмечает, что, по данным восточных авторов, Ахмат мог выставить до 100 тыс. воинов (*Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 110). В переговорах с Венецией Ахмат обещал выставить 200 тыс. конницы против Порты (*Пирлинг П.* Россия и папский престол. М., 1912. С. 176). Ввиду этого трудно согласиться с предположением Р. Г. Скрынникова, что Ахмат «едва ли мог собрать более 30–40 тысяч воинов» (*Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. С. 29).

впервые ордынцы были отбиты от Оки русскими войсками во главе с будущим Иваном III, и в 1472 г. под Алексином) они быстро уходили в степи. На длительную кампанию у Орды не хватало сил и средств — во всяком случае, такие кампании никогда не проводились прежними ханами и их военачальниками даже при наличии первоначального успеха. Тохтамыш простоял под Москвой всего несколько дней, а затем, взяв ее, быстро отступил за Оку,[60] Едигей стоял под Москвой три недели, Улу-Мухаммед — десять дней, Мазовша — два дня. Исходя из этого, русские могли рассчитывать, что кампания 1480 г. тоже не будет длительной. Однако ход событий этой кампании существенно отличал ее от всех предыдущих. Орда Ахмата не спешила вступить в сражение. Она, как туча, нависла над южным рубежом Русской земли, сковывая русские силы на огромном протяжении оборонительного рубежа от Коломны до Тарусы, выбирая время и место для нанесения решительного удара.

Впервые за всю историю русско-ордынских войн хан Ахмат проводил длительную кампанию, не надеясь на внезапность, а рассчитывая нанести удар наверняка и с решительным политическим результатом.

Этим основным фактором определялся общий характер военно-политической обстановки для Русской земли в летние месяцы 1480 г. Политический кризис, начавшийся зимой этого года, вступил к августу в свою новую, наиболее серьезную фазу. Княжеский мятеж продолжался, удельные князья по-прежнему стояли со своими полками у литовского рубежа. Орденская агрессия расширялась, приобретая все больший размах. Нападение со стороны Казимира являлось вполне реальной возможностью. Главное же — к этому времени выяснились в общих чертах масштаб и характер нашествия Ахмата, приковывавшего к себе основное внимание великого князя и главные силы русских войск. Стало, по-видимому, ясным, что речь идет не об очередном походе Орды, а о нашествии такого масштаба и с такими целями, которые заставляли вспомнить времена Батыевой рати. Именно на южных рубежах Русского государства решалась летом-осенью 1480 г. судьба Русской земли и ее народа.

Во второй половине августа агрессия Ордена против Пскова достигла своей высшей стадии.[61] 18 августа немцы подошли к Избор-

---

[60] ПСРЛ. Т. 20/1. С. 203; Т. 25. С. 207–209.

[61] К. В. Базилевич не исключает возможности соглашения между магистром и ханом Ахматом: «Во всяком случаев в Ливонии были хорошо осведомлены о тяжелом положении Москвы... и спешили воспользоваться благоприятными обстоятельствами» (Базилевич. С. 133). Согласно Хронике Рюссова, магистр фон дер

ску. По словам Пск. III летописи, магистр подошел к городу со своими главными силами («с всею землею»). Город был подвергнут артиллерийскому обстрелу, противник готовился к штурму («примет к стенам приношаху с огнем»).[62] Однако главным объектом действий магистра Бернда фон дер Борха был отнюдь не Изборск. Поэтому, отказавшись от штурма этой крепости и оставив ее в тылу, он двинулся прямо к Пскову. 20 августа магистр подошел ко Пскову «и сташа по всему Завелицкому полю шатрами».[63] Впервые за много десятков лет непосредственно под стенами Пскова появилось большое вражеское войско.[64] Псковичи подготовились к обороне. По словам Пск. II, они «Завеличье сами зажгоша и по Великой реке на Выбуте и в Устьях заставы поставиша». Как свидетельствует Пск. III, силы, собранные со псковских пригородов, стали на Выбуте у брода; броды через р. Великую псковичи «затворивше», т.е. заняли своими войсками.[65] Таким образом, псковичи до какой-то степени обеспечили свои фланги (Устья — при впадении р. Великой в Псковское озеро, Выбут — в 12 км выше Пскова по той же реке), исключив возможность обхода города с тыла.[66]

Подойдя к Пскову, магистр не стал сразу штурмовать город, а ожидал подхода войск своего союзника и вассала — дерптского епископа Иоганна. По данным Пск. II летописи, эти войска подошли в судах (шнеках) на 4-й день (т.е. 23 августа),[67] а по сведениям Пск. III, 13 шнек пришли уже на следующий день (т.е. 21 августа) и также стали

Борх собрал 100 тыс. войска (это, конечно, явное преувеличение, но оно показывает масштаб войска магистра, поразивший современников) (Сб. матер. и ст. по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. II. С. 287).

[62]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 221.

[63]Там же.

[64]По данным псковских летописей, последний раз немцы стояли под Псковом три дня в 1370 г. (ПСРЛ. Т. 5/2. С. 28, 104–105), а в августе 1393 г. под городом восемь дней стояла новгородская рать (Там же. С. 30, 107).

[65]Там же. С. 222.

[66]Следует отметить, что при прежних нападениях на Псков противник, как правило, стремился действовать по правому берегу Великой против Запсковья. Так именно поступили немцы во время большого похода в мае 1323 г., когда они стояли под городом 18 дней (Там же. С. 23, 89); в 1370 г. немцы тоже стояли на Запсковье (Там же. С. 28, 104–105). Выход противника на правый берег Великой был для Пскова особенно опасен, так как мог привести к полному окружению города. Особое значение имела защита бродов у Выбута, на кратчайшем расстоянии от Пскова: в августе 1407 г. здесь пытался форсировать Великую магистр Конрад фон Фитингоф, но был отбит после четырехдневного боя (Там же. С. 33).

[67]ПСРЛ. Т. 5/2. С. 60.

станом на Завеличье.[68] Застава, поставленная псковичами в Устьях, не смогла предотвратить прорыв дерптской флотилии в р. Великую. Значение этой заставы, видимо, в том, что она воспрепятствовала высадке немцев на правом берегу Великой и окружению Пскова. Люди дерптского епископа на своих шнеках «привезли множество ратного запаса, и хлебов, и пива, и вологи»,[69] обеспечивая тем самым снабжение войска магистра.

После соединения всех своих сил магистр стал готовиться к штурму. Начался сильный артиллерийский обстрел города из тяжелых и легких орудий («начаша множеством пушек шибати и пищалий»). Немцы, по-видимому, рассчитывали разрушить городские укрепления. Многодневный артиллерийский обстрел, которому Псков подвергся впервые за свою историю, вызвал панику в неустойчивых слоях населения столицы вечевой республики. По словам Пск. II, «мнози безумнии от гражан побегоша из града за рубеж», «мняхуть бо тогда уже граду взяту быти». В числе этих «безумных» летописец называет посадника Филиппа Пукышова, убежавшего вместе с женой и пойманного уже «вне града». Бегство посадника симптоматично. Как и в 1241 г., отдельные представители псковского боярства проявляли малодушие и готовность в трудную минуту предать интересы своего города. По словам Пск. II, позорное малодушие проявил и наместник — князь Василий Шуйский. Он «повеле своимь и кони седлати, и хоте бежати, и посадники с псковичами едва добиша ему чолом». Однако, по-видимому, в городе в целом сохранялся порядок, и основная масса псковичей мужественно готовилась к отражению штурма.

Пользуясь благоприятным ветром «от Завеличья на град», немцы попытались применить брандеры. Собрав «по Завеличью оставшаяся древеса и жердье и солому», они сложили горючий материал в два учана, полили смолой, зажгли и пустили по ветру на псковскую сторону. Под прикрытием артиллерийского огня и пылающих брандеров началось форсирование Великой. Нагрузив в каждую шнеку по сотне и более воинов, немцы переплыли реку ниже крепости, в Запсковье, на участке между церквами святого Лазаря и Спаса в Логу (Надолбине), и попытались выйти на берег.

Однако псковичи не допустили этого. Бросая с крепостных стен

[68] Там же. С. 221. — В этих известиях нет прямого противоречия. Первые 13 шнек могли подойти 21-го, а «юрьевцы во многих снеках» могли подойти на 4-й день, о чем и пишет Пск. II.

[69] Там же. С. 60.

камни, они секирами и мечами отбили немцев, захватили одну шнеку и заставили остальные повернуть обратно. Штурм был отбит.

По словам Пск. II, немцы «начаша скоро скручатися, и дождавше нощи побегоша... а шнеки своя пометавше». Все три псковские летописи сообщают, что магистр стоял под городом пять дней. Штурм, таким образом, состоялся 24 или 25 августа, и в ночь после него магистр отошел от города.

Неудача штурма Пскова фон дер Борхом объясняется в конечном счете двумя обстоятельствами. Собрав крупные силы с достаточными припасами и артиллерией, магистр (в отличие от русских под Новгородом в 1477 г.) не располагал специальными средствами для постройки моста или переправы через широкую и многоводную реку. В этих условиях он мог взять город только в случае, если бы артиллерийский обстрел вызвал в крепостной стене большие разрушения и подавил волю к сопротивлению у обороняющихся. Однако этого не случилось. Псковичи сумели организовать оборону, пресечь панику и проявили большую моральную стойкость. Попытка форсировать Великую в шнеках была явной авантюрой, рассчитанной на то, чтобы захватить русских врасплох. Успешное отражение русскими немецкого штурма и понесенные при этом потери должны были убедить магистра в бесперспективности дальнейших попыток овладеть сильной русской крепостью, с ее искусной и стойкой обороной.

Несмотря на поражение, понесенное магистром под стенами Пскова, положение города и его земли продолжало оставаться критическим. Основное преимущество Ордена — сильное полевое войско (подобного которому в Пскове не было) — давало магистру возможность сохранять инициативу в своих руках и фактически беспрепятственно и безнаказанно опустошать псковские волости, нападать на маленькие города и разрушать их (как показала весенняя кампания). Агрессия Ордена продолжалась, и у Пскова не было активных средств для успешной борьбы с нею.

Именно этим объясняются неоднократные обращения псковичей за помощью к великому князю и его наместникам в Новгород («мнози гонци слаша к великому князю и к Новугороду»).[70] Но, разумеется, в августе–сентябре 1480 г. великий князь не мог оказать Пскову, «своей отчине», никакой реальной помощи. Он стоял со своими войсками в Коломне, ожидая со дня на день решительного сражения с ордой Ахмата. В Новгороде тоже, по-видимому, не было крупных сил — все

[70] Там же. С. 60–61.

боеспособные русские войска были стянуты, надо думать, к южному рубежу. Не приходится удивляться, что Пскову «не бе помощи ни от кого же», как горестно замечает псковский летописец.[71]

В этих условиях руководители Псковской республики сочли возможным обратиться за помощью к братьям великого князя, стоявшим со своими войсками в Великих Луках, в 4–5 конных переходах от Пскова (около 220 км).

По сообщению Пск. II летописи, князья прибыли в Псков 3 сентября, «по челобитью псковскому». Псковичи обратились к ним с просьбой, «абы мстили поганым немцам крови христианские». Речь шла, очевидно, о карательном походе в Ливонию как средстве заставить магистра прекратить свои нападения на Псковскую землю. Князья поставили условие: «Егда убо зде изволите быти женам нашим, тогда ради есмо вас боронити». Таким образом, мятежные князья фактически потребовали политического убежища в Пскове для своих семей. Реально это означало ни больше ни меньше как превращение Пскова в политическую базу феодального мятежа, подобно тому как это случилось с Новгородом, принявшим зимой 1450 г. беглого Шемяку, разбитого под Галичем и жившего после этого в Новгороде более трех лет. Псковичи оказались в тяжелом положении. С одной стороны, они, несомненно, нуждались в эффективной помощи княжеской конницы, а с другой — отдавали себе отчет в том, что «врага царского аще кто хранит, супостат ему есть» и что по отношению к великому князю Андрей и Борис «аще и братия ему, но супостаты ему беша». Понятно поэтому, что в течение нескольких дней псковичи, по словам летописи, «беху… в мнози сетовании и в тузе, не домышляющеся о семь что створити». Однако, «много думавше», они все же отказались от условий, предложенных князьями: «… не хощем двема работати, но хощем единого осподаря держатися, великого князя».[72] Десятидневные переговоры с князьями закончились разрывом: 13 сентября князья «разгневавшеся поехаша из града… а помощи Пскову не учиниша ничто же». Князья, однако, не только отказали в помощи русскому городу против ливонцев. «Всташа на Мелетове»,[73] они распустили по всем волостям своих людей, которых, по мнению летописца, насчитывалось до 10 тыс.[74]

---

[71] Там же.

[72] Неясно, на чем основано мнение Н. С. Борисова, что «псковичи отправили гонца к братьям, выполняя указание Ивана III (*Борисов Н. С.* Иван III. С. 437).

[73] Мелетово — погост в 40 верстах от Пскова (*Васильев И. И.* Опыт статистическо-географического словаря Псковского уезда. Псков, 1881. С. 187).

[74] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 61–62.

Цифра, вероятно, преувеличенная, хотя несколько тысяч вооруженных людей у князей быть могло. Княжеские люди повели себя «аки невернии». Они грабили церкви и жителей, бесчинствовали, захватывали пленных, «а от скота не оставиша ни куряти». Псковская земля подверглась настоящему разорению в стиле феодальной анархии, той самой «старины», под знаменем которой князья подняли свой мятеж. Только получив выкуп (псковичи «даша 200 рублев, а околицы 5 рублев»), они покинули псковские пределы и «отъидоша в Новгородскую с многим вредом».[75] Разорение Псковской земли — последний акт феодального мятежа князей Андрея и Бориса.

В августе–сентябре 1480 г. основное внимание русского командования было по-прежнему приковано к южному стратегическому направлению. Своевременное развертывание главных сил русских войск на оборонительном рубеже Оки было важнейшим стратегическим фактором, оказавшим решающее влияние на всю последующую обстановку. «Слышав же царь Ахмат, что на тех местах на всех, где прити ему, стоят противу ему с великими князи многие люди, и царь поиде в Литовскую землю, хотя обойти же Угру».[76] Ахмат был вынужден отказаться от попыток форсирования Оки на центральном участке, что в 2–3 перехода вывело бы его к Москве (от Коломны до Москвы — около 80 км), и предпринять обходное движение. На характер маневра Ахмата, стремившегося скрытно обойти русские войска, указывает и Вол.-Перм. летопись: «... царь же поиде скрытно незнаемыми пути на Литовскую землю, хотя искрасти берег».[77] Это вызвало соответствующую рокировку русских войск: «И князь великий... повеле тако ити

---

[75]Там же. — Аналогично, но менее подробно сказано в Пск. III. (Там же. С. 222). Совсем по-иному изображает соответствующие события Соф.-Льв. летопись (в своей оригинальной части). По ее словам, мятежные князья «слышавшее, что немцы под Псковым воюють, и идоша Псковичем на помощь». Именно это было основной причиной отступления немцев; они «слышавшее... идущу братью великого князя на помочь Псковичем, и отидоша прочь в свою землю» (ПСРЛ. Т. 20/1. С. 346). Элементарный расчет показывает, что если князья Андрей и Борис пришли в Псков 3 сентября, то свое движение от Великих Лук их конное войско должно было начать за 4–5 дней, т. е. 29–30 августа. Магистр же отступил от Пскова не позднее 25 августа; следовательно, прямой связи между отходом немцев и движением князей от Великих Лук быть не могло. Сочувствующий удельным князьям софийско-львовский летописец в данном случае допускает явную передержку. Тенденциозность известия о «помощи» мятежных князей Пскову отмечает К. В. Базилевич (Базилевич. С. 144–145).

[76]ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[77]ПСРЛ. Т. 26. С. 264. — Об этом же говорит самостоятельный рассказ Соф.-Льв.: «... татарове искаху дороги, куды бы тайно перешед, да изгоном идти к Москве» (ПСРЛ. Т. 20/1. С. 346).

сыну своему и брату своему князю Андрею Васильевичю Меньшому к Калузе к Угре на берег».[78] Обходное движение Ахмата было своевременно обнаружено русским командованием.

В конце сентября борьба с нашествием вступает в новую фазу. Движение Ахмата к Угре, в обход главной оборонительной линии русских, таило в себе большую опасность. Во-первых, Угра как естественная преграда значительно уступает Оке. Река сравнительно неширокая, изобилует узкими местами и бродами.[79] Защита ее на широком фронте — задача значительно более сложная, чем оборона широкой, полноводной Оки. Во-вторых, выходя к Угре, Ахмат оставался в опасной близости от русской столицы (150–180 км), т. е. не более чем в 3–4 конных переходах, и сохранял возможность стремительного удара на нее, притом с неожиданного, необычного направления. В-третьих, его вступление в Литовскую землю (точнее — на территорию русских княжеств, находившихся под юрисдикцией великого князя литовского) усиливало вероятность соединения с войсками Казимира и угрозу эвентуального выступления последнего: оно могло побудить короля принять активное участие в войне.[80] Само движение Ахмата в литовские пределы может рассматриваться как средство политического давления на своего осторожного союзника. Во всяком случае, опасность, нависшая над Русской землей, в конце сентября становится наиболее реальной.[81]

---

[78] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[79] В низовьях Угры оба берега низкие, река извилистая, протекает в широкой пойме, покрытой заливными лугами. Переправа крупных конных масс здесь особенно удобна. Подробное описание берегов Угры и бродов через нее см.: Каргалов. С. 109–115. — Тип. летопись отмечает, что «знахоре ведяху его (Ахмата. — *Ю. А.*) ко Угре реце на броды» (ПСРЛ. Т. 24. С. 199).

[80] Это особо отмечается Тип. Ахмат шел в Литовскую землю, «ожидая к себе на помощь короля или силы его» (ПСРЛ. Т. 24. С. 199). Выходя к Угре, Ахмат вступал на земли многочисленных потомков черниговских князей, издавна спорные между Литвой и Русью. Как объяснил позднее (в 1490 г.) Иван III, «нашим предним великим князем да и литовским великим князем те князи на обе стороны служила с своими отчинами» (РИБ: Сб. РИО. Т. 35. № 12. С. 51). Воротынск, например, был отчиной князей Воротынских, Опаковом (судя по данным конца 80-х гг.) правили королевские люди Сапежичи (Там же). Появление союзной с Казимиром Орды в этом чересполосном районе, раздираемом острыми противоречиями (тут-то и убили в 1473 г. князя Семена Одоевского), являлось важным политическим фактором, сильно усложнявшим обстановку.

[81] «В течение всего великого княжения Ивана III положение его не было более сложным и трудным, чем в эти осенние месяцы 1480 г.», — с полным основанием пишет К. В. Базилевич (Базилевич. С. 134). Необходимо, однако, подчеркнуть, что речь шла не о личной судьбе великого князя, а о судьбах всей Русской земли,

Это заставляет великого князя принять чрезвычайные меры по отражению нашествия. Одной из этих мер является созыв церковно-служилого собора в Москве. По данным Моск. летописи, после более чем двухмесячного пребывания с войсками в Коломне, 30 сентября «прииде князь великий... на Москву на совет и думу». В «совете и думе» приняли участие, по словам летописи, митрополит Геронтий, мать великого князя, дядя его князь Михаил Андреевич Верейский, а также все бояре, «все бо тогда бяше в осаде на Москве».[82] Тип. летопись называет в числе участников совещания также архиепископа Вассиана.[83] Моск. и Тип. летописи подчеркивают, что участники совещания «молиша его (великого князя. — *Ю. А.*) великим молением, чтобы крепко стоял за православное хрестьянство, против бесерменству».[84]

«Совет и дума» в Москве выступили в поддержку политической линии на борьбу с Ахматом (линии, уже фактически проводившейся, как мы видели, на протяжении ряда месяцев). Более того, эта линия была торжественно санкционирована церковью. По словам «Послания на Угру» архиепископа Вассиана, «митрополиту убо со всем боголюбивым собором тебя, государя нашего, благословившю». Этому соответствуют и более краткие известия летописей, сообщающих о молебнах в Москве и о благословении митрополита. На «Совете и думе» были приняты важные практические решения — о мире с братьями (по их челобитью) и, по-видимому, о приведении Москвы в осадное положение.

События, связанные с приведением Москвы и других городов в осадное положение, наиболее подробно отразились в Вол.-Перм. и Соф.-Льв. летописях (в оригинальной части последней). Вол.-Перм. сообщает, что «великий князь осадив грады свои воеводами крепкими».[85] Соф.-Льв. упоминает о таких распоряжениях великого князя, как сожжение Каширы — городка на правом берегу Оки (которому угрожала участь Алексина), эвакуация Дмитрова (население которого великий князь велел «в осаду в Переяславль... перевести Полуехту Бутурлину да Ивану Кике») и перевод из Москвы в Дмитров «строев».[86] Оборонительные меры на случай возможного вторжения противника проводились, таким образом, на широком фронте и на боль-

подвергавшейся смертельной угрозе извне и изнутри.

[82] ПСРЛ. Т. 25. С. 321.

[83] ПСРЛ. Т. 24. С. 199.

[84] ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[85] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

[86] ПСРЛ. Т. 20. С. 346.

шую глубину, охватывая и тыловые районы страны на вероятных путях вторжения. Эти меры, к которым автор рассказа Соф.-Льв. летописи относится явно отрицательно, видя в них проявление «трусости» («городок Каширу сам велел зжечи, побежа на Москву»), заслуживают серьезного внимания. Великий князь готовил страну к упорной обороне, не исключая возможности глубокого вторжения противника. Он исходил, очевидно, из опыта предшествующих войн с Ордой. Так, в августе 1382 г. орда Тохтамыша взяла Владимир, «а люди изсекоша, а иные в полон поведоша». Та же орда разорила Звенигород, Можайск и Юрьев, взяла и сожгла Переяславль (горожане «бегоша на озеро и тамо избыша от нахождения») и «иные мнози грады, и власти, и села».[87] Аналогичное положение сложилось зимой 1408 г. при нашествии Едигея. Его войска «разсыпашася по всей земле, аки злии волци, по всем градам, и по странам, и по волостям, и селам, и не остася такого место, иде же не были татарове». Они взяли и сожгли Переяславль, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец.[88] В июле 1439 г. Улу-Мухаммед, отступая от Москвы, разорил и выжег землю «досталь Коломны».[89] Оборонительные меры в тылу, проводимые по распоряжению великого князя, были далеко не лишними. Они свидетельствовали о намерении оказать решительное сопротивление с реальным учетом тактики противника.

В случае прорыва через оборонительную линию русских войск ордынцы даже при конечном своем поражении могли, используя маневренность своей конницы, разорить обширные районы в глубоком тылу, сжечь города и принести неисчислимые бедствия населению. Вот почему еще в 1467 г., во время первой войны с Казанью, великий князь, прежде всего, привел в оборонительное состояние Муром, Нижний Новгород, Кострому и Галич; им велено было «сидети в осаде, стеречись от Казани».[90] И в 1480 г., в гораздо более опасной обстановке, московское правительство проявляло должную предусмотрительность, обеспечивая по мере возможности безопасность жителей и лишая противника одного из его главных козырей.

В этой же связи, очевидно, необходимо рассматривать и приведение в оборонительное состояние самой столицы, находившейся в непосредственной близости от линии фронта. Даже с учетом осенней распутицы ордынская конница с берегов Угры могла достичь Москвы за 6-7

[87] ПСРЛ. Т. 25. С. 209-210.
[88] Там же. С. 268.
[89] Там же. С. 260.
[90] Там же. С. 279.

переходов. Организация обороны Москвы имела важнейшее стратегическое и политическое значение. В случае прорыва ордынцев за Угру и выступления Казимира удержание русскими в своих руках Московской крепости могло бы стать фактором, определяющим судьбу всей войны. Именно опираясь на эту крепость, русские войска имели шанс в конечном счете нанести поражение противнику даже при его первоначальных успехах. Однако приведение в оборонительное состояние огромного города, в который стекались и жители обширной округи, было достаточно трудным делом, сопряженным с большими материальными жертвами. Главная из них — необходимость сожжения посада, т. е. ликвидации дворов, жилищ и хозяйственных построек основной массы населения столицы. Эта мера непосредственно затрагивала жизненные интересы многих тысяч посадских людей — большой социальной силы, с которой правительство не могло не считаться. Тем самым вопрос о приведении Москвы в осадное положение приобретал не только военный, но и социально-политический аспект. Этим мог объясняться расчет горожан, о котором пишут Вол.-Перм. летопись и источник Соф.-Льв.

Активная роль горожан Москвы в защите столицы Руси неоднократно проявлялась в XIV–XV вв. В 1382 г. при нашествии Тохтамыша именно горожане взяли на себя организацию обороны Кремля и пресекли бегство «мятежников и крамолников, иже хотяху изыти из града».[91] В июле 1445 г., когда после трагической Суздальской битвы создалась реальная угроза появления перед стенами столицы войска казанских царевичей и в состоятельных верхах московского населения началась паника («могущей бо бежати, оставши град бежати хотяху»), решительное и организованное выступление «черни» навело в городе порядок («чернь же совокупившеся начаша врата граднаа преже делати, а хотящих из града бежати начаша имати и бити и ковати, и тако уставися волнение, но вси общи начаша град крепити, а себе пристрой домовной готовити»).[92] В обоих этих случаях действия рядовых горожан сыграли решающую роль в организации обороны столицы.

Как же обстояло дело в 1480 г.? Конкретные требования горожан великому князю остаются неясными в деталях, но не вызывает сомнения их основной смысл: «чернь» требует организации решительной обороны против Ахмата, требует не выдавать столицу ордынцам.

[91] ПСРЛ. Т. 20. С. 203; Т. 25. С. 207; См.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 223–231; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960. С. 640–646.

[92] ПСРЛ. Т. 25. С. 263; *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 779–784.

В этой настроенности основной массы московских горожан нельзя не видеть несомненных черт сходства с поведением их отцов в 1445 г. и прадедов в 1382 г. Как и тогда, московский посадский люд был готов грудью стать на защиту своего города. Наряду с этим, однако, можно отметить, по нашим источникам, и определенные различия, составляющие специфику поведения посада в 1480 г. и отражающие черты новой исторической эпохи.

Основное отличие ситуации 1480 г. в том, что, по-видимому, не было каких-либо самостоятельных действий посада, направленных на организацию обороны города. С этим связано и отсутствие известий об открытых выступлениях посадского населения против каких-либо отдельных лиц или социальных групп, готовящихся бежать из города. Надо думать, что эта особенность положения в 1480 г. была вызвана отнюдь не большей пассивностью или меньшей патриотичностью горожан, чем в 1382 или 1445 гг., и, конечно, не меньшей степенью социальной зрелости посада. Основная причина относительно меньшей социальной активности горожан в 1480 г. кроется в конкретных особенностях обстановки, сложившейся в Москве к концу сентября—началу октября 1480 г. Если в 1382 и 1445 гг. выступления горожан происходили в условиях фактического отсутствия в Москве государственной власти, способной взять на себя организацию обороны столицы, то в 1480 г. мы встречаемся с принципиально иным положением: подготовка Москвы к обороне осуществляется по инициативе и под руководством государственной власти как составная часть общих мер по отражению нашествия Ахмата.

Это не могло не наложить отпечатка на поведение посадских людей: им не пришлось брать на себя функции организации обороны, и их социальная активность сохранила свой, так сказать, латентный характер, выразившись в предъявлении определенных требований великокняжеской власти. Общее усиление государственного аппарата и его эффективности в период образования централизованного государства меняло форму и характер выступлений посадских людей, их участия в обороне столицы.

Какое же реальное значение имела в этих условиях позиция московских горожан? Несмотря на ноты социального протеста, в ропоте московских горожан одинаково трудно увидеть как назревающее антифеодальное восстание,[93] так и выдвижение конкретной военно-политической программы борьбы с Ахматом, принципиально отличающейся

[93] Ср.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 877, 881.

от правительственной.[94] Тем не менее позиция, занятая горожанами столицы в важнейшем политическом вопросе, имеет существенное значение. Русский город XV в., и прежде всего Москва, — одна из важных социальных опор политики создания единого централизованного государства. Горожане как социальная группа кровно заинтересованы как в прекращении феодальной анархии, так и в защите от вражеских нашествий. Выступления московских горожан объективно укрепляют принятую правительством общую политическую линию на решительную бескомпромиссную борьбу с нашествием. Готовность массы горожан упорно оборонять свою столицу — один из существенных факторов, обеспечивших твердость политической линии в не меньшей степени, чем «моления» «совета и думы», подчеркиваемые в «Послании на Угру».

По данным Моск. летописи, выступив из Москвы 3 октября, великий князь «ста на Кременце с малыми людьми, а людей всех отпусти на Угру к сыну своему великому князю Ивану».

Если следовать тексту летописи, то «люди все» — это и есть те, кто был дополнительно мобилизован во время пребывания великого князя в Москве. Наиболее вероятно, что это дополнительные контингенты Московского полка (из других районов страны трудно было бы привести войска в короткое время), т. е. ратники, набранные в первую очередь из тех же жителей московского посада. Они и были двинуты к Угре для непосредственной обороны переправ через реку.

3 октября — дата выступления великого князя из Москвы, четвертая точная дата, приводимая Моск. летописью. Как и предыдущие даты (8 июня, 23 июля, 30 сентября), она, по всей вероятности, имеет документальное происхождение. Тип. летопись, приводя то же известие, точной даты не называет.[95]

В прямом противоречии с данными Моск. летописи о пребывании великого князя в Москве стоит софийско-львовский рассказ. По его словам, великий князь находился в Красном Сельце две недели, «а владыка глаголаше ему возвратиться опять к Берегу, и едва умолен бысть».[96] Следовательно, «умоленный» архиепископом великий князь выехал из Москвы не ранее 14 октября.[97] Итак, Моск. и Соф.-Льв. ле-

[94]Ср.: *Тихомиров М. Н.* Средневековая Москва... С. 235; *Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 120.

[95]ПСРЛ. Т. 24. С. 199.

[96]ПСРЛ. Т. 20. С. 345.

[97]Эту дату принимает В. Д. Назаров (*Назаров В. Д.* Конец золотоордынского ига. С. 118).

тописи дают две основные версии об отъезде великого князя из Москвы. Какой же из них следует отдать предпочтение?

Владимирский летописец (источник, относительно независимый от названных летописей) не сообщает точной даты выступления из Москвы, но свидетельствует, что «прииде на Угру князь великий» 11 октября,[98] чем косвенно подтверждает официальную версию Моск. летописи о кратковременном пребывании великого князя в Москве.

Другим независимым источником, подтверждающим раннюю дату выступления великого князя из Москвы, является «Послание на Угру» архиепископа Вассиана. Это «Послание» написано после получения в Москве первых известий об отражении попыток Ахмата форсировать Угру (8–11 октября) и после того, как до архиепископа дошли сведения о переговорах великого князя с Ахматом. Следовательно, к моменту написания «Послания» великий князь уже несколько дней находился в районе боевых действий (успел провести переговоры с Ахматом), а известие о боях 8–11 октября было получено в Москве после, а не до его отъезда.[99]

Чем же можно объяснить версию Соф.-Льв. летописи о длительном, двухнедельном пребывании великого князя в Красном Сельце? Для ответа на этот вопрос нужен анализ соответствующего контекста.

Рассматриваемая часть самостоятельного рассказа Соф.-Льв. летописи, как мы уже отмечали, характеризуется вполне определенной тенденцией. В изображении рассказчика глава Русского государства – ограниченный и трусливый человек, легко поддающийся чужому влиянию. Главный герой событий — архиепископ Вассиан: это он разоблачает трусость великого князя и даже предлагает самого себя поставить во главе войск.

При таком отношении рассказчика к действительности далеко не беспочвенным является предположение, что известие о длительном пребывании великого князя в Москве (Красном Сельце), противоречащее всем другим источникам, включено им для еще большего подчеркивания своей излюбленной идеи. Во всяком случае, в свете всего вышеизложенного достоверность этого известия вызывает большие сомнения. По-видимому, в конечном счете следует предпочесть офи-

[98] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[99] Этим фактом опровергается мнение В. Д. Назарова о том, что великий князь отправился в поход только после получения известия о первой победе (*Назаров В. Д.* Указ. соч. С. 118; *Клосс Б. М.*, *Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига на Руси в летописании конца XV в. // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 287. Примеч. 17).

циальную московско-владимирскую версию о выступлении великого князя со своими войсками из Москвы 3 октября, т. е. о кратковременном пребывании его в Москве.[100]

Как же развивались события после 3 октября, когда, по словам Моск. летописи, «князь великий поиде с Москвы к Угре противу царя»? Та же летопись указывает, что он, «пришед, ста на Кременце с малыми людьми».[101] Кременец стоит на р. Луже, в 110 км от Москвы и в 40–50 км от Угры. Сама р. Лужа, впадающая в р. Протву справа ниже Кременца, образует вместе с ней естественный оборонительный рубеж на юго-западном направлении от Москвы, являясь по отношению к Угре второй оборонительной линией. Занятие этой позиции в тылу войск, развернутых на Угре, обеспечивает надежную связь с ними и прикрывает путь на Москву в случае прорыва ордынских отрядов через реку. Кременецкая позиция занимает фланговое положение к дороге Вязьма—Москва, возможному пути вторжения литовцев, и, находясь в 2–3 переходах от нее, позволяет быстро выдвинуться на эту дорогу. Кременец, Опаков (одно из самых узких мест на Угре) и Калуга образуют треугольник со сторонами примерно по 60–70 км. Гонец с донесением может достигнуть Кременца с любого места внутри треугольника менее чем за день. Кременец (в настоящее время — рабочий поселок Кременск) стоит на высоком, обрывистом берегу р. Лужи, среди покатых холмов, окруженных лесом. Лесистая местность вообще неблагоприятна для развертывания конницы, что, вероятно, учитывалось русским командованием. На левом берегу Лужи до сих пор можно видеть четырехугольное, почти правильной формы городище с высокими боками, производящими впечатление насыпных. Может быть, это часть укреплений, возводившихся в 1480 г. Никаких археологических раскопок в этом районе, насколько мне известно, не производилось. Стратегические достоинства Кременецкой позиции верно оценил польский историк Ф. Папэ: она была «превосходна, ибо не только служила резервом для корпусов над Угрой, но еще заслоняла Москву со стороны Литвы».[102]

Главные силы, приведенные из Москвы, были отправлены на Уг-

[100]Однако версия Соф.-Льв. летописи оказалась очень живучей. Ее безоговорочно приняли Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин, Н. С. Борисов (Иван III. С. 436) и А. А. Горский (Москва и Орда. С. 172). С другой стороны, ее решительно отвергают Г. Ф. Карпов, А. Е. Пресняков, К. В. Базилевич, т. е. исследователи, которые специально занимались изучением событий осени 1480 г. и подвергали критическому анализу летописные известия.

[101]ПСРЛ. Т. 25. С. 327.

[102]Цит. по: *Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 289.

ру для непосредственной обороны переправ («людей всех отпусти на Угру»). Во главе войск, развернутых на Угре, стояли князь Иван Молодой и Андрей Меньшой.

Моск. летопись сообщает, что Ахмат шел «со всеми своими силами мимо Мценск и Любутеск и Одоев», т. е. по правому берегу Оки к Воротынску — городку близ впадения Угры в Оку недалеко от Калуги. «Пришед... ста у Воротынска, ждучи к себе королевы помощи». Однако «король сам не иде, ни силы своея не посла, понеже бо быша ему свои усобицы». К этому известию, общему в Сим. и Моск. летописях, последняя добавляет: «... тогда бо воева Менгли-Гирей, царь Крымский, королеву землю Подольскую, служа великому князю».[103]

Набег крымских отрядов на Подолию имел, видимо, незначительные масштабы. Казимир в течение ряда месяцев (с декабря 1479 г.) активно готовился к войне.[104] На его решение не вступать в открытую борьбу с Русским государством осенью 1480 г. гораздо сильнее, чем набег крымцев, повлияли, вероятно, соображения общего политического характера. Польские хронисты Длугош и Стрыйковский указывают, что Казимир, несмотря на совет литовцев, не пошел на встречу с Ахматом, опасаясь могущества «московского князя».[105] Набег крымцев не мог иметь серьезного значения уже потому, что именно в это время (в октябре 1480 г.) начался новый тур переговоров Менгли с Казимиром. По данным Литовской метрики, 15 октября в Вильно отправился крымский посол Байраш с полномочиями для заключения союза.[106] Таким образом, в критические недели борьбы на Угре крымский хан был далек от намерения оказать реальную помощь Русскому государству против польско-литовского короля. Войско, отправленное для набега на Подолию, было встречено у Перекопа королевским послом. Крымский князь Аминак продолжал уже начатый поход, в чем потом приносил письменное извинение Казимиру.[107]

Одним из существенных факторов, повлиявших на позицию Казимира, было, видимо, движение за воссоединение с Русским государством, охватившее русские земли в составе Литовского великого княжества (так называемый «заговор князей»).[108] И. Б. Греков, подчер-

---

[103] ПСРЛ. Т. 25. С. 327, 328.

[104] Базилевич. С. 148.

[105] См.: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 217.

[106] РИБ. Т. 27. Стб. 332–335.

[107] Там же. Стб. 335–336.

[108] Базилевич. С. 150–155.

кивая широкий размах и существенное значение оппозиции Казимиру среди русского населения Литвы, приходит к выводу, что в 1480 г. Казимира остановили «не мелкие усобицы фамильно-династического характера, а перспективы повторения в Поднепровье новгородских событий 1471 г.» И. Б. Греков не без основания считает, что в подготовке движения за воссоединение с Русским государством «большую роль сыграла политическая и дипломатическая деятельность московского государя».[109]

Не дождавшись подхода короля, Ахмат решает форсировать Угру своими силами.[110] Русское командование, очевидно, разгадав замысел обходного движения Ахмата, упредило его. Когда он вышел к Угре, левый берег реки оказался уже занятым крупными силами русских войск («иде же стоит князь великий и братия его, и все князи и воеводы, и многое множество»).

Бои с ордынцами за переправы летопись изображает в виде перестрелки: «... приидоша татарове, и начаша стреляти москвичь, а москвичи начаша на них стреляти и пищали пущати, и многих побиша татар стрелами и пильщалми и отбиша их от брега».[111] Попытка ордынцев форсировать Угру была отражена. Однако бои носили многодневный характер: «... по многи дни приступающе биющеся». Обращает на себя внимание применение русскими пищалей — огнестрельных орудий, впервые упоминаемых в полевом бою. Артиллерия в боях за переправы была, по-видимому, важным фактором, облегчившим надежное удержание берега Угры русскими войсками (на что косвенно указывает летописец, подчеркивая большие потери ордынцев от русских пищалей). Применение артиллерии русскими имело, надо думать, значительный моральный эффект. Еще под Алексином в 1472 г. Орда не видела ничего подобного. С русской артиллерией на поле сражения ордынцы столкнулись впервые в октябрьских боях на Угре. Появление артиллерии в боевых порядках свидетельствует о качественно новом этапе в развитии русского войска. К 1480 г. имелось, по-видимому, уже достаточно заметное количество относительно легких артиллерийских орудий, которые можно было пе-

[109] *Греков И. Б.* Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XV–XVI вв. М., 1963. С. 192–194.

[110] В. Д. Назаров высказывает вполне правдоподобное предположение, что основные силы во главе с Ахматом шли к Воротынску через Мценск и Одоев, а крупные отряды, направленные к Оке, проследовали к Угре вдоль правого берега средней Оки. *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983. С. 46.

[111] ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

ревозить за войсками и устанавливать на огневые позиции на поле боя.[112]

Тем не менее, разумеется, было бы ошибочным преувеличивать значение артиллерии в боях на Угре. Решающей силой оставались традиционные рода войск — конница и пехота, вооруженные холодным оружием. Именно на них пала основная тяжесть многодневных боев на Угре — кульминация небывало длительной кампании против нашествия Ахмата.[113]

Тип. летопись приводит рассказ, в сущности идентичный рассказу Моск., сообщая при этом новую деталь: ордынцы «овии же приидоша противу князя Андрея, а овии против великого князя мнози, а овии противу воевод вдруг приступиша». Отсюда можно заключить, что бои развертывались на широком фронте: войска Ахмата пытались форсировать реку в разных местах, на разных участках русской боевой линии. Другое сообщение Тип.: «... их (ордынцев. — *Ю. А.*) стрелы многи межю наших падаху и никто же уязвляху» — выдержано в свойственном этому памятнику ирреалистическом стиле и не может приниматься как достоверное известие.

Самостоятельный рассказ о событиях на Угре содержит Вол.-Перм. летопись. По ее сведениям, русские войска «ста по Оке и по Угре на 60 верестах». Если так, то русские силы прикрывали все среднее и нижнее течение Угры — примерно от Опакова до Калуги. Ахмат «прииде на Угру октября в 8 день, в неделю, в 1 час дни».[114] Другую дату выхода татар к Угре приводит Владимирский летописец: «... месяца октября в 6 день в пятницу приходил царь Ахмат к Угре реке».[115] Обе точные даты с указанием дня недели имеют, по-видимому, документальное происхождение — это фрагменты не дошедших до нас в полном виде поденных записей, аналогичных походным дневникам 1471, 1475, 1477 гг., отразившимся также в Моск. летописи. Не совпадая буквально, даты Владимирского летописца и Вол.-Перм. летописи по существу не противоречат друг другу: передовые отряды ордынцев могли появиться на Угре 6 октября, а главные силы — на рассвете

[112] На основании разрядной записи 1512 г. В. В. Каргалов подробно описывает организацию обороны Берега с участием пищальников. Однако целесообразность привлечения позднего источника вызывает сомнения: за тридцать лет состав войск и тактика могли измениться.

[113] *Алексеев Ю. Г.* Владимирский летописец и победа на Угре // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XVI. Л., 1985. С. 130; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига... С. 52.

[114] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

[115] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

в воскресенье, 8 октября.[116] Тогда же и начались, по данным Вол.-Перм. летописи, попытки татар форсировать реку: «хотеша перевоз взятии».[117] Вол.-Перм. летопись далее сообщает, что «князь же великий Иван Иванович... да князь Ондрей Васильевич Меншой... сташа крепко противу безбожного царя». Как и Моск. летопись, Вол.-Перм. указывает, что бои за переправы («перевоз») носили характер перестрелки с применением русскими огнестрельного оружия («начаша стрелы пущати, и пищали, и тюфяки на татар»). Эти бои, по данным летописного рассказа, продолжались четыре дня (т. е. 8, 9, 10 и 11 октября). Как видим, известия Вол.-Перм. летописи дополняют и конкретизируют краткое сообщение московского летописца. Попытка Ахмата с ходу форсировать Угру была отбита: он «не возможе берегу взяти и отступи от реки от Угры за две версты, и ста в Лузе».[118] Это известие, отсутствующее в Моск. летописи, носит также конкретный, документальный характер.

Проиграв бой в низовьях Угры, Ахмат «распусти вои по всей земли Литовской». Собранная в больших массах, ордынская конница нуждалась в фураже и пропитании — отсюда и «роспуск» ее по литовской земле.

«Татарове же приежжати начаша к реце и глаголюще Руси: „Дайте берег царю Ахмату, царь бо не на то прииде, что ему великого князя не дойти“. Эта красочная сцена Вол.-Перм. летописи представляется правдоподобной — она отвечает обычаям и традициям средневековых войн, в которых применялись методы психологического давления на противника.

Новую попытку форсировать Угру ордынцы предприняли выше по реке: «Царь же хотя искрасти великого князя под Опаковым Городищем, хотя перелести Угру, а не чая туто силы великого князя».[119] Ордынцы, таким образом, пытались скрытно переправиться через ре-

[116] *Алексеев Ю. Г.* Владимирский летописец... С. 130; *Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига... С. 52.

[117] ПСРЛ. Т. 26. С. 264.

[118] До нашего времени на правом берегу реки близ Воротынска сохранилась д. Якшуново. По словам местных жителей, название деревни («як-шуны» — «все видно») связано с «войной с татарами». По тем же местным преданиям, русские войска стояли в д. Дворцы на левом берегу (большая деревня сохранилась до наших дней). У д. Якшуново река делает большой выступ к югу, так что войска, расположенные на этом выступе на левом (северном) берегу, могли быть легко охвачены с флангов. Именно где-то здесь, в низовьях Угры, по вероятному предположению В. В. Каргалова, и пытался Ахмат форсировать реку (Каргалов. С. 115–116).

[119] ПСРЛ. Т. 26. С. 264, 266.

ку на одном из самых узких мест, действуя опять же в обход русской оборонительной линии.[120] Ахмат, по данным летописца, сам в этом предприятии не участвовал, но «посла князей своих и воевод и множество татар». Однако расчет Ахмата и тут оказался ошибочным.

«Прилучи же ся туто множество князей и бояръ великого князя, не дадяше перелести Угры».[121] Русские войска не только прочно удерживали левый берег реки, но и сохраняли возможность маневра по этому берегу. Находясь в Кременце, русское командование, видимо, надежно держало в своих руках управление войсками, развернутыми на широком фронте, и имело возможность своевременно реагировать на обстановку.

Итак, известия Вол.-Перм. летописи, носящие в основном лаконичный, протокольно-документальный характер, в большой мере дополняют и разъясняют картину боев на Угре, в более общих чертах рисуемую Моск. летописью.

Ценным дополнением к этой картине являются известия Владимирского летописца. Выше уже указывалось, что они содержат точную и наиболее раннюю дату выхода ордынских войск к реке (6 октября, пятница). Еще большее значение имеет другое известие: «... прииде на Угру князь великий месяца того же (октября. — *Ю. А.*) 11 день».[122] По данным Вол.-Перм. летописи, 11 октября — это четвертый, последний день боев с главными силами Ахмата, пытавшимися форсировать Угру в ее низовьях. Если именно в этот день к реке подошел великий князь со своими силами, то это и решило исход боев в пользу русских.[123]

---

[120] Опаково Городище — высокий крутой курган на правом обрывистом берегу Угры. Городище, возможно, насыпное. В его районе, по данным Краеведческого музея г. Юхнова, обнаружены предметы вооружения ориентировочно XV в. — короткий меч, маленькая железная пищаль калибром 15 мм, каменное ядро диаметром около 16 см. Угра в этом месте извилиста, узка и мелка, с обеих сторон видны отмели и перекаты. На левом берегу — пойма шириной 300–500 м. Местность у Опакова давала возможность скрытно сосредоточить конницу на правом берегу, а затем быстро и сравнительно легко форсировать узкую и мелководную реку. Однако развертывание здесь крупных кавалерийских масс — главных сил Орды — было бы затруднительно из-за пересеченного характера лесистой местности. Большую помощь в ознакомлении с местностью в районе Опакова оказал мне ныне покойный краевед Юхнова Владимир Егорович Маслов, которого с благодарностью вспоминаю.

[121] ПСРЛ. Т. 26. С. 266.

[122] ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[123] По точному тексту Владимирского летописца получается, что во главе войск, вышедших к Угре 11 октября, стоял сам великий князь. По данным Моск. летописи, как мы видим, он занял позицию на Кременце. Не исключено, однако, что на

Неудача попыток Ахмата форсировать своими силами Угру и произвести вторжение в глубину Русской земли — основной фактор общей политической и стратегической обстановки, сложившейся ко второй половине октября.

В октябре 1480 г. русские войска успешно решили труднейшую задачу обороны водного рубежа (далеко не сильного по своим природным качествам) на широком фронте против мощного противника, обладающего многочисленной конницей. История войн Средневековья знает не много подобных примеров. Во всех войнах с Ордой до этого времени только дважды (в 1459 и 1472 гг.) русским удавалось отстоять оборонительные водные рубежи и не допустить вторжения противника. Но условия обороны на широкой, многоводной Оке были намного легче, чем на извилистой, узкой и неглубокой Угре. Победа в боях на Угре в октябре 1480 г. — пример высокого оперативно-тактического искусства русского командования и его войск и яркая страница в военной истории нашего Отечества.

Тем не менее к этому времени окончательный перелом в борьбе с нашествием Ахмата еще не наступил. Грозное ордынское войско на берегах Угры сохраняло свою боеспособность и готовность в любое время возобновить попытки вторжения. Позиция Казимира продолжала оставаться угрожающей; возможность его выступления на стороне Ахмата сохраняла свою реальность.

К этому времени относятся переговоры с Ахматом, сведения о которых содержатся в Соф.-Льв. и Вол.-Перм. летописях.

Переговоры показали принципиальную несовместимость позиций

эту позицию он вышел после отражения главных сил Ахмата, т. е. после 11 октября. Неясно, на чем основывается уверенность Б. М. Клосса и В. Д. Назарова в том, что «в момент решающих военных столкновений Иван III находился в Москве, а не в Кременце» (*Клосс Б. М., Назаров В. Д.* Рассказы о ликвидации ордынского ига... С. 287. Примеч. 17) и что «Лихачевский летописец абсолютно точен», относя день прихода на Угру сил Ивана Молодого к 3 октября (и отрицая тем самым эту дату как день выступления великого князя из Москвы). Во всяком случае эта уверенность прямо противоречит «Посланию на Угру» архиепископа Вассиана и отнюдь не подкрепляется данными Владимирского летописца (на который тут же ссылаются авторы). Средний темп движения войск в походе 1471 г. составлял 20–30 км в сутки, а в условиях осенней распутицы он должен был быть значительно ниже. Следовательно, 110–120 км от Москвы до Кременца великий князь со своими войсками мог бы пройти не менее чем за 4–5 дней, а 180 км от Москвы до Угры войска могли преодолеть за 7–8 дней. Стало быть, Владимирский летописец своей датой выхода великого князя с войсками к Угре (11 октября) полностью подтверждает версию о выступлении из Москвы именно 3 октября (как и читается в Моск. летописи).

сторон. Если Ахмат настаивал на продолжении ордынского властвования над Русью, то великий князь рассматривал эти требования как неприемлемые для себя. В этих условиях переговоры не могли иметь ни перспективы, ни реального значения. Конфликт с Ордой, очевидно, не мог быть разрешен мирным путем.

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что отказ от выплаты дани в 70-х гг. и непризнание ханского сюзеренитета над Русью — принципиально новые черты русской политики по отношению к Орде. Во время прежних конфликтов с Ордой вопрос так никогда не ставился. Даже великий князь Дмитрий, этот наиболее крупный, талантливый и яркий вождь Руси в ее прежней борьбе за независимость, накануне своего знаменитого Донского похода в принципе признавал власть ордынского хана и не отказывался от выплаты «выхода» Мамаю: он только хотел «ему выход дати по християнской силе и по своему докончанью, как с ним докончал» (Мамай же просил «выхода, как было при цесаре Джанибеке»).[124] Через сто лет после Куликовской битвы Русское государство получило возможность поставить вопрос совсем по-другому: в 1480 г. речь шла не о том или ином размере «выхода», а о принципиальном отказе от какого бы то ни было подчинения Орде.[125]

Соф.-Льв. летопись заканчивает рассказ о неудачных переговорах с Ахматом многозначительной фразой: «... хваляшеся царь лето все рек: „Даст Бог зиму на вас, и реки все стануть ино много дорог будеть на Русь“».[126] Зловещие слова Ахмата, приведенные летописцем, намекают на новые возможности вторжения. По данным той же летописи, зима наступила рано и отличалась суровостью: «З Дмитриева же дни стала зима и реки все стали, а мразы великиа яко не мощно зрети».[127] О суровости зимы говорит и Моск. летопись: «...быша же мрази велики тогда, река начат ставитися».

Установление ледового покрова на Угре существенно меняло тактическую обстановку — форсирование неширокой реки по льду значительно облегчалось для ордынцев, и в той же мере усложнялись за-

---

[124] ПСРЛ. Т. 25. С. 202.

[125] Польский хронист конца XVI в. М. Стрыйковский приводит известие, что «московскому князю» удалось избежать столкновения с Ахматом, подкупив его воеводу Тимура и «отослав царю особенно большие дары, которые за несколько лет должна была уплатить Москва» (цит. по: *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи... С. 217). А. И. Рогов с полным основанием отвергает эту версию: она не подтверждается источниками и — главное — не соответствует реальному ходу событий (Там же. С. 217–218).

[126] ПСРЛ. Т. 20. С. 346.

[127] Там же.

дачи русских, оборонявших левый берег Угры. К этому времени, по-видимому, в состав русских сил влились отряды Андрея Углицкого и Бориса Волоцкого.

Моск. и Сим. летописи помещают сообщение об этом непосредственно после известия о выступлении великого князя из Москвы 3 октября и прибытии его на Кременец и до рассказа о боях с Ахматом на Угре.[128] Если буквально следовать контексту, бывшие мятежники «приидоша... к великому князю на Кременец» ранее половины октября. Напротив, Тип. летопись рассказывает об этом событии после сообщения о начале ледостава, она относит его к последним числам октября.

Этот вариант кажется более убедительным. Для того чтобы перейти из Новгородской земли (где они были еще 13 сентября, по сведениям псковского летописца) к Кременцу, князьям нужно было не менее 20–25 дней. Если вчерашние мятежники двинулись против Ахмата из Новгородской земли после того, как получили соответствующее распоряжение великого князя, т. е. после совещания в Москве 30 сентября — 3 октября, то их войска могли появиться на Кременце не ранее самых последних чисел октября, т. е. непосредственно перед ледоставом или даже позже его начала.[129]

Во всяком случае, прибытие этих отрядов было фактором, весьма благоприятным для русских. Войска, стоящие в обороне против Ахмата, усилились, главное же — окончился феодальный мятеж, и можно было не опасаться за тыловые районы страны. Другим благоприятным фактором было нападение крымских отрядов на южную окраину владений Казимира. Это нападение уменьшало вероятность выступления Казимира на стороне Ахмата. Итак, к концу октября — началу ноября общая военно-политическая ситуация изменилась в пользу Русского государства. В то же время замерзание Угры обостряло угрозу непосредственного вторжения Ахмата и заставляло принимать новые оперативно-тактические решения.

Таким решением явился отвод главных сил с берегов замерзшей реки, которая не могла больше служить серьезным оборонительным рубежом, на тыловую Кременецкую позицию. По словам Моск. ле-

---

[128] ПСРЛ. Т. 18. С. 268; Т. 25. С. 328, 329.

[129] К. В. Базилевич считает датой прихода братьев 20 октября (Базилевич. С. 156). Эту дату принимают и В. А. Кучкин (СИЭ. М., 1971. Т. 13. Стб. 483), и В. В. Каргалов (Каргалов. С. 125). Напротив, В. Д. Назаров относит это событие к 26–27 октября (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига... С. 54–55), что представляется более обоснованным.

тописи, «егда же река ста, тогда князь великий повеле сыну своему великому князю и брату своему князю Андрею и всем воеводам со всеми силами отступити от брега и прийти к себе на Кременец». Такое же сообщение содержат Сим. и Тип. летописи.[130]

В целесообразности этого решения трудно сомневаться. Растянутые в тоненькую цепочку на многокилометровом фронте Угры, русские войска в новых условиях не имели возможности оказать эффективного сопротивления противнику, который мог быстро форсировать реку в любом подходящем месте. В этих условиях было естественно отойти главными силами на удачно выбранную позицию, которая, с одной стороны, прикрывала наиболее вероятные пути противника в глубь страны, с другой — давала возможность быстро выдвинуть силы на угрожаемый участок Угры.[131] Судя по летописному контексту, отвод войск с берегов Угры начался после ледостава, т. е. после 26 октября, очевидно, в самых последних числах октября — первых числах ноября. Угроза форсирования Угры Ахматом представлялась русскому командованию вполне реальной.

С реальностью этой угрозы связано и другое распоряжение русского руководства. По словам Тип. летописи, «князь... великий с сыном и братьею и с всеми воеводами поидоша к Боровску, глаголюще яко „на тех полях бой с ними поставим“». Об отходе к Боровску сообщают и другие летописи: Моск. (без мотивировки) и Вол.-Перм. («отступи со всею силою в поля к Боровску, как мощно бы стати против безбожного царя Ахмата»).[132] Это означало отвод войск примерно на один конный переход (около 40 км) к востоку, на берега р. Протвы. В настоящее время трудно сказать, чем было вызвано это решение. Возможно, позиция у Боровска действительно имела тактические преимущества перед Кременецкой.[133] Боровск расположен на правом берегу Протвы,

---

[130]ПСРЛ. Т. 25. С. 328; Т. 18. С. 268; Т. 24. С. 200. — В оригинальной части Соф.-Льв. летописи и во Владимирском летописце это известие отсутствует.

[131]А. Е. Пресняков, К. В. Базилевич и В. В. Каргалов верно понимают необходимость и целесообразность маневра русских войск: в зимних условиях «узкая Угра не представляла сильного естественного препятствия для противника, поэтому со стороны тактических требований было бы неразумным держать все силы у самой реки. В этом случае прорыв татар на левый берег Угры поставил бы обороняющиеся войска в тяжелое положение...» (Базилевич. С. 158; Каргалов. С. 127). В. Д. Назаров тоже соглашается с тем, что «как только Угра покрывалась льдом, она переставала быть препятствием» (*Назаров В. Д.* Свержение ордынского ига... С. 54–55).

[132]ПСРЛ. Т. 24. С. 200; Т. 25. С. 328; Т. 26. С. 273.

[133]В. Д. Назаров тоже допускает мысль, что «поля под Боровском и впрямь были удобнее для решающей битвы с ордами хана» (*Назаров В. Д.* Свержение ордын-

на холмах с хорошим обзором. Лесистая местность около Боровска создавала крайне неблагоприятные условия для развертывания многочисленной конницы — основной ударной силы Ахмата. В этом случае отход от Кременца к Боровску должен рассматриваться именно в тактическом плане — как перевод войск с одной позиции на другую. Не исключено, однако, и другое объяснение. Замерзание рек ставило под угрозу прорыва ордынцев не только Угру, но и Оку. Расположенный ближе к Москве, чем Кременец, Боровск прикрывал пути на Москву не только со стороны Угры, но и со стороны Калуги; из Боровска можно было быстрее выдвинуться к среднему течению Оки между Калугой и Серпуховом. Общий стратегический замысел русского командования оставался прежним — дать оборонительное сражение в выгодных для себя условиях, не допуская прорыва противника к столице.[134]

Однако вопреки ожиданиям русского командования Ахмат не только не предпринял попытки перейти Угру и вступить в сражение, но и начал отступать от русских рубежей.

По данным Вол.-Перм. летописи, «прочь царь пошол от Угры в четверг, канун Михайлову дни».[135] Михайлов день (8 ноября) приходился на среду. Известие Вол.-Перм. летописи следует, по-видимому, понимать так, что отход ордынцев начался в четверг, кануном которого был этот праздник, т. е. 9 ноября. Владимирский летописец сообщает, что «от Угры царь Ахмут побежал месяца ноября в 10 день, в пятницу».[136] Моск. летопись указывает, что «царь побежал ноября в 11».[137] Все три приведенные даты не противоречат друг другу по существу. Они отражают разные этапы отступления Орды, которая отходила на разных участках не одновременно.[138]

ского ига... С. 55). По состоянию источников нельзя исключить и другую версию отхода к Боровску, которую предложил К. В. Базилевич: «... переход основных сил к Боровску произошел после отступления Ахмед-хана; войска собирались в окрестностях этого города перед роспуском и возвращением великого князя в Москву» (Базилевич. С. 161). Эта гипотеза подтверждается буквальным смыслом известия Владимирского летописца (не использованного Базилевичем): «А от Угры царь Ахмут побежал месяца ноября 10 день в пятницу. А князь великий того же дни пошел к Боровску» (ПСРЛ. Т. 30. С. 137). Отвод войск к Боровску последовал за бегством Ахмата. Мнение К. В. Базилевича разделяет и Р. Г. Скрынников (*Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. С. 42).

[134]К. В. Базилевич считает, что «к Боровску отошла лишь часть войска вместе с великим князем. Кременецкая позиция не была покинута» (Базилевич. С. 160).

[135]ПСРЛ. Т. 26. С. 273.

[136]ПСРЛ. Т. 30. С. 137.

[137]ПСРЛ. Т. 25. С. 326.

[138]На постепенную подготовку Ахмата к отступлению косвенно указывает Вол.-

С отступлением Ахмата от Угры связан эпизод, о котором сообщают рассказы Моск. и Тип. летописей. В изложении первой из них он выглядит так: «Егда отступиша сынове русскыя от брега, тогда татарове страхом одержимы побегоша, мняше, яко брег дають им Русь и хотят с ними битися. А наши мняху татар за собою реку прешедшю и побегоша на Кременець».[139] По буквальному смыслу летописного рассказа в войсках, стоявших на обоих берегах Угры, внезапно возникла паника, и они побежали друг от друга в разные стороны: «... едины от другых бежаху и ничто женяше».[140] Другие летописи, в том числе Сим., близкая по тексту к Моск., об этом событии не упоминают. Эпизод, сам по себе достаточно правдоподобный (люди, долгое время стоявшие в напряженном ожидании боя, могли поддаться внезапному чувству страха), не имел, очевидно, никакого существенного значения и не мог повлиять ни на соответствующие решения русских и ордынских руководителей, ни на реальный ход событий.[141] Исход кампании был уже решен. Отказ Ахмата от форсирования Угры в сравнительно благоприятных тактических условиях может объясняться только нежеланием вступать в сражение с русскими войсками. Альтернативой сражению было отступление Орды от русских рубежей и тем самым признание своего стратегического поражения.

Пребывание ордынских войск на земле русских княжеств, находившихся под юрисдикцией великого князя литовского, продолжалось, по данным Вол.-Перм. летописи, шесть недель, т. е. примерно с 1 октября по 11 ноября. За это время ордынцы, по данным той же летописи, разорили волости двенадцати городов и захватили полон в них.[142]

Перм. летопись: *«... и полон отпусти за многи дни к Орде»* (ПСРЛ. Т. 26. С. 273).

[139] ПСРЛ. Т. 25. С. 328.

[140] ПСРЛ. Т. 24. С. 200–201.

[141] Тем не менее, как это ни парадоксально, именно этот незначительный эпизод приобрел в позднейшей историографии чуть ли не хрестоматийное звучание. По тонкому наблюдению А. Е. Преснякова, «легкой перестановкой фраз и небольшим изменением их редакции сообщение о конкретном факте обратилось в то „чудо", которое, вероятно, умиляло московских книжников, а... у более рассудочных книжников — историков XIX в. придавало всему эпизоду несколько комический характер» (*Пресняков А. Е.* Иван III на Угре. С. 286). Нелепая картина бегущих друг от друга войск широко проникла в общие курсы, школьные учебники, хрестоматии, популярные книжки. Развивая мысль А. Е. Преснякова, можно утверждать, что всяческое муссирование и преувеличение роли этого эпизода связано с деятельностью консервативных кругов, стремившихся принизить роль русских войск и их предводителей в спасении Руси от нашествия Ахмата.

[142] Мещовск, Белев, Одоев, Перемысль, старый и новый Воротынск, старый и новый Завидов, Опаков, Серенск, Мезецк, Козельск.

Разорению и разграблению подверглась обширная территория протяжением не менее 100 км с юга на север и не менее 120 км с востока на запад. Этому не приходится удивляться — во время длительного пребывания на Угре войска нуждались в снабжении всем необходимым, а сам характер Орды, архаической военно-кочевой организации, и ее выработанные веками традиции предрасполагали к грабежам и насилию над местным населением. Возможно, дополнительным мотивом для разорения русских волостей Казимира послужила досада на короля за отсутствие помощи Ахмату: московский летописец подчеркивает именно этот мотив («побеже... по королеве державе, воюя его землю за его измену»).[143]

«Стояние на Угре» завершилось полным поражением Ахмата — военным, политическим и моральным. Осознание этого основного факта — крушения своего военно-политического плана в союзе с Литвой поставить на колени Русскую землю, крушения своих великодержавных амбиций, архаических по форме и реакционных по существу, — и было, очевидно, главной причиной, заставившей Ахмата в первых числах ноября отказаться от продолжения похода против Русского государства и отвести Орду в южные степи.

Последний эпизод, связанный с нашествием Ахмата, — попытка ордынцев разорить русские заокские волости. По сообщению Моск. летописи, «един же царевич хотя имати украину за Окою. Князь же великий посла братью свою, дву Андреев, и услышаша татарове, и ти побегоша». Наиболее подробно это событие освещается в Вол.-Перм. летописи: «... прочь идучи, проходил царев сын Амуртаза на Конин да на Нюхово, пришел в вечере, а князь великий отпустил братью свою, князя Ондрея, да князя Бориса, да князя Ондрея Меншого со множеством воевод своих. Татарове же ночи тое поимаша человека и начаша мучити его и спрашивати про великого князя. Он же, муки не мога терпети и сказа им, что князи близко... и побеже тое же ночи на ранней зоре. А князи приидоша на станы его на обед».[144]

Конин и Нюхово — волости, тянувшие в конце XV в. к Алексину.[145] Эти земли на правом берегу Оки — район старинной русской колониза-

[143]ПСРЛ. Т. 25. С. 328. — К. В. Базилевич высказал интересное и не лишенное вероятности предположение, что разорение Ахматом русских земель по литовскую сторону Угры было вызвано враждебными выступлениями русского населения против ордынцев или отказом русских князей соединиться с татарами (Базилевич. С. 154–155).

[144]ПСРЛ. Т. 26. С. 274.

[145]Они упомянуты в духовной Ивана III (ДДГ. №89. С. 360).

ции. В родословных упоминаются князья Конинские — потомки черниговских князей, родичи Оболенских, Барятинских и Мезецких. Как и другие пограничные волости, их земли подвергались частым набегам и опустошениям. О Конинских князьях сказано в родословце: «... а извелися они от войны от татарские».[146]

Рассказ Вол.-Перм. летописи, отличающийся большой конкретностью и фактологичностью, заслуживает серьезного внимания. Из него можно сделать вывод о том, что русское командование бдительно следило за передвижением войск Ахмата: отряды двух Андреев и Бориса, посланные для преследования татар, шли за ними буквально по пятам, отстав всего на полперехода.[147] Очевидно, отведя свои главные силы к Кременцу и Боровску, русское командование не теряло соприкосновения с противником, знало о его намерениях и своевременно принимало эффективные контрмеры.[148]

Поход 1480 г., один из самых долгих, трудных и опасных за многие столетия, окончился, и вместе с ним окончилось ордынское иго. Войскам оставалось победоносное возвращение домой. «Того же месяца прииде князь великий Иван Васильевич на Москву, и с сыном своим, великим князем Иваном Ивановичем, и с всеми силами... И взрадовавшеся все людие радостию велиею зело».[149] Столица Русского государства радостно приветствовала своих воинов. Для этого были все основания. Борьба на Оке и Угре летом–осенью 1480 г. закончилась полной победой. Русская земля была спасена от огромного по размаху и замыслам ордынского нашествия. Однако в ноябре 1480 г. даже самые проницательные и дальновидные люди едва ли отдавали

---

[146] ВОИДР. Т. X. С. 72.

[147] Этим опровергается сообщение Соф.-Льв. летописи: «... и проеде Серенск и Мценск, и слыша князь великий, посла опытати, еже и бысть» (ПСРЛ. Т. 20. С. 346). От Угры до Мценска около 150 км, Ахмат мог пройти мимо Мценска 14 ноября. Известие о прохождении татарами Мценска могло дойти до русского командования через 2–4 дня, 6–8 дней должна была занять его проверка. Если так, то отправка удельных князей могла состояться не ранее 24–27 ноября и была бы, разумеется, бессмысленной. См.: *Скрынников Р. Г.* На страже московских рубежей. С. 41–42.

[148] К. В. Базилевич видит в факте преследования Амуртазы доказательство того, что русские войска были отведены к Боровску только частично (Базилевич. С. 161).

[149] ПСРЛ. Т. 25. С. 328. — Владимирский летописец позволяет уточнить дату: «А на Москву оба князя велики пришли месяца декабря 28 дня во вторник» (ПСРЛ. Т. 30. С. 137). Название месяца явно ошибочно: 28 декабря в 1480 г. приходилось не на вторник, а на пятницу. А 28 ноября приходилось действительно на вторник, что в соответствии с указанием Сим. позволяет установить дату вступления в Москву войск, спасших Русскую землю от последнего ордынского нашествия.

себе полный отчет в действительном значении происшедших событий. Победа на Угре осенью 1480 г. относится к тем подлинно великим историческим феноменам, реальное значение которых с течением времени возрастает, и осознание их истинного смысла и масштабов приходит только впоследствии.

Основными факторами, приведшими к победе на Угре, были, прежде всего, социально-экономические и политические предпосылки. Создание единого Русского государства на базе растущих и крепнущих экономических связей обеспечило возможность централизованного и целеустремленного военно-политического руководства, что сыграло важнейшую роль в критической ситуации лета–осени 1480 г. Русское государство 1480 г. располагало гораздо более мощными людскими и материальными ресурсами, чем союз князей во главе с Москвой за сто лет до этого. Если в русском войске на Куликовом поле отсутствовали полки многих княжеств, не поддержавших по тем или иным причинам освободительную миссию Москвы, то в 1480 г. великий князь имел реальную возможность распоряжаться людскими и материальными ресурсами всей Русской земли. Кроме полков, набранных на огромной территории, к этому времени сплотившейся непосредственно вокруг Москвы, в походе против Ахмата приняли участие и тверские полки, посланные по требованию великого князя — государя всея Руси.[150]

Таким образом, существовали определенные материальные предпосылки для ведения успешной войны. Но, как известно, само наличие таких предпосылок отнюдь не достаточно для достижения успеха. Требуется реализация этих предпосылок, которая может быть достигнута только при наличии целесообразного военно-политического руководства со стороны верховного главнокомандования (ВГК), в данном случае — в лице великого князя.

Кампания 1480 г. — пример оборонительной войны на двух самостоятельных направлениях — южном и северо-западном, при наличии потенциальной угрозы с запада и реального мятежа князей.

В этих сложных условиях стратегическое руководство со стороны ВГК приобретает особое значение. Важнейшими задачами являются: 1) выбор направления главного удара; 2) развертывание на нем соответствующих сил; 3) выработка оперативно-стратегического плана; 4) сохранение непрерывного, реального управления войсками, т. е. способности адекватно реагировать на обстановку.

[150] «А сила была великого князя Михаила Борисовича Тверского тут же; а воеводы были князь Михаил Дмитриевич Холмский да князь Иосиф Андреевич Дорогобужский», — сообщает тверской летописец (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 497).

Кампания 1480 г. может быть разделена на несколько этапов.

На первом этапе (январь–февраль) военные действия шли на ливонском направлении с участием псковских и великокняжеских войск.

Важным фактором обстановки был мятеж удельных князей (февраль-май).

На втором этапе (июнь–сентябрь) великокняжеские войска были развернуты на южном направлении, а на ливонском — псковичи оборонялись от войск магистра.

На третьем этапе (октябрь–ноябрь) произошли решающие события на Угре, определившие весь исход кампании.

Нападение Ордена заставило отправить войска на северо-западное направление. Но мятеж князей вынудил пересмотреть оперативные планы, отозвать войска с ливонского театра и сосредоточить силы для изоляции мятежных князей. При этом задача вооруженного подавления мятежа не ставилась — переговоры с мятежниками имели целью примирение с ними. Мирный исход конфликта был наиболее желательным — он исключал возможность перерастания мятежа в междоусобную войну, позволяя сохранить силы и средства для решения других задач, обеспечивая мир во внутренних уездах страны. В общих чертах эту задачу удалось решить успешно — князья были вынуждены отступить в приграничный район, и тем самым основная часть страны была спасена от разрушительной феодальной усобицы.

Не позднее чем в апреле сложилась новая обстановка в связи с нашествием Ахмата.

Нашествие Ахмата при угрозе выступления его союзника Казимира определило оперативно-стратегический план русского командования. Объективно этот план должен был отвечать двум важнейшим условиям: 1) не допускать вторжения Ахмата во внутренние районы страны; 2) отразить вероятное наступление Казимира.

Главные силы страны постепенно стягиваются на южное стратегическое направление.

Псков предоставлен своей судьбе — в данных условиях помощь ему означала бы раздробление сил и опасное ослабление их на главном направлении. По-видимому, ВГК исходило из мысли, что нашествие магистра едва ли сможет привести к фактической потере хорошо укрепленного Пскова, можно было надеяться на обороноспособность псковской крепости и на силы псковского земского ополчения. Разрушение или даже захват противником отдельных городов на псковской территории не представляли серьезной угрозы для Русского государства в

целом — в случае победы на главном направлении эти потери можно было бы вернуть.

Но неудача на главном направлении означала тяжелейший кризис и ставила страну на грань катастрофы. Повторение нашествия Тохтамыша или Едигея означало бы не только разорение и опустошение центральных уездов страны.

Поражение в борьбе с Тохтамышем разрушило союз князей — политическую систему Дмитрия Донского, продлило ордынское иго на сотню лет. Нашествие Едигея ослабило великое княжество Московское и реанимировало удельно-княжеские сепаратистские тенденции. Позднее, в условиях XVI в. нашествия Мохаммед-Гирея и Девлет-Гирея приводили к большим материальным потерям, но принципиальных политических последствий не имели — централизованное государство было уже достаточно прочным, и о возрождении его политической зависимости от хана не могло быть и речи.

Нашествие Ахмата было наиболее опасным. Шел трудный процесс создания единого государства, выработки новых форм политической жизни. В этих условиях разгром центра страны мог привести к особо тяжелым последствиям — разрушить всю политическую систему складывающегося государства, вызвать консолидацию всех сил, заинтересованных в максимальном ослаблении России. В этих условиях нападение короля становилось бы более чем вероятным, центробежные силы в Новгороде и уделах получили бы реальную перспективу для осуществления децентрализаторской политики — к возвращению Руси в состояние удельной раздробленности под протекторатом хана или короля. Поэтому сосредоточение сил на южном направлении ценой ослабления их на северо-западе являлось наиболее верным стратегическим решением. При этом еще надо было стремиться к максимальному сбережению сил — на случай выступления короля.

Занятие южного оборонительного рубежа ставило русские войска в наиболее благоприятное положение.

Оно создавало возможность отражения попытки Ахмата форсировать реку и вторгнуться во внутренние области страны. При попытке форсирования ханом Оки сражение произошло бы в наиболее выгодных для русских войск условиях, а следовательно — и с наибольшими шансами на успех. Отказ от наступательных действий на правом берегу Оки был вполне оправдан — перейдя Оку навстречу хану, русские войска теряли все преимущества позиционной обороны и подставляли себя под удар ордынской конницы, в которой у Ахмата было преимущество. Переходя Оку и углубляясь в степь, русские войска под-

ставляли свой фланг и тыл под удары вражеской конницы и, более того, — открывали путь на Москву войскам короля Казимира на наиболее опасном кратчайшем направлении Вязьма — Можайск.

Опасная попытка противника обойти оборонительный рубеж по Оке была своевременно парирована рокировкой сил и выдвижением резерва, а попытка форсировать Угру была успешно отражена.

Тем не менее ВГК принимает меры на случай прорыва противника через линию обороны. Меры предосторожности никогда не бывают излишними, а в войне с сильным противником они всегда необходимы. Принятие этих мер, несмотря на их непопулярность, свидетельствует о дальновидности и твердости ВГК в осуществлении своего плана борьбы на южном направлении и, в частности, об учете печального опыта борьбы с Тохтамышем, Едигеем и Мазовщей.

Октябрьское стояние на Угре, точнее — боевые действия в форме перестрелки через реку, протекали в наиболее благоприятных для русских войск условиях. Всякое продление этого «стояния» было выгодным для русских и невыгодным для Орды.

Но сражение на подготовленной тыловой позиции у Боровска не состоялось — кампания была уже фактически выиграна, и развязка наступила, по-видимому, в какой-то мере неожиданно для русского командования.

Таким образом, русская стратегия в 1480 г. была по форме оборонительной в отличие от наступательной стратегии, избранной за столетие до этого Дмитрием Донским. Необходимо признать, что оборонительная стратегия в условиях 1480 г. себя полностью оправдала. Она привела к крупнейшему военно-политическому успеху — фактически к полному стратегическому поражению вражеских войск, вынужденных отказаться от решения своей задачи. Кампания 1480 г. закончилась решающей победой Русского государства. При этом важно подчеркнуть, что русское войско не понесло значительных потерь и сохранило свою боеспособность. Это было одной из наиболее существенных причин отказа Казимира от эффективного вмешательства в русско-ордынскую войну, имело важнейшее значение в решении конфликта с Ливонией и в ликвидации феодального мятежа.

В действиях русского командования в 1480 г. можно отметить некоторые характерные черты. Это прежде всего строгая централизация руководства. Все военно-политическое руководство было сосредоточено в руках главы государства, оно по существу может быть названо верховным главнокомандованием (ВГК). Именно оно определяло политическую линию в переговорах с князьями и ханом, рубежи раз-

вертывания войск, выбор тыловых позиций, принимало решения о частичной эвакуации и подготовке к обороне городов в тылу и т. д.

Как и в кампаниях 1471 и 1472 гг., командование стремилось сохранить постоянную связь с войсками и своевременно реагировать на обстановку своими директивами (рокировка на Угру, отход к Кременцу, преследование Ахмата). Стремлением к сохранению управления войсками, развернутыми на широком фронте, объясняется, по-видимому, избрание Кременца как места пребывания Ставки.

Одна из характерных черт русской стратегии — стремление вести оборону на широком фронте, перекрывая наиболее вероятные направления вражеского вторжения. Как и в кампании 1472 г., русские войска проявили способность быстро стягиваться к угрожаемому участку (Опаково Городище), что требовало достаточно хорошей разведки, связи и оперативности руководства. С оперативно-тактической точки зрения представляет интерес отвод главных сил на Кременецкую позицию при сохранении заслона на Угре.

К числу характерных черт стратегии ВГК относится стремление к экономии сил. Это определяется спецификой войны на нескольких направлениях — угрозой со стороны короля и действиями против Ордена.

В целом действия русского командования в 1480 г. представляются образцовыми как пример стратегической оборонительной операции в сложных военно-политических условиях, проведенной на самом высоком уровне и с самыми положительными результатами.

В тактическом плане в действиях русских войск можно отметить умелую оборону водных рубежей с применением огнестрельного оружия (впервые в полевом бою). Применение артиллерии в боях на Угре в октябре 1480 г. — важная веха в истории русского военного искусства.

Итак, летне-осенняя кампания 1480 г. против Ахмата — яркая страница военной истории нашей страны. Еще более существенно, что на берегах Оки и Угры была одержана решающая политическая победа — фактически свергнуто ордынское иго, тяготевшее над Русью более двух столетий. Бескровная победа на Угре — крупнейшее событие эпохи, а воскресенье 12 ноября 1480 г., первый день полностью независимого Русского государства, — одна из важнейших дат в истории нашего Отечества.

В кампании 1480 г. можно обнаружить некоторые черты коалиционной стратегии.

Начала коалиционной стратегии на основе военно-политического союза появились уже в первом проекте договора с Менгли (миссия Никиты Беклемишева).

Проект докончания с Менгли, отправленный с Никитой Васильевичем Беклемишевым в марте 1474 г., предусматривал:

1. Нападение Ахмата на Менгли. В этом случае «великому князю Ивану отпустити царевичев своих на Орду».

2. Нападение Ахмата на великого князя. В этом случае «Менгли Гирею царю на него пойти, или брате брата своего отпустити с своими людьми».

3. Наступление великого князя на короля или короля на великого князя. В этом случае Менгли должен «пойти на его [короля] землю».[151]

Эти основные положения проекта союзного договора обсуждались в ходе последующих переговоров.[152]

Проект договора не предусматривал возможности одновременной войны с Ахматом и королем. Но когда в апреле 1480 г. в Крым отправился очередной посол, князь Иван Иванович Звенец Звенигородский, в его наказе было сформулировано новое положение: «коли Ахмат царь положет под Русь... чтобы царь [Менгли] пожаловал, пошел на Ахмата царя или брата своего отпустил с своими людьми. А не пойдет Менгли-Гирей царь братии своего слювли не отпустит на Орду, ино о том говорити, чтобы на Литовскую землю пошел, или брата отпустил с людьми».[153]

Это положение наказа князю Звенцу имеет принципиальное значение. По мысли великого князя, помощь со стороны Менгли может быть оказана не только прямым нападением на Ахмата, но и нападением на его союзника — короля, даже если он непосредственно не выступит против Русского государства. Таким образом, нападение Менгли должно было сковать силы короля на южном направлении и не дать ему возможности (или затруднить) наступления на Русь в союзе с Ахматом. В этом и заключается зародыш коалиционной стратегии в кампании 1480 г. Хотя, как мы видели, практически результаты набега крымцев на Подолию были невелики, сама идея сковывающего удара на второстепенном направлении представляет значительный интерес — в ней можно увидеть стремление охватить весь масштаб большой войны и обнаружить зерна коалиционной стратегии.

Подводя общий итог, можно отметить, что одно из крупнейших событий в политической истории нашей страны было также одним из крупнейших событий в ее военной истории.

---

[151] Сб. РИО. Т. 41. №1. С. 5.

[152] Там же. №5. С. 20–21.

[153] Там же. С. 20.

Победа на Угре означала коренной перелом в стратегическом положении Русского государства. Силы русского войска, не понесшего значительных потерь в борьбе на южном рубеже, теперь могли быть использованы для решения стратегических задач на северо-западном направлении. Борьба с орденской агрессией требовала организации нового похода против магистра, причем в кратчайшие сроки — до возможного возобновления похода против Орды. Этим и объясняется, что зимой 1480/81 г. русские войска отправляются «в немецкие земли воевати и на князя-местера за их неисправление» — в наказание за нападение на Псков, «егда царь на Угре стоял и братья отступиша от великого князя».[154] Этот зимний поход был, таким образом, не чем иным, как продолжением войны, начатой Орденом в январе 1480 г. Рассказ о походе содержится в Моск. и Сим. летописях, тексты которых восходят, по-видимому, к одному официальному источнику, расходясь между собой в деталях. Псковские летописи дают свою независимую версию событий. Льв. летопись содержит некоторые самостоятельные известия.

По данным Моск. летописи, в походе приняли участие полки воевод князей Ивана Васильевича Булгака и Ярослава Васильевича Оболенского,[155] новгородские полки во главе с наместниками князем Василием Федоровичем Шуйским и Иваном Зиновьевичем Станищевым [156] и Псковский полк во главе с князем-наместником Василием Васильевичем Шуйским.[157] Сим. летопись, кроме этих великокняжеских воевод, называет новгородских бояр Василия Казимира и Александра Самсонова.[158] Следовательно, к началу 1481 г. в Новгороде еще сохранились черты старой военной организации: новгородские бояре шли в поход со своими земскими полками рядом с полками новгородских наместников великого князя.

По сообщению Пск. I летописи, поход был совершен по просьбе псковичей, которые «биша челом... великому князю... чтобы дал воевод своих с силою на немцы». Великий князь внял челобитью и велел новгородским наместникам «и посадникам, и тысяцким, и всем мужам новгородцем» идти в поход «со псковичами за псковскую обиду». Это известие подтверждают данные Сим. летописи о сохранении новгород-

[154]ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[155]По данным Льв. летописи, с этими воеводами шли «дмитровцы и боровичи», т.е. войска, набранные в Дмитровском и Боровском уездах (ПСРЛ. Т. 20. С. 348).

[156]ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[157]ПСРЛ. Т. 18. С. 269.

[158]ПСРЛ. Т. 5/1. С. 78–79.

ской военной организации. Новгородские полки прибыли в Псков 16 января 1481 г. и стали на Полонище. 11 февраля подошли московские воеводы князья Ярослав Васильевич Оболенский и Иван Васильевич Булгак с 20-тысячным войском,[159] разместившись на Запсковье. Русское командование выжидало сбора всех своих сил, дало им необходимый отдых и уже после этого приступило к решительным действиям. Войска выступили в поход «на мясной неделе», т. е. между 18 и 25 февраля.

По данным Моск. летописи, войска шли «многыми дорогами жгучи и воюючи... и немец секучи и в полон емлючи».[160]

Пск. II летопись свидетельствует, что войска шли тремя колоннами.[161] 1 марта русские войска впервые подошли к столице магистра Феллину (Вельяд).[162] За день до этого магистр бросил город и «побежал» к Риге. Князь Василий Федорович Шуйский со своим полком гнался за ним на протяжении 50 верст, но не догнал, хотя и захватил его обоз. Началась бомбардировка города из пушек, пищалей и тюфяков и подготовка штурма. В результате бомбардировки была разрушена стена охабня (внешнего укрепления); русские войска взяли и сожгли посад и пригородные села.[163] Гарнизон цитадели запросил пощады. Воеводы Иван Булгак и Ярослав Оболенский назначили окуп в 2 тыс. руб. и согласились отступить от города. Русские взяли Тарваст и Вельяд и «плениша и пожгоша всю землю немецкую от Юрьева и до Риги».[164] Впервые русские войска подошли к самому центру земель Ливонского Ордена.

Поход крупных сил по глубокому снегу в разгар лютой зимы («бе бо тогды мрази силно велици, а снег человеку в пазуху, аще у кого конь свернут з дорозе, ино двое али трое одва выволокут»)[165] был для немцев полной неожиданностью. По словам того же псковского летописца, «яко же нецпи рекоша, и Псков стал, не бывало тако».[166] В действиях русских войск можно отметить стремление нанести удар по главному центру вражеских земель, не отвлекаясь на второстепенные объекты. Если в феврале 1480 г. князь Андрей Оболенский со своими силами на-

[159] Там же. С. 79.

[160] ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[161] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 62.

[162] ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[163] Там же. — По словам Льв. летописи, русские войска взяли в Вельяде два охабня (ПСРЛ. Т. 20. С. 348).

[164] ПСРЛ. Т. 5/2. С. 62.

[165] Там же.

[166] Там же.

носил удар по Дерпту (Юрьеву) и немецким укреплениям на р. Эмбах (Омовжа), то теперь русские войска наступают на столицу самого магистра. Нанесение главного удара по основному политическому центру вражеской страны свидетельствует о верном стратегическом мышлении русского командования. Русским удалось достичь полной стратегической внезапности. Хотя войска шли разными дорогами, разоряя по средневековым обычаям страну, главные силы с артиллерией держались вместе. Об этом свидетельствует взятие городов, отстоящих друг от друга на 20–25 км. Заслуживает внимания также применение артиллерии в условиях зимнего времени. Выступив из Пскова около 18–20 февраля, русские войска с тяжелой осадной артиллерией подошли к Феллину 1 марта, пройдя за 8–10 дней около 160 км. Средний темп движения составлял, таким образом, около 20 км в сутки.

Впервые за длительный период войн с Орденом русские войска перешли от стратегической обороны к решительному стратегическому наступлению, впервые они так глубоко проникли в Ливонию, впервые за 200 лет после Раковорской битвы 1268 г. над Орденом была одержана действительно большая победа. Ближайшее следствие ее — заключение 1 сентября 1481 г. новых договоров с Ливонией, обеспечивавших интересы России.[167] Зимний поход в Ливонию может рассматриваться как стратегическая операция с ограниченной целью. Это логичное завершение кампании 1480 г. — восстановление мира на северо-западном направлении.

* * *

К лету 1481 г. вполне определилась новая политическая ситуация на юго-восточных рубежах Русской земли: Орда Ахмата разгромлена и перестала быть великой державой, оказывающей решающее влияние на ход событий в Восточной Европе. Из трех татарских улусов, прямых потомков Батыевой империи по западную сторону Урала, серьезное политическое значение сохранили два — Крымская держава Менгли-Гирея и Казанское ханство. Отношения Русского государства с Крымом продолжали оставаться дружественными, и в этом нельзя не видеть крупного успеха русской дипломатии. Договор, заключенный князем Иваном Звенцом Звенигородским весной 1480 г., определил на несколько ближайших десятилетий общий стиль и характер русско-крымских отношений.[168] Союз с Крымом против Ягеллонов и потом-

[167] Волков. С. 20–21.

[168] Это было отмечено Иваном III в наказе, данном 26 апреля 1481 г. Т. И. Скрябе:

ков Ахмата превратился в один из основных инструментов русской внешней политики до самого конца великого княжения Ивана III.

Добившись относительно прочных отношений с Крымом, Русское государство получило возможность укрепить свои позиции в Среднем Поволжье. В 1482 г. был предпринят поход на Казань.

Наиболее подробные известия о походе на Казань содержит Льв. летопись. Летом 1482 г. против Казани замышлялся большой поход. Главные силы во главе с великим князем были стянуты к Владимиру, судовая рать с артиллерией под начальством Аристотеля Фиоравенти дошла до Нижнего Новгорода.[169] Впервые в дальнем походе в составе судовой рати участвовали русские пушки. В этих условиях «царь Казанский присла с челобитьем».[170]

Летописные сведения о походе 1482 г. можно сравнить с разрядами. По их данным, в этом году «стояли воеводы в Нижнем Новгороде по казанским вестям: князь Борис Михайлович Оболенский, князь Иван Васильевич Оболенский, князь Федор Курбский, Семен Иванович Пешков, князь Дмитрей Оболенский, Костянтин Сабуров, князь Костянтин Шеховской».[171] Это первый официальный перечень русских воевод, стоящих во главе полков, развернутых против Казани.

Князь Борис Михайлович Туреня Оболенский известен по новгородскому походу 1477 г. Он шел в составе Большого полка, возглавляя отряды можаичей, волочан, звенигородцев и ружан. Совершив переход по льду оз. Ильмень, войска князя Бориса овладели монастырями Юрьевым и Аркажским и вместе с другими полками замкнули кольцо блокады вокруг Новгорода.[172]

Брат князя Бориса, принявший монашество под именем Иоасафа, был игуменом Ферапонтова монастыря, а в июле 1481 г. был поставлен в архиепископы ростовские.[173]

Второй воевода князь Иван Васильевич Шкурля Оболенский (родоначальник Курлятевых) — племянник Андрея Ногтя,[174] воеводы в ливонском походе в феврале 1480 г. В казанских разрядах 1482 г. Иван

русский посол должен был передать Менгли слова великого князя: «Ты пак нам пожаловал, крепкое слово мне молвил и ярлыки свои подавал, так и ныне по тому жалуешь, на том и стоишь» (Сб. РИО. Т. 41. №6. С. 25).

[169] ПСРЛ. Т. 20. С. 349.

[170] Там же. — По сообщению Уст. летописи, «воеводы великого князя стояли на Волге лето все» (ПСРЛ. Т. 37. С. 49).

[171] РК-98. С. 24–25.

[172] ПСРЛ. Т. 25. С. 313–315.

[173] АСВР. Т. II. С. 695; ПСРЛ. Т. 25. С. 329.

[174] ВОИДР. Т. X. С. 47; ср.: Зимин. С. 43–56.

Шкурля и его сын Дмитрий (пятый среди воевод) упоминаются впервые.

Впервые упоминается и третий воевода — князь Федор Курбский из рода ярославских князей. Это, скорее всего, Федор Семенович, сын первого удельного князя на Курбе.[175] Курбские были связаны с удельными князьями Московского дома — племянник Федора Семеновича Андрей (сын его младшего брата Дмитрия) был женат на дочери углицкого князя Андрея Васильевича Большого. Правнук Федора Семеновича, красноречивый корреспондент Ивана IV, бежал за границу, но во времена Ивана III и его сына Курбские верно служили Отечеству, и не один из них сложил голову на поле брани.[176]

Семена Ивановича Пешкова, названного в числе воевод на четвертом месте, родословцы не знают. Известен Семен Федорович Пешок Сабуров, воевода князя Андрея Вологодского и великой княгини Марии Ярославны. В 1469 г. он со своими вологжанами участвовал в Казанском походе.[177] В 1471 г. во время войны с Новгородом ходил на Кокшенгу,[178] а в 1477 г. с двором Марии Ярославны в составе Полка Левой Руки совершил переход через Ильмень.[179] В 1482 г. в походе на Казань участвует и младший брат Семена — Константин Сверчок (шестой воевода). Оба они — сыновья Федора Сабура, одного из самых знатных московских бояр.[180]

Седьмой воевода, ярославский князь Константин Юрьевич Шаховской, судя по родословцам, служил князю Андрею Меньшому.[181]

Разрядная книга сообщает, что в 1482 г. полки были развернуты и на Вятке — здесь стояли Василий Федорович Сабуров, Василий Федорович Образец Симский и князь Семен Иванович Ряполовский.[182] Как и в 1469 г., для борьбы с Казанью были созданы две группы войск на двух направлениях — западном (по отношению к Казани) и северном. Все три воеводы, стоявшие на Вятке, обладали боевым опытом. Василий Федорович Сабуров (старший брат Семена Пешка и Констан-

---

[175]ВОИДР. Т. X. С. 55–57.

[176]Так, под Казанью (вероятно, в 1506 г.) был убит Роман, сын Федора Семеновича; внук Федора, Владимир Михайлович, погиб «на Берегу в царев приход» (по всей вероятности, в 1521 г. при нашествии Мохаммед-Гирея) (ВОИДР. Т. X. С. 57). См.: Зимин. С. 90–92.

[177]ПСРЛ. Т. 25. С. 282.

[178]ПСРЛ. Т. 28. С. 144.

[179]ПСРЛ. Т. 25. С. 314.

[180]ВОИДР. Т. X. С. 93; Веселовский. С. 169–173.

[181]ВОИДР. Т. X. С. 59.

[182]РК-98. С. 25.

тина Сверчка) еще в 1466 г. был наместником на Устюге,[183] а в 1477 г. участвовал в походе через Ильмень на Новгород с полком князя Андрея Меньшого.[184] Василий Федорович Образец Симский прославился победой, одержанной 27 июля 1471 г. над новгородцами на Двине, при устье р. Шиленги;[185] в 1477 г. он — второй воевода Большого полка.[186] Важно отметить, что Образец имел опыт войны с Казанью: в 1478 г. он ходил на Казань вторым воеводой судовой рати.[187] Князь Семен Хрипун Ряполовский в ноябре 1477 г. возглавлял войска, шедшие через Ильмень для обложения Новгорода,[188] а летом 1478 г. стоял во главе судовой рати, посланной на Казань.[189] Учитывая, что на Вятке стояли лучшие, наиболее опытные воеводы, можно предположить, что этому направлению уделялось особое внимание.

Разрядные записи 1482 г. особенно ценны тем, что содержат первое упоминание о не дошедших до нас казанских посольских книгах. Они ссылаются на запись, сделанную в этих книгах 16 июля 1482 г. Запись содержала наказ воеводам, стоящим в Нижнем Новгороде. Сам наказ был в грамоте, посланной с гонцом Иваном Писемским. Первый дошедший до наших дней текст наказа воеводам (т. е. директивы главного командования) заслуживает дословного воспроизведения.[190]

«А се говорить от великого князя Ивану Писемскому бояром и воеводам князю Ивану Васильевичю, да князю Семену Ивановичю, да князю Борису Оболенскому, да князю Федору Курбскому, да князю Ивану Шеховскому, да князю Дмитрею Оболенскому, да Костянтину Сабурову. Князь великий велел вам говорить: посла есми к царю в Козань князя Ивана Звенца и Бурнака есми с ним отпустил. И вы б отобрались с теми людьми, которые с вами в лехких судах, да иные б мои воеводы князь Борис Оболенский Туреня, и князь Федор Курбский, и князь Иван Шеховской, и князь Дмитрий Оболенской, и Костянтин Сабуров, и князь Михайлов сын Деева, и брата моего Андреев воевода князь Семен Стародубской промышляли бы есте моим делом»,[191] т.е. вели бы боевые действия.

[183] ПСРЛ. Т. 37. С. 91. — Архангелогородский летописец обвиняет его во взятии посула у вятчан (Там же).
[184] ПСРЛ. Т. 25. С. 314–315.
[185] Там же. С. 290.
[186] РК-98. С. 98.
[187] ПСРЛ. Т. 28. С. 148.
[188] ПСРЛ. Т. 25. С. 314.
[189] ПСРЛ. Т. 28. С. 148.
[190] Моск. летопись за 1469 и 1477 гг. приводит наказы в пересказе.
[191] РК-98. С. 25.

Запись точно датирована, что дает возможность уточнить время похода под Казань: он состоялся после 16 июля 1482 г. Запись дает представление о том, как передавалась директива. Директива составлялась в письменном виде и передавалась с гонцом, который должен был еще сказать и «речи» воеводам. В наказе несколько изменен и расширен перечень воевод (по сравнению с разрядной записью, приведенной выше). На первое место поставлен боярин князь Иван Васильевич. Видимо, это Булгак, участник зимнего похода 1481 г. в Ливонию. Князь Семен Иванович, второй воевода, — вероятно, Ряполовский. Если так, то он переведен в Нижний Новгород с Вятки. Князь Иван Шаховской — это Иван Юрьевич, старший брат Константина, упомянутого выше. Не названный по имени «князь Михайлов сын Деева» — выходец из ярославских князей, потомков Романа, третьего сына князя Василия Давыдовича «Грозные Очи».[192] Князь Семен Стародубский, названный воеводой князя Андрея Углицкого, — это, вероятно, Семен Федорович.[193]

Разряды за 1482 г. называют в общей сложности имена 14 воевод, возглавлявших русские войска на казанском фронте. Десять из них — потомки удельных князей, четверо — выходцы из московских боярских родов. Из десяти княжат пять принадлежат к семьям, потомственно связанным с великокняжеской службой (И. В. Булгак, С. И. Ряполовский, трое Оболенских). Таким образом, основное ядро воевод — старые служилые люди, в достаточной степени проникнутые московской традицией. Сравнительно недавно на московской службе появились только ярославские княжата (Курбский, Деев и двое Шаховских). Это результат той служилой инкорпорации бывших удельных князей, которая особенно усилилась в 60-х гг. XV в. и отголоски которой звучат в Ерм. летописи под 1463 годом. По крайней мере, пять воевод (двое Сабуровых, князья Шаховской, Деев и Стародубский) связаны службой с удельными князьями. Но эти удельные князья — члены Московского дома, носители той же, в сущности, московской традиции (хотя и в ее консервативном варианте). Обращает на себя внимание, что вчерашние воеводы великой княгини Марии Ярославны и Андрея Меньшого оказываются на великокняжеской службе — между уделом московского князя и великокняжеским двором не было непроходимой грани. В целом высший командный состав войска, отраженный в разрядах 1482 г., представ-

[192]ВОИДР. Т. X. С. 62.
[193]Там же. С. 64–66.

лял собой опытных и традиционно связанных с Москвой военачальников.

Князь Иван Звенец зарекомендовал себя хорошим дипломатом, и его миссия в Казань свидетельствует о желании Ивана III добиться мирного разрешения конфликта. В этом случае поход рати «в лехких судах» должен был иметь особое значение. «Промышлять делом» – значит вести военные действия. Для этого отбираются легкие суда – предполагались действия на мелководье и вообще нанесение коротких быстрых ударов, беспокоящих противника. Мирные переговоры сопровождались реальной военной акцией.[194] Русское государство стремилось не к военному разгрому Казани, а к подчинению ее своему влиянию, к установлению мирных дружественных отношений со своим восточным соседом. Нам неизвестна позиция, занятая Казанью в период «Стояния на Угре». Активных враждебных действий сколько-нибудь значительного масштаба она, по-видимому, не предпринимала – во всяком случае, они не отразились ни в одном русском источнике. Тем не менее, как показывал опыт предшествующего десятилетия (набег 1478 г. на северо-восточные русские земли), с потенциальной угрозой со стороны Казани (вернее, антирусски настроенных кругов казанских феодалов) приходилось считаться. Победа на Угре давала возможность добиться более выгодных условий в отношениях с Казанью.

* * *

Победа на Угре и мир с Казанью создали условия для продвижения русской колонизации дальше на восток, в Сибирь. Важнейшее событие в этом плане — первый большой поход за Уральские горы в 1483 г. Известие о нем содержится в Вол.-Перм. и Уст. летописях. По данным Вол.-Перм. летописи, в поход «на князя вогульского на Асыку» были отправлены два воеводы: Иван Иванович (в летописи ошибочно – Васильевич) Салтык с вологжанами и князь Федор Курбский с устюжанами, вычегжанами, вымичами и великопермцами.[195] С каждым воеводой были посланы также дети боярские Двора великого князя. Войско Салтыка выступило из Вологды на судах 25 апреля. Сражение с вогуличами произошло 29 июля и закончилось бегством Асыки и сына его Юмшана. Преследуя бегущих, русские войска «повоеваша» Сибирскую землю и вышли «на великую реку Обь, ширина ее 60

[194] Волков. С. 22.
[195] ПСРЛ. Т. 26. С. 276.

верст». На Оби было взято в плен несколько местных князей. Поход Салтыка закончился 9 ноября возвращением в Вологду.[196]

Уст. летопись приводит самостоятельный рассказ. Первым воеводой она называет князя Федора Курбского Черного, в составе войск дополнительно упоминает сысоличей. Уст. летопись называет точно место боя с вогуличами — на устье р. Пелыни (Пелыми) (очевидно, при впадении ее в Тавду) — и сообщает, что «на том бою устюжан убило семь человек». После боя войска пошли вниз «по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирь» и «добра и полону взяли много».[197] От Сибири войска пошли «по Иртишу реце вниз... да на Обь, реку великую, в Югорскую землю». Там «князей югорских воивали и в полон повели». Летопись приводит точные даты начала и конца похода для Устюжского полка — это соответственно 9 мая и 1 октября. В дополнение к этим сведениям, содержащимся в летописи Мациевича, Архангелогородский летописец сообщает, что «(на) Югре померло вологжан много, а устюжане все вышли».[198]

Сопоставление известий Вол.-Перм. и Уст. летописей, несмотря на их лапидарно-протокольный характер, рисует черты грандиозного похода — одного из крупнейших предприятий Русского государства на его северо-восточных рубежах вплоть до прославленных походов Ермака столетие спустя. Если поход князя Федора Пестрого Стародубского на Чердынь в 1472 г. закрепил за Русским государством Пермскую землю, северо-западное Приуралье, то поход Салтыка Травина и князя Федора Курбского 1483 г. впервые вывел русских людей на необъятные просторы Сибири. Судовая рать, составленная из ополчения северорусских городов и волостей, прошла от Вологды по Сухоне и Вычегде, очевидно, до верховьев последней, т. е. не менее 2 тыс. км, из которых половину — вверх по течению, преодолела волоком северную часть Уральского хребта, а затем шла по Тавде и ее притокам, по Иртышу и Оби еще примерно такое же расстояние до «великой Оби» — Обской губы. Если новгородское боярство, проникая своими отрядами в предгорья Урала, ограничивалось эксплуатацией пушных богатств края в интересах экспортной торговли, а вятчане не поднимались выше мелких ссор с соседними племенами, то теперь впервые фактически ставится перспективная задача широкого политического масштаба — государственное освоение Северного Урала и Зауралья. Летом 1483 г.

[196] Этот рассказ в сокращении воспроизведен в Холм. летописи (ПСРЛ. Т. 33. С. 124).
[197] ПСРЛ. Т. 37. С. 49.
[198] Там же. С. 95.

«приходили к великому князю от вогульского князя Юмшана Асыкина сына бити челом о опасе шурин его, вогулятин Юрга, да сотник его, вогулятин Анфим». Об этом же «печаловался» владыка Филофей Пермский. И «владыки деля» Юмшан получил разрешение приехать к великому князю. С этим разрешением («опасом») к Юмшану в Сибирь был послан Леваш — слуга епископа пермского Филофея. Этим же летом Москву посетила и другая депутация сибирских князей «с поминки с великими от князей Кадских... и от всее земли Кадские и Югорские» просить о «полоненных князех, о Молдане с товарищи». Великий князь их «пожаловал... отпустил их в свою землю» «печалованием владыки Филофея да Володимера Григорьевича Ховрина».[199]

Обращает на себя внимание участие, которое принимают в судьбах сибирских князей пермский епископ и богатый московский боярин, выходец из купеческого рода. Если связь Филофея с Сибирью может быть объяснена конфессиональным моментом — проникновением православия в среду языческих племен, то Владимира Ховрина интересуют, надо думать, прежде всего экономические сюжеты — возможность организации торговли с далекой северо-восточной окраиной. Во всяком случае, в результате «печалования» Филофея и Ховрина сибирские князья были выпущены из плена. Однако это был не только акт гуманности. «Великий князь за себя их привел, дань на них положил», — сообщает Уст. летопись.[200] Холм. летопись тоже указывает, что князья «далися за великого князя во всей воли», обещали «дань давати, а дотоле не давали дани». По словам той же летописи, сибирские князья принесли языческую присягу — «з золота воду пили».[201] Итак, перед нами факт установления даннических отношений, т. е. вассальной, феодальной зависимости зауральских — вогульских и югорских — князей от Москвы. Освоение Сибири Русским государством началось, и в этом принципиальное значение похода 1483 г. Поход Салтыка и Курбского может по праву считаться исходным рубежом важнейшего исторического процесса — включения сибирских земель и народов в состав России.[202]

В военном отношении экспедиция 1483 г. представляет интерес как

---

[199] ПСРЛ. Т. 26. С. 276. — Это же известие с некоторыми сокращениями есть в Холм. летописи (ПСРЛ. Т. 33. С. 124–125). Другой вариант того же известия находим в Уст. летописи. (ПСРЛ. Т. 37. С. 49, 95).

[200] ПСРЛ. Т. 37. С. 49.

[201] ПСРЛ. Т. 33. С. 125.

[202] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 83–84.

пример дальней операции стратегического значения. Как и в 1472 г., главной силой похода была судовая рать, т.е. земское ополчение северных городов, усиленная отрядами служилых людей и возглавляемая воеводами великого князя. Как и в 1472 г., войскам приходилось действовать на большом расстоянии от своей базы, в сложных условиях горной и лесистой местности, преодолевать большие расстояния и естественные препятствия. В этих условиях руководство на оперативно-тактическом уровне находилось в руках воевод, и они, по-видимому, успешно справились со своими задачами, а судовые рати еще раз продемонстрировали свои высокие боевые качества.

После включения Новгородской земли в состав Русского государства и победы на Угре существование независимого Тверского великого княжества все в большей степени становится историческим нонсенсом, неудобным и опасным анахронизмом. В условиях превращения Русской земли в единое государство для самостоятельной Твери, колеблющейся между Москвой и Литвой, не остается места.

Попытка Михаила Тверского возобновить традиционные отношения союза с Литвой привела к походу московских сил на Тверь летом 1485 г.

Сбор войск начался в июле. «Прислал князь великий... гонца в отчину свою в Великий Новгород к боярину своему наместнику новгородскому Якову Захарьичу... велел ему ити к Тфери со всеми силами новгородскими». Разумеется, поход на Тверь был делом не только новгородских полков. «Августа 21 поиде к Тфери князь великий Иван Васильевич всея Руси и з своим сыном с великим князем Иваном Ивановичем, и з братьею своею, с князем Андреем Васильевичем и с князем Борисом Васильевичем, и с воеводы, и с многими силами на великого князя Тверского Михаила Борисовича за его неправду, что он посылал грамоты к королю Литовскому Казимиру и подымал его воинством на великого князя... всея Руси».[203]

В этом известии, носящем явно официальный характер, четко расставлены все акценты. В поход на Тверь идут силы всей Русской земли, он носит характер общегосударственного предприятия и вызван изменой — «неправдой» — тверского великого князя, его попыткой поднять короля на Русь. Как и новгородские походы 70-х гг., поход на Тверь мотивируется опасностью иностранной интервенции и тем самым рассматривается как общерусское дело. Действительно, новгородские бояре и тверской великий князь в аналогичных условиях про-

[203]ПСРЛ. Т. 18. С. 271; Т. 24. С. 204.

водят аналогичную политическую линию: отстаивая свою «старину», борясь против Москвы, за сохранение власти в своих землях, они обращаются за помощью к Казимиру Литовскому. Тем самым они бросают вызов не только великому князю Московскому, но и всему Русскому государству. Борьба за местную «старину» приводит к конфликту со всей Русской землей, делает местных консерваторов-сепаратистов пособниками врагов Русского государства. Соф.-Льв. летопись приводит интересные детали. В походе участвуют и князь Федор Бельский — новый служилый князь, представитель русской оппозиции королю, на землях, находящихся в его подданстве, и Аристотель Фиоравенти «с пушками, и с тюфякы, и с пищальми».[204] Итак, на Тверь движутся главные силы русского войска, вооруженные артиллерийскими орудиями всех разновидностей.

Войска шли крайне медленно. Только 8 сентября «прииде князь великий... и с своим сыном... и с своею братьею, и с воеводы, и с всеми силами под город Тферь и обступи град».[205] Средний темп продвижения был, таким образом, не более 7–8 км в сутки — в несколько раз ниже, чем в новгородских и ливонских походах. Русское командование не имело оснований сомневаться в успехе и, может быть, поэтому не спешило. «Воюючи во все стороны», русское войско, как туча, обложило Тверь. В субботу 10 сентября были зажжены посады «около града Тфери».[206] А уже на следующий день «приехаша к великому князю из города изо Тфери князи и бояре, тферские коромолники, и биша ему челом в службу».[207] Распад тверской политической системы завершился. Оставленный своими вассалами и «видя свое изнеможение», Михаил Тверской «того же дни на ночь побежал из града Тфери... к Литве». 12 сентября, в понедельник, к великому князю всея Руси явилась официальная тверская депутация во главе с епископом Вассианом и князем Михаилом Холмским «з братьею своею и з сыном» и «город отвориша».[208] Интересен состав депутации: кроме перечисленных лиц в нее входили «инии мнози бояре и земские люди все». Капитуляция Твери была, следовательно, делом не только феодальной верхушки, еще остававшейся в городе, но и рядовых горожан, основной массы жителей горо-

[204] ПСРЛ. Т. 20. С. 352; Т. 37. С. 96.
[205] ПСРЛ. Т. 18. С. 271.
[206] По словам Холм. летописи, Тверь подверглась обстрелу (ПСРЛ. Т. 33. С. 125). Другие источники это не подтверждают.
[207] ПСРЛ. Т. 33. С. 125.
[208] ПСРЛ. Т. 18. С. 271.

да. И это счел нужным подчеркнуть официозный московский летописец.[209]

С сопротивлением Твери было покончено. Вставал вопрос о дальнейшей судьбе столицы Тверской земли. «И князь великий послал в город Юрия Шестака да Константина Малечкина и диаков своих, Василия Долматова, да Романа Алексеева, да Леонтия Алексеева, велел горожан всех к целованию привести».[210] Итак, вопрос о будущем Твери был решен однозначно: жители стольного города были приведены к присяге и тем самым стали подданными государя всея Руси, гражданами Русского государства на общих началах, как новгородцы и владимирцы, ярославцы и костромичи. Тверское великое княжение как таковое, как особый политический организм прекратило свое существование.

Тверь сразу становится интегрированной частью Русского государства. Город не завоеван, не взят на щит, а как бы добровольно присоединился. Став подданными, целовав крест, тверичи тем самым попадают под защиту великокняжеской власти. Именно поэтому должностным лицам, посланным великим князем, вменяется в обязанность «гражан... от своей силы беречи, чтобы их не грабили».[211] Еще через три дня, 15 сентября, состоялся въезд в Тверь государя всея Руси и его сына: они присутствовали на обедне в Спасском соборе, патрональном храме Тверской земли. Здесь же, по-видимому, было объявлено важное политическое решение: великий князь «дал ту землю сыну своему, великому князю Ивану Ивановичу».[212] 18 сентября новый правитель Тверской земли «въехал в город Тферь жити», а 29 сентября Тверской поход закончился: «... великий князь Иван Васильевич приехал на Москву, взяв город Тферь».

С ликвидацией Тверского княжества исчезает важный и опасный плацдарм литовского политического влияния и потенциальной агрессии, глубоким клином врезавшийся в русские земли. Безопасность столицы Русского государства с северо-западного направления становится теперь надежно обеспеченной, как и безопасность всего Верхнего Поволжья. В этом плане включение Твери в состав Русского государства — крупный военно-политический успех Ивана III, сравнимый по своему масштабу и значению с присоединением Новгорода.

[209] «Все князи и бояре тверские и вся чернь... били челом великому князю» (ПСРЛ. Т. 33. С. 125).

[210] ПСРЛ. Т. 18. С. 271.

[211] Там же.

[212] ПСРЛ. Т. 8. С. 271.

КАМПАНИЯ 1487 г.

Особого интереса эта кампания у дореволюционных историков не вызывает. Н. М. Карамзин[213] и С. М. Соловьев ограничиваются кратким пересказом летописных известий. А. Е. Пресняков сказал о ней несколько слов в подстрочных примечаниях.[214] Значительно больше внимания уделил этому сюжету К. В. Базилевич. Используя Воск. и Уст. летописи, Щукинскую разрядную книгу, он дал краткий очерк хода событий.[215]

Краткий очерк приводит и новейший исследователь В. А. Волков.[216]

Е. А. Разин — автор наиболее обстоятельной работы по военной истории, вышедшей в советское время, и уделявший много места событиям военной истории России, о кампании 1487 г. не упоминает вовсе.[217]

Тем не менее эта кампания заслуживает внимания как в историко-политическом, так и в военно-историческом аспекте.

Основным источником сведений о большом походе на Казань в 1487 г. являются летописи и разрядные записи (РЗ). В качестве источника могут быть использованы также сведения Герберштейна и посольские дела.

Моск. летопись по Уваровскому списку в дефектном виде[218] передает рассказ, который полностью содержится в Никон. летописи под заголовком «О Казанском взятии».[219]

В известии приводятся имена воевод: князя Данилы Дмитриевича Холмского, князя Александра Васильевича Оболенского, князя Семена Ивановича Ряполовского. Содержатся точные даты — 11 апреля (Великий четверг) — отправка войска; «на другой неделе по Велице дни во вторник 24 апреля» — отправка Магмет-Аминя; 18 мая, четверг «на 5 неделе по Велице дни» — приход воевод под Казань; 9 июля — взятие Казани; 20 июля — получение вести об этом в Москве.

Эти известия имеют признаки официального характера, восходящие к документальному первоисточнику, содержавшему точные даты и сведения, расположенные в хронологическом порядке. Таким первоисточником могли быть донесения воевод. Вместе с тем, однако, надо

---

[213] Карамзин. С. 112–113.
[214] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 429.
[215] Базилевич. С. 203–205.
[216] Волков. С. 23–24.
[217] Разин.
[218] ПСРЛ. Т. 25. С. 331.
[219] ПСРЛ. Т. 12. С. 218–219.

отметить некоторые неточности. Пасха в 1487 г. приходилась на 15 апреля, следовательно, 11 апреля, день отправки войск по Никон., был не четверг, а среда, а 18 мая — день подхода к Казани, не четверг, а пятница.

Известие Никон. не содержит никаких подробностей ни о составе войск, отправленных под Казань, ни о ходе боевых действий.

Это же известие в Вол.-Перм., Сп.-Прил., Тип.[220]

Ерм. приводит краткое известие: «Посылал князь великий к Казани своих воевод, князя Данила Дмитриевича Холмского да князя Семена Ряполовского и многое множество войску с ним, и конников, и судовников, и град взяша, и царя поимали... А в Казани посадиша брата его меньшего на царьство, и бысть тишина велми в тех странах от Татар».[221]

Это известие, несмотря на свою краткость, содержит важные сведения, говоря о «конниках» и «судовниках».

По сведениям Соф. II и Увар.: «Того же лети [6995] гибло солнце на Ильин день. И в той же день пригонил от Казани князь Федор Хрипун Ряполовский, подая весть великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поимали. Князь же великий рад быв и посла к митрополиту, повеле молебная свершити. Митрополит же повеле звонити во все колоколы, и по всему граду повелением великого князя молебная свершиша и хвалу Богу въздиша. Царя же приведоша на Москву в четверк, за неделю до Оспожина дни и посадиша в городе на княжь Данилова дворе Александровича Ярославского»[222].

Последняя часть рассказа — о торжествах в Москве по случаю победы — могла быть позаимствована из официального источника.

Самостоятельный рассказ о походе 1487 г. приводит Уст. летопись. Она называет имена воевод — князя Данилы Холмского и князя Семена Ряполовского (т. е. воевод судовой и конной ратей), говорит о совместном приходе их под Казань, а главное — содержит довольно подробное описание боевых действий. Такого описания в других источниках нет — у устюжского летописца могла быть своя информация, может быть, от участников событий. Это наводит на мысль об участии устюжан в походе. Летопись приводит только одну дату — взятие Казани 9 июля. Отсутствие других дат может свидетельствовать о неофициальном характере источника. Концовка рассказа носит вполне официальный характер и могла быть заимствована из какого-

[220] ПСРЛ. Т. 26. С. 278; Т. 28. С. 153; Т. 24. С. 205.
[221] ПСРЛ. Т. 23. С. 162.
[222] ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 322–323; Т. 28. С. 318.

то документального источника: «Князь великий воевод своих изъжаловал, а бояр и детей боярских хто чего достоин. А царя Алехама посадил на Вологде за сторожи с материю и со царицею. А княжат и княгинь и татар розсажал по посельским, а иных привел к роте, что им государю хотеть великому князю добра, и отпустил их в Казань».[223]

Итак, в нашем распоряжении четыре основных летописных рассказа о походе 1487 г. Каждый из этих рассказов имеет свои достоинства и недостатки с точки зрения возможности реконструкции реального хода событий.

Все четыре рассказа не противоречат, а в значительной мере дополняют друг друга.

Разрядная книга 1475–1605 гг. (РК-05) о казанских событиях 1484-1487 гг. содержит четыре записи.

1. Под 6992 (1484) годом — об отправке воевод на казанского царя Алехама: «и воевода тады Казань взяли, а Магмет-Амина царя в Казани на царство посадили, по великого князя наказу».

2. Под 6993 годом: «Государь князь великий... отпустил на Казань Алегама царевича, а с ним послал воевод своих... на Магмет-Амина царя. И Алегам царевич, пришед, сел на Казани, а Магмед-Амин, царь с Казани збежал».

3. Под 6994 годом: «великий князь послал в Казань к Махмед-Амину царю для береженья воевод своих... по его Магмед-Аминева присылке, что он хотел братью свою меньшую великому князю выдать. И князи казанские ему братьи выдать не дали, а самого Магмед-Амина хотели убить, и он ушел [к] великого князя воеводам. И казанцы прислали за ним бить челом, и он с ними помирился, сел опять на царство на Казани».

4. Под 6995 годом: «В лето 6995 году взятье казанское при великом князе Иване Васильевиче всея Руси.

Согнал с Казани Магмед-Амина царя брат ево Алехам, а пришол из Нагаи по слову с казанцами.

И князь великий... послал под Казань Магмед-Аминя царя да воевод своих на царя Алехама казанского...»[224]

Разрядная книга 1475–1598 гг. (РК-98) записи 6992 г. не содержит, а известия 6993 г. излагает так: «...отпустил князь великий на Казань, на Алегама царя, царевича Магмедеминя, а с ним послал воевод своих... И Алегам збежал, а на Казани сел Магмедемин».[225]

[223]ПСРЛ. Т. 37. С. 96.
[224]РК-05. С. 26–27.
[225]РК-98. С. 20–21.

Запись 6994 г. в общих чертах совпадает с записью в РК-05.

Таким образом, если, по РК-05, поход 1485 (6993) г. был совершен против Магмет-Амина и имел следствием утверждение на царство Алегама, то по РК-98 дело обстояло как раз наоборот.

Представляется, что в этом случае в РК-05 допущена ошибка.[226] Ясно, что если бы в 1485 г. на казанский стол сел Алегам, то в следующем году не нужно было бы посылать воевод Махмед-Амину царю для «береженья». Но если так, то вызывает подозрение и известие за 1484 (6992) г. Полное совпадение списков воевод в известии за 1484 и 1487 (6995) гг. свидетельствует, что составитель РК-05 известие о походе воевод на Казань поместил дважды: под 1484 (6992) и 1487 (6995) гг.

Разрядные записи приводят имена воевод, но не сообщают никаких реальных сведений о ходе событий.

Своеобразным источником является поздняя «Казанская история», составленная, по мнению исследователей, в конце XVI в. Перечисляя имена воевод, как в Никон., этот источник пишет: «И встретя их казанский царь Алехам с татары своими на реке на Свияге. Бывшу же у них бою велику... и побише ту многие Казанцев мало их живых в Казань утече, и град затворити и осадити не успеша и самого царя Алехама живы яша руками, и с ними во град въшедше...»[227]

Эти поздние сведения не соответствуют современным известиям, но отражают предания, жившие в народной памяти.

К числу таких же преданий относится и рассказ Герберштейна о захвате Алегама обманом.[228]

Реконструкция реальных событий может быть проделана на базе летописных рассказов и разрядных записей.

Победы на северо-западе (над новгородскими сепаратистами) и на юге (над Ахматом) создали к середине 80-х гг. принципиально новую стратегическую обстановку и дали возможность приступить к активным наступательным действиям на восточном стратегическом направлении.

Борьба между претендентами на ханский престол создавала нестабильную обстановку в Казани и в то же время могла способствовать усилению русского влияния.

---

[226]Об ошибках РК-05 см.: *Зимин А. А.* Текстология пространной редакции разрядных книг (за 1475–1537 гг.) // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 149–170.

[227]ПСРЛ. Т. 19. Стб. 21, 226.

[228]Герберштейн. С. 170.

Под 6994 (1486) годом Уст. летопись помещает известие: «ис Казани прибегл к великому князю... царь Махмет-Емин от брата своего от царя Аляхама да бил челом великому князю, а назвал себе его, великого князя, отцем, а просил у него силы на брата своего на Аляхама, царя казанского, и князь великий силу порекл ему дати».[229]

Этому соответствует и известие Соф. II—Увар.: «приеха царевич казанского царя сын, а Темиров внук, еще бе мал, к великому князю, князь же великий приат его». Далее под тем же годом: «Прислаша казанцы к великому князю, а ркучи так: „Что есмя отпустили к тебе царевича на том, что почнет наш царевич царя нашего, а меншицын сын, над нами чинить лихо, и ты опять отпусти царевича нашего к нам. И нынеча наш царевич, а меншицын сын услышав то, да зазвавши нас к себе на пир, хотел нас перетерети, и мы в поле убежали, и он, ехавши в город, да окрепивши город, да за нами пошел, в поле“».[230]

«Меньшицын сын» — это Алегам, сын Фатимы, младшей жены царя Ибрагима. Царевич, отпущенный в Москву, — это Магмет-Амин, сын Нур-Салтан, старшей жены Ибрагима, вышедшей позднее за Менгли-Гирея Крымского.

В марте 1487 г. великий князь через своего посла в Крым передает Нур-Салтан о желании «добро смотрети» ее сыну Магмет-Амину.[231]

В Казани шла династическая борьба, и один из претендентов на казанский стол признал себя вассалом великого князя, дав ему тем самым законный повод для вмешательства в казанские дела.

При этом можно было надеяться на дружественную позицию Менгли, что обеспечивало безопасность южного стратегического направления.

Однако борьба за укрепление русского влияния в Казани осложнялась обострением отношений с Вяткой.

Уст. летопись сообщает: «В лето 6994 Месяца Марта в 18 день вятчане пришли ратью на Устюг, у города не были, зане же весть ушла перед ними. И стояли под Осиновцем городком день и прочь пошли, а 3 волости разграбили, а устюжане в погоню за ними ходили, да не дошли их. Того же лета о Троицыне (15 мая. — *Ю. А.*) дне водою вятчане приходили на судех под Устюг под Осиновцом изгоном и стали обедать. А воевода Костя Юрьев шел с ними в неволю. А в ту пору сына его Торопа Иван, трясуца поимала, и он захотел соку соснового. И Костя сам с ним пошел в лес, взем топор. И дошед до лесу, рать

[229] ПСРЛ. Т. 37. С. 96.
[230] Там же.
[231] Сб. РИО. Т. 41. №16. С. 59.

покинул и с сыном в город Осиновец утек. И осиновляне на конех отпустили со многими людьми на подводах к Москве. И князь великий их пожаловал. А вятчане хватилися, оже воеводы нет, утекл. И они возмялись, начаше к городу приступати и аючи в городе. Осиновляне же им правду сказаша, что воивода их на конех и с проводники к великому князю побегл, и они на ту ночь и побегоша к Вятке».[232]

Итак, в самый канун похода на Казань возник конфликт с Вяткой и наметился раскол в вятской общине. Это, без сомнения, осложняло общую обстановку на восточном направлении — войска, идущие на Казань, нуждались в стратегическом обеспечении своего левого фланга.

Увар., рассказав об отправке воевод на Казань в апреле («о Велице дни») 1487 г., далее пишет: «Тогда же и вятчане отступиша от великого князя. Князь же великий посла на вятчан воеводу своего Юрия Шестака Кутузова со многою силою. И он шед и умиришася с ними и возвратишася».[233] Устюжское известие находит подтверждение в Соф. II и Увар.: «тогда же и воевода вятский Костя прибеже к великому князю к Москве».[234]

Разрядная запись за 6995 г., рассказывающая о походе на Казань, далее отмечает: «Того же году послал князь великий к Вятке воевод князя Ивана Володимеровича Лыка да Юрья Ивановича Шестака».[235]

До боевых действий дело, видимо, не дошло. Как мы видели, воевода Кутузов, посланный на Вятку «со многою силою», «шед и умирися с ними и възвратишася».

Тем не менее опасность со стороны Вятки была реальностью и учитывалась в действиях русского верховного главнокомандования (ВГК).

Важнейшим делом ВГК было определение цели похода, формирование войск, предназначенных к походу на Казань, и назначение воевод.

Целью похода было установление в Казани дружественной власти.

Официальная летопись называет имена четырех воевод: князя Данила Дмитриевича Холмского, князя Александра Васильевича Оболенского, князя Семена Ивановича Ряполовского и князя Семена Романовича.[236]

Гораздо более подробные сведения содержат разрядные записи.

[232]ПСРЛ. Т. 37. С. 49–50, 96.
[233]ПСРЛ. Т. 28. С. 318; Т. 6/2. Стб. 323.
[234]ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 323; Т. 28. С. 318.
[235]РК-98. С. 21.
[236]ПСРЛ. Т. 12. С. 218.

«Князь великий... послал на Казань воевод своих по полком. В судех. В Большом полку князь Данило Дмитриевич Холмской да князь Осиф Андреевич Дорогобужской.

В Передовом полку князь Семен Иванович Ряполовской.

В Правой Руке князь Олександр Васильевич Оболенской, да Иван Борисович, да князь Ондреев воевода князь Василей Никитич Оболенской.

В Левой Руке князь Семен Романович Ярославской да князь Борисов Васильевича воевода князь Василий Иванович Хованской.

А в конной рати князь Федор Хрипун да брат его князь Василей Мних Семеновичи Стародубские.

А пришед под Казань, велел им князь великий быти в Передовом полку со князем Семеном Ряполовским.

Да к Казани же послал князь великий конную рать на помочь воеводам: князя Василия Федоровича Шуйского да Дмитрия Ивановича Киндырева. А в судех князя Ивана Васильевича Ромодановского».[237]

В поход идут одновременно конная и судовая рати — это известие Соф. II—Увар. подтверждают разрядные записи.

Большой полк идет в составе судовой рати; очевидно, ей придается решающее значение.

Во главе Большого полка — наиболее опытный и прославленный воевода, победитель на Шелони. Присутствие князя Данилы Холмского во главе войск свидетельствует о значении похода, которому придается ранг важнейшего государственного мероприятия.

Второй воевода Большого полка — Осиф Андреевич Дорогобужский из тверских удельных князей. В 1480 г. он участвовал в отражении нашествия Ахмата. Летом 1485 г. он коммендировался на службу великому князю Ивану Васильевичу. По мнению А. А. Зимина, он получил в удел кормление Ярославль. Однако этот факт подтверждается только грамотой Троицкому Сергиеву монастырю, выданной князем Дорогобужским в 1490–1495 гг. на беспошлинный проезд по Шексне.[238] Нельзя исключить, что, перейдя на службу в Москву, он продолжал сохранять связь со своим тверским уделом. Став воеводой великого князя всея Руси, он мог вести с собой служилых людей из своего тверского удела. Сравнительно плавный безболезненный переход Тверского великого княжения в состав Русского государства мог способствовать сохранению тверскими князьями своих уделов. В от-

[237] РК-98. С. 21.

[238] АСВР. Т. 1. № 552. С. 429.

личие от своего брата Юрия, Иосиф Андреевич в походе 1471 г. не участвовал и в источниках впервые упоминается в 1480 г. Его военная карьера относится к 1490-м — 1500 г. Можно думать поэтому, что в 1487 г. он был сравнительно молодым человеком, не имевшим большого боевого опыта. Назначение князя Дорогобужского в Большой полк может свидетельствовать о доверии к нему со стороны великого князя — его новые тверские подданные сразу занимают важные посты в войске.

Передовой полк возглавляет представитель старого московского княжеско-боярского рода, служившего великим князьям уже многие десятилетия. В событиях последней трети XV в. принимали участие два Семена Ивановича Ряполовских. Старший из них, Семен Хрипун — внук родоначальника, князя Андрея Федоровича. Младший — племянник этого Семена Хрипуна. Сын Семена Хрипуна, Федор Хрипун, уже в 1468 г. был воеводой и разбил казанцев у Нижнего Новгорода. В 1487 г. его отцу должно было быть не менее 50–60 лет. Более вероятно, что Передовой полк возглавлял Семен Иванович Младший («Молодой»). Вероятно, тот же Семен Иванович в походе 1477 г. возглавлял суздальцев и юрьевцев в составе Большого полка, т. е. не был самостоятельным воеводой, а подчинялся воеводе Большого полка князю Ивану Юрьевичу Патрикееву. Участие в походе 1477 г. — первый известный нам боевой опыт князя Семена Ивановича. В 70-х гг. он был еще сравнительно молодым человеком, его карьера, трагически оборвавшаяся опалой и казнью, относится к 80–90-м гг.[239]

Первый воевода полка Правой Руки князь Александр Васильевич Оболенский — младший брат Ивана Стриги, известного воеводы 40–70-х гг. В отличие от своего старшего брата, князь Александр впервые упоминается в источниках в 1475 г., но уже в качестве боярина в составе свиты великого князя в «походе миром» на Новгород. В 1477 г. он с несколькими городовыми полками входил в состав Большого полка. Видимо, он был значительно моложе своего брата — его военная карьера расцвела в 90-х гг., а в 1501 г. он пал в битве с ливонцами.[240]

Второй воевода того же полка — выходец из Твери, сравнительно недавно перешедший на великокняжескую службу.

В этом же полку идут служилые люди князя Андрея Большого, во главе с его воеводой — одним из князей Оболенских. На их примере видно, как служба разводит под разные знамена представителей од-

[239]Зимин. С. 38–41.
[240]Там же. С. 48–50.

ного и того же княжеского рода: одни потомственно служат великому князю, другие — удельным князьям.

Полк Левой Руки возглавляет один из ярославских князей, давно уже превратившийся в служилого человека великого князя и имеющий боевой опыт в походах на Казань.

Здесь же — и воевода удельного князя, очевидно, со служилыми людьми своего князя.

Во главе конной рати идут братья князья Ряполовские. Конной рати в разряде весны 1487 г. уделяется заметно меньше внимания. Тут нет деления на полки, видимо, она рассматривалась как сила второстепенного значения. Об этом свидетельствует и заранее отданное распоряжение великого князя о переходе конной рати по прибытии под Казань в распоряжение воеводы Передового полка. Таким образом, судя по разрядным записям, ВГК предусматривало некоторое переформирование сил по выходе в район боевых действий.

Судовая рать — пехота. Подчинение ей конной рати свидетельствует о вспомогательной роли конницы в первоначальном плане операции. Ее задачей, вероятно, было обеспечение защиты осаждающей город пехоты от действий подвижных отрядов защитников крепости.

Упорная оборона Казани заставила выслать новые силы «на помочь».

Во главе конной рати пошел князь Василий Федорович Шуйский. В 1471 г. он ходил вместе с псковичами в поход на Новгород, в 1480–1481 гг. был наместником в Новгороде.

Второй воевода — из тверских бояр, в мае 1476 г. бивших челом в службу великому князю Ивану Васильевичу. В актовом материале упоминается какой-то Дмитрий Иванович, наместник Кашинский.[241] Издатели акта относят его по косвенным данным к последним годам независимости Твери (1484–1485). Но не исключено, что Дмитрий Иванович — возможно, Киндырев — был наместником уже после включения Твери в состав единого государства. В таком случае он мог вести в поход на Казань кашинское служилое ополчение. Само по себе участие тверских служилых людей в походе на Казань вполне вероятно — система тверского служилого землевладения, по крайней мере вплоть до начала 90-х гг., не подвергалась, по-видимому, существенным изменениям.

Воевода судовой рати князь Иван Васильевич Ромодановский упоминается здесь впервые. Видимо, он был еще молодым человеком, не

[241] АСВР. Т. III. № 160. С. 175.

имевшим большого боевого опыта.[242] По-видимому, в рати, посланной «на помочь», главную роль играла конница — здесь два воеводы, из которых первый — уже опытный воин. Борьба с подвижными отрядами оказалась более сложной, чем предполагалось.

Таким образом, если действия ВГК перед походом заключались в определении цели и задач похода, в формировании войсковых соединений, назначении воевод, то во время самого похода ВГК реагировало на сложившуюся обстановку путем присылки подкреплений за счет формирования новых полков или выдвижения на театр войны сил из стратегического резерва.

Руководство войсками на оперативно-тактическом уровне находилось в руках воевод, снабженных соответствующими инструкциями.

Общий ход кампании отражен в официальной летописи.

Войска выступили из Москвы 11 апреля, «в четверток великий». «А царя Магмет-Аминя Казанского отпустил князь великий на другой недели по Велице дни во вторник, Априля 24. А пришли воеводы великого князя и с силою под город под Казань месяца Маия в 18 день, в четверток на пятой недели по Велице дни. И взяша город Казань Июля в 9 день и царя Алегама Казанского изымаша с материю и его царицею, и с двема браты и с сестрою, и с его князьми. И приведоша их на Москву.

Июля же 20 прииде весть великому князю, что город Казань взяли его воеводы и царя полонили, а пригонил с тою вестью князь Федор Хрипун Ряполовский.

И князь великий Иван Васильевичь всея Русии царя Махмет-Аминя из своей руки посадил на царство в Казани, а коромольных князей и уланов смертию казнил, и иных коромолников».[243]

Рассказ официальной летописи позволяет сделать некоторые выводы. Марш-маневр к Казани занял 37 дней, если считать, что войска выступили именно 11 апреля. Маршрут движения неизвестен, но исходя из сообщения других летописей об одновременном прибытии к Казани конной и судовой ратей можно думать, что они двигались вместе. В 1469 г. судовая рать сосредоточилась в Нижнем Новгороде, вполне вероятно, что так было и в 1487 г. Передовой отряд добровольцев подошел к Казани в 1469 г. 21 мая после четырехдневного плавания вниз по Волге. Движение конной рати по берегу должно было быть, естественно, более медленным. В 1552 г. среднесуточный

[242] Зимин. С. 39–40.
[243] ПСРЛ. Т. 12. С. 218–219.

переход составлял около 30 км, дневки делались в среднем каждые 8 дней.[244] Если так, то 400 верст от Нижнего до Казани конная рать могла пройти примерно за 12–15 дней, т. е. должна была выступить из Нижнего примерно 3–5 мая и 400 км от Москвы до Нижнего пройти за 15–18 дней. Выступив из Москвы 11 апреля, конное войско могло подойти к Нижнему около 1 мая и после нескольких дней отдыха двинуться к Казани. При всей приблизительности этих расчетов они свидетельствуют о правдоподобии дат, приведенных в летописи.

Уст. летопись приводит живой рассказ о боях под Казанью.

«И пришед сила великого князя под Казань, конная и судовая вся. И царь Алехам из города из Казани со князьями своими выехал и с силою против воевод великого князя мало побився и в город побеже. А воеводы город Казань обсели и острог около города доспели. Един князь татарский именем Алгазы со царем в город не полез, тот зла много чинил силе великого князя. А после того князя сила великого князя и прогна за Каму в поле. А царь Аляхам седе в городе 3 недели; на всяк день татарове из города вылазя билися с Русью. И прииде на царя и на татар изнеможение. И царь Аляхам сам выеде из города неволею, и в руки воеводам великого князя ко князю Данилу Дмитриевичу Холмскому да ко князю Семену Ивановичу Ряполовскому. И город взяли, и матерь цареву и его царицу, и много князей татарских и их княгинь поимали, Июля в 9 день, на память Панкратия Тавроменинского».

Список Мацеевича приводит тот же текст с незначительными сокращениями и разночтениями. Единственное серьезное отличие текста по списку Мацеевича — князь Аль-Гази (Ольгаза, по этому списку) «силе великого князя много дурна учинил и прогна за Каму в поле», т. е. за Каму были прогнаны русские войска, а не татарский князь. Эта явная ошибка списка Мацеевича свидетельствует о вторичности его текста по сравнению с Архангелогородским.

Таким образом, боевые действия под Казанью начались с боя в открытом поле. Подробности боя неизвестны, но можно думать, что Алегам стремился нанести поражение русским войскам и не допустить штурма или осады своей столицы. Повторился сценарий осеннего похода 1469 г. в изображении той же летописи. Как и тогда, русские войска не стали штурмовать город, а приступили к правильной осаде, соорудив вокруг города острог, т. е. контрвалационную линию.

Когда же все это произошло? По сведениям официальной летописи,

[244] Разин. С. 359.

войска подошли к Казани 18 мая; по сведениям Уст., Алегам сидел в городе три недели до своей капитуляции, которая произошла 9 июля (с этой датой согласны все источники). Следовательно, близкая блокада с помощью острога началась около 18 июня, т. е. борьба в поле продолжалась около месяца. Трудно поверить, что сооружение острога могло занять столько времени.[245] Скорее всего, Уст. допускает ошибку в расчете числа недель осады. Но общая картина событий представляется довольно убедительной. Перед нами — классический пример осады большого города крупными силами с использованием фортификационных сооружений.

В этих условиях возможны были два исхода событий — капитуляция города вследствие недостатка съестных припасов или воды (как в 1469 г.) или штурм города, при благоприятных для осаждающих обстоятельствах (известия о деморализации в городе и т. п.)

В отличие от 1469 г., казанцы часть своих сил не стали вводить в город, а попытались действовать против осаждающих из открытого поля. Судя по сведениям летописца, эти действия приносили русским войскам большой ущерб (т. е. были достаточно эффективны). Может быть, именно поэтому было принято решение об отправке к Казани «на помочь» конной рати князя Василия Федоровича Шуйского в сопровождении судовой рати. Во всяком случае, русским войскам удалось одержать победу над Аль-Гази и заставить его отойти за Каму.

Осажденные в Казани войска Алегама делали ежедневные вылазки. Этот образ действий мог быть целесообразным при примерном равенстве сил (осажденные имели бы преимущество инициативы и легко укрылись бы в городе, где они легче могли восстановить свои силы, чем осаждающие) в надежде частыми вылазками измотать противника, а также имея в виду взаимодействие с силами Аль-Гази. Однако в конечном счете эта тактика активной обороны себя не оправдала. Аль-Гази был отброшен, русские наращивали силы, а силы гарнизона таяли. Бесперспективность дальнейшей обороны заставила Алегама сдаться на милость победителя.

Борьба за Казань продолжалась 50 дней. В отличие от кампании 1469 г., нет сведений об отнятии воды — видимо, на этот раз снабжение города водой не прерывалось.

Кампанию 1487 г. целесообразно сравнить с кампанией 1469 г. — первым опытом борьбы под стенами столицы казанских ханов.

[245] Известно, что в 1552 г. сооружение контрвалационной линии заняло 7 дней (Разин. С. 362).

В обоих случаях стратегической целью была сама Казань — исход войны должен был решиться под ее стенами. Однако реальный ход событий в этих кампаниях существенно различается. В кампании 1469 г. взаимодействие конной и судовой ратей удалось достигнуть только на последнем этапе, после двух лет неудачных походов. В 1487 г. это взаимодействие было заложено уже в первоначальный план и осуществлялось с самого начала боевых действий.

В кампаниях 1468–1469 гг. прослеживается стремление действовать на двух операционных направлениях, что себя не оправдало. В кампании 1487 г. все силы были развернуты на одном операционном направлении — был учтен удачный опыт осеннего похода 1469 г. князя Юрия Васильевича. Этот опыт был учтен и в тактике осады города — в постройке острога.

Условия борьбы в 1487 г. были, по-видимому, более сложными, чем осенью 1469 г., — тактика казанцев отличалась активностью, что значительно ухудшало положение осаждающих.

Тем не менее кампания закончилась полным успехом. Над Казанским ханством впервые была одержана настоящая бескомпромиссная победа — впервые казанский царь признал свою зависимость от Русского государства.

Основной причиной победы в 1487 г. можно считать фактическое создание единого Российского государства: в распоряжении великого князя впервые были практически все силы Русской земли (за исключением Вятки). Это создавало благоприятные условия для работы верховного главнокомандования, державшего в своих руках все нити управления войсками и страной.

В действиях ВГК можно отметить:

— постановку широкомасштабной политико-стратегической цели, решение которой создавало новую ситуацию на всем восточном направлении;

— учет опыта предыдущих кампаний, в частности:

— правильный выбор операционного направления;

— создание на нем мощной группировки сил под единым тактическим руководством со стороны опытного воеводы;

— правильное реагирование на сложившуюся обстановку;

— своевременную посылку «на помочь» резервов ВГК.

Памятником деятельности ВГК являются разрядные записи, впервые дающие самостоятельные — независимые от летописи — сведения о полках и воеводах и директивах ВГК.

В целом можно отметить, что руководство русскими силами и на стратегическом, и на тактическом уровнях проявило себя с положительной стороны, результатом чего была достигнута большая победа.

Со стороны казанцев можно отметить упорную оборону города и умелые действия конницы вне кольца осады. Однако общая ситуация не давала казанцам благоприятных перспектив, и капитуляция была необходимой и, в сущности, оправданной акцией. Переходя под протекторат России, Казанское ханство сохраняло свою особность, сохраняло свою династию, свой политический строй, свою веру и свой уклад жизни. Для России же победа 1487 г. была крупнейшим успехом после Угры: она укрепляла безопасность восточного и северо-восточного направлений и возможность дальнейшего продвижения в сторону Урала и Сибири.

ПОХОД 1489 г. НА ВЯТКУ

Поход на Вятку, не говоря уже о его политическом значении, — феномен, представляющий интерес и в военно-историческом отношении.

Основными источниками о походе 1489 г. являются летописи и разрядные записи.

Официальная Моск. летопись приводит краткое сообщение: «лета 6997... июния в 11 день, послал князь великий Иван Васильевич всея Руси рать свою на Вятку за их неисправление, князя Данила Васильевича да Григория Васильевича Морозова и иных воевод со многою силою. Они же шедше, городы поимаша, а самих вятчан к целованию приведоша, а арян к роте приведоша, а вятчан болших и з женами и з детми изведоша, да Арских князей, и таки возвратишася. И князь великий вятчан земских людей в Боровсце да в Кременце посади, а арских людей пожаловал князь великий отпустил в свою землю, а крамольников смертию казнил».[246]

Уст. летопись рассказывает об этих событиях гораздо подробнее. С воеводами, князем Данилой Щеней и Григорием Поплевой, шли «и москвичи, и володимирцы, и тверичи, и иных городов. А у тверичь воевода Ондрей Коробов да князь Осиф Дорогобужской. А у устюжан князь Иван Иванович Звенец, а у двинян князь Иван Лыко, а у важан и у каргопольцев Юрьи Иванович Шестак». Вассальный казанский хан «по приказу великого князя посла свою рать, 700 татар». Воевода Урак, князь Казанский, и «москвичи иные шли коньми», «а устюжане,

[246] ПСРЛ. Т. 12. С. 221; Т. 28. С. 154.

и двиняне, и важане, и каргопольцы, и белозерцы, и вологжане, и вычегжане, и вымичи, и сысоличи шли в судех».[247]

Источником сведений Уст. могли быть какие-то официальные документы, не использованные в официозной летописи, а также рассказы устюжан — участников похода.

Самостоятельным источником официального происхождения являются разрядные записи.

«Лета 6997-го князь великий... посылал к Вятке воевод своих, и они шед Вятку взяли.

А были воеводы по полком:

В Большом полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Ондрей Семенович Чернятинский.

В Передовом полку Григорий Васильевич Морозов да Ондрей Иванович Коробов.

В Правой Руке князь Володимер Андреевич Микулинской, да Василий Борисович Бороздин да князь Ондреев воевода Михайло Константинович.

В Левой Руке Василей Семенович Бокеев, да Семен Карпович, да князь Борисов воевода Фома Иванович.

А в судовой воевода Иван Иванович Салтыков Травин, да князь Иван Семенович Кубенской да Юрьи Иванович Шестак, да наместник устюжской Иван Иванович Злоба да князь Иван Иванович Звенец.

И Злоба не дошед умер.

И Вятку тогда взяли. А в грамоте писались к великому князю князь Данило да Григорий и все воеводы.

А на Каме стоял вятских же для дел князь Борис Иванович Горбатый».[248]

Как и записи о казанском походе 1487 г., разряды свидетельствуют об иерархии полков: Большой — Передовой — Правой Руки — Левой Руки.

В разрядах 1489 г. впервые встречается формула «а были воеводы по полком», которая впоследствии стала постоянной в разрядных записях. Думается, что появление этой формулы в 1489 г. не было случайным — оно отражает дальнейшее совершенствование структуры разрядных записей, что, в свою очередь, было обусловлено развитием деятельности разрядного ведомства.

[247] ПСРЛ. Т. 37. С. 96.
[248] РК-98. С. 21.

В донесениях к великому князю писались только два воеводы — первый воевода Большого полка и первый воевода Передового полка. Этим, очевидно, определялась иерархия воевод. В распоряжении московского летописца была, видимо, та самая грамота, в которой «писались» эти воеводы, — их имена и отразились в официальном летописном рассказе.

В отличие от РЗ, Уст. летопись приводит перечень территориальных полков — первичных тактических единиц, включаемых в оперативные соединения.

Из среднерусских городов названы только москвичи, тверичи и володимерцы (хотя были и «иные»).

В состав судовой рати входят девять территориальных полков, из которых у четырех есть названные по именам воеводы. Надо думать, что и другие пять территориальных полков судовой рати шли во главе со своими воеводами. Судовая рать — пехота, посаженная на суда. В своей основе — это земское ополчение, собранное по определенной норме. Для северных уездов эта норма нам не известна, но представление о ней можно получить из источников по Пскову и Новгороду. Там пеший воин выставлялся обычно с 3–5 дворов. Мобилизационные нормы северных уездов едва ли могли сильно отличаться от этой цифры. Обращает на себя внимание, что в поход на Вятку идет ополчение земель, еще недавно тянувших к Великому Новгороду, — это прежде всего двиняне. В походе 1471 г. они во главе с присланным из Новгорода воеводой сражались против великокняжеского судового ополчения. В битве на р. Шиленге новгородский воевода был разбит — по словам летописи, двиняне к нему «не тянули». Теперь двиняне во главе с московским воеводой идут в поход на Вятку — последний оплот вечевого сепаратизма на Севере. Это значит, что за 10–20 лет ассимиляция северных земель в состав Российского государства сделала решающие успехи. Власть теперь могла на них опираться при проведении своей политики.

Следует обратить внимание также на белозерцев и вологжан. Белоозеро и Вологда еще несколько лет назад были самостоятельными уделами во главе со своими князьями. Теперь ополчение этих уездов идет в поход в составе великокняжеской рати — с удельной обособленностью покончено.[249] При слабом развитии служилого землевладения в этих уездах их ополчение — пехота, посаженная на суда.

Перечень воевод, приводимый в наших источниках, представля-

[249] Белоозеро потеряло свой удельный статус в 1483 г., Вологда — в 1481 г.

ет значительный интерес и позволяет сделать некоторые наблюдения.

Списки воевод Уст. летописи и РЗ не совпадают. Наиболее важными являются списки в РЗ, но Уст. знает двух воевод, о которых не говорится в РЗ: это князь Осиф Андреевич Дорогобужский и князь Иван Лыко. В отличие от РЗ, Уст. называет особых воевод у тверичей и у двинян, но не называет имени устюжского наместника Ивана Злобы. Эти расхождения не носят принципиального характера, но представляют известный интерес. Частный источник Уст. мог быть хорошо информирован о некоторых деталях, не отраженных в дошедших до нас РЗ. Особенно интересно сообщение о воеводах «у тверичей». Городовые полки включались в оперативные соединения, и руководителей их РЗ, как правило, не называет. Но устюжанину — участнику похода — их имена могли быть известны; так появилось упоминание о князе Иване Лыко.

Первый воевода Большого полка — князь Данило Васильевич Щеня. Внук князя Юрия Патрикеевича, женатого на одной из великих княжон, князь Данило приходился Ивану III двоюродным племянником. В разрядах впервые упоминается в 1475 г. — в «походе миром» Ивана III на Новгород он назван шестым по счету в числе бояр.[250] О его командных функциях до 1489 г. в наших источниках известий нет. Но надо иметь в виду, что разрядных записей до 1489 г. вообще дошло очень мало. Можно только сказать, что Щеня ни в 1477, ни в 1487 гг. (в походе на Казань) не был полковым воеводой.

В дальнейших походах 90-х гг. он играл выдающуюся роль, взяв Вязьму, а в 1500 г. одержав блестящую победу над литовцами на Ведроше. Последнее упоминание о нем относится к 1515 г.[251]

Второй воевода Большого полка — князь Андрей Семенович Чернятинский, из рода тверских князей, оказавшихся на великокняжеской службе при падении Тверского великого княжения.[252] В разряде он упоминается единственный раз, из чего можно заключить, что он не имел ни большого боевого опыта, ни успешного продвижения по службе. Можно думать, что второй воевода Большого полка был только помощником первого и самостоятельной командной роли не играл. Он не являлся адресатом директив великого князя. Однако включение князя Чернятинского в число полковых воевод может свидетельствовать о наличии в составе Большого полка тверских служилых людей.

[250] РК-98. С. 17.
[251] Там же. С. 57.
[252] Зимин. С. 111.

Первый воевода Передового полка Григорий Васильевич Поплева Морозов — представитель старого московского боярского рода. В источниках Григорий Поплева известен с 60-х гг.,[253] а первое упоминание о нем в разрядах относится в 1475 г., когда он один в «походе миром» на Новгород был в числе бояр великого князя (назван девятым из одиннадцати).[254] Он, бывший наместником в Новгороде Великом и (позднее) в Вологде, в 1485 г. во время похода на Тверь оставлен в Москве в числе бояр «у великие княгини» (назван на первом месте). Большой военной карьеры он не сделал — после 1489 г. в разрядах не упоминается. По должности первого воеводы Передового полка он был ближайшим заместителем командующего и «писался в грамате к великому князю». Тот факт, что во главе Большого и Передового полков идут бояре, свидетельствует о значении и масштабах похода.

Второй воевода Передового полка — Андрей Иванович Коробов, из тверских бояр. В походе на Вятку он упоминается в разрядах впервые. По-видимому, он хорошо проявил себя и впоследствии не раз занимал командные посты.[255]

Первый воевода полка Правой Руки князь Владимир Андреевич Микулинский — из бывших тверских удельных князей, новых подданных государя всея Руси.[256] Князь Владимир упоминается здесь в разрядах впервые, но впоследствии он неоднократно ходил в походы в качестве полкового воеводы.[257]

Второй воевода полка Правой Руки Василий Борисович Бороздин — представитель тверского служилого рода.

На московской службе трое братьев Бороздиных (Иван, Петр и Василий) принимали активное участие в походах, занимая должности полковых воевод. Сам Василий в 1489 г. упоминается в разрядах впервые, но впоследствии ходил и на Литву, и на Свею, и на Казань.[258]

В полку Правой Руки идет также воевода князя Андрея Углицкого Михаил Константинович — вероятно, со служилыми людьми своего князя. Это — наследник старой военной системы, отраженной в межкняжеских договорах начиная со времен Калитичей и устанавливавшей обязанность удельных князей посылать в поход своих воевод под началом воеводы великого князя.

---

[253]Там же. С. 234.
[254]РК-98. С. 17.
[255]Зимин. С. 264.
[256]Там же. С. 109.
[257]Там же.
[258]Там же. С. 263.

Первый воевода полка Левой Руки — Василий Семенович Бокеев. Бокеевы, как и Бороздины, — вчерашние служилые люди тверских великих князей. Как и Бороздины, Бокеевы были, видимо, хорошими воеводами — они участвовали во многих походах. Сам Василий Семенович в 1489 г. упоминается в разрядах впервые. В 1495 г. он входил в состав Двора Ивана III при его поездке в Новгород.[259]

Вторым воеводой полка Левой Руки идет Семен Карпович — двоюродный брат Василия Бокеева. Упоминаемый здесь впервые, Семен Карпович впоследствии стал видным военным деятелем — в 1496 г. он ходил на Свею, в 1497 г. должен был возглавить полк Левой Руки в планируемом походе на Казань, в 1501 г. возглавил Сторожевой полк в зимнем походе на Ливонию.[260]

Все руководство полка Левой Руки состояло из бывших тверских служилых людей. Это говорит о прочной интеграции тверичей в системе военно-служилых отношений Российского государства.

В полку Левой Руки идет и воевода Волоцкого князя.

Из восьми полковых воевод конной рати, отправленной в поход на Вятскую землю, шесть — вчерашние тверские служилые люди. Это не может быть случайным. По-видимому, тверское служилое ополчение составляло важную часть конной рати, отправленной на Вятку.

Однако командование войсками находится в руках двух московских бояр.

Первый воевода судовой рати Иван Иванович Салтык Травин — потомок смоленских князей, издавна служивших Москве. Он впервые упоминается в 1469 г., когда в качестве дворового сына боярского ходил с судовой ратью от Устюга на Казань.[261] В 1483 г. он был одним из руководителей выдающегося похода судовой рати за Урал до Обской губы.[262] Во главе судовой рати на Вятку идет, таким образом, воевода, имеющий богатый опыт боевых речных походов.

Второй воевода судовой рати князь Иван Семенович Кубенский — один из измельчавших ярославских князей.[263]

По духовной Василия Темного их родовое гнездо Кубена было дано Андрею Меньшому[264], и Кубенские оказались на московской службе. Есть сведения, что князь Иван Семенович был женат на дочери кня-

[259]Там же. С. 264.
[260]РК-98. С. 27, 28, 33.
[261]ПСРЛ. Т. 25. С. 281.
[262]ПСРЛ. Т. 37. С. 95.
[263]Зимин С. 87.
[264]ДДГ. №61. С. 195.

зя Андрея Углицкого.[265] Об участии его в боевых походах ни до, ни после 1489 г. ничего не известно. В 1489 г. он участвовал в походе, вероятно, как местный вотчинник, один из руководителей земского ополчения.

Третий воевода судовой рати — Юрий Иванович Шестак, представитель рода Кутузовых, видный служилый человек Двора, не раз выполнявший ответственные поручения.

В 1475 г. он в числе детей боярских Двора сопровождал Ивана III в «походе миром» на Новгород,[266] а после суда на Городище был приставом у одного из «поиманных»;[267] в 1479 г. ездил на Волок к князю Борису с требованием выдать князя Ивана Лыка Оболенского, бежавшего от суда великого князя;[268] в 1485 г. при взятии Твери был одним из тех, кому было поручено привести тверичей к целованию и обеспечить их защиту от ратных людей великого князя.[269] В 1487 г. он участвовал в походе на Вятку, в операции против Казани.[270]

Назначение в судовую рать такого видного служилого человека свидетельствует о значении, которое придавалось этому походу. В походе 1489 г. Шестак командовал ополчением важан и каргопольцев, по сведениям Уст. Возможно, что в одном из этих уездов он был наместником.

Четвертый воевода судовой рати — устюжский наместник Иван Иванович Злоба. Так как «Злоба, не дошед, умер», то в свой поход устюжане вступили под командой пятого из перечисленных воевод — князя Ивана Ивановича Звенца Звенигородского, которого называет и Уст. летопись.

Князь Иван Иванович Звенец Звенигородский в 1468 г. с устюжанами участвовал в походе судовой рати на Казань. В 1475 г. в числе детей боярских ходил с Иваном III в «поход миром» и принимал участие в «поимании» новгородских бояр, в 1480 г. был послом в Крым. Он достиг и крупного дипломатического успеха — заключил договор и союз с Менгли-Гиреем буквально накануне нашествия Ахмата. В 1482 г. ездил с миссией в Казань.[271] Впоследствии получил чин околь-

[265] Зимин. С. 94.
[266] РК-98. С. 17.
[267] ПСРЛ. Т. 25. С. 306.
[268] ПСРЛ. Т. 6/2. С. 203.
[269] ПСРЛ. Т. 25. С. 330.
[270] РК-98. С. 21.
[271] РК-98. С. 19.

ничего, принимал участие в приеме имперских послов, участвовал в поездке Ивана III в Новгород во время Свейской войны, снова ездил послом в Крым и умер во время этого посольства.[272] Князь Иван Звенец — без сомнения, один из выдающихся деятелей своего времени. В данном контексте важен его давний опыт походов с судовой ратью, в частности с устюжанами. Этот опыт, вероятно, учитывался при его назначении в 1489 г.

Уст. летопись называет воеводу двинского ополчения — князя Ивана Владимировича Лыка Оболенского. Его первое упоминание в источниках относится к 1479 г., когда он был наместником в Великих Луках. Жалобы лучан на своего наместника привели к суду над ним. Обвиненный в лихоимстве Лыко был осужден великим князем, но отъехал от него в Волоцкий удел к князю Борису. Захват Лыка служилыми людьми великого князя стал поводом для княжеского мятежа в 1480 г.[273] Однако служба Лыка продолжалась. В 1483 г. он ездил послом в Крым, в 1487 г. ходил на Вятку в составе войск, прикрывавших операцию против Казани, а в следующем году стерег Устюг от вятчан. Вполне вероятно, что в 1489 г. он возглавлял судовое ополчение Двинской земли, будучи тамошним наместником. Впоследствии Лыко продолжал играть видную роль — ходил в походы в качестве полкового воеводы, принимал участие в приеме послов, бывал наместником в Новгороде.[274] Карьера князя Ивана Лыка свидетельствует, что при Иване III даже серьезное правонарушение и опала могли не иметь роковых последствий для служилого человека, если он ценился великим князем.

Князь Осиф Андреевич Дорогобужский в разрядах 1489 г. не упоминается, но Уст. летопись называет его главой тверского ополчения, ставя ниже Андрея Ивановича Коробова. Можно думать, что тверичи, возглавляемые князем Дорогобужским, входили в Передовой полк. Вторым воеводой этого полка был Андрей Коробов, оказавшийся, таким образом, выше князя Дорогобужского. Сам князь Осиф Андреевич — из тверских удельных князей. В 1480 г. еще в составе тверских войск он участвовал в отражении нашествия Ахмата, но в 1485 г., накануне падения независимости Твери, перешел на службу государя всея Руси. В 1487 г. он участвовал в походе на Казань вторым воеводой Большого полка судовой рати. В дальнейшем он в качестве полкового воеводы принимал участие во многих походах на Литву, Свею и Ли-

[272] Зимин. С. 56.
[273] ПСРЛ. Т. 6/2. С. 203.
[274] Зимин. С. 54.

вонию, а в поездке Ивана III в Новгород в 1495 г. упоминается в числе «бояр из Тверской земли».[275]

Последний по счету воевода, упомянутый в разрядах, — князь Борис Иванович Горбатый, стоявший на Каме, обеспечивая правый фланг наступательной операции. Это один из суздальских князей, оказавшихся на великокняжеской службе при ликвидации независимости Суздальского княжества при великом князе Василии Дмитриевиче и окончательно — при Василии Темном. Борис Иванович упоминается в разрядах впервые, но затем сделал большую карьеру, стал боярином и участвовал во многих походах в качестве полкового воеводы.[276]

Таким образом, наши источники называют имена семнадцати воевод, связанных с походом 1489 г. Этот перечень позволяет сделать некоторые выводы.

Во главе войск идут бояре — видные деятели Российского государства. Это свидетельствует о значении похода на Вятку как важного государственного мероприятия.

Наиболее видные места в числе воевод занимают тверичи, что может говорить о большом удельном весе тверского служилого ополчения, а также и о доверии великого князя к своим новым служилым людям.

Важную роль играют великокняжеские служилые люди, руководители судовой рати. Земскому ополчению придается большое значение в походе.

Следует обратить внимание на участие в походе воевод последних удельных князей и отряда вассального казанского хана. Все это свидетельствует о масштабе и политическом значении похода.

Командные функции на оперативно-тактическом уровне осуществляют воеводы. Но за их спиной — высшая инстанция, верховное главнокомандование (ВГК), в чьих руках политическое и стратегическое руководство. Как и в прежних кампаниях, функции ВГК — определение общего характера кампании, мобилизация и сосредоточение войск, назначение воевод и контроль над ними.

Реальный ход событий описан в Устюжской летописи.[277]

Войска, шедшие «в судех», «Месяца июля в 24 день пришли на память Бориса и Глеба, а московские конная пришла под Котельнич

[275]Там же. С. 109.
[276]Там же. С. 73. — В своем обзоре А. А. Зимин, очевидно, смешивает Бориса Ивановича с его племянником, человеком следующего поколения, активным деятел... времени Василия III, умершим после 1537 г.
[277]ПСРЛ. Т. 37. С. 96–97.

того же месяца в 30 день, а татарская месяца августа в 2 день. А стояла вся сила под Котельничем до Преображеньева дни (6 августа. — *Ю. А.*). А было на Вятке великого князя силы 60 тысящ да 4 тысящи (по другим спискам — 72 тыс. — *Ю. А.*)».

Таким образом, местом сбора всех сил был город, стоявший на Вятке примерно в 100 верстах ниже Хлынова, при впадении в Вятку р. Моломы. Вниз по Моломе, вероятно, и шла из Устюга судовая рать, выходя на нее волоком из р. Юг. От Устюга до Котельнича примерно 350–400 верст.

Численность войск, вероятно, преувеличена, но цифры, приводимые летописцем, дают общее представление об огромном войске, собранном из девяти северных уездов и нескольких уездов Средней России.

«А в Преображеньев день пошли к городу Хлынову, а под Хлынов пришли Августа в 16 день, в недель, в 3 часа дни».

Таким образом, переход судовой рати верх по Вятке занял десять дней, средний темп против течения — 10 верст в день.

«Вятчане же, в городе затворившись, а к великого князя воеводам послали с поминки». Но «поминки» не помогли. Воеводы предъявили категорическое требование: «Уведите же вы за великого князя от велика и до мала, а изменников и коромольников выдайте головами».

После отказа вятчан выполнить это требование «воеводы всей силе велели приступ готовити и примет к городу всякому человеку по беремени смол да берест, да на 50 человек по 2 сажени плетеня. И к городу плетении поставляли».

«Вятчане же, видят свою погибель, сами вышли, большие люди своими головами и добили челом воеводам на всей воле великого князя».

Поход 1489 г. — пример стратегической операции с решительными политическими целями. Особенность этой кампании — действия на одном операционном направлении конной и судовой ратей в тесном тактическом взаимодействии. Был использован опыт походов на Казань осенью 1469 г. и летом 1487 г. Обращает на себя внимание выдвижение заслона к Каме — правый фланг операции прикрывался от возможных действий враждебных языческих племен.

Операция потребовала большого мобилизационного напряжения, и сосредоточение войск к пункту сбора заняло значительное время. Но сам ход боевых действий был кратким: судя по нашему источнику, кампания была решена одним ударом, без боя в открытом поле, без фактического применения силы — угрозы штурма оказалось достаточно для капитуляции противника.

Важнейший результат кампании 1489 г. — обеспечение безопасности северо-восточного стратегического направления и условий для дальнейшего продвижения русской колонизации в сторону Урала и Сибири.

Вятская вечевая республика — миниатюрная копия Великого Новгорода — не имела ни сил, ни решимости оказать серьезное сопротивление великокняжеским войскам. Пал последний очаг общинного сепаратизма — собирание русских земель под знамя Москвы фактически было закончено. Впереди была борьба за освобождение земель, попавших в руки иноземных захватчиков.

ПОХОДЫ 80-х гг. — КРАТКИЕ ИТОГИ

Как видим из табл. 4, походы 1480–1483 гг. в РК не отразились. Однако разрядные записи за эти годы могли быть использованы составителями летописей.

Таблица 4. **Источники о походах 80-х гг.**

Источники	1480	1481	1482	1483	1485	1487	1489
ПСРЛ	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть	Есть
РК	Нет	Нет	Нет	Нет	-"-	-"-	-"-

В то же время летописи содержат сведения, которых не могло быть в РЗ, — особенно это относится к кампаниям 1480 и 1487 гг., а также 1489 г. В распоряжении составителей летописи были какие-то источники, независимые от РЗ. В ряде случаев они носили официальный характер, типа походного дневника (ПД), особенно в 1480, 1485 гг. Соф., Уст. и Тип. могли пользоваться частными источниками, достаточно осведомленными. Несмотря на свой официальный характер, Никон. летопись дает сведения не обо всех походах. Так, о походе 1482 г. на Казань она не говорит. Таким образом, об официальном характере Никон. летописи можно говорить только условно — она далеко не всегда использует все документальные данные о походах. Пск. имеет свои местные источники официального характера, типа походных записей, и в этом смысле близких к ПД.

ПД в чистом виде не отразился в летописях 80-х гг., но, по-видимому, он использовался в 1480 и 1485 гг.

Можно отметить рост влияния РЗ на летописи. Сам факт сохранения с середины 80-х гг. почти непрерывных РЗ, вошедших позднее в РК, свидетельствует о росте канцелярии великого князя.

В составе войск можно различить:

— служилое конное ополчение;

— городское ополчение Пскова (1480, 1481);

— городское ополчение Новгорода (1481). Поход 1481 г. — по-видимому, последний поход новгородского ополчения. Ликвидация крупного боярского землевладения в 80-х гг. и создание поместной системы в Новгородской земле должны были привести к полной реорганизации военной системы Новгорода. Новгородские бояре в качестве воевод больше не упоминаются;

— судовая рать (1483, 1487, 1489).

Можно отметить известное «районирование» сил — в походах на Казань и Вятку основную роль играют ополчения поволжских и северных уездов, псковичи и новгородцы идут в поход на Ливонию. Большой сибирский поход 1483 г. делается силами, в основном, северных уездов (судовая рать).

1480-е годы — начало реформы служилого ополчения.

1. Появление поместного служилого землевладения на базе реформ в Новгородской земле (и как следствие — в Центре).

2. Включение тверской служилой системы в состав великокняжеской; и, по всей вероятности, то же на Белоозере и Вологде, т. е. развитие великокняжеской служилой системы за счет удельно-княжеских.

3. Ликвидация земского городового ополчения в Новгороде — замена его служилым (на поместной основе), т. е. развитие великокняжеской служилой системы за счет земской.

В то же время земское ополчение как таковое сохраняется во Пскове, а в северных уездах составляет основной воинский контингент.

Наиболее важное значение имеет развитие артиллерии, ее появление на поле сражения (1480), участие в трудном зимнем походе (1481), в походе судовой рати на Казань (1482). Развитие артиллерии — прямое следствие создания Пушечного двора (Фиоравенти, Деббосис — 1488).

На пороге — появление нового рода войск. Однако артиллерия еще не стала обязательной составной частью войска. Она не упоминается в походах на Казань (1487) и на Вятку (1489).

Она, по-видимому, не сыграла роли в обороне Пскова в 1480 г., хотя, по данным о походе 1477 г., в Пскове артиллерия должна была быть.

Объективная обстановка ставила перед Россией как оборонительные, так и наступательные задачи.

Оборонительный характер носила кампания 1480 г. Ее продолжением была наступательная операция зимы 1481 г. на ливонском театре, вследствие чего кампании 1480 и 1481 гг. можно рассматривать как этапы одной большой войны на двух стратегических направлениях — южном и северо-западном.

Важнейшей стратегической задачей кампании 1480 г. было отражение нашествия Ахмата, второстепенной — оборона на северо-западном направлении. В обоих случаях мы имеем дело с оборонительной стратегией. Кампания 1480 г. — пример такой стратегии в войне на двух стратегических направлениях, против двух самостоятельных противников.

В этих условиях важнейшая задача ВГК — определение главного противника и соответствующее развертывание сил. Этим оборонительная кампания 1480 г. отличается от оборонительной кампании 1472 г., когда в наличии был только один актуальный противник на одном стратегическом направлении.

Другое отличие — кампания 1480 г. осложнялась княжеским мятежом, который если и не вызвал боевых действий, то создавал достаточно большое напряжение и не мог не влиять на принятие стратегических решений ВГК.

Задача ВГК в стратегической оборонительной кампании — определение основной линии обороны, т. е. основного рубежа развертывания войск и своевременное развертывание их на этом рубеже, а также принятие мер на случай прорыва оборонительной линии, т. е. создания известной глубины обороны. В кампании 1480 г. эти задачи были решены успешно. Линию обороны противнику преодолеть не удалось.

Задачей ВГК в условиях оборонительной войны на нескольких направлениях и при реальной возможности вступления в войну нового противника является максимальная экономия сил — сохранение их для реагирования на возможное изменение обстановки. Эта задача также была решена успешно.

Исторические примеры свидетельствуют, что сохранить боеспособность войск даже в случае большого стратегического успеха удается далеко не всегда. Так, блестящая победа в кампании 1380 г. сопровождалась такими потерями, что военно-политический потенциал союза русских князей, возглавляемых Дмитрием Донским, оказался подорванным. Это обусловило успех нашествия Тохтамыша в 1382 г. Примером из другой эпохи может послужить кампания 1812 г. — уничтожение армии Наполеона сопровождалось такими потерями русских войск, что они на несколько месяцев фактически потеряли боеспособ-

ность и до лета 1813 г. не могли эффективно бороться с новой армией Наполеона на германском театре военных действий (именно это, возможно, имел в виду Кутузов, предостерегая от похода в Пруссию весной 1813 г.).

Успех оборонительной кампании 1480 г. предопределил возможность проведения наступательной кампании 1481 г.

Эта кампания имела вполне определенную цель: нанеся чувствительный удар по владениям Ордена, заставить его заключить мир, обеспечивающий интересы Русского государства. В результате короткой зимней кампании эта цель была достигнута и на длительное время была обеспечена стабильность и безопасность северо-западного направления.

Наступательная операция 1482 г. против Казани носила, по-видимому, демонстративный характер.

Поход судовой рати в 1483 г. на Северный Урал и в Сибирь носил характер наступательной операции с целью продвижения на восток сферы политического влияния Русского государства. Успех этого похода носил не только стратегический, но и политический характер. Успех похода 1472 г. князя Федора Пестрого был новым шагом на пути, который к середине XVII в. вывел русских людей к берегам Тихого океана и обозначил естественный географический рубеж России.

Поход на Тверь в 1485 г. носил характер скорее политического мероприятия, чем наступательной операции. Тверь сдалась почти без сопротивления, но важной чертой событий было принятие оборонительных мер на случай литовской интервенции.

Наибольшее напряжение вызывала во второй половине 80-х гг. борьба на восточном стратегическом направлении. Поход 1487 г. явился крупным военным предприятием. Стратегическая задача потребовала введения в дело второго эшелона войск, что обеспечило успех.

Поход 1489 г. на Вятку носил характер крупной стратегической наступательной операции, в сложных условиях лесисто-речной местности. Этим фактически завершился процесс создания единого Русского государства. Войска действовали на одном операционном направлении и сравнительно легко решили поставленную задачу.

Можно уловить основное отличие кампаний 80-х гг. от походов предыдущего десятилетия. В 70-х гг. основным стратегическим направлением было северо-западное, на котором и развертывались главные силы великокняжеских войск. В 80-х гг. после победы на Угре стратегический центр тяжести переносится на восток и северо-восток.

В 80-х гг., как и ранее, прослеживается большое мобилизационное

напряжение. Во всех случаях сохранялась потенциальная опасность западного направления и необходимость постоянно иметь достаточные силы для обороны южного рубежа.

Задачи, объективно стоявшие перед Русским государством в 80-х гг., были успешно решены в ходе ряда стратегических операций на южном, северо-западном и восточном направлениях. Военно-политическое положение Русского государства значительно укрепилось, и появилась возможность для постановки новых задач.

Великий князь лично участвовал в двух походах — летне-осеннем 1480 г. и тверском 1485 г. Очевидно, что в обоих случаях функции ВГК и оперативного командования войсками фактически совпадали. В кампании 1480 г. можно отметить короткий период (первые дни октября), когда командование войсками на оперативном уровне на Оке—Угре находилось в руках воевод и не осуществлялось непосредственно великим князем во время его пребывания в Москве на соборе и думе. Все остальное время — с конца июля до конца ноября — Ставка находилась при войсках и, по-видимому, фактически руководила, т. е. принимала и осуществляла решения оперативно-стратегического и оперативно-тактического масштаба на южном фронте, сохраняя за собой директивное руководство на других направлениях (северо-запад, борьба с мятежом).

Во всех остальных походах Ставка находилась вне театра военных действий, и функции ВГК могли осуществляться только с помощью директив.

Непосредственное оперативно-тактическое руководство находилось в руках воевод.

Функции ВГК в этих случаях заключались в формировании и развертывании войск, назначении воевод, постановке стратегических задач и посылке соответствующих директив в необходимых случаях.

Кампания 1481 г. носила характер короткой операции, быстро приведшей к решительному результату. Оперативно-тактическое руководство на театре войны оказалось достаточно компетентным, и вмешательства ВГК, по-видимому, не потребовалось.

Кампания 1487 г., напротив, приняла затяжной характер, и оперативно-тактическое руководство на первом этапе не смогло решить поставленной задачи. Потребовалось вмешательство ВГК, которое выразилось в выдвижении резерва (второго эшелона), что и привело к конечному успеху кампании.

Примером эффективной деятельности оперативно-тактического руководства может служить поход 1483 г., когда в силу объективных

условий связь со Ставкой не могла быть сколько-нибудь реальной, и воеводы должны были самостоятельно принимать решения и проводить их в жизнь.

Бóльшую самостоятельность на оперативно-тактическом уровне должны были проявить воеводы и в походе 1489 г. В этой кампании функции ВГК кроме постановки общей задачи непосредственно проявились в развертывании на Каме флангового охранения сил, наступающих на Вятку. В целом можно отметить достаточную эффективность сложившейся с 60-х гг. двухступенчатой схемы руководства войсками: на стратегическом уровне — в руках ВГК; на оперативно-тактическом — в руках назначенных им воевод. Реальное функционирование этой системы требовало организации соответствующего ведомства, куда стекались бы донесения и через которое отправлялись бы директивы. Это ведомство вызревало в недрах канцелярии великого князя, и непосредственным плодом его деятельности явились разрядные записи, подобно тому как плодом деятельности посольского ведомства стали посольские книги, известные с 70-х гг.

Крупных сражений в открытом поле источники не отмечают.

Это дает основание предполагать, что существенных изменений в тактике полевого боя не было. Значительно лучше освещены вопросы тактики при обороне и взятии городов.

Примером обороны города может послужить оборона Пскова в конце августа 1480 г. от войск магистра. Оборона носила пассивный характер: гарнизон Пскова уповал на силу своих укреплений и на естественную преграду — р. Великую. Завеличье было оставлено без боя. Артиллерийский огонь противника не привел ни к разрушению городских укреплений, ни к моральному разложению гарнизона. Попытка форсирования Великой с помощью брандеров была успешно отражена. Сама операция против Пскова носила кратковременный характер — магистр, очевидно, рассчитывал взять город одним ударом и не предпринял никаких мер для блокады города и долговременной осады. В кампании 1480 г. на ливонском театре малые города подвергались обстрелу артиллерии противника, после чего попадали в его руки. Артиллерия стала, таким образом, важнейшей составляющей в борьбе за города.

В кампании 1481 г. применение русской осадной артиллерии против ливонских городов сыграло решающую роль, обеспечив их быстрое падение. Нет данных о применении против этих городов средств инженерной войны — подкопов, а также обычных средневековых средств — приметов.

В походе против Казани в 1487 г., напротив, традиционные методы осады сыграли решающую роль. Важнейшим из методов было сооружение острога — контрвалационной линии. Никаких сведений о применении артиллерии и примета для подготовки штурма в источниках нет — крепость сдалась, исчерпав силы для обороны.

Применение примета с целью подготовки штурма отмечается в источниках в связи с походом на Вятскую землю. Здесь даны и нормы заготовки примета. Однако самого штурма не последовало — город капитулировал.

Таким образом, главным новшеством в борьбе за крепости стала артиллерия, роль которой неуклонно возрастала.

Наиболее важной новинкой в обороне полевых позиций стало применение пищалей (Угра, октябрь 1480 г.). Надо полагать, что в источнике идет речь о пищалях — артиллерийских орудиях, а не о ручном огнестрельном оружии; никаких данных о таком оружии вплоть до конца XV в. нет. Легкие орудия — пищали ставились, очевидно, на позиции и могли маневрировать по мере надобности в пределах оборонительной линии. Надо думать, однако, что число таких пищалей было невелико, и их роль в обороне переправ через Угру преувеличивать не следует.

Итак, наиболее заметные изменения в тактике связаны с постепенным развитием огнестрельного оружия, хотя оно еще не привело к качественным сдвигам в характере боевых действий в поле.

Источники свидетельствуют о росте внимания к артиллерии. К 1475 г. относится первое упоминание о приезде в Москву «пушечных дел мастера» — знаменитого Аристотеля Фиоравенти. Хотя известия об артиллерийских орудиях встречаются и в более раннее время,[278] можно думать, что именно с конца 70-х гг. начинается новый этап развития артиллерийского дела на Руси. Москва становится основным центром производства огнестрельных орудий. К 1488 г. относится первое упоминание о Пушечной избе — она сгорела во время большого пожара в августе того же года.[279] Под тем же годом сообщается, что «повелением великого князя мастер Павлин Деббосис... слил пушку медяну, а в ней тысяча пудов меди».[280] Если орудие Деббосиса по сво-

[278]Инок Фома в своем «Слове Похвальном» упоминает об искусном тверском мастере Микуле Кречетникове: «Таков бяше той мастер, дяко и среди немец не обрести таковогo» (Инок Фома. Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. СПб., 1908. С. 46).

[279]ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 324-325; Т. 26. С. 279.

[280]ПСРЛ. Т. 26. С. 279.

им пропорциям соответствовало знаменитой царь-пушке Андрея Чохова, отлитой сто лет спустя, то ее калибр должен был быть около 46 см, а вес ядра — около 400 кг.[281] Орудие явно предназначалось для обороны Кремля. Существует ряд прямых свидетельств об изготовлении в 80-х гг. медных орудий, известны и имена некоторых пушечных мастеров.

Можно считать, что 80-е годы — качественно новый этап истории русской артиллерии, и это одно из наиболее заметных явлений в развитии военной системы складывающегося Российского государства.

Подводя итоги военному строительству 80-х гг., можно отметить три основных факта:

— дальнейшее развитие великокняжеской служилой системы;

— развитие организации и деятельности ВГК;

— развитие производства и боевого применения артиллерии.

[281] Царь-пушка 1586 г. весит 40 т, имеет длину ствола 534 см, калибр — 890 мм. Длина ствола — 4,2 калибра (как у мортиры). Ядро должно было бы весить около 1250 кг (но пушка, очевидно, предназначалась для стрельбы каменным дробом).

Глава IV

ПОХОДЫ 1490-х ГОДОВ

ПОХОД НА АХМАТОВИЧЕЙ

Под 6999 годом в великокняжеской летописи читаем:

«Тое же весны Майя прииде весть к великому князю Ивану Васильевичю, что идут ордынские цари Сеит, Ахмет и Шагамет с силою на царя Менгли-Гирея Крымского. Князь великы на помощь Крымскому царю Менгли Гирею отпустил воевод своих в Поле ко Орде, князя Петра Микитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню Оболенского же, да с ними многих детей боярских Двора своего, да Мердулатова сына царевича, и со князи и со всеми казаки послал вместе же с своими воеводами.

А Казанскому царю Махмет Аминю велел послати воевод своих с силою вместе же со царевичем и с великого князя воеводами.

А князю Андрею Васильевичю и князю Борису Васильевичю и братьи своей велел послати своих воевод с силою вместе же своими воеводами. И князь Борис Васильевич воеводу своего послал с великого князя воеводами, а князя Ондрея Васильевича воеводы и силы своея не послал.

И снидошася вместе великого князя воеводы с царевичем Сатылганом и с Казанского царя воеводами со Абаш Уланом и с Бубрашь Сеитом в Поле, и княж Борисов Васильевича воевода. И поидоша вместе к Орде.

Слышавше же цари Ордынские силу многу великого князя в Поле к ним приближающуся и убоявшеся возвратишася от Перекопа. Сила великого же князя возвратися во свояси без брани».[1]

Официальный характер известия не вызывает сомнений. Источником его послужили, очевидно, разрядные записи (РЗ), отразившие имена воевод — по всей вероятности, в порядке их старшинства.

[1] ПСРЛ. Т. 25. С. 332.

Известие великокняжеской летописи воспроизведено в Увар. (Свод 1518 г.),[2] Никон., Тип. (с небольшими разночтениями).[3] В Сп.-Прил. приведено то же известие, но первым воеводой назван князь Иван Михайлович Оболенский Репня и не приведена концовка о возвращении «без брани».[4]

Соф. II приводит известие и в соответствующем месте пишет: «Мердулата царевича со уланы и со князи...», а во втором случае: «... снидошася вместе великого князя воеводы с царевичем с Алтыганом...».[5] Видны ошибка переписчика, пропустившего в первом случае имя Салтыгана и вторичность текста по отношению к Моск.

В летописи по списку Дубровского соответствующее известие изложено так:

«Тое же весны отпустил князь великий на Поле подо Орду царева сына Мердулатова Салтыгана, да с ним послал воевод своих, князя Петра Микитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню, да с ними детей боярских Двора своего из городов.

А и с Казани царь Ахмет с ним послал же на Поле своих воевод да и казаков». Далее идет известие о пожаре во Владимире 23 мая, о посольстве к Стефану Волошскому 28 июля, о постройке «большой палаты» на площади, о посольстве от короля Римского 30 августа, о свершении стрельницы Фроловской. Затем последняя запись за 6999 год: «Того же лета приидоша и с Поля князя великого воеводы, князь Петр Микитич да князь Иван Михайлович Репня Оболенские».[6]

Зависимость известия списка Дубровского от великокняжеской летописи очевидна — это сокращение официального рассказа. Известие о возвращении князей Оболенских из похода, помещенное в самом конце годовой статьи, означает, по-видимому, только то, что переписчик разделил почему-то рассказ о походе, выделив его концовку и оторвав ее от основного текста.

Известие Моск. летописи является, таким образом, нашим основным, в сущности, единственным летописным источником о походе в Поле на помощь Менгли-Гирею.

В Разрядной книге 1598 г. (РК-98) записи о походе 1491 г. нет. В Разрядной книге 1605 г. (РК-05) запись есть:

«... прислал бити челом к великому князю Ивану Васильевичю

[2] ПСРЛ. Т. 28. С. 321.
[3] ПСРЛ. Т. 12. С. 228–229.
[4] ПСРЛ. Т. 28. С. 155.
[5] ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 330.
[6] ПСРЛ. Т. 43. С. 210.

всеа Русии царь Крымский Менгли Гирей, что идут на нево ордынские царевичи Сеид да Охмет с силою. И князь великий... отпустил в Поле под Орду царевича Мердулата да воевод своих князя Петра Микитича Оболенского да князя Ивана Михайловича Репню Оболенского. А к казанскому царю Махмедиму велел писать, и велел послать царевича Селтагана с казанскими людьми и с великого князя воеводами».[7]

Запись в РК-05 имеет тесную связь с летописным известием, но в прямом смысле не является его непосредственным источником. В руках летописца имелись и какие-то другие источники, в которых стояли имена князей Андрея и Бориса, казанских воевод и т. п. Возможно, это была не дошедшая до нас РЗ, не отразившаяся в существующих РК.

Важным источником для изучения похода 1491 г. оказываются посольские книги.

Весной 1491 г. русский посол в Крыму князь Василий Ромодановский донес о движении Большой Орды на Менгли-Гирея. В планах Ахматовых детей было выдвижение в сторону Днепра. Менгли, выступивший против них 29 апреля, узнав об их приближении, вернулся обратно. Он попросил помощи у своего сюзерена султана Баязида, который помощь ему обещал. Но, не удовлетворившись этим (или, может быть, не надеясь на это), Менгли обратился с посланием к великому князю: «... ты брат мой рать свою борзо бы еси отпустил, Июня месяца». Посол передал слова Менгли: «пойдут ли цари (Ахматовичи. — *Ю. А.*) на великого князя, и яз ни сына, ни брата не шлю, а иду на Орду сам, а дела есми брата своего великого князя беречи рад».

Конкретно Менгли имел в виду, что «князь великы пошлет царевича моего братанича. Да и казанского царя людей, и князь бы велики велел бы меня обослати, а поступили бы ко мне поближе, воротятся цари на меня, и они бы были мне ведомы».

Менгли предполагал возможность наступательных действий против Орды: «... будет ми помочь от брата моего от великого князя да от турьского (султана. — *Ю. А.*), и яз на них (Ахматовичей. — *Ю. А.*) иду».[8]

21 июня великий князь сообщил Менгли: «... яз Саталгана царевича на Поле послал с уланы и с князьми и с казаки, да и русских есми воевод с русскою ратью с ними послал; да и в Казань есми к Магмед-Аминю царю послал князя Ивана Ромодановского, а велел есми

[7] РК-05. С. 30.
[8] Сб. РИО. Т. 41. № 29. С. 110–114.

ему послати рать свою на Поле... А вышли из Казани Июня месяца в осьмой день, а царевич Сотылган вышел Июня месяца в третий день.

А приказал есми Сатылгану царевичу и русским воеводам, да и казанской рати: пойдут наши недруги... на тебя, и они бы пришли на Орду и дело делали... А пойдут наши недруги... на мою землю, и ты бы по своей правде... пошел на Орду и дело делал... не пойдут Ахматовы дети на тебя ни на мою сторону, а пойдут на иную сторону, ино бы Саталгану царевичю и нашей рати с тобою сниматися... и дело делати с тобою заодин».

В грамоте послу князю Василию Ромодановскому уточняется состав посланных войск: «в воеводах отпустил есми с русскою ратью князя Петра Микитича да князя Ивана Михайловича Репню Оболенских, а людей есми послал с ними не мало. Да и братии воеводы пошли с моими воеводами и сестричев моих рязанских обоих воеводы пошли». Подробно перечисляются воеводы, посланные Магмет-Амином, — их всего двенадцать, и с ними послан казанский Двор.[9] Следует отметить, что посланный к Магмет-Амину князь Иван Ромодановский имел инструкцию «идти с казанскою ратью вместе наезжати Саталгана царевича» — с казанскими войсками шел представитель великого князя.

Материалы посольских книг существенно расширяют и уточняют сведения летописи. Отправка войск в Поле была актом большой политики. Русско-татарские войска предназначались для участия в крупном военном предприятии международного масштаба с участием крымских и, возможно, и турецких войск.

Материалы посольской книги содержат точную дату начала похода, отсутствующую в летописном источнике. Как видно из грамоты князю Ромодановскому, в поход двинулись не только собственно великокняжеские войска, но и войска рязанских князей — формально суверенное Рязанское великое княжество было включено в военную систему государства всея Руси.

Особое значение имеет наказ великого князя воеводам, приведенный (в пересказе) в послании Менгли. По существу это директива главного командования (ГК), предусматривающая три возможных варианта развития событий. Отправка войск в Поле предназначалась для помощи Менгли и была вызвана его просьбой. Однако не исключалось, что Ахматовичи пойдут не на Крым, а на Русскую землю. В этом слу-

[9] Там же. № 36. С. 115–116.

чае предполагались совместные действия с главными силами Менгли в соответствии с союзным договором и с обязательством, принятым на себя самим ханом. Предполагалась возможность совместного похода и в «иную сторону» — в какую, для нас не ясно, но скорее всего — в Литву.

Таким образом, большой поход в Поле предусматривал как наступательные, так и оборонительные действия, в зависимости от конкретной обстановки. Но в любом случае предусматривалось тесное сотрудничество с Менгли, причем войска великого князя отнюдь не поступали под команду крымского царя, а должны были только «ссылатися» с ним и «без вести не держатися о всем о том».

Это первый известный нам по источникам поход русских войск вглубь Поля, на многие сотни верст от русских рубежей, и первое военное предприятие, совместное с крымским союзником.

Еще летом 1485 г. на возможный вопрос Менгли, «посылал ли князь великий людей под Орду», против Ахматовичей, которые с Менгли «немирны», гонец Ивана III Шемердей Умачев должен был отвечать: «осподарь наш князь великий... послал под Орду уланов, и князей, и казаков всех, колко их есть в его земле, добра твоего везде смотреть».[10] Речь шла, как видно, о посылке не собственно русских войск, а татар, бывших на службе великого князя. По словам великого князя, «они под Ордою были все лето и делали сколько могли».[11] В марте 1486 г. великий князь обещал своему союзнику: «... какими делы пойдут на тобя те цари [Ахматовичи] и яз брата твоего Нурдовлета отпущу под Орду и уланов, и князей, и казаков всех, что их в моей земли ни есть, а дела твоего везде берегу, как и своего дела».[12]

В марте 1487 г. великий князь сообщает Менгли: «ходиша под Орду наши люди и брата твоего Нурдовлатовы царевы люди, да там под Ордой улусы имали».[13]

В августе 1487 г. великокняжеский гонец Беляк Ардашев на запрос Менгли о Нурдовлате должен был отвечать: «Нурдовлат царь пошел на Орду».[14]

Таким образом, война в Диком Поле против Ахматовичей продолжалась из года в год и велась в соответствии с русско-крымским союзным договором. Но во всех этих случаях речь шла о действиях вас-

[10]Там же. № 12. С. 44.
[11]Там же. № 13. С. 46.
[12]Там же. № 16. С. 58.
[13]Там же.
[14]Там же. № 18. С. 62.

сальных татарских отрядов, а не собственно русских великокняжеских войск.

Поход князей Оболенских в этом смысле принципиально отличается от боевых действий предыдущих лет.

О значении похода 1491 г. свидетельствует участие в нем служилых людей Двора великого князя, т.е. отборной части великокняжеского служилого ополчения и служилых людей других русских князей. Тактические и технические возможности русской служилой конницы поднялись, видимо, на новую ступень, обеспечив возможность столь дальнего похода в степь. Такой поход стал возможным только после победы на Угре и гибели Ахмата.

Служилая конница во главе с великокняжескими воеводами идет в дальний поход в тесной связи с татарами — крымским царевичем и казанским вассалом. И это тоже новая черта в организации похода.

Присутствие Сатылгана, близкого родственника Менгли, имело и политическое, и чисто военное значение. Не менее важно и участие казанского вспомогательного отряда — недавно посаженный на казанский стол Мухаммед-Эмин демонстрировал свою верность.

Участие в походе служилых людей из русских княжеств, сохранявших ту или иную степень самостоятельности, свидетельствует о том, что старая военная система, основанная на военном союзе князей, продолжает функционировать. Нарушение принципа этой системы князем Андреем Углицким повлекло за собой взятие его под стражу по обвинению в государственной измене.[15]

На южном направлении складывается принципиально новая стратегическая обстановка — инициатива переходит в руки России и ее союзников, и ведутся наступательные операции против остатков империи Ахмата.

Несмотря на отсутствие непосредственного соприкосновения с противником, летний поход 1491 г. не может игнорироваться в общем контексте русской военной истории. Это первый поход служилого ополчения в глубь Дикого Поля, первый опыт коалиционной войны на южном направлении, первое материальное проявление союза с Крымом.

Однако успешный поход 1491 г. не мог, разумеется, привести к серьезным стратегическим результатам. Остатки Ахматовой орды продолжали существовать как потенциальная угроза южному рубежу Российского государства.

Под 1492 г. великокняжеская летопись отмечает: «Месяца Июня в

[15]ПСРЛ. Т. 25. С. 333.

10 приходили татарове ординские казаки. В головах приходил Темешом зовут, а с ним 200 и 20 казаков, в Алексин на волость на Вошань, и, пограбив, поидоша назад. И прииде погоня великого князя за ними, Федор Колтовской да Горяин Сидоров, а всех их 60 человек да 4. И учинился им бой в Поле промеж Трудов и Быстрые Сосны. И убиша погони великого князя 40 человек, а татар на том бою убили 60 человек, а иныии идучи Татарове в Орду ранены на пути изомроша».[16]

В РК-98 об этом ничего нет, а РК-05 содержит известие: «...приходили Татарове на украину на олексинские места и воевали по Вошане реки. И ходили за ними в погоню Федор Колтовской да Горяин Сидоров. И был им бой на Прудах, и побили Татарове».[17]

Разрядная запись и летописное известие очень близки друг другу — они содержат те же реалии. Летописная заметка основана, очевидно, на каких-то документальных источниках — скорее всего, на не дошедшей до нас более полной разрядной записи или на донесении великокняжеских воевод.

Но суть событий ясна. На южной окраине сохраняется напряженное положение, и успешные походы русских войск в степь перемежаются с нечаянными нападениями ордынских князей. На южном рубеже несется постоянная конная служба — только в этом случае могла быть возможна погоня за казаками далеко в степь. Южное направление остается одним из очагов напряженности на рубежах России и одним из важных факторов стратегической обстановки.

ЛИТОВСКАЯ ВОЙНА 1492–1493 гг.

Война 1492–1493 гг. с Литвой рассматривается обычно почти исключительно в политическом аспекте, точнее — с точки зрения проблемы порубежных «верховских» княжеств.[18] Военные историки не проявляли интереса к кампаниям 1492–1493 гг. Так, Е. А. Разин уделил ей всего несколько строк.[19] Новейший исследователь В. А. Волков ограничивается кратким рассказом о событиях, отмечая тщательность подготовки и большие результаты этой, по его выражению, «хитрой» войны.[20]

---

[16] ПСРЛ. Т. 12. С. 233.

[17] РК-05. С. 31.

[18] См., напр.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV — XVI столетий. С. 93–110; *Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западно-русские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 83–92.

[19] Разин. С. 320.

[20] Волков. С. 29–33.

Основными источниками о войне 1492–1493 гг. являются летописи, разрядные записи и посольские книги.

Великокняжеские летописи содержат официальную информацию о событиях.[21]

Разрядные записи (РЗ), дошедшие в составе разрядных книг 1598 и 1605 гг.,[22] отличаются за эти годы довольно большой подробностью и позволяют в какой-то мере проследить намерения русского верховного главнокомандования (ВГК).

Посольские книги содержат дипломатическую переписку с королем Казимиром, великим князем Александром[23] и крымским «царем» Менгли-Гиреем,[24] имеющую непосредственное отношение к военным событиям.

Великое княжество Московское впервые лицом к лицу столкнулось с мощной Литовской державой при Дмитрии Донском. Активно вмешиваясь в отношения между русскими князьями и, в частности, поддерживая Тверь против Москвы, Ольгерд совершил три похода на Москву, в отдельных случаях достигал некоторых успехов тактического масштаба, но стратегического результата не добился.

Второй этап московско-литовского противостояния приходится на время Витовта. Он завладел Смоленском и напал на Псков. Великий князь Василий Дмитриевич выступил против него со своими войсками. «Стояние на Угре» осенью 1408 г. закончилось мирными переговорами.

Наибольшие успехи литовской экспансии отразились в договорах 1449 г. между королем Казимиром, великим князем Василием Васильевичем и великим князем Борисом Тверским. Согласно этим договорам, Тверь попадала фактически под протекторат великого княжества Литовского.[25]

Создание Российского государства привело к коренным изменениям в обстановке. Вместо разрозненных княжеств теперь Литве противостояло единое государство.

Наиболее раннее упоминание о военных действиях на западном направлении читается в Соф. II летописи.

Под 6997 (1488/89) годом она пишет: «Тое же весны посылал князь великий князя Василия Кривого княжа Иванова сына Юрьевича Во-

[21] ПСРЛ. Т. 12, 28.
[22] РК-98 и РК-05.
[23] Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882.
[24] Там же. Т. 41.
[25] ДДГ. № 53. С. 160; № 54. С. 163.

ротынского воевати и иных порубежье городов литовских. Он же много повоева и возвратися. И присла король на него со многою силою своих воевод, и приидоша изгоном, и победиша князя Василья, многих побиша и в полон поведоша».[26]

К. В. Базилевич видит в великокняжеском воеводе сына Ивана Юрьевича Воротынского.[27] Но это ошибка — такого князя Воротынского не было. Речь идет о князе Василии Косом Патрикееве, сыне известного боярина Ивана Юрьевича.

В других летописях этот неудачный поход не упоминается, молчат о нем и разрядные записи. Но весенний поход 1489 г. под Воротынск отразился в посольских книгах.

Осенью 1489 г. король Казимир писал Ивану III: «А еще жаловали[ся] нам князи Воротынские, князь Дмитрий и князь Семен Федорович, и иные наши князья украинные, что на их отчины воевод своих насылаешь, под городом были, города добывали, места выжгли, бояр и боярынь много поимали, и всех голов семь тысячь повели, а с тыми людьми воевод твоих было одиннадцать».[28] Король, по-видимому, имел в виду именно тот поход, о котором пишет Соф. II, хотя события излагает совсем по-другому.

Отсутствие известий об этом походе в РЗ свидетельствует о неполноте дошедших до нас записей.

Судя по посланию короля, войска Ивана III предприняли крупную наступательную операцию в ближнем северском порубежье. Эта операция принципиально отличалась от мелких пограничных столкновений прошлых лет, о которых постоянно шли споры по дипломатическим каналам.

Готовясь к войне, Иван III рассчитывал на поддержку своего крымского союзника.

Тема союза против короля Казимира — изначально одна из главных в отношениях великого князя с Менгли-Гиреем. Посол Иван Андреевич Лобан Колычев, отправленный из Москвы в марте 1492 г., должен был требовать, чтобы Менгли лично выступил против короля или послал бы своего брата и своих детей со всеми людьми. «Пойдешь, господине, ты на королеву землю и ты... ко царю моему весть пошли, и государь мой... на твоего и на своего недруга на короля один человек... А землю... королеву государя нашего люди со всех сторон емлют». «От Новагорода, и от Пскова, и от Тфери, и от Московские

[26] ПСРЛ. Т. 6/2. Стб. 325.
[27] Базилевич. С. 290. Примеч. 1.
[28] Сб. РИО. Т. 35. № 8. С. 35.

земли королеву землю емлют. А князей Воротынских и Белевских, которые служили королю, князь великий и с землями поимал. А которые князи Воротынские и Одоевские осталися у короля, и у тех князь великий велел городы поимати, и поимали их».[29]

Разрядные записи за 7000 (1491/92) г. подтверждают слова русского посла в Крыму.

«Лета 7000-го послал князь великий воевод своих в Северу ко князьям:

В Большом полку — князя Данила Дмитриевича Холмского да Якова Захарьича, да в Большом же полку князя Володимера Андреевича Микулинского.

В Передовом полку — князя Александра Володимеровича Ростовского да князя Ивана Михайловича Воротынского.

В Правой Руке — князя Василия Васильевича Шуйского да князя Василия Васильевича Ромодановского.

В Левой Руке — князь Василий Мних да князь Петр Лобан Ряполовские.

В Сторожевом полку — князь Федор Васильевич Телепень да князь Константин Федорович Ушатый».[30]

О масштабах похода «в Северу» свидетельствуют количество и состав воевод, возглавляющих полки. Такое количество полковых воевод в одном походе мы видим впервые. Впервые видим и членение рати на пять полков: к обычным полкам — Большому, Передовому, Правой Руки и Левой Руки — добавили Сторожевой полк во главе с двумя воеводами.

Во главе Большого полка идет князь Данило Холмский, наиболее авторитетный военачальник, победитель в Шелонской битве.

Второй воевода Большого полка Яков Захарьич — видный боярин и наместник новгородский.[31] Присутствие его может свидетельствовать об участии в походе новгородского служилого ополчения.

Третий воевода Большого полка князь Владимир Андреевич Микулинский — выходец из тверских удельных князей, перешедших на московскую службу. В 1489 г. в походе на Вятку был первым воеводой полка Правой Руки.[32] Участие его в походе может свидетельствовать о наличии в составе Большого полка тверского ополчения.

[29] Там же. Т. 41. С. 139–140.
[30] РК-98. С. 21–22; РК-05. С. 31.
[31] Зимин. С. 183.
[32] РК-98. С. 21.

Все это говорит о важном значении, которое придавалось походу «в Северу ко князьям». Это было, по-видимому, очень крупное военно-политическое мероприятие, рассчитанное на укрепление влияния на порубежных северских князей — в той или иной форме они приглашались на переход под власть государя всея Руси. При этом, однако, никакого формального разрыва отношений с королем Казимиром не было.

С королем продолжались дипломатические отношения.

Было бы неверно рассматривать порубежные конфликты как односторонние действия русских войск. В мае 1492 г. русский посол Иван Берсень Никитич Беклемишев должен был передать королю Казимиру: «Тому два года будут ограбили сторожей... мецняне... и грабежу взяли коней и доспехов и мелкой рухляди на семьдесят рублев... пограбили и пересекли сторожей великого князя, на Донце, которые ездили под Орду... и грабежу взяли на полтораста рублев...»[33] В обобщенном виде эти жалобы выглядели так: «Летось и сего лета ездили наши люди на Поле, оберегати христианства от бесурменства; ехав на них твои [короля Казимира] люди изо Мценска и изо Брянска и из иных мест... тех наших людей побили и пограбили...»[34]

«А летось тому год будет, ограбили сторожей Олексинцев... Мецняне же...»[35]

Сведения посольской книги не только свидетельствуют о порубежных конфликтах, в данном случае о самовольстве жителей Мценска, но и содержат важные детали об организации сторожевой службы в Поле — одной из основных функций службы на южном рубеже. Как видно, эта служба была мобильной. Ее несли жители пограничных городов, заезжавшие далеко в Поле, составляя, таким образом, дальний дозор, прикрывающий русский рубеж по Оке. Нападения мецнян представляли прямую угрозу всей системе этой службы.

Миссия Ивана Берсеня Беклемишева не состоялась из-за кончины короля Казимира (7 июня 1492 г.) Не вступая в дальнейшие переговоры с новым главой Литовского государства, великий князь приступил к силовому решению проблемы.

В июне было получено донесение русского посла из Крыма. Менгли был занят своими делами и обещал выступить только осенью. Великий князь решил действовать, не дожидаясь помощи своего союзника.

---

[33] Сб. РИО. Т. 35. № 16. С. 66.

[34] Там же. С. 63.

[35] Там же. С. 66.

«... Месяца Августа 7000 г. послал князь великий Иван Васильевич всеа Руси воеводу своего Федора Телепня Оболенского с силою ратною на город Мценск за их неправду. И град Мценск взяша и землю повоеваша, и воеводу их Бориса Семенова сына Александрова, изымаша и иных многих, и приведоша их на Москву».[36]

В РК-98 это сообщение отсутствует. В РК-05 оно читается так: «...послал князь великий воеводу князя Федора Телепня Оболенского к городу Мценску. И воеводы князь Федор Васильевич Телепень с товарищи взяли город Мценск».[37] Летописное известие и разрядная запись восходят, вероятно, к одному и тому же официальному источнику.

В ноябре 1492 г. литовский посол Станислав Глебович передал от имени своего государя жалобу: «русские великого князя люди и Мценск и Любутеск съжгли, а наместника Бориса и бояр мценских и любутских и людей их головами свели и з женами и з детми».[38] В ответ на это великий князь повторил свои претензии и добавил новые: «нынеча как сего лета теже Мечняне и Любучане сторожей наших... многих до смерти побили, а иных головами свели... А опосле того, пришед от того Бориса... многие люди на нашу украину, волости и села пожгли, жены и дети людей наших в полон повели... и наши люди не мога того терпети ходили за своими женами и за детми и за своими животы. Ино того деля так то сталося».

Поход на Мценск и Любутск был, по-видимому, небольшим по масштабу. Косвенно об этом свидетельствует то, что назван по имени только один воевода и ничего не говорится о боях с противником.

Тем не менее значение этого похода не следует недооценивать. Русские великокняжеские войска вступили на земли, тянувшие к Литве, провели наступательную операцию не против порубежных князей, готовых перейти на русскую службу, а против городов, признававших власть великого князя Литовского. Поход князя Федора Телепня Оболенского — акт государственной политики. Он означает фактическое начало войны.

По словам великокняжеской летописи «того же лета [7001–1492/93] приехаша к великому князю служити князь Семен Федорович Воротынский да братанич его князь Иван Михайлович и з своими вотчинами, а едучи князь Семен на великого князя имя засел литовских городов Серпееск да Мезеческ. И прииде за ними смоленский воево-

[36] ПСРЛ. Т. 28. С. 157.
[37] РК-05. С. 32.
[38] Сб. РИО Т. 35. № 18. С. 76.

да князя великого Литовского... пан Юрий Глебович да князь Семен Иванович Можайского под грады под Серпееск да под Мезеческ с силою многою. И граждане, не возмогоша противится им, грады свои здаша. И слышав то, князь великий Иван Васильевич послал противу их сестрича своего князя Федора Рязанского да воевод своих князя Михаил Колышку да князя Александра Васильевича Оболенского и иных воевод своих со многою силою, да великого князя Рязанского Ивана Васильевича воеводу Иньку Измайлова с силою.

Смоленский же воевода пан Юрий Глебович и князь Семен Иванович Можайский слышав рать сильну великого князя идущу противу их и во граде посадиша князя и панов многих во осаде, а сами убоявшеся и побегоша к Смоленску.

И прииде сила великого князя... под град Мезеческ. Они же убоявшеся и не могоша противитися, и град отвориша. И изымаша во граде Кривца окольничего Смоленского, и иных многих князей и панов, Литвы и смольнян заставы великого князя Александровы. А земских людей черных приведоша к целованию за великого князя.

И оттоле поиде сила великого князя под град Серпейск. Они же устремишася крепко ратоватися и не хотеша града здати. Воеводы же великого князя повелеша воем мужественно приступити ко граду с пушками и пищальми. И приступив ко граду и взяша его силою, и изымаша во граде Ивана Федорова сына Плюскова смолнянина, и иных многих князей и панов, и литвы, и смолнян двора великого князя Александра Литовского. И разграбив град, и сожгоша, и земских людей к целованию приведоша.

И оттоле шед, Опаков град взяв, сожгоша и земские люди черные к целованию приведоша.

И тако возвратишася, и литву и смолнян, седящих во осаде, и градских людей больших приведоша на Москву, а всех их 500 и 30. И князь великий посла их в заточение по своим городам».[39]

Разрядные записи, дошедшие в составе РК-98 и РК-05, состоят из нескольких самостоятельных первичных записей, сведенных позднее в книгу.

Рассказав о переходе на службу к Ивану III целого ряда западнорусских князей (Семена Федоровича Воротынского, Михаила Романовича Мезецкого, Василия и Андрея Белевских) «с вотчинами и волостьми и с Мезецком да с Серпейском», запись говорит, что Александр Литовский «прислал из Смоленска своего пана Юрия Глебо-

[39] ПСРЛ. Т. 28. С. 322–323.

вича, да князя Семена Ивановича Можайского, да князей Друцких, да те городки Мезецк и Серпейск и с волостьми поимали и позасели.

И князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал тех городов доставати своего сестрича князя Федора Васильевича Рязанского. А с ним великого князя Ивана Васильевича Рязанского воеводу Инка Измайлов со многими людьми.

А своих воевод князь великий послал князя Михайло Ивановича да князя Олександра Васильевича да князя Ондрея да князя Ивана Микитичев, да князя Ивана Володимеровича Лыка, да князь Василья Васильевича Телепня, да князя Василья Володимеровича Кашу.

А пошли с Москвы Генваря в 29 день. А были по полком:

В Большом полку — князь Михайло Иванович.

В Передовом полку — князь Олександр Васильевич да в Передовом полку со князем Олександром Васильевичем другой воевода князь Василей Васильевич Оболенский.

В Правой Руке — князь Ондрей да князь Иван Смола Никитич Оболенские.

В Левой Руке — князь Иван Володимерович Лыко.

В Сторожевом полку — князь Борис Михайлович Туреня да князь Василей Володимерович Каша.

А Воротынским князем и Одоевским и Белевским, и князю Михаилу Мезецкому велел князь великий быть подле Передовой полк великого князя на правой стороне или на левой, где похотят.

А не похочет князь Дмитрий быти вместе с братом своим со князем Семеном, и князю Дмитрию быти своим полком подле Большой полк, где пригоже.

А князю Семену и братаничю его князю Ивану Перемышскому быти подле Передовой полк, на правой или на левой стороне, где похотят.

А Оболенским князем и Белевским, и Мезецкому где будет пригоже со князем быть в полку, и им тут быти или где похотят.

А как сойдутся все люди, и князю Михаилу Ивановичю и князю Олександру полки пересмотрети да в котором полку будет людей мало и им в тот полк людей прибавить».

Это первая столь подробная разрядная запись, известная по нашим источникам. Первая часть записи составляет преамбулу к дальнейшему тексту, объясняя политические мотивы действий великого князя.

Собственно РЗ начинается со слов: «И князь великий... послал тех городов доставати».

Эта запись состоит из трех основных частей.

В первой части говорится об отправке воевод в общих чертах, рязанских и великокняжеских, без уточнения их командных функций.

Обращает на себя внимание распоряжение великого князя об отправке рязанских воевод — при наличии формально независимого великого княжества Рязанского, и точная дата начала похода великокняжеских войск из Москвы.

Вторая часть — наиболее типичная для РЗ роспись воевод по полкам.

Обозначено пять полков в уже привычном иерархическом порядке: Большой (Б), Передовой (П), Правой Руки (ПР), Левой Руки (ЛР) и Сторожевой (С). Отметим, что в первых документальных известных нам разрядах ноября 1477 г. было обозначено четыре полка, великокняжеский (т. е. Большой), Передовой, Правой Руки и Левой Руки.[40] Сторожевой полк не предусматривался.

Сторожевой полк не фигурирует и в разрядах похода 1487 г. на Казань, и похода 1489 г. на Вятку[41] и впервые появляется в разрядах похода 1491/92 (7000) гг.

Третья часть записи представляет собой инструкцию для вновь перешедших к России северских князей. Как видно, им предоставляется большая самостоятельность. Директива великого князя определяет их место в боевом (походном) расписании только в самых общих чертах — возле Передового, или Большого полка, причем сами князья решают, с какой стороны этих полков им двигаться. В этой свободе выбора видно стремление сохранить хорошие отношения с новыми князьями, добиться их верной службы новому государю. Относительная самостоятельность князей определялась также самим существом дела. Они шли во главе собственных служилых людей, не привыкших к порядкам в русском великокняжеском войске.

Представляет интерес и последний параграф этой части записи, обязывающий первых воевод Большого и Передового полков пересматривать состав полков и «уравнивать» их, т. е., очевидно, переставлять подразделения из одного полка в другой. Функция организации полков передается частично в руки старших воевод. Первый воевода Большого полка (и его ближайший заместитель — первый воевода Передового полка) является полномочным командующим войсками на данном операционном направлении (или, в терминах XIX–XX вв., командующим армией).

[40] РК-98. С. 18.
[41] Там же. С. 20–21.

«А на Луки Великие отпустил князь великий воевод, а были воеводы по полком.

В Большом полку князь Данило Олександрович Пенко.

В Передовом полку князь Семен Романович да Василий Борисович.

В Правой Руке — Дмитрий Киндырев.

А в Левой Руке прилучит у них быти Ондрею Колычеву и Ушатому ино быти Ондрею да Ушатому.

А не прилучица им быть и князю Данилу велеть быти в Левой Руке князю Ондрею Прозоровскому.

А Ондрею Рудному быти в Сторожевом полку».

Эта запись определяет формирование второй армии — действующей на самостоятельном великолукском, т. е. северо-западном, направлении. Здесь воевода Большого полка также наделяется большими полномочиями, вплоть до назначения воеводы полка Левой Руки. Не совсем ясно выражение «а прилучитца быти». Оно означает неуверенность Ставки в прибытии или реальной дееспособности назначаемых воевод, отсюда и расширение полномочий командующего армией — первого воеводы Большого полка.

«Того же лета были воеводы в Можайску князь Василей Иванович Косой да Семен Иванович Воронцов».

На западном, можайском, направлении также содержатся силы во главе с воеводами, но без подразделения на оперативно-тактические полки — вероятно, можайская группировка уступала в численности и по значению армиям юго-западной группировки князя Михаила Ивановича и северо-западной князя Данила Александровича Пенка.

«А изо Твери воеводы:

В Большом полку князь Данило Васильевич.

В Передовом — князь Петр Никитич да со князем Петром же другой воевода князь Федор Семенович Хрипун.

В Правой Руке князь Осиф Андреевич Дорогобужский да со князем Осифом другой воевода князь Петр Васильевич Нагой.

В Левой Руке князь Володимер Ондреевич Микулинской да со князем Володимером же другой воевода Иван Борисович, а третей воевода Петр Борисович».

Так формируется третья по счету оперативная группа армейского масштаба с подразделением на оперативно-тактические полки.

Официальное летописное известие, рассказав о походе на юго-западное направление, далее отмечает: «В то же время посылал князь великий... воевод своих под город под Вязьму ратью Данила Васильевича Шеня да князя Василия Ивановича княж Иванова сына Юрье-

вича. Они же, шедше, Вязму град взяша и к целованию приведоша, а вяземских князей и панов приведоша на Москву. И князь великий их пожаловал их же вотчиною, Вязьмою, и повеле им служити».[42]

Если так, то наступление на Вязьму (западное направление) происходило одновременно с наступлением на юго-западном направлении на Серпейск, Мезецк.

«Того же лета против Литвы из Новагорода воевода Яков Захарьич, изо Пскова князь Василей Федорович Шуйский.

А изо Московские и из Тверские земли к ним же воеводы на помочь: князь Данило Олександрович Пенко, другой воевода князь Семен Романович, третий воевода Дмитрий Киндырев, четвертый воевода Василей Борисович, пятой воевода князь Петр Васильевич Нагой».

Войска из Новгорода и Пскова двинуты во главе со своими наместниками. Войска из Московской и Тверской земли, двинутые «на помочь», фактически составляют главные силы с пятью воеводами, ранее выступившими из Москвы 29 января.

Следующая запись относится к Тверской земле.

«Того же лета 7001-го князь великий Иван Васильевич всеа Русии послал на Тверь сына своего князя Василья, и у него велел быти во Твери воеводам:

князь Данило Васильевич Щеня;

Юрий Захарьич;

князь Петр Никитич Оболенской;

князь Федор Семенович Хрипун;

Петр Борисович».

Запись отражает меры, принятые по созданию Тверской группировки войск, во главе которых был формально поставлен князь Василий Иванович, тринадцатилетний юноша, будущий великий князь.

Естественнее всего предположить, что РЗ помещены в РК в хронологическом порядке, т. е. отражают одновременные или последовательные распоряжения великого князя.

Если так, то формирование новой группировки войск в Тверской земле произошло позже, чем войска князя Данилы Щени овладели Вязьмой.

Далее следует запись: «А к Берегу изо Твери — воевода князь Осиф Ондреевич Дорогобужский, князь Михайло Федорович Микулинской, Иван Борисович».

---

[42] ПСРЛ. Т. 28. С. 323.

Эти воеводы упоминаются в предыдущих записях во главе войск, посланных против Литвы. Отправка на Берег произошла, очевидно, уже после окончания Литовской кампании и относится к лету 1493 г.

«А на Берегу быти сыну великого князя князю Юрью да князю Борису Васильевичю. А воеводам быть на Берегу князю Михаилу Ивановичю.

А в Серпухове быть князю Василью Ивановичю да князю Борису Михайловичу Турене.

А в Торусе быти князю Ивану Лыку.

Да на Берегу же быть князю Ондрею да князю Ивану Смоле Никитичем».

После этих записей, относящихся к южному направлению, снова упоминается направление западное.

«А в Можайску быть Ондрею Федоровичю».

«А у великого князя воеводы: князь Иван Юрьевич, князь Данило Дмитриевич Холмский, князь Олександр Васильевич Оболенский, князь Семен Иванович Ряполовский».

Эту запись необходимо сопоставить с данными крымской посольской книги — о готовности великого князя самому «всести на конь».[43]

Единственная хронологическая реалия относится к выступлению 29 января из Москвы войск, ориентированных на юго-западное направление — во главе с князем Михаилом Ивановичем (Большой полк) и князем Александром Васильевичем (Передовой полк). Именно эти войска, по-видимому, и начали кампанию. По данным великокняжеской летописи, одновременно выступили войска на Вязьму во главе с князем Данилой Щеней.

Дальнейшие записи рисуют развертывание войск на литовском фронте, которое могло происходить примерно в то же время.

В марте 1493 г. в Новгород прибыл сокольник пана Яна Забережского, наместника Полоцкого, «чтобы дозволил купити кречетов». Новгородский наместник Яков Захарьич немедленно донес об этом своему государю и запросил инструкций.

Великий князь понял истинный смысл послания Яна Забережского: «Нам ся видит, что он в ту пору нынеча принял то не кречетов деля». Великий князь приказал продолжать переговоры и прислал Якову Захарьичу текст соответствующей грамоты. Наместник должен послать с грамотой «человека такова, который умел бы тамошнее дело видети, а здеся приехав сказати», т. е. выполнить роль разведчика.

[43] Сб. РИО. Т. 41. № 36. С. 158.

Таким образом, в марте новгородское служилое ополчение еще не выступило в поход — его воевода Яков Захарьич был в Новгороде.

Из мартовского послания Яна Забережского вообще не видно, что идет война, боевые действия на окраине не мешали разговорам о дружбе.

Но 18 мая Ян Забережский снова обращается к Якову Захарьичу: «Ся стали зачепки от вашего государя: на миру на отчину нашего государя войну пустил, городы и волости великие забрал». При этом подтверждается стремление Александра Литовского к миру — он «шлет послы свои до великого князя». Яков Захарьич находится в Новгороде, именно туда адресована грамота великого князя в ответ на донесение наместника.[44] В тот же день, когда было отправлено письмо Яна Забережского, Александр Литовский отправил своих послов к великому князю в Москву.

Александр по-прежнему не признавал законность отъезда русских князей на службу Ивану III и обвинял его в нарушении мира «как есмо до тобя посла нашего выправили... ино в ты часы люди твои многии пришедши, городы наши и волости Мезецк, а Серпейск, а Мосалеск, а Городечну, а Опаков, огнем пожгли, а людей наших... в полон повели со всеми их животы и статки. И теж город наш Вязму взяли и слуг наших князей Вяземских головами свели».[45]

Отсюда вытекает, что, во-первых, поход на Вязьму состоялся не позднее мая, во-вторых, что новгородское ополчение в весенних боевых действиях либо не участвовало, либо уже вернулось домой.

Таким образом, к началу мая русские войска овладели всеми городами, о которых упоминает известие великокняжеской летописи. Кампания против Литвы фактически закончилась.[46] Начались переговоры о мире.

Одной из важных черт войны 1492–1493 гг. было стремление к совместным действиям с крымским союзником России. Переговоры об этом велись еще весной 1492 г.

В июне 1492 г. в Москву от Лобана Колычева поступило послание Менгли-Гирея. Крымский хан был готов к выступлению против Литвы — осенью («во жнитво») взять Киев.

«А зиме ты брат мой приди... Вилну и Краков даст Бог всхочешь взять».

[44] Сб. РИО. Т. 35. №20. С. 85–89.

[45] Там же. №22. С. 104.

[46] Литовская хроника Быховца отмечает, что русские войска взяли Вязьму, Хлепень, Мещевск, Любутск, Мценск, Серпейск (Хроника Быховца. М., 1966. С. 106).

Однако главной заботой Менгли, как видно из его послания, было укрепление города на Днепре, откуда он и хотел идти на Киев.[47] (По мнению К. В. Базилевича, имелся в виду город Очаков)[48].

Проект широкого совместного наступления на Литву и Польшу носил, вообще говоря, довольно фантастический характер. Находясь в низовьях Днепра, Менгли сравнительно легко мог совершить нападение на Киев. Но реальным возможностям русских войск зимний поход на Вильно и Краков явно не соответствовал.

Не следует удивляться, что проект Менгли не встретил сочувствия у великого князя. В августе 1492 г. русский посол Константин Григорьевич Заболотский повез Менгли ответ Ивана III.

«Не пошел еси ныне ратью на своего и моего недруга… затем, что на Днепре город делаешь». Сообщая о смерти короля Казимира, великий князь призывал своего союзника, «чтобы еси… на Казимировых королевых детей и на Литовскую землю сам на конь всел и ратью пошел… чтобы еси поотставя ныне все свои дела, да на их бы еси на Литовскую землю пошел… А что делаешь город на Днепре… и ты бы ныне одноличо то дело поотставил, а сам бы еси на конь всел и ратью пошел». Не задаваясь дальними перспективами, великий князь требовал от своего союзника немедленных конкретных действий.

В свою очередь, великий князь обещал «яз оже даст Бог ныне сам чаю всести на конь и ратью на них поити, и недружбу свою хочю им чинити, сколько ми Бог пособит».[49]

Константин Заболотский должен был также сделать устное заявление: «Осподарь мой князь великий… разослал к людем по всем своим землям, а велел им наряжатись, а сам не мотчая всести хочет на конь, и ты бы, господине, не мотчая ж всел на конь».

«А какими делы… не всхочет [Менгли] поити на Литовскую землю, учнет говорити, что ныне уже к зиме, нелзе ити, и Константину говорити царю так… осподарь мой, господарю, ныне сам на конь всел на своих недругов, а тобе, господине, в ту же пору пригоже ити на своих недругов да свое дело делати».

Видна разница в постановке вопроса о походе против Литвы. Если в марте великий князь призывал к этому Менгли и ставил свое выступление в зависимость от начала похода хана, то в августе он говорит уже о мобилизации всех своих войск и о своей готовности немедленно «всести на конь», и даже о том, что он уже «ныне сам на конь всел».

[47] Сб. РИО. Т. 41. №35. С. 152–153.
[48] Базилевич. С. 303.
[49] Сб. РИО. Т. 41. №36. С. 157–158.

Готовность Ивана III «всести на конь» отражена, как мы видели, и в разрядных записях о формировании великокняжеского полка.

Из очередного донесения посла Заболотского выясняется, что Менгли действительно послал свои силы на Литовскую землю — под Киев, Чернигов и Путивль. Однако сам в поход не пошел. Менгли опять предлагал совместные действия (под Черниговом и Путивлем). Судя по тому, что сам хан послал туда 500 человек, речь могла идти только о набеговой операции сравнительно небольшого масштаба.[50]

Так и оценивал ее великий князь в инструкции послу в июне 1493 г. «Пишет ко мне царь, что беспрестанно его люди Литовскую землю воюют, и мы здесь слышали, что малые люди приходили сее зимы на Литовскую землю, а не имали ничего, а ныне сына послал с ним 500 человек ино пятью сот человека какая война Литовской земле?»

Сам Менгли в своих грамотах Ивану III отговаривался то тем, что «зима люта была», то тем, что «Днепр прошел, через реку нелзе было перелезти».[51]

Наконец, согласно донесению Заболотского, «царь... Днепр перевезлся и пошел от Днепра на Вздвиженьев день [14 сентября]... к Киеву».[52]

Однако Менгли не был удачлив. Последовал контрудар литовцев: «который город на Днепре чинил есми, вземши и разорили», — сообщает он великому князю. Сам же царь «до зимы трижды крат на конь садился, впервые пошел, ино лед растаял, а вдругоряди разболев воротился». Только третий поход на Черкассы «с пушками и пищалми пришли есмя... и мы... Черкасской городок... и иные их городы пожгли».

Сообщение об этом Менгли датировал 16 сентября,[53] т. е. это был тот именно поход, о котором доносил ранее Заболотский.

О походе Менгли сообщил также его брат Ямгурчей. По словам последнего, были взяты и разорены Черкассы и Канев, т. е. города по Днепру ниже Киева. «Аж даст Бог... и на Киев пойдем зиме».[54]

Все это имело характер набегов, а сам Менгли «половину [рати] с собою взяв и воротился с первозимья как снег падет, лед станет».[55]

Большого похода главными силами опять не получилось. В своем

[50] Там же. С. 180–183.
[51] Там же. № 41. С. 184 192.
[52] Там же. № 42. С. 194.
[53] Там же. № 43. С. 197.
[54] Там же. № 36. С. 198.
[55] Там же. С. 196.

ответном послании великий князь выражал недоумение и недовольство: «а ныне которого для дела воротился? Сам есми не пошел на Литовскую землю?»[56]

Таким образом, коалиционную стратегию в кампаниях 1492 и 1493 гг. реализовать не удалось. Менгли, несмотря на все свои обещания, не пошел в большой поход, ограничившись набегами на литовские окраины.

Русское командование осуществляло свой замысел войны, который носил ограниченный характер.

Русский план войны был нацелен на решение ближайших конкретных задач оперативно-тактического масштаба, полностью определяемых политическими целями войны: возвращение к Русскому государству окраинных княжеств с их князьями, вышедшими из-под власти великого князя Литовского.

Можно отметить три основных этапа кампании.

На первом (лето 1492 г.) — официальной целью русских войск было наказание городов, нападающих на южную сторожевую службу (Мценск, Любутск).

На втором этапе (осень 1492 г.) речь шла о помощи князьям, отложившимся от Казимира. Операции принимают более широкий характер, происходят столкновения с литовскими войсками (Мценск, Серпейск).

На третьем этапе (январь — май 1493 г.) — наступление больших ратей на юго-западном и западном направлениях и мобилизация основных сил Российского государства.

Таким образом, прослеживается постепенное, поэтапное развитие и нарастание задач и масштабов боевых действий.

К лету 1493 г. цели кампании были достигнуты. Результатом походов было овладение Мценском, Серпейском, Опаковом и Вязьмой, т. е. был достигнут крупный успех оперативно-стратегического масштаба.

Обращает на себя внимание, что операции на западном (Вязьма) и юго-западном (Серпейск) направлениях проводились одновременно («в то же время»). В принципе, это должно было заставить обороняющуюся сторону распылять свои силы и не давало возможности сосредоточить их для эффективного контрудара.

Большая мобилизация великокняжеских войск была предназначена, по-видимому, не столько для наступательных операций на новых направлениях, сколько для удержания занятых территорий в слу-

---

[56] Там же. № 48. С. 200.

чае контрнаступления Литвы. Нет никаких признаков наступательных действий русских войск после начала мая, т. е. после решения ближайшей задачи.

Можно, таким образом, рассматривать войну 1492–1493 гг. как наступательную кампанию с ограниченными целями. Глубина операций не превышала нескольких переходов (например, от Можайска до Вязьмы — около 150 км).

Общий стратегический замысел войны с Литвой можно представить по разрядным записям. Войска развертывались на широком фронте от псково-новгородско-литовского рубежа, от Великих Лук до Угры и среднего течения Оки. Кроме войск, собранных к январю в Москве, в поход были двинуты войска из Пскова, Новгорода и Твери, т. е. основные силы русского войска были ориентированы на борьбу на литовском фронте.

Можно проследить три основных направления — северо-западное (от Великих Лук), западное (от Можайска) и юго-западное (в сторону Оки и Угры). Кроме того, создавался общий стратегический резерв в виде Великокняжеского полка.

Развертывание войск на южном направлении происходило, вероятно, позднее — после решения основных задач на литовском фронте, т. е. не ранее мая. Трудно представить, что войска из Твери были сначала (зимой) двинуты на Берег, а потом отправлены на литовский фронт.

В стратегическом отношении кампания 1493 г. представляет интерес как пример наступательной кампании на широком фронте, на разных операционных направлениях, но на небольшую глубину. Наиболее важным стратегическим результатом было овладение Вязьмой, что значительно улучшало положение на западном направлении — прикрывая Москву и открывая кратчайшую дорогу на Смоленск.

В тактическом отношении боевые действия представляли собой борьбу за города, т. е. за укрепленные населенные пункты, в некоторых случаях с применением артиллерии и штурма укреплений (Серпейск).

Никаких сведений о боях в открытом поле и вообще о столкновениях крупных воинских масс в источниках нет.

Наступление русских войск было остановлено после первых успехов.

Об осторожности Ивана III и его нелюбви к рискованным предприятиям пишет большинство исследователей.

В кампании 1493 г. эта черта политики и стратегии великого князя проявилась в полной мере. Наступление русских войск было остановлено после решения конкретных поставленных перед ними задач.

Продолжение войны против Литвы угрожало конфликтом с ее потенциальными союзниками — Польшей, Чехией и Венгрией — всеми королевствами Ягеллонов. Россия же фактически не имела ни одного союзника, за исключением не очень надежного и не очень сильного Менгли. Продолжение войны было связано, таким образом, с большим политическим и стратегическим риском.

Военная история знает немало примеров, когда продолжение победоносной войны приводит к перерастанию ее в войну не победоносную — к поражению и к потере плодов одержанных побед. В условиях победоносной кампании 1493 г. великий князь проявляет редкую для победителей способность вовремя остановиться и таким способом сохранить все свои преимущества.

Но остановка наступления на Литву могла быть вызвана и стремлением укрепить северо-западное направление перед началом большой войны на этом (Свейском) направлении, на что справедливо указывает А. А. Зимин.[57] Именно это направление стало главным во внешней политике и стратегии Ивана III в начале 90-х гг.

Несмотря на свой ограниченный масштаб, война 1492–1493 гг. имеет принципиально важное значение. На западном стратегическом направлении Россия впервые перешла от обороны к наступлению. Впервые в дипломатических документах появился термин «Государь всея Руси», что было зафиксировано в договоре 5 февраля 1494 г. и означало фактически признание Российского государства (а не «Московии») субъектом международного права. В освобождении русских земель от иноземного владычества был сделан первый шаг.

ПЕРВАЯ СВЕЙСКАЯ ВОЙНА 1495–1497 гг.

Основной причиной Свейской войны 1495–1497 гг. явилась борьба против монополии Ганзы на мореплавание и торговлю на Балтике. Если новгородское боярство не имело возможности бороться против этой монополии, то Российское государство не могло согласиться на неравноправное положение в сфере торговли. Закрытие Ганзейского двора в Новгороде и союз России с Данией (1493 г.) означали переход нашей страны к активной защите своих интересов на Балтике.

Другой причиной конфликта с Швецией был вопрос о границе — условия Ореховецкого мира 1323 г. шведской стороной не выполнялись.[58]

[57] *Зимин А. А.* Россия на рубеже... С. 104.

[58] Базилевич. С. 385–387; *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства на Балтийском

Основные русские источники о войне 1495–1497 гг. — летописи и разрядные записи. Важным источником на шведском языке является Большая рифмованная хроника.[59]

Первое сообщение о войне со Швецией читается в официальной Увар. летописи.

Записи за лето 7004 г. в Увар. летописи (Свод 1518 г.) начинаются с известия: «Послал князь великий Иван Васильевич всея Русии воевод своих, князя Данила Васильевича Щеня да Якова Захарича, да князя Василья Федоровича со Псковичи ратию на Немци на Свейскую землю под город Выбор. Они же, шед, землю Немецкую поплениша и пожгоша, а Выбора града не взяша. Тогда же под Выбором убиша Ивана Андреевичя Соботу Плещеева».[60]

Судя по этим известиям, поход начался в самых первых числах сентября 1495 г., следующая запись относится к 6 сентября — поставлению на митрополию Троицкого игумена Симона.

В Сп.-Прил. летописи записи за 7004 г. начинаются с аналогичного известия: «Отпустил князь великий Иван Васильевич воевод своих, князя Данила Васильевича Щеня с Тверскою силою, да Якова Захариина с Новгородскою силою, да и Двора своего многих детей боярских послал на Немци ратию под Выбор. Они же начаша жечи и сечи и в полон вести, яко же бо обычай есть ратным и сотвориша землю Немецкую пусту».

Составитель Сп.-Прил. имел какой-то другой источник, чем составитель Увар. Но принципиальной разницы в известиях обеих летописей нет.

В других летописях великокняжеского цикла содержатся известия аналогичные Увар. (Соф. II., Никон.).

Воскр. летопись и Шумиловский список Никон. приводят то же известие, но с именами воевод по полкам.[61]

Вол.-Перм. летопись под 7003 годом приводит известие: «Августа 6, в четверг, послал князь великий Иван Васильевич воевод своих: князя Данила Васильевича Щеня, да Якова Захарьича со многими людьми

море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 137–153; Казакова. С. 261–282; *Хорошкевич А. Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 140–145.

[59] По изданию: Scriptores Rerum Svecicarum Medii Alvi Upsaliae MDCCCXVIII, 1818. — За перевод шведского текста приношу сердечную благодарность профессору В. Е. Возгрину.

[60] ПСРЛ. Т. 28. С. 326.

[61] ПСРЛ. Т. 8. С. 230; Т. 12. С. 240.

на Свейского короля Немецкого. А Яков пошел того же месяца в 10 день, в неделю».[62]

Эти точные даты могли содержаться в источнике официального происхождения. В 1495 г. 6 августа приходилось действительно на четверг, но 10 августа был понедельник — точность даты начала похода Якова Захарьича вызывает сомнения.

Известие ВП имеет свой самостоятельный источник документального происхождения.

Уст. летопись помещает под 7002 годом известие: «...послал великий князь Якова Захарьина воеводою под Выбор в Немецкую землю (и князей, и бояр). Города не взял, а землю повоевали».[63]

Пск. I по Погодинскому списку под 7003 годом пишет:

«...прислал князь великий Иван Васильевич гонца своего, сына боярского, во Псков: чтобы отчина моя Псковичи послужили бы мне на Свею на Немцы, а яз отпустил своих воевод Якова Захарьина с Новогородскою силою, месяца Августа на Богородицыно говение (т.е. 1 августа — начало Успенского поста. — *Ю. А.*) да князя Данила Щеню с московским войском. И князь псковской Василий Федорович, и посадники псковские, и сынове посадничьи, и бояре, и весь Псков отчина государьская ялися в помощь великому князю Ивану Васильевичю з десяти сох человек конны».

Записи за 7004 г. начинаются с известия:

«Поехал князь псковской Василей Федорович и с посадники псковскими с Левонтьем Тимофеевичем и со иными посадники и со Псковичи на немцев на Свею. А ехали на Запсковье месяца сентября в 6 недельный под обед, а были у Свеи 15 недель».

«Преставися князь Псковской Василей Федорович, приехав с войны, службы великого князя, в Новегороде».[64]

Таким образом, летописные записи о походе на Выборг дошли в двух основных вариантах — официозном (и близких к нему) и псковском, приводящем независимые известия.

Разрядные записи (РЗ) за 7003 г. содержат известие: «Августа в... день послал князь великий воевод на Свейские Немцы и были воеводы под Выбором по полком.

В Большом полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Федоров да княж Иванов Борисовичев воевода князь Ондрей княж Ондреев

[62] ПСРЛ. Т. 26. С. 289.
[63] ПСРЛ. Т. 37. С. 51, 98.
[64] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 81–82.

сын Голенин. В Передовом полку князь Петр Никитич Оболенской да князь Федор Семенович Ряполовский Хрипун.

В Правой Руке князь Федор Васильевич Оболенский да князь Иван Иванович Слых.

В Левой Руке Петр да Василей Борисовичи.

А из Ноугородцкие земли велел князь великий итить на Свейские немцы:

В Большем полку Яков Захарьич.

В Передовом [полку] Иван Андреевич Лобан Колычев.

В Правой Руке Федор Константинович Беззубцов.

В Левой Руке князь Тимофей Олександрович Тростенской.

А в Новегороде Великом велел князь великий быть наместником князю Данилу Олександровичу Ярославскому да князю Ивану Васильевичу Лыку Оболенскому. Да в Новегороде же был дворецкий Иван Михайлович Волынский.

А изо Пскова наместнику князю Василью Федоровичю Шуйскому велел князь великий итить со Псковичи на Свейскую Немцы».

Сопоставление летописных и разрядных источников позволяет попытаться реконструировать ход событий.

В походе участвуют три контингента: 6 августа выступили войска из Москвы под командой князя Данила Щеня; 10 августа из Новгорода под командой Якова Захарьича; 6 сентября — Псковская рать во главе с князем-наместником Василием Федоровичем Шуйским.

Первый воевода Большого полка, отправленного из Москвы, впервые упоминается в разряде 1475 г. в составе боярской свиты Ивана III при его походе «миром» в Великий Новгород. В 1489 г. он в качестве первого воеводы Большого полка возглавляет поход на Вятку, закончившийся взятием Хлынова.[65] В разрядах Первой Литовской войны 1493 г. Данило Щеня упоминается как первый воевода Большого полка из Твери.[66] Войска под его командованием одержали едва ли не самую крупную победу в этой войне, овладев Вязьмой.[67] Во главе московского Большого полка стоял, таким образом, воевода, имевший опыт успешных боевых действий.

В состав московского Большого полка входят также служилые люди волоцкого и рузского князей во главе с воеводой этих князей. Этот воевода, князь Андрей Андреевич Голенин, в разрядах упоминается

[65] РК-98. С. 21.
[66] Там же. С. 23.
[67] ПСРЛ. Т. 28. С. 323.

впервые. Впоследствии он неоднократно ходил в походы во главе войск удельных князей.[68]

Князь Петр Никитич Оболенский, первый воевода Передового полка, начал службу при дворе князя Бориса Волоцкого, участвовал в Новгородском походе 1477 г., но еще при жизни князя Бориса оказался на великокняжеской службе и имел опыт походов под Орду и на Литву.

Второй воевода князь Федор Семенович Хрипун Ряполовский впервые упомянут в разрядах под 1487 г., когда он ходил на Казань во главе конной рати.

Полк Правой Руки возглавляет князь Федор Васильевич Оболенский — вероятно, Телепень, как он и назван в РК-05.[69]

В Левой Руке идут воеводы братья Бороздины, выходцы из Твери.[70] Вполне вероятно, что в их полк входили служилые люди Тверской земли, теперь прочно инкорпорированной в состав Российского государства. Так уже было в походах на Казань в 1487 г. и на Литву в 1493 г.

Итак, во главе среднерусского контингента идут восемь воевод, из которых один служит удельным князьям Московского дома, один — еще недавно служил удельному князю Московского дома, а два — по происхождению и по службе связаны с Тверью. Три воеводы — потомки удельных князей, связанные с московской службой на протяжении нескольких поколений. По известным источникам, боевой опыт имеют, по крайней мере, четыре воеводы, об остальных таких данных нет. В целом состав воевод достаточно ясно отражает социально-политическую структуру великокняжеской служилой элиты. В числе воевод — два основных элемента: представители старослужилых боярских и княжеских родов Московского дома бывших удельных князей и представители вновь присоединенной, но уже прочно ассимилированной Тверской земли.

Контингент Новгородской земли возглавляет недавний наместник Яков Захарьич. В Новгородской земле уже в течение ряда лет проходит реформа служилого землевладения — старые родовые боярские вотчины заменяются поместьями служилых людей великого князя. После 1481 г. (зимний поход в Ливонию) старая организация Новгородского ополчения, по-видимому, не функционирует. В результате поместной реформы 80–90-х гг. в руки служилых людей великого

[68] Зимин. С. 75.
[69] РК-05. С. 42.
[70] Зимин. С. 261–262.

князя перешло несколько десятков тысяч обеж,[71] т. е. участков, соответствующих полноценному крестьянскому хозяйству. Новые владельцы этих населенных земель, помещики, и составляют теперь основную силу новгородского ополчения. Это конное войско могло насчитывать несколько тысяч человек.

Воевода Передового полка Иван Андреевич Лобан Колычев — выходец из боярского рода, получивший поместье в Новгородской земле.[72]

Воевода полка Правой Руки Федор Константинович Беззубцев — представитель рода Кошкиных. Его отец известен как воевода с 50-х гг., в Казанском походе 1469 г. он возглавлял главные силы московских войск.

Воевода полка Левой Руки князь Тимофей Александрович Тростенский — представитель княжеского рода Оболенских. В 1486 г. он участвовал в походе на Казань (среди воевод назван на третьем месте).[73] Князья Тростенские владели поместьями на новгородских землях. Новгородское ополчение, основанное на поместной системе, во главе с тем же воеводой Яковом Захарьичем было назначено в поход 1493 г. на Литву,[74] но до крупных боевых действий тогда дело не дошло. Поход 1495 г. на Выборг — фактически первый опыт, первая боевая проверка новгородского поместного ополчения.

Если в Великом Новгороде старая система земского ополчения была уже ликвидирована и заменена служилой поместной, то в Господине Пскове старая система еще сохраняла полную силу. Как видно из Пск. летописи, в ответ на призыв великого князя псковичи, как обычно, начали проводить мобилизацию на вече. Норма этой мобилизации — с 10 сох человек конный. Размеры псковской сохи нам неизвестны, но если считать ее равной старой трехобежной новгородской сохе, то конный воин выставлялся с тридцати крестьянских хозяйств, что в три раза ниже обычной в XVI в. московской нормы. Напомним, что в январе 1480 г., когда немцы напали на пограничный псковский Вышегородок, псковичи «много скрутишася... с четырех сох конь и человек»,[75] т. е. по норме, в два с половиной раза более напряженной, чем в 1495 г., и приближающейся (по принятому нами допущению) к

[71] *Веселовский С. Б.* Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М., 1947. Т. 1. С. 287.

[72] Там же. С. 292.

[73] РК-98. С. 20.

[74] Там же. С. 23.

[75] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 76.

московской норме. Это можно объяснить тем, что в 1480 г. опасность грозила самому Пскову, а в 1495 г. речь шла о дальнем походе, в котором Псков непосредственно не был заинтересован. В этом проявился известный стереотип удельно-вечевого (локального) мышления, естественным для себя образом ставящего свои местные интересы выше общих, государственных.

Пск. летопись не проявляет никакого интереса к ходу военных действий, она только фиксирует дату начала похода (6 сентября) и длительность его (15 недель). Это значит, что псковская сила вернулась из похода около 20 декабря. В дальнейших боевых действиях она на первом этапе войны со шведами не участвовала. В походе умер псковский князь-наместник и был назначен новый, князь Александр Владимирович Ростовский, который прибыл во Псков только 24 марта. Таким образом, вечевой Господин Псков, «отчина государева», оказывал помощь государству в строго дозированном виде.

Осенью 1495 г. на Выборг двинулось большое русское войско. Показателем важности этого похода может служить поездка Ставки великого князя в Новгород.

Об этой поездке сообщают Увар.[76] и другие летописи, наиболее подробно начало ее описано в ВП (видимо, на основании походного дневника великого князя):[77]

Великий князь выехал из Москвы 20 октября и прибыл в Новгород 17 ноября.[78] Разрядные записи содержат перечень сопровождавших его лиц:

«А с великим князем бояре: князь Василий княж Иванов сын Юрьевича, князь Олександр Васильевич Оболенский, Ондрей Федорович, князь Семен Романович, князь Семен Иванович Ряполовский, Михайло Яковлевич Русалка, Дмитрий Володимерович. Окольничие: Петр Михайлович, князь Иван Звенец, Петр Григорьевич Заболотской. Дворецкой князь Петр Васильевич Великой...

Ясельничие [2 имени]. Постельничие (2 имени). Диаки [6 имен]».

Далее перечисляются «князи и дети боярские» — всего около 120 имен.

Ни в одной летописи нет ни этого списка, ни извлечения из него — он носит характер разрядной записи, сделанной соответствующим должностным лицом — скорее всего, тем, кто вел разрядные записи

[76] ПСРЛ. Т. 28. С. 327.
[77] ПСРЛ. Т. 26. С. 290.
[78] ПСРЛ. Т. 28. С. 327.

в канцелярии великого князя. Полное отсутствие упоминаний о списке в летописях приводит к заключению, что дневниковые записи при канцелярии и разрядные записи вели разные лица.

Некоторые аналоги списку 1495 г. дошли в более ранних разрядах. В разрядной записи 1475 г. о походе «миром» на Новгород читаем: «А с великим князем бояре [11 имен], окольничие [2 имени], дворецкий [1 имя], дети боярские [6 имен], дьяки [2 имени]». Всего поименовано 22 человека.

В разрядной записи о поездке великого князя в Новгород в 1479 г. перечислены сопровождавшие его лица — 5 бояр, окольничий, дворецкий, трое детей боярских.

В обоих случаях эти записи не находят в летописях никакой аналогии. Как и в 1495 г., записи, вероятно, велись лицами, не имевшими отношения к летописанию.

В 1475 и 1479 гг. мы имеем дело, по-видимому, с походным штабом великого князя, т. е. фактически с его Ставкой.

Список 1495 г. отличается от предыдущих своим составом.

Собственно к походному штабу можно отнести 7 бояр, 3 окольничих, дворецкого, 6 дьяков. Ясельничие и постельничие составляют непосредственную обслугу великого князя. Все остальные составляют свиту великого князя, собственно Двор его в узком смысле слова — совокупность лиц, находящихся в его непосредственном распоряжении и способных выполнять разного рода служебные поручения.

Таким образом, в октябре–ноябре 1495 г. в Новгород вместе с великим князем, его внуком Дмитрием и сыном Юрием переехала значительная часть аппарата управления Российского государства — верхушка государева Двора, что должно было дать возможность великому князю, находясь в Новгороде, эффективно выполнять свои функции главы государства, а главное — реально руководить военными действиями на уровне верховного главнокомандования (ВГК) на обширном театре войны.

О ходе боевых действий под Выборгом в наших источниках почти ничего не говорится. Известно только, что в боях за Выборг пал Иван Андреевич Суббота Плещеев — он был «застрелен из пищали». Все сведения о ходе борьбы за Выборг содержатся в шведских источниках — Рифмованной хронике.[79]

По шведским сведениям, первые небольшие отряды русских войск

[79] Scriptores...

появились в Карелии в июне 1495 г. — упоминается отряд в 400 человек «около дня св. Иоанна [24 июня]».[80]

«В Успенье [15 августа] настало несчастье... русские хотели придти, что они и сделали». Русские окружили Улофсборг и Выборг. «Они хотели быстро построить укрепления и полагали, что никто не ударит им в спину».

Правитель Швеции Стен Стуре начал сбор войск для освобождения Выборга. Судя по Рифмованной хронике, дело продвигалось медленно, к сборному пункту войска собрались только к 1 ноября.

Поход начался «восемью днями позже дня св. Мартина», т. е. 19 ноября; на сбор войск из Упсалы прибыло знамя св. Эрика. После торжественных церемоний «все шведы пускаются в путь — девять сотен... и еще две сотни осталось дома по нехватке провианта». В походе приняли участие 500 немецких рыцарей, «... а также монахи и священники. Можно было быть уверенным, они сокрушат мощь русских. В состав вооружения входили топоры, стрелы, панцири и другое оружие, всего имели в достатке».

По льду Балтийского моря шведы перешли на Аландские острова, а после дня св. Екатерины (24 ноября) двинулись в поход морем. Однако шторм с северо-востока при сильном морозе разметал шведскую эскадру — «некоторые корабли шли сюда, а другие — туда». «Многие вернулись тогда назад, сам Стен Стуре еле выбрался на Аландские острова. Более 400 рыцарей вернулись назад с большим трудом».

Между тем борьба за Выборг продолжалась. «Белое поле покрылось щитами русских на три мили в глубину и ширину». Русские располагали многочисленной артиллерией, в том числе и крупных калибров, а также серпентинами. Пушки были заряжены свинцовыми жеребьями и железом.

Артиллерийским огнем были разрушены две башни и повреждена третья. Образовались проломы в городской стене. Комендант Поссе приказал построить «внутреннюю стену перед большим проломом». И это было быстро выполнено. Ранним утром 30 ноября «со множеством лестниц и трапов» русские бросились с трех сторон на штурм крепости. Одна из башен была захвачена русскими во главе с каким-то «герцогом». Спустившись со стены, русские проникли в город. Но шведам удалось поджечь башню, и штурм был отбит. Русские потеряли тысячу людей и «одного очень дорогого человека, по которому рыдали

[80] Ibid.

все русские». Надо полагать, что речь идет об Иване Андреевиче Субботе Плещееве, гибель которого отмечают русские источники. Русские отошли от Выборга, оставив 34 пушки.

По шведскому источнику, осада крепости была снята 4 декабря.

По шведским данным, общие потери русских во время осады достигали 16 тыс. человек. Эту цифру, как и численность русских войск, участвовавших в осаде (60 тыс.),[81] нельзя признать достоверной, но силы под Выборг были двинуты действительно крупные, и потери при штурме, несомненно, были большими.

Построенный в 1293 г. на островке Линносаари в глубине залива, Выборг был первоклассной крепостью. В 1477 г. цитадель Выборга обнесена каменной стеной с башнями, что значительно увеличивало его боевую устойчивость.[82] С такой мощной крепостью русские войска имели дело впервые.

К. В. Базилевич считает, что все нападение на Выборг было задумано как внезапный и короткий удар.

Однако с этим мнением трудно согласиться. Под Выборг были двинуты силы трех ратей, осада длилась более трех месяцев. Вероятно, овладение Выборгом было главной целью кампании. Неудача под Выборгом была серьезным поражением русских войск.

Причина неудачи похода на Выборг — неумение брать сильные каменные крепости. Крупнокалиберная осадная артиллерия сделала пролом в стене, но штурм не удался — видимо, не была отработана тактика штурма.

Стратегическое значение Выборга было оценено правильно: Выборг — ключ к Финляндии, выделение крупных сил для его взятия было оправданно.

Со стороны шведов можно отметить отсутствие помощи Выборгу извне, вся надежда возлагалась на саму крепость — надежда, которая себя оправдала благодаря умелым действиям гарнизона. Можно отметить постройку второй внутренней линии укреплений, что, по шведским источникам, фактически спасло крепость.

Верный — в принципе — стратегический замысел был погублен тактической неудачей.

Успешная оборона крепости может иметь стратегическое значение, повлиять на весь ход кампании и изменить этот ход.

Крепость сковывает главные силы противника и может дать воз-

[81] Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т. VII. С. 101–102.
[82] Там же. С. 101.

можность наносить ему контрудары, захватить инициативу, перенести войну на его территорию и т. п. Но так бывает не всегда.

Успешная оборона Москвы в 1408 г. не помешала Едигею предать всю страну огню и мечу на сотни верст. Оборона Выборга Кнутом Поссе и наша неудача под стенами города не означали перехода инициативы в руки шведов.

Разрядные записи, не приводя никаких конкретных сведений, ограничиваются краткой справкой: «Лета 7004-го Декабря 25 на Рождество Христово пришли воеводы к великому князю в Великий Новгород и з под Выборга князь Данило Васильевичь да Яков Захарьич и иные воеводы».[83]

Если осада с Выборга была снята 4 декабря, то путь до Новгорода занял у воевод около 20 дней, т. е. суточный переход в среднем составлял 15–20 верст.

Сразу после известия о прибытии войск из-под Выборга следует запись:

«И князь великий послал на свейские немцы из Новагорода других своих воевод, князя Василия Ивановича Юрьевича да Ондрея Федоровича Челяднина и иных своих воевод, а шли на Корелу да к Новугородку немецкому на Гамскую землю.

А были по полком:

В Большом полку — князь Василей Иванович Косой да Ондрей Федорович Челяднин.

В Передовом полку — князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Иван Михайлович Оболенской Репня.

В Правой Руке — Дмитрий Васильевич Шеин да Григорий Федорович.

В Левой Руке — Семен Карпович да Ондрей Иванович».

Поход на Гамскую землю последовал почти сразу после возвращения войск из под Выборга — «тое же зимы, генваря 17».[84]

Пребывание Ставки в Новгороде значительно облегчало управление войсками. Передача донесения из Новгорода в Москву и соответствующей директивы из Москвы в Новгород могла занять 20–25 дней, к этому следует добавить непосредственную подготовку войск к новому походу (в данном случае еще около 20 дней). Поход в Гамскую землю начался бы не раньше 10 февраля, что означало более чем двухмесячную оперативную паузу после отступления от Выборга. Такая

[83] РК-98. С. 26.
[84] Там же. С. 27.

пауза была крайне нежелательна — она давала противнику возможность подготовиться к следующему этапу кампании.

Благодаря присутствию Ставки в Новгороде все получилось иначе. «Бурное ликование» в войске, собранном Стеном Стуре («пьют и едят столько, сколько они могут»), внезапно прервалось.

Русские отряды появились вблизи Нишлота (Улофсборг) = Гамецкий городок = Новугород Немецкий.

Сюда был послан Кнут Карлсон с 70 воинами. «На следующий день, когда после Сретенья взошло солнце (т. е. 3 февраля. — *Ю. А.*) их перебили русские... русские залегли перед Улофсборгом, и шведским мужам пришлось весьма нелегко: русские смогли подобраться поближе, и остается лишь стенать перед Господом [о погибших шведах].

Шведы «ушли далеко в глубь страны... русские за ними следовали и отыскивали всех... в то время они убили семь тысяч... они дошли до Крунаборга, как обыкновенно зовут Тавастгус... а затем собрались в Абосском лену [округе]... о, какой это был позор для шведов, которые не рискнули наступать».

Русские продвинулись и дальше, в сторону Або, и вышли, по-видимому, на берег Ботнического залива.

Стен Стуре начал новую мобилизацию. «Все должны непременно идти... со своим оружием... и припас нести. Тогда каждый мужчина поднялся». Стен Стуре взял артиллерию из Або — орудий было не менее сотни.

Поход начался после дня св. Матфея, т. е. 24 февраля. «Большинство рыцарей были шведы, некоторые с санями, другие с лошадьми, они ехали как кому нравилось».

В состав войска вошло 900 «придворных», очевидно, рыцарей королевского двора, 2 тыс. пришло с Аландов, «... всего их оказалось более сорока тысяч».

Русские уклонились от сражения и быстро отступили.

Шведы преследовали их только на 24 мили.

«Вся страна Карелия... и половина Тавастланда была страшно разорена».[85]

Таким образом, неудача под Выборгом, несмотря на моральные и материальные потери, не привела к перелому в ходе кампании. Инициатива оставалась в руках русских войск, и они сумели нанести противнику чувствительный удар.

---

[85] Scriptores... S. 193.

В данном случае Выборг не оправдал своего назначения «щита Финляндии» — он не смог прикрыть пути в глубь шведской территории. Русские войска сумели его обойти, двигаясь через Корелу, т.е. восточнее шведской крепости.

В условиях суровой зимы русские войска прошли через всю южную Финляндию, преодолев не менее 500 км. Судя по шведскому источнику, русские вышли на подступы к Або уже к середине февраля. Если поход начался из Новгорода 17 января, среднесуточный переход составлял не менее 20–25 км. Излюбленный в те времена метод «выжженной земли», конечно, не решал исход войны, но в какой-то мере компенсировал неудачу под Выборгом.

Со стороны шведов можно отметить крупные ошибки в руководстве войсками.

Поход русских войск вглубь Финляндии не был ни предвиден, ни своевременно обнаружен — русские брали город за городом, а шведы не могли оказать им серьезного сопротивления. Сбор войск для большого похода начался (согласно шведскому источнику), когда страна была уже разорена — большое войско, собранное Стеном Стуре (численность его, вероятно, сильно преувеличена), могло только увидеть пепелища.[86] Перехватить русских и навязать им сражение (если шведы действительно стремились к этому) не удалось. В целом поход в Гамскую землю является таким же успехом русских, как оборона Выборга[87] — успехом шведов.

Надо полагать, что войска князя Василия Косого выполнили поставленную перед ними оперативно-тактическую задачу.

Решению этой задачи придавалось, по-видимому, большое значение: великий князь ждал в Новгороде возвращения воевод, и только после этого уехал в Москву.

Великокняжеская летопись сообщает: «Тое же весны посылал князь великий князя Ивана Федоровича да брата его князя Петра Ушатых на Каянскую землю, на 10 рек. А с ними рать — Устюжане, Двиняне, Онежане, Важане. А рекам имена коих воеваша: Икем, Торма, Колокол, Овлуй, Сиговая, Снежна, Гавла, Поутам. А кои живут на Илименгы-реки, а те биша челом за великого князя, и с воеводами приехаша на Москву. И князь великий их пожаловал, отпустил».[88] Тот же текст в Соф.-Льв., и в Холм., и в Никон.

[86] «Корела, Саволакс, половина Тавастланда лежали пусты, страна была опустошена больше, чем на 80 миль». — Scriptores... S. 193.

[87] Базилевич. С. 390; Волков. С. 35.

[88] ПСРЛ. Т. 28. С. 327–328.

В Вол.-Перм. читаем: «Того же лета (7004 (1496). — *Ю. А.*) Июня посылал князь великий Иван Васильевич воевод своих князей Ушатых, Ивана Бородатого да Петра, за море, немец воевати Каян. А с ними силы: Устюжане, Пермячи, Двиняне, Важене. И повоеваша землю ту, и взяша три бусы со всем на море, и полону приведоша. И придоша воеводы великого князя поздорову со всеми силами Октября».[89]

В Архангелогородском списке Уст. летописи читаем: «В лето 7004 князь великий Иван Васильевич послал на Каяны воевод своих, князя Ивана Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых. Да с ними Устюжане да Двиняне. И ходивше извоевали Полну реку да Торнаву, да Снежну, добра поимали много, а полону бесчислено. А ходили з Двины моремакияном да через Мурманский Нос».[90]

Разрядная запись о походе князей Ушатых читается только в неофициальной редакции и крайне лапидарна: «Тово же году послал государь на Каянские немцы князя Ивана Федоровича да князя Петра Федоровича Ушатых».

Таким образом, существуют три летописных рассказа о походе. Не противореча друг другу по существу, они тем не менее настолько отличаются друг от друга своими реалиями, что не могут рассматриваться как разные редакции одного и того же первоначального текста.

Рассказ Увар. летописи, вошедший без изменения в позднейшую официальную Никон., содержит, как мы видели, следующие элементы: 1) указание времени начала похода (весна) и его направления (на Каянскую землю); 2) имена воевод; 3) перечисление территорий, с которых ратники шли в поход, перечисление рек Каянской земли; 4) сообщение о конечном политическом результате похода (челобитье жителей части Каянской земли о подданстве).

В рассказе Вол.-Перм. летописи содержатся те же элементы, кроме сообщения о челобитьи жителей Лименги. В этом рассказе уточняется имя первого воеводы — князь «Иван» Бородатый (имя Иван носили двое князей Ушатых); прямо говорится, что великий князь послал «воевод своих... за море»; с точностью до месяца указывается начало (июнь) и конец (октябрь) похода; сообщается о взятии трех бусов «со всем на море».

Рассказ Архангелогородского летописца не указывает времени начала и конца похода, перечень территориальных отрядов он дает в сокращенном виде, князя Ивана Ушатого называет Ляпуном (а не Бо-

[89]ПСРЛ. Т. 26. С. 291.
[90]ПСРЛ. Т. 37. С. 98.

родатым, как в Вол.-Перм.); из десяти рек, упоминаемых в Увар. летописи, называет только две, но добавляет к ним Полну, которой нет в других известиях о походе; ничего не говорит ни о челобитье лименжан, ни о захвате бусов, зато указывает маршрут похода: «ходили з Двины морем-акияном да через Мурманский Нос».

Летописные известия о походе 1496 г. не исключают, а дополняют друг друга. Можно предположить, что на них повлиял источник более или менее официального происхождения. Этот источник наиболее полно отразился в Увар. летописи. Другим источником послужили рассказы (или записи) участников похода. На их основе в Вол.-Перм. были добавлены подробности, хорошо известные участникам похода, но не интересовавшие официозную летопись. Архангелогородский летописец сократил официальный источник, но добавил новые подробности о походе, также, вероятно, со слов его участников.

Основное отличие известий Вол.-Перм. летописи и Архангелогородского летописца от официальной версии в том, что в них в той или иной форме говорится о морском характере похода. Русские совершали переход «морем-акияном» и имели бой со шведами, захватив три их буса.[91] Насколько правдоподобны эти сведения, не содержащиеся в официозном тексте? Самое раннее известие о походе русских по Северному океану — в скандинавском источнике. В 1349 г. русские суда прошли вдоль северного побережья норвежской провинции Халоголанд и напали на крупное селение и замок Бьяркей. Прокомментировавший это известие И. П. Шаскольский справедливо связывает поход 1349 г. с войной, начатой королем Магнусом против Новгородской земли.[92]

В 1411 г. «ходиша из Заволочья войною на Мурмане (норвежцев. — *Ю. А.*) новгородским повелением, а воевода Яков Степанович, посадник Двинский. И повоеваша их».[93] Поход Якова Степановича был предпринят в разгар шведско-новгородской войны, когда главные силы новгородцев ходили под Выборг. Новгородское руководство верно оценивало ситуацию и наносило противнику удары на разных направлениях. Однако в летописи нет прямого указания на то, что заволочане со своим воеводой совершили именно морской поход; об этом можно только догадываться, так как кратчайший путь из Заволочья к Мурману лежит через море.

---

[91] Бус — мореходное судно Западной Европы, упоминаемое в русской летописи с XII в.

[92] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 162.

[93] НПЛ. С. 403.

Нападения шведов и норвежцев на Северную Русь совершались также по необходимости через море. В 1419 г. «пришед Мурмане, войною в 500 человек, в бусах и шнеках, и повоеваша» ряд северных русских погостов, подробно перечисляемых в летописи. Заволочане (т. е. жители Двинской земли) дали отпор: «две шнеки Мурман избиша, а инии избегоша на море».[94] В 1445 г. «приидоша свее Мурмане безвестно на Волок за Двину ратью, на Неноксу, повоевав и пожгоша, и людей пересекоша, а иных в полон поведоша». Застигнутые врасплох двиняне, однако, быстро оправились — они «приидоша вборзе, иных (мурман. — *Ю. А.*) иссекоша, а иных прислаша в Новгород... а воеводы их, Ивора, Петра и третьего, убиша». Остатки неприятельского войска «вметавшеся в корабли, отбегоша».[95]

Отражая набеги воинственных северных соседей, входивших на шнеках в русские реки, заволочане и двиняне двигались, очевидно, на своих речных судах.

Но русские суда ходили не только по рекам. В июне 1493 г. к Иоганну (Юхану), королю Датскому, были отправлены русские послы Дмитрий Ларев Палеолог и Дмитрий Зайцев. Летом 1494 г. послы вернулись.[96] Великокняжеская летопись не приводит никаких подробностей их путешествия, но Архангелогородский летописец сообщает, что, выехав из Москвы, послы «шли на Колывань» (т. е. Ревель, Таллинн) обычным для русских послов путем через Балтийское море. Однако «назад туда не смели пройти. И они прошли на Двину около Свейского королевства и около Мурманского Носу морем-акияном мимо Соловецкий монастырь на Двину... Да с ними пришел датского короля посол именем Давид».[97] Архангелогородский летописец помещает это известие под 7005 (1496/97) годом. Тут же приводится сообщение, что «того же лета князь великий Иван Васильевич смирился с великим князем Александром Литовским и дал за него дщерь свою». Хорошо известно, что мир с Литвой был заключен 5 февраля 1494 г., а отправка великой княжны Елены в Вильно состоялась в январе 1495 г. Следовательно, поездка Зайцева и Ларева «морем-акияном» была, скорее всего, в 1494 г., что соответствует сообщению великокняжеской летописи о времени их возвращения. Известие о путешествии Ларева и Зайцева — первое летописное упоминание об океанском плавании русских людей.

[94] Там же. С. 411–412.
[95] Там же. С. 426.
[96] ПСРЛ. Т. 28. С. 158, 160.
[97] ПСРЛ. Т. 37. С. 98.

К 1496 г. относится обратное плавание датского посла Давида Кохрана. Подробности плавания известны из рассказа толмача Григория Истомы Малого, записанного Сигизмундом Герберштейном: «Они сели в устье Двины на четыре суденышка и, держась в плавании правого (восточного) берега океана, видели там и неприступные горы… проплыв шестнадцать миль (примерно 80 верст. — *Ю. А.*) прибыли к левому берегу. Оставив справа (к северу. — *Ю. А.*) обширное море… они достигли земли Норботтен, подвластной королю шведскому; русские называют ее Каянской землей… обогнув с трудом излучистый берег, который тянулся вправо (к северу. — *Ю. А.*), они прибыли к одному мысу, который называется Святым Носом… когда водоворот стал вдруг сильно засасывать корабль, на котором они плыли, то они едва спаслись, изо всех сил налегая на весла. Пройдя мимо Святого Носа, они прибыли к какой-то скалистой горе, которую надлежало обогнуть… несколько дней их задерживали там противные ветры… Корабельщик сказал им: „Эта скала … зовется Семес, и если мы не умилостивим ее каким-нибудь даром, то нам нелегко будет пройти мимо нее…“, затем ветры улеглись, и они отплыли… они плыли уже при попутном ветре… им попался навстречу огромный мыс в виде полуострова по имени Мотка, на оконечности которого находится крепость Вардехуз… этот мыс настолько вдается в море, что его едва можно обогнуть в восемь дней… они с великим трудом перетащили на плечах через перешеек в полмили шириной и свои суденышки, и поклажу… Затем приплыли… к месту по имени Дронт… там они оставили свои лодки и остальную часть пути проехали по суше на санях».[98]

Рассказ Истомы неоднократно и содержательно комментировался, главным образом, с точки зрения географических реалий. Удалось установить, что русские суда дошли до Варангер-фьорда, а затем до Тромсе, в котором можно видеть загадочный «Дронт».[99] Но не меньший интерес представляют и морские реалии рассказа Истомы.

Суда, на которых шло посольство, были небольшими («суденышки», «лодки»), однако, судя по тому, что они обогнули северную оконечность Европы, довольно мореходными. «Суденышки» могли ходить как на веслах, так и, очевидно, под парусом — им важен был попутный

[98] Герберштейн. С. 201–202.

[99] *Шаскольский И. П.* Об одном плавании древнерусских мореходов вокруг Скандинавии (путешествие Григория Истомы) // Путешествия и географические открытия в XIV–XIX вв. М., 1965. С. 7–29.

ветер. «Суденышки» можно было перетаскивать волоком на плечах — отсюда видно, что они, во-первых, были достаточно легкими, чтобы преодолевать волоки, во-вторых, располагали экипажем для переноса волоком. «Корабельщик» — бывалый моряк, хорошо знавший лоцию и морские предания. Наконец, путешествие совершалось в конце лета или осенью, когда уже можно было пользоваться в Северной Норвегии санным путем. «Суденышки» были настолько мореходны, а их экипажи настолько опытны, что могли выйти в море в такое время года, крайне неблагоприятное и опасное для плавания по океану. В то же время «суденышки» далеко от берега не отрывались, стараясь все время держать его в виду.

Рассказ Григория Истомы — первое описание плавания русских судов по «морю-акияну». Из этого рассказа можно заключить, что известия Вол.-Перм. летописи и Архангелогородского летописца о морском походе 1496 г. вполне правдоподобны. Плавание Григория Истомы совершалось в то же самое время (летом–осенью 1496 г.), что и морской поход князей Ушатых в Каянскую землю. Судовая рать шла тем же путем (другого не было), что и «суденышки» посла, — через Белое море, вдоль Кольского полуострова, может быть, волоком через перешеек полуострова Рыбачий, затем вверх по рекам Каянской земли, затем волоком в реки, впадающие в Ботнический залив.

Такова наиболее правдоподобная версия о походе лета 1496 г.[100]

Легкие парусно-гребные «суденышки», аналогичные тем, на которых шли Григорий Истома и его спутники, вполне позволяли совершить дальний комбинированный морской–речной поход. Такие «суденышки» как прибрежные лучше всего соответствовали условиям плавания «по морю-акияну» и особенностям сухопутного театра с его реками и переволоками.[101]

Опыт подобных комбинированных походов на Севере Руси существовал с давних времен. В 1311 г. «ходиша Новгородцы войною на Немецкую землю за море на Емь... и переехавше море, взяша первое Купецкую реку... потом взяша Черную реку... взяша Кавгалу реку и Перну-реку, и выидоша на море».[102] По мнению большинства исследователей, поход был направлен во внутреннюю часть осваиваемой шведами Финляндии и дошел до политического и стра-

[100] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 25–26.

[101] Европейские путешественники встречают в море десятки русских лодей (Английский путешественник о Московском государстве в XVI в. / Перевод Ю. В. Готье. М., 1936. С. 81, 101, 103 и др.).

[102] НПЛ. С. 93, 333–334.

тегического центра края — шведской крепости Тавастборг (Тавастхус).[103]

В 1318 г. «ходиша Новгородцы войною за море, в Полную реку, и много воеваша, и взяша Людерев город сумьского князя...»[104] И. П. Шаскольский, комментируя это известие, устанавливает, что «Людерев город» — это Або, резиденция шведского наместника Людера фон Кюрена, а Полная — это река Аура-Иоки, впадающая в Ботнический залив около Або.[105]

Но походы 1311 и 1318 гг. шли через Балтийское море, точнее, его заливы. Известия Вол.-Перм. летописи и Архангелогородского летописца о походе 1496 г. — первое свидетельство о дальнем морском походе русской судовой рати во главе с воеводами великого князя.

Терминология русских судов нуждается в специальном исследовании, однако можно заметить, что раньше и чаще других встречается название «лодья». По данным Повести временных лет, именно в лодьях в 882 г. совершал свой поход князь Олег во главе северного русского ополчения: подойдя к Киеву, он «похорони (спрятал) вой в лодьях». Как типично русское судно лодья названа в договорах Олега и Игоря с Византией. Упоминания о лодьях в летописях и других источниках настолько обычны, что не нуждаются в цитировании. Лодья, судя по всему, парусно-гребное судно со сравнительно небольшой осадкой. По летописным данным, лодьи ходили как по рекам, так и по морю. По Русской Правде, различались набойные лодьи и морские лодьи. «Продажа» (денежный штраф) за кражу их составляла соответственно 60 кун, 2 гривны (= 100 кун) и 3 гривны (= 150 кун), из чего можно заключить, что они значительно отличались по размерам. По-видимому, летописец не улавливал это различие. Были известны также насад, струг, учан, ушкуй, челн. Чем отличались, кроме размеров, эти типы речных судов, сказать трудно. Но можно более или менее достоверно установить основной факт — это были суда сравнительно небольшие, по преимуществу гребные, которые можно было перетаскивать волоком. Как тип речного судна оставалась и лодья: в 1471 г. в бою на Двине разбитый великокняжескими войсками новгородский воевода князь Василий Васильевич Шуйский «вметнувся в лодию, убеже на Колмогоры». Чаще всего, однако, летописец XV в. не называет конкретных типов речных судов, а дает им обобщенное определение «суда», чем

[103] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 72–79.
[104] НПЛ. С. 95, 337.
[105] *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 79.

косвенно подтверждает отсутствие принципиальных различий между ними.[106]

Реки и речные суда имели особенно важное значение на Севере России. В крае, покрытом дремучими лесами и непроходимыми болотами», лучшей, а по существу единственной в летнее время транспортной артерией была река, а единственным средством передвижения — легкое речное судно.

После включения северных земель в состав Русского государства судовые рати, набранные из их жителей, упоминаются постоянно. Характерно, что эти ополчения называются чаще всего по имени рек. Так, в 1489 г. важане (от р. Вага, левый приток Двины) «идут в судех» на Вятку во главе с великокняжеским воеводой Юрием Ивановичем Шестаком. В том же походе участвуют «в судех» и вологжане, и вымичи, и вычегжане, и двиняне, и каргопольцы, и сысоличи, и устюжане (во главе с великокняжеским воеводой князем Иваном Ивановичем Звенцом Звенигородским). Подобного рода судовое ополчение шло и в морской поход 1496 г. с воеводами князьями Иваном и Петром Федоровичами Ушатыми.

В источниках нет сведений об организации судового ополчения. Можно, однако, высказать предположение, что основу его составляло черносошное свободное крестьянство — хорошо известно, что в конце XV в. феодальное землевладение на Севере практически отсутствовало. Как и в соседней Норвегии, на русском Севере решительно преобладает свободное крестьянство, непосредственно подчиненное государственной власти.

Физико-географические условия театра военных действий, как уже говорилось, делают реки важнейшей (почти единственной) коммуникацией, тем самым основным родом войск становится пехота, посаженная на суда.

«В природных условиях Норвегии конное войско не находило простора для своих действий, и флот и пехота неизбежно должны были играть большую роль», — отмечает А. Я. Гуревич.[107] То же можно сказать и о русском Севере.

В сходных социальных и природных условиях с необходимостью должны были выработаться сходные формы военной организации. Организация норвежского судового ополчения (лейданга) известна из

[106] Можно только отметить, что ушкуи были, по-видимому, более легкими судами, а насады — более прочными. В 1375 г. ушкуйники для похода вниз по Волге заменили свои ушкуи насадами (ПСРЛ. Т. 16. Стб. 102).

[107] *Гуревич А. Я.* Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967. С. 195.

нарративных источников (саги) и законодательных памятников XII-XIII вв. (Законы Гулатинга, Ландслов). В основе этой организации лежало деление побережья на округа, каждый из которых должен был выставить определенное число парусно-гребных судов, снабженных всем необходимым и укомплектованных боеготовым экипажем. Судовая морская повинность распространялась на все свободное население (в случае необходимости привлекались и зависимые). Сага об Олафе Трюгвассоне (XI в.) утверждает, что каждый округ (фюльк) должен был выставить 12 кораблей с 60–70 воинами на каждом. По Законам Гулатинга (XII–XIII вв.), с каждых трех дворов на корабль выставлялся один воин. Созыв судового ополчения первоначально происходил по инициативе местных властей и носил, таким образом, локальный характер. После объединения Норвегии под королевской властью право созыва судового ополчения стало прерогативой короля. Судовое ополчение превратилось в королевскую (государственную) повинность.[108]

Отрывочные и случайные данные наших источников позволяют уловить некоторые аналогичные черты. Новгородская летопись говорит о судовых походах двинян, заволочан и т. п., почти никогда не называя воевод, стоящих во главе судовых ратей. Летопись рассказывает о речных походах вятчан по их собственной инициативе. Создается впечатление, что организация этих походов была делом местных властей.

С 70–80-х гг. XV в. характер известий о речных походах меняется. Они теперь совершаются в интересах Русского государства, по распоряжению великого князя и во главе с назначенными им воеводами. Надо полагать, что с этого времени судовое ополчение в северных землях России, как и в Норвегии, стало обязательным видом военной службы. Только в таких условиях и стал возможным большой поход через «море-акиян» в ходе Свейской войны.

Поход, видимо, начался в июне, как указывает Вол.-Перм., а не весной (как пишет официальная летопись). Весной, вероятно, были отданы распоряжения о подготовке к походу — начался сбор войск и судов. К июню Белое море в основном освобождается от льда и парусно-гребные суда могут выйти в море.

По шведским данным, «русские вторгаются в Норботтен, жгут Сало, Люнинте, Йек, Тары и Кюн, а также Йокас у Улофсборга, вечером на Св. Улофа это и произошло», т. е. 28 июля. Русские быстро отступили — шведы не успели (не сумели) дать им бой».

[108] *Гуревич А. Я.* Указ. соч. С. 166–195.

В октябре русские суда были уже дома. Поход продолжался, таким образом, около четырех месяцев.[109]

С точки зрения истории русского флота поход князей Ушатых — выдающееся событие, начало истории русского флота как составной части вооруженных сил России.

В масштабах Свейской войны 1495–1497 гг. весенне-осенний поход — третий по счету удар, нанесенный противнику — удар на новом операционном направлении, на левом стратегическом фланге шведов. Прежде всего, интересна сама стратегическая идея — вторжение на неприятельскую территорию с моря, в обход труднопроходимых лесов и болот северной Карелии. Победа над шведами в морском бою обеспечила успех стратегического замысла. Вторжение в Норботтен было, по-видимому, неожиданным для противника — во всяком случае, ни русские, ни шведские источники не сообщают о сопротивлении, оказанном нашим войскам.

Поход северной флотилии в 1496 г. — первый в истории Российского государства пример стратегического взаимодействия сухопутных и морских сил, впоследствии ярко проявившегося в походах Петра Великого и в войнах на Средиземном и Черном морях, особенно в Первой архипелагской кампании 1769–1794 гг. Речь идет именно о стратегическом взаимодействии — морская сила действует на самостоятельном оперативном направлении и решает самостоятельную задачу в общем стратегическом контексте.

Поход князей Ушатых можно сравнить с походами 1349 и 1411 гг. в тогдашних войнах Новгорода со шведами — это продолжение старой новгородской традиции. Однако, в отличие от тех походов, в 1496 г. было осуществлено вторжение в глубь вражеской территории не столько для разорения ее, но для решения политической проблемы — включения северных земель в орбиту влияния Российского государства.[110]

Последнее известие о Свейской войне в Увар. читается под 7005 годом, хотя говорит о событии 7004 г.

«Августа 19, в пятокприидоша Немцы из мория, из Стеколна Свейского государства, князя Стенктура вскоре разбоем семьдесят бус в Нарову реку под Ивангород, и начаша ко граду вборзе приступати с пушками и с пищальми, и дворы в граде зажгоша, огнем стреляя, по-

[109]Scriptores... S. 194.

[110]Как видим, наши источники не позволяют согласиться с Форстеном, считавшим, что «русское войско направилось по Двине, прибыло на западную сторону Кандалакшской бухты» — путь флотилии князей Ушатых шел через открытое море.

неже не бысть им супротивника. Удалый же воевода и наместник Ивенграду именем князь Юрий Бабич, наполнився духа ратного и храбра, нимало супротивясь супостатам, ни граждан окрепив, но вскоре устрашився и побеже из града. В граде же не бысть воеводы, и людей бе мало и запасу ратного не бысть в граде. А князь Иван Брюхо да князь Иван Гундоров стояху близко град и видяще град пленяем от Немец, и ко граду в помощь не поидоша. Немцы же град плениша и не обратиша в нем спротивящегося им, вскоре немилостивно пограбиша животы их и товара бесчислено, а людей иссекоша, а иных в плен поведоша. И тако вскоре возвратишася и побегоша от града в море».[111]

Это же известие читается и в Никон., но год проставлен верно — 7004.

В Вол.-Перм. летописи рассказ о взятии Ивангорода изложен в несколько другой редакции.

«Того же лета [7004] пришедша Немцы с моря в бусах взяша Иван-город пищальми огненными. А воевода был тогда великого князя в том граде князь Юрьи Бабич, и убеже из града чрез стену, а княгиню свою наперед выправил».[112]

Пск. I летопись (Погодинский список) содержит о событиях августа 1496 г. самостоятельный рассказ:

«Того же лета [7004] взяше Ивангород супротив Ругодива. И пришед Немцы Свеици, людей, мужей и жен, и детей мечю предаша, а во граде хоромы и животы огню предаша. Августа в 26 день. И пригониша гонец из Иванягорода князю Псковскому Александру Володимеровичу и посадником псковским, и ко всему Пскову. И князь Псковской выеха изо Пскова на третий день, в день недельный, а посадники псковские выехаши со всем войском своим и со псковичи месяца Сентября в 1 день, ко Гдову городку». «... приехал князь Псковской и с посадники псковскими, и з бояры, и со всею силою своею от Иванягорода, а приехали вси здоровы, месяца Декабря в 6 день. И были тамо 12 недель на великого князя службе».[113]

Разрядные записи о событиях в Ивангороде не упоминают.

Таким образом, в нашем распоряжении два основных русских источника о взятии шведами Ивангорода — летописи великокняжеская и Пск. Оба источника имеют очевидную документальную основу и могут считаться официальными.

[111] ПСРЛ. Т. 28. С. 329.
[112] ПСРЛ. Т. 26. С. 290.
[113] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 82.

По данным Рифмованной хроники, шведы долго готовились к походу и отправились «на Россию с большим войском». Численность войска достигала 2 тыс. человек. Вскоре после Успения (15 августа) шведы подошли под «Ивана Великого», т. е. под Ивангород. Шведская флотилия состояла из больших и малых кораблей, «на которых стояли возы», т. е., вероятно, пушки и военное снаряжение. По мнению автора хроники, Ивангород был «крепким и мощным» и «имел добрый гарнизон с оружием и несравненной мощью». Тем не менее шведы после шестичасового боя овладели крепостью «при помощи пламени, стрел и мощи пушек». Внутри крепости находилось 3 тыс. человек, видимо, мирных жителей — «как мужчины, так и женщины принялись ужасно кричать». Все они были истреблены шведами, кроме трехсот человек, взятых в плен.

Город был разграблен, «нашлись сундуки, битком набитые серебром, мехами, воском и листовым золотом». Все это было погружено на корабли. Увозились также железные двери и причальные приспособления. Поход завершился к дню св. Мартина (5 сентября).

Таким образом, шведские известия, в принципе, не противоречат русским, отличаясь деталями и эмоциональной формой изложения. Общая картина представляется достаточно ясно.

Основное отличие шведских известий от русских — подчеркивание трудностей при взятии крепости, тогда как русские летописи говорят о слабости обороны. В данном случае, думается, следует отдать предпочтение русскому источнику. Автор шведской хроники субъективно был заинтересован в том, чтобы показать мужество и упорство шведов при штурме «крепкой и мощной» русской крепости «с добрым гарнизоном», русский же источник имел возможность более объективно рассматривать ход событий.

Нападение шведов на Ивангород произошло 19 августа — дата великокняжеской летописи может быть принята за основу. Дата Пск. летописи (26 августа) относится, очевидно, не к нападению на Ивангород, а к прибытию в Псков гонца с известием об этом событии. Двести верст от Ивангорода до Пскова гонец мог покрыть за 2–3 дня, следовательно, он выехал не ранее 23 августа. Он был послан не в первый день боев за город, а тогда, когда судьба города была уже решена — город был взят и сожжен.

Великокняжеская летопись подчеркивает отсутствие организованного сопротивления противнику. Нападение шведов с моря было, повидимому, для русских неожиданным — город был не готов к отражению противника. Шведская флотилия из 70 бусов была способна

перевезти не менее 4–5 тыс. воинов (считая, что по старым скандинавским законам на корабле полагалось иметь 60–70 воинов). Перед высадкой десанта город подвергся артиллерийскому обстрелу с кораблей, что вызвало пожары и, по-видимому, панику. Воевода князь Бабич проявил позорное малодушие. Обращает на себя внимание, что вблизи крепости стояли войска двух воевод. Очевидно, русское главное командование считало положение Ивангорода опасным и заранее стягивало сюда войска.

Но усилия оказались тщетными. На оперативно-тактическом уровне под Ивангородом русские войска понесли самое тяжелое поражение за много десятков лет. Взятие и разгром Ивангорода — реванш шведов за их поражение в Гамской и Каянской землях и эффектное окончание вооруженной борьбы.

Два основных факта обеспечили успех шведов.

Первый из них — конструктивные недостатки самой крепости. Заложенная четыре года назад, она была еще недостроена. Возведенная на утесе (слуде) над Наровой, крепость не имела фланкирующих бойниц с юго-восточной стороны, откуда, вероятно, и подошел шведский десант.[114] Силы гарнизона и близрасположенных войск были, вероятно, недостаточными.

Еще более важной причиной быстрого падения Ивангорода является отсутствие прикрытия его с моря. Отсутствие флота, который мог и должен был контролировать подходы к русским берегам, сыграло здесь роковую роль. Море — путь вторжения на вражескую территорию. Поход флотилии князей Ушатых в северную Финляндию воочию доказал это. Не менее очевидным доказательством было и овладение шведами Ивангородом. Выход к морю, обладание морским побережьем делает необходимым иметь морские силы, способные защищать этот выход и это побережье.

Судя по имеющимся данным, создание флота на Балтике входило в планы Ивана III,[115] однако на данном этапе этот план остался неосуществленным, и только через два века на Балтике появился русский флот, а вместе с ним пришла и победа над Швецией.

Обращает на себя внимание активная роль псковской рати на этом последнем этапе войны. Господин Псков быстро мобилизовал свои силы и двинул их на помощь Ивангороду — собственно, для обороны от

[114] Волков. С. 36.

[115] *Алексеев Ю. Г.* Морская политика Ивана III. К постановке вопроса // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 108–126.

шведского десанта. Выступив из Пскова 1 сентября, войска могли подойти к Ивангороду около 10 сентября, когда шведы уже эвакуировались.

Шведы не намеревались удерживать Ивангород, не имея для этого необходимых сил. По иностранным источникам, «так как крепость была слишком далеко от прочих шведских владений, то шведы предлагали Лифляндскому ордену (магистру Ливонии. — *Ю. А.*) взять ее себе, но Орден отказался: тогда шведы, разрушив ее почти до основания, вернулись в Выборг».[116]

Никаких сведений о боевых действиях в районе Ивангорода после его захвата шведами в источниках нет. Однако псковская рать вернулась домой только 6 декабря, проведя на службе великого князя 12 недель. В этом случае она должна выступить из района Ивангорода около 25 ноября, проведя там примерно два с половиной месяца, т. е. 11 недель. Двенадцатой неделей псковичи считали, видимо, время на марш-маневры.

По шведским данным, Стен Стуре начал готовить новый поход против России. «Он пускается в путь со ста тремя судами, их он намерен причалить в России». Одна из причин нового похода — быстрое восстановление русскими Ивангорода. «Теперь русские снова подходят к Ивану-Великому и дерзко издеваются над шведами. Им очень важен Иван-Великий, и они вовсю еще более укрепляют его».

Но новый поход Стену совершить не удалось. Судя по Рифмованной хронике, «простые люди тогда стали несговорчивее... простолюдье желало отправиться в Швецию, и они исчезли с глаз господина Стуре без следа», т. е. попросту разбежались. «Вскоре закончился этот долгий поход — к самому Рождеству». Долгая война оказалась Швеции не по силам.

К походу готовились и русские. Согласно разрядной записи, «того же лета [7004 = 1496] в Августе князь великий Иван Васильевич всея Русии приговорил послать воевод на свейские немцы и бысть по полком:

В Большом полку — князь Данило Васильевич да Яков Захарьич.

В Передовом полку — князь Осиф Андреевич Дорогобужский, да князь Федор Семенович Хрипунов, да князь Василей Ромодановский.

В Правой Руке — князь Федор Васильевич Телепень да Дмитрий Васильевич Шеин.

В Левой Руке — Иван да Петр Борисовичи.

---

[116] *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства... С. 158.

А князем Воротынским, князю Дмитрею, да князю Семену Федоровичу, да князю Ивану Михайловичю быти в Левой же Руке своим полком».[117]

По-видимому, походу придавалось важное значение — во главе войск был известный воевода, победитель Вятки и Вязьмы.

В походе должны были принять участие новгородские силы — вторым воеводой был наместник Новгорода.

Можно предполагать, что в походе должны были участвовать служилые люди из Тверской земли, трое воевод — тверичи, которые возможно, шли со своими земляками.

Пятеро воевод — представители старых московских служилых родов; можно думать, что они шли во главе среднерусских полков.

В походе должны были участвовать полки князей, только что перешедших на службу великого князя. Эти полки должны были выдвинуться с юго-западной окраины и сохранять относительную самостоятельность в управлении, как и в недавних походах на Литву.

Представляется, что на Свею должны были двинуться войска из Новгорода, юго-западных княжеств, по всей вероятности — Тверской земли и коренных московских уездов. Мобилизация охватила большую часть территории страны.

Однако новый поход не состоялся.

Под заголовком «О Казани» великокняжеская летопись сообщает: «Тое же весны Маия прииде весть к великому князю... от казанского царя Мегмет-Амина, что идет на него Шибанский царь Мамук со многою силою, а измену чинят казанские князья Калимет да Урак, да Садырь, да Агыш. И князь великий послал в Казань... воеводу своего князя Семена Ивановича Ряпловского с силою и многих детей боярских Двора своего, и понизовских городов детей боярских: новгородцы, и муромцы, и костромичи, и иных городов мнози».[118]

Таким образом, в самый разгар Свейской войны открылось новое восточное стратегическое направление.

На это направление выдвигаются силы из ближайших уездов, которые, очевидно, не принимали участия в Свейской войне. Во главе войск поставлен воевода, имевший опыт войны с Казанью в 1487 г. Обращает на себя внимание отправка в поход «многих детей боярских Двора» великого князя. Это свидетельствует о значении, которое придавалось казанскому направлению в Ставке ВГК и о нали-

[117] РК-98. С. 27.
[118] ПСРЛ. Т. 28. С. 328.

чии стратегического резерва, не задействованного на северо-западном фронте.

По словам летописи, мятежные казанские князья при известии о движении войск князя Ряполовского «выбежа ис Казани ко царю Мамуку, сам же Мамук возвратися восвояси».

С этой точки зрения поход князя Ряполовского был вполне успешным. Этот успех, однако, был непрочным.

Сам Магмет-Амин «отпусти воеводу великого князя и с Казани... со всею силою к Москве о Семене дни, уже бо не чаящу прихода Мамукова х Казани».

К сентябрю казалось, что кризис на восточном направлении преодолен. Тогда-то, вероятно, и возник замысел нового похода на свейских немцев.

Однако обстановка на востоке внезапно резко изменилась. По словам летописи: «Не по мнозе же времени сведал царь Мамук Шибанский, что воевода великого князя пошел из Казани со всею силою назад к Москве, понеже в Казани измена бысть над царем Магмет-Аминем, и вести из Казани к Мамуку присылаху. Мамук же царь вборзе прииде с ратию под Казань со многою силою нагайскою и со князи казанскими. Царь Магмет-Аминь... блюдяся измены от своих князей и выбежа и с Казани и со царицей и со остаточными князи своими, и прииде на Москву к великому князю, лета 7005 ноября».

Новый кризис на восточном направлении внес серьезные изменения в планы русского ВГК.

«Князь великий из Свейского походу воевод убавил, а приговорил на весну послати воевод на Казань.

А на Свейскую землю велел идтить воеводам по полком:

В Большом полку — Яков Захарьич.

В Передовом полку — князь Федор Семенович Хрипун да Воротынские князи своим полком, князь Дмитрей Федорович да князь Иван Михайлович, а князь Семен Михайлович не ходил, был болен.

В Правой Руке — князь Федор Васильевич Телепень Оболенский.

В Левой Руке — Иван Борисов Бороздин».

Число воевод, назначенных в Свейский поход, было уменьшено с девяти до пяти, что почти несомненно свидетельствует о соответствующем уменьшении численности войск.

Важны и изменения в командном составе.

Отсутствие князя Данилы Щени может свидетельствовать о желании иметь его в резерве ВГК, отсутствие князя Осифа Дорогобужского и одного из двух Бороздиных — об уменьшении доли тверских войск.

Соответственно увеличивалось значение новгородских войск, чей воевода Яков Захарьич стал теперь командующим всею ратью.

Однако по-прежнему в поход идут старомосковские воеводы и князья Воротынские.

Тем не менее теперь внимание Ставки приковано, в основном, к восточному направлению, хотя сам поход отложен до весны. По разрядной книге: «А под Казань нарядил князь великий воевод, а срок учинил им стати под Казань с краю вместе». (Что значит выражение «с краю» установить не удалось.)

«В судовой рати, в Большом полку князь Семен Иванович Ряполовский.

В Передовом полку Ондрей Иванович Коробов. В Правой [Руке] Петр Борисович, в Левой [Руке] Василей Борисович.

А в конной [рати] в Большом полку князь Василей Иванович да князь Олександр Васильевич Оболенский;

В Передовом полку князь Федор Васильевич Телепень;

В Правой Руке князь Михайло Иванович Телятевский;

В Левой Руке Семен Карпович».[119]

Судя по числу воевод, готовился большой поход. Как и в 1487 г., намечалось тактическое взаимодействие судовой и конной ратей.

Поход по Волге, естественно, не мог начаться раньше вскрытия рек, т. е. середины апреля — начала мая.

Но события развернулись по-другому. Судя по рассказу великокняжеской летописи, Мамук, овладевший Казанью осенью 1496 г., не смог в ней удержаться. Своих вчерашних союзников, мятежных князей, он «изымал и гостей и земских людей пограбил». Не имея, видимо, широкой общественной поддержки, он вскоре освободил заточенных князей и начал поход на Арский городок. Однако «Арские князи града своего не здаша, но бишася с ними крепко».

Неудача похода на Арск вызвала развал в стане Мамука: «...князи Казанские отъехаша от Мамука в Казань, и град окрепиша и царя Мамука в град не пустиша».

Изгнав фактически Мамука, казанцы обратились к великому князю. В Москву был послан Бараш-Сеит «бити челом... от всея земли, чтобы их великий князь пожаловал, а нелюбия им и вины им отдал». Казанцы просили не присылать к ним Магмета Амина, а назначить на «царство в Казань Абдыл-Летифа царевича, Абреимова сына, меньшого брата Магомед-Аминя».

[119] РК-98. С. 28.

Узнав о переговорах казанцев с великим князем, Мамук отступил от Казани «в своя си и на пути умре».

В апреле 1497 г. Абдыл-Летиф был отпущен из Москвы в Казань на царство в сопровождении князя Семена Даниловича Холмского и князя Федора Ивановича Телепня. «Они же, пришедше в Казань месяца Мая, Абдыл-Летифа посадиша на царство, да и к шерти приведоша всех князей Казанских и уланов и земских князей и людей по их вере за великого князя».[120]

Крупный конфликт на восточном направлении удалось разрешить относительно мирным путем, во всяком случае, без непосредственного вооруженного вмешательства. Несмотря на колебания и нестабильность в казанских верхах, партия, стремившаяся к союзу с Москвой и ее покровительству, оказалась сильнее, чем партия, желавшая отдать город и страну под власть шибанского хана — и это несмотря на крайнюю непопулярность прежнего ставленника Москвы.

Тем не менее события на восточном направлении осенью 1496 г. сыграли большую роль в Свейской войне. Намеченный на август поход не состоялся. Со Швецией начались мирные переговоры, которые в марте 1497 г. привели к заключению перемирия на 6 лет — первого договора Российского государства со Швецией.[121]

* * *

Первый вооруженный конфликт Российского государства со Швецией — фактически начало борьбы за мореплавание на Балтике.

Военные действия велись на широком фронте — от Финского залива до Северного океана, и на суше, и на море. Боевые действия носили характер разновременных последовательных ударов по разным операционным направлениям.

Главный ударной силой русских войск было конное служилое ополчение, собранное из северо-западных и среднерусских уездов. На северном участке фронта ударную силу составляла судовая рать, земское ополчение северных уездов. В боевых действиях широко применялась артиллерия, в том числе и крупнокалиберные осадные орудия.

С русской стороны можно отметить стремление к наступательным действиям, к захвату и сохранению инициативы.

[120] ПСРЛ. Т. 28. С. 328.
[121] Базилевич. С. 393; *Форстен Г. В.* Борьба из-за господства... С. 158–159.

Крупная неудача на первом этапе кампании не привела к отказу от продолжения борьбы. Войска выдвигаются на новое операционное направление и наносят противнику эффективный удар.

Третье операционное направление на крайнем правом фланге обозначилось первым морским походом судовой рати и глубоким вторжением во вражескую территорию.

Несмотря на успехи второго и третьего походов, Ставка готовит новый поход крупными силами — прослеживается большое упорство в стремлении добиться победы.

На протяжении всей кампании Ставка ВГК играет определяющую роль, осуществляя свою главную функцию — стратегическое руководство.

На оперативно-тактическом уровне, как и в прежних походах, руководство в руках воевод, принимающих, очевидно, самостоятельные решения в соответствии с директивами Ставки.

Все это представляет собой дальнейшее развитие той организации командования, которая сложилась в походах 60–80-х гг. Новым является переезд Ставки в Новгород, поближе к театру военных действий. Это облегчало управление войсками и делало его более эффективным.

В оперативно-тактическом отношении наибольший интерес представляют борьба за Выборг и использование морской силы для вторжения в глубь вражеской территории на Севере.

В борьбе за Выборг русские войска впервые применили новую тактику, основанную на использовании крупнокалиберной артиллерии для подготовки штурма. Неудача штурма не снижает значения этого первого опыта новой тактики при борьбе за крепость.

Война показала существенно важное значение морской силы как средства вторжения на вражескую территорию. И поход князей Ушатых по Северному океану, и поход шведов от Выборга (или Стокгольма?) к Ивангороду привели к крупным оперативно-стратегическим результатам. Эти результаты могли быть достигнуты только при условии господства на море в районе боевых действий. Тем самым напрашивается вывод о необходимости создания морской силы хотя бы для обороны своего побережья. Проекты создания такой силы на данном этапе не были реализованы.[122]

Важной особенностью Свейской войны было появление «второго фронта» — восточного стратегического направления. В этих сложных условиях работа Ставки ВГК проявилась с достаточной четкостью.

[122] *Алексеев Ю. Г.* Морская политика Ивана III... С. 108–125.

На восточное направление были двинуты силы из ближайших уездов страны, что на первых порах привело к стабилизации обстановки. Новое обострение положения на восточном направлении заставило готовить к походу дополнительные силы, что привело к ослаблению группировки на северо-западе и оказало влияние на дальнейшие планы ведения Свейской войны.

Действия русского ВГК в целом можно оценить положительно. Однако оно допустило крупную ошибку, не создав достаточно сильной группировки для защиты Ивангорода. Сказались и недостатки самой крепости, и низкий уровень оперативно-тактического руководства войсками в районе Ивангорода. Наибольшее значение имело отсутствие на Финском заливе морской силы, способной предупредить и отразить вражеское нападение или хотя бы заблаговременно сообщить о движении шведского флота.

О действиях шведского командования можно судить по доступному нам шведскому источнику.

Можно отметить неготовность шведов к отражению русского наступления на первом этапе войны. Нападение на Выборг было для шведов, по-видимому, неожиданным — крепость могла рассчитывать только на силы своего гарнизона. Скованность русских войск осадой Выборга не была использована шведским командованием. Сбор войска, предпринятый Стеном Стуре после начала войны, шел крайне медленно и не привел к удовлетворительным результатам. Только мужество и искусная оборона Выборга силами его гарнизона спасли город от взятия русскими войсками.

Второй набор ополчения Стена Стуре шел также весьма медленно. Шведам не удалось предотвратить глубинное вторжение в Гамскую землю и разорение ее. Не удалось им ни отрезать вторгшиеся русские войска, ни нанести ответный удар. Шведы не сумели защитить свои северные владения от русской судовой рати, хотя, по русским источникам, они, по-видимому, пытались это сделать.

Все это в целом говорит о слабости шведского командования. Однако эти недостатки были искуплены блестящим успехом контрудара по Ивангороду — здесь шведское руководство продемонстрировало достаточно высокий оперативно-тактический уровень, в частности искусное использование морской силы. Однако шведское командование не сумело закрепить и развить этот успех, поднять его на стратегический уровень.

В целом Свейская война является весьма важным и поучительным историческим феноменом. Не приведя к решительному резуль-

тату (полному разгрому противника), война на северо-западе смогла защитить непосредственные интересы нашей страны и обогатила наши войска опытом боевых действий против сильного противника в сложных физико-географических условиях.

Важным результатом войны было укрепление позиций России на крайнем правом фланге — в районе, примыкающем к Северному океану. В стратегическом отношении война показала значение морской силы в борьбе на приморских направлениях и преподала урок, который нашей стране еще предстояло усвоить.

ПОХОД НА СЕВЕР

Под 7007 годом великокняжеская летопись сообщает:

«Того же лета послал князь великий воевод своих, князя Семена Федоровича Курбского, да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василья Бражника с силою с Устюжаны, и з Двиняне, и с Вычегжане, и с Вятчане на Югорскую землю и на Гогуличи. Они же, шедше, городы поимаша, и землю повоеваша, и князей, поимав, приведоша на Москву, а иных князей и земских людей к роте приведоша по их вере за великого князя, а иных князей и многих людей Югричь и Гогуличь тамо побиша. И придоша на Москву к великому князю вси здоровы лета 7008-го, Марта».[123]

Это, очевидно, официальное сообщение, основанное на донесениях воевод.

Вол.-Перм. летопись приводит это известие в своей редакции:

«В лето 7000 седмаго, Марта в 12, князь великий... послал воевод своих ратью, князя Семена Федоровича Курбского, да князя Петра Федоровича Ушатого, да Василия Ивановича Бражника в Ноугородскую землю в Каду и на Гогуличи. А с ними Устюжане, Вятчане, Пермичи, Двиняне, Важане, Пеняжане».[124]

В руках составителя Вол.-Перм. был какой-то самостоятельный источник, содержавший точную дату отправки воевод, отчество Василия Бражника, название Кадской земли (впервые упомянутой в той же летописи под 1483 годом),[125] знавший об участии в походе пермичей и пинежан. Северные земли названы «Наугородцкими», вероятно, по той причине, что в прежние времена они долго были объектом новгородских походов. Источник Вол.-Перм. ничего не пишет о самом походе

[123] ПСРЛ. Т. 28. С. 328; Т. 12. С. 249.
[124] ПСРЛ. Т. 26. С. 291.
[125] Там же. С. 276.

и не приводит даты его окончания. Это, видимо, какой-то полуофициальный источник, хорошо осведомленный, но только частично использованный составителем летописи.

Уст. летопись приводит самостоятельный рассказ: «В лето 7007. Князь великий... послал рать во Югру лыжную Устюжан, да Вычегжан, Вымечь, Сысолян, Двинян, Пинежан. А воеводы были с ними князь Семен Федорович Курбский, да князь Петр Ушатый, да Василий Бражник Иванов сын Гаврилова. Они же, ходивше на лыжах пеши зиму всю, да Югорскую землю всю вывоевали и в полон вели».[126]

Известие Уст. основано на местных источниках. Оно не только уточняет имена воевод и перечень земских отрядов, но и указывает на способ движения войск, отправленных в большой северный поход: «всю зиму» шли «на лыжах».

Герберштейн лично знал князя Семена Федоровича Курбского. По его словам, Курбский «значительную часть пути совершил пешком (т. е. на лыжах. — *Ю. А.*) из-за глубокого снега, а когда тот растаял, остальную часть пути проплыл на судах».[127]

Наиболее полные сведения о составе войск в северном походе сохранились в разрядных записях. Под 7007 годом РЗ сообщает: «Послал князь великий в Югорскую землю на Куду ина Гогуличи воевод князя Семена Курбского, да князя Петра Ушатова, да Василья Иванова сына Гаврилова.

А со князем Семеном детей боярских: Цыгора да Володю Сугорских, да вятчан, которы живут в Московской земле, Костю Якошева сына Пугвина, да Леву Иванова сына Олексеева, да Петрушу Попова. А Устюжан с ним 1304 ч., а Вымеч и Вычегжян 500 человек.

А со князем Петром Ушатым дети боярские: вологжане Микита Тимофеев сын Матафтин да Микита Пушников. Да вятчан, которые живут в Московской земле, Гаврило Софонов да Ивашка Сенкин сын Бобровникова, да Ивашко Якушкин. А Двинян с ним и Важан и Пинежан 1920 ч.

А с Василеем Ивановым сыном Гаврилова дети боярские; вологжан Сит Савельев, да Федко Неправдин, да вятчане, которые живут в Московской земле. Якуш Татаринов да Гридя Ивашков сын Татаринов. А вятчан с ним: 200 ч. руси, да 100 ч. арян, татар и отбяков».[128]

[126] ПСРЛ. Т. 37. С. 98. — Список Мацеевича приводит сокращенное известие (Там же. С. 51).
[127] Герберштейн. С. 154.
[128] РК-98. С. 29.

В отличие от летописных известий, РЗ раскрывают саму структуру войска, посланного в Северный поход.

Из трех воевод двое — служилые люди.

Семен Курбский — сын того Федора Семеновича, который в 1483 г. был одним из руководителей большого похода за Урал, к Обской губе.

Петр Ушатый — второй воевода в походе «морем-акияном» судовой рати в северную Финляндию в 1496 г.

В поход 1499 г. они выступают во главе земских ополчений Устюга, Двины и других северных уездов; вероятно, они были наместниками соответственно на Устюге и на Двине.

Третий воевода, который идет во главе вологжан, был потомственно связан с северными землями. Согласно списку Двинских волостей, тянувших к великому князю еще до 1471 г., на волостях Кегроле, Гакале, Мцени и пермских волостях «седел» Иван Гаврилов, который в 1471 г. подвергся нападению новгородцев.[129] Сам Василий в 1495 г. входил в свиту великого князя при его поездке в Новгород.[130]

Таким образом, воеводы, отправленные в походы, — служилые люди, имевшие опыт и знакомство с условиями северного края.

С ними идут в поход дети боярские, очевидно, в качестве голов — командиров подразделений. Двое князей Сугорских, Ахметек и Лыско, в 1495 г. входили в свиту великого князя в качестве постельников.[131] В Дворовой тетради князья Сугорские названы дворовыми детьми боярскими по Белоозеру.[132] Сугорские — одна из измельчавших ветвей Белозерских князей, сохранивших, видимо, земли в своем бывшем уделе.[133]

Подбор воевод говорит о своего рода специализации командного состава — во главе войск идут люди, так или иначе связанные с Северным краем.

С князем Семеном Курбским идут в поход «вятчане, которые живут в Московской земле», очевидно, это те, кто был переведен из Вятки в 1489 г. Несколько вятчан названы по имени — это, вероятно, дети боярские, головы подразделений. Основную массу войска князя Курбского составляют устюжане и вычегжане. Это — земское ополчение.

Такая же ситуация и в войсках двух других воевод. С ними идут

[129] АСВР. Т. 3. № 15. С. 31.
[130] РК-98. С. 25.
[131] Там же. С. 26.
[132] ТК ДТ. С. 147, 148.
[133] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья... Т. II. С. 167 и сл.

дети боярские великого князя, вятчане из Московской земли и земское ополчение северных уездов — русских и нерусских.

Общая численность рати достигает 4 тыс. человек. Считая по обычной норме с трех дворов одного ратника, получаем 12 тыс. дворов — очень большая цифра для малолюдных северных уездов. Мобилизация потребовала, очевидно, большого напряжения сил, что говорит о том значении, которое придавалось Северному походу.

Поход 1499/1500 г. можно сравнить с летним походом 1483 г., когда русские войска, перейдя через Уральский хребет, дошли до Обской губы. Поход князя Семена Курбского в 1499/1500 г. — следующий шаг в этом же направлении.

Влияние Российского государства за Уральским хребтом расширялось и крепло. Сохраняя свою внутреннюю самостоятельность, политический строй, веру и обычаи, северные сибирские народы втягивались в политическую и культурную орбиту России.

* * *

Кампании 90-х гг. носили наступательный характер. Русские войска впервые встретились с новыми противниками — Литвой на западе и Свеей на северо-западе. Если военные действия на западном направлении носили по масштабу и глубине ограниченный характер, то война на северо-западе велась на широком фронте, на разных операционных направлениях и на большую глубину. Новым явлением было широкое применение осадной артиллерии крупных калибров. Заслуживает внимания также зимний поход крупных сил в глубь территории противника.

Особый интерес вызывают действия на приморских направлениях, впервые наглядно продемонстрировавшие роль и значение морской силы в стратегическом и оперативно-тактическом масштабе.

Основу русских войск в кампаниях 90-х гг. составляло служилое ополчение, однако в морском походе через Северный океан и в зимнем походе на Югру решающую роль играла земская рать. Таким образом, несмотря на развитие служилых отношений на большей части Российского государства, на северном и северо-западном стратегических направлениях старое земское ополчение сохраняло свое значение, действуя здесь под руководством великокняжеских воевод и служилых людей великого князя.

Стратегическое руководство во всех кампаниях находилось в руках верховного главнокомандования (ВГК). Как и в прошлых кампаниях, решение оперативно-тактических задач было в руках воевод.

В действиях ВГК можно отметить, как и в прошлых кампаниях, масштабность стратегического мышления и настойчивость в предприятиях, но также осторожность и нежелание излишнего риска.

Проводя наступательные операции, русское ВГК сохраняло в своем распоряжении стратегический резерв, что давало возможность эффективно реагировать на изменение обстановки. Так, внезапное ухудшение положения на восточном направлении (Казань) весной 1496 г. было парировано своевременным введением в действие стратегического резерва князя Семена Ряполовского.

Можно также отметить и просчет русского стратегического руководства — недооценку значения приморского направления на южном участке шведского фронта (при обороне Ивангорода). Однако, несмотря на частные неудачи (Выборг, Ивангород), можно отметить, что в целом русское ВГК было на достаточно большой высоте и с задачами, объективно стоявшими перед ним, успешно справилось.

На оперативно-тактическом уровне можно отметить крупную неудачу при попытках овладеть Выборгом — новые приемы борьбы за крепость были еще недостаточно освоены.

Военная система Российского государства в кампаниях 90-х гг. проявила свою эффективность. Она отвечала требованиям и возможностям государства и в целом успешно решала поставленные задачи.

Глава V

КАМПАНИИ 1500-х ГОДОВ

КАМПАНИЯ 1500 г. ПОБЕДА НА ВЕДРОШЕ

Победа в войне 1492–1493 гг. была первым шагом в освобождении русских земель от литовского владычества. Однако договор 5 февраля 1494 г. был скорее перемирием, чем миром. Коренные вопросы отношений с Литвой остались нерешенными. Не удалось обеспечить твердых гарантий соблюдения великим князем Александром Литовским основных условий мира — сохранения незыблемости православной веры на русских землях под властью Литвы. Это было одной из главных причин того, что сделало новую войну неизбежной.

Описание событий Второй Литовской войны содержится в ряде исследований.

К. В. Базилевич приводит краткий обзор кампании 1500 г., уделяя особое внимание стратегическому плану Ивана III и его переговорам с Менгли-Гиреем.[1]

С. М. Каштанов приводит подробное описание сражения на Ведроше. Вслед за Я. С. Лурье, он связывает это сражение с малодостоверным, как нам представляется, известием «Краткого летописца» (отрывка Погодинской летописи) о «бегстве» великого князя Василия.[2]

На тех же позициях стоит А. А. Зимин.[3]

В военно-исторической литературе кампания 1500 г. рассматривается в исследованиях Е. А. Разина и В. А. Волкова. Е. А. Разин посвятил этой кампании две страницы своего труда, дав краткое описание боя на Ведроше.[4] В. А. Волков привел краткий обзор хода кампании, и, в частности, сражения на Ведроше.[5]

---

[1] Базилевич. С. 450–457.

[2] *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. С. 155–165. — Об этой гипотезе см.: *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 202–203.

[3] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. С. 184–188.

[4] Разин. С. 320–322.

[5] Волков. С. 37–40.

В 1998 г. в киевском историческом журнале вышла статья О. О. Казакова «Битва на річці Ведроші 14 липня 1500 р.».[6] Автор проявил знание литературы и источников и дал описание битвы, в общем сходное с описаниями предшественников. Работа О. О. Казакова — свидетельство интереса наших, теперь зарубежных, братьев к прошлому нашего Отечества.

Основными источниками по истории кампании 1500 г. являются русские летописи и разрядные книги. Официальные летописи рисуют общую картину событий, значительную самостоятельность представляют известия Ерм., Пск. и Уст. летописей. Разрядные книги содержат перечень воевод по полкам и краткие данные о ходе кампании. Анонимная белорусская хроника (так называемая Хроника Быховца) описывает действия литовского командования. Важным источником являются «Записки о Московии» барона Герберштейна, основанные на не дошедших до нас устных и письменных сообщениях. В целом корпус источников хотя и не богат, но все же позволяет представить относительно целостную картину событий и их характерные черты.

Театр войны простирался от западных отрогов Валдайской возвышенности (верховья Днепра и Западной Двины) на юг и восток и охватывал бассейн левых притоков Днепра и левых притоков Оки, вплоть до Дикого Поля. Большая часть театра военных действий представляла собой слабо всхолмленную равнину, покрытую густыми лесами и прорезанную реками и немногочисленными дорогами. За исключением Западной Двины и Днепра и их наиболее крупных притоков, реки не представляли серьезных преград для войск, но лесистая местность в известной мере стесняла действия конных масс. На театре войны находилось значительное количество небольших городов-крепостей, особенно в южной его части. Эти города были столицами удельных княжеств, тянувших к Литве. Наиболее крупной крепостью был Смоленск, прикрывавший путь на Витебск—Полоцк и на Оршу—Минск—Вильно. В то же время район Смоленска мог быть использован литовской стороной для наступления в направлениях Вязьма—Можайск—Малоярославец и Великие Луки—Ржев.

Общая протяженность театра войны с севера на юг составляла около 900 км. Смоленский плацдарм (верхнее течение Днепра) разделял его на северную и южную половины. В политическом отношении юж-

[6] Українский Історичний журнал. 1998. №5. С. 52–63.

ная половина имела наибольшее значение — именно здесь были расположены русские княжества, оказавшиеся в XIV — первой половине XV в. под властью Литвы.

Непосредственным поводом ко Второй Литовской войне стал переход на службу великому князю Ивану III пограничных князей Василия Шемячича и Семена Можайского. В апреле 1500 г. они били челом, что «на них пришла великая нужа о греческом законе, и государь бы их пожаловал взял бы к себе и с вотчинами». «Князь великий Иван Васильевич всея Руси тоя для нужи князя Семена и князя Василя принял в службу и с вотчинами».

Фактически это означало начало войны с Литвой. С разметною грамотою к Александру Литовскому был послан недавний его подданный — вязмитин Афанасий Шеенок, а к перешедшим на русскую службу князьям великий князь «послал воеводу боярина своего Якова Захарьича и иных своих воевод со многими людьми».[7]

Согласно Разрядной книге, «лета 7008-го князь великий Иван Васильевич всея Руси послал воевать литовские земли князя Федора да князя Ивана Борисовичев Волоцких, а с ними велел сниматься во Всеелуке наместнику ноугородцкому Андрею Федоровичу Челяднину. А наместникам луцким Губке Янову да Стерлягу Вельяминову, да пуповскому наместнику Олексею Заболотцкому велел с ними же сниматися. А как сойдутца, ино им быти по полком:

В Большом полку — Губке Янову.

В Передовом полку — Стерляге Вельяминову.

В Правой Руке — Борису Колычову.

В Левой Руке — Федору Плещееву.

В Сторожевом — Алексею Заболотскому.

А князю Федору и князю Ивану Борисовичем Волоцким дал князь великий свой наказ: нечто будет каково дело, и им быть по полком:

В Большом полку — князю Федору, да князю Ивану Борисовичем, да у них же быти в Большом полку Ондрею Федоровичю своим полком с великого князя знаменем.

А в Передовой полк, и в Правую Руку, и в Левую, и в Сторожевой полк выбрати воевод велел Ондрею, то положил на нем».[8]

Точный смысл этой разрядной записи позволяет сделать некоторые выводы: войска формируются из новгородских служилых людей, полка удельных волоцких князей и служилых людей пограничных райо-

[7] ПСРЛ. Т. 28. С. 333.

[8] РК-98. С. 29–30.

нов во главе с их наместниками. Мобилизация происходит в обширном районе вдоль всей западной границы.

По сведениям Ерм. летописи, «того же лета князь великий посылал на Литву же своих братаничев, княжь Борисовых детей, князя Федора да князя Ивана, да своего боярина Андрея Федоровича наместника Новогородского, с Новогородскою силою да князя Александра Володимерича Ростовского наместника Псковского, со Псковичи».[9]

Разрядные записи не пишут о псковичах, однако их участие в походе подтверждается псковскими летописями.

По данным Погодинского списка (Пск. I), зимой 1499/1500 г. «прислал князь великий посла сваего во Псков, Микиту Ангелова, чтобы отчина моя мне послужила на зятя своего на великого князя Александра... на Литовского. И псковичи не ослушалися великих князей Ивана Васильевича и Василья Ивановича: князь Псковской Александр Володимерович и посадники псковские и бояре и весь Псков порубившися з десяти сох конь а с сорока рублев конь и человек в доспехе, а бобыли пеши люди, и поехаша конная рать, человек на кони в доспехе, на Литву князем великим у пособие».[10] Чем объяснить умолчание разрядных записей о псковичах, сказать трудно.

Летопись раскрывает нормы псковской мобилизации. Десять сох приравнены к сорока рублям дохода, т. е. по 4 рубля с сохи. Если псковская соха, как в соседнем Новгороде, трехобежна, то доход с обжи, т. е. одного хозяйства, равен $1^1/_3$ рубля. Эта цифра сопоставима с данными новгородских писцовых книг[11] и с размером пожилого по Судебнику Ивана III. Сама норма мобилизации конной рати такая же, как в походе 1495 г. на свейских немцев,[12] и в три раза ниже, чем по уложению о службе 1556 г. «Бобыли пешие люди» — обычное для Пскова явление. Пехоту составляет безлошадная беднота, которая рубится по особому расчету.

Воевода Большого полка, наместник Великих Лук, Губка Янов по другим источникам неизвестен. Скорее всего, он принадлежал к служилым людям невысокого ранга.[13] Воевода Передового полка и второй наместник Великих Лук Стерляга Вельяминов — выходец из старого боярского рода, однако на командных должностях неизвестен.

---

[9] ПСРЛ. Т. 23. С. 196.

[10] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 84.

[11] См.: Аграрная история Северо-Запада России. Т. 1. Л., 1971.

[12] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 81.

[13] Зимин С. 151; *Лихачев Н. П.* О происхождении Яновых // ИРГО. СПб., 1900. Вып. 1. С. 153, 172.

Борис Александрович Колычев в 1495 г. входил в свиту великого князя при его поездке в Новгород во время Свейской войны.[14] Алексей Григорьевич Заболотский в 1495 г. также входил в свиту великого князя.[15] Позднее, в 1510 г. он участвовал в походе на Оку против татар.[16]

Таким образом, ни один из воевод первого эшелона не был заметным военным деятелем и не обладал большим командным опытом. Войска первого эшелона создавались, видимо, для прикрытия границы и района сосредоточения главных сил Северной рати. Первый эшелон составляют пограничные войска во главе с воеводами невысокого ранга. Затем предполагается соединение всех сил под фактическим командованием новгородского наместника.

Андрей Федорович Челяднин с 1490 г. упоминается как боярин. В 1496 г. был вторым воеводой Большого полка во время зимнего похода в Гамскую землю.[17] Этот большой и успешный поход, видимо, создал ему репутацию хорошего воеводы. В 1500 г. он сам формирует оперативные полки, составные части его рати. Это наделение первого воеводы Большого полка особыми полномочиями прослеживается и в более ранних кампаниях, но здесь оно особенно выразительно. По-видимому, это один из способов руководства войсками на обширном театре военных действий — Ставка передает первому воеводе часть функций главного командования.

«Того же лета послал князь великий воевод своих к Путимлю.

В Большом полку — Яков Захарьич.

В Передовом полку — князь Иван Михайлович Репня.

В Правой — князь Тимофей Олександрович Тростенский.

В Левой Руке — князь Василий Мних Ряполовский.

В Сторожевом полку — Петр Михайлович Плещеев».

Яков Захарьич — один из выдающихся деятелей последних десятилетий XV в. С 1479 г. он известен как боярин. В походе 1492 г. в Северскую землю был вторым воеводой Большого полка. В летней кампании 1493 г., будучи наместником новгородским, возглавлял новгородскую рать против Литвы, в 1495 г. — в походе на Выборг, а летом 1496 г. должен был быть вторым воеводой Большого полка в готовившемся новом походе на «свейские немцы». После отправки части войск на

[14] РК-98. С. 25.
[15] Там же.
[16] Там же. С. 46.
[17] Там же. С. 27.

восточный фронт он должен был возглавить Большой полк.[18] Таким образом, во главе Южной группы войск шел воевода со значительным боевым опытом и большим авторитетом в глазах великого князя. Выбор такого воеводы соответствовал не только его личным качествам, но и тому значению, которое придавалось южному операционному направлению.

Князь Иван Михайлович Репня ходил в 1491 г. в поход «под Орду» на помощь Менгли-Гирею.[19] В 1495 г. он входил в число «князей и детей боярских», сопровождавших великого князя в его поездке в Новгород,[20] а в новом походе на Свею, который планировался (но не состоялся), должен был быть вторым воеводой Передового полка.[21] В феврале 1500 г. на свадьбе князя В. Д. Холмского он был назван «сыном боярским». По-видимому, он был еще сравнительно молодым человеком.

Князь Тимофей Александрович Тростенский, как и Репня, из рода князей Оболенских, издавна связанных службой с великим княжеством Московским, впервые упоминается в разрядах под 1486 г. — он был в числе воевод (третьим по списку), посланных в Казань на помощь Мохаммед-Эмину (Магмет-Амину). В походе 1495 г. на Выборг он был первым воеводой полка Левой Руки из Новгородской земли. На свадьбе 1500 г. князя Холмского он был в числе «детей боярских», что может свидетельствовать о его относительной служебной молодости.[22] Последнее упоминание о нем относится к 1512 г., когда он был первым воеводой Сторожевого полка в составе войск, развернутых на Угре против татарских царевичей.[23] Князь Тимофей большой карьеры не сделал, через семнадцать лет после первого упоминания он занимал еще более или менее второстепенный пост.

Князь Василий Семенович Мних Ряполовский впервые упоминается в разрядах за [7000] 1491/92 г., когда он в походе на Северскую землю был первым воеводой полка Левой Руки. В 1495 г. он в числе «князей и детей боярских» входил в свиту великого князя. Последнее упоминание о нем относится к 1507 г., когда он был первым воеводой полка Левой Руки в походе на «литовские места».[24] Таким образом,

[18]Там же. С. 21, 23, 24, 26, 27.
[19]ПСРЛ. Т. 28. С. 155.
[20]РК-98. С. 25.
[21]Там же. С. 27.
[22]Там же. С. 20, 24, 16.
[23]Там же. С. 47.
[24]Там же. С. 22, 25, 39.

и его карьера не была блестящей — за пятнадцать лет он, хотя и был опытным воеводой, фактически не продвинулся по службе.

Петр Михайлович Плещеев, брат одного из наиболее близких бояр Ивана III, в разрядах впервые упоминается в 1497 г. На переговорах с ливонскими немцами на Нарове о мире он был воеводой Передового полка — фактически это была, вероятно, только демонстрация силы.[25] Сын и брат знаменитых бояр, Петр Михайлович совершил большую карьеру, имел чин боярина, бывал послом, но военным человеком не был — после 1500 г. он в разрядах не упоминается (ум. ок. 1510 г.).

Характерная черта воевод Южной группы — их принадлежность к старым московским княжеско-боярским служилым родам. В Южной группе — только собственно великокняжеские войска, без участия полков удельных князей. Можно думать, что эти войска были составлены из среднерусских городовых служилых ополчений.

Рать Якова Захарьича направлена на юго-запад, в тот район, где находятся земли князей, переходящих на русскую службу, — т. е. в тот район, который является непосредственным предметом конфликта с Литвой.

Формируется и третья оперативная группа:

«Того же лета послал князь великий воевод к Дорогобужю по полком:

В Большом полку — Юрьи Захарьич.

В Передовом — Иван Шадра Вельяминов, да князь Василий, да князь Володимер княж Борисовы дети Туренины.

В Правой Руке — князь Федор Иванович Стригин да княж Федора Борисовича воевода князь Иван Хованский Ушак.

В Левой Руке — Петр Иванович Житов да князь Борисов воевода Обляз Вельяминов».

Юрий Захарьич, как и его старший брат Яков, принадлежал к верхам боярской служилой элиты. С 1483 г. он был боярином, неоднократно бывал наместником, выполнял важные политические и административные поручения великого князя. Но сведений о его активной боевой деятельности нет, за исключением того, что в 1499 г. он должен был возглавить полк Правой Руки в конной рати, посланной в Казань для защиты «от шибанских царевичей».[26] До боевых действий тогда дело не дошло.

Иван Васильевич Шадра Вельяминов — выходец из старомоско-

[25] Там же. С. 28.
[26] Там же.

ского боярского рода Протасьевичей, видный административный деятель. Он упоминается в источниках с начала 90-х гг., но сведений о его участии в походах до 1500 г. нет. Видимо, его назначение главой Передового полка в рати Юрия Захарьича — начало его воеводской карьеры (впоследствии не раз бывал воеводой Большого полка).[27]

Братья князья Борисовичи Туренины на командных должностях упоминаются впервые, из чего можно заключить об их молодости. Один из них («Володя») в 1495 г. был «за постелею» великого князя в новгородской поездке.[28]

Петр Иванович Житов — выходец из тверского боярского рода, перешедшего на службу к великому князю Московскому еще во времена самостоятельности Твери. В разрядах 1500 г. он упоминается впервые, но впоследствии стал крупным военным деятелем, участником многих походов.[29]

Следует обратить внимание, что полк волоцких князей не выступает как единое целое под их начальством — части этого полка под командой волоцких воевод размещены в разных оперативных группах и всюду подчинены воеводам великого князя.

Русские войска развертываются по трем разобщенным операционным направлениям.

Рать Андрея Федоровича Челяднина на правом фланге фронта охватывает Смоленский плацдарм с севера и прикрывает направление на Новгород. Расположение этих войск в Великих Луках глубоко вдается в пределы вражеской территории и создает угрозу выхода в тыл Смоленскому плацдарму.

Группа войск Якова Захарьича должна решить основную политическую задачу кампании — обеспечить возвращение России владений удельных князей юго-запада, перешедших на службу великому князю всея Руси.

Средняя группа Юрия Захарьича должна была, по-видимому, сковывать главные силы литовских войск, прикрывая направление Вязьма—Можайск и создавая угрозу Смоленску.

Кроме этих трех групп, развернутых на определенных заранее направлениях, в распоряжении великого князя сохранялся стратегический резерв.

На особенности развертывания русских войск обратил внимание наблюдательный и хорошо информированный иностранец — импера-

[27] Зимин. С. 160.
[28] РК-98. С. 26.
[29] Зимин. С. 263–264.

торский посол барон Сигизмунд фон Герберштейн, побывавший в Москве в 1516 и 1527 гг. Имея обширные знакомства в разных слоях русского общества, он мог располагать достаточно надежными сведениями о еще недавней войне. Рассказывая о развертывании русских войск в начале кампании 1500 г., он отмечает, что Иван III составил три «отряда»: первый — на южном направлении, против «Северской области», второй — на западном, против Торопца и Белой, третий — «посередине, против Дорогобужа и Смоленска». «Кроме того, он сохранил часть войска в запасе, чтобы она могла скорее прийти на помощь тому отряду, против которого двинутся литовцы».[30]

О боевых действиях юго-западной группы рассказывает великокняжеская летопись.

«И Яков Захарьич пошел с Москвы Маия 3, в неделю, и пришел в Литовскую землю, городок Дебрянск взят, а воеводу и наместника дебрянскаго, пана Станислава Браташевича, поимал, и владыку дебрянского и послал к великому князю на Москву».[31]

«И оттоле Яков Захарьич пошел ко князем и привел их к крестному целованию на том, что им служити государю великому князю Ивану Васильевичю и с своими вотчинами. И оттоле пошед Яков с князьми, город Путимль взят Августа 6, на Преображение Спасово, и князя Богдана Глинского и з женою поимал».[32]

Тип. летопись содержит самостоятельную редакцию известий — вместе с Яковом Захарьичем были посланы вассальный казанский хан Мохаммед-Эмин с русскими воеводами: князьями Федором и Иваном Палецкими. Они «многие грады и власти [волости] и села поплениша, и людей многих мечю и огню предаша, и иных в плен поведоша». Кроме Брянска и Путивля были взяты Почеп, Радогощ, Любеч «и иные грады».[33] Опираясь на самостоятельный источник, Тип. летопись, не расходясь принципиально с официозной, расширяет ее сведения и подчеркивает, в отличие от нее, насильственный, враждебный местному населению характер действий русских воевод. Трудно сказать, насколько это справедливо. Возможность случаев насилия над местным населением исключить нельзя, однако слова Тип. летописи носят характер литературного штампа. Не в интересах воевод было уничтожать русское население, жившее на старинных землях, на которые претендовало Российское государство. Ерм. летопись

[30] Герберштейн. С. 66.
[31] ПСРЛ. Т. 28. С. 334.
[32] Там же.
[33] ПСРЛ. Т. 24. С. 214.

сообщает о походе Якова Захарьича после рассказа о битве на Ведроше.

«Тогда же наперед, того же лета, посылал князь великий царя Магомет-Амина да Якова Захарьича и с ними иных воевод своих многих на Литовскую землю. Они же шедше, многия грады и волости и села попленища и людей многих мечю и огневи предаша, а иные в плен ведоша. А се имена тем градом, тогда взяша: Брянск, Трубеск, Почап, Радогощ, Путивль, Любец, Чегереск, Пропореск, Попова Гора, Дролев, Мглин.

Да привели за великого князя князей Русских: князя Семена княж Иванова сына Андреевича Можайского, да князя Василья княж Иванова сына Дмитриевича Шемячича, и с их городы: за князем Семеном Стародуб, да Чернигов, да Гомий, а за князем Васильем город Северский да Рыльск. И князь великий пожаловал и придал их к тем их городом: князю Семену Почап, да Мглин, да Дроков, да Попову Гору, а князю Василью — Путивль, да Радогощь, да Северскую землю.

А было с ними великого князя рати болши 60 тысящь голов князей и детей боярских опроче их служилых людей».[34]

Составитель Ерм. летописи имел какой-то самостоятельный источник. Он содержал наиболее полное в наших источниках перечисление взятых городов. Как и в Тип. летописи, рассказ о разорении присоединяемой земли вызывает сомнения. Большой недостоверностью страдает приводимая численность войск Якова Захарьича — она преувеличена, вероятно, в несколько раз. Тем не менее общее впечатление о больших силах, двинутых на юго-западное направление, вполне правдоподобно — именно на этом направлении находилась политическая цель войны.

О действиях оперативной группы Якова Захарьича существует содержательное известие в Хронике Быховца: «Они пришли к Брянску так тихо, что брянскому воеводе... о том не было известно... и в ту ночь из-за измены Брянцев город Брянск был сожжен. Москвичи же... вскоре поспешили к городу, и пана Станислава Барташевича [брянского воеводу] в одном селе захватили... и всю землю заняли, и жители Брянска все присягнули служить великому князю Московскому. Князь Иванович Можайский и князь Василий Иванович Шемячич, узнав о том, что москвичи взяли Брянск, приехали к Якову Захарьичу... и присягнули служить великому князю Московскому со всеми городами, с Черниговом, со Стародубом, с Томе-

[34] ПСРЛ. Т. 23. С. 196.

лем, с Новгородом Северским, с Рыльском и со всеми волостями».[35] Из этого известия вытекает, во-первых, что движение войск Якова Захарьича осуществлялось скрытно, и был достигнут эффект внезапности; во-вторых, что русское население, во всяком случае большая его часть, признало власть русского государя. Тут-то и состоялось фактическое присоединение северских князей с их землями — до этого они, по русским летописным данным, били челом в службу Ивану III, следствием чего и была отправка войск Якова Захарьича.

Выступив в поход в начале мая, войска Якова Захарьича, по-видимому, быстро овладели Брянском (ок. 300 верст от Москвы). Но Путивль (ок. 250 верст от Брянска) они заняли только 6 августа. Движение от Брянска на юг шло медленно, причины чего следует искать не столько в возможном сопротивлении литовских войск, оборонявших отдельные города, сколько в общей ситуации на фронте.

Во всяком случае, действия войск Якова Захарьича были вполне успешными — основная политическая задача кампании была решена.

О действиях Северной группы есть краткое известие Вол.-Перм. летописи: «воеводы великого князя Ивана Васильевича град литовский Торопец взяша».[36] В Разрядной книге Пространной редакции это событие отнесено к 9 августа.[37]

Гораздо подробнее о действиях этой группы сообщает Ерм. летопись. Перечислив войска, отправленные на это направление, (и упомянув, как мы видели выше, псковичей), она далее пишет: «они же, шед, град Торопец взяша и многия волости и села около Полотска и Витебска поплениша, и огнем пожгоша, а людей многих мечеви предаша, иных же в плен ведоша».[38] Если верить этому сообщению, взятие Торопца сопровождалось глубоким рейдом в земли великого князя Александра Литовского (что, однако, не подтверждается литовским источником — Хроникой Быховца).

Об участии псковской рати в этих событиях сообщают псковские летописи:

«Приехал князь Псковской Александр Володимерович и посадники псковские и псковичи, а были на государьской службе в Литовской земли, и Торопец городок взяли. А приехали на Покров Святой Бого-

[35] Хроника Быховца. М., 1966. С. 111.
[36] ПСРЛ. Т. 26. С. 294.
[37] РК-05. С. 57.
[38] ПСРЛ. Т. 23. С. 196–197.

родицы вси здорови, а были там 11 недель».[39] Значит, поход псковичей начался в середине июля.

О действиях средней группы великокняжеская летопись сообщает лапидарно: «Тое же весны послал князь великий воеводу и боярина своего Юрия Захарьича со многими же людьми к Дорогобужу, и Юрии, шед, Дорогобуж взят».[40]

Наступление Юрия Захарьича вызвало тревогу у литовцев. «Слышав же то, князь великий Александр Литовский, собрав силу многу, и посла на Юрия Захарьича воевод своих многих, панов и гетманов со многими людьми, и воевода большой был князь Константин Острожской».

Наступление Юрия Захарьича, создавшее непосредственную угрозу Смоленску (Дорогобуж от него примерно в 80 верстах, двух-трех переходах), заставило Александра Литовского выдвинуть на это направление свои главные силы. Это было серьезным успехом для русских — наступление на Смоленском направлении обеспечивало действия южной группы на наиболее важном в политическом отношении направлении на Брянск—Путивль.

Далее в официальной летописи следует известие об ответных мерах русского командования: «И князь великий Иван Васильевич всея Руси послал к Юрию на помощь воеводу и боярина своего князя Данила Васильевича Щеня с тверскою силою».[41]

Русское командование реагировало на движение литовских войск вводом в действие своего резерва.

Тип. летопись, рассказав о взятии Дорогобужа, не упоминает ни о действиях Александра Литовского, ни об ответных мерах Ивана III.

Уст. летопись по списку Мацеевича содержит самостоятельное известие. Ничего не рассказав о начале кампании, она сообщает о действиях литовцев: «Князь великий литовский Александр послал к Вязьме воеводу князя Константина Острожского... И слыша то, князь великий Иван Васильевич посла противу воеводу своего князя Данила Васильевича...». Архангелогородский летописец, приводя тот же текст, делает важное добавление: «...да с ним Двор свой великого князя».[42]

Известия летописи Дубровского и Тип. восходят к рассказу офи-

[39] ПСРЛ-5/1. С. 84.

[40] ПСРЛ. Т. 28. С. 334. — То же известие в Новг. IV по списку Дубровского (ПСРЛ. Т. 43. С. 212).

[41] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 84.

[42] ПСРЛ. Т. 37. С. 99.

циозной летописи и являются, по-видимому, его сокращением — они не содержат никаких новых элементов.

Уст. летописи такие элементы содержат. Это, во-первых, известие о движении литовцев к Вязьме, во-вторых (в Архангелогородском летописце) — известие о Дворе великого князя. Уст. летопись пользовалась, видимо, самостоятельным источником, не отразившимся в официозной летописи.

Разрядные записи, ничего не говоря о действиях литовцев, отмечают выступление войск резервной группы. «Того же лета послал князь великий в Литовскую землю князя Семена Ивановича Стародубского да князя Василья Ивановича Шемячича. Да с ними воевод своих: князя Данила Васильевича Щеня с товарищи».[43]

По данным Хроники Быховца, Александр Литовский, услышав об измене северских князей, «послал к Смоленску гетмана своего Константина Ивановича Острожского, и маршала своего дворного... пана Григория Станиславовича Остиковича, и подчашного своего... пана Николая Николаевича, и маршала пана Яна Петровича, и маршала... пана Литовара Хрептовича, и иных многих князей, и панов, и дворян, и бояр своих...». Сам же «со всеми людьми великого княжества Литовского пошел к городу Минску, а оттуда к Борисову и в Борисове простоял немало времени».[44] Согласно этому известию, главные силы литовских войск во главе с самим гетманом и другими высшими военачальниками были выдвинуты к Смоленску, а в непосредственном подчинении Александра Литовского оставались только войска сравнительно второстепенного значения, хотя и названные «всеми людьми».

Прибыв в Смоленск, гетман узнал, что воевода Юрий Захарьич «стоит на Ведроши с очень небольшим числом людей». Присоединив к себе воеводу смоленского, «со всеми смольнянами, вооружившись и изготовившись», гетман пошел к Дорогобужу, но не прямым путем, а через Ельню, т. е. сильно уклонившись к югу. По сведениям литовцев, войска Юрия Захарьича стояли на Ведроше, южнее Дорогобужа. Сюда и двинулся князь Острожский. Согласно Хронике Быховца, он сделал остановку в Ельне (75 км на юго-восток от Смоленска и 40 км на юг от Дорогобужа). Здесь он получил известие от «языка», что на помощь Юрию Захарьичу «третьего же дня» подошли другие большие воеводы. Острожский, однако, не поверил этой информации, приказал

[43] РК-05. С. 60. — РК-98 приводит ошибочно имя Якова Захарьича (РК-98. С. 30).
[44] Хроника Быховца. С. 111.

«языка» повесить и двинулся к Ведроше (в северном направлении) для атаки русских войск.

Литовские известия о движении войск князя Острожского в общем не противоречат русским данным, но дополняют и уточняют их. Расчет Острожского был основан, видимо, на превосходстве в силах над войсками Юрия Захарьича — он стремился нанести им поражение, пока они не получили подкрепления. Движение к Дорогобужу в общем соответствует известию Уст. летописи, что Острожский хотел выйти к Вязьме, т. е. вторгнуться в русские пределы на наиболее чувствительном направлении Вязьма (60 верст от Дорогобужа) — Можайск (120 верст от Вязьмы) — Москва. Фланговая позиция на Ведроше, занятая войсками Юрия Захарьича, заставила гетмана изменить направление и склониться вправо (к югу) от кратчайшего пути к Дорогобужу и Вязьме. О резервной группе русских войск литовцы, по-видимому, не только не знали, но и не верили в возможность ее существования — именно этим объясняется самонадеянное решение гетмана атаковать русских на Ведроше.

Гетман двинулся к дер. Ведроше от Лопатина, пройдя две мили (15 русских верст) лесом. По словам Хроники, «была грязь страшная, и с большими трудностями и с нуждой едва прошли лес».[45]

В русских географических источниках XVIII в. село Ведроши (отождествляемое с Алексином) называется центром погоста того же имени, расположенного между речками Сельней, Росной и Полною и безымянным ручьем (который, возможно, в XV в. носил имя Ведроши).[46]

О ходе сражения на Ведроше русская официозная летопись не рассказывает, приводя только краткое итоговое сообщение: «...снидошася воеводы великого князя Ивана Васильевича с литовскими воеводами на Миткове поле на речке на Ведроше... месяца июля в 14, во вторник, на память святого апостола Акилы, и бысть промеж ими бои велик и сеча зла, и милостию Божиею и Пречистые Его Матери и одолеша воеводы великого князя Ивана Васильевича всея Руси литовских воевод, многих побиша... а иных многих живых поимаша воевод, панов и гетманов, и панских детей: князя Константина Острожского и пана Григория Остоковича, Ивана Литовара маршалка, иных многих, и послаша их к великому князю на Москву».[47]

---

[45] Там же. С. 112.

[46] Наиболее подробно описание местности см.: *Каштанов С. М.* Социально-политическая история России... С. 160–164.

[47] ПСРЛ. Т. 28. С. 334.

Вол.-Перм. летопись приводит то же известие с некоторыми разночтениями. Иван III назван в первом случае «государем всеа Русии», во втором — «великим государем». Наиболее важное отличие: «А убиеных Литвы и Ляхов болши тритцати тысяч».[48] Официозный рассказ дополнен в Вол.-Перм. каким-то уникальным источником.

Тип. летопись говорит, что «бысть... бой велик с Литвою на реце на Ведроше близ Елны». В числе пленных она называет кроме перечисленных в официозной летописи также «пана Николаевых детей воеводы Виленского, да Друцких князей, и Мосальских князей, да Николая, Юрьева сына Зиновьевича».[49] Тип. также близка к официозному источнику и также дополняет его собственными сведениями.

Ерм. летопись приводит свое известие: «В лето 7008 бысть бой с Литвою великого князя Ивана Васильевича воеводам князю Данилу Васильевичю Щеняти да Юрью Захарьичю да князю Петру Васильевичю Оболенскому да князю Михаилу Федоровичю Микулинскому, князю Иосифу Дорогобужскому, князю Федору Васильевичю Телепню Оболенскому, и иным многим воеводам, а с ними были князи, и бояре, и дети боярские из Московские земли и из Тферскии, с великого князя Литовскии Александра воеводами, с князем Константином Ивановичем с Острожским, да с Григорием Евстикувичем, да с Юрьем Зиновьевичем, да с Лютором и иными многими воеводами, и великого князя двор из Вильны и из Подолии и из Волынские земли а из Смоленска воеводы Ян Станислав, а с ним многиа воеводы и вси Смольняне, лучшие люди, на реце на Полме. И Господь Бог поможе великого князя Ивана Васильевича воинству: Литовское воинство побиша, а иных больших воевод живых поимаша и к великому князю приведши с многими их князми и детми боярскими и лучшими людьми, а множество их избиша».[50]

Особенность известия Ерм. — подробное перечисление воевод. Отмечается участие сил из Тверской земли и с другой стороны — из ряда литовских земель. Как и имена воевод, это представляет несомненный интерес. Но о ходе самого сражения Ерм. не говорит ни слова.

Единственное в русских источниках описание сражения 14 июля содержится в Уст. летописи.

Противоборствующие силы «сошлись о реце о Тросне, и стояше многи дни». Это стояние отчасти отмечено и у Быховца — по литовским данным, Юрий Захарьич стоял на Ведроше. «В самом бою и

[48]ПСРЛ. Т. 26. С. 293–294.
[49]ПСРЛ. Т. 24. С. 214.
[50]ПСРЛ. Т. 23. С. 196.

обои полцы бишась до шти часов, емлюще за руки. И по удолиям кровь течаше, аки вода, и трупу конь не скочит. И поможе Бог великому князю Ивану Васильевичу и всей силе московской, а Литва побеже, и мало утече за Тросну реку, занеже великого князя сила пешая изошла, да мост посекли, и много в реце истопе». В Архангелогородском летописце это известие уточняется: после многих дней стояния «Литва перелезла по мосту за Тросну». Тогда-то и произошло сражение, а «великаго князя сила пешая дошли да мост посекли на Тросне».[51]

Согласно Хронике Быховца, «как только литовцы вышли из леса, они встретились с москвичами, и начался ожесточенный бой. Но москвичи вскоре повернули обратно и перебежали речку Ведрошь, к своему Большому полку, и там, построившись, стояли. Литва же, пройдя быстро к реке, в спешке перешла ее, пошла за реку и стала крепко биться... но увидев, что москвичей много, а их мало... побежали. Москвичи же погнались за ними, многих побили, а других живыми забрали. Тогда был взят в плен гетман князь Константин Иванович Острожский, пан Григорий Станиславович Остикович, пан Литовар Хрептович, пан Николай Юрьевич Глебович, пан Николай Зеновьевич и иные многие паны, Ян же Петрович погиб безвестно...».[52]

Третье описание сражения 14 июля принадлежит Герберштейну: «...когда оба войска подошли к некоей реке Ведроше, то литовцы, бывшие под предводительством Константина Острожского, окруженного огромным количеством вельмож и знати, разузнали от некоторых пленных о численности врагов... и возымели от этого крепкую надежду разбить врага». Обе стороны стали искать переправы или брода. Несколько «московитов» переправились на противоположный берег, вызывая литовцев на бой. Литовцы прогоняют их за речку. Вслед за тем начинается сражение, во время которого «помещенное в засаде войско, о существовании которого знали лишь немногие из русских, ударило с фланга в середину врагов. Пораженные страхом, литовцы разбегаются, их предводитель с большей частью свиты попадает в плен, прочие же в страхе оставляют лагерь...».[53]

Рассказ Герберштейна отразил влияние литовского источника (показания пленных, вселившие «крепкую надежду» на победу, описание первого этапа боя). Известными нам русскими источниками Герберштейн, по-видимому, не пользовался. Ему остался неизвестным факт,

[51] ПСРЛ. Т. 37. С. 51, 99.
[52] Хроника Быховца. С. 113.
[53] Герберштейн. С. 66–67.

записанный в Уст. летописи, о разрушении русской пехотой моста в тылу литовцев.

Оригинальным в рассказе Герберштейна является известие об ударе во фланг литовцев русского засадного полка, скрытно сосредоточенного и решившего исход сражения.

Не отмеченное ни в русских, ни в литовских источниках, это известие само по себе достаточно правдоподобно — оно отражает излюбленную в русском войске тактику, примененную в Куликовской битве.

Место сражения в источниках названо по-разному. Русская официозная летопись, Хроника Быховца и рассказ Герберштейна говорят о р. Ведроше, Разрядная книга краткой редакции — о Ветрошке. Но наиболее подробная Уст. говорит о р. Тростне, а Разрядная книга Пространной редакции в одном из вариантов сообщает, что «был... бой с литовскими людьми на реке на Полме... и Литву побили, и воевод литовских поимали».

Сражение, по-видимому, произошло на территории Ведрошского погоста между реками Ведрошей (Ведрошкой) — на западе, Полмой и Росной (Тростной) — на востоке. Отдельные эпизоды сражения могли происходить на каждой из этих рек, но решающее событие имело место на Ведроше (может быть, там шла последняя фаза боя), и именно этот топоним сохранился в большинстве источников.

Все три описания сражения 14 июля в целом независимы друг от друга и в основных чертах не противоречивы. Наибольшее сомнение вызывает численность войск, приведенная в Хронике Быховца. Едва ли сам гетман, посланный королем для нанесения решающего удара по русским войскам, имел под своим началом только три с половиной тысячи всадников. Нельзя поверить и в сорокатысячную конную массу, сосредоточенную русскими в лесу на Ведроше. Такого количества «хорошо вооруженных конных» нельзя было развернуть не только в глухих лесах Смоленщины, но и на всех операционных направлениях вместе. Исходя из норм середины XVI в., едва ли существенно изменившихся за предыдущие пятьдесят лет, для обеспечения этой массы всадников требовалось бы 4 млн четвертей пашни, или примерно 400 тыс. полноценных крестьянских хозяйств (с населением в 2–4 млн человек). Таким количеством тяглого населения Россия в 1500 г. не могла располагать. Надо думать, что численность русской конницы в сражении на Ведроше преувеличена в Хронике Быховца в несколько раз — так же, как в несколько раз уменьшена численность войск гетмана. Этому удивляться не следует. В Средние века, да и позднее, при описаниях военных действий зачастую допускались умышленные и неумышлен-

ные искажения численности войск (как и потерь), для противника в сторону преувеличения, для своих — в сторону преуменьшения. Таким несомненным преувеличением представляется цифра потерь литовцев, оцененная в Вол.-Перм. летописи в 30 тыс. человек.

Все три описания, расходясь в деталях, единодушно свидетельствуют, что между главными силами русских и литовцев произошло решительное сражение, закончившееся полным, катастрофическим разгромом войск великого князя Александра и соответственно блистательной победой войск государя всея Руси — самой большой победой на поле сражения после Куликовской битвы. Такое сокрушительное поражение неприятельского войска, закончившееся пленением его главнокомандующего со всей свитой, едва ли могло быть достигнуто только простым фронтальным ударом, который бы мог заставить противника бежать с поля сражения. И рассказ Уст. летописи, и рассказ Герберштейна рисуют правдоподобную картину окружения неприятельских войск или, по крайней мере, их основной части во главе с гетманом. Это свидетельствует о высоком уровне тактического искусства русских воевод.

Кто же были эти воеводы в день 14 июля? По разрядным книгам, «воеводы были по полком по росписи».

«В Большом полку князь Семен Иванович Стародубский... да князь Василий Иванович Шемячич, да великого князя воевода князь Данило Васильевич Щеня.

В Передовом полку князь Михаило Федорович Телятевский, да князь Петр Васильевич Оболенский, да князь Володимер княж Борисов сын Туренин.

В Правой Руке князь Осиф Ондреевич Дорогобужский, да князь Федор Васильевич Оболенский, да князь Иван Михайлович Воротынский с Татары.

В Левой Руке князь Володимер Ондреевич Микулинский да Дмитрий Киндырев, да Петр Житов.

В Сторожевом полку — Юрьи Захарьич да Иван Шадра».

Эта новая «роспись» вступила в силу за несколько дней до сражения, после соединения войск средней и резервной групп. По новой росписи Юрий Захарьич, возглавлявший до этого среднюю группу в качестве воеводы Большого полка, был переведен на должность первого воеводы Сторожевого полка. Воевода, только что взявший Дорогобуж, обратился к великому князю с письменным протестом: «...в Сторожевом полку ему быти не мочно», «то мне стеречи князя Данила». Великий князь ответил строптивому воеводе через своего послан-

ца князя Константина Ушатого: «Гораздо ли ты так чинишь?.. Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в Большом полку, таковы чинят и в Сторожевом полку. Ино не сором тебе быть в Сторожевом полку».[54]

В этой «речи было писано» — «князю Данилу Васильевичю, Юрью Захарьичю, князю Федору Васильевичю Телепню, Ивану Шадре. А иные воеводы еще не сошлися».[55]

Этот обмен посланиями представляет большой интерес для характеристики верховного командования русскими войсками. Стратегический резерв (по разрядам и летописи — тверские полки вместе с отрядами служилых князей) выдвигается на помощь средней группе по известиям о движении главных сил противника. Роспись по полкам составляется в Ставке, по непосредственному указанию великого князя. В ожидании большого сражения производится перемещение воевод — на наиболее ответственный пост воеводы Большого полка, т. е. командующего войсками на поле боя, назначается самый надежный и авторитетный. Именно он, а не титулярные служилые князья, вчерашние подданные Александра Литовского, несет ответственность за руководство войсками в сражении. Попытка протеста прежнего воеводы Большого полка против своего перемещения на второстепенный (хотя и важный) пост безоговорочно пресекается. Не личные счеты по старшинству, а интересы дела государева, т. е. Российского государства, определяют назначение и функции воевод. Великий князь, находясь в своей Ставке, внимательно следит за ходом операций, принимает соответствующие решения и конкретно руководит назначениями воевод, поддерживая с ними связь через своих посланцев.

Известие об обмене посланиями между Иваном III и воеводой Юрием Захарьичем позволяет определить время соединения русских войск под командой князя Щени. Судя по тому, что известие о победе пришло в Москву 17 июля, триста верст от Ведроши до Москвы гонец мог покрыть за три дня. Юрий Захарьич обратился к великому князю, очевидно, после соединения войск и успел получить ответ еще до сражения, следовательно, соединение сил началось не позже чем за 6–7 дней до сражения, т. е. 6–7 июля. К этому времени к району будущего сражения успела подойти только часть войск. Судя по адресатам великого князя, еще не было полков Правой и Левой Руки. В течение нескольких следующих дней («многих дней», по оценке Уст. летопи-

[54] РК-98. С. 30.

[55] Там же. С. 30–31.

си) русские войска постепенно подтягивались и поджидали гетмана в приготовленной ему западне.

Герберштейн пишет, что после своего разгрома на Ведроше литовцы сдали русским Дорогобуж, Торопец и Белую.[56] Это не точно — известно, что, во всяком случае, Дорогобуж был взят до сражения. Но вполне вероятно, что разгром на Ведроше вызвал общий отход литовских войск и на северном направлении и очищение ими крепостей. Именно тогда Торопец и Белая могли попасть в руки русских войск. О взятии Торопца сообщает Разрядная книга Пространной редакции, относя это событие к 9 августа, и Вол.-Перм. летопись (без даты, но сразу после рассказа о сражении на Ведроше). О взятии Белой русские источники не говорят, но факт этот вполне возможен — выдвинутая далеко на восток, эта крепость не могла долго обороняться при общем поражении литовских войск.

По словам Хроники Быховца, Александр Литовский со своими войсками перешел от Борисова к р. Бобр (30–40 км от Борисова), где и получил известие, что «передовое его войско разбито на Ведроше, после чего пошел со всеми своими людьми и стал в Обольцах, где находился немалое время». Здесь он принял посла Ивана III (об этом посольстве в русских источниках нет известий), а затем «со всеми своими людьми пошел к Полоцку, и в Полоцке простоял почти всю осень, и укрепив города Полоцк, Витебск и Смоленск, и оставив там гарнизоны, возвратился в Литву».[57] Таким образом, поражение на Ведроше заставило Александра Литовского отказаться от активной борьбы.

«А как воеводы побили на Ведроше литовских людей и писали к великому князю, чтоб к ним людей прибавил, и послал к ним князь великий воевод князя Семена Рамановича да Дмитрия Васильевича Шеина. А с речью послал ко князю Даниилу Васильевичю Петра Плещеева. А писано в речи: чтоб князь Семен Раманович был в Большом полку со князем Даниилом. А Дмитрий Васильевич Шеин в Передовом полку на князь Петрово место Нагова со князем Михайлом Телятевским. А в речи писан князь Семен Раманович да Дмитрий Васильевич Шеин.

Да в речи же писано: князь Данило Васильевич, князь Осиф Дорогобужский, князь Володимер Микулинский, князь Михайло Телятевский, Дмитрий Киндырев, Петр Житов».[58]

[56] Герберштейн. С. 67.
[57] Хроника Быховца. С. 113.
[58] РК-98. С. 31.

Победа, видимо, досталась недешево. Потребовались подкрепления, замена одного из воевод — вероятно, вышедшего из строя по ранению (о гибели его в бою известий нет).

В «речи» великого князя установлена иерархия воевод, отвечающая, вероятно, оценке их боевых заслуг великим князем.

По словам Герберштейна, «одним сражением и за один год московит достиг того, что великий князь литовский Витольд добивался в течение многих лет и с превеликими усилиями».[59] Эту оценку значения сражения на Ведроше нельзя назвать преувеличенной. Победа на Ведроше — успех стратегического масштаба, определивший исход всей кампании 1500 г.[60]

Говоря об этой кампании в целом, следует прежде всего отметить характерные черты стратегического руководства русскими войсками. Создание самостоятельных групп на трех операционных направлениях отвечало идее наступления на широком фронте, но таило в себе опасность раздробления сил, однако эта опасность была преодолена благодаря эффективной работе Ставки по координации действий оперативных групп.

Расстояние от Москвы, где, по всей вероятности, находилась Ставка, до театра войны — 300–500 км, т. е. 3–5 дней пути для гонца. Реакция Ставки на положение дел могла почувствоваться на фронте не раньше, чем через 6–10 дней после отправки гонца с донесением. Этим обусловливалась необходимость предоставления воеводам Больших полков на каждом направлении достаточной самостоятельности и инициативы — в соответствии с распоряжениями, отдаваемыми Ставкой. По-видимому, именно эти директивы были основной формой стратегического руководства войсками со стороны верховного командования. В этих условиях расположение Ставки именно в Москве, геометрическом центре стратегического пространства войны, было наиболее целесообразным — она находилась примерно на равном расстоянии от фланговых группировок.

Главной политической целью было присоединение Северской земли, куда были направлены войска с самого начала кампании.

Если войска Якова Захарьича могли быть названы ударной группой, то войска Юрия Захарьича на Смоленском направлении и Андрея

---

[59] Герберштейн. С. 67.

[60] Поэтому никак нельзя присоединиться к мнению военного историка генерал-лейтенанта князя Н. С. Голицына, что «победа [на Ведроше] не имела никаких важных последствий» (*Голицын Н. С.* Русская военная история. Ч. II. СПб., 1878. С. 88–89).

Челяднина на северном являются сковывающими группами, обеспечивающими действия ударной.

Наибольший интерес представляет создание резервной группы — главного средства в руках Ставки. Получая своевременно сведения как о действиях своих войск, так и войск противника, Ставка имела возможность оперативно реагировать на обстановку. Важнейшим решением Ставки было выдвижение резервной группы на Смоленское направление против наступающих сил литовцев. Это сорвало планы гетмана разбить войска Юрия Захарьича и привело к генеральному сражению с полным разгромом противника, чем было обеспечено решение главной задачи кампании — занятия Северской земли. Яков Захарьич мог теперь не опасаться за свой тыл, и через три недели после сражения южная группа войск заняла Путивль. По словам великокняжеской летописи, «шед Яков с князьми, город Путимль взят августа 6, на Преображение Спасово, и князя Богдана Глинского и з женою поимал».[61]

По словам Хроники Быховца, «в ту же осень воевода великого князя Московского Яков Захаринич, и царевич Казанский Магнистели (Магмет-Амин. — *Ю. А.*), и князь Семен Иванович Можайский, и князь Василий Иванович Шемячич, придя, взяли город Путивль и наместника путивльского князя Богдана Федоровича с княгиней и со всеми путивльцами увели в плен, и всю землю Северскую забрали».[62]

Князья Шемячич и Можайский могли прибыть в войска Якова Захарьича только после сражения на Ведроше, в котором, согласно разрядной записи, оба эти князя принимали участие.

В грамоте союзнику — хану Менгли от 11 августа — великий князь перечислил взятые русскими войсками города: Брянск, Мценск, Серпейск, Дорогобуж, Опаков, Почеп, Радогощ, Чернигов, Стародуб, Гомель, Любеч, Рыльск, Новгород-Северский, Трубчевск, Мосальск.[63]

Деятельность русской Ставки по стратегическому руководству войсками в кампании 1500 г. необходимо признать образцовой и соответствующей всем требованиям рационального военного искусства. «Стратегия — это здравый смысл», — говорил Мольтке-старший. Русское верховное командование этим качеством обладало в полной мере, что ярко проявилось в кампаниях и 1471, и 1480 гг., и в не меньшей степени в кампании 1500 г.

---

[61] ПСРЛ. Т. 28. С. 334.
[62] Хроника Быховца. С. 113.
[63] Сб. РИО. Т. 41. С. 318; Базилевич. С. 45.

Однако известно, что плохая тактика может погубить самую хорошую стратегию. Тактическое руководство русских войск в сражении на Ведроше было в руках воеводы Большого полка, на котором лежала фактически вся ответственность за исход сражения главных сил и тем самым — за исход всей кампании. Описание сражения на Ведроше свидетельствует, что тактическое руководство по своим достоинствам и результатам не уступало руководству стратегическому. Оно отличалось инициативностью, изобретательностью и решительностью. На поле сражения князь Даниил Щеня применил маневр, приведший к окружению и полному разгрому противника. Заманив гетмана на правый берег реки, которая, таким образом, оказалась у него в тылу, Щеня сковал противника с фронта и нанес ему внезапный фланговый удар, и разрушением моста в тылу противника поставил гетмана в безвыходное положение. Можно отметить фланговую позицию по отношению к движению противника, которую занял Юрий Захарьич, что заставило гетмана отклониться от прямого пути на Дорогобуж и двинуться в труднопроходимую лесисто-болотистую местность.

Сражение на Ведроше — один из самых ярких и поучительных образцов тактического искусства русского Средневековья, не уступающий по своему уровню Ледовому побоищу и Куликовской битве. Когда Михаил Андреевич Плещеев привез в столицу весть о победе, «бысть тогда радость велика на Москве»,[64] и для этой радости были все основания.

Сравнивая сражение на Ведроше с Куликовской битвой, Е. А. Разин видит дальнейшее развитие тех же тактических принципов. Если на Куликовом поле инициатива находилась в руках татар, прорвавших боевой порядок русской рати, и атака засадного полка зависела от действий татар, то на Ведроше инициатива маневра была целиком в руках русских войск. «Если на Куликовом поле засадный полк нанес удар во фланг противнику, то на Ведроше Сторожевой полк атаковал литовцев с тыла и разрушил мост — единственный путь отступления литовцев. Исход боя был решен комбинированным ударом с фронта и тыла».[65]

Верховное командование литовскими войсками в лице великого князя Александра с самого начала проявляло известную пассивность. Выдвинув крупные силы к Смоленску, великий князь Александр не осуществлял, по-видимому, оперативного руководства этими силами

[64] ПСРЛ. Т. 28. С. 334.
[65] Разин. С. 321–322.

и не оказывал влияния на действия командующего группой гетмана князя Острожского. В распоряжении литовской Ставки не было, видимо, оперативных резервов, которые могли бы быть двинуты на угрожаемые направления. Литовское верховное командование рассчитывало на победу одним ударом, на одном решающем направлении. Потерпев поражение в этом сражении, Александр Литовский полностью отказался от какой-либо инициативы, ограничившись организацией пассивной обороны основных крепостей. В целом стратегическое руководство со стороны Александра Литовского отличается непродуманностью, вялостью и пассивностью.

В тактическом плане руководство гетмана также нельзя назвать удачным. Он не вел разведки, не имел верных сведений о своем противнике; втянув свои войска в лесистое дефиле, он поставил их в трудное положение, утомив длительным маршем; в начале боя, отбросив Передовой полк русских, он дал себя заманить в ловушку, перейдя реку по единственному мосту, который, по-видимому, не охранялся литовцами. Он не сумел предвидеть возможность флангового удара русских и, очевидно, не имел тактического резерва для парирования случайностей. Имея против себя выдающегося тактика в лице князя Даниила Щени, литовский гетман явно оказался не на высоте своего положения.

Как кампания Бонапарта в 1800 г. в Италии или Румянцева в 1770 г. в Молдавии, кампания 1500 г. была выиграна одним сражением и как нельзя более оправдывает афоризм Суворова: «Один час решает успех кампании».

Основной результат кампании 1500 г. — овладение стратегически и политически важным районом на юго-западном направлении. Переход под власть великого князя юго-западных русских княжеств — реальный шаг к возвращению всех русских земель в единое «государство всея Руси». Переход князей на службу Москве не только усиливал ее военную мощь, но и мог быть прецедентом для других православных князей, остававшихся пока под властью католического государя. Разгром литовских войск на Ведроше обеспечивал прочное овладение стратегической инициативой на всем театре войны.

Стратегический и политический результат кампании 1500 г. заставил Александра Литовского начать переговоры о мире (январь-февраль 1501 г.).

КАМПАНИЯ 1501 г.

Несмотря на блестящие результаты кампании 1500 г., общая политическая обстановка в начале 1501 г. усложнилась. Александру Литовскому удалось добиться фактической поддержки своих братьев Ягеллонов, которые заняли угрожающую позицию по отношению к России и пытались оказать на нее прямое давление.

Зимой 1501 г. в Москве шли переговоры с польским, литовским и венгерско-чешским послами. Иван III занял твердую позицию, не побоявшись угроз со стороны Ягеллонов. К положительным результатам переговоры не привели, но было достигнуто соглашение о кратковременном перемирии до прибытия «великих послов».[66]

Весной 1501 г. готовился новый поход.

По данным Разрядной книги, «лета 7009 Апреля князь великий Иван Васильевич всея Руси послал воевод в Литовскую землю.

В Большом полку князь Данило Олександрович да со князем Данилой другой воевода, князь Михайло Карамыш Курбский.

В Передовом полку князь Василий Шуйский Немой.

В Правой Руке Иван Борисович.

В Левой Руке — Петр Борисович.

А из Новагорода велел итить наместнику князю Семену Рамановичю.

А во Тверь отпустил князь великий сына своего великого князя Василья.

А у великого князя Василья во Твери воеводы князь Данило Васильевич, князь Дмитрий Володимерович, князь Володимер Ондреевич Микулинской, Дмитрий Васильевич Шеин, Василий Борисович. Окольничие Григорий да Петр Федоровы дети Давыдовичи, Петр Михайлович Плещеев, Офанасей Сакмышев.

Да с великим же князем Васильем Семен Борисович Брюхо.

Дворецкий князь Василей Голенин».[67]

Можно предполагать, что группа войск князя Данила Александровича с участием новгородских служилых людей должна была двигаться на литовские земли с севера, а группа войск из Твери — с востока. В тверской группировке были сосредоточены, по-видимому, наиболее крупные силы, судя по присутствию великого князя Василия, по числу воевод и по участию князя Даниила Щени.[68]

---

[66] Базилевич. С. 469.
[67] РК-98. С. 31.
[68] Базилевич. С. 474.

К. В. Базилевич справедливо отмечает, что развертывание русских войск по апрельским разрядам носило выжидательный характер. В Москве считались с возможностью литовско-ливонского союза и вторжения противника в северную часть порубежной территории. В этих условиях немедленный поход под Смоленск был рискованным.

Сосредоточение главных сил в районе Твери давало возможность относительно быстро перебросить их как для защиты Новгородско-Псковской области, так и в направлении на Ржев—Великие Луки.[69]

В походе на Литву должны были принять участие и войска Менгли. В послании к хану великий князь сообщал о своей готовности послать весной в Литовскую землю воевод «со многими людьми», отпустить «на дело» своих детей и самому, «ожь дай Бог», отправиться в поход.[70]

Великий князь требовал, чтобы Менгли, в свою очередь, либо сам сел на коня, либо послал с ратью своих детей.[71]

Посол князь Федор Ромодановский был отправлен с этой грамотой 11 марта сразу после окончания переговоров с послами Ягеллонов. Однако в пути он подвергся нападению азовских и ордынских татар, ограблен и захвачен в плен. Выкупленный из плена, он только около 19 июня смог сообщить Менгли содержание своей миссии.[72]

Узнав о пленении своего посла, великий князь 25 мая отправил хану новую грамоту. Он сообщал о начале похода своих воевод и о том, что «украинным людям» велено «со всех сторон воевати Литовскую землю». Он предлагал Менгли двинуться по направлению Киев — Слуцк — Туров — Пинск — Минск.

Исходя из этого К. В. Базилевич обоснованно считает, что главной целью операций русских войск был Смоленск, а действия «украинных людей» из Чернигова, Стародуба и других городов Северской земли должны были носить характер сковывающего удара.[73]

Однако Менгли от предложения великого князя отказался. Он узнал о движении татар Большой Орды к Дону и направился сам на Дон, чтобы поставить там крепость на берегу реки. Таким образом, совместный поход русских и крымских войск весной 1501 г. не состоялся.

[69]Там же. С. 475.
[70]Там же. С. 471; Сб. РИО. Т. 41. С. 377.
[71]Базилевич. С. 471.
[72]Сб. РИО. Т. 41. С. 377.
[73]Базилевич. С. 472.

Наши источники (летописи и разряды) ничего не пишут о ходе и результатах апрельского похода русских войск — вероятно, эти результаты не были значительными.

Но в мае общее положение резко изменилось.

14 мая новгородские наместники князь Семен Романович и Иван Андреевич Колычев Лобан получили директиву, присланную из Ставки с Ярцом Зайцевым.

«Каково будет дело от Литвы, ино б шел с Новагорода намесник князь Семен Романович, а бытии ему с великого князя сыном с великим князем Васильем. А был бы князь Семен в Большом полку, а в полках бы были у него воеводы.

В Передовом полку князь Иван Тулуп да Михайло Ондреевич Колычов.

В Правой Руке князь Иван Буйнос княж Александров сын Хохолков да князь Иван Гундос.

В Левой Руке — Иван да Василей Григорьевы дети Морозова.

В Сторожевом полку назад воевода Игнатий Образец».

С тем же Ярцом была послана и другая инструкция: «в той же речи написано: „Каково будет дело от Немец, и иттить из Новагорода намеснику Ивану Лобану Андреевичю Колычову, а быть ему в Большом полку.

А в Передовом полку воевода Темка Янов.

А в Правую Руку, и в Левую Руку, и в Сторожевой полк воевод разрядить намесникам.

Да Лобану же в речи написано: каково будет дело от Немец и пойдет он на великого князя дело, а, посмотря по делу, пригоже будет взяти с Орешка намесника князя Володимера Турского, а с Корелы наместника Ивана Пужбальского(?).

И Лобану их с собою взять, и велети им быть с собою в воеводах в полках, в котором полку пригоже.

А другой бы намесник, Юрий Сабуров, был в Кореле с кореляны и з земцы.

А будет с Корелы и из Орешка намесников непригоже взять, и Лобану тех намесников с собою не имать.

А в Новегороде со владыкою Генадьем быть Ондрею Ондреевичу Колычову, да дворетцкому ноугородцкому Ивану Волынскому, да дьяку Сумороку Вокшерину(? — *Ю. А.*)“».[74]

---

[74] РК-98. С. 32.

Директива от 14 мая, как и директива июля 1500 г., — это «речь», которая «писана» и передана с посланцем великого князя. Вероятно, первоначальная форма таких инструкций была устная — как и в посольском деле, она передавалась адресату слово в слово. Но теперь «речь» осталась только в названии — инструкции уже давно носят письменную форму.

Инструкция от 14 мая вносит существенное изменение в развертывание новгородских войск.

Если апрельские планы ориентировали новгородское ополчение на выступление против Литвы в составе рати князя Данилы Александровича, то теперь новгородское ополчение делится на две группы, одна из которых, соединившись с войсками из Твери, идет на Литву, а другая нацеливается на действия против ливонских немцев. Это — вторая группа во главе с вторым новгородским наместником, который наделялся большими полномочиями. В зависимости от обстановки он мог мобилизовать гарнизоны Орешка и Корелы во главе с их наместниками, оставляя при этом в Кореле другого наместника с гарнизоном из служилых корелян и земцев, т. е. городового земского ополчения — очевидно, на случай нападения шведов. Новгородское наместничество представляло собой большой военный округ, который подразделялся на малые городовые округа во главе с их наместниками. Директива 14 мая отражает новую стратегическую ситуацию: начались нападения ливонских немцев, заключивших союз с Александром Литовским.[75]

Совместный поход был назначен на 25 июля, но в связи со смертью короля Яна-Альбрехта (17 мая) и процедурой выборов нового короля (Александра Литовского) был отложен до 28 августа.[76]

Однако фактически враждебные действия начались раньше.

2 мая фогт Нарвы сообщил в Ревель, что совершил нападение на русские земли, но потерпел неудачу и понес большие потери. Он просил о скорейшей присылке подкреплений.[77]

По-видимому, именно это нападение вызвало появление директивы русской Ставки 14 мая.

Летом в Дерпте была предпринята широкая враждебная акция против русских купцов из Пскова — было захвачено 25 учанов с товарами, а 150 купцов посажены в погреб.[78] Протесты псковских и новго-

[75] Базилевич. С. 473.
[76] Казакова. С. 221.
[77] Базилевич. С. 473.
[78] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 84–85.

родских властей успеха не имели. Псковичи обратились за помощью к «князем великим Ивану Васильевичю и Василию Ивановичю, и князи *великие ялися отчину свою боронити от немец*».

После повторного обращения псковичей «князи великие прислали воевод своих князя Василия Васильевича Шуйского и со князи и с помещики с новгородскими и людьми своими и со всею ратною приправою. И в другую неделю приехал князь Данилей Пенко и с товарищи и со всею силою своею и жили во Пскове три недели», с 1 по 22 августа, на Завеличье и на Полонище.[79]

Хозяйственные псковичи, как всегда, подсчитали свои расходы по содержанию великокняжеских войск: «Овса сто зобниц, и сена сто стогов, да тое протори, кое на колачи, кое на хлебы, 25 рублев на один день».[80]

Войска «в землю Немецкую не поидут без государева повеления». Псковичи посылали к великому князю еще двух гонцов, одного за другим, что «немцы жгут и грабят, и головы секут, и живых ведут в свою землю». Только после этого «великие князья велели воеводам своим князю Данилу Олександровичю и князю Василию Васильевичю воевати Немецкую землю со князем псковским и с посадники, и со псковичи. А делали бы дело с пословицы, как вам Бог положит на сердца...».

Поход начался «... того же месяца [августа] в 22 поехали первый стяг с воеводами, в день недельный, и иные стяги на второй день; князь псковский Иван Иванович Суздальский с посадники и со псковичи, и воеводы великого князя, князь Данила Олександрович Щеня (ошибка; на самом деле, Пенко. — *Ю. А.*) и с людьми своими, и князь Василей Васильевич Шуйский, наместник новгородский и с помещики, и с людьми своими, и тверские воеводы Иван да Петр, оба Борисовича, и с товарищы воевать Немецкой земле... А иная рать, добровольныя люди, во ушкуях и в лодьях не учиниша ничего же, а сами приехали все здорови».

Известие Пск. 1 летописи позволяет сделать ряд выводов.

Враждебные действия дерптских властей начались, видимо, при-

---

[79] Хотя псковский летописец говорит о приходе не только новгородцев, но и тверичей, среди воевод нет наиболее авторитетных — князя Данилы Щени и Якова Захарьича. Это свидетельствует о масштабах похода — главные силы в нем не участвовали.

[80] По расчетам К. В. Базилевича, исходя из того, что псковская зобница равна 14 пудам, а суточная дача овса — 10–12 фунтов, 100 зобниц могли прокормить 5000–5500 лошадей (Базилевич. С. 470. Примеч. 2).

мерно в одно время с нападением нарвского войска на Новгородскую землю. Тогда-то и появилась директива от 14 мая.

Великий князь (и его формальный соправитель-наследник) проявили крайнее нежелание вступать в конфликт с Ливонией.[81] Войска прибыли в Псков только после неоднократных просьб псковичей и длительное время стояли в бездействии. Великий князь, возможно, надеялся, что само присутствие его войск во Пскове окажет на немцев умиротворяющее влияние и заставит их прекратить враждебные действия, как было, например, в 1473 г., когда прибытие во Псков войск князя Холмского заставило немцев заключить «Данильев мир». И только когда эти надежды не оправдались, а враждебные действия немцев усилились, войска двинулись на Ливонию.

Нападение немцев вызвало перегруппировки русских войск.

Уже директива 14 мая отражает серьезные изменения по сравнению с апрельскими разрядами. В апрельских разрядах похода на Литву упомянуто шесть воевод в группе князя Данилы Александровича Пенка и шесть воевод — в тверской группе великого князя Василия.

В директиве 14 мая для похода на Литву названо семь воевод, из которых только один, князь Семен Романович, упоминался в апрельских разрядах. По-видимому, создавалась новая группировка войск, уже не подчиненная князю Даниле Пенко.

Той же директивой формируется группа войск для действий против немцев во главе со вторым новгородским наместником, наделенным большими полномочиями. Только его ближайший помощник, воевода Передового полка, назначен великим князем. Воеводе Большого полка было предоставлено право распоряжаться гарнизонами городов на Свейском направлении.

В августе во Псков прибыли войска, предназначенные для действий против немцев. Летопись называет пять воевод, из которых четыре упоминаются в апрельских разрядах похода на Литву, в том числе и воевода Большого полка.

Можно думать, что группировки, первоначально нацеленные на Литву, теперь были переориентированы на ливонское направление.

О боевых действиях на литовском фронте весной–летом, вплоть до сентября 1501 г., в наших источниках сведений нет. Можно сделать предположение, что крупных боевых действий на этом направлении весной–летом не было — возможно, в связи с нападением немцев и с отсутствием помощи от Менгли, занятого борьбой с Ахматовичами.

[81] Казакова. С. 222.

Согласно разрядным записям, 7 августа Менгли сообщил великому князю, что стоит против Ахматовичей «на другой стороне Тихие Сосны» при устье и у Дона, «а улусы Шихматовичи на сей стороне Волги, и князь великий бы послал на улусы рать свою. И князь великий посла на улусы царя Магмедемина, а с ним князя Василия Ноздреватого».

Было отдано распоряжение и великой княгине Рязанской послать воевод Сунбула Тутыхина и Микиту Инкина сына Измайлова, а князю Федору Рязанскому — послать воеводу Булгака Денисьева.[82]

На открывшемся южном направлении на помощь союзнику посылаются силы казанского вассала и рязанские воеводы, которыми великий князь распоряжается как своими. О помощи со стороны Менгли на литовском направлении в таких условиях речи быть не могло.

Центр тяжести военных действий временно перемещается на северо-западное направление. Войска, собранные в августе во Пскове, вступили в боевое соприкосновение с противником. Об этом событии есть краткие сведения в Пск. летописи. 27 августа «наехали силу немецкую князь псковский Иван Иванович Горбатый с воеводы великого князя, и с посадники, и с псковичи на Серицы за Изборском 10 верст. И начаша псковичи с Немцы биться на мал час, и ту падоша Псковичей 20 человек, а Немец и чюди бес числа. И князь псковский и с посадники псковскими и воеводы великих князей и ступишася первая с Немцы. И напустиша буртальники немецкии ветр на псковскую силу и на московскую силу, и пыль ис пушек и ис пищалей.

И [не] бысть пособие Божие псковичам. И убиша на первом сступе Ивана Теншина посадника псковского, и побегоша первые псковичи.

И они, поганые, повернуша на московскую силу пушками и пищалями, и бысть туча велика, грозна и страшна от стуку пушечного и пищального. И потом москвичи побегоша, и бежали металша своя быте. И изборяне выскоча из Ызборска городка, как они бежали мимо городок, и грабиша то быто московское и псковское изборяне.

И бысть во Пскове плач и рыдание, а Немцы не гонилися.

А Немцы на завтрее под Изобреск поидоша, и изборяне сами посад свой зажгоша. И начаша бити пушками городок Изборск, и городок Бог ублюде и святый Никола. И стояли под Изборском день да ночь, и поидоша к Великой реке в Колбежици, жгучи и тручи землю псковскую, к бродам по Завелицкой стороне.

А князь псковской и с посадники псковскими и со псковичи сполна коневая рать, а молодые люди два третьего крутили щитом да су-

---

[82] РК-98. С. 32.

лицею, и поидоша противу их по другу сторону Великой реки, а ту бишася с Немцы много на бродах.

И придоша Немцы к Острову городку».[83]

В Воскр. летописи события на Серице отнесены к октябрю, что противоречит всем другим источникам. Воевод великого князя — князя Данила Александровича Пенка «и иных» — «встретиша Немцы многие люди безвестно на Сирице, и потопташа Немцы, не поспели воеводы великого князя воружетися. И на том бою убили воеводу великого князя Ивана Борисовича Бороздина, убиша ис пушки. И князь Данило отъиде и ста во Пскове».[84]

Несмотря на явно ошибочную дату, сообщение Шумиловского списка представляет определенный интерес. Оно приписывает неудачу на Серице внезапности нападения немцев, называет имя погибшего воеводы и уточняет обстоятельства его гибели. Московские войска отошли ко Пскову, и в дальнейших осенних боях против немцев не участвовали. В распоряжении составителя Воскр. был какой-то официальный памятник, использованный им только частично и к тому же неумело (вставлен не на нужное место). Тем не менее сведения этого источника не могут игнорироваться.

По данным немецких источников, магистр Вальтер фон Плеттенберг должен был 29 августа соединиться с литовскими войсками полоцкого наместника.[85] Битва на Серице произошла во время этого движения немцев. По данным немецкого источника («Schonne Hysthorie»), у магистра было 4 тыс. всадников, 2 тыс. пеших кнехтов и всего вместе с обозами, артиллерией и крестьянами до 80 тыс. человек.[86] По данным того же источника, численность русских войск составляла 30–40 тыс.[87]

К. В. Базилевич на основе подсчета расходов псковичей на содержание войска определяет численность войска (25 рублей в день, считая по 1 деньге на человека), приведенного воеводами во Псков, в 5–6 тыс. человек.[88] Эту цифру можно принять, если считать только служилых людей, т. е. вооруженных всадников. В таком случае оказывается, что русская конница примерно сопоставима с немецкой. Что касается пятизначных чисел, приводимых немецкими хронистами, то они вызыва-

[83]ПСРЛ. Т. 5/1. С. 85–86.

[84]ПСРЛ. Т. 8. С. 241.

[85]Казакова. С. 222–223.

[86]Ту же цифру (80 тыс.) называет участник похода Дитрих Шлибен (Liv-Est-und Kurländisches Urkundenbuch. Стб. 2. Bd 2. Рига; Москва, 1905) (далее — LUB. 2, II).

[87]Казакова. С. 223.

[88]Базилевич. С. 478.

ют большое сомнение — такого огромного войска не могли выставить в поле ни немцы, ни русские. Речь могла в данном случае идти только о невооруженных людях, сопровождавших войска (обоз и т. п.).

Русские войска были наголову разбиты. Исходя из рассказа Пск. летописи, причинами этого было, во-первых, широкое применение немцами артиллерии, неожиданное для русских, во-вторых, недостатки организации и управления русскими войсками. Они вступили в бой по частям, взаимодействие между псковичами и москвичами достигнуто не было.

Наш источник ничего не говорит о численном превосходстве противника, что обычно делается в случае неудачи. Можно думать, что если превосходство в численности у немцев и было, то оно не играло существенной роли и было просто не замечено русскими.

Едва ли можно считать правдоподобными сведения поздней Воскр. летописи, что немцы убили лишь «немногих людей». Этому не соответствует картина бегущих с поля боя войск, бросающих по дороге свое имущество («быто»).

Масштаб и значение поражения наших войск в сражении на Серице не следует преуменьшать — «бысть во Пскове плач и рыдание». Однако в сражении на Серице, как справедливо отмечает К. В. Базилевич, не участвовали главные силы русских — они, судя по именам воевод, оставались на старом месте, в районе Твери.[89]

На следующий день после боя немцы оказались под стенами Изборска. Изборянам, которые грабили «быто» бегущих с поля боя воинов, пришлось сжечь свои посады и выдержать артиллерийский обстрел, который продолжался целые сутки («день и нощь»). Но противник двинулся дальше, к самому Пскову, создав прямую угрозу захвата бродов через Великую. Псковичам пришлось провести своего рода тотальную мобилизацию по очень жесткой норме и с трудом, «много бишася» отстоять броды.

Отбитые от бродов, немцы пошли по псковской земле к югу. «Месяца сентября в 7 день» они «начаша бити пушками городок Остров, и огненные стрелы пущати... и плениша дом святый Николы и городок взяше и огнем выжгоша, иных мечю предаша, а иных огнем сожгоша, и жен, и детей в нощь в 8 день, на Рождество Святой Богородицы, и того дни прочь отъидоша».

Гибель Острова была предрешена разгромом на Серице. «Псковские воеводы и псковичи островитянам не помогаша ничем же, и сто-

[89]Там же.

яли отъехав от городка три версты, как Немцы городок биша и огненные стрелы пущаще, а псковские воеводы и Псковичи только смотряше».

Эта позорная картина бездействия войск, пассивно смотревших на гибель русского города, пригорода Пскова, может объясняться только деморализацией псковичей после поражения на Серице. О московских и тверских войсках не говорится ничего — видимо, они были после разгрома на Серице выведены из Пскова.

После взятия и сожжения Острова магистр вернулся к Изборску «и ночеваше под Изборском, и на завтрее поидоша прочь и западоша» (устроили засаду). Глубина операции немцев не превосходила 60–70 км.

Изборяне «пришедше на стан, где Немцы ночевали» — очевидно, для захвата брошенного немцами «быта». «И ударишася на них Немцы западные, и гнашася за ними до самые стены, и всех иссекоша, а иных руками яша 130 человек».

По данным немецких источников, Плеттенберг уже 14 сентября вернулся в Ливонию. По немецким данным, горожане и другие жители Ливонии не проявляли желания отправляться в новый поход.[90]

Целью похода магистра было, по его словам, совместное с литовскими войсками овладение Псковом.[91] В этом смысле поход Плеттенберга оказался бесплодным. Однако и русский план наступления на Ливонию из Пскова также потерпел неудачу.

События конца августа — начала сентября на псковско-изборско-островском направлении показали не только слабость организации командования соединенными московско-псковскими войсками, но и кризис военной организации Господина Пскова. Соединенных действий Пскова и его пригородов не было — каждый заботился только о собственной защите и не оказывал друг другу никакой помощи. Жители Изборска проявили низкие моральные качества, грабя отступавшее московско-псковское войско и поддавшись на подстроенную немцами ловушку, умело рассчитанную опять же на корыстолюбие жителей Изборска.

Показателем упадка старой военной организации может служить и бесплодный поход «добровольных людей» в ушкуях и лодьях.

Псковский летописец отмечает важный факт: «Немцы с Литвою совокупися, а быти им было вместе подо Псковом, а пан Черняк не

[90] LUB. 2, II. N 181. S. 118.
[91] Казакова С. 224.

поспел, под Опочкою услышал, что Немцы выжгли Остров, а Литва мало не взяла Опочки».

Соединение немецких и литовских войск не состоялось, но оперативное взаимодействие было фактически достигнуто. В сентябре Псковская земля переживала тяжелые времена под ударами двух сильных противников. Оперативная обстановка на северо-западном (псковско-ливонском) направлении складывалась для России неблагоприятно.

Русскому ВГК приходилось решать насущную задачу борьбы на двух независимых операционных направлениях — против Литвы и против Ордена. При этом общая обстановка на западном (литовском) направлении в целом была благоприятной и определялась крупными успехами предыдущей кампании.

На северо-западном (ливонском) направлении, напротив, обстановка для русских войск была невыгодной и определялась крупными неудачами, в результате которых противник захватил инициативу.

В этих условиях русская Ставка приняла решение использовать благоприятную ситуацию на литовском фронте и нанести удар в обход смоленского плацдарма с юга. В случае успеха эта операция создавала угрозу Смоленску и заставляла противника оттянуть свои силы на юг, затрудняя взаимодействие литовских и орденских войск.

Согласно разрядным записям, «сентября в 24 день посла князь великий в Стародуб ко князю Семену и ко князю Василию Шемячичю воевод своих князя Олександра Владимировича Ростовского и иных своих воевод и велел им со людьми быть по полком. И князи ходили ко Мстиславлю, и князя Михаила Ижеславского и королевских воевод побили, а Федня Скрыпова изымали и посады пожгли, а князь Михаил Ижеславский, да Якуш Костевич да Остафей Дашков утекли в город.

А были тогда по полком:

В Большом полку со князем Семеоном Стародубским и со князем Василием Шемячичем были великого князя воеводы князь Олександр Володимирович Ростовский да Семен Иванович Воронцов.

В Передовом полку — князь Петр Семенович Ряполовский-Лобан да князь Иван Михайлович Воротынский.

В Правой — Григорий Федорович.

В Левой — Иван Васильевич Жук.

В Сторожевом — князь Василий Васильевич Ромодановский».

Получив донесение о победе под Мстиславлем, «князь великий послал ко князем и к своим воеводам Ивана Микулина сына Ярого». Победа под Мстиславлем заслужила высокую оценку со стороны ве-

ликого князя: «Ино то милосердный Бог своим милосердием, так и помиловал, и вашею службою, и мы о том Богу хвалу воздаем, а вас, оже дай Бог, за вашу службу жаловати хотим». Одновременно «велел князь великий князю Олександру и иным воеводам ехати к себе. А у князей велел остатися в Стародубе князю Ивану Воротынскому да князю Лобану Ряполовскому, написал Воротынского наперед, а Ряполовского после его. А вдругоряд написал к воеводам в речи у Ивана же у Ярого потому же: князь Иван Воротынский да Лобан князь Петр Ряполовский».[92]

В походе на Мстиславль разрядная запись перечисляет имена семи воевод по пяти полкам. Само количество воевод и наличие вторых воевод в Большом и Передовом полках может свидетельствовать о крупных силах, посланных в поход, и о значении похода на Мстиславль.

Формально воеводы великого князя посланы «ко князьям», только что перешедшим на русскую службу и сохранившим внешние признаки своего княжеского суверенитета. Фактически, по всей вероятности, все управление войсками находилось в руках великокняжеских воевод. Из семи воевод шесть — из старых великокняжеских служилых людей, в том числе трое — из удельных князей. Один воевода князь Иван Михайлович Воротынский еще совсем недавно служил великому князю Литовскому. На новой службе он занимает видное положение. Хотя в походе на Мстиславль он — второй воевода Передового полка, позади князя Петра Лобана Ряполовского, в «речи» великого князя он стоит на первом месте — выше своего недавнего начальника.

После победы пять воевод из семи отзываются в распоряжение великого князя, и в Стародубе остаются только двое.

Великокняжеская летопись, рассказывая об этом походе, называет князя Александра Владимировича Ростовского, Семена Воронцова и Григория Федорова сына Давыдовича, т. е. имена обоих воевод Большого полка и воеводы полка Правой Руки.[93]

«И приидоша воеводы ко городу Мстиславлю ноября 4 в четверг. И встрете их из града князь Михайло Ижеславович и зять князя Юрьев Лугвеневича да великого князя Олександра Литовского воеводы Остафей Дашкович з двором великого князя [и] заставою, и з жельныри... и Божиею милостию одолеша полци великого князи Ивана Васильевича... Князи же и воеводы великого князя, постояв

[92]РК-98. С. 32–33.
[93]ПСРЛ. Т. 28. С. 335.

у города, землю учинише пусту и возвратишася к Москве с великим пленом».[94]

Известие великокняжеской летописи позволяет внести уточнения в сообщение разрядной записи. Уточняется имя одного из воевод, главное же — называется точная дата выхода к Мстиславлю и боя с литовцами. От решения об отправке войск до выхода к Мстиславлю прошло полтора месяца. Столь долгий срок можно объяснить осенней распутицей, влиявшей на темп сбора и перегруппировки войск. Операция, во всяком случае, прошла успешно — литовцы были разбиты, хотя сам город остался в их руках. Следует отметить, что здесь впервые упоминаются в составе литовских войск «жолныри». Хроника Быховца рассказывает о походе русских войск (Семена Можайского) к Мстиславлю, где «сидело в осаде много литовских людей». Князь же Михаил Мстиславский узнал, что «князь Семен Можайский идет с москвичами к Мстиславлю. И, окружив город Мстиславль, стояли немало времени, и причинив немало зла около города, ушли обратно».[95]

Литовское известие в целом не противоречит русским. Нет только рассказа о бое под Мстиславлем и о поражении литовских войск. Важно отметить указание на многочисленность литовских сил в Мстиславле.

Следует иметь в виду хронологические несообразности в Хронике Быховца. Так, сражение на Ведроше отнесено к 1499 г., а поход русских к Мстиславлю соединен с походом Дмитрия Жилки на Смоленск в 1502 г. и отнесен к 1500 г. Однако известие о походе на Мстиславль само по себе вполне достоверно и подтверждено русскими источниками.

Победа под Мстиславлем — самое крупное событие кампании 1501 г. на литовском фронте. Высокая оценка этой победы в «речи» великого князя к воеводам говорит о значении, которое ей придавалось. По мнению К. В. Базилевича, присутствие в Мстиславле двора Александра Литовского свидетельствует о том, что здесь были собраны основные силы литовских войск.

Для оценки стратегического значения победы под Мстиславлем необходимо учитывать обстановку, сложившуюся к осени 1501 г. на южном направлении в связи с походом Большой Орды к Тихой Сосне (правый приток среднего Дона). Как мы уже видели, поход Ших-Ахмета вынудил Менгли-Гирея отказаться от нападения на Литву и за-

[94] По данным Воскр. летописи, потери противника достигали 7 тыс. человек (ПСРЛ. Т. 8. С. 240–241).

[95] *Хроника Быховца. С. 115.*

ставил его просить помощи у великого князя. Но дело было не только в этом.

По данным Хроники Быховца, осенью 1501 г. «царь Заволжский Ших-Ахмет со своею ордою... а с ним посол великого князя Александра... приехали в землю Северскую, и стал под Новгородом Северским и другими городами, землю же всю, почти до самого Брянска, заполонил бесчисленным воинством». Захватив несколько городов, Ших-Ахмет послал к Александру Литовскому, призывая его «соединиться с ним» против Менгли-Гирея и великого князя Московского.[96]

Фактически речь шла о нашествии на южную окраину России. Под угрозой находились Путивль, Рыльск, Курск, Елец, земли Северского и Стародубского княжеств. Были сведения, что Ших-Ахмет стоит у Рыльска в 300 км от Мстиславля. Северские земли оказались под угрозой двойного удара: с юга — татарской конницы, с севера — литовских войск.

Стратегическое значение победы под Мстиславлем в том, что она сорвала, во-первых, план совместного нападения литовских войск и Большой Орды на Чернигово-Северскую землю, во-вторых — совместные действия литовцев с Орденом. В задачу похода входило не овладение сильно укрепленным городом, а разгром собранных под ним войск.[97]

Победа под Мстиславлем улучшила общее положение на фронте и облегчила возможность нанесения удара на ливонском направлении.

Рассказав о походе на Мстиславль, разрядные записи продолжают: «того же лета посылал князь великий из Великого Новгорода воевати Немецкие земли воевод по полком.

В Большом полку наместник новогородский князь Данило Васильевич Щеня да князь Иван княж Васильев сын Васильевича Шуйского, да князь Борис Тебет Уланов.

В Передовом полку наместник же ноугородский князь Василий Васильевич Шуйский да князь Петр Лобан Семенович Ряполовский.

В Правой Руке князь Осиф Андреевич Дорогобужский да Петр Житов.

В Левой Руке князь Володимер Ондреевич Микулинский да князь Федор Юрьевич Прозоровский.

---

[96] Там же.

[97] Там же. С. 482–483.

В Сторожевом полку Семен Карпович да Михайло Ондреевич Кольчев да князь Семен Ромодановский».

Никаких дальнейших сведений об этом походе разрядные записи не содержат.

По данным великокняжеской летописи, «тое же осени, октября, посылал князь великий воевод своих, князя Данила Олександровича Пенка, да князя Данила Щеня Васильевича, да князя Олександра Васильевича Оболенского и иных воевод со многими людьми Немецкие земли воевати Ливонскые за их неправду, что они воевали отчину его Псков, да и гостей его поимали в Юрьеве. Воеводы же поидоша и начаша Немецкую землю пленити, и жечи, и сечь, и в полон вести. И внезапу случись им бой велик на третьем часе нощи, ноября 20 день, приидоша Немцы безвестно с стороны со многою силою, с пушками и с пищалями. И Божиею милостию воеводы великого князя одолеша их, овех побиша, а иных поимаша, а мало их утече. И тогда на том бою убиша князя Александра Васильевича Оболенского.

И ходиша воеводы близ Колывани, выидоша на Иваньгород, а землю Немецкую учинили пусту».[98]

По сообщению Пск. летописи: «Месяца октября в 18 день послали великие князи Иван Васильевич и Василий Иванович своего воеводу князя Олександра Оболенского с силою московскою и царя татарского с татары, а велели им великие князи итти в Немецкую землю со Псковичами воевати.

И поехаша воеводы великих князей и Псковичи в землю Немецкую, того же месяца в 24, и начаша землю Немецкую воевати. А яша собе воеводы великих князей Правую Руку, а Псковичи Левую Руку.

И услышавши воеводы великих князей, что под Гельменем городком сила немецкая Юрьевская, и изъясачившася и поидоша на них, и начаша с Немцы битися.

И на первом сступе убиен бысть господин благоверный князь Александр Оболенский, за Святую Живоначальную Троицу, и за святые церкви и за отчину государей великих князей и за псковскую отчину.

И биша поганых Немец на 10 верстах, и не оставиша их ни весто ноши. А не саблями светлыми секоша их, но биша их москвичи и Татарове аки свиней шестоперы.

И идоша мимо Юрьев и Ругодиво к Ивангороду. А псковичи труп

[98] ПСРЛ. Т. 28. С. 335.

наехаша на 3 день, а не ведаша того бою. И выидоша же Псковичи на Ивангород».[99]

Сравнение летописных сообщений с разрядными записями свидетельствует об их большом расхождении. Из двенадцати воевод, названных в разрядах, великокняжеская летопись упоминает только одного — новгородского наместника князя Данила Щеню, а Пск. летопись — никого. Такие большие расхождения не могут быть случайными.

Между великокняжеской и Пск. летописями существенных расхождений нет. Разница только в перечне воевод: из трех воевод великокняжеской летописи Пск. знает одного. В рассказе об осеннем походе 1501 г. обе летописи взаимно независимы, но не противоречат, а скорее дополняют друг друга, показывая одни и те же события соответственно с московской и псковской точек зрения.

Первичность разрядных записей перед известиями великокняжеской летописи в принципе несомненна. Столь же несомненно, что составитель известия великокняжеской летописи об октябрьско-ноябрьском походе в Ливонию не пользовался известными нам разрядами и писал о событии, которое в этих разрядах не отразилось. С другой стороны, в разрядах не отразились сведения об осеннем походе на немецкие земли во главе с князем Данилом Александровичем Пенко. Перед нами трудноразрешимый источниковедческий парадокс, свидетельствующий, во-первых, о неполноте дошедших до нас разрядных записей за 1501 г., во-вторых, о неполном, выборочном, использовании разрядных записей летописцами.

Для суждения о событиях осени 1501 г. на ливонском фронте единственным нашим источником становятся летописные известия.

Моск. летопись содержит краткий официальный отчет о бое. Здесь важно указание на внезапность встречи (для русских), наличие сильной артиллерии у противника, которая, однако, в отличие от сражения на Серице, не вызвала замешательства у русских и не сыграла крупной роли. Глубокий рейд — до самой Колывани (Ревеля) — было возможно осуществить только многочисленной конницей (скорее всего, татарской). Глубина операции московских войск достигала 250 км.

Наиболее подробное изложение событий осеннего похода в Ливонию содержит Пск. летопись. Как и в других случаях, она является официальной псковской хроникой, весьма близкой к документальным источникам. Она содержит реалии, отсутствующие в Моск. летопи-

[99] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 86–87.

си, точные даты событий, указывает место боя с немцами, сообщает об участии в походе татар, некоторые подробности боя. Обращает на себя внимание, что Пск. летопись всегда говорит о великих князьях во множественном числе, называя рядом с настоящим великим князем его наследника (официального «государя Новгорода и Пскова»), чего никогда не делают ни великокняжеская летопись, ни разряды.

В отличие от своего обыкновения, Пск. летопись не говорит о вечевых собраниях во Пскове и не называет имен предводителей псковского войска — князя и посадника.

Наступление в Ливонию русские войска осуществляли двумя колоннами, между которыми не было непосредственной связи. В бою под Гельмедом участвовали только москвичи и татары, а псковичи узнали о бое только на третий день. Противниками великокняжеских войск были войска дерптского епископа, которые и были разбиты, из чего можно заключить, что эти войска не действовали совместно с другими силами немцев. В отличие от Моск. летописи, Пск. ничего не пишет о рейде к Колывани — возможно потому, что сами псковичи в этом рейде не участвовали. Глубина операции псковских войск достигала 200 км.

По данным ливонских хроник, русские войска совместно с татарами вторглись в Ливонию 31 октября. Численность их достигала 90 тыс. человек; они не встретили должного сопротивления, так как силы Ордена были ослаблены эпидемией. Русские войска прошли через все Дерптское епископство, частично — через Рижское и Ревельское, через области Мариенбург, Адзель, Трикатен, Гельмед, Тарваст, Ервен, Везенберг, Тольсбург, Нарву со всей Вирландией и увели с собой в плен 40 тыс. человек. Немецкие хроники, таким образом, подтверждают известия русских источников о большом рейде в глубь вражеской территории и разорении ее.[100]

Особый интерес представляют документальные источники.

В письме от 23 ноября Плеттенберг сообщает гроссмейстеру Ордена о вторжении в Ливонию 1 ноября русского войска, состоящего из новгородцев, псковичей, москвичей и тверичей, при участии татар. Во главе этого войска стояли три военачальника. Русские подоходили на 6 миль к Вендену: разгромив Дерптское епископство, русские остались в стране. Плеттенберг умоляет о помощи и сообщает о своем обращении к литовским властям с просьбой о выступлении в тыл

[100]Казакова. С. 225.

русским.[101] В письме от 28 декабря Плеттенберг сообщает о разорении Дерптского епископства, местностей у Мариенбурга, Везенберга, Нарвы, Нейшлота и об уходе русских через Вирландию. Во время пребывания русских в Ливонии силы немцев для отпора им должны были соединиться у Гельмеда. Но силы Дерптского епископа подошли сюда за день до срока и столкнулись с русскими. У епископа было убито в бою 300 человек, у русских — 2 тыс.[102]

Ревельский бургомистр в письме от 26 ноября (на другой день после сражения) пишет, что после первоначального успеха войска дерптского епископа под Гельмедом были разбиты, погибла большая часть кнехтов, русские захватили пушки и пушечные снаряды и двинулись к Феллину.[103]

Сведения русских летописей оказываются вполне достоверными — под Гельмедом наши войска одержали большую победу.

Осенне-зимний поход в Ливонию можно расценивать как крупный успех оперативного масштаба. Противнику был нанесен большой материальный и моральный ущерб, войска его были разбиты. Орденское командование не сумело организовать своевременно отпор русским войскам.

Кампания 1501 г. фактически закончилась этим походом. В декабре 1501 [7010] г. начался новый поход на Литву, относящийся уже к кампании 1502 [7010] г.

Основные особенности кампании 1501 г. — борьба против двух противников, на двух операционных направлениях. Этим кампания 1501 г. принципиально отличается от предыдущей. Задачи, стоявшие теперь перед русским ВГК, значительно усложнялись.

Важнейшая из этих задач — определение главного противника. Как видно по разрядам и летописям, таким противником с самого начала считалась Литва. Тем не менее уже с мая ВГК выделило силы и на северо-западном (ливонском) направлении. Союз с Менгли оказался неэффективным — сам Менгли был вынужден просить помощи против Ахматовичей. Напротив, союз Александра Литовского с Большой Ордой оказал значительное влияние на ход событий, сковав силы крымского хана.

Очевидно, что крупномасштабного наступления на литовском фронте, сопоставимого с кампанией 1500 г., осуществить не удалось.

[101] LUB. 2, II. N 195. S. 130–132.
[102] Ibid. N 213. S. 146–148.
[103] Ibid. N 196. S. 133–134.

Весной и летом, по-видимому, заметных событий не произошло, судя по молчанию наших источников.

Первое крупное наступление на литовском фронте развернулось только в октябре — начале ноября на мстиславльском направлении и ознаменовалось успехом оперативно-стратегического масштаба. Непосредственного продолжения эта операция, по-видимому, не получила, но оказала большое влияние на ход событий на всем фронте.

Нападение Ордена заставило выделить силы против Ливонии. Поражение на р. Серице создало кризис на северо-западном фронте, для преодоления которого в октябре–ноябре было осуществлено глубокое вторжение в Ливонию.

Крупный успех этих операций позволил возобновить наступление против главного противника.

Стратегическое руководство русскими силами успешно решило основную задачу — ведение боевых действий на двух расходящихся направлениях. Сковывая силы противника на одном направлении, русское командование наносило удар на другом. Для проведения таких операций, в сущности, по внутренним операционным линиям требовалась четкая работа Ставки. Как и в прошлых кампаниях, Ставка руководила войсками с помощью директив, рассылаемых воеводам.

Крупную роль сыграл стратегический резерв ВГК — его умелое использование позволило в целом добиться успеха в сложных условиях войны в одиночку против двух противников при отсутствии реального союзника.

Вместе с тем главная задача, поставленная великим князем, — овладение Смоленском — решена не была. В силу сложившейся реальной обстановки кампания 1501 г. в стратегическом отношении носила, в основном, активно-оборонительный характер.

Кампанию 1501 г. в известной степени можно сравнить с кампанией 1480 г. В обоих случаях решалась задача борьбы на два фронта, на двух самостоятельных направлениях (в 1480 г. — стратегических, в 1501 г. — операционных). Однако способ решения этой задачи, сам характер обеих кампаний представляют существенные различия.

В 1480 г. на обоих стратегических направлениях русские войска в силу сложившихся обстоятельств занимали жесткую («пассивную») оборону, предоставляя инициативу ведения боевых действий противнику. При этом сохранялся стратегический резерв — главное средство в руках ВГК.

Кампания 1501 г. проходила в более благоприятных условиях. За двадцать лет Россия окрепла и могла теперь ставить перед собой задачи наступательного характера.

В 1501 г. образ действий русских войск можно охарактеризовать как гибкий наступательно-оборонительный. Активная оборона на одном направлении сочетается с наступлением на другом. Фактически нанесение ударов попеременно на западном и северо-западном направлениях возможно было только при сохранении стратегического резерва и умелом маневрировании им.

В тактическом отношении можно отметить отказ от осады крепостей и стремление вести боевые действия в открытом поле. Применение противником артиллерии в полевом бою было первоначально неожиданным для русских войск, но уже во втором сражении с немцами их артиллерия не повлияла на исход боя и была частично захвачена русскими. О применении артиллерии русскими войсками сведений нет — она еще не стала необходимой составной частью войска. Главным родом войска оставалась поместная конница — именно она решила исход ливонской операции.

В организационном отношении можно отметить упадок старой вечевой военной системы Господина Пскова и, следовательно, возрастание роли и удельного веса новой военно-служилой системы Российского государства. Можно отметить рост значения Сторожевого полка, в который теперь назначаются два–три воеводы. Это свидетельствовало о дальнейшем развитии полковой системы организации полевых войск.

Вопрос о численности войск остается по-прежнему наиболее сложным. Цифра в 5–6 тыс. всадников, выведенная К. В. Базилевичем на основе данных Пск. летописи, представляется вполне правдоподобной. По данным немецких источников, в битве на Серице у магистра было 4 тыс. всадников и 2 тыс. кнехтов, а всего до 80 тыс. Это означает, что на одного комбатанта приходилось до 18 человек обслуги-обоза и т. п. Надо полагать, что и в русском войске было примерно такое же соотношение.

В целом кампания 1501 г. показала дальнейшее развитие тех начал организации и управления войсками, которые были закреплены и положительно проявили себя в кампаниях предыдущих десятилетий. Это, прежде всего, ВГК как орган стратегического руководства войсками и создание самостоятельных операционных направлений во главе с воеводами, действующими по директиве ВГК.

КАМПАНИЯ 1502 г.

Кампания 1502 г. началась в сложной внешнеполитической и стратегической обстановке. Добиться решительной победы в 1501 г. не удалось, и перед ВГК вновь стояли, в сущности, те же задачи.

Как и в 1501 г., России пришлось иметь дело с двумя основными противниками на двух самостоятельных направлениях.

Основные события начала 1502 г. развернулись на ливонском фронте. Разрядные записи о них молчат, а летописные известия весьма лапидарны. Представление о характере и масштабности этих событий дают ливонские источники.

В письме от 1 февраля 1502 г. говорится о новом нападении русских на территорию Дерптского епископства. Русские разорили местность у Кирьямпе и в Вирландии.[104] При этом сотни крестьян присоединились к русским, выступая против немецких помещиков.[105]

С 25 января по 1 февраля в Вольмаре заседал ливонский ландтаг. Ландтаг свидетельствовал о тяжелом политическом кризисе в Ливонии — на нем не присутствовали представители большинства земель и городов. Политика магистра Вальтера фон Плеттенберга стала объектом суровой критики. Представители земель, подвергшихся нападению русских, требовали от магистра эффективной защиты, угрожая в противном случае обратиться за помощью к великому магистру или датскому королю, даже намекая на возможность сепаратного мира с Россией.[106]

Все это свидетельствует не только о слабости политических связей в феодально-раздробленной Ливонии, но и об эффективности наступательных действий русских войск в ходе войны, начатой магистром против России. Тем не менее магистру удалось после долгих прений добиться решения о продолжении войны и о вторжении в Россию у Нарвы и против Пскова.[107]

В этих условиях важнейшее значение для магистра имело военное сотрудничество с Александром, теперь уже не только великим князем Литовским, но и польским королем.

Мартовские вторжения ливонцев, отмеченные в русских летописях, — реализация решений Вольмарского ландтага.

Вторжением из Нарвы руководил комтур Ревеля, который в письме

[104] Казакова. С. 227.
[105] Там же; LUB. 2, II. N 230. S. 159.
[106] Казакова. С. 227–228.
[107] Там же. С. 228.

Плеттенбергу от 12 марта описал состоявшийся поход. По его словам, около Ивангорода произошло сражение с русскими, которых насчитывалось 1600 человек. На поле боя осталось 200 убитых русских; орденские отряды преследовали русских почти до Ямгорода и прекратили дальнейшее преследование из-за усталости лошадей. Местность вокруг Ивангорода была немцами опустошена.[108]

По данным великокняжеской летописи, «Марта 9 приходиша Немцы на Ивангород. Тогда убиша Лобана Колычева».[109] О масштабах нападения немцев говорил, во-первых, его объект — русская крепость, которой придавалось особое значение; во-вторых, гибель русского воеводы, наместника Новгородского. Более поздние летописи — Воскр. и Никон. — приводят пространную версию рассказа об этом событии: Немци у Ивангорода напали на русский отряд, стоявший в заставе «не с многими людьми»; в бою был убит 21 русский воин.[110]

Более подробный рассказ поздних официальных летописей свидетельствует о том, что при составлении их были использованы источники, не известные летописцу — современнику событий, а также не вошедшие в сохранившиеся разрядные записи. Таким источником могло быть воеводское донесение.

Нападение немцев на Ивангород заставило принять меры для укрепления обороны города. Уст. летопись отмечает: «Того же лета [7011] князь великий послал рать Устюжан, Двинян стеречи Ивангорода от Немци».[111] Любопытно, что для усиления обороны приморской крепости были посланы земские люди, знакомые с плаванием по рекам и мореходством.

Судя по всему, бой под Ивангородом был действительно проигран русскими, потерявшими своего воеводу. Ход боя неизвестен, и причины поражения русских войск установить трудно. Можно предполагать, что потери наших войск комтур в своем донесении преувеличил (как это обычно делается), а наш источник — преуменьшил. Можно также сказать, что существенного значения это нападение не имело — на ход дальнейших событий оно, по-видимому, влияния не оказало.

Вторжением из Розиттена на псковском направлении руководил ландмаршал Ливонии. В донесении Плеттенбергу от 22 марта он рассказывает о ходе событий.

Войско, вторгшееся в Псковскую землю, в течение 7 дней опусто-

[108] LUB. 2, II. N 247. S. 169–170.
[109] ПСРЛ. Т. 28. С. 336.
[110] ПСРЛ. Т. 8. С. 241; Т. 12. С. 255.
[111] ПСРЛ. Т. 37. С. 52.

шало местности вокруг Вельи и Красного городка. 17 и 18 марта оно осаждало Красный городок и трижды штурмовало его, но взять не смогло.[112]

По данным Пск. летописи (Погодинский список), «Месяца Марта в 17 день пришедше Немцы к Красному городку и в Коровьем бору волость взяша и голов посекоша много, а иных поведоша с собою. А в городке вельми притужно было». Городок удалось отстоять. На помощь Красному городку подошла псковская сила, но немцы, не приняв боя, «побегоша прочь».[113]

В целом обе ливонские акции нельзя признать удачными. Под Ивангородом они добились тактического успеха, под Красным городком, в сущности, никакого успеха не имели, если не считать разорения небольшого участка территории Псковской земли, не сравнимого по размерам с областью, разоренной русскими войсками во время ноябрьско-декабрьского похода 1501 г.

Обращение Плеттенберга к полоцкому наместнику имело следствием нападение последнего на русское порубежье. Великокняжеская летопись сообщает: «Тоя же весны априля, приходил пан Петраш Епимаховичь со жолныри ис Полоцка на Пуповичи на волость, и дети боярские от князя великого многих жолнырь избиша, а иных поимаша».[114] Крупных результатов Петраш Епимахович со своими «жолнырями», видимо, не добился, но само упоминание жолнырей — второй раз в русских источниках — заслуживает внимания. Речь, видимо, идет о наемных солдатах, своего рода ландскнехтах. В Хронике Быховца говорится, что «великий князь Александр послал в Польшу, и в Чехию, и в Германию, и нанял за деньги несколько тысяч [человек]... Тогда приехал к нему в Литву один из них по имени Ян Чирнин, и многие другие чехи, и немцы, и поляки».[115] В Хронике это событие отнесено к 1500 г., что, очевидно, является ошибкой, связанной с путаницей дат в Хронике. Важно указание на наличие у Александра Литовского наемных воинов, которые, очевидно, и названы в нашей летописи «жолнырями».

По немецким источникам, летом 1502 г. последовали новые набеги русских на ливонскую территорию. Это были мелкие пограничные нападения, сопровождавшиеся разорением местности и уводом скота.[116]

---

[112] Казакова. С. 231; LUB. 2, II. N 260. S. 182–183.
[113] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 87. — Другие псковские летописи об этом событии не пишут.
[114] ПСРЛ. Т. 28. С. 335–336.
[115] Быховец. С. 114.
[116] Казакова. С. 231; LUB. 2, II. N 317, 323, 332.

В русских источниках о каких-либо наступательных действиях против Ливонии сведений нет. В ливонском источнике (в письме Нарвы Ревелю от 16 июля) сообщалось о концентрации русских войск в Новгороде и у Луги, но из текста видно, что они были собраны для обороны.

В этом же письме содержится интересное известие о нападении русских на корабли, посланные из Ревеля в Нарву. По словам автора письма, нападение русских было отбито, и корабли прибыли в Нарву. Однако бой шел несколько часов, что свидетельствует о масштабах нападения.[117]

Судя по всему, русская Ставка не намеревалась проводить крупных операций на северо-западном направлении. Более того, была предпринята мирная инициатива. По ливонскому источнику, Иван III писал епископу Дерпта, что если магистр попросит мир, то он его получит.[118]

Однако магистр хотел продолжать войну, изменив свою тактику. Ввиду неэффективности разрозненных ударов на разных направлениях, он решил объединить свои силы и нанести сокрушительный удар.[119]

По рассказу Пск. I летописи:

«Приидоша местер... ко Изборску городку ратью со всем замышлением, и лезоша к городку усердие месяца Сентября в 2 день. И городка Бог ублюде и святый Никола. И отъидоше прочь, не учинивше ничего же, а стояли под городком одну нощь. Да поидоша подо Псков хупучися со всем замышлением, и с пушками, того же месяца в 6 день. А пришли во утре на втором часу на Завеличье. И псковичи сами зажгоша посад на Завеличье.

И почаша погании пушками бити на дом Святыя Троицы. И псковичи помолившеся Святой Троицы и вышли противу их на Завеличье со жолныри, и почаше с ними битися Псковичи и жолныри с пищальми, и много пушками били на город на Кром, а Детинца Бог ублюде и Святая Троица.

А стояли на Завеличье один день, и пошли з Завеличья на брод к Выбуту. И псковичи противу их вышли да там много с ними билися на броду.

И перебродились Немцы и подошли к Полонищу и много к стены лезли.

---

117 LUB. 2, II. N 332. S. 229–230.
118 Казакова. С. 231; LUB. 2, II. N 351.
119 Казакова. С. 231.

А псковичи ждали силы великого князя. И Немци стояв на Полонищи два дни, а на третий день прочь отошли тем же путем. А псковичь Бог ублюде и Святая Троица.

И князь великий прислал Данила Васильевича Щеня и князя Василия Васильевича Шуйского, наместников новгородских с силою московскою. А ждаша Псковская сила в Песках московских воевод по два дни. И приехаша московские воеводы, а уже Немцы отошли прочь ото Пскова. И выжгоша мост на Черехе и на Многе реке, и поидоша Немцы вброд, куда они погани не бывали и стал Псков.

И ожгоша Псковичи около Полонища посады, и Гремячюю гору.

И погнашася воеводы великих князей и Псковичи, и нагнаша их в Озеровах на могильнике.

И Немцы кошь свои поставиша и молвиша: толке де и Русь ударитца на кош, и мы де и выидем изо Псковской земли, и толке же де и на нас, ино туто нам головы покласти своя.

И Псковичи первое ударишася на кош, и потом Москвичи. И начаша межи себя дратися о быте немецком. А чюдь кошовую всю присекоша.

И Немцы в то время ступишася с Москвичи и со Псковичи, и бысть с Немцы сеча, а не велика.

И князь Псковской Иван Горбатой начаша заганивати Псковичь, чтобы не ехали розно, а они все по закустовью. И начаша ему Псковичи прозвища давати „опремом“ и „кормихном“. А се бы не тот господин князь Иван велел стену древяную поставити около Полонища и Бродеи, ино то все бы дымом взялося и до старой стены».[120]

Первый шаг Плеттенберга был неудачен — Изборска взять не удалось.

Второй и главный этап похода развернулся под стенами Пскова. Пройдя тридцать верст от Изборска до Пскова за три дня, ливонцы стали на Завеличье, где уже был сожжен посад, и начали артиллерийский обстрел города, повторяя поход фон дер Борха в августе 1480 г. Но в отличие от своего предшественника, Плеттенберг не рассчитывал на флотилию гребных судов и не пытался форсировать Великую прямо против крепости. Псковичи в этот раз не ограничились пассивной обороной, но атаковали противника на Завеличье. Здесь псковичи впервые встретились с пехотой, вооруженной ручным огнестрельным оружием. Непосредственные результаты этого боя нам неизвестны, но магистр, видимо, убедился в невозможности форсирования Великой

[120] ПСРЛ. Т. 5/1. С. 87–88.

и в неэффективности обстрела Пскова. Он пошел на броды с целью обойти псковские войска и выйти на правый берег реки. Псковичи сумели подтянуться к бродам, где произошел второй бой, для псковичей неудачный. Немцам удалось форсировать Великую вброд и выйти вплотную к городским стенам. Фактически немцы пытались штурмовать город («много к стенам лезли»). Штурм был отбит, и простояв у стен города два дня, немцы отошли через брод опять на левый берег. Второй этап похода магистра закончился его поражением – он вынужден был отойти от Пскова и отказаться от каких-либо попыток продолжить штурм.

С приходом великокняжеских воевод начинается третий и последний этап похода Плеттенберга. Отступив от Пскова на несколько десятков верст по направлению к границе, он занял позицию, где ожидал русских. По словам Пск. летописи, магистр рассчитывал, что русские будут грабить его обоз, подставив себя тем самым под удар ливонских войск. Расчет Плеттенберга частично оправдался. Подошедшие первыми псковские ополченцы бросились грабить кош, за ними, по словам псковского летописца, бросились и москвичи. Боевой строй нарушился. Тут-то немцы и пошли в атаку.

Что произошло дальше на поле боя, чем закончился сам бой, псковского летописца не интересует. В центре его внимания — поведение его земляков на поле сражения. Хорошего о них он сказать может не много. Они ехали «розно», и все по «закустовью». Когда их князь-наместник пытался навести порядок и «заганивати» их, они стали давать ему обидные прозвища, забыв его заслуги перед городом. Именно он, по словам летописца, велел поставить деревянную стену вокруг Полонища, которая спасла город («ино то бы все дымом взялося и до старой стены»).

Тип. летопись приводит самостоятельный рассказ о событиях:

«Приидоша Немцы майстр и местер с многим воинством в Московскую землю и стояша под градом под Изборском и биша стены многими пушками и град не разбиша. И оттоле поидоша Немци на Великую реку под град Псков и стояше под градом и стены биша многими пушками и пищалми и граду не доспеша ничто же.

И князь великий Иван Васильевич всея Руси послал воевод своих, князя Данила Васильевичи Щеня да князя Василия Васильевича Шуйского и иных многих воевод своих с множеством воиньства в Псков противу Немець. Немци же убояшася, отступиша от града за тридесять поприщь, въеводы же великого князя обоидоша их от гра-

да Изборска и сретошася с Немци на озере на Смолине, и учинишася им бой, месяца Сентября 13 день, и бишися, и разидошася обои. И на том бою убиша князя Федора Кропотича, да Григорья Дмитриева сына Давыдовича, да Юрья Тимофеевича сына Юрлова, и иных многих детей боярских, а Немец падоша бесчисленно. И оттоле Немци отидоша въсвояси, и воеводы великого князя разидошяся и с своим воиньством к собе».[121]

Рассказ Тип. не противоречит известиям Пск. летописи, но содержит некоторые важные реалии. Выясняется, что под Изборском немцы не просто стояли, но подвергли город сильному артиллерийскому обстрелу, который, однако, не привел к разрушению городских стен («град не разбиша»).

Еще больше, чем Пск. летопись, Тип. подчеркивает значение прихода великокняжеских воевод — именно «убоявшись» их, немцы отошли от Пскова на 30 верст (т. е. в район Изборска). Воеводы же обошли Изборск и вышли на оз. Смолино. Тип. указывает место и дату боя. Сам бой изображен без подробностей, но отмечаются большие потери русских войск, называются имена видных военачальников и подчеркиваются огромные потери немцев. Итог боя — ничейный: обе стороны разошлись «к себе».

Иное известие о событиях помещает Уст. летопись: «В лето 7011. Немци приходили ратью на Псков. А князю великому пришла весть наперед, и он послал к Пскову силу. А воевода был у них князь Данило Васильевичь Щеня, с ним много князей, и бояр, и детей боярьских. Они же Немцем к городу Пскову не даше приступити, да их встретише далече города и с Немцами билися. Тогда на бою убили боярина великого князя Ивана Борисовича Бо[ро]здина».[122]

Итак, по версии Уст., великий князь заранее знал о приходе немцев и послал воевод, которые не пустили немцев к Пскову, встретили их далеко от города и дали им бой, о результатах которого летописец не говорит, но сообщает о гибели одного из воевод.

Великокняжеская летопись начала XVI в. фиксировала факт, что «Немци приходиша ко Пскову».[123] Более поздние Воскр. и Никон. летописи говорят об этом событии более подробно. Битва произошла у оз. Смолина. Русское войско, подходившее к Смолину, получило ложное известие о бегстве немцев, люди бросились на немецкий кош и нарушили свой боевой порядок, немцы атаковали их и убили «немно-

[121] ПСРЛ. Т. 24. С. 215.
[122] ПСРЛ. Т. 37. С. 52, 99.
[123] ПСРЛ. Т. 28. С. 336; Т. 6. С. 48, 243; Т. 20. С. 373.

гих людей, а сами ся отстояли», потому что у воевод великого князя «полки ся изрушили».[124]

Позднейшие московские летописи использовали источники, не известные ранним летописцам и в сущности близкие к псковскому рассказу.

Наиболее ценным немецким источником является письмо участника похода некоего ливонского комтура. Плеттенберг выступил 27 августа из Гельмеда с войском в 25 тыс. человек, в том числе 2500 всадников. Магистр с 2500 всадниками, 2500 ландскнехтами и артиллерией приступил к Пскову и в течение 3 дней осаждал его. Были сожжены три псковских предместья. 8 сентября начались переговоры. Ливонцы потребовали, чтобы Псков подчинился магистру, в противном случае город постигнет участь его предместья. Псковичи отвергли это требование.

Двое русских пленных показали, что во Пскове имеется 8 тыс. всадников и много пеших и ожидается прибытие еще 3 тыс. всадников. Узнав об этом, Плеттенберг отошел от Пскова и со своим 5-тысячным отрядом стал ожидать русское войско. 13 сентября произошло сражение. Русское войско насчитывало 18 тыс. человек. Рыцари одержали победу; на поле боя осталось 8 тыс. убитых, но потери Ордена были невелики. После сражения рыцари вернулись в Ливонию. Магистр не распустил свои силы, он ожидал ответного похода русских.[125] Не противореча в основных чертах рассказу Пск. летописи, письмо комтура имеет две важные особенности.

Во-первых, оно сообщает о переговорах, о которых русский источник молчит. В принципе переговоры могли иметь место, причем с русской стороны они могли преследовать цель выиграть время до подхода великокняжеских воевод. Показания русских пленных могли даваться для дезинформации противника относительно действительной численности русских войск — сведения, сообщенные пленными, заставили магистра отойти от Пскова, на что, вероятно, и рассчитывали те, кто заслал к немцам этих «пленных».

Вторая особенность — наличие в общем довольно правдоподобных данных о численности немецких войск. Преувеличенными кажутся, однако, сведения о 8 тыс. всадников в самом Пскове, о численности русских войск в бою и о числе убитых.

По данным немецкой хроники «Schonne hysthorie», магистр и архи-

---

[124] ПСРЛ. Т. 8. С. 242; Т. 12. С. 256.

[125] Казакова. С. 233; LUB. 2, II. N 382. S. 277–279.

епископ выступили в поход, имея 2 тыс. всадников, не считая крестьян и обоза. Войско подошло к Пскову, ожидая прихода литовцев. Между тем двое русских пленных сообщили, что ожидается большое войско из русских и татар, посланных великим князем.

Магистр расположил войско на открытом поле. 13 сентября произошло сражение, которое источник называет «самой большой и трудной, главной битвой господ Ливонии с русскими». У русских было превосходство в силах, рыцари трижды прорывались через ряды русских, ливонцы потеряли обоз, но в конце концов обратили русских в бегство. Преследовать их рыцари были не в состоянии.

По рассказу Хроники Рюссова, в сражении участвовали 90 тыс. русских. Они «окружили всех людей магистра». Магистр велел стрелять из орудий, три раза пробился через толщу войск, нанес русским большие потери и обратил их в бегство. Так как немцы были очень утомлены, они не могли преследовать неприятеля. Простояв два дня на поле сражения, они на третий день ушли. Потери их составили 400 кнехтов во главе с их начальником и знаменосцем.[126]

Герберштейн в своих «Записках» рассказывает об ожесточенности сражения. Магистр «с пушечной стрельбой храбро напал на русских». При первой атаке ему удалось рассеять их и обратить в бегство, но преследовать их он не мог из-за малочисленности своих войск и из-за тяжелого своего вооружения. Русские привели себя в порядок и атаковали пехоту Плеттенберга, которая в числе 1500 человек построилась в виде фаланги. Пехота понесла большие потери — были убиты начальник ее, его брат и знаменосец, а всего — 400 человек. Остальная часть пехоты отступила в порядке.[127]

Сопоставление русских и немецких источников позволяет оценить событие у оз. Смолина как бой с неопределенным исходом. Немцы с самого начала боя оказались в тяжелом положении (были окружены), но сумели прорвать кольцо русских. Русские разгромили ливонскую пехоту, но сами были вынуждены отступить. Крупную роль в сражении сыграла ливонская артиллерия. Поле сражения оставалось за немцами, но, понеся большие потери, они были вынуждены вернуться в Ливонию.

Поход Плеттенберга можно сравнить с походом фон дер Борха в августе 1480 г. В этих походах есть ряд общих черт. В обоих случаях ливонцы рассчитывали на то, что главные силы Русской земли отвле-

[126] Казакова. С. 232–233.
[127] Герберштейн. С. 198.

чены на другие направления. В обоих случаях ливонцы ставили своей целью овладение Псковом, в обоих случаях пытались штурмовать город. Однако в целом события развертывались по-разному.

В 1480 г. в разгар тяжелой войны с Ахматом и в условиях княжеского мятежа великий князь не имел возможности оказать Пскову реальной помощи. Город был предоставлен своим силам и вынужден был обратиться за помощью к мятежным князьям, которые ему этой помощи, однако, не оказали. Решающую роль в спасении города сыграло мужество псковичей, которые не допустили форсирования Великой и отразили штурм города.

В 1502 г. немцам благодаря превосходству в артиллерии и пехоте с огнестрельным оружием удалось форсировать реку и подойти непосредственно к стенам города. Несмотря на упорную оборону, положение крепости, охваченной дымом пожаров горящих посадов, было критическим. Но русское ВГК сумело своевременно выдвинуть к Пскову крупные силы. Эти силы были наготове и составляли оперативный резерв ВГК. Гонец с известием о нападении магистра мог прискакать от Пскова до Москвы за 5 дней, следовательно, появиться там примерно 8–9 сентября (если он был послан сразу после атаки на Изборск). Столько же дней понадобилось бы для передачи распоряжения о движении на Псков войскам, стоявшим, например, в Новгороде. Двигаясь форсированным маршем, они могли подойти к Пскову через 5–6 дней и появиться у стен города около 20 сентября.

На самом же деле псковичи ждали воевод всего три дня, т. е. они начали свое движение не позднее 5–6 сентября, при первом известии о нападении на Изборск. Отсюда вытекает, что войска эти были заранее сосредоточены в трех–четырех переходах от города в ожидании нападения магистра, а воеводы имели уже на руках соответствующие директивы. Следовательно, известие Уст. о том, что великий князь «наперед знал» о нападении немцев и послал воевод, соответствует реальному ходу событий.

Справедливыми оказываются и сведения немцев от середины июля о концентрации русских войск в районе Новгорода и Луги.

Прибытие великокняжеских воевод сыграло решающую роль. Немцы были вынуждены быстро отступить от города. Если отход фон дер Борха после пятидневных боев проходил вполне спокойно, то на этот раз русские войска шли за ливонцами по пятам и дали сражение, заставившее магистра вернуться в Ливонию.

Основное отличие событий 1502 г. от событий 1480 г. — возросшая роль стратегического руководства русскими войсками, что было воз-

можно только в условиях сильного централизованного государства. Это и сыграло решающую роль в поражении магистра Плеттенберга.

Поход Плеттенберга — последний акт войны на северо-западном направлении. Военные действия больше не возобновлялись, вскоре начались переговоры о перемирии, которое и было заключено весной 1503 г.[128]

Если целью магистра было добиться перелома в ходе военных действий, то эта цель отнюдь не была достигнута. Попытка овладения Псковом окончилась полной неудачей.

В стратегическом отношении августо-сентябрьские события на псковском направлении были для России благоприятны. Русское командование сумело быстро сосредоточить крупные силы под Псковом и сорвать план овладения этой крепостью. Плеттенберг начал свой поход, по-видимому, в расчете на соединение с литовскими войсками. Но наступление русских войск на западном направлении сделало это соединение невозможным. После боя у Смолина немцы, понеся большие потери и опасаясь нового вторжения русских войск, вынуждены были вернуться в свою землю, признав тем самым свое поражение.

При всей важности событий на северо-западном направлении основное внимание русского ВГК, как и прежде, привлекал литовский фронт.

«Декабря в 3 [7010 = 1501 г.] день велел князь великий из Новагорода наместникам своим князю Данилу Васильевичю да князю Василью Васильевичю Шуйскому и иным воеводам итить воевать в Литовскую землю. А наказ им послал с Третьяком Долматовым, как им быть по полком.

В Большом полку князь Данило Васильевич да князь Василей Васильевич Шуйский.

В Передовом полку князь Петр Лобан Ряполовский.

В Правой — Петр Житов.

В Левой — князь Федор Прозоровский.

В Сторожевом полку Михайло Ондреевич Колычов да князь Семен Рамодановский».[129]

Никаких дальнейших сведений об этом зимнем походе нет.

Следующая запись в разрядной книге говорит об отправке «воевати Литовскую землю воевод изо Ржевы».

---

[128] Казакова. С. 234–242.
[129] РК-98. С. 34.

«В Большом полку князь Михайло княж Иванов сын Васильевича да князь Ондрей Голенин.

В Передовом — князь Иван князь Федоров сын Ушатых.

Во Правой Руке — князь Василей Ших Оболенской.

В Левой Руке — князь Михайло... сын Засекин.

В Сторожевом полку — князь Федор Палецкой да Семен Жюлебин».

В марте 1502 г. великий князь в грамоте к Менгли писал: «...наш недруг литовской, снявся с Немци, станет против нас, и мы осенесь и на сей зиме посылали воевод своих со многими людьми на Литовскую землю и на Немецкую воевати; и нашим воеводам в Литовской земле и в Немецкой земле многие бои были, и милосердьем Божьим наши воеводы везде побивали и землю Литовскую, и землю Немецкую воевали и много городов поимали. А и ныне наши люди из Литовские земли и из Немецкие не выходя воюют. А уповая на Бога, хотим воевод своих со многими людми на Литовскую землю и на Немецкую послать часа того, да и детей своих хотим, ож дай Бог, отпустити, и сами, ож дай Бог, с всеми своими землями хотим с своими и с твоими недруги свои дела делати, сколько нам Бог пособит».[130]

В борьбе на литовском фронте активные действия Менгли-Гирея должны были иметь серьезное значение. В кампании 1501 г. он активного участия не принимал, занятый борьбой со своим главным противником — ханом Большой Орды Ших-Ахметом. Борьба эта закончилась весной 1502 г. победой крымского хана, о чем он сообщал в грамоте от 6 июля 1502 г. Разгром Ших-Ахмета серьезно изменил общую стратегическую ситуацию. Король Александр лишался своего союзника, великий князь, напротив, мог теперь с большим основанием надеяться на помощь со стороны Менгли в операциях на западном направлении.

14 июля началось крупное наступление русских войск на Смоленск.

По разрядам 1502 г., «того же лета 7010-го князь великий Иван Васильевич всеа Руси послал на Смоленск ратью сына своего князя Дмитрея, а с ним воевод своих. А под Смоленском велел им быть по полком.

В Большом полку князь Дмитрей, сын великого князя Ивана Васильевича, а с ним великого князя воеводы князь Василей Данилович Холмский да Яков Захарьич.

В Передовом полку князь Семен Иванович Стародубской да князь

[130] Сб. РИО. Т. 41. №383.

Василей Иванович Шемячич, а с ними великого князя воеводы князь Василий Мних да князь Иван Михайлович Репня.

В Правой Руке — князь Федор Борисович Волоцкой, а с ним великого князя воеводы князь Федор Иванович Бельской да Дмитрей Васильевич Шеин.

В Левой Руке князь Федор Иванович Рязанской, а с ним великого князя воеводы князь Олександр Володимерович Ростовской да князь Михайло Федорович Карамыш.

В Сторожевом полку князь Иван Борисович, а с ним великого князя воеводы князь Михайло Федорович Телятевской да князь Федор Васильевич Телепень да князь Константин Ярославов».[131]

Судя по разрядным записям, с декабря 1501 г. по август 1502 г. на Литву одна за другой были отправлены три рати во главе с двадцатью шестью воеводами, с участием сына великого князя, двух волоцких и одного рязанского князя и двух князей, недавно перешедших на русскую службу.

Рать из Новгородской земли заходила в тыл Смоленского плацдарма. Эту рать ведут восемь воевод во главе с князем Щеней. Наличие в составе воевод обоих наместников новгородских может свидетельствовать о том, что в поход были отправлены основные силы новгородского служилого ополчения. Все воеводы этой рати не раз упоминаются в разрядах, следовательно, имеют значительный боевой опыт.

Другая рать формально возглавляется сыном великого князя, при котором состоит опытный воевода Яков Захарьич. Всего в этой рати одиннадцать воевод, а также волоцкие, рязанские, северские князья, что может свидетельствовать и о численности, и о политическом значении этой части войска. Можно думать, что основную роль должны были играть фланговые группировки во главе с князем Щеней и князем Дмитрием.

Ржевская рать должна была обеспечивать связь между ними, прикрывая их внутренние фланги. Против Смоленска развертывались главные силы русских войск, стремясь осуществить крупномасштабную стратегическую операцию по овладению Смоленском.

В этих условиях весьма важным было бы одновременное выступление крымской конницы. Великий князь рекомендовал Менгли маршрут движения: Киев, Слуцк, Туров, Полоцк, Минск. Этот план являлся почти точным повторением неосуществленного плана 1500 г.[132]

[131] РК-98. С. 34.
[132] Базилевич. С. 491; Сб. РИО. Т. 41. С. 423–424.

8 августа Менгли получил грамоту Ивана III о начале похода князя Дмитрия на Смоленск. Но еще за три дня до этого Менгли отправил в поход большое войско (90 тыс.) во главе со своими сыновьями в направлении Луцк — Вильно — Троки. Инструкция царевичам предусматривала согласование действий с князем Дмитрием.[133] Фактически же глубокий рейд крымской конницы исключал реальную возможность совместных действий с русскими войсками под Смоленском.

Набег крымских царевичей продолжался до начала ноября. Они «повоевали» окрестности Луцка, Львова, Люблина, Турова, Киева — главный удар наносился не в северо-западном, а в западном направлении, без какой-либо попытки связываться с русскими войсками под Смоленском. Русский посол в Крыму Алексей Заболотский доносил: «Царевичи не пошли по тем местам, на которые, государь, ты велел им идти... а те места кажут лесны и тесны».[134] Царевичи шли по хорошо знакомым, излюбленным местам, по линии наименьшего сопротивления, заботясь о своей добыче, а не об интересах своего союзника.[135]

Организовать стратегическое и оперативное взаимодействие русских и крымских сил не удалось и на этот раз.

Судьба кампании 1502 г. решалась под стенами Смоленска. Что же там происходило?

Официальная великокняжеская летопись ограничивается кратким сообщением: «прииде на Москву Октября 23, в неделю, великого князи сын, князь Дмитрий Иванович, землю Литовскую повоевав и пленив, града Смоленска не взял, понеже крепок бе».[136]

Из русских источников наиболее полные сведения приводит Тип. летопись.

«Июля 2 послал князь великий Иван Васильевич всея Руси сына своего князя Дмитрия Ивановича да воевод своих и многое множество воинства, да и посошные с ними были, к граду Литовскому Смоленьску. Стояша же под градом до Воздвиженья Честного Креста, и граду учиниша зла много, и людей под градом побиша много, а волости и села повоеваша и пограбиша и пожгоша, и полону выведоша множество бесчисленно и поидоша прочь, града не взяша. Приидоша же на Москву и пожаловася отцу своему: многые дети боярские подступали под град и в волость отъежщаа грабили без его ведома, а его не послушапия. За то князь великий вспалеся на тех детей боярских, и многых

[133] Сб. РИО. Т. 41. С. 430–432.
[134] Там же. С. 469.
[135] Базилевич. С. 492.
[136] ПСРЛ. Т. 28. С. 336; Т. 8. С. 243; Т. 26. С. 296. — То же — в Вол.-Перм.

велел поимати, да велел и казнити, по торгу ведя, велел кнутьями бити, и множество велел в тюрьму пометати».[137]

Важные сведения о борьбе за Смоленск сообщает Хроника Быховца.

«Князь... великий Александр... двинулся к Минску, а в Минске пришла к нему весть, что князь великий Московский отправил сына своего князя Дмитрия Жилку с большим войском с пушками и со всем снаряжением добывати земли и отпустил его к Смоленску, и что теперь все москвичи под Смоленском и, обложив город, упорно осаждают его. Услышав это, великий князь Александр послал против него пана Трокского старосту жемайтийского, пана Станислава Яновского со всею силою великого княжества Литовского и... со всеми чужеземцы (наемниками. — *Ю. А.*)... Москвичи же, находясь под Смоленском, воевали на все стороны и город Смоленск едва ли не весь пушками окружили, день и ночь непрестанно его осаждали и изза больших тур, наполненных песком и землей, несказанные штурмы против него предпринимали. Однако же, милосердьем Божьим и помощью Пречистые Богородицы, не могли принести ему никакого вреда. Приняв на себя немало трудов, неся потери и губя своих людей, со скорбью и со слезами терпели с великими насмешками поражение под городом, и с помощью и с бесчестьем от города отбиваемы были. Войско же великого князя Александра, которое вел пан староста жемайтийский, пришло со всеми силами к городу Орше, и, перейдя реку Днепр, двинулось к горам. И как только об этом услышал князь Дмитрий Жилка, который находился под Смоленском, что Литва идет против него, он, не взяв города Смоленска, возвратился к Москве, к своему отцу великому князю Московскому».[138]

Поход на Смоленск, широко задуманный, окончился неудачей — в этом единодушны все источники. В чем причина поражения русских войск? Одна из них указана в Тип. — это отсутствие должного порядка в служилом ополчении. Дети боярские проявили недисциплинированность, которую воевода не сумел своевременно пресечь. Вторая причина — отсутствие реальной помощи со стороны союзника, что могло позволить королю сосредоточить под Смоленском главные силы. Главная же причина — неумение бороться с сильными крепостями, что уже проявилось при неудачной осаде Выборга в 1495 г. К. В. Базилевич справедливо считает одной из причин неудачи недостаток тяжелой

[137] ПСРЛ. Т. 24. С. 214–215.
[138] Хроника Быховца. С. 114–115.

осадной артиллерии, способной разрушить мощные укрепления Смоленска.[139]

Во всяком случае, неудача под Смоленском была завершающим актом большой тяжелой войны. Начались мирные переговоры, и в апреле 1503 г. было заключено шестилетнее перемирие на выгодных для России условиях — за ней остались все земли, возвращенные из-под власти Литвы. В течение всей кампании инициатива находилась в руках русских войск, и они наносили противнику удары, разоряя его территорию и ослабляя его силы. Это было главной причиной того, что противнику не удалось добиться реального взаимодействия литовских и ливонских войск.

* * *

Характерная черта кампании 1502 г., как и предыдущей, — борьба с двумя сильными противниками на двух самостоятельных операционных направлениях. В этих условиях первой задачей русского ВГК было определение направления главного удара и создание соответствующей группировки сил.

Если на западном направлении русское верховное командование ставило перед войсками активные задачи стратегического масштаба, то на северо-западном направлении русские войска придерживались стратегии активной обороны. Единственной крупной операцией была оборона Пскова от сентябрьского наступления войск магистра.

Активно-оборонительная стратегия на северо-западном направлении в данных условиях оправдала себя. Главные силы русских войск не отвлекались с основного операционного направления (на Смоленск), а противнику не удалось добиться каких-либо успехов.

Как и в предыдущих кампаниях, русское ВГК пыталось наладить стратегическое взаимодействие с союзником. Но, как и в прошлые кампании, эти попытки успехом не увенчались, несмотря на благоприятную для Менгли обстановку (победу над Ших-Ахметом). Огромный по размеру и разрушительности рейд крымских царевичей в августе-ноябре преследовал только цели обогащения крымских татар и реальной помощи русским войскам не принес. Причина этого — несходство коренных политических интересов обоих союзников.

В стратегическом отношении кампания 1502 г. показала эффективность работы русского ВГК. Не добившись блестящих успехов, оно

[139] Базилевич. С. 495.

сумело тем не менее в сложных условиях достигнуть общего благоприятного исхода кампании. Оно правильно определило направление своего главного удара. Сохраняя крупные резервы, оно в нужном случае создало сильную группировку на ливонском фронте. Несмотря на неудачу под Смоленском, кампания 1502 г. была успешным завершающим этапом большой трехлетней войны, закончившейся победой России.

Последние десятилетия XV в. ознаменовались крупными изменениями в вооружении, тактике и организации европейских армий. Широкое развитие бронзовой артиллерии резко повысило ее значение как при осаде крепостей, так и в полевом бою. Не меньшее значение имело появление пехоты, вооруженной огнестрельным оружием, — она становится основным элементом боевого порядка, взаимодействуя с копейщиками и конницей.

Борьба с орденскими войсками, с их более мощным огнестрельным оружием, артиллерией и пехотой, была для наших войск трудна. Победа достигалась большой кровью русского служилого ополчения. Не всегда оно было на должной высоте с точки зрения дисциплины и организованности; старая псковская система земского ополчения показала свою неэффективность.

Объективно все должно было побудить руководство страны продолжать и расширять военную реформу и улучшать организацию служилой конницы, а прежде всего — обратить внимание на развитие артиллерии, полевой и осадной, и создать пехоту, вооруженную огнестрельным оружием. Но эти реформы выходят уже за рамки рассматриваемого периода и охватывают следующие десятилетия XVI в. вплоть до создания стрелецкого войска.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Со времен первых Калитичей известны межкняжеские договоры, определявшие взаимные обязательства князей в случае военной опасности. Первый пример такого рода — докончание сыновей Ивана Калиты: «А где ми будет всести на конь всести вы со мною. А где ми будет самому не всести, а будет ми вас послати, всести вы на конь без ослушанья».[1]

По мере усложнения политической структуры Московского княжества (а затем — великого княжения Московского) взаимные обязательства князей усложнялись и уточнялись.

Последний договор Василия Темного с удельным князем Московского дома Василием Серпуховским 1452–1456 гг. предусматривал:

> «А где мне, великому князю, всести на конь, и тебе со мною поити без ослушанья.
>
> А где пошлю своего сына, и тебе с ним поити без ослушанья.
>
> А где ми будет тебе послати, и тебе так же всести без ослушания.
>
> А где пошлю своих воевод, и тебе послати с моими воеводами своего воеводу с своими людьми.
>
> А которые брата бояре и дети боярские служат мне, великому князю, и моим детям, а живут в твоем уделе, и тем ходити со мною, с великим князем, и с нашими воеводами.
>
> Так же которые бояре и дети боярские живут в моей отчине, в великом княжении, а имут служити тобе, князю Василью Ярославичю, и тем ходити с тобою и с твоими воеводами.
>
> А городная осада, кто где живет, тому туто и сести в осаде опричь бояр введенных и путников».[2]

---

[1] ДДГ. №2. С. 13.
[2] ДДГ. №58. С. 181.

При всем отличии договора Василия Темного от докончания первых Калитичей они содержат неизменным основное положение: приоритет старшего (великого) князя. Вместе с тем договор Василия Темного утверждал экстерриториальный характер военно-служилой системы: военные обязательства бояр и детей боярских своему сюзерену не зависят от места их проживания.

Последний договор Ивана III с удельным князем Московского дома (Андреем Углицким, 1486 г.):

> «А где мы великие князи (т. е. Иван Васильевич и Иван Иванович. — *Ю. А.*) сядем на конь сами, и тебе с нами поити.
>
> А где тебя пошлем, и тебе поити без ослушанья.
>
> А где пошлем своих воевод, и тебе с нашими воеводами послати своего воеводу с своими людьми.
>
> [...]
>
> А хто которому князю служит, где бы ни жил, с тем ему и ехати, которому служит.
>
> А городная осада, где кто живет, тому туто и сести, опричь бяр введенных и путников».[3]

Военная конвенция Ивана III с Андреем Углицким содержит те же основные положения, что и договоры его отца с Василием Серпуховским.

Внешне осталось все по-старому, «по старине и по пошлине». Старая система межкняжеских военных конвенций не была отменена формально, но была ликвидирована фактически.

Система военных конвенций опиралась на политическую структуру Русской земли как совокупность княжений, обладающих традиционными суверенными правами. Политика Ивана III привела к созданию новой структуры — единого Российского государства, обладающего суверенными правами на всей своей территории. Этот основной факт решающим образом повлиял на военную систему Русской земли — был создан институт верховного главнокомандования, т. е. объединения всей военной и политической власти в лице великого князя — государя всея Руси. Это было основным, самым главным нововведением в военной системе России — совокупность княжеских ополчений превратилась в единое российское войско под единым командованием и централизованным руководством.

Роль удельных князей как военных руководителей свелась к нулю: оставаясь теоретически «суверенными» в своих тающих уделах,

[3] ДДГ. № 82. С. 325.

князья потеряли всякую возможность оказывать какое-либо влияние на реальный ход событий. Фактическое положение удельных князей в новой военной системе отвечало их положению в новой политической системе единого Российского государства.

Крупная военная реформа соответствовала по своему характеру другим преобразованиям Ивана III — традиционным по форме, радикальным по существу.

Создание системы ВГК и ее аппарата на стратегическом уровне привело к реформе на оперативно-тактическом уровне. Полки Большой, Передовой, Правой и Левой Руки, Сторожевой превратились из частей боевого порядка, формируемых перед сражением, в оперативно-тактические соединения под командой заранее, до похода, назначенных воевод. Появилась и определенная иерархия этих воевод — своего рода «табель о рангах». Возникла и система связи между ВГК и воеводами — это письменные директивы, передаваемые через специальных посланцев.

Все эти явления существенно отличают войско первого государя всея Руси от всех предыдущих русских князей.

История походов позволяет проследить этапы зарождения и развития новой военной системы. В походах 60-х гг. еще явственно видны черты старой военной организации с признаками удельно-вечевой традиции, но все более отчетливо проявляются новые черты военного руководства. В 70-х гг. впервые четко прослеживаются основы новой системы, прежде всего — единое верховное главнокомандование с его функциями стратегического руководства, а в кампании 1477 г. — первые разрядные записи, реальные плоды деятельности нового складывающегося ведомства. В кампаниях 80–90-х гг. видно дальнейшее развитие новой системы, усложнение ее функций, все более четкая разработка и выполнение планов кампаний. Образцом оборонительной кампании в сложных условиях войны на два фронта может послужить кампания 1480 г., приведшая к победе на Угре. Кампания 1500 г. может рассматриваться как образец наступательной кампании с решительными целями, а последующие кампании против Литвы и Ливонии — как пример оборонительно-наступательных операций на нескольких самостоятельных направлениях.

Созданный новый механизм управления войсками, новая организация вооруженных сил, проявившие себя в походах русских войск при Иване III, образуют важный рубеж в военной истории России. С этого времени можно говорить о военной стратегии в собственном смысле слова как одной из главных функций государственного руко-

водства. В стратегии Ивана III проявились некоторые характерные черты:

— централизация руководства;

— тщательная предварительная подготовка кампании;

— умелый выбор направления главного удара, приводящего к решительным последствиям;

— создание и умелое использование стратегического резерва;

— способность своевременно и правильно реагировать на обстановку;

— отсутствие шаблона и застывших схем — разнообразие оперативно-стратегического маневра в зависимости от конкретных целей и задач кампании.

В целом можно считать эпоху Ивана III одной из самых плодотворных в военной истории нашей страны. За сорок с лишним лет почти непрерывных походов были достигнуты блестящие стратегические результаты, определившие дальнейшие судьбы Российского государства. Бывали проигранные бои, но не было проигранных кампаний. В военной, как и в политической истории нашей страны открывалась новая эпоха.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН[1]

[1] Курсивом набраны имена авторов исторических исследований.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Монастыри и церкви

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Сокращения в указателях

вел. — великое
воев. — воевода
вол. — волость
кн. — князь, княгиня, княжество
мон. — монастырь
новг. — новгородский, относящееся к Новгороду
пск. — псковский, относящееся к Пскову
служ. — служилый
финлян. — финляндское
церк. — церковь

Литература и источники

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. 1. СПб., 1836.

АСВР — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 1. М., 1952; Т. 2. М., 1958; Т. 3. М., 1964.

АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства. Ч. 1. М., 1951.

Базилевич — *Базилевич К. В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952.

Баиов — *Баиов А. К.* Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 г. 14 июля. Пг., 1915.

Веселовский — *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969.

Волков	— *Волков В. А.* Войны и войска Московский Руси. М., 2004.
ВОИДР	— Временник общества истории и древностей Российских. Вып. X. М., 1851.
Герберштейн	— *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988.
ГНП	— Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
Давыдов	— *Давыдов В. Н.* Присоединение Коми-края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977.
ДДГ	— Духовные и договорные грамоты удельных и великих князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950.
Зимин	— *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России второй половины XV — первой трети XVI вв. М., 1988.
ИРГО	— Известия Императорского Русского географического общества.
Казакова	— *Казакова Н. А.* Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI вв. Л., 1975.
Карамзин	— *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. Т. VI. М., 1998.
Каргалов	— *Каргалов В. В.* На границе Руси стоять крепко. М., 1998.
Карпов	— *Карпов Г. Ф.* История борьбы Московского государства с Польско-Литовским 1462–1508 гг. М., 1867.
НПЛ	— Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М.; Л., 1949.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М., 2000; Т. 5/1. М., 2003; Т. 5/2. М., 2000; Т. 6/2. М., 2001; Т. 8. М., 2001; Т. 10. М., 2000; Т. 11. М., 2000; Т. 12. М., 2000; Т. 15. М., 2000; Т. 18. СПб., 1913; Т. 19. СПб., 1903; Т. 20. М., 2005; Т. 23. М., 2004; Т. 24. М., 2000; Т. 25. М., 2004; Т. 26. М., 1959; Т. 27. М., 1962; Т. 28. М.; Л., 1963; Т. 30. М., 2005; Т. 33. Л., 1977; Т. 37. Л., 1982; Т. 43. М., 2004.
Разин	— *Разин Е. А.* История военного искусства. Т. II. М., 1957.
РК-98	— Разрядные книги 1475–1598 гг. М., 1966.
РК-05	— Разрядные книги 1475–1605 гг. М., 1977.
РИБ	— Русская историческая библиотека.
Сб. РИО	— Сборник Русского исторического общества. Т. 35. СПб., 1882; Т. 41. СПб., 1884.
Соловьев	— *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. III. М., 1989.
ТК ДТ	— Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М.; Л., 1950.

Сокращения названий летописей

Арх. — Архангелогородский летописец
Вол.-Перм. — Вологодско-Пермская
Воскр. — Воскресенская
Ерм. — Ермолинская
Коми-Вым. — Коми-Вымская
Моск. — Московская
Никон. — Никоновская
Новг. — Новгородская
Пск. — Псковская
Рог.-Сим. — Рогожско-Симеоновская
Рог. — Рогожский летописец
Сим. — Симеоновская
Соф. — Софийская
Соф.-Льв. — Софийско-Львовская
Сп.-Прил. — Спасо-Прилуцкая
Тип. — Типографская
Тих. — Тихоновский список
Увар. — Уваровская
Уст. — Устюжская
Холм. — Холмогорская

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Юрий Георгиевич Алексеев

ПОХОДЫ РУССКИХ ВОЙСК ПРИ ИВАНЕ III

Редактор *Р. Г. Рабинович*
Обложка художника *Е. А. Соловьевой*
Корректоры *Г. А. Морген, И. А. Симкина*
Компьютерная верстка *А. М. Вейшторт*

Подписано в печать 22.11.2008. Формат 60×90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29 + 3 вкл. Заказ № 103

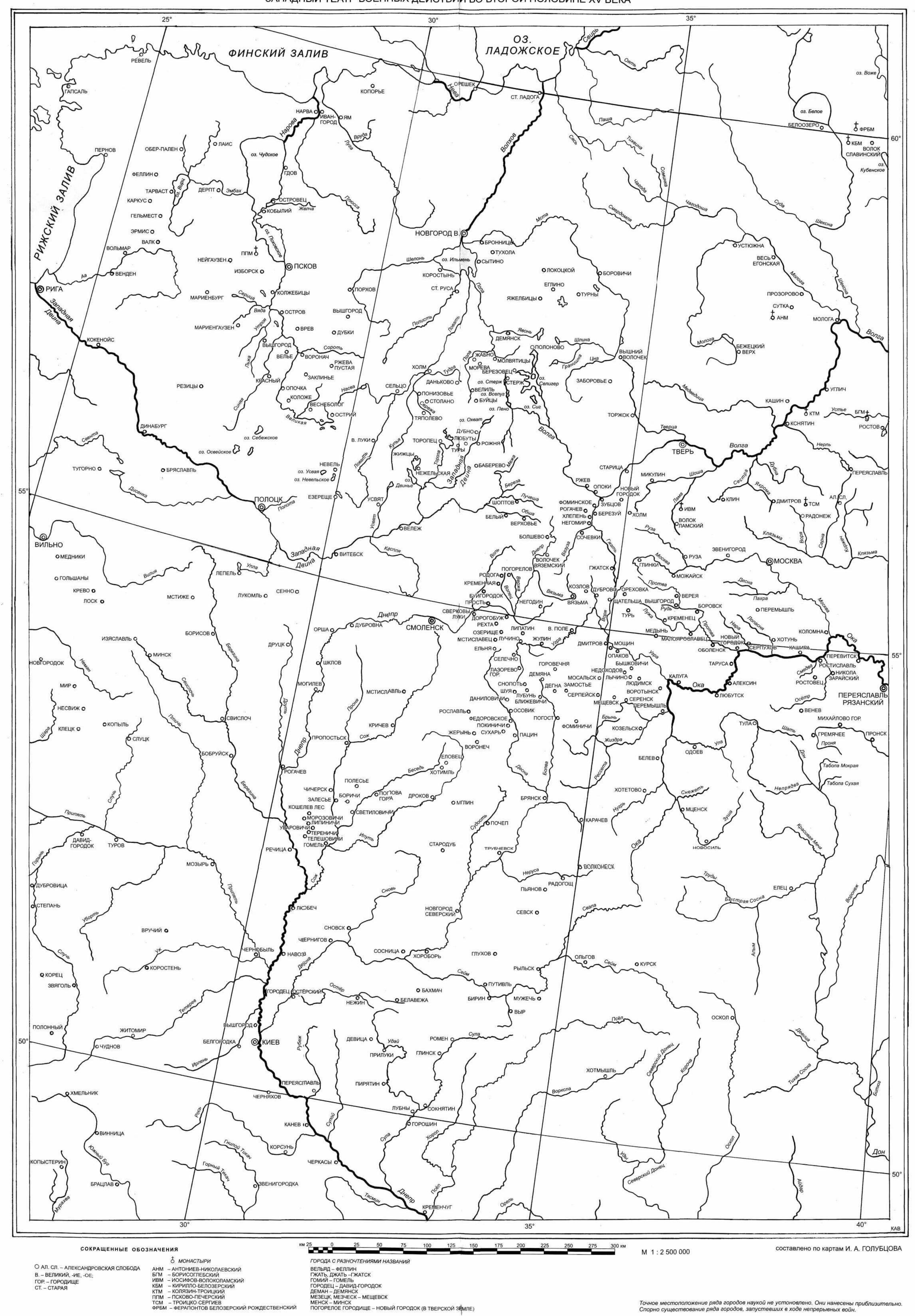
Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22
E-mail: editor@unipress.ru www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:
С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21
Телефоны: 328-77-63, 325-31-76
E-mail: izdat-spbgu@meil.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

ЗАПАДНЫЙ ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА



СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- АЛ. СЛ. – АЛЕКСАНДРОВСКАЯ СЛОБОДА
- В. – ВЕЛИКИЙ, -ИЕ, -ОЕ;
- ГОР. – ГОРОДИЩЕ
- СТ. – СТАРАЯ

МОНАСТЫРИ

- АНМ – АНТОНИЕВ-НИКОЛАЕВСКИЙ
- БГМ – БОРИСОГЛЕБСКИЙ
- ИВМ – ИОСИФОВ-ВОЛОКОЛАМСКИЙ
- КБМ – КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ
- КТМ – КОЛЯЗИН-ТРОИЦКИЙ
- ППМ – ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ
- ТСМ – ТРОИЦКО-СЕРГИЕВ
- ФРБМ – ФЕРАПОНТОВ БЕЛОЗЕРСКИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

км 25 0 25 50 75 100 125 150 175 200 225 250 275 300 км

ГОРОДА С РАЗНОЧТЕНИЯМИ НАЗВАНИЙ

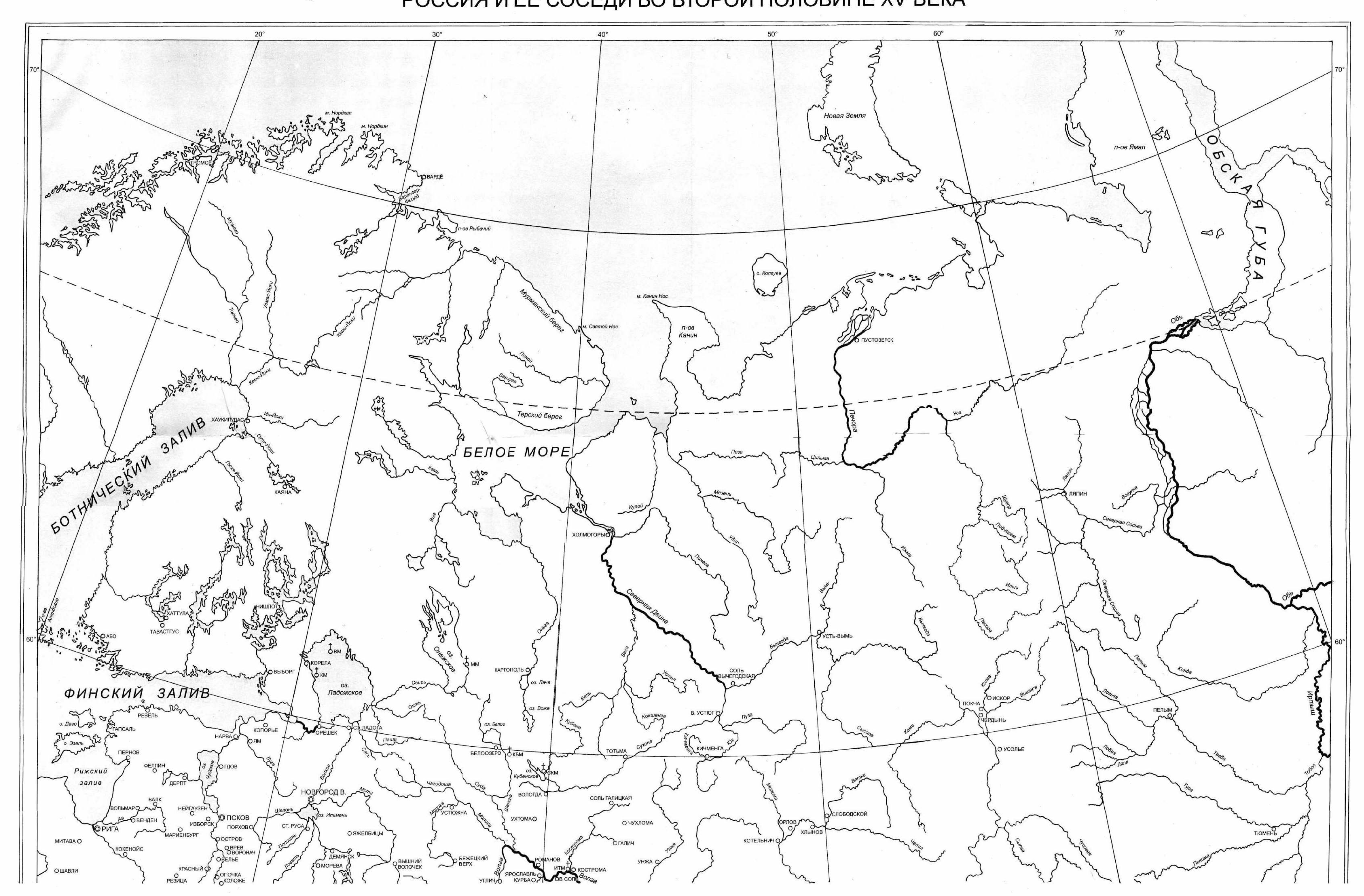
- ВЕЛЬЯД – ФЕЛЛИН
- ГЖАТЬ, ДЖАТЬ – ГЖАТСК
- ГОМИЙ – ГОМЕЛЬ
- ГОРОДЕЦ – ДАВИД-ГОРОДОК
- ДЕМАН – ДЕМЯНСК
- МЕЗЕЦК, МЕЗЧЕСК – МЕЩЕВСК
- МЕНСК – МИНСК
- ПОГОРЕЛОЕ ГОРОДИЩЕ – НОВЫЙ ГОРОДОК (В ТВЕРСКОЙ ЗЕМЛЕ)

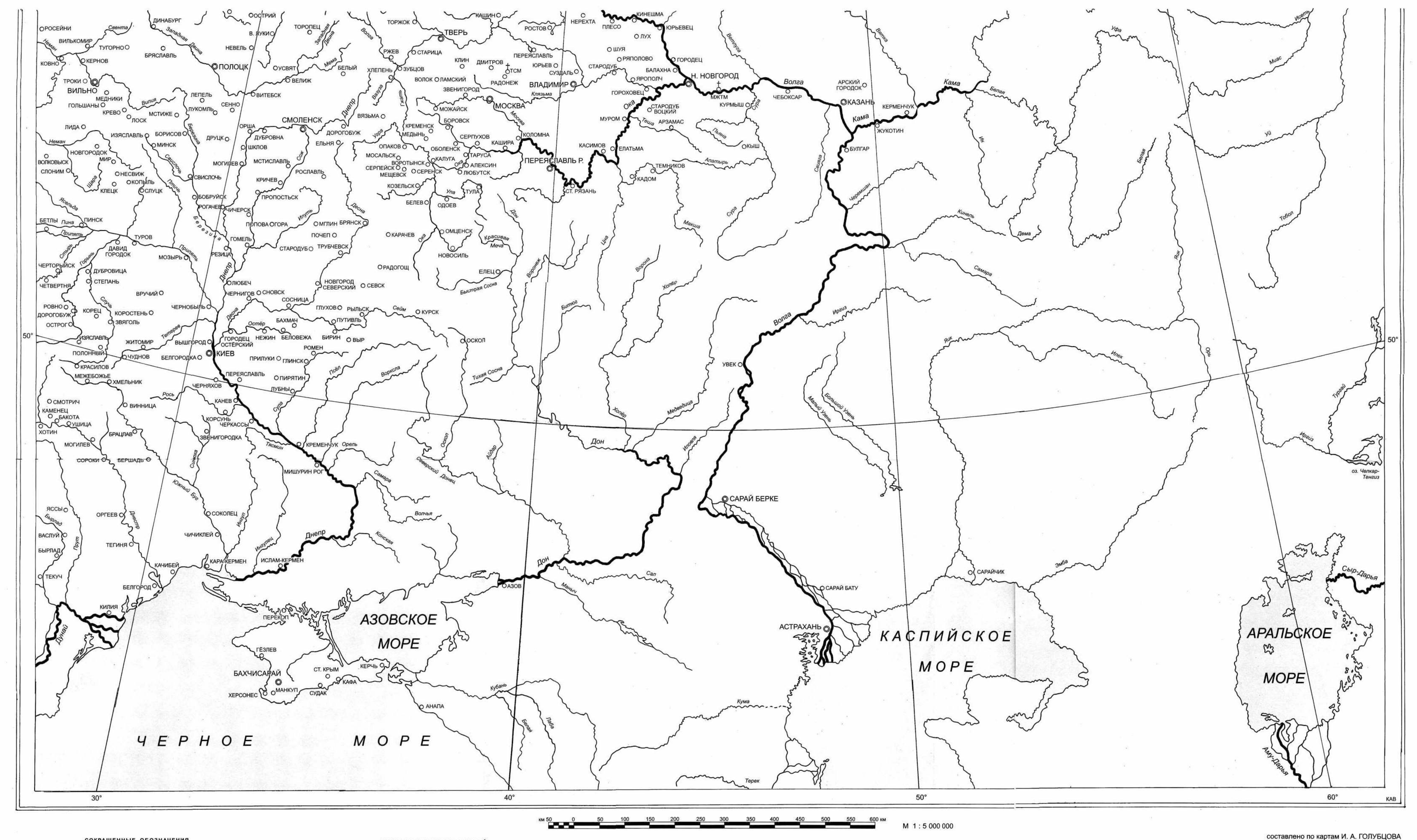
М 1 : 2 500 000

составлено по картам И. А. ГОЛУБЦОВА

Точное местоположение ряда городов наукой не установлено. Они нанесены приблизительно. Спорно существование ряда городов, запустевших в ходе непрерывных войн.

РОССИЯ И ЕЁ СОСЕДИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV ВЕКА





км 50 0 50 100 150 200 250 300 350 400 450 500 550 600 км

М 1 : 5 000 000

составлено по картам И. А. ГОЛУБЦОВА

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

○ В. – ВЕЛИКИЙ, -АЯ, -ИЕ, -ОЕ;
Н. – НИЖНИЙ
ПЕРЕЯСЛАВЛЬ Р. – ПЕРЕЯСЛАВЛЬ РЯЗАНСКИЙ
СТ. – СТАРАЯ, -ЫЙ

МОНАСТЫРИ

ИТМ – ИПАТЬЕВ-ТРОИЦКИЙ
КМ – КОНЕВСКИЙ
КБМ – КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКИЙ
ММ – МУРОМСКИЙ
МЖТМ – МАКАРЬЕВСКИЙ ЖЕЛТОВОДСКИЙ ТРОИЦКИЙ
СМ – СОЛОВЕЦКИЙ
СКМ – СПАСО-КАМЕННЫЙ
ТСМ – ТРОИЦКО-СЕРГИЕВ

ГОРОДА С РАЗНОЧТЕНИЯМИ НАЗВАНИЙ

АК-КЕРМЕН, АККЕРМАН – БЕЛГОРОД
БОРИСОГЛЕБСКАЯ СЛОБОДА – ШУЯ
ВЕЛЬЯД – ФЕЛЛИН
ВЯТКА – ХЛЫНОВ
ГАДЖИБЕЙ, КАЧУКЛЕНОВ – КАЧИБЕЙ
ГОМИЙ – ГОМЕЛЬ
ГОРОДЕЦ – ДАВИД-ГОРОДОК
ДЕМАН – ДЕМЯНСК
МЕЗЕЦК, МЕЗЧЕСК – МЕЩЕВСК
МЕНСК – МИНСК
МЕЩЕРСКИЙ ГОРОДОК – КАСИМОВ
ОЧАКОВ – КАРА-КЕРМЕН
СУГДЕЯ – СУДАК
ТАВАНСКИЙ ПЕРЕВОЗ – ИСЛАМ-КЕРМЕН
ТАНА –АЗОВ
УКЕК –УВЕК
ХАДЖИ-ТАРХАН – АСТРАХАНЬ

Точное местоположение ряда городов наукой не устоновлено. Они нанесены приблизительно.
Спорно существование ряда городов, запустевших в ходе непрерывных войн.